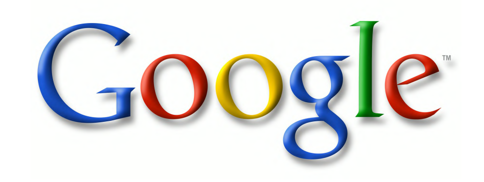
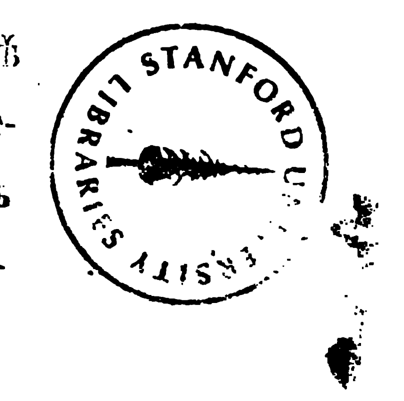

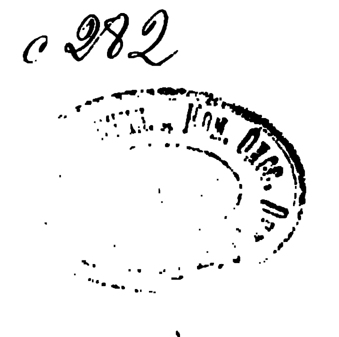
3

[illegible] книги о порчѣ ея, [illegible] [illegible] при возвраще-нiи книги, уплачиваетъ стоимость поврежденія по оцѣнкѣ библіоте-каря

[redacted]

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПРОПИЛЕИ

[redacted]

Д. Л. Мордовцевъ

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПРОПИЛЕИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., 8
1889

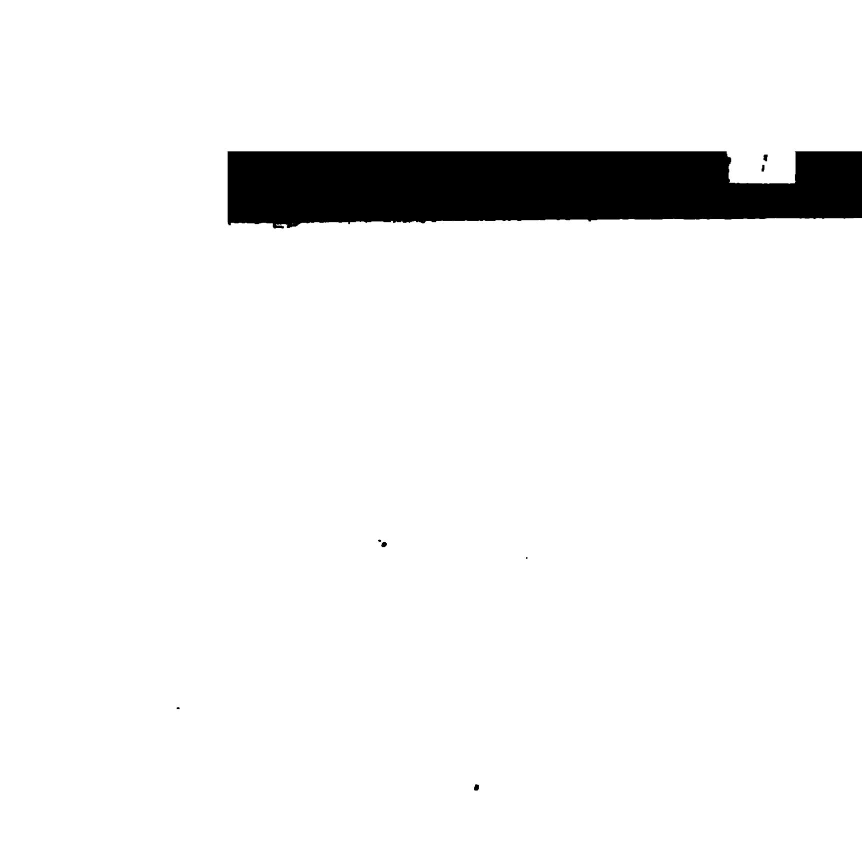
[redacted]

Настоящему изданію авторомъ присвоенъ титулъ „Историческихъ пропилей“ на томъ основаніи, что, выпуская въ свѣтъ подъ этимъ титуломъ печатавшіяся въ разное время и въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ статьи и замѣтки историческаго содержанія, авторъ смотритъ на нихъ только какъ на подготовительные для исторіи, до нѣкоторой степени обработанные матеріалы, какъ на простые кирпичи, можетъ быть пригодные для того, чтобы войти служебнымъ матеріаломъ въ будущее зданіе исторіи,—подобно тому, какъ классическія пропилеи, составляя преддверіе храмовъ, не считались обителями божества, а только вели въ эти святыни чрезъ амфилады колоннъ и портиковъ.

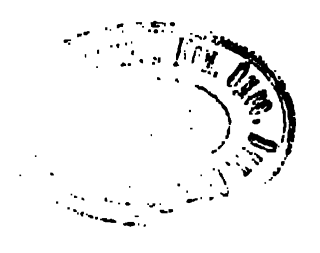
[redacted]

Оглавленіе I-го тома.

[redacted]

Русскіе чародѣи и чародѣйки конца прошлаго вѣка *).

Хотя исторія русскаго народа и не представляетъ такого обилія тѣхъ возмутительныхъ общественныхъ явленій, коими ознаменовался переходъ западной Европы отъ старыхъ языческихъ вѣрованій и общественныхъ порядковъ къ новымъ міровоззрѣніямъ и новымъ порядкамъ, однако аналогичность явленій, которыми всегда сопровождается борьба стараго и отжившаго съ новыми требованіями жизни, какъ въ западной Европѣ, такъ и въ Россіи, поразительна.

Костры, на которыхъ вмѣстѣ съ такими людьми, какъ Гуссъ, жгли вѣдьмъ и всякихъ «лихихъ бабъ» (Hexen), настолько-же

*) Матеріалами для составленія этой статьи служили: 1) дѣло по увѣдомленію вольскаго земскаго суда о крестьянской женкѣ Прасковьѣ Васильевой, судящейся за чародѣйство (по описи № 110, началось въ 1786 году); 2) дѣло по увѣдомленію камышинскаго нижняго земскаго суда о малороссіянкѣ Аграфенѣ Архиповой, судящейся за чародѣйство (по описи № 315, нач. 1793 г.); 3) дѣло о намѣреніи сердобскою посадскою женкою Василисою Волынкиною къ окормленію мужа своего и о даваніи сердобскою посадскою женкою-жь Аграфеною Семеновою ей, Волынкиной, чемеричныхъ корней (по описи № 322, нач. въ 1793 г.); 4) дѣло по увѣдомленію аткарскаго городового магистрата о посадскомъ Иванѣ Поляковѣ, судимомъ за чародѣйство (по описи № 443, нач. 1795 г.); 5) дѣло по доношенію саратовскаго городового магистрата о саратовскомъ купцѣ Данилѣ Смирновѣ и посадскомъ Петрѣ Ивановѣ Ясыркинѣ, судимыхъ за чародѣйство (по описи № 457, нач. 1795 г.). Всѣ эти дѣла извлечены нами изъ стараго архива саратовскаго совѣстнаго суда.

[redacted]

освѣщали старой Европѣ путь къ новой жизни, насколько висѣлицы, на коихъ вѣшали дѣятелей русской понизовой вольницы, и плети, коими сѣкли «лихихъ бабъ» чародѣекъ за колдовство и вѣдовство, стоятъ какъ-бы печальными вѣхами при дорогѣ, по которой русскій народъ не въ мѣру медленно шелъ къ новой жизни, къ искомому, но все еще не найденному благосостоянію.

Вліяніе «лихихъ бабъ» чародѣекъ прошло черезъ всю исторію русскаго народа, и онъ до настоящаго времени не можетъ отъ нихъ отрѣшиться, хотя, подобно тому какъ это было и на Западѣ, по временамъ и обращалъ на нихъ всю свою ярость. Объ этихъ случаяхъ народной расправы съ чародѣйками неоднократно упоминаютъ русскіе лѣтописцы. Такъ, избіеніе «лихихъ бабъ» было въ 1024 году, по случаю голода въ Суздальской области. Явились кудесники и начали «избивать старую чадь бабы», объясняя народу, будто бабы держатъ у себя «гобино и жито» и сводятъ на землю голодъ. Тогда народъ пошелъ на поголовное избіеніе бабъ, такъ что эту бойню едва могъ остановить Ярославъ. Болѣе значительное избіеніе бабъ-чародѣекъ записано подъ 1071 годомъ. Въ Ростовской области былъ голодъ. Явились волхвы и говорятъ: «Мы знаемъ кто урожай держитъ». И пошли по Волгѣ, указывая на «лучшихъ» женщинъ, говоря: «Вотъ эта держитъ жито, а эта медъ, а эта рыбу, а эта кожи». Народъ самъ приводилъ къ волхвамъ женъ, сестеръ, матерей. Волхвы ловко прорѣзывали у несчастныхъ женщинъ за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, либо бѣлку. И опять началось избіеніе бабъ. Даже образованные люди стараго времени вѣрили, что «паче женами бѣсовская волшвленія бываютъ», и что «въ родехъ многехъ все жены волхвуютъ чародѣйствомъ, и отравою, и иными бѣсовскими козиями», мужчины-же рѣдко прельщаются дьяволомъ. Въ 1548 году царь Иванъ Васильевичъ утопилъ ночью въ Москвѣ рѣкѣ «лихихъ бабъ».

Вотъ нѣсколько русскихъ процессовъ о лихихъ бабахъ конца прошлаго вѣка.

I.

Въ 1786 году, на крестьянскомъ сходѣ экономической деревни Глотовой, Вольской округи, Саратовскаго намѣстничества, одна крестьянка, женка Прасковья Васильева Козырева, всему мірскому сходу объявила, «что она чародѣйка и чрезъ чародѣйство разные люди ею заражены припадочною болѣзнью, которые и теперь оною одержимы».

По мірскому приговору всей деревни, чародѣйка прислана была подъ карауломъ въ городъ Вольскъ. Это была женщина лѣтъ сорока пяти.

Власти города Вольска приняли Козыреву дѣйствительно за чародѣйку и обратили на это дѣло особенное вниманіе. Такъ какъ «на ту женку преступленіе показано немаловажное, а въ приводномъ доношеніи (при которомъ Козырева прислана въ Вольскъ) не означено, какіе люди по чародѣйству находятся въ болѣзни и какое та болѣзнь имѣетъ дѣйствіе, тако-жь по какой причинѣ женка Васильева учинила признаніе», то рѣшено было «взять ясное на письмѣ показаніе» съ старосты деревни Глотовой, привезшаго чародѣйку въ городъ.

Староста далъ такое письменное объясненіе: «На святую пасху нынѣшняго года вдова оной деревни Елена Степанова, пришедъ невѣдомо почему въ безпамятство, кричала, что вышеупомянутая женка Васильева сдѣлала ей по сердцамъ на принесенномъ доемномъ маслѣ вредъ». Староста тотчасъ-же призвалъ обвиняемую на сходъ и при всемъ обществѣ спрашивалъ ее, дѣйствительно-ли она испортила Елену Степанову. Но Козырева «никакого признанія не сдѣлала».

Послѣ этого прошло нѣсколько дней. 10-го мая оказалась въ деревнѣ еще одна испорченная. Это была крестьянка Акулина Дементьева, которая «такимъ-же образомъ яко безумная крича, выкликала на ту-жь Козыреву». «Почему (показывалъ староста) все-де общество, пришедъ въ сумнительство, послали съ извѣстіемъ о томъ въ село Барановку къ волостному головѣ Ивану Дмитріеву, сыну Гущину, а послѣ посылки еще третей человѣкъ, показанной

Акулины деверь. Евдокимъ Васильевъ началъ чинить неблагопристойные поступки и въ безумствѣ выговаривалъ всенародно, что та-жъ Козырева неизвѣстно почему причинила сердцу его нестерпимый вредъ и при томъ посадила ему во внутренность нечистаго духа».

Событія эти казались до того важными, что мѣстное начальство дѣйствительно явилось въ Глотовку. Это былъ голова Гущинъ. Онъ тотчасъ-же приказалъ собрать сходъ. Приведена была и Козырева. Сходъ приговорилъ: «Просить господина экономіи директора Агарена, чтобъ таковую злодѣйку повелѣлъ изъ жительства куда вывесть».

Но тутъ случилось неожиданное обстоятельство. «Въ то-жъ самое время вышеоглавленная женка Акулина Дементьева, прибѣжавши на сходъ и въ безпамятствѣ яко-бъ отъ посаженнаго въ нее тою Козыревою нечистаго духа дерзко говорила, чтобъ ту Козыреву ударить плетью три раза, и тогда-де она во всемъ признается». Сходъ сначала усомнился было, приводить-ли въ исполненіе проектъ Акулины Дементьевой; однако порѣшили попробовать. «Почему, хотя-де та женка и видима была яко безумная, но для любопытства и удостовѣренія общество смѣлость возъимѣли къ тому приступить, и ударили ее три раза плетью».

Послѣ такого испытанія чародѣйка повинилась, «что подлинно въ вышеупомянутыхъ людей ею посажены дьяволы, и въ то-жъ время, какъ она призналась, того-жъ жительства крестьяне Алексѣй Симеоновъ съ женою Афимьею Трофимовою и съ сыномъ Стефаномъ, снохою Настасьею Григорьевою, Иванъ Савельевъ съ женою Матреною Ив[illegible]ою, Степанъ Васильевъ съ племянницею Марьею Федоровою, Филипъ Васильевъ съ женою Анною Леонтьевою и малолѣтнимъ сыномъ Тимофеемъ, Афанасья Иванова жена Анна Григорьева, Михайлы Степанова двѣ снохи Акулина Павлова и Наталья Григорьева, вдовы Дарьи Федоровой сноха Авдотья Иванова, Михайлы Никифорова жена Палагея Андреева, сноха Марья Михайлова, Артемья Михайлова жена Агафья Иванова, Федоръ Алексѣевъ съ женою Варварою Петровою, Степана Петрова дочь Ульяна, Степана Матвѣева жена Василиса Иванова да священника Николая Петрова жена Федосья Федорова, такимъ-

же образомъ какъ и прежде упомянутые въ безпамятствѣ кричали будто-бъ отъ посаженныхъ въ нихъ женкою Козыревою нечистыхъ духовъ, бѣгали и дѣлали всякія приличныя однимъ только безумнымъ непристойности, и всѣхъ оныхъ женка Козырева просила собрать къ себѣ для излеченія, кои съ великимъ трудомъ, понеже каждаго не можно было удержать и пяти человѣкамъ, и собраны, и изъ нихъ женка Акулина Дементьева, подойдя къ Козыревой и называя ее матерью, просила о излеченіи всѣхъ бѣснующихся, а та Козырева, подходя къ каждому бѣснующемуся, била слегка правою рукою на отмашь въ темя, отчего они и сдѣлались кроткими и смирными. Посемъ велѣла всѣмъ имъ кланяться ей въ ноги, и кланялись въ правую ногу по два раза, а въ лѣвую по одному, и притомъ говорили: «Прости насъ, наша мати». А она, положа ихъ внизъ лицомъ и сама также лежавши нѣсколько времени, шептала невѣдомо что, а вставши велѣла въ послѣдній разъ себя повеселить. И по приказанію ея, изъ числа безумныхъ, вышедши двѣ женки, Акулина Дементьева и Анна Григорьева, плясали, прыгали и свистали, а послѣ женка Козырева крестьянамъ говорила, чтобъ какъ на дорогахъ, такъ и на улицахъ не довольно людей, но даже и скота не было, дабы отъ выходящихъ изъ людей дьяволовъ не могло произойти какого вреда».

Но чародѣйка не остановилась на этомъ. «Вышедши за присмотромъ нѣкоторыхъ обывателей въ поле, Козырева стала махать руками и кричала: «Выходите изъ рабовъ всѣ нечистые духи и идите въ тартарары подъ кумову кровать». Отъ коихъ ее словъ, опричъ Акулины Дементьевой, Афимьи Трофимовой и попадьи Федосьи Федоровой, всѣ прочіе и пришли въ чувствіе, а въ тотъже самый часъ, по невѣдѣнію происходящаго, ѣхалъ на встрѣчу женкѣ Козыревой съ поля верхомъ на лошадѣ онаго жительства крестьянскій сынъ Дмитрій Ивановъ, и подъ нимъ лошадь невѣдомо отчего упала, а онъ, пришедъ въ чрезвычайный страхъ, оставя ту лошадь, едва могъ прибѣжать въ жительство, что-де и примѣчательно, что произошло по рѣчамъ женки Козыревой отъ вышедшихъ изъ людей нечистыхъ духовъ. Потомъ женка Козырева всѣхъ исцѣлившихся послала въ домы, веля помолиться Богу и положить по сту поклоновъ, чтобъ нечистые духи не могли паки

въ нихъ вселиться. А женка Дементьева говорила, что изъ нея нечистый духъ еще не вышелъ, и въ домъ итти опасалась. Женка-жъ Козырева прошлась опять въ поле до перваго перекрестка. Но какъ они усумнились, чтобъ она не могла бѣжать, то и сковали ее въ желѣзы, а въ желѣзахъ она уже не пошла, и какъ наступилъ уже тогда вечеръ, то и посадили ее скованную за карауломъ ночевать. Поутру-жь она, Козырева, призналась, что у крестьянина Михайлы Степанова и у вдовы Аграфены Васильевой испортила двухъ дворныхъ собакъ, да у вдовы-жъ Елены Степановой свинью, и велѣла оныхъ убить, а есть-ли де кого они укусятъ, тотъ неотмѣнно умретъ, и какъ свинья гналась за оною Степановою, чтобъ ее укусить, то обыватели, опасаясь, чтобъ и въ самомъ дѣлѣ отъ того не было какого вреда, какъ оную, такъ и собакъ убили. И та женка Козырева просила, чтобъ послать за окружными священниками для чтенія надъ бѣснующимися и исцѣлившимися евангелія, чтобъ паки не могли войти въ нихъ нечистые духи. Почему чрезъ нарочно посланныхъ и вызваны были священники изъ селъ Комаровки Петръ и Андрей Ивановы, изъ Березниковъ Егоръ Ивановъ, и какъ пришли къ часовнѣ, куда и женка Козырева, будучи приведена, просила, чтобъ который нибудь изъ тѣхъ священниковъ принялъ ее на исповѣдь; однакó никто на то не согласился. А женка Козырева при всѣхъ священникахъ всенародно каялась и говорила, что она блудница, еретица, отреклась отъ сына Божія, отъ Пресвятыя Богородицы, отъ сырой земли, отъ солнца, отъ луны, отъ неба, отъ лѣса, отъ травы, отъ воды и отъ своихъ родителей, и, скидая съ себя крестъ, клала подъ пяту. Посемъ священники, освятя воду, кропили всѣхъ бѣсновавшихся. Но какъ остальныя вышеупомянутыя тутъ не исцѣлились, а женка Козырева неотступно просила объ отпускѣ ее въ поле для исцѣленія остальныхъ, то и была отпущена, а по ней скоро невѣдомо какимъ образомъ непримѣтно исцѣлились женка Акулина Дементьева и Афимья Трофимова. Но какъ женка Козырева долго не возвращалась, то за нею и послана была погоня и найдена она въ селѣ Комаровкѣ, а по привозѣ въ Глотовку приведена была въ домъ священника Николая Петрова, коего жена еще не исцѣлилась и, ставши къ дверямъ лицомъ, невѣдомо что

шептала, а потомъ вслухъ говорила: «выдь, нечистый духъ, изъ рабы Федосьи».—и махала рукою изъ избы, и вышедши въ сѣни, тожъ дѣлала, опять вошедши въ избу, велѣла попадьѣ, сойдя съ постели, на коей она лежала, сѣсть къ печному окну, и какъ ее туда посадили, то сдѣлалась ей потягота и зѣванье, а послѣ спала безпросыпно цѣлые сутки, и повидимому уже тою болѣзнью не страждетъ».—Затѣмъ чародѣйка и была представлена въ Вольскъ.

Вотъ что написалъ староста деревни Глотовки. Власти города Вольска должны были тоже начать съ допроса чародѣйки. Призванъ былъ священникъ для увѣщеванья Козыревой.

«По довольномъ священника увѣщеваніи, чародѣйка показала (приводимъ цѣликомъ это оригинальное показаніе, характеризующее и эпоху, которая еще такъ недалеко отъ насъ отошла, и людей, которыхъ дѣти и внуки еще живы): «Прасковьею меня зовутъ, Васильева дочь, по мужѣ Козырева, отъ роду мнѣ сорокъ пять лѣтъ, грамотѣ читать и писать не умѣю, на исповѣди и у причастія святыхъ таинъ была назадъ тому года съ четыре, во время болѣзни моей, села Комаровки у священника, а какъ ево зовутъ и по отечеству не знаю, волской округи, новопоселенной деревни Глотовки изъ вышедшихъ изъ села Березниковъ економическихъ крестьянъ Трофима Родіонова сына Козырева жена, за коимъ въ замужствѣ лѣтъ съ двадцать семь, и прижила съ нимъ въ оной уже деревнѣ Глотовкѣ шестерыхъ дѣтей, пять сыновей и одну дѣвку, кои нынѣ всѣ вживѣ».

«Послѣ отца своего, села Березниковъ економическаго крестьянина Василья Михайлова, и матери своей, Ксеньи Семеновой, кои померли почти въ одно время, осталась я, какъ послѣ извѣстилась, пяти лѣтъ, и принята по смерти ихъ бабкою моею, отцовою матерью, вдовою Степанидою Васильевою, а братъ мой, оставшійся послѣ родителей, Степанъ, жилъ по разнымъ людямъ. И у той бабки своей жила я болѣе десяти лѣтъ, и по взростѣ работала какъ на нее, такъ и на разныхъ людей разную работу, какъ-то: толкла, молола хлѣбъ, платье мыла и воду носила, а до смерти ее не знала, что она колдунья, и до смерти-жь ее съ годъ зачала она, бабка моя, хворать, а съ полгода хворавши, призвала, будучи наединѣ, меня и говорила мнѣ, что она владѣла дьяволами, коихъ-

де нѣтъ десятка и съ три, и ихъ-де посылала она на работу— вить песокъ и разсѣвать оной, и въ разныхъ людей для мученія, а отъ кого ихъ получила и какимъ образомъ—не сказывала. А какъ-де я умираю и владѣть ими некому, то-де возьми ихъ себѣ и владѣй ими». На что я, по глупости, бывши тогда пятнадцати лѣтъ, согласясь, сказала ей, что я ихъ возьму. А она мнѣ тогда говорила и учила меня отрекаться сперва отъ земли, отъ лѣсу, отъ отца и матери и отъ Бога. И вышедши изъ избы въ сѣни со мною, та бабка моя велѣла мнѣ стать отъ сѣнныхъ дверей налѣво, почему я и стала. А бабка, взявши съ полу старую, невѣдомо какую, будто круглую щепку, кинула мнѣ подъ ноги, на кою я и стала. А въ то время былъ на мнѣ и крестъ Христовъ. И ставши, говорила: «Отрекается раба Прасковья отъ сырой земли, отрекается раба Прасковья отъ лѣсу, отрекается раба Прасковья отъ отца и матери, отрекается раба Прасковья отъ Бога». По сихъ словахъ, вынувши бабка изъ-подъ ногъ ту щепку, бросила въ растворенныя сѣнныя двери на дворъ, въ небольшую, бывшую невѣдомо отчего яму, и послѣ сего той щепки я не искала и никогда не видала.

«И въ то-жь время увидѣла я стоявшихъ на полу двадцать-пять дьяволовъ, изъ коихъ были двое, имѣющіе головы, тѣло и лицы на подобіе человѣческихъ, только отъ самой головы до поясовъ одѣты черными и весьма скверными волосами, головы безъ роговъ, а вмѣсто рукъ были небольшія крылья, на подобіе бѣлыхъ будто, но скверны-жъ, такія какъ у летучей мышки, а съ поясовъ зады голые, такъ какъ совсѣмъ коровьи, только собачьи лапы, а сзади съ собачьими-жъ хвостами; а изъ другихъ двадцати трехъ, двадцать одинъ были мущины, со всѣмъ человѣческимъ образомъ, лицо у коего бѣлое, у инаго смуглое, безъ бородъ, только дьяволовъ у десяти на головахъ волосы были не стриженые, а у послѣднихъ острижены по-крестьянски, трое были въ черныхъ крестьянскихъ худыхъ, изорванныхъ и заплаченныхъ кафтанахъ и въ изорванныхъ-же черныхъ порткахъ, не обутые, безъ рукавицъ; а протчіе были въ одниихъ, видно бѣлыхъ, загрязненныхъ рубахахъ и порткахъ, безъ рукавицъ-же и безъ обуви, и ни на одномъ изъ нихъ ни шляпы, ни шапки не было, и [illegible] нихъ

не было, послѣднія были—первая баба совсѣмъ въ человѣческомъ образѣ, на головѣ волосы раскосмачены и ни чѣмъ не покрыты, лицомъ смугла, рубаха на ней бѣла и замарана, холстова, сшита по мордовскому маneру, застегнутъ воротъ лыкомъ или мочаломъ—не упомню, не подпоясана, руки и ноги голыя; вторая дѣвка, волосы также раскосмачены, лицо и рубаха такія-жь и ногами и руками такая-жь.

«Какъ-же скоро я ихъ увидѣла, то первые два дьявола ничего мнѣ не говоря, пропали, и послѣ я ихъ не видѣла никогда. На всѣхъ-же оныхъ крестовъ не примѣтила есть-ли или нѣтъ. И притомъ бабка моя сказала мнѣ: «Вотъ тебѣ черти. Владѣй ими, а когда придутъ, посылай ихъ на работу куда вздумается». А о женщинахъ сказала, что старая дѣвкѣ мать, а послѣдняя ея дочь, а болѣе ничего не говорила.

«А показанные дьяволы, ничего не дѣлая, сказали мнѣ: «Мы твои дьяволы. Посылай насъ, раба, на работу». Почему я, по наученію бабки, сказала имъ, чтобъ они шли туда откуда взяты—считать песокъ и вить изъ онаго веревки, и чтобъ по окончаніи оной работы явились ко мнѣ. По семъ они всѣ въ двери и вышли. А по ихъ выходѣ я испужалась, и приключилась мнѣ болѣзнь, какая бываетъ отъ ушибу, и держала меня три дня. А послѣ того и до нынѣ тѣмъ не хворала. А бабка моя съ тѣхъ поръ захворавши пуще, спустя недѣль пять, умерла. Ходила-жь бабка моя въ животѣ всегда въ крестѣ и молилась Богу, а при смерти по своему желанію исповѣдана и святыхъ таинъ пріобщена и похоронена при церкви въ томъ селѣ Березникахъ, онаго села священникомъ Петромъ, который и нынѣ вживѣ.

«Послѣ-жь посылки дьяволовъ на работу, они близко двухъ лѣтъ ни одинъ ко мнѣ не прихаживали и я не видѣла. По смерти-жь бабки своей жила я въ селѣ Березникахъ безъ мала съ полтора года обще съ показаннымъ братомъ моимъ, иногда прибѣгая въ свой домъ. Ходила-жь работать по разнымъ людямъ. Потомъ жившими въ томъ селѣ около меня сосѣдами отдана въ замужество за показаннаго мужа моего, и вѣнчаны въ томъ селѣ Березникахъ въ церкви показаннымъ священникомъ Петромъ, и перешли въ ту деревню Глотовку. Поживши-жь съ полгода, въ

[redacted]

бытность мою въ домѣ, когда была одна, пришли опять показанные двадцать три дьявола, въ такомъ-же образѣ, и говорили, что куда я ихъ посылала, они песокъ пересчитали, а веревки свить не могли, потому что всегда развивается, а сколько по счету оказалось песку, того не сказывали, и просили опять работы. Почему я ихъ и послала на гору, стоящую неподалеку отъ той деревни, называемую Непутную, считать и разсѣвать песокъ и вить веревки, которой приказъ получа, они и ушли. Послѣ, чрезъ полгода пришедши, просили работы, и я послала ихъ опять въ тужь гору, и спустя съ мѣсяцъ опять всѣ пришли и просили работы, и я послала ихъ туда-жь. Послѣ, года съ полтора спустя, опять пришли, и я ихъ опять туда-жь послала на два года, послѣ коихъ какъ пришли просить работу, пока послала ихъ на годъ въ ту-жь гору. Послѣ году опять туда-жь послала ихъ на годъ и одинъ мѣсяцъ, потомъ на два мѣсяца, послѣ на четыре мѣсяца, послѣ-жь на три мѣсяца, а потомъ болѣе какъ на годъ, и послѣ опять на только-жь. И посылала ихъ такимъ образомъ почти донынѣ. И назадъ тому лѣтъ съ тринадцать, какъ тѣ дьяволы пришли просить работы, что было осенью, послала я ихъ опять на работу на три мѣсяца въ ту-жь гору, а изъ нихъ дѣвку преждепомянутую, о коей бабка сказывала мнѣ, что зовутъ ее Естифевной, оставя, велѣла ей взойти въ крестьянку той деревни Акулину Дементьеву, которая въ нее и взошла, и послѣ того никогда ее уже и не видывали, а та Акулина была донынѣ здорова. На нее-жь злобы я никакой не имѣла.

«И тѣмъ-же вечеромъ пришедши ко мнѣ одинъ дьяволъ, сказалъ: какъ другіе пошли на работу, то онъ отъ нихъ отшатился и пошелъ безъ моего вѣдома вмѣстѣ съ Естифевной на свадьбу и Естифевна въ Акулину взошла, какъ она была безъ молитвы, а ему взойти ни въ кого не удалось. Почему я и послала ево къ товарищамъ работать, и какъ три мѣсяца прошли, то тѣ двадцать два дьявола опять ко мнѣ пришедши наединѣ, просили опять работы, и я ихъ послала туда-жь работать на четыре мѣсяца. Послѣ также всѣхъ ихъ двадцати двухъ посылала-жь на работу, и работали они по срокамъ въ той-же горѣ, не задолго до пасхи прошедшаго года. А въ великій постъ на шестой и

шедши ко мнѣ съ работы всѣ двадцать два дьявола, просили работы, и я послала ихъ въ ту-жь гору работать на четыре мѣсяца, и они ушли.

«А по уходѣ ихъ, понесла я къ крестьянкѣ той-же деревни Еленѣ Киселевой постное масло въ склянкѣ отдать ей за таковое-жь, занимаемое у нея, кое отнесши и возвращаясь домой, на половинѣ дороги попался мнѣ одинъ дьяволъ изъ означенныхъ, коего я спросила, зачѣмъ онъ воротился, а онъ мнѣ сказалъ, что на работу итти полѣнился, и просилъ работы, почему я ему и велѣла итти въ какова нибудь человѣка, ково найдетъ безъ молитвы; онъ мнѣ сказалъ, что-де показанная Елена масло то поставила безъ молитвы, а я ему и велѣла въ нее взойти, и онъ отъ меня и ушелъ, и послѣ того никогда уже ево не видала. А остальные двадцать одинъ дьяволъ работали по срокамъ въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ и прежде, нынѣшняго года до шестой недѣли. А на оной, въ бытность мою дома въ избѣ одной, какъ мужъ и дѣти были на работѣ, пришли они всѣ на дворъ къ избному окну, и, кликнувши меня, говорили мнѣ, что не дамъ-ли я имъ работу другую, а та-де тяжела. И какъ они мнѣ уже надокучили и я не знала какъ отъ нихъ отвязаться, то и велѣла имъ итти въ людей ково безъ молитвы найдутъ, а велѣла всѣмъ сидѣть смирно. Почему они всѣ отъ меня и ушли, и до сихъ поръ, кромѣ одново, никово я и не видала. А на третій день пришедши ко мнѣ наединѣ на дворъ, одинъ дьяволъ говорилъ, что окромѣ ево всѣ двадцать взошли по одному въ разныхъ людей въ той деревнѣ Глотовкѣ, кто прямо взлетѣлъ мухой, а другіе въ разныхъ взошли въ пойлѣ, кое пили безъ молитвы, а иные къ людямъ пристали только, гдѣ сказалъ мнѣ поимянно тѣхъ людей, въ коихъ дьяволы взошли: Евдокима Васильева, Ефимью—чья дочь, не знаетъ, Ульяну—чья дочь, не помнитъ, Степана Алексѣева, попадью Федосью—чья дочь, не знаетъ-же, а протчихъ поимянно не сказалъ. А онъ-де ни въ кого не могъ взойти, потому что были всѣ съ молитвой, и просилъ меня, чтобъ и ево въ ково послала. А какъ въ то время мимо двора шла крестьянка той деревни Анна Долбина безъ молитвы, то я ему и велѣла въ нее взойти, а онъ, отошедши отъ меня, сталъ той Долбиной подъ плечо, и послѣ того ни одново ужь ихъ не видѣла.

«А на святую пасху нынѣшняго года изъ вышесказанныхъ вдова Елена Степанова стала кликать и выкликала на меня. Почему и призвалъ меня староста той деревни Глотовки Борисъ Васильевъ въ домъ къ той женкѣ, гдѣ священникъ Николай Петровъ надъ нею читалъ какую-то книгу и она, Степанова, вырвавши у него оную книгу, ударила оною меня, потомъ таскавши меня за волосы, кричала, чтобъ меня выгнали вонъ. И какъ староста и священникъ стали меня про испорченье той Степановой разспрашивать, то я чинила въ томъ запирательство, и попу говорила, что если я въ томъ виновата, то-бъ поставилъ меня на трое сутки въ часовню, послѣ чего меня и отпустили. Спустя немного призвавши меня на сходъ, всѣ крестьяне стали допрашивать про испорченье Акулины Дементьевой и протчихъ, и какъ я на себя ничего не показывала, то, привязавши меня къ жерзди, били немилосердно пинками, палками и кнутьями. Потомъ, сдѣлавши колодку на шею и на руки, повѣсили меня на воротной столбъ, но оной упалъ, послѣ чего посадили меня въ желѣзы, въ коихъ и сидѣла дни съ три. Послѣ сего что со мною дѣлали и какимъ образомъ въ сей судъ представлена—не помню, ибо была въ безпамятствѣ. Болѣе сего показать ничего не знаю. На воровствахъ и разбояхъ не бывала, пожеговъ и смертныхъ убивствъ не чинила, воровскихъ людей не принимала и не держала и съ ними не зналась, людей ничѣмъ не окармливала и съ подобными себѣ не зналась, и въ семъ допросѣ показала самую сущую правду».

Выслушавъ это признаніе чародѣйки, власти города Вольска разсуждали такъ: «А хотя признаніе преступницы и сходствуетъ нѣкоторыми мѣстами съ показаніемъ старосты деревни Глотовки; но ни мало вѣроятія недостойно то, чтобъ дьяволу быть непосредственно во власти человѣка, и онъ могъ-бы имъ повелѣвать, да хотя-бъ и можно было быть ему въ послушаніи у человѣка, но привесть его въ таковое будто-бъ такимъ пустымъ обрядомъ можно было; но какъ сей судъ (т. е. судъ города Вольска) старался испытать, что болѣзнь вышеозначеннымъ людямъ причинена тою Козыревою не ядомъ-ли какимъ или другими какими вещами, но она съ постоянствомъ утверждала, что ничѣмъ ихъ не окармливала, а страдали точно отъ дьяволовъ, посланныхъ въ нихъ отъ

нее—что-бъ, кажется, напрасно на себя нанесть никто не захотѣлъ, то сей судъ за симъ болѣе отъ нее вывѣдывать ничего не можетъ, ибо она уже довольно увѣщевана, и чѣмъ рѣшиться, мнѣнія на то положить не можетъ».

Вслѣдствіе такого разсужденія, видя свою некомпетентность въ этомъ непонятномъ для судей дѣлѣ, судьи ищутъ помощи въ законѣ и въ учрежденіи объ управленіи губерній, и находятъ (гл. 36, стр. 399), что «дѣла колдуновъ подлежитъ отсылать въ совѣстный судъ». Но и тутъ судьи не рѣшаются сдѣлать то, что повидимому велитъ имъ законъ. «А хотя (разсуждаютъ судьи) по должности нижняго земскаго суда и слѣдовало преступницу отослать по изслѣдованіи уже о всемъ ее преступленіи, но угодно-ли сіе будетъ совѣстному суду, или и преступница не сдѣлаетъ-ли основательнаго признанія, чтобъ могло быть почтено справедливостію, неизвѣстно; а можно будетъ оное учинить по повелѣнію уже совѣстнаго суда, и чрезъ то сей судъ избѣгнетъ напраснаго затрудненія»

Наконецъ судьи рѣшаются, и чародѣйка подъ стражею отправляется въ Саратовъ.

Въ Саратовѣ, какъ видно, судьи были нѣсколько умнѣе чѣмъ въ Вольскѣ, да и сама чародѣйка повидимому одумалась и поняла, что какъ въ своей Глотовкѣ, такъ и въ Вольскѣ наговорила много лишняго, чего въ Саратовѣ говорить не слѣдовало. На допросѣ въ совѣстномъ судѣ она показала только, что крестьянка ихъ Елена Степанова нынѣшнею пасхою, «невѣдомо отчего будучи въ безпамятствѣ, начала выкликать, что будто она, Козырева, ее попортила; что вслѣдствіе этого старостою своимъ и была вызвана въ домъ этой кликуши, гдѣ надъ нею священникъ Николай Петровъ читалъ какую-то книгу, а кликуша, вырвавши у него ту книгу, ударила оною ее, Козыреву, въ лобъ такъ сильно, что она съ ногъ упала; потомъ, таскавши ее за волосы, кричала, чтобъ ее вонъ выгнали; что за тѣмъ попъ и староста спрашивали ее, за что она испортила Степанову; что она, какъ за собою не вѣдавшая, ни въ чемъ имъ не призналась; что въ оправданіе свое говорила: если она имъ кажется подозрительною, то-бъ поставили ее вмѣсто наказанія на трои сутки въ часовню; что черезъ нѣ-

сколько времени затѣмъ призвали ее на сходъ и истязали самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, такъ что она уже ничего не помнитъ — ни того, что она говорила на сходѣ, ни того, какъ возили ее въ Вольскъ, ни того, что̀ она тамъ говорила на судѣ».

Совѣстный судъ обратилъ вниманіе въ первой мѣрѣ конечно не на «колдовство и чародѣйство», а на истязаніе самой чародѣйки, на причины, побудившія ее добровольно назвать себя колдуньею, и на ту безсмысленную роль, какую играли въ этомъ дѣлѣ власти города Вольска. Совѣстный судъ поставилъ имъ на видъ важныя упущенія по этому дѣлу, именно то, что чародѣйка «при мірскомъ сходѣ безчеловѣчно была бита», а потому слѣдовало освидѣтельствовать эти побои, между тѣмъ вольскія власти не говорятъ объ этомъ даже ни слова въ бумагѣ, при которой прислана въ Саратовъ чародѣйка, «каковыми неосновательными бумагами дѣлается совѣстному суду единое затрудненіе и лишняя переписка», заключаетъ совѣстный судъ, и тутъ-же совѣтуетъ вольскимъ властямъ быть осмотрительнѣе. Затѣмъ совѣстный судъ нашелъ, «что хотя мнимая чародѣйка и показала въ совѣстномъ уд ѣ, что она въ тѣхъ злодѣяніяхъ, коими изобличается, совсѣмъ безвинно, а что-де она показывала по представленіи ее въ нижній земскій судъ (т. е. въ Вольскѣ), того она отъ смертельныхъ побой, кои ей учинены были при сходѣ, совсѣмъ не помнитъ; но какъ и оное не можетъ быть, чтобъ вся деревня согласилась ее оклепать напрасно, почему совѣстный судъ и доходитъ, что она, Козырева, для какой-нибудь своей корысти отъ глупости похвалялась выдуманными какими-либо чародѣйствами прежде, съ чего и въ вольскомъ нижнемъ земскомъ судѣ показала, что она подъ властію своею имѣетъ нѣсколькихъ дьяволовъ, а наконецъ одумавшись, въ совѣстномъ судѣ совсѣмъ прежде ею показаннаго отперлась, какъ выше сего значитъ, ссылаясь на причиненные ей побои, отъ коихъ будто-бъ была безъ памяти; но какъ прежній допросъ ея почти на трехъ листахъ да и съ показаніемъ старосты сходствуетъ, чего въ безпамятствѣ человѣку показывать нельзя, чѣмъ самымъ болѣе подало сумнѣнія совѣстному суду, что она прежде таковымъ чѣмъ-либо похвалялась, что по вкоренившемуся въ народѣ низкаго состоянія суевѣрію и казаться можетъ для нихъ

истину, и тѣмъ самымъ подала поводъ всѣмъ, кои изъ прихоти-ль иль можетъ быть по тогдашнему праздничному времени иные въ пьянствѣ—послѣднее кажется вѣроятнѣе—оклепать себя,—чево для, въ страхъ другимъ, отослать ее, Козыреву, въ рабочей домъ съ срокомъ на два мѣсяца».

Относительно тѣхъ крестьянъ и крестьянокъ, которые на сходѣ объявили, «что они чувствуютъ во внутренности у себя дьяволовъ,—что никакъ не естественно (прибавляетъ совѣстный судъ) а часто находимы были тому разныя причины, напримѣръ по злости и сему подобное—совѣстный судъ заключилъ: что и этихъ не слѣдуетъ оставлять безъ наказанія «за таковую нелѣпую выдумку», и потому всѣхъ ихъ, кромѣ попадьи, присудилъ къ содержанію въ рабочемъ домѣ на двѣ недѣли и велѣлъ мѣстнымъ властямъ «забрать» ихъ и прислать въ Саратовъ. «А какъ въ числѣ зараженныхъ нелѣпою выдумкою замѣшалась и священника Николая жена, Федосья Федорова, то совѣстный судъ объ ней приговору никакого сдѣлать не можетъ; но дабы таковая грубая закоснѣлость не осталась безъ должнаго взысканія, то, въ пресѣченіе могущихъ впредь послѣдовать подобныхъ сему злодѣяній, сообщить о томъ духовному правленію, въ чемъ совѣстный судъ и надѣется, что она (т. е. попадья), по мѣрѣ своего преступленія, безъ должнаго наказанія не останется».

Но власти города Вольска, которыя такъ искренно вѣрили въ чародѣйственную силу Козыревой, повидимому боясь ея чаръ, не спѣшили исполнять предписанія совѣстнаго суда, и ничего не дѣлали. Совѣстный судъ жаловался на нихъ намѣстническому правленію, говоря, что чародѣйку, какъ обманщицу *), онъ засадилъ въ рабочій домъ, и прося понудить вольскія власти къ присылкѣ въ Саратовъ мнимыхъ бѣсноватыхъ деревни Глотовки.

*) А какъ совѣстнымъ судомъ найдено (писали намѣстническому правленію), что въ безпамятствѣ той нелѣпой и многоплодной сказки, какъ она (чародѣйка) сначала отъ бабки своей родной, при смерти ее, во владѣніе дьяволовъ въ наслѣдство получила, и какъ по сіе время ими управляла, показать не можно, а что она дѣйствительно въ селеніи своемъ старалась только показать себя колдуньею для корысти, чего для, въ страхъ другимъ, и посажена была въ смирительный домъ на два мѣсяца.

[redacted]

Между тѣмъ черезъ нѣсколько времени къ правителю саратовскаго намѣстничества, генералъ-поручику Поливанову, явилось пять глотовскихъ бѣснующихся (присланные невѣдомо отъ кого, безъ всякаго виду, съ одними подводчиками). Поливановъ отправилъ ихъ въ совѣстный судъ.

Ихъ допросили. Послѣ особаго увѣщеванія бѣснующіеся «чистосердечно признались, что женщины притворялись бѣснующимися, лаяли и выкали, будто испорчены женкою Козыревою, напрасно осердясь на нее по разнымъ причинамъ, желая ей чрезъ то сдѣлать мщеніе и нанести вредъ, и мужикъ молодой, Евдокимъ Васильевъ, отбывая рекрутства, больше-же всего будучи отягощаемы къ тому оной деревни Глотовки при часовнѣ опредѣленнымъ попомъ Николаемъ Петровымъ, коего и жена, также какъ и протчіе, бѣсновалась».

Бѣснующихся, какъ и самую чародѣйку, посадили въ рабочій домъ «съ обѣщаніемъ впредь такъ не сумасбродствовать», а прочихъ бѣсноватыхъ требовали немедленно въ Саратовъ *). О наказаніи попа **) просили намѣстническое правленіе сообщить въ подлежащую консисторію.

Время шло, а бѣснующихся не присылали въ Саратовъ. Оказалось, что всей этой интригой заправлялъ глотовскій попъ, у котораго и жена бѣсновалась вмѣстѣ съ прочими глотовскими бабами. Когда бѣснующіеся мужики и бабы были отправлены изъ Вольска въ Саратовъ подъ надзоромъ глотовскаго старосты, которому вручена была и бумага объ этихъ арестантахъ, староста заѣхалъ съ ними въ деревню и за «мірскими надобностями» остался тамъ, а бѣснующихся и бумагу объ нихъ вручилъ старшему крестьянину Глотовки Никифорову. Никифоровъ повезъ колодниковъ по назначенію, но попъ «Николай Петровъ всѣхъ везти ему запретилъ и, взявъ у него конвертъ, повезъ въ Саратовъ

*) . . . . . . «чтобъ и тѣ бѣснующіеся не остались за такую мерзкую и вредную шалость безъ наказанія, что нужно учинить и въ примѣръ всякому, поелику еще и по сю пору между чернью сіе весьма вредное заблужденіе не истребилось».

**) . . . . . какъ оной оказался въ весьма неприличныхъ званію его поступкахъ и главнѣйшею всего сего причиною.

только четырехъ самъ, и по привозѣ удержавъ у себя увѣдомленіе, трехъ женокъ и мужика представилъ къ его высокопревосходительству», т. е. Поливанову.

На слѣдующій годъ за бѣсноватыми отправили подканцеляриста Драгомилова, который съ большимъ трудомъ розыскалъ ихъ и отправилъ въ Саратовъ. Эти также посажены были въ рабочій домъ.

Что сталось съ попомъ Николаемъ Петровымъ и наказанъ-ли онъ «за всѣ его бездѣльничества, коими онъ подвелъ вольскій земскій судъ подъ нареканія и отвѣтъ»,—неизвѣстно.

II.

Подобно тому, какъ въ исторіи мнимыхъ чародѣяній Прасковьи Козыревой, сейчасъ нами разсказанныхъ, не послѣднюю роль играетъ закулисная интрига попа Николая Петрова, такъ равно въ злоключеніяхъ другой чародѣйки Аграфены Безжукловой много повинно варварское невѣжество доктора.

Вотъ исторія чародѣйки Безжукловой.

Одно изъ огромныхъ малороссійскихъ поселеній саратовскаго намѣстничества, слобода Ильмень, Богословское тожь, Камышинской округи, было взволновано въ 1793 году страннымъ происшествіемъ, которое привело въ ужасъ всю слободскую громаду и все слободское начальство. Взбунтовался «скотскій табунъ», такъ что вся слобода не могла его собрать, и это небывалое чудо приписано было колдовству чародѣйки Безжукловой.

Слободской атаманъ Семенъ Зеленскій «со обществомъ» такъ писали объ этомъ чудѣ и о другихъ происшествіяхъ въ камышинскій нижній земскій судъ.

«Сего года въ генварѣ мѣсяцѣ, а котораго числа не знаемъ, оной-же слободы малороссіанинъ Герасимъ Улановскій, по согласію слободки Разливки съ малороссіаниномъ-же Аврамомъ Толкачевымъ, отдалъ въ замужество за сына его роднаго Прокофія дочь

свою Анну Герасимову, и неизвѣстно по какимъ судьбамъ оная сдѣлалась бѣснующеюся, и въ такомъ необходимомъ случаѣ имѣя подозрѣніе той-же слободы малороссіанина Ивана Безжуклаго на жену Аграфену Архипову дочь, призвавъ ее къ себѣ, при собраніи жителей мною была въ порчѣ той Герасимовой спрашивана, которая и учинила признаніе, также при распрашиваніи еще по казала, что *чародѣйствомъ своимъ погубила до смерти мужеска и женска пола людей сорокъ одною человѣка*, и все тое чинимо ею было не изъ корыстолюбія, но по злости и зависти. Почему взята была подъ стражу, гдѣ также чинила обществу пакости, какъ-то *чрезъ ся чародѣйство разогнать былъ скотской табунъ*, коего и собрать никакъ не можно. Означенную-жь женку Герасимову испортила по просьбѣ вышеозначенной слободы Ильмени малороссіанина Максима Скородька, по причинѣ, что онъ сваталъ ту Герасимову за пріемыша своего Фоку, но по несогласію съ отцомъ она не выдана, которую женку Безжуклову и съ тѣмъ ее къ таковому злодѣйству подкупителемъ малороссіаниномъ Скородькою къ поступленію по законамъ въ оной земской судъ при семъ представляю, также и при комъ то признаніе учинила отъ собранія сказка для лучшей видимости прилагается у сего».

Въ маѣ этого 1793 года чародѣйка Безжуклая и подкупитель ея Скородько были привезены въ Камышинъ подъ стражею.

Въ сказкѣ, приложенной къ бумагѣ, при которой Безжуклая и Скородько присланы въ Камышинъ, перечислены лица, «по христіанской должности» давшія подписку въ томъ, что при нихъ чародѣйка сознавалась какъ въ порчѣ дочери Улановскаго, такъ и «въ погубленіи чародѣйствомъ до смерти мужеска и женска пола сорокъ-одного человѣка». Во главѣ свидѣтелей стоитъ дьячокъ Никитинъ, а за нимъ уже малороссіяне Николай Ситникъ, Иванъ Титаренко, Иванъ Шморгало, Павелъ Мирошниченко, Григорій Шевель, Герасимъ Бондаренко, Федоръ Головко, Назарей Нѣмой, Тимофей Смиляпской, Иванъ Голобородько, Герасимъ Дроновозъ, Романъ Сучакъ, Дмитрій Вороненко, а наконецъ атаманъ Зеленскій. Мало того, подъ сказкой вмѣсто неграмотныхъ и всего общества подписался священникъ той-же слободы Антонъ Панфиловъ.

До начала допроса Безжуклая передана была мѣстному коменданту подъ особый караулъ, а Скородько оставленъ при судѣ.

На другой день судъ приступилъ къ допросу. Вызванъ былъ священникъ для увѣщанія чародѣйки. Въ присутствіи земскаго исправника, священника и другихъ властей, чародѣйка показала, что «назадъ тому лѣтъ съ двадцать-пять, по наученію умершей, слободы Рудни, малороссіянки Анны Васильевой, испортила слободы Рудни-жь малороссіанина Серпокрытаго сноху Афросинью, которая на другой день померла; но отъ другихъ взводимыхъ на нее преступленій отперлась. Она говорила, что хотя и винилась слободскому атаману Зеленскому съ обществомъ въ томъ, что, по просьбѣ Скородьки, испортила дочь Улановскаго и погубила сорокъ-одну душу своими чарами, однако она показывала то подъ пыткою сама на себя, желая избавиться отъ мученій, «*потому что лекарь, закутавъ ее кафтаномъ, курилъ соломою и ладономъ*». Безжуклая затѣмъ положительно и упорно утверждала на допросѣ, что «кромѣ одной души, она никого не умертвила», что и Скородько къ порчѣ ее не просилъ и скотскаго табуна ни какимъ случаемъ не разгоняла».

Замѣчательно, что умерщвленіе Безжуклою снохи Серпокрытаго, въ чемъ она винилась, совершено ею тогда, когда преступницѣ было только пятнадцать лѣтъ! Этотъ фактъ прямо говоритъ противъ тѣхъ близорукихъ рутинеровъ, которые утверждаютъ. будто современная деморализація русскаго народа дошла до того, что въ немъ очень много малолѣтнихъ преступниковъ, тогда какъ и прошлая исторія этого-же народа разоблачаетъ прискорбные факты, что какая-нибудь пятнадцатилѣтняя дѣвочка умерщвляла людей порчею (конечно отравою), и малолѣтніе крестьянскіе дѣти составляли изъ себя шайки разбойниковъ и на лодкахъ производили разбои по Волгѣ, какъ это видно изъ имѣющихся у насъ старыхъ архивныхъ дѣлъ.

Призванъ былъ къ допросу Скородько. Это былъ старикъ шестидесяти лѣтъ. Отъ взводимаго на него обвиненія въ подговорѣ Безжуклой къ порчѣ дочери Улановскаго онъ рѣшительно отперся.

Для разслѣдованія на мѣстѣ обстоятельствъ, по коимъ Безжуклая обвинялась въ чародѣйствѣ, для производства «большихъ по-

вальныхъ обысковъ» и отобранія такъ-называемой «желательной подписки», командированъ былъ въ Ильмень чиновникъ Бѣлицкій, который, впрочемъ, долженъ былъ обслѣдовать это дѣло и въ окрестныхъ селеніяхъ, въ слободѣ Руднѣ и слободкѣ Разливкѣ.

На большомъ повальномъ обыскѣ всѣ обыватели слободы Ильменя единогласно показали подъ присягою слѣдующее: «малороссійская женка Аграфена Безжуклая напредъ сего въ 788 году изъ причини по злобѣ у насъ разогнала днемъ стадо, и оттого бѣсовскимъ навожденіемъ отъ побѣгу на воротахъ-же утоптали корову, да и въ людяхъ оная женка Безжуклая очень довольно дѣлала пакостей и похвалокъ, отчего уже лишаемся своихъ домовъ; но какъ сего 793 года она Безжуклая по допросу словесно лекаря объявила при священникѣ, что изтеряла своимъ чародѣйствомъ сорока-одну душу, то буде оная женка Безжуклая по закону слѣдовать будетъ къ наказанію, то въ общество ее за беззаконные ея поступки къ себѣ на жительство принять не желаемъ».

О Скородькѣ на повальномъ обыскѣ показали: «малороссіанинъ Максимъ Скородько напредь сего нерѣдко обращался въ ссорахъ и въ судахъ, то хотя оной Скородько и слѣдовать будетъ по закону къ наказанію, то и по наказаніи его въ общество къ себѣ принять желаемъ».

По полученіи этихъ отзывовъ, Скородько, «по ненайденіи виновнымъ», немедленно былъ освобожденъ и уволенъ въ свой домъ, Безжуклая-же вмѣстѣ съ дѣломъ отправлена подъ стражею въ Саратовъ, для разбора ея преступленій въ совѣстномъ судѣ.

Въ Саратовѣ чародѣйка снова призвана была къ допросу. Несмотря на увѣщанія судей и священника, она отреклась отъ признаній, сдѣланныхъ ею въ присутствіи слободского общества, а говорила, что признанія эти вырваны у нея насильно тѣми муками, которымъ ее подвергалъ лекарь, окуривая соломою и ладономъ и наглухо закутывая кафтаномъ. Она и здѣсь призналась только въ томъ, что «назадъ тому лѣтъ съ 25, по просьбѣ слободы Рудни умершей малороссіанки Анны Васильевой, отнесла она къ внукѣ ея Афросиньѣ данной отъ нея, налитой брагою кувшинъ, которая послѣ того на другой день и померла», но что «былъ-ли въ томъ кувшинѣ положенъ какой ядъ, она не знала».

На другой день допросъ Безжуклой былъ повторенъ, «для обна-

руженія справедливости»; но она стояла на своемъ прежнемъ показаніи и ничего новаго не сказала.

Оставалось судить чародѣйку на основаніи этихъ данныхъ «съ подведеніемъ приличныхъ законовъ». Эти «приличные законы» подысканы въ слѣдующихъ статьяхъ дѣйствовавшихъ тогда уголовныхъ кодексовъ:

1) «Ежели кто найдется идолопоклонникъ, чернокнижецъ, ружья заговоритель, суевѣрный и богохулительный чародѣй, оной по состоянію дѣла въ жестокомъ заключеніи въ желѣзахъ, гоненіемъ шпицъ-прутенъ наказанъ или весьма сожженъ быть имѣетъ» (1 арт. воин. зак.).

2) «Того-жь артикула въ толкованіи сказано: а ежели чародѣйствомъ своимъ никому никакова вреда не учинилъ и обязательства съ сатаною не имѣетъ, то надлежитъ по изобрѣтенію дѣла того наказать другими вышеупомянутыми наказаніями и притомъ публичнымъ церковнымъ покаяніемъ».

На основаніи этихъ законовъ совѣстный судъ постановилъ: «За таковыя преступленія (за чародѣйства) хотя и подлежала она, Безжуклая, по непріему ее въ жительство, къ ссылкѣ на поселеніе, но дабы судьба ея не отягощалась свыше мѣръ ею содѣяннаго, и для того отъ ссылки ее избавить и отдать на церковное покаяніе, срокомъ на шесть недѣль, слободы Богословской, Ильмень то-жь, священнику, съ тѣмъ, есть-ли она по прошествіи сего назначеннаго срока явится достойною, то дабы той слободы жители, видя ее раскаявшуюся, яко истинную христіанку, могли принять попрежнему къ себѣ въ жительство, въ праздничный день всенародно пріобщить ее святыхъ таинъ, для увѣренія, что съ тайнами Христовыми чародѣйство сообщиться не можетъ, и тѣмъ ее избавить отъ общественнаго нареканія».

Въ августѣ мѣсяцѣ чародѣйка вывезена была изъ Саратова и отдана на духовное попеченіе того самаго священника, при которомъ ее пыталъ лекарь, заставляя, закутавъ несчастную кафтаномъ и подкуривая соломою и ладономъ, всенародно признаться, что она чародѣйка и чарами своими погубила сорокъ-одну душу, разогнала табунъ и проч.

И все это было только девяносто лѣтъ назадъ!

III.

13-го октября 1793 года къ городничему города Сердобска Агаркову явился тамошній посадскій человѣкъ Илья Волынкинъ. съ молодой снохой своей Василисой Емельяновой и объявилъ слѣдующее:

«Увѣдомился я чрезъ жену свою Авдотью Иванову, что невѣстка наша Василиса Емельянова приходила къ живущей подлѣ меня сусѣдкѣ посадской женѣ Аннѣ Семеновой и просила мышьяку для окормленія мужа своего, а моего сына; однако оная женка Семенова невѣсткѣ моей того мышьяку не дала; но потомъ оная невѣстка принесла къ той женкѣ Аннѣ Семеновой наговоренную соль и протчія нѣкоторыя травы, съ тѣмъ, чтобъ по случаю принесла она, Семенова, въ каковыхъ-нибудь съѣстныхъ припасахъ ко мнѣ въ домъ и дала-бъ мужу ее, а моему сыну, чтобъ получить ему скорую смерть. Почему Анна Семенова тое соль и травы принесла ко мнѣ въ домъ и отдала женѣ моей. А какъ по увѣдомленію моему и по неблагопристойнымъ снохи моей къ мужу своему, а моему сыну порядкамъ, какъ ее, Василису Емельянову, равно и отданныя посадскою женкою Анною Семеновою соль и травы при семъ на разсмотрѣніе вашему высокоблагородію представляю».

Приведенная къ Агаркову молодая сноха Волынкина, обвиняемая «въ намѣреніи окормить мужа своего злыми отравами», тотчасъ-же подвергнута была допросу.

Это была молодая женщина осьмнадцати лѣтъ, недавно вышедшая замужъ за сына Волынкина.

— Съ начала отданія меня за Степана Волынкина въ замужство (говорила обвиняемая), жизнь свою проводила я съ мужемъ своимъ добропорядочно, и назадъ тому спустя недѣли съ двѣ захворала я животомъ, а по происшедшимъ слухамъ, что сего-жь города посадская женка Аграфена Егорова Семавская отъ оной болѣзни пользуетъ, къ которой я и пошла, и по приходѣ къ оной стала ее просить отъ болѣзни какого-либо лекарства, на что она мнѣ объявила что отъ той болѣзни у нее таковыхъ лекарствъ

нѣтъ. И болѣе я ничего не говоря пошла было изъ избы обратно, но оная Аграфена вышла за мною въ сѣни и вдругъ спросила: «что-де живъ-ли твой мужъ?» На что я отвѣчала, что живъ. И притомъ еще Аграфена сказала: «Въ какомъ-де ты домѣ, Василиса, живешь! Или-де лучше себѣ не найдешь». И еще проговорила: «Ты-де мнѣ поклонись,—я-де тебѣ сдѣлаю, что твой мужъ скоро ищазнетъ». Которыя рѣчи я по молодому своему разуму отъ нее Аграфены и приняла. Потомъ мы обѣ въ избу обратно вошли, и Аграфена, взявъ соли въ руку и сѣла на печи, стала волшебствовать, но по окончаніи волшебства, не давъ мнѣ тое наговоренную соль, а сказала, что-де принеси денегъ, за которыми я и пошла ко двору своему, и взявши въ домѣ денегъ двадцать одну копѣйку, обратно къ ней пришедши и тѣ деньги отдала ей, почему отъ нее и ту соль наговоренную получила, и притомъ она мнѣ подтвердила, чтобъ класть въ питіе тое соль, когда-де мужъ мой попроситъ пить, да и еще сказала, чтобъ я пришла къ ней послѣ, для взятья отъ нея нѣкоторыхъ таковыхъ же волшебныхъ травъ. Спустя дня съ три, я пошла къ ней для полученія обѣщанной ею травы и, по приходѣ, Аграфена тѣхъ травъ мнѣ дала, за которыя я заплатила еще денегъ пять копѣекъ, и притомъ Аграфена подтвердила, что-де со оныхъ травъ мужъ мой скоро умретъ, да и дала бы-де я тебѣ мышьяку, да у меня его нѣтъ, отъ которой я и пошла обратно въ домъ свой, которыя данныя ею какъ соль, такъ и траву я у себя берегла тайно, и въ одно время въ молоко малую часть соли мужу своему сыпала, однако мужъ мой въ то время того молока не ѣлъ. Назадъ-же тому дней съ пять пошла я къ живущей подлѣ нашего дому посадской женкѣ Аннѣ Семеновой и по сказаннымъ мнѣ Аграфеною словамъ просила у оной женкѣ мышьяку, которая мнѣ сказала, что она его отъ роду и не видывала. А потомъ стала я оную женку просить, чтобъ она приняла тайнымъ образомъ отъ меня тѣ наговоренные Аграфеною соль и траву и какимъ-бы нибудь случаемъ дала-бы мужу моему въ съѣстныхъ и питейныхъ припасахъ, которыя вещи она отъ меня приняла и объявила свекрухѣ моей, а свекровь объявила мужу своему, а моему свекру.

По этимъ показаніямъ Волынкиной надо было тотчасъ-же аре-

стовать и самую волшебницу, Аграфену Семавскую. Ее отыскали и привели къ Агаркову. Волшебница была женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ, сердобская посадская женка.

Семавская отъ званія и ремесла волшебницы и колдуньи отреклась, а показала, что молодая Волынкина дѣйствительно приходила къ ней недѣли двѣ назадъ и просила у нея «для леченія зубовъ травы», но что отъ этой «болѣзни таковой травы она не дала». Затѣмъ она призналась въ слѣдующемъ: «Послѣ того она, Василиса, вызвавъ меня въ сѣни, стала у меня просить тайнымъ образомъ, чтобъ я дала ей таковыхъ злыхъ травъ, чтобъ мужъ ее въ скорости умеръ, съ которой я и взошла въ избу и взявши соли, наговоря, означенной Василисѣ дала, за которую и взяла денегъ двадцать-одну копѣйку. А потомъ, послѣ того спустя недолгое время, Василиса, пришедъ ко мнѣ, стала просить еще какихъ-нибудь травъ для таковаго-жь мужа ее окормленія, которой я дала и еще травы называемаго черемичнаго корню, за что и взяла съ нее денегъ пять копѣекъ, и притомъ она, Василиса, просила у меня мышьяку, котораго я, за неимѣніемъ у меня таковаго мышьяку, не дала. Напредь-же сего я таковыхъ къ злу окормленію людей травъ никому не давала».

Такъ какъ на этомъ первоначальномъ допросѣ молодая Волынкина призналась въ намѣреніи «окормить своего мужа злыми волшебными травами къ скорой смерти», а Семавская «въ даваніи Волынкиной наволшебствующихъ соли и травы чемеричнаго корню», то Агарковъ на другой-же день отправилъ преступницъ въ мѣстный магистратъ для производства надъ ними формальнаго суда.

Въ магистратѣ онѣ снова были подвергнуты допросу и священническому увѣщеванію. Молодая Волынкина и здѣсь говорила то-же, что показала въ полиціи, но только «примолвила»:

— Хотя я и точно къ Аграфенѣ для испрашиванья отъ нее ко излеченію живота и зубовъ лекарства и травы приходила, но только не для мужа своего окормленія. А принявъ я отъ Аграфены наговоренную соль и чемеричные корни—и то учинила по младости лѣтъ, по глупости моей, а наипаче отъ робости, что я напредь сего нигдѣ подъ судомъ ни за что не бывала».

Съ своей стороны Семавская прибавила: «Хотя я и точно Василисѣ соли и корней чемеричныхъ давала, но не наговоренныхъ, а съ простоты своей, и не для окормленія мужа ее, да и наговоровъ я никакихъ не вѣдаю, а дѣйствительно ко излеченію ее живота и зубовъ».

Послѣ этого произвели повальный обыскъ въ городѣ. Спрошенные подъ присягою обыватели показали: «молодой Волынкиной — что въ ней къ художеству ничего не примѣчено, а единственно слухъ происходилъ, что она съ мужемъ своимъ имѣетъ несогласность». «Семавской-же — что она и прежде находилась нерѣдко въ необразномъ пьянствѣ да и въ содержаніи въ домѣ своемъ непристойнымъ образомъ пристани, отчего и имѣютъ живущіе близь ее дому сосѣди всегда отъ злоумышленія опасность».

Черезъ мѣсяцъ и Волынкина и Семавская были отправлены подъ карауломъ въ Саратовъ, для рѣшенія ихъ участи совѣстнымъ судомъ.

Въ совѣстномъ судѣ Семавская къ прежнимъ показаніямъ добавила, что «соль и траву, называемую чемеричнымъ корнемъ, она Волынкиной давала не наговоренныя и не имѣющія дѣйствіе отравить человѣка, а простыя, а что будто-бъ она соль наговаривала, то дѣлала одинъ только видъ и склонивала ее ко окормленію, дабы таковымъ обманомъ отъ нее получить себѣ какую-нибудь прибыль, что и получала; волшебства-же она никакого не знаетъ и не производила».

На основаніи этихъ признаній совѣстный судъ, руководствуясь статьями дѣйствовавшихъ тогда законоположеній *), постановилъ слѣдующее рѣшительное опредѣленіе:

---

*) Замѣчательно, что въ числѣ дѣйствовавшихъ тогда законовъ цитируется знаменитый «Наказъ коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія», пун. 494 о волшебствѣ: «надлежитъ очень быть осторожнымъ при изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и о еретичествѣ. Обвиненіе въ сихъ двухъ преступленіяхъ можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе граждань и быть еще источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, есть-ли въ законахъ предѣлу оному не положено. Ибо какъ сіе обвиненіе не ведетъ прямо къ дѣйствіямъ гражданина, но больше къ понятію, воображенному людьми о его характерѣ, то и бываетъ оно очень опасно по мѣрѣ простонароднаго невѣжества. И тогда уже гражданинъ всегда будетъ въ опасности для того, что

«Поелику изъ показаній вышезначущихъ женокъ Василисы Волынкиной и Аграфены Семавской совѣстный судъ не замѣчаетъ чтобъ ихъ подлинно стремленіе было на жизнь первой мужа, ибо тутъ со обоихъ сторонъ состоитъ—съ одной обманъ, а съ другой, по небольшимъ лѣтамъ, глупость, но вреда чрезъ то ему не учинено, въ разсужденіи чего вмѣняя имъ немаловременное содержаніе подъ стражею, учинить ихъ отъ сего дѣла свободными, подтвердя имъ при томъ въ присутствіи, чтобъ они впредь сихъ вредныхъ дѣлъ дѣйствіемъ и на то помышленіемъ всемѣрно воздержались и жили-бъ такъ, какъ христіанкамъ надлежитъ быть, о чемъ ихъ и обязать въ семъ судѣ подпискою, съ тѣмъ есть-ли они впредь то чинить будутъ и кому чрезъ то вредъ нанесутъ, то съ ними за то яко съ преступницами по всей строгости законовъ поступлено будетъ».

За тѣмъ Волынкина и Семавская были обратно отправлены въ Сердобскъ и велѣно было «ихъ тамошнему честнаго поведенія священнику отдать на одинъ мѣсяцъ, которой-бы въ теченіи онаго постарался, по преданію святыхъ апостолъ и отецъ, поправить ихъ въ разумѣ и во отвращеніи толь богопротивнаго поступка и чтобъ одна мужа своего въ почитаніи и въ должной къ нему любви обращеніе имѣла, а другая престала-бы отъ таковаго злаго наученія той женки, и другихъ, кто къ ней на то прибѣгать и въ томъ помощи просить будетъ, тѣмъ паче замыслами своими и подаяніемъ въ сихъ слѣдствіяхъ дурныхъ совѣтовъ, вредъ чинить и маломыслящихъ людей обмановать и за то деньги брать, и по исполненіи всего онаго, видя ихъ исправленіе, отпустили-бы ихъ въ домъ».

Городничему велѣно было наблюдать за ними самымъ строгимъ образомъ.

ни поведеніе въ жизни самое лучшее, ни нравы самые непорочные, ниже исполненіе всѣхъ должностей не могутъ быть защитниками его презрѣнія въ сихъ преступленіяхъ».

IV.

Нижеслѣдующее чародѣйное дѣло, производившееся въ Саратовѣ въ 1795 году, о саратовскомъ купцѣ Данилѣ Смирновѣ и посадскомъ Петрѣ Ясыркинѣ, имѣетъ въ себѣ и другія подробности, объясняющія нѣкоторыя стороны нашего бытового прошлаго, столь близко соприкасающіяся съ настоящимъ.

Вотъ это интересное дѣло:

Въ маѣ 1795 года, саратовской округи, въ деревнѣ Багаевкѣ, взяты были по подозрѣнію въ чародѣйствѣ двѣ личности, оказавшіяся: одинъ изъ нихъ—двадцати-семи-лѣтній саратовскій купецъ Смирновъ, другой—шестидесяти-лѣтній старикъ, посадкій человѣкъ Ясыркинъ.

У нихъ нашли коробку съ подозрительными бумагами и «круглой лебастренной камень». Между бумагами была маленькая рукописная тетрадочка, озаглавленная такъ: «Списокъ для составленія въ пользу всякихъ списковъ». Это была просто тетрадка для заговоровъ (заклинаній), которые и въ настоящее время въ такомъ почетѣ между простонародьемъ. Первый заговоръ гласилъ: «Лягу я благословясь, встану я перекрестясь, умоюсь я не водою, утреннею росою, утрусь я матушкиной тканой, пряденой, чистой пеленою; пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на всходъ краснаго солнышка, подъ май мѣсяцъ, подъ свѣтлое небо, подъ частыя звѣзды; стану я рабъ Божій (имя рекъ) противъ неба на земли, отычусь я рабъ Божій частыми звѣздыми, вижу я и не вижу рабъ Божій, слышу я и не слышу, отъ трезуба отрока (?), отъ речицы (?), отъ бѣлой бѣлицы, отъ дѣвки простоволосой, отъ лихой думы; на морѣ на окіянѣ сидитъ старой старецъ святой... *) онъ морскую пѣну припиваетъ и приѣдаетъ. Такъ-бы тебя мои призоры припивали и приѣдали, подъ пнемъ, подъ колодою лежаще (?); самъ истинный Христосъ своими огненными стрѣлами, подъ шелковыми гайтаны, загоняетъ безратна, бестатна, нынѣ и присно и во вѣки». Видно, что заговоръ этотъ испорченъ въ перепискѣ и во многихъ мѣстахъ въ немъ недостаетъ смысла.

*) Здѣсь нѣсколько словъ нельзя разобрать.

Другой заговоръ, повидимому, отъ «чирья». Вотъ его содержаніе: «Чирій Василій, поди съ моего тѣла въ чистое поле, въ зеленые луга, съ буйными вѣтрами, вихрями; тамъ жить добро, работать легко, въ чемъ засталъ, въ томъ и сужду».

Третій заговоръ начинается также какъ и первый, но содержаніе разнится отъ перваго. «Лягу я благословясь, встану я перекрестясь, умоюсь я не водою, утреннею росою, утрусь я пряденой, тканой, матушкиной чистою пеленою; пойду я въ путь дорогою, узрю я на восточную сторонку; подымается грозная темная туча, узрю я во темной тучѣ самого Христа, на престолѣ сидитъ самъ Господь Іисусъ Христосъ и матушка Тресвятая Богородица съ серафимы и херувимы, и Михайла Архангелъ, и Гавріилъ Архангелъ, Іоаннъ Предтеча, Іоаннъ Богословъ и другъ Христовъ: заприте мое сердце за тридевять замковъ, за тридевять ключей: отнесите замки и ключи въ окіянъ море, положите замки и ключи подъ бѣлъ камень, чтобы не зналъ ни колдунъ, ни колдуница, ни еретикъ, ни еретица».

Вмѣстѣ съ этой «чародѣйною» тетрадкой найденъ особый листокъ, исписанный очень старымъ почеркомъ. На одной сторонѣ листка: святѣйшаго правительствующаго синода члена пресвященнаго Палладія епископа Рязанскаго и Шацкаго десятнику Артемью Иванову память. Ѣхать тебѣ туда-то и взять такого-то пономаря и дьякона. Это—офиціальный приказъ. На другой сторонѣ текста—извѣстный заговоръ о «трясавицахъ» или лихорадкахъ, списокъ съ знаменитой и столь распространенной въ древней Руси суевѣрной сказки Іереміи, попа болгарскаго *).

*) Списокъ этого заговора, имѣющійся въ «чародѣйномъ» дѣлѣ о купцѣ Смирновѣ и посадскомъ Ясыркинѣ, представляетъ весьма отличный варіантъ отъ тѣхъ списковъ, кои напечатаны гг. Буслаевымъ и Калачовымъ. Вотъ этотъ текстъ: «При морѣ Чернемъ каменный столпъ, а на томъ столпѣ сѣдоша святый архангелъ Михаилъ и святый великомученикъ Сисиній Востали на морѣ волны, возмутилося море отъ земли до небесъ, изыдоша изъ моря 12 женъ окаянныхъ, простоволосыхъ, видомъ страшныхъ, и вопросиша ихъ святый архангелъ Михаилъ и святый великомученикъ Сисиній: «Что есть вы, злыя жены и злообразны?» И онѣ начаша говорить: «Мы есть Прода царя дщери». И они имъ святые рекоша: «Почто еси вышли изъ моря?» Рекоша

Смирновъ и Ясыркинъ, имѣвшіе у себя такого рода бумаги, признаны были за чародѣевъ и арестованы. Ихъ взялъ одинъ изъ саратовскихъ чиновниковъ, Ремеръ. Мнимые чародѣи были привезены въ Саратовъ, и объ нихъ началось дѣло.

Чародѣи призваны были къ допросу. Первый изъ нихъ, какъ мы сказали выше, оказался саратовскимъ купцомъ Данилою Смирновымъ. Онъ показалъ, что найденныя у него въ числѣ прочихъ бумагъ молитвы, изъ коихъ одна, о «трясавицахъ», остались ему въ наслѣдство отъ покойнаго дѣда его, бывшаго дьякономъ въ

ему трясавицы: «Мы вышли изъ моря мучити родъ человѣческій. Кто къ заутрени не ходитъ и рано не встаетъ и въ праздники Господни богу не молится, а пьютъ и ѣдитъ рано, того мы и мучимъ разными муками и ранами». И вопросиша ихъ святый архангелъ Михаилъ и святый великомученикъ Сисиній: «Какъ вамъ окаяннымъ нарицаются имена?» 1-я рече: «Мнѣ есть имя *Глемея*». 2-я рече: «Мнѣ есть имя *Тресея*». 3-я рече: «Мнѣ есть имя *Огнея*». 4-я рече: «Мнѣ есть имя *Желтья*». 5-я рече: «Мнѣ есть имя *Пухтея*. 6-я рече: «Мнѣ есть имя *Ледея*». 7-я рече: «Мнѣ есть имя *Хрипуга*». 8-я рече: «Мнѣ есть имя *Хоркота*«. 9-я рече: «Мнѣ есть имя *Лемея*». 10-я рече: «Мнѣ есть имя *Злобея*». 11-я рече: «Мнѣ есть имя *Гнетея*». 12-я рече: «Мнѣ есть имя *Невея*», сестра ихъ старшая, и та всѣхъ проклятѣе, ежели котораго человѣка поимлетъ, то вскорѣ живъ не будетъ. Аще-ли въ то время случится быть попу или діакону или и простый человѣкъ, который грамотѣ умѣетъ, и станетъ говорить сію молитву надъ водою и надъ болящею головою, положа крестъ въ воду непитую, и рече: «Заклинаю васъ окаянныхъ трясавицъ святымъ архангеломъ Михаиломъ и святымъ великомученикомъ Сисиніемъ и четыремя евангелисты, Матѳеемъ, Маркою, Лукою и Іоанномъ, побѣжите отъ раба божія, имя рекъ, за тридевять поприщъ, и ежели вы не побѣжите, то мы на васъ призовемъ св. ар. М. и св. вел. Сис. и 4-хъ ев. М., М., Л. и Іоанн., то начнутъ васъ мучить и дадутъ вамъ по триста ранъ и рекутъ: крестъ христіанамъ хранитель, крестъ царемъ держава, крестъ недугамъ и бѣсамъ и трясавицамъ на прогнаніе, да исцѣлитъ его главу нелживу, во вѣки вѣковъ, аминь». По прочтеніи оной молитвы, трижды той воды испить, главу и лице облить трижды-же, привязать, держать на крестѣ: во имя отца и сына и св. духа, аминь. Избавьте мя отъ болѣзни раба своего, имя рекъ, святіи девятичисленніи мученицы Ѳеогне, Руѳе, Антипатре, Ѳеоктите, Магне, Евлаіе, Артеміи, Ѳеодоте и Ѳилимоне, яко мы вси усердно къ вамъ прибѣгаемъ, вы бо молите о насъ Христа Бога нашего». Ср. заговоры о трясавицахъ у Калачова въ Архивѣ историко-юридич. свѣд. и у Буслаева въ Историч. очеркахъ русской народной словесн. II, 47—48.

одномъ изъ селъ рязанскаго намѣстничества, а тетрадку съ оглавленіемъ «списокъ для составленія въ пользу всякихъ списковъ», содержаніемъ которой были разные заговоры, онъ, по пересказанію проѣзжающаго незнаемаго ему какого престарѣлаго человѣка ночевавшаго на квартирѣ, писалъ онъ самъ, Смирновъ, съ его словъ». Что касается до заарестованнаго у него вмѣстѣ съ бумагами «круглаго лебастреннаго камня», который властямъ показался предметомъ подозрительнымъ и до колдовства относящимся, то подсудимый показалъ, что онъ нашелъ его по дорогѣ изъ Рыбушки въ Саратовъ, «а для чего той камень приготовленъ и кѣмъ потерянъ—не знаетъ».

Ясыркинъ съ своей стороны показалъ, кто онъ такой и выразилъ недоумѣніе, за что его арестовали. То-же самое говорилъ онъ и относительно бумагъ, взятыхъ у Смирнова, и относительно «лебастреннаго камня», такъ какъ всѣ эти подозрительныя вещи найдены не у него, а въ коробкѣ купца Смирнова, жившаго съ нимъ вмѣстѣ, въ качествѣ зятя.

Но этимъ признаніемъ арестанты не отдѣлались. Ихъ препроводили въ магистратъ. Въ магистратѣ опять пошли допросы. Смирновъ утвердился на своемъ первомъ показаніи, и только добавилъ свое предположеніе относительно таинственнаго алебастроваго камня. Онъ говорилъ, что «найденной имъ лебастренной камень почиталъ онъ съ домашними не иначе, какъ только вмѣсто ребячей игрушки».

Ясыркинъ также говорилъ согласно первому своему показанію. О Смирновѣ, равно о себѣ самомъ и о найденныхъ у Смирнова бумагахъ, онъ выразился: «и никаковыхъ я дурныхъ поступокъ какъ за зятемъ своимъ, такъ и за собою не имѣю, ибо точно дочь моя, выданная въ замужество за реченнаго Смирнова, состоитъ въ прежестокой болѣзни, такъ что на всякое время бываетъ въ отчаянности; но вынутыя у того зятя моего какія письменныя книжки не для-ли иногда каковаго воспользованія надъ тою моею дочерью, я знать не могу».

Послѣ этого старикъ Ясыркинъ былъ освобожденъ «по некасательности до него», какъ выразился магистратъ, а Смирновъ, «какъ открылся онъ по видимымъ книжкамъ въ колдовствѣ», пре-

провожденъ былъ на усмотрѣніе совѣстнаго суда. Испугавшій-же всѣхъ «лебастренный камень» порѣшено было «истребить въ безвѣстность».

Въ совѣстномъ судѣ опять повторялись допросы. Смирновъ стоялъ на своемъ—онъ не признавалъ себя виновнымъ въ чародѣйствѣ.

Совѣстный судъ рѣшилъ милостиво. «Какъ изъ допроса означеннаго подсудимаго Данилы Смирнова усматривается, что найденныя у него молитвы остались послѣ дѣда его дьякона Ларіона Иванова и книжка списана имъ по сказыванію неизвѣстнаго ему человѣка, которыя ничего относящагося къ колдовству въ себѣ не заключаютъ, а почитаетъ судъ сей оныя только одному его, Смирнову, суевѣрію, за что въ наказаніе, въ бытность его подъ судомъ, уже постерпѣлъ изнуреніе; но дабы онъ, Смирновъ, таковымъ постыднымъ суевѣрствомъ не занимался и вредныхъ разсказовъ никогда не слушалъ, за что и впредь не избѣгнетъ законнаго наказанія, а вѣрилъ-бы истинному христіанскому закону и чистымъ сердцемъ всегда прибѣгалъ съ молитвою къ церквѣ Божіей, сіе ему за извѣщеніемъ подтвердить и, обязавъ подпискою, сдѣлать по сему дѣлу свободнымъ».

Книжку съ заговорами и молитвы о трясавицахъ заключено было уничтожить. Но онѣ не уничтожены, и пишущій эти строки нашелъ ихъ подшитыми къ дѣлу: то, что̀ предполагалось уничтожить, нынѣ составляетъ уже историческіе документы.

Смирновъ, выходя изъ-подъ ареста, далъ подписку, въ которой, между прочимъ, обѣщалъ: «Обязуюсь, что впредь таковыхъ подобныхъ суевѣрныхъ бумагъ у себя имѣть и таковымъ постыднымъ суевѣрствамъ вѣрить не буду».

V.

Всѣ эти дѣла о мнимыхъ чародѣяхъ и чародѣйкахъ ясно обнаруживаютъ, до какой степени еще въ концѣ прошлаго вѣка боязнь колдовства и вѣдовства господствовала не только въ народѣ, но и всреднихъ слояхъ общества, между людомъ чиновнымъ и духовенствомъ.

Такъ въ томъ-же 1795 году и въ тѣ-же именно дни, когда судился купецъ Смирновъ за заговоры отъ «трясавицъ» и отъ чирья, одинъ аткарскій священникъ, именно Прохоровъ, возбудилъ процессъ противъ одного посадскаго человѣка за то, что въ церкви увидѣлъ у него на крестовомъ гайтанѣ узелокъ, съ чѣмъ-то въ немъ зашитымъ.

Дѣло было такъ. Аткарскій посадскій человѣкъ Иванъ Поляковъ привлеченъ былъ къ судебному дѣлу за неотдачу забытаго у него въ домѣ однимъ крестьяниномъ шерстяного войлока съ зашитыми въ немъ деньгами. По этому дѣлу, семейство Полякова приводили въ церкви къ присягѣ. И вотъ во время этой присяги «по обнаружности усмотрѣнъ на крестовомъ гайтонѣ маниикой холстовой узалокъ, въ коемъ зашитъ неизвѣстно какого дерева манинкой-же жеребей, о которомъ тотъ Поляковъ, на спросъ стоящаго предъ нимъ со крестомъ увѣщевающаго священника Михаила Прохорова, при многолюдномъ собраніи и не малаго числа благородныхъ, показалъ, что тотъ жеребей изъ травнаго корня, называется Петровъ крестъ, и носитъ его на крестѣ года съ два, для избавленія отъ болѣзни сердца и младенческой».

Несчастнаго крестьянина за этотъ невинный узелокъ тотчасъ-же привлекли къ суду. Поляковъ возбудилъ этимъ узелкомъ, какъ выразились его судьи, «сумнительство колдовства». Мнимый колдунъ былъ арестованъ и отправленъ въ Саратовъ. Съ нимъ отправленъ былъ и возбудившій всю эту булгу «манинкой узалокъ», при особой описи, «о коликой онъ величины и толщины». Вотъ эта опись: «мѣшечикъ холстовой, манинкой, сшитой изъ новаго посконнаго бѣлаго холста, величиной не болѣе полувершка; въ немъ корень, въ длину въ четь, въ толщину—въ осьмую вершка, а ка-

кого дерева и травы неизвѣстно» (какая скрупулезная точность, достойная лучшаго дѣла).

Въ Саратовѣ нашли, что все это пустяки—и «маничкой мѣшечикъ», и невѣдомый корешокъ, такъ что за возбужденіе этого нелѣпаго дѣла изъ-за узелка аткарскіе судьи получили замѣчаніе за свое неумѣстное усердіе.

Вообще въ юридической практикѣ прошлаго вѣка судебные процессы о чародѣяхъ и преимущественно чародѣйкахъ играютъ весьма замѣтную роль. Дѣла эти доходили до сената, до самодержавной власти, и вызывали даже особыя законоположенія, силившіяся обуздать возбужденіе безсмысленныхъ процессовъ о колдунахъ и колдуньяхъ.

Такъ въ 1770 году въ сенатѣ разсматривалось чародѣйное дѣло, надѣлавшее тогда много шуму на всю Россію.

Въ Яренскомъ уѣздѣ, въ двухъ волостяхъ, появились будто-бы чародѣи и дѣлали народу посредствомъ порчи много пакостей. Указывали на крестьянъ Егора Пыстина, Захара Мартюшева, на Стефана и Илью Игнатовыхъ, какъ на чародѣевъ. Говорили, что они пускали по вѣтру какихъ-то червяковъ и червяками этими портили кого хотѣли. Дѣло объ этихъ чародѣяхъ производилось сначала въ городѣ Яренскѣ, въ тамошней воеводской канцеляріи, потомъ въ Великомъ Устюгѣ, сначала въ духовной консисторіи, а потомъ въ провинціальной канцеляріи. Какъ чародѣи, такъ и обвинительницы ихъ, испорченныя женщины солдатская женка Авдотья Пыстина, женки Ѳедосья Мезенцова, Анна Игнатьева и дѣвка Авдотья Бажукова привезены были въ Петербургъ. Привезены были туда даже чародѣйственные червяки, пускаемые колдунами по вѣтру на тѣхъ, кого они желали извести.—Сенатъ разсмотрѣлъ этихъ червяковъ, сдѣлалъ допросы, и нашелъ «къ великому сожалѣнію своему, съ одной стороны закоснѣлое въ легкомысліи многихъ людей, а паче простаго народа о чародѣйственныхъ порчахъ суевѣріе, соединенное съ коварствомъ и явными обманами тѣхъ, кои или по злобѣ, или для корысти своей онымъ пользуются, а съ другой видитъ съ крайнимъ неудовольствіемъ не только беззаконные съ сими мнимыми чародѣями поступки, но

невѣжество и непростительную самихъ судей неосторожность въ томъ, что съ важностію принимая осязательную ложь и вещь совсѣмъ несбыточную за правду, слѣдственно пустую мечту за дѣло, вниманія судейскаго достойное, вступили безъ причины въ слѣдствіе весьма непорядочное», какъ выражается сенатъ въ именномъ указѣ. Онъ говоритъ по этому поводу, что процессами о чародѣяхъ сами судьи утверждаютъ народъ въ «гнусномъ суевѣрствѣ», хотя должны бы были искоренять его. По поводу этихъ неистовствъ сенатъ разсуждалъ, что если простымъ крестьянамъ и простительно вѣрить въ чародѣянія, то непростительно это присутствующимъ въ судахъ членамъ, ибо всякому благоразумному человѣку должно быть извѣстно, «что не давая употребить въ пищу какихъ-либо вредныхъ здравію человѣческому вещей и составовъ, иными сверхъестественными средствами людей портить, а паче въ отсутствіи находящихся, никому отнюдь невозможно». Далѣе сенатъ говоритъ: «Видно, что въ тамошнемъ краю, по вымыслу такихъ коварныхъ обманщиковъ, производится яко-бы порча людей посредствомъ пущанія на вѣтеръ даваемыхъ яко-бы отъ дьявола червяковъ», что «оные пущенные на вѣтеръ червяки имѣли входить въ тѣла такихъ и порчею дѣйство свое производить надъ тѣми только, кои изъ двора выходятъ не помоляся Богу и не проговоря Іисусовой молитвы или бранятся матерщиною». Сенатъ съ удивленіемъ восклицаетъ, какъ судьи могли принять это за дѣло, «а не за пустую, смѣха и презрѣнія паче, а не уваженія достойную басню».

Дѣйствительно, когда сенатъ приступилъ къ разсмотрѣнію и изслѣдованію «часто помянутыхъ червяковъ», которые присланы были «какъ не ложныя о тѣхъ чародѣйственныхъ порчахъ доказательства», дьявольскіе червяки оказались запечатанными «казенною устюжской провинціальной канцеляріи печатью». Вскрыли печать и нашли, что дьявольскіе червяки—«не иное что какъ засушенныя простыя мухи, которыя женка Ѳедосья Мезенцова, чтобы съ одной стороны удовольствовать требованіе судьи маіора Комарова, а съ другой, чтобы избавить себя отъ большаго истязанія, наловивъ въ избѣ той бабы, гдѣ она подъ карауломъ содержалась, ему представила, а онъ, какъ видно, самъ столько-же

суевѣренъ и простъ былъ, что распознать ихъ съ червяками не могъ, но какъ такіе представить въ высшее правительство не устыдился».

Затѣмъ сенатъ объясняетъ «начало всего сего *сумасброднаго* дѣла и *таковаго-же* по оному слѣдствія», что совершенно почти тождественно съ такими же сумасбродными дѣлами, которыя производились въ Саратовѣ о мнимыхъ чародѣяхъ и чародѣйкахъ Прасковьѣ Козыревой, Аграфенѣ Безжуклой, Аграфенѣ Семавской, Иванѣ Поляковѣ и купцѣ Данилѣ Смирновѣ. Въ нашихъ дѣлахъ о чародѣяніяхъ всѣ принимали участіе—и бабы, и попы, и лекаря, и чиновники. Въ сенатскомъ дѣлѣ—тоже: «нѣсколько безпутныхъ, какъ выражается сенатъ, дѣвокъ и жонокъ, притворяясь быть испорченными, по злобѣ и въ пьянствѣ выкликали имена вышеобъявленныхъ несчастныхъ людей (т. е. мнимыхъ чародѣевъ), и притомъ называли мужчинъ батюшкою, женщинъ-же матушкою; сосѣди, услыша о томъ, приступили къ нимъ съ угрозами, чтобъ они въ тѣхъ порчахъ признались добровольно, потомъ пришли сотскіе, кои, не удовольствуясь угрозами, стали ихъ сѣчь и мучить». Боясь пытки въ городѣ, которою угрожали мнимымъ чародѣямъ, они объявили себя колдунами. Ихъ привезли въ городъ и стали допрашивать подъ плетьми. Боясь разпорѣчить, мнимые чародѣи и подъ плетьми показали то-же, что показывали прежде, справедливо опасаясь передопросовъ и новыхъ пытокъ. «Вотъ первоначальное основаніе!» восклицаетъ сенатъ: «Вотъ всѣ доказательства колдовства ихъ, по которымъ присутственное мѣсто оныхъ бѣдныхъ людей въ чародѣйствѣ изобличенными признало, яко дѣйствительныхъ чародѣекъ къ жестокому наказанію осудило безвинно. Въ то-же самое время (продолжаетъ сенатъ), когда ложь, коварство и злоба кликушъ торжествовали надъ невинностію, не только оставлены онѣ безъ всякаго истязанія, котораго, однакожъ, какъ сущія злодѣйки, онѣ достойны, но тѣмъ-же самымъ дана имъ и другимъ полная свобода и впредь производить безстрашно таковыя-же злодѣйства».

Сенатъ, однако, опредѣлилъ мнимыхъ чародѣевъ освободить, кликушъ высѣчь плетьми публично на мірскомъ сходѣ, а судей

ихъ—воеводу Дмитріева, товарища воеводы Комарова и секретаря— отрѣшить отъ должности и никуда не принимать *).

Такъ мало по малу то плетьми, то логическими убѣжденіями вытѣснялись изъ русскаго народа безобразныя суевѣрія древней Руси, или—такъ какъ въ сущности это одно и то же—эпическія отношенія къ природѣ и къ явленіямъ жизни. Правда, эти эпическія суевѣрія перешагнули и въ девятнадцатый вѣкъ и стоятъ рядомъ какъ съ земскими, такъ и съ новыми судебно-мировыми порядками, однако молодое поколѣніе русскаго народа, воспитываемое въ новыхъ школахъ, имѣетъ уже нѣсколько болѣе широкое міровоззрѣніе, чѣмъ секундъ-маіоръ Комаровъ, воевода Дмитріевъ и другіе подобные имъ русскіе чиновники конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, принимавшіе мухъ за дьявольскихъ червяковъ.

Впрочемъ, мы позволимъ себѣ впослѣдствіи, на основаніи болѣе новыхъ архивныхъ дѣлъ, показать, на сколько древнія вѣрованія продолжаютъ идти рука-объ-руку съ новыми порядками, коими мало-по-малу обставляется общественная жизнь русскаго народа, и какъ современныя «лихія бабы» изъ болѣе высшихъ слоевъ русскаго общества продолжаютъ направлять наши общественные порядки на стезю старыхъ суевѣрій.

1871.

---

*) Полн. собр. зак. Т. XIX, 13, 427.

Представляетъ-ли прошедшее русскаго народа какія-либо политическія движенія.

«Русскій народъ» до сихъ поръ не имѣетъ своей исторіи, какъ имѣетъ ее «русское» или, вѣрнѣе, общепринятѣе — «россійское государство». Русскіе историки до сихъ поръ вращались около извѣстнаго центра, на очень коротенькой кордѣ, описывая слишкомъ узенькій кругъ и не заглядывая за периферію этого круга. А за этой-то периферіей и стоитъ русскій народъ; другими словами—Россія, ожидая своей будущей правдивой исторіи, которая не занималась-бы исключительно войнами, генералами, да законодателями, а поставила-бы передъ нами живымъ весь русскій народъ съ его нуждами и стремленіями, съ его медленнымъ ходомъ отъ одной исторической фазы развитія къ другой, которая-бы, однимъ словомъ, изобразила намъ, что̀ дѣлалъ и ка̀къ переживалъ тысячу лѣтъ своего существованія этотъ сѣрый людъ, изъ-за котораго, отчасти для котораго и съ помощью котораго велись эти войны, людъ, которымъ командовали эти генералы, водя его къ побѣдамъ и пораженіямъ, и для котораго работали эти законодатели, давая ему бо̀льшую или мѐньшую долю благосостоянія своими мудрыми законами.

Этой-то именно исторіи и не имѣетъ русскій народъ, какъ не имѣетъ онъ еще и многаго другого, какъ не имѣетъ, впрочемъ, многаго другого и всякій народъ Запада и Востока.

А между тѣмъ историческая жизнь русскаго народа и самый процессъ выработки какъ настоящаго, такъ и будущаго государ-

ственнаго строя, который съ самою строгою и логическою послѣдовательностью всегда вытекаетъ изъ прошедшаго и настоящаго, могутъ быть вполнѣ уяснены только тогда, когда историкъ будетъ обращать одинаковое вниманіе на выраженія и проявленія въ прошедшей жизни Россіи обѣихъ силъ, лежащихъ въ основаніи всякаго явленія — силы инерціи и силы движенія съ средою, сопротивляющеюся этому движенію, силы центростремительной и силы центробѣжной, а не одной изъ этихъ двухъ силъ — центростремительной, съ которою до сихъ поръ только имѣли дѣло наши историки стараго, отживающаго направленія. Другими словами, задача русскаго народа въ будущемъ, его роль въ исторіи человѣчества и его взаимодѣйствіе на другія народности міра, въ томъ числѣ и на народы славянскаго міра, уразумѣются только тогда, когда русскій народъ будетъ имѣть *свою* исторію, т.-е. обстоятельную, безпристрастно и умно-художественно нарисованную картину того, кàкъ пахалъ землю, вносилъ подати, отбывалъ рекрутчину, благоденствовалъ и страдалъ русскій народъ, кàкъ онъ коснѣлъ или развивался, какъ подчасъ онъ бунтовалъ и разбойничалъ цѣлыми массами, воровалъ и бѣгалъ тоже массами въ то время, когда для счастья его работали генералы, полководцы и законодатели.

Изученію проявленій центробѣжной силы и ея факторовъ (народныя движенія, понизовая вольница, пугачовщина, гайдамачина, Пугачовы. Желѣзняки, Заметаевы, Брагины, и подобные имъ факторы) мы посвятили бòльшую часть нашихъ историческихъ работъ и полагаемъ, что этимъ скромнымъ дѣломъ мы все-таки положили первый камень подъ великое зданіе будущей исторіи русскаго народа.

Между тѣмъ это скромное дѣло историки стараго пошиба, привыкшіе вращаться на казенной исторической кордѣ, ставятъ мнѣ въ вину и доказываютъ даже, что всѣ массовыя движенія русскаго народа нельзя называть «политическими движеніями», разумѣя, безъ сомнѣнія, подъ политическими движеніями только такія движенія, которыя вращаются въ узенькомъ кругѣ, очерченномъ казенною кордою, съ чиновными лицами во главѣ, а не съ какимъ-нибудь Емелькою Пугачовымъ, поповичемъ Заметаевымъ или обо-

рванною голытьбою, которой грезилось когда-то «россійское государство вверхъ дномъ поставить».

Такъ, въ сентябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника», нѣкто, повидимому не особенно надѣющійся на свои силы и вообще необладающій умственнымъ мужествомъ настолько, чтобы въ критической статьѣ не прятаться за инициалы, какъ за безопасный заборъ и подписавшійся буквами П. Щ., подъ коими мы имѣемъ основаніе предполагать нѣкоего господина Щебальскаго, — этотъ нѣкто, разбирая наши историческія монографіи «Политическія движенія русскаго народа», говоритъ: «Рядомъ съ большою, столбовою историческою дорогой, г. Мордовцевъ открылъ для собственнаго своего употребленія небольшой проселокъ, по которому онъ ѣздитъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ и ѣздитъ не безъ пользы и удовольствія своихъ читателей; онъ открываетъ на пути своемъ очень занимательныя вещи и очень хорошо иногда о нихъ разсказываетъ. Спеціальность г. Мордовцева—самозванцы и разбойничьи атаманы, понизовая и иная «вольница» — словомъ, тотъ темный, но любопытный міръ, который не довольно ясно видѣнъ съ большой, столбовой исторической дороги, и изученіе котораго требуетъ особыхъ пріемовъ. Для основательнаго изученія этого темнаго міра ничто не можетъ замѣнить простонародныя пѣсни и, частію, изустныя преданія, сохраняющіяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, на которыя наша историческая наука не обратила еще достаточно вниманія и изъ которыхъ, напротивъ, г. Мордовцевъ черпаетъ обѣими руками. Это придаетъ особую оригинальность его разсказамъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, разсказъ его о гайдамачинѣ (онъ почему-то называетъ ее *гайдомачиной*), читаются какъ романъ».

Сознаемся откровенно, что мы дѣйствительно никогда не ѣздили и положительно не имѣли даже ни малѣйшаго желанія ѣздить по «большой, столбовой исторической дорогѣ», по которой, въ числѣ прочихъ русскихъ историковъ стараго пошиба, такъ любитъ кататься г. Щебальскій на тройкѣ казенныхъ лошадей съ казеннымъ колокольцомъ подъ дугою и чуть-ли не съ подорожной по казенной надобности въ карманѣ. Эту торную дорожку мы охотно предоставляемъ другимъ и съ сознательнымъ намѣреніемъ остав-

ляемъ за собою глухіе историческіе проселки, которые приводятъ насъ въ непочатый край никому доселѣ невѣдомой русской исторической жизни, которые сводятъ насъ лицомъ къ лицу съ русскимъ народомъ, показываютъ намъ воочью, какъ жилъ и думалъ русскій народъ, какія были его дѣянія и чаянія, о коихъ такъ мало вѣдали до сихъ поръ историки, подобные г. Щебальскому, какъ и генералы водившіе русскій народъ къ побѣдамъ и пораженіямъ, какъ и «судьи (по выраженію Екатерины II) съ омраченными душами», судившіе его «немилостиво и неправо», какъ наконецъ и законодатели, писавшіе невсегда удобопримѣнимые и не всегда вытекавшіе изъ условій жизни этого народа, прозябавшаго вдали отъ «большой, столбовой, исторической дороги», законы. Мы носимъ въ себѣ то глубокое убѣжденіе историка, непонимаемое доселѣ русскими казенными историками, что только проселки, а не избитыя историческія дороги, приведутъ насъ, вопервыхъ, къ уразумѣнію истинныхъ нуждъ русскаго народа въ его прошедшемъ, настоящемъ, а отсюда—и въ будущемъ; вовторыхъ—къ уразумѣнію той пассивной роли, какую доселѣ игралъ русскій народъ въ исторической работѣ другихъ цивилизованныхъ народовъ міра и въ поступательномъ ходѣ развитія своего собственнаго народнаго самопознанія, втретьихъ—къ уразумѣнію той незамѣтной доли вліянія, какое оказывалъ русскій народъ на историческій ростъ всего человѣчества и на дружную его работу надъ изысканіемъ способовъ добраться до искомаго людьми и доселѣ ненаходимаго счастья; вчетвертыхъ—къ уразумѣнію, наконецъ, тѣхъ ошибокъ, въ коихъ повинны и историки, катавшіеся только по почтовой исторической дорогѣ съ подорожными по казенной надобности и незаглядывавшіе въ историческую проселочную глушь, и полководцы, непонимавшіе духа своихъ солдатъ, и законодатели, незнавшіе своего народа, для котораго они сочиняли законы. Это же глубокое убѣжденіе всегда руководило нашими словами, когда мы рѣшительно и неоднократно говорили, что русскій народъ не имѣетъ исторіи и что вызвать изъ неизвѣстности и архивной пыли прошедшую жизнь русскаго народа, показать отклоненія этой жизни отъ общаго русла, по коему текла такъ-сказать оффиціальная жизнь русскаго государства, отклоненія, проявлявшіяся въ

массовыхъ движеніяхъ народа, хотя бы движенія эти выражались въ такихъ прискорбныхъ и оскорбительныхъ для человѣческаго чувства актахъ дѣятельности, какъ пугачовщина, гайдамачина, вспышки понизовой вольницы съ ея разбоями, массовымъ воровапьемъ чужой собственности, массовые побѣги на Яикъ, на Амуръ, на Дарью-рѣку, на Кубань, массовые поджоги и проч.,—что вызвать все это изъ-подъ слоя всепожирающей архивной пыли, спасти отъ сырости и гнилости драгоцѣнные остатки прошедшей народной жизни и нанести на страницы исторіи составляетъ нравственный долгъ современныхъ историковъ.

Г. П. Щ. смущается, что такимъ образомъ на страницы русской исторіи попадутъ и Ваньки Каины и Тришки, разбойничавшіе на весьма широкихъ районахъ земли, и что все это придется отнести къ «политическомъ движеніямъ русскаго народа». Не смущайтесь, г. П. Щ.! Если русскій народъ нѣкогда выгналъ изъ своей земли поляковъ—заносите эти акты его дѣятельности на страницы исторіи. Если русскія бабы ухватами выгоняли перемерзшихъ и изголодавшихся французовъ изъ своей земли — заносите и эти акты дѣятельности русскихъ женщинъ на страницы исторіи. Если наконецъ русскій народъ массами разбойничалъ и массами воровалъ—заносите и эти акты дурно и не по его винѣ зло направленной воли народа на страницы исторіи: этихъ фактовъ скрывать не слѣдуетъ. Но только не обходите народа.

Г. П. Щ. понялъ (хотя, надо сказать правду, плохо понялъ), чего мы ищемъ въ своихъ историческихъ раскопкахъ прошедшей жизни русскаго народа, и потому, съ свойственнымъ всѣмъ историкамъ древняго пошиба недомысліемъ, извращая смыслъ и цѣль нашихъ историческихъ работъ, говоритъ: «Онъ (Мордовцевъ) почитаетъ себя историкомъ «народа»; онъ стоитъ на сторонѣ «народа»; но какъ видно, «народъ» въ его глазахъ это исключительно тѣ люди русской земли, которые выпускаютъ рубашку сверхъ портовъ. Что-же такое остальные люди той-же земли, люди брѣющіе или хотя только расчесывающіе бороду? Не знаемъ; только не «народъ», не русскій народъ. Для г. Мордовцева, утвердившагося на своей точкѣ зрѣнія, какъ-бы не существуютъ интересы этой части русскаго народа; онъ знаетъ однихъ гультаевъ, одну

ляемъ за собою глухіе историческіе проселки, которые приводятъ насъ въ непочатый край никому доселѣ невѣдомой русской исторической жизни, которые сводятъ насъ лицомъ къ лицу съ русскимъ народомъ, показываютъ намъ воочью, какъ жилъ и думалъ русскій народъ, какія были его дѣянія и чаянія, о коихъ такъ мало вѣдали до сихъ поръ историки, подобные г. Щебальскому, какъ и генералы водившіе русскій народъ къ побѣдамъ и пораженіямъ, какъ и «судьи (по выраженію Екатерины II) съ омраченными душами», судившіе его «немилостиво и неправо», какъ наконецъ и законодатели, писавшіе невсегда удобопримѣнимые и не всегда вытекавшіе изъ условій жизни этого народа, прозябавшаго вдали отъ «большой, столбовой, исторической дороги», законы. Мы носимъ въ себѣ то глубокое убѣжденіе историка, непонимаемое доселѣ русскими казенными историками, что только проселки, а не избитыя историческія дороги, приведутъ насъ, вопервыхъ, къ уразумѣнію истинныхъ нуждъ русскаго народа въ его прошедшемъ, настоящемъ, а отсюда—и въ будущемъ; вовторыхъ—къ уразумѣнію той пассивной роли, какую доселѣ игралъ русскій народъ въ исторической работѣ другихъ цивилизованныхъ народовъ міра и въ поступательномъ ходѣ развитія своего собственнаго народнаго самопознанія, втретьихъ—къ уразумѣнію той незамѣтной доли вліянія, какое оказывалъ русскій народъ на историческій ростъ всего человѣчества и на дружную его работу надъ изысканіемъ способовъ добраться до искомаго людьми и доселѣ ненаходимаго счастья; вчетвертыхъ—къ уразумѣнію, наконецъ, тѣхъ ошибокъ, въ коихъ повинны и историки, катавшіеся только по почтовой исторической дорогѣ съ подорожными по казенной надобности и незаглядывавшіе въ историческую проселочную глушь, и полководцы, непонимавшіе духа своихъ солдатъ, и законодатели, незнавшіе своего народа, для котораго они сочиняли законы. Это же глубокое убѣжденіе всегда руководило нашими словами, когда мы рѣшительно и неоднократно говорили, что русскій народъ не имѣетъ исторіи и что вызвать изъ неизвѣстности и архивной пыли прошедшую жизнь русскаго народа, показать отклоненія этой жизни отъ общаго русла, по коему текла такъ-сказать оффиціальная жизнь русскаго государства, отклоненія, проявлявшіяся въ

массовыхъ движеніяхъ народа, хотя бы движенія эти выражались въ такихъ прискорбныхъ и оскорбительныхъ для человѣческаго чувства актахъ дѣятельности, какъ пугачовщина, гайдамачина, вспышки понизовой вольницы съ ея разбоями, массовымъ воровaньемъ чужой собственности, массовые побѣги на Яикъ, на Амуръ, на Дарью-рѣку, на Кубань, массовые поджоги и проч., — что вызвать все это изъ-подъ слоя всепожирающей архивной пыли, спасти отъ сырости и гнилости драгоцѣнные остатки прошедшей народной жизни и нанести на страницы исторіи составляетъ нравственный долгъ современныхъ историковъ.

Г. П. Щ. смущается, что такимъ образомъ на страницы русской исторіи попадутъ и Ваньки Каины и Тришки, разбойничавшіе на весьма широкихъ районахъ земли, и что все это придется отнести къ «политическомъ движеніямъ русскаго народа». Не смущайтесь, г. П. Щ.! Если русскій народъ нѣкогда выгналъ изъ своей земли поляковъ—заносите эти акты его дѣятельности на страницы исторіи. Если русскія бабы ухватами выгоняли перемерзшихъ и изголодавшихся французовъ изъ своей земли — заносите и эти акты дѣятельности русскихъ женщинъ на страницы исторіи. Если наконецъ русскій народъ массами разбойничалъ и массами воровалъ—заносите и эти акты дурно и не по его винѣ зло направленной воли народа на страницы исторіи: этихъ фактовъ скрывать не слѣдуетъ. Но только не обходите народа.

Г. П. Щ. понялъ (хотя, надо сказать правду, плохо понялъ), чего мы ищемъ въ своихъ историческихъ раскопкахъ прошедшей жизни русскаго народа, и потому, съ свойственнымъ всѣмъ историкамъ древняго пошиба недомысліемъ, извращая смыслъ и цѣль нашихъ историческихъ работъ, говоритъ: «Онъ (Мордовцевъ) почитаетъ себя историкомъ «народа»; онъ стоитъ на сторонѣ «народа»; но какъ видно, «народъ» въ его глазахъ это исключительно тѣ люди русской земли, которые выпускаютъ рубашку сверхъ портовъ. Что-же такое остальные люди той-же земли, люди брѣющіе или хотя только расчесывающіе бороду? Не знаемъ; только не «народъ», не русскій народъ. Для г. Мордовцева, утвердившагося на своей точкѣ зрѣнія, какъ-бы не существуютъ интересы этой части русскаго народа: онъ знаетъ однихъ гультаевъ, одну

голытьбу; ея инстинкты, ея стремленія, ея страсти одни заслуживаютъ вниманіе нашего автора».

Дѣйствительно, въ своихъ многолѣтнихъ скитаніяхъ по историческимъ проселкамъ, мы отдавали всегда предпочтительное вниманіе голытьбѣ, забытой исторіею, а не тѣмъ, кому отдаютъ свои симпатіи такіе историки, какъ г. Щебальскій—не генераламъ, не графамъ съ ихъ дѣяніями. Для насъ послѣдніе безъ голытьбы дѣйствительно не составляютъ русскаго народа, и не потому, что они «не выпускаютъ рубаху сверхъ портовъ», а носятъ ее, заправляя въ брюки, а также «брѣютъ и расчесываютъ бороды»; но потому, что надо-же наконецъ умѣть понимать историкамъ. хотябы и стараго монгольскаго пошиба, что всякому государственному живому организму присущи двѣ силы, дающія ему жизнь и развитіе — сила центробѣжная и сила центростремительная, и что существованіе первой безъ второй немыслимо, какъ немыслимо въ свою очередь существованіе второй безъ первой. Между тѣмъ историки, подобные г. Щебальскому, не понимаютъ этого, какъ не понимаютъ и того, что въ государственномъ строѣ обѣ эти силы являются совмѣстно, только одна активно, другая пассивно; первая управляетъ, вторая управляется этою первою, и изъ нихъ вторая — это народъ а первая — не народъ. Этой второй силѣ и ея проявленіямъ, ея факторамъ мы отдали наше предпочтеніе, и отдали его не потому, чтобы она была (чего Боже сохрани) лучше первой. а потому, что надо-же чтобы и ей, худшей, кто-нибудь отдалъ свое вниманіе и свои симпатіи.

Но посмотримъ, какія еще дѣлаетъ намъ замѣчанія г. П. Щ., и потомъ, подведя ихъ подъ одинъ итогъ и подыскавъ къ нимъ общаго знаменателя, покажемъ, чего мы требуемъ отъ исторіи русскаго народа и что̀ мы разумѣемъ подъ его «политическими движеніями».

Г-ну П. Щ. не нравится то, что мы свои историческія монографіи озаглавливаемъ «Политическими движеніями русскаго народа». Г. П. Щ. увѣряетъ, что «никому не придетъ на мысль, что онъ встрѣтитъ подъ этимъ заглавіемъ разсказы о подвигахъ понизовой вольницы. о пугачовщинѣ, о злодѣйствахъ Заметаева, *Брагана (Брагина,* г. рецензентъ, а не Брагана) и другихъ извѣ-

стныхъ разбойниковъ. Мы не говоримъ о гайдамачинѣ (продолжаетъ онъ): въ ней дѣйствительно заключается нѣкоторый политическій характеръ; мы ничего не говоримъ даже и о пугачовщинѣ, потому что нѣкоторые писатели полагаютъ, хоть и безъ основательныхъ причинъ, будто лже-Петръ былъ орудіемъ политическихъ цѣлей; но неужели г. Мордовцевъ усматриваетъ какое-нибудь политическое значеніе въ такихъ личностяхъ, какъ тѣ многочисленные лже-Петры, которые появлялись до и послѣ Пугачова; или наконецъ въ простыхъ разбойничьихъ атаманахъ, каковы Заметаевъ и Браганъ (Брагинъ, г. рецензентъ, а не Браганъ), или какъ атаманша Грунъ (Груня, г. рецензентъ, а не Грунъ)? Послѣдніе, попавъ въ руки правосудія, даже не были судимы какъ «политическіе преступники» (!?). Если ихъ подвигамъ придавать политическій характеръ (!), то не слѣдуетъ-ли причислить къ «политическимъ дѣятелямъ» нашего отечества и Ваньку Каина или извѣстнаго въ свое время Тришку, который разбойничалъ лѣтъ тридцать тому назадъ въ Новгородской, Псковской и Смоленской губерніяхъ?... Г. Мордовцевъ видитъ во всѣхъ поименованныхъ лицахъ представителей «протеста» народа противъ существующаго порядка. Положимъ; но и всякій мелкій воръ, вытаскивающій носовые платки изъ кармановъ при выходѣ изъ церкви или при входѣ въ театръ, тротестуетъ своимъ дѣйствіемъ противъ неравномѣрности богатствъ, противъ права собственности, противъ закона и полиціи! (!). Почему не выводить на сцену крупныхъ представителей подобныхъ протестовъ? Почему не изучать спеціальнымъ образомъ тѣхъ сторонъ народнаго духа и народной жизни, которыя выдвигаютъ Заметаевыхъ и Тришекъ; почему не изобразить, и если можно, то художественнымъ образомъ, тѣ движенія, на которыя иногда побуждаютъ народныя массы дикіе и противуобщественные инстинкты; но не возводите-же ихъ въ «перлъ созданія» (!), не называйте этихъ движеній «политическими движеніями!»

Ниже, говоря о нашихъ симпатіяхъ къ народу, историкомъ котораго мы и почитаемъ себя, по выраженію г. П. Щ., рецензентъ считаетъ умѣстнымъ обратиться къ намъ съ слѣдующими страстными восклицаніями, вопросами и даже внушительными пре-

достереженіями въ тонѣ стараго полицейскаго сыщика, вообще, по своей профессіи, недолюбливающаго народъ: «Таковы (вѣщаетъ г. П. Щ.) естественныя послѣдствія воззрѣнія на голоту, на sainte canaille какъ на «народъ» исключительно, съ устраненіемъ изъ-подъ этого понятія просвѣщенныхъ сословій,—воззрѣнія, получившаго право гражданства во Франціи и имѣющаго много приверженцевъ у насъ. Какъ, неужели можно, не оскорбляя здраваго смысла (?) и не подрывая всѣхъ основъ общества (!!!), противупоставлять разбойничьихъ атамановъ, хоть-бы и воспѣтыхъ этимъ народомъ, тѣмъ людямъ, которые признаны великими просвѣщенною частью націи, людямъ, «которыхъ мы называемъ великими», какъ иронически выражается г. Мордовцевъ? Неужели «протестъ» есть такой всеочищающій, такой надъ всемъ («ять», г. рецензентъ, а не «есть») господствующій принципъ, такой безусловно священный и исключительно справедливый, что не слѣдуетъ даже справляться во имя чего онъ совершается? Неужели намъ нѣтъ дѣла до того, какими началами желали-бы замѣнить «протестанты» тѣ начала, противъ которыхъ они протестуютъ? Неужели каждый изъ насъ обязанъ кинуться чтобъ отнимать изъ рукъ полиціи вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, потому только что это имѣло-бы значеніе протеста? Неужели каждый порядочный человѣкъ долженъ подбросить пукъ соломы въ горящій домъ, потому что его тушитъ пожарная команда, и скорбѣть душою за каждаго убійцу, потому что онъ приговоренъ къ наказанію легальнымъ путемъ?... Это чудовищно (!!), но такъ выходитъ, если стать на точку зрѣнія заводскихъ крестьянъ, башкиръ и киргизовъ, составлявшихъ шайки Пугачева, или тѣхъ отверженцевъ общества, которыхъ г. Мордовцевъ поэтически называетъ «понизовою вольницей». Понятно, что для этихъ полудикихъ людей Заметаевъ понятнѣе и даже сочувственнѣе, чѣмъ Гумбольтъ; но какъ понять, что образованный человѣкъ можетъ стать на ту же точку зрѣнія и усвоить ее! Неужели это демократія? Неужели это разумная любовь къ народу (даже въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ народъ г. Мордовцевъ)? Неужели кто-нибудь скажетъ намъ спасибо за то, что мы стараемся не извлечь полудикихъ людей изъ состоянія дикости, но, напротивъ, заодно съ ними заносимъ руку на осно-

вы цивилизаціи?—Мы не можемъ, конечно, допустить мысли (и не допускайте!), чтобы г. Мордовцевъ былъ сознательнымъ адвокатомъ дикости противъ цивилизаціи, но надо признаться, при нѣкоторомъ пессимизмѣ, такое предположеніе не невозможно».

Таковы главныя замѣчанія, дѣлаемыя надъ рецензентомъ. Читатель видитъ, что всѣ эти страстныя восклицанія, вопросы и предостереженія сами собой разбиваются на два главные, логически одинъ изъ другого вытекающіе, административные интердикта:

Въ силу перваго интердикта, мы не должны называть «политическими движеніями» тѣхъ массовыхъ народныхъ движеній, виновные въ коихъ, съ полицейско-канцелярской точки зрѣнія, не могутъ быть названы «политическими преступниками», или такія движенія, первичный стимулъ коихъ исходитъ не изъ среды столоначальниковъ и другихъ правительственныхъ функцій.

Въ силу второго интердикта, намъ воспрещается, даже въ качествѣ историка русскаго народа, не только всякое сочувственное отношеніе къ тому, чему самъ народъ сочувствовалъ и сочувствуетъ, но и простое истолкованіе его историческихъ симпатій и антипатій, его разбойническихъ и мошенническихъ движеній, потому что массовыя движенія такой «канальи» (sainte canaille) какъ народъ, не достойны названія «политическихъ движеній», и всякій, осмѣливающійся называть ихъ таковыми и дерзающій приготовлять матеріалы для будущей исторіи народа, а не для восхваленія генераловъ и столоначальниковъ, становится «сознательнымъ адвокатомъ дикости противъ цивилизаціи», «заноситъ руку на основы...» и т. д.

По поводу этихъ замѣчаній мы должны основательно объясниться съ г. П. Щ., который, занимаясь оцѣнкою историческихъ работъ, повидимому многаго не читалъ изъ того, что добыто современною наукою и не знать чего даже историку столоначальниковъ, а тѣмъ болѣе г. Щебальскому, пишущему историческія статейки о генералахъ и графахъ по старой историко-полицейской программѣ, непростительно.

Современная наука, далеко подвинувшая впередъ изученіе народной жизни и народнаго міровоззрѣнія, въ послѣднее время сдѣлала небольшое открытіе—именно присутствіе *стихійныхъ началъ*

какъ въ народномъ міровоззрѣніи, такъ и въ народной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ «народныхъ движеніяхъ», каковы бы ни были эти движенія, массовыя или единичныя, политическія или не политическія. Наукою дознано, что не только въ основаніи классической миѳологіи лежатъ стихійныя представленія, но и наша народная демонологія, наше народное творчество съ его сказочными богатырями и сказочными чудесами исходятъ изъ тѣхъже стихійныхъ представленій съ олицетвореніями силъ и явленій природы повидимому чуждыми всякаго логическаго, бытового и историческаго основанія.

Въ исторической жизни народовъ наука усматриваетъ тѣ-же стихійныя начала. Оказывается, что воздѣйствіе законовъ стихійныхъ на народную жизнь правитъ судьбами народовъ и царствъ. Въ силу этого воздѣйствія народы двигаются съ востока на западъ, съ юга на сѣверъ. Народныя массы тѣснятъ одна другую какъ стихіи, и подобно стихіяхъ стираютъ съ лица земли тѣ царства, по которымъ проходитъ это стихійное движеніе народовъ.

Въ эпоху великаго переселенія народовъ народныя массы выходятъ изъ глубины Азіи и двигаются на западъ, сами не зная куда и зачѣмъ. Какъ дождевая и грозовая туча, надвигается съ востока никому невѣдомый страшный народъ, бродячіе гунны, и все гонитъ впереди себя, все уничтожаетъ, все стираетъ и сдуваетъ съ лица земли. Какъ листья, бурею оторванные отъ деревьевъ, гонятся этою тучею другія, менѣе многочисленныя народныя массы—аланы, готы, вандалы, гепиды, герулы, бургунды, алеманны, ругіи. Отъ этого «движенія» народныхъ массъ дрожитъ и, разшатываясь, падаетъ римская имперія, измѣняется лицо Европы, возникаютъ новыя царства, древній міръ съ его воззрѣніями отходитъ въ область историческаго прошедшаго, забывается, преданія его и «политика» забываются такъ-же и окончательно сглаживаются, а тутъ рядомъ встаетъ новый міръ съ новыми народными чаяніями и «движеніями».

Назоветъ-ли г. П. Щ. эти народныя движенія—движенія гунновъ, алановъ, вандаловъ, германцевъ — «политическими движеніями»? Полагаемъ, не назоветъ. Въ нихъ, повидимому, нѣтъ ничего «политическаго», такъ-какъ съ точки зрѣнія тогдашней рим-

ской судебно-полицейской теоріи, какъ и съ точки зрѣнія полицейско-канцелярской критики г. П. Щ., ни гунны, ни вандалы не были «политическими дѣятелями», и ни гунны, ни вандалы, попадавшіе римлянамъ въ плѣнъ или «въ руки правосудія», какъ выражается г. П. Щ., «даже не были судимы какъ политическіе преступники».

Нѣсколько позже этихъ «народныхъ движеній» изъ глубины Аравіи и югозападной Азіи выходятъ новыя народныя массы, водимыя отчасти духомъ Магометова ученія, отчасти воздѣйствіемъ стихійныхъ силъ, и двигаются на западъ, то опрокидывая попадающіяся имъ на пути царства, то разрушая и сожигая продукты тысячелѣтняго творчества народнаго духа прежнихъ генерацій (завоеваніе Египта, сожженіе александрійской библіотеки, уничтоженіе памятниковъ и храмовъ древняго искусства) и созидая новыя государства на трупахъ задавленныхъ ими державъ.

Назоветъ-ли г. П. Щ. эти народныя движенія—движенія арабовъ, мавровъ, турокъ—«политическими движеніями»? Полагаемъ, что нѣтъ. Въ этихъ движеніяхъ ордъ тоже, повидимому, нѣтъ ничего «политическаго». Подъ воздѣйствіемъ стихійныхъ силъ, народы, какъ дождевыя тучи по вѣтру, несутся невѣдомо куда и невѣдомо зачѣмъ, идутъ туда, куда влекутъ ихъ инстинкты, стихійныя силы, исканіе лучшаго, невѣдомаго. О «политикѣ» тутъ, повидимому, и рѣчи быть не можетъ.

Еще позже изъ глубины Азіи выкатывается на европейскій горизонтъ новая народная туча (хмара)—это монголы—и страшнымъ, грозовымъ и проливнымъ кровавымъ дождемъ спускается надъ Россіею. Лицо тогдашней Россіи, жизнь народовъ, ее населявшихъ, образъ правленія, формы «политическихъ» отношеній тогдашнихъ владѣтелей Руси одного къ другому, ихъ сила — все измѣняется.

Назоветъ-ли г. П. Щ. эти народныя движенія, вогнавшія Россію подъ тяжелое монгольское ярмо, «политическими движеніями»? Полагаемъ, не назоветъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, ни въ стимулѣ, ни въ характерѣ этихъ движеній и не могло быть ничего «политическаго» съ казенно-дипломатической или полицейско-криминальной точки зрѣнія. Тѣсно-ли стало жить монголамъ въ средней Азіи, захотѣлось-ли имъ испытать свою удаль въ невѣдомыхъ стра-

нахъ, просто-ли тянули ихъ животные инстинкты борьбы, добычи и крови—только они двинулись изъ Азіи, и произошло новое «движеніе народовъ». Въ этомъ, какъ и въ прежнихъ движеніяхъ, о «политикѣ» съ департаментско-исторической точки зрѣнія г. П. Щ. и рѣчи быть не могло.

А между тѣмъ всѣ эти движенія измѣняли лицо Европы не менѣе того, какъ силится измѣнить его въ настоящее время «политика» графа Бисмарка; всѣ эти движенія опрокидывали и вновь ставили на ноги цѣлыя государства, сгоняли съ троновъ государей и сажали на мѣсто ихъ новыхъ, къ чему стремился и Пугачовъ, въ дѣйствіяхъ котораго г. П. Щ. не находитъ никакихъ «политическихъ цѣлей».

Такова узость воззрѣній старой исторической школы, къ которой, повидимому, принадлежатъ гг. П. Щ. и историкъ П. Щебальскій.

Обращаясь за симъ къ движеніямъ русскаго народа, мы подмѣчаемъ въ нихъ слѣдующія явленія, которыя въ первой мѣрѣ должны обратить на себя вниманіе исторической критики. Прежде всего движенія эти имѣютъ характеръ не единичныхъ, но массовыхъ проявленій народнаго духа и народнаго темперамента. Совокупность условій, которыми обставлена жизнь русскаго народа, неблагопріятность экономической обстановки бóльшей части обитателей русской земли, доводившая, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, до постепеннаго деморализированія какъ его общественныхъ отношеній, такъ и самой общественной совѣсти, наконецъ, излишнія притязанія силы государственно-центростремительной по отношенію къ силѣ общественно-центробѣжной дѣлаютъ то, что въ русскомъ народѣ начинается какое-то нравственное броженіе, въ силу котораго мало-по-малу расшатываются основанія гражданской нравственности. Изъ среды русскаго народа какъ-бы насильственно выдавливается протестующій элементъ, для котораго извѣстная гражданская нравственность, гражданская совѣсть и всѣ прочные гражданскіе принципы не существуютъ. Эти протестанты не уживаются въ данномъ общественномъ строѣ и разрываютъ съ нимъ всякія сношенія. Первое, противъ чего они протестуютъ, это противъ права власти—они не хотятъ повиноваться принятымъ уста-

новленіямъ. Такими были Ермакъ Тимоѳеевичъ, сначала удалой добрый молодецъ, а потомъ покоритель Сибири, а за нимъ Степька Разинъ, который

Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами казаками думу не думывалъ,
Ходилъ, гулялъ Степанушка во царезъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голытьбою.

Къ этимъ единично протестующимъ силамъ, для которыхъ не существуетъ ни казачій общественный кругъ, ни казачій общественный совѣтъ, ни общественное правовластіе, пристаютъ всѣ одинаково съ ними думающіе и разрываютъ всякія связи съ предлежащею общественною властью.

Второе, противъ чего возстаютъ эти протестанты, это право силы: протестующіе противопоставляютъ ей свою силу и объявляютъ ей сначала тайную, а потомъ открытую войну. Оказывается, что протестующихъ больше, чѣмъ кто либо могъ предполагать, и они объявляютъ свой претестъ принятому закону.

Третье, противъ чего возстаютъ протестанты—эта неравномѣрность распредѣленія собственности, освященная давностію и закономъ, котораго не признаютъ протестующіе, заставляетъ сплотиться всѣ единичныя силы, поставленныя въ неблагопріятныя экономическія условія, въ одну общую силу, въ одну крупную массу.

Единичныя, такъ-сказать спорадическія движенія переходятъ въ массовыя. Эти движенія, по законамъ исторической наслѣдственности, въ послѣдовательномъ рядѣ генерацій, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому: XVII вѣкъ передаетъ свои преданія XVIII-му, получивъ ихъ отъ XVI, а XVIII-й передаетъ послѣдующимъ генераціямъ всего русскаго народа. Восемнадцатый вѣкъ богатъ этими движеніями какъ въ восточной половинѣ Россіи, въ великорусской, такъ и въ западной, малорусской — и во всемъ этомъ видна историческая нить, не перерывающаяся, а напротивъ преемственно связывающая одно движеніе съ другимъ. Явленія эти возбуждаютъ народное творчество, и является особая народная литература, которую

противная сторона назвала разбойничьею (пѣсни разбойничьяго цикла, удалыя, казацкія, гайдамацкія), но которою *весь* народъ одинаково пользуется какъ и «стихомъ о голубиной книгѣ», какъ и «хожденіемъ Богородицы по мукамъ», какъ и духовными пѣснями «о пресвѣтломъ раѣ», о богатомъ и Лазарѣ, «о грѣшной душѣ», объ «аллилуевой женѣ», объ Адамѣ и Евѣ, какъ и былинами о князѣ Владимірѣ, свѣтъ-ясномъ солнышкѣ съ богатырями стихійнаго и историческаго цикла.

Цѣлая Россія поетъ эти пѣсни—и понятно, историкъ не имѣетъ никакого извиняющаго повода, ни логическаго основанія, ни историческаго права не только игнорировать это явленіе въ русской исторической жизни, но и обходить его неблаговиднымъ молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что цѣлыя массы народа во все восемнадцатое столѣтіе не только нравственно живутъ и питаются преданіями отцовъ и дѣдовъ, слагавшихъ эти пѣсни, положившихъ свое творчество и свои симпатіи въ эту литературу, но и дѣйствуютъ по смыслу преданій, по духу своей литературы. Массовыя движенія, въ духѣ движеній прежнихъ лѣтъ, не прекращаются, и славу опозоренныхъ представителей этихъ движеній: Стеньки Разина, Игнашки Некрасова и др. желаютъ унаслѣдовать проходящіе черезъ все восемнадцатое столѣтіе менѣе крупные представители этихъ массовыхъ движеній, атаманушки Ивановъ, Дегтяренко, Буковъ, Шагала, поповичъ Заметаевъ, поповичъ Казанскій, Брагинъ, Беркутъ и другіе коноводы понизовой вольницы.

Народъ пѣлъ свои удалыя пѣсни и сочувственно относился къ тому, о комъ пѣлъ и о чемъ пѣлъ. А пѣлъ онъ, относя свои симпатіи столько же къ лицамъ, служившимъ представителями массовыхъ движеній, сколько и къ самымъ движеніямъ.

Какъ-же назвать эти массовыя движенія, которыя, съ исторической точки зрѣнія, были явленіемъ нормальнымъ, вытекавшимъ изъ извѣстнаго «политическаго» и гражданскаго склада, изъ данныхъ «политическихъ» и гражданскихъ условій государственной русской жизни? Г. П. Щ. не хочетъ называть ихъ «политическими», какъ—чтобы быть послѣдовательнымъ и логичнымъ—онъ не смѣетъ назвать таковыми движеніями гунновъ, германцевъ, монголовъ, арабовъ, турокъ. Но онъ долженъ ихъ назвать *движеніями сти-*

хійными, потому что другого названія имъ нѣтъ и быть не можетъ. Движенія эти – не случайныя, потому что въ исторіи нѣтъ ничего случайнаго въ силу законовъ вытекаемости извѣстныхъ явленій изъ извѣстныхъ причинъ, въ силу законовъ рождаемости историческихъ фактовъ изъ данныхъ историческихъ матеріаловъ, изъ даннаго историческаго сѣмени, такъ-какъ въ исторіи нѣтъ самозарожденія, какъ нѣтъ его ни въ органической жизни, нигдѣ. Г-ну П. Щ., чтобы имѣть почву для постановки своихъ неосновательныхъ заключеній, приходится признать законъ *историческаго самозарожденія*, что̀ равносильно логическому абсурду или объясненію историческихъ явленій такимъ образомъ что народныя-де массы двигала нечистая сила, что народныя массы, протестовавшія противъ извѣстнаго гражданскаго строя, нечистый, дескать. попуталъ, богъ, дескать, попустилъ таковое зло грѣхъ ради нашихъ, какъ выражались лѣтописцы о всякихъ народныхъ бѣдствіяхъ, источникъ коихъ, по узости ихъ міровоззрѣнія, былъ имъ невѣдомъ.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ неизбѣжному заключенію, что массовыя народныя движенія слѣдуетъ называть «стихійными». Такими стихійными движеніями были всѣ великія, массовыя и мелкія народныя движенія—крестовые походы, движеніе народовъ стараго свѣта въ новый, движеніе народовъ запада на Россію въ 12-мъ году, настоящее движеніе германскаго міра противъ романскаго, вызванное не графомъ Бисмаркомъ и не Наполеономъ III, какъ полагаютъ близорукіе историки и публицисты стараго пошиба, а стихійными, національными побужденіями, неотразимымъ требованіемъ законовъ, открытыхъ Дарвиномъ, законовъ борьбы за существованіе, тѣхъ законовъ. подъ неотразимымъ нагнетеніемъ коихъ одна порода звѣрей пожираетъ другую, одна порода лѣса вытѣсняетъ съ своего поля и окончательно уничтожаетъ другую породу. Все это—явленія стихійныя, явленія, вытекающія изъ требованія законовъ жизни, изъ жизненныхъ инстинктовъ. Настоящее движеніе пруссаковъ на французовъ, эта страшная человѣческая рѣзня, совершающаяся у насъ на глазахъ,—не имѣетъ, поэтому, ничего политическаго, какъ не имѣли въ себѣ политической закваски, по толкованію г. П. Щ., и движенія понизовой вольницы, гайдамачина, пугачовщина. Вѣдь и графа Бисмарка нельзя судить какъ

«политическаго преступника», ни посадить въ крѣпость, конечно, съ прусской политической точки зрѣнія, хотя, наоборотъ, съ французской политической точки зрѣнія, его давно слѣдовало бы не только посадить въ острогъ, но и гильотинировать

Этихъ простыхъ истинъ г. П. Щ., повидимому, не понимаетъ, какъ не понимаетъ онъ и того, что не одни только тѣ движенія и акты народной дѣятельности можно назвать политическими, въ коихъ усматривается присутствіе «политическихъ *цѣлей*», т.-е. опредѣленныхъ, узко очерченныхъ намѣреній одного лица или ограниченнаго числа лицъ достигнуть тѣхъ или другихъ политическихъ результатовъ, какъ-то: заключить договоръ оборонительный или наступательный, составить политическій заговоръ противъ извѣстнаго правительственнаго лица или противъ коллективнаго выраженія извѣстной государственной власти, объявить войну, заключить миръ; но и тѣ, въ коихъ не усматривается этихъ цѣлей, а гдѣ люди идутъ массами, водимые или своими животными инстинктами, или, повидимому, безсмысленною страстью грабежа, или просто голодомъ, или, наконецъ, гражданскою деморализаціею, ненаучившеюся чтить ни святости законовъ, ни права собственности. Въ этихъ послѣднихъ движеніяхъ о политикѣ и рѣчи быть не можетъ, а между тѣмъ движенія эти нерѣдко разрушаютъ всѣ политическія комбинаціи правительствъ, завоевываютъ народу извѣстныя гражданскія и политическія права, ниспровергаютъ даже цѣлыя государства. Однимъ словомъ, какимъ бы эпитетомъ обозначилъ г. П. Щ. пугачовское движеніе, незаключавшее въ себѣ, по его словамъ, никакихъ «политическихъ цѣлей», еслибы Пугачову (отъ чего Богъ сохранилъ Россію) удалось «овладѣть всѣмъ Россійскимъ Государствомъ», хотя, какъ самозванецъ выражался самъ впослѣдствіи, онъ и не считалъ себя «по неумѣнію грамотѣ къ правленію быть способнымъ»? Безъ сомнѣнія, въ такомъ случаѣ г. П. Щ. не стѣснился бы пугачовщинѣ приписать значеніе «политическаго движенія» и воспѣвать пугачевскихъ генераловъ и графовъ. Значитъ, одно и то же движеніе бываетъ и политическимъ, и неполитическимъ, смотря по исходу движенія—чѣмъ-де кончится.

Ясно, что П. Щ. не выработалъ себѣ въ данномъ случаѣ прочнаго убѣжденія. Положенія его не имѣютъ никакого логиче-

скаго устоя, потому что основанія ихъ шатки, безпочвенны. Безъ сомнѣнія, онъ не нашелся бы что̀ отвѣчать, еслибъ его спросили: «гдѣ же, наконецъ, черта, разграничивающая политическія движенія государства отъ неполитическихъ?»

По нашему мнѣнію, вся эта шаткость историческихъ принциповъ г. П. Щ., кромѣ того, что изобличаетъ въ немъ похвальныя отношенія «къ народу», какъ къ «канальѣ», доказываетъ еще его историческую несообразительность, недостатокъ необходимой для рецензента, а тѣмъ болѣе для историка, начитанности, и вотъ вслѣдствіе этого его умственное блужданіе въ исторіи, какъ въ темномъ лѣсу, гдѣ онъ никакъ не можетъ разобраться, недоумѣвая, куда поставить одни явленія, куда другія, и какія изъ нихъ отдать въ политическій столъ историческаго департамента, какія въ уголовный, какія въ крѣпостной, ибо онъ смотритъ на народную исторію, какъ на уголовную палату, гдѣ судятся или политическіе преступники, или простые «канальи» мужики.

Одному изъ нашихъ критиковъ, г. Анучину, мы уже высказали («Отечествен. Запис.» 1868 г.), что всѣ историки стараго историческаго пошиба, нынѣ уже признаннаго негоднымъ и потому отвергнутаго, повинны передъ исторической наукой въ той капитальной и непоправимой для исторіи ошибкѣ, что существованіе государствъ, судьбы народовъ, движеніе человѣческихъ массъ и человѣческой мысли, побѣды науки и свѣта надъ невѣжествомъ и тьмою, свободы надъ рабствомъ, поступательный ходъ человѣчества къ совершенству (которое должно-же когда-нибудь настать для людей, несмотря на тормазъ, представляемый людьми-же, но только живущими, думающими, дѣйствующими и пишущими исторію по старой программѣ), успѣхи и неудачи человѣчества, страданія и лучшія чаянія людей,—что все это, какъ мельничныя колеса около оси шестерни, вращалось около королей, полководцевъ и генераловъ, что короли, полководцы и генералы, ихъ войны, побѣды и пораженія, придворныя интриги и происки не только правили судьбами народовъ, но и вели человѣчество туда, куда имъ захотѣлось, могли даже завести его туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ, какъ это, повидимому, и сдѣлалъ Наполеонъ III съ Франціей, доведя ее до седанской, мецской и прочихъ катастрофъ.

Напротивъ, современная историческая наука, которой г. П. Щ. не понимаетъ, говоритъ, что Наполеонъ III тутъ не причемъ: сама Франція, а не онъ, довела себя до того, что ея министрамъ приходится летать съ депешами на аэростатахъ, а государственныя тайны пришлось довѣрять голубямъ, и отъ ихъ посредства ждать спасенія Франціи.

Какъ г. Анучинъ негодную историческую мѣрку о королевскомъ и генеральскомъ промыслѣ надъ историческими судьбами человѣчества прилагалъ къ объясненію самаго крупнаго изъ народныхъ движеній не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, пугачовщины, и ничтожныя передъ общимъ ходомъ историческихъ судебъ русскаго народа имена разныхъ графовъ и генераловъ хотѣлъ связать съ великимъ актомъ движенія народныхъ массъ во второй половинѣ прошлаго вѣка,—движенія, не графами и не генералами вызваннаго, и не генералами и не графами усмиреннаго, какъ г. Анучинъ не понялъ, что движеніе это было продуктомъ всей исторической и политической жизни русскаго народа, и того неладнаго государственнаго склада, который неизбѣжно долженъ былъ вызвать если не пугачовщину, то что-нибудь подобное, или даже худшее, страшнѣйшее, именно «крестьянщину», поголовное возстаніе массъ народныхъ,—такъ точно г. П. Щ. эту негодную историко-критическую мѣрку о генеральскомъ промыслѣ надъ историческими судьбами человѣчества прилагаетъ къ исторіи русскаго народа, и отказываетъ въ политическомъ значеніи крупнымъ народнымъ движеніямъ потому только, что ими не заправляли ни князья, ни флигель-адъютанты.

Въ силу этого мы и теперь, какъ тогда, въ объясненіи съ г. Анучинымъ, должны снова повторить г. П. Щ. (непреложныя, добытыя современною наукою истины должны быть, по нашему мнѣнію, наивозможно чаще повторяемы, чтобъ онѣ стали, наконецъ, ясными и понятными и для тѣхъ, кто ихъ еще не понимаетъ, кто не могъ ихъ усвоить по отсталости своихъ взглядовъ), что къ историческимъ изслѣдованіямъ и не можетъ быть прилагаема другая мѣрка и оцѣнка, кромѣ той, какая нами прилагается къ объясненію народныхъ движеній, потому что всякая другая нка будетъ уже ложная и несовременная, ибо такая оцѣнка

логически вытекаетъ изъ фактовъ, даже болѣе — на основаніи статистическаго метода въ исторіи, на который указываетъ Бокль, такая оцѣнка вытекаетъ изъ цифръ, какъ неопровержимая математическая истина, если только къ ней будетъ относиться безъ предубѣжденія всякій неблизорукій историкъ, недумающій, что источникъ всего сущаго—генералы.

Какъ г. Анучину, котораго защищаетъ П. Щ., говорили мы тогда, такъ теперь будемъ вновь повторять самому г. П. Щ., что народныя движенія, являясь продуктомъ всей исторической и политической жизни русскаго государства, лежатъ внѣ личной дѣятельности генераловъ, графовъ и даже королей, внѣ воли тѣхъ, коихъ г. П. Щ. удостоиваетъ чести названія «политическихъ дѣятелей», потому что причины, движенія эти вызывающія, выше ихъ единичныхъ силъ и выше ихъ ума, какъ бы ни былъ свѣтелъ и обширенъ умъ даже тѣхъ людей, «которыхъ мы называемъ великими» (напрасно г. П. Щ. думаетъ, что мы въ данной фразѣ «выражаемся иронически»); что народныя движенія начинаются по весьма строгимъ законамъ исторической логики, отъ извѣстныхъ, весьма сложныхъ, весьма мелкихъ и весьма крупныхъ историческихъ и политическихъ причинъ, и улегаются по тѣмъ же историческимъ законамъ, отъ извѣстныхъ, тоже весьма сложныхъ, весьма мелкихъ и весьма крупныхъ причинъ, какъ по извѣстнымъ законамъ и по логикѣ природы начинается буря, ростетъ, крѣпнетъ, а потомъ ослабѣваетъ, падаетъ и улегается окончательно; что какъ въ поднятіи народныхъ движеній, такъ и въ поднятіи бури генералы и ихъ «политика» ни причемъ; что народныя движенія поднимаются совокупными усиліями *всѣхъ* (людей знатныхъ и ничтожныхъ, и тѣхъ, которые, по выраженію г. П. Щ., «выпускаютъ рубашку сверхъ портокъ», и тѣхъ, которые заправляютъ ее въ панталоны, людей политическихъ и не политическихъ, генераловъ и мужиковъ), и отъ *всѣхъ* причинъ совокупно взятыхъ,—причинъ крупныхъ и мелкихъ, причинъ политическихъ и неполитическихъ, что эти-то неизбѣжные и неизмѣнные историческіе законы, — законы человѣческой жизни, а не политика и дипломатія; что эти-то сложныя причины, и самыя крупныя, и самыя мелкія, эти-то живые матеріалы, изъ которыхъ сама собой

[redacted]

строится исторія государствъ и всего человѣчества, эти массовыя проявленія народной жизни и народныя смуты, и народныя бѣдствія, и бунты, и массовыя убійства, и разбои, — *это-то* именно и слѣдуетъ подмѣчать и изучать историку, а не играть роль лакея въ «политикѣ», подслушивая и подглядывая кабинетныя тайны политиковъ и шашни дипломатовъ, не копаться въ послужныхъ спискахъ генераловъ и графовъ, и ставить крупные акты проявленія народныхъ движеній въ зависимость отъ этихъ послужныхъ списковъ и жалкихъ усилій двухъ-трехъ генераловъ и графовъ, отъ политическихъ интригъ и дипломатическихъ шашень,— что этихъ сложныхъ, самыхъ мелкихъ, и потому самыхъ важныхъ причинъ, объясняющихъ источники движеній такихъ же мелкихъ народныхъ единицъ, въ совокупности составляющихъ гораздо бóльшія цифры, и гораздо бóльшія силы, чѣмъ цифры и силы всѣхъ королей, генераловъ и политиковъ вмѣстѣ взятыхъ, — что этихъ мелкихъ причинъ народныхъ движеній нельзя изучить ни въ государственныхъ архивахъ, куда сообщаютъ свѣдѣнія о явленіяхъ и причинахъ явленій только крупныхъ, и потому менѣе важныхъ для историка, чѣмъ причины и явленія мелкія, ни даже въ личной «политической» перепискѣ королей, генераловъ и дипломатовъ, что, наконецъ, мелкія, первичныя причины народныхъ движеній, измѣняющихъ всѣ «политическія» соображенія королей и генераловъ, можно изучать только въ глуши, по историческимъ проселкамъ, а не на «большой, столбовой дорогѣ», между народомъ, среди котораго всегда зачинаются эти первичныя явленія и движенія, нерѣдко мѣняющія физіономію государствъ, и доводящія до стѣны всѣ мудрыя соображенія политиковъ.

Какъ мы напоминали г-ну Анучину, такъ напоминаемъ нынѣ г-ну П. Щ., что въ исторической наукѣ совершается крутой поворотъ къ лучшему и что самые даровитые представители ея пришли къ тому убѣжденію, что для того, чтобы исторія была дѣйствительнымъ критеріумомъ судебъ народовъ, чтобы вполнѣ выяснить причины слишкомъ медленнаго роста человѣчества, надо по возможности меньше заниматься казенною политикою, а заняться и политикой массовой, народной, которая вовсе не похожа на политику казенную, надо изучать въ совокупности возможно большее

число однородныхъ мелкихъ опытовъ, и что пора наконецъ оставить въ покоѣ героевъ, политиковъ и великихъ людей, а заняться простыми смертными, народомъ, мужиками, «выпускающими рубашку сверхъ портовъ» или заправляющихъ ее въ штаны — все равно, и показать, почему эти смертные голодали или страдали, почему бунтовали массами и массами воровали, почему медленно подвигалось ихъ развитіе и почему они, никогда не слыхавъ о «политикѣ», затѣвали такія движенія, которыя причиняли большія безпокойства настоящимъ политикамъ и, безъ сомнѣнія, будутъ причинять таковыя и впредь, пока исторія будетъ заниматься не судьбами народовъ, а казенною политикою и судьбою генераловъ и графовъ.

Теперь, надѣемся, будетъ понятно для г-на П. Щ., что мы «не оскорбляемъ здраваго смысла и не подрываемъ всѣхъ основъ общества, противупоставляя разбойничьихъ атамановъ, воспѣтыхъ народомъ, тѣмъ людямъ которые признаны великими просвѣщенною частью націи, людямъ, которыхъ мы называемъ великими», какъ иронически будто-бы мы выражаемся насчетъ этихъ великихъ людей. Теперь, надѣемся, г. П. Щ. самъ убѣдится, что «протестъ», если онъ представляется массами, стихійно, есть такое явленіе, отъ котораго историкамъ, хоть-бы даже «политическимъ», отворачиваться не слѣдуетъ, какими-бы началами ни желали протестанты «замѣнить тѣ начала, противъ которыхъ они протестуютъ». Г. П. Щ. убѣдится, что историку не слѣдуетъ «кидаться отнимать изъ рукъ полиціи вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія», хотя-бы это и имѣло видъ протеста; но когда воруютъ милліоны воровъ, когда это является массовымъ движеніемъ, чѣмъ-то стихійнымъ, то историку слѣдуетъ особенно тщательно заняться этимъ явленіемъ, чтобы видѣть, чѣмъ оно вызвано, какою «политическою» мудростью доведены массы до необходимости воровать поголовно. Г. П. Щ. самъ конечно понимаетъ, что «порядочный человѣкъ не долженъ подбрасывать пукъ соломы въ горящій домъ, потому только что его тушитъ пожарная команда», и можетъ не «скорбѣть душею за каждаго убійцу, потому что онъ приговоренъ къ наказанію легальнымъ судомъ»; но если выгораютъ цѣлые города, горятъ до тла селенія, лѣса, но если убійцы въ данную эпоху являются ты-

сачами и сотнями тысячъ, то историкъ долженъ посвятить этой эпохѣ наиболѣе труда и наиболѣе своей исторической сообразительности и догадливости, чтобы уловить логику времени, уяснить логику повидимому странныхъ, абсурдныхъ фактовъ, отыскать, *гдѣ* сидитъ самое преступленіе—въ поджигателяхъ-ли, въ убійцахъ-ли, или въ комъ-либо другомъ, въ чемъ-либо иномъ: окажется, можетъ быть, что настоящій преступникъ не тотъ, котораго судятъ и наказываютъ «легальнымъ судомъ», а тотъ, который его судитъ, что настоящій поджигатель не тотъ, который подбросилъ подъ горящій домъ пукъ соломы, а тотъ, который отнялъ у этого поджигающаго всю пшеницу съ соломой и зернами, оставивъ ему только пукъ соломы. Послѣ этого, надѣемся, будетъ ясно для г. П. Щ., что «это не чудовищно», что для этого не надо «становиться на точку зрѣнія заводскихъ крестьянъ, башкиръ и киргизовъ, составлявшихъ шайки Пугачова, или тѣхъ «отверженцевъ общества», которыхъ мы будто-бы «поэтически называемъ понизовою вольницею», а слѣдуетъ только стать на точку зрѣнія современнаго историка, который не долженъ ничего имѣть общаго ни съ полицейскимъ сыщикомъ, ни съ камеръ-лакеемъ. И это не «демократія», какъ выражается П. Щ., это не то, будто мы, по толкованію г. П. Щ., «не стараемся извлечь полудикихъ людей изъ состоянія дикости, но, напротивъ, за одно съ ними наносимъ руку на основы цивилизаціи»—далеко не то: нѣтъ, это логическое и законное требованіе современной исторической науки, которая, подобно метлѣ, должна вымести изъ исторіи какъ соръ всѣ старыя, негодныя теоріи, въ силу коихъ исторія знать не хотѣла ни народа, ни его массовыхъ движеній, политическія-ли они или неполитическія—все равно, въ силу которыхъ исторія была или хронологическимъ указателемъ войнъ и дипломатическихъ интригъ, или послужнымъ спискомъ королей, ихъ фаворитовъ и фавориткъ, министровъ, генераловъ, и пр., въ силу которыхъ не мы, а историки стараго пошиба были и остаются отчасти безсознательно, отчасти сознательно, «адвокатами дикости противъ цивилизаціи», публичными обвинителями головы, ущемленной между молотомъ и наковальней.

Правда, г. П. Щ., какъ мы видѣли выше, благосклонно снис-

ходитъ и къ мужицкой исторіи. Онъ, хотя повидимому неохотно, соглашается, что отчего-де и не позволить нѣкоторымъ писателямъ руки марать, т.-е. заняться вульгарной, унизительной работой надъ исторіей «подлаго народа», какъ его величали историки прошлаго вѣка, что «почему-де не выводить на сцену крупныхъ представителей» протестовъ черни, что «почему-де не изучать спеціальнымъ образомъ тѣхъ сторонъ народнаго духа (подлаго, конечно) и народной жизни (грязной, конечно), которыя выдвигаютъ Заметаевыхъ и Тришекъ», что «почему-де не изобразить и если можно, то художественнымъ образомъ, тѣ движенія, на которыя иногда побуждаютъ народныя массы *дикіе и противуобщественные инстинкты* (голодъ, напримѣръ); но отнюдь не дозволяется возводить ихъ въ перлъ созданія «и называть эти движенія политическими движеніями».

Охотно соглашаясь съ г. П. Щ., что голодъ, напримѣръ, и страхъ смерти суть «дикіе и противуобщественные инстинкты», которые и поднимали на ноги голодныхъ и вызывали массами народныя движенія, мы все-таки не можемъ уступить г-ну рецензенту права отнимать у этихъ движеній эпитетъ «политическихъ», коль скоро таковыя движенія являются массовыми и стихійными, хотя съ точки зрѣнія г. рецензента, движенія эти равносильны движеніямъ «мелкаго вора, вытаскивающаго носовые платки изъ кармановъ при выходѣ изъ церкви или при входѣ въ театръ». При всемъ томъ, мы не можемъ понять, почему бѣдный народъ и его «движенія» (боимся назвать ихъ «политическими») заслужили такое глубокое нерасположеніе г. П. Щ., нерасположеніе, отзывающееся брюжжаніемъ старой помѣщицы на своихъ бывшихъ крѣпостныхъ дѣвокъ. Это нерасположеніе мы можемъ объяснить развѣ только тожествомъ рецензента г. П. Щ. съ историкомъ П. Щебальскимъ, который страдаетъ органическимъ порокомъ хроническаго пристрастія къ князьямъ, графамъ и герцогамъ, и непонимаетъ другой исторіи, кромѣ исторіи о князьяхъ и графахъ, какъ это видно даже изъ его литературнаго формуляра, опубликованнаго г. Межовымъ *). Изъ этого формуляра усматри-

*) Литература русской исторіи за 1859—1867 гг., т. I.

вается, что въ качествѣ ловкаго чиновника историческихъ казенныхъ порученій, г. Щебальскій терся только около сановныхъ лицъ русской исторіи и произвелъ слѣдующія полицейско-историческія дознанія: 1) по дѣлу о «перепискѣ *императрицы* Екатерины II-й съ *графомъ* В. И. Панинымъ» («Русскій Вѣстникъ» 1863, № 6), 2) по дѣлу о литераторствѣ молодого *графа* Миниха («Чтен Моск. Общ. ист. и древ.» 1859 года. № 3), 3) по дѣлу о «процессѣ *царевича* Алексѣя» («Спб. Вѣд.» 1859 года № 280), 4) по дѣлу «о происхожденіи *императрицы* Екатерины I-й» («Чт. Моск. общ. 1860 № 2), 5) по дѣлу о «вступленіи на престолъ *императрицы* Анны» (Рус. Вѣстн. 1859. т. XIX, ч. I), 6) по дѣлу о «*королевѣ* Ядвигѣ и *князѣ* Ягеллѣ» (тамъ-же 1861, №№ 2 и 3), 7) по дѣлу о *князьяхъ* Чарторижскихъ, Радзивиллахъ, Потоцкихъ и пр. по «запискамъ Вареоломея Михайловскаго» (Отеч. Зап. 1860, № 12). 8) по дѣлу о «курляндскомъ *герцогѣ* Биронѣ» (Чт. Мос. Общ, 1862, № 1). 9) по дѣлу о «*князѣ* Меншиковѣ и *графѣ* Морицѣ Саксонскомъ» (Рус. Вѣс. 1860, №№ 1 и 2), 10) по дѣлу о «жизни *графа* Сперанскаго» (Вѣкъ, 1861, №№ 44 — 46). 11) по дѣлу о «политическихъ системахъ *императора* Петра III», 12) по дѣлу объ «*императрицѣ* Екатеринѣ II какъ писательницѣ» (Заря), и проч., и проч. Самую карьеру свою какъ историческаго камеръюнкера г. Щебальскій началъ съ того, что произвелъ формальное слѣдствіе о «*царевнѣ* Софьѣ Алексѣевнѣ» (Рус. Вѣс. 1856)—вездѣ только *императрицы, царевны, царевичи, королевы; императоры, князья, графы, герцоги*: только для нихъ и находится слово у камеръ-юнкера русской исторіи. Понятно, что для г. Щебальскаго самое названіе «народъ», sainte canaille—ненавистно, а при словѣ «народъ», «народныя движенія», особенно «политическія», у него, какъ у одной героини г. Островскаго при словѣ «жупелъ», руки и ноги дрожатъ. Понятно, что для него мыслимо одно только возведеніе въ «перлъ созданія»—это князей, графовъ, герцоговъ, и въ крайнихъ только случаяхъ простыхъ генераловъ. Понятно, что его возмущаютъ всякія «народныя движенія», которыя онъ называетъ выраженіемъ «дикихъ и противуобщественныхъ инстинктовъ» массы. Но спрашивается, чѣмъ же чище, чѣмъ менѣе *дики и противу*общественны инстинкты, побуждающіе нѣмцевъ рѣ-

зать французовъ такими массами, что передъ этой рѣзней пугачовщина и гайдамачина—дѣтскія игры и конечно не могутъ быть возведены въ перлъ созданія. Этотъ перлъ созданія безспорно принадлежитъ тому, кто подвинулъ два повидимому высоко цивилизованные народа на эту «политическую войну», которая, безъ сомнѣнія, была бы немыслима, еслибъ историки, не только русскіе, но и германскіе и французскіе, раньше своротили съ большой, столбовой исторической дороги и больше обращали вниманія на народъ, чѣмъ на генераловъ и графовъ.

Признавая такимъ образомъ нравственнымъ долгомъ современной исторической науки изученіе всѣхъ сторонъ народной жизни и проявленій народнаго духа, исходя изъ мысли, что изученіе это лежитъ въ признанной уже наукою необходимости подчиненія единичныхъ интересовъ, хотя бы это были интересы правительственные, интересамъ массовымъ, народнымъ, что къ изученію этому ведетъ конечная цѣль человѣческаго знанія—обществовѣдѣніе, соціологія, которая должна стать послѣднимъ словомъ человѣчества,—мы рѣшительно утверждаемъ, что для современнаго историка не должно существовать другой нравственной и гражданской задачи, кромѣ изученія проявленій народнаго духа и народныхъ движеній. А какъ проявленія эти и движенія совершаются массами, по законамъ стихійныхъ явленій, то другого способа и не представляется для историка къ выполненію великой задачи современной исторіи, кромѣ изученія, по методу статистико-математическому, какъ народной жизни, нуждъ, печалей и радостей народа, его пороковъ и преступленій, особливо массовыхъ, его жизненной и гражданской обстановки, его экономическаго положенія и даже условій почвы и климата, на народную жизнь и народную физіономію воздѣйствующихъ. Однимъ словомъ, прежде изучимъ причины и подмѣтимъ источники стихійныхъ явленій и движеній въ народѣ, и тогда уже рѣшимъ споръ объ эпитетѣ этихъ движеній. Полагаемъ, что эпитетъ этотъ будетъ—«стихійно-политическіе», подобно тому, какъ недавно графъ Бисмаркъ въ одной изъ своихъ дипломатическихъ нотъ заявилъ, что настоящее великое движеніе германской націи есть выраженіе стихійно-политическо-національныхъ стремленій англо-саксонской расы про-

тивъ расъ романской и прочихъ, или нагнетеніе болѣе высокой англо-саксонской цивилизаціи на цивилизаціи сравнительно слабѣйшія

Оканчивая нашу замѣтку о стихійно-политическихъ движеніяхъ русскаго народа, мы считаемъ необходимымъ оговориться въ допущеніи того нѣсколько рѣзкаго тона, которымъ невольно отдаетъ наша отповѣдь г-ну рецензенту «Русскаго Вѣстника». Мы осмѣлились дозволить себѣ этотъ тонъ нѣкоторой безцеремонности въ отношеніи къ писателю, позволяющему себѣ открыто говорить неправду и въ силу этой фальсивности обвинять богъ-знаетъ въ чемъ.

Говоря, что «для основательнаго изученія этого темнаго міра» (то-есть исторической жизни русскаго народа и его движеній) «ничто не можетъ замѣнить простонародныя пѣсни и, частію изустныя преданія, сохраняющіяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, на которыя наша историческая наука не обратила еще достаточнаго вниманія, и изъ которыхъ, напротивъ, г. Мордовцевъ черпаетъ обѣими руками», говоря затѣмъ, что это-то и «придаетъ особую оригинальность и особую занимательность» нашимъ разсказамъ, «такъ что нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, разсказъ о гайдамачинѣ, читается какъ романъ», г. П. Щ. добавляетъ, будто-бы мы «почему-то называемъ *гайдамачину—гайдомачиной.*»

Принимая слова г. П. Щ. о томъ, что монографіи наши читаются какъ романъ, за комплиментъ, и полагая, что, по нашему мнѣнію всякому пишущему слѣдуетъ поставить въ заслугу скорѣе то, если онъ пишетъ такъ, что его произведенія читаются какъ романъ, чѣмъ если онъ пишетъ такъ, какъ пишетъ г. Щебальскій, туманныя и дубоватыя историческія изслѣдованія коего о князьяхъ и графахъ читаются съ убійственной позѣвотой. мы считаемъ необходимымъ серьёзно замѣтить нашему рецензенту, что всякій имѣетъ право нетолько не соглашаться съ другимъ писателемъ во мнѣніяхъ, но даже приписывать ему то, чего онъ не думаетъ говорить (ибо, въ послѣднемъ случаѣ, можно оговориться еще тѣмъ, что одинъ такъ понимаетъ мои слова, а другой иначе, смотря по силѣ понимательныхъ способностей, по степени умственной близорукости): но выдумывать прямую ложь—на это ни одному писателю не дано права. Г. П. Щ. говоритъ, что «гайдамачину»

я называю «гайдомачиной», и это искаженное названіе выписываетъ даже въ заголовкѣ своей рецензіи на мои монографіи, какъ-будто монографіи эти и напечатаны подъ такимъ искаженнымъ наименованіемъ. Но гдѣ-же нашелъ эти искаженія г. П. Щ.? Я сначала думалъ, что въ печати вкралась типографская ошибка, и какъ-нибудь нечаянно проскользнуло это несчастное *о* тамъ, гдѣ ему не слѣдовало быть. Для этого я просмотрѣлъ свою монографію въ журналѣ, въ первоначальномъ ея видѣ, и оказалось, что злосчастнаго *о* нѣтъ тамъ. Я думалъ, наконецъ, что издатель, г. Плотниковъ, выпустившій въ свѣтъ мою монографію особымъ изданіемъ, допустилъ въ нее эту неумѣстную букву (*о*) Но оказалось, что ея нѣтъ и въ изданіи г. Плотникова — вездѣ *а* на своемъ мѣстѣ. Гдѣ-же г. П. Щ. отыскалъ неподобающее *о*, если не въ своей изобрѣтательной фантазіи? Этотъ фактъ, кромѣ того что поражаетъ своею неблаговидностью, какъ мелкая, неимѣющая даже школьническаго значенія уловка, показываетъ еще болѣе неблаговидную сторону дѣла: оказывается, что г. П. Щ. *не видалъ* моихъ книгъ, которыя онъ критически разбираетъ, или сболтнулъ, какъ Хлестаковъ, увѣряя, что онъ написалъ Юрія Милославскаго. Какъ-же послѣ этого вѣрить искренности словъ г. П. Щ. и честности его отношеній къ историческому дѣлу?

Въ заключеніе мы должны научить г. П. Щ. (если онъ этого не знаетъ до сихъ поръ), что въ исторіи каждаго государства или, говоря болѣе научно, въ жизни каждаго государственнаго или общественнаго тѣла, представляющаго собою живой организмъ, подчиненный общимъ законамъ біологіи, строго и неизмѣнно оправдывается тотъ основный біологическій законъ, въ силу котораго каждый высшій и сложнѣйшій организмъ является только послѣ низшаго и простѣйшаго и, слѣдовательно, составляетъ его продуктъ, — что каждый изъ этихъ высшихъ и сложнѣйшихъ организмовъ, въ способахъ своего существованія, опирается на свой первичный организмъ, свой низшій и простѣйшій первообразъ, и что, наконецъ, каждый высшій и сложнѣйшій организмъ, будь это организмъ звѣря, человѣка или цѣлаго государства, заключаетъ въ себѣ всѣ элементы и всѣ свойства всѣхъ предъидущихъ организмовъ, которые были, такъ-сказать, его предками, подобно

тому, и государство, его политика, его правительство и его исторія заключаютъ въ себѣ всѣ элементы и всѣ свойства всего своего народа, начиная отъ графовъ и князей и кончая Заметаевыми и Брагиными. Такимъ образомъ «Исторія Государства Россійскаго», на основаніи законовъ біологіи, есть продуктъ исторіи Заметаевыхъ, Брагиныхъ, даже Тришекъ, и вообще всего народа съ его массовыми, стихійными движеніями; на нихъ эта исторія опирается въ своемъ существованіи и заключаетъ въ себѣ *всѣ* элементы и *всѣ* свойства, полученныя изъ исторіи предковъ, какъ-то Заметаевыхъ, Тришекъ и *всего* народа.

1871.

[redacted]

Участіе семинаристовъ въ народныхъ движеніяхъ прошлаго вѣка.

«Элементъ движенія и порывистой дѣятельности (русскіе бѣглые и гулящіе люди, самозванцы, воры-разбойники, понизовая вольница, бродяги непомнящіе родства и бѣгуны) такъ-же присущъ народу русскому, какъ и строго-консервативный элементъ, выражаемый осѣдлою общиною — деревнею и селомъ, ихъ крѣпостью быта, необыкновенною привязанностью къ старинѣ. Сліяніе этихъ двухъ силъ нашей народности, силы центробѣжной и центростремительной, необыкновенно развитыхъ въ народѣ русскомъ и проходящихъ черезъ всю нашу исторію,—служитъ самымъ вѣрнымъ залогомъ дальнѣйшаго могущества нашего отечества».

Владиміръ Ламанскій.

I.

При сравненіи народныхъ движеній прошлаго вѣка, какъ пугачовщина и гайдамачина, съ народными движеніями нашего времени, какъ картофельные бунты, появленіе лже-Константиновъ и мнимые крестьянскіе бунты, вызванные недоразумѣніями при введеніи крестьянской реформы (напримѣръ, бездниввское дѣло),—нельзя не видѣть громадной разницы между этими движеніями, какъ по объему ихъ, такъ и по характеру. При этомъ сравненіи отрадное преимущество выпадаетъ на долю нашего времени.

Въ прошломъ вѣкѣ, всякое недоразумѣніе въ народѣ вызывало вспышку въ массахъ, и народное движеніе становилось крупнымъ,

серьезнымъ. Въ народѣ проявлялось разомъ упорное единомысліе, и стойкость не покидала волнующіяся массы даже въ то время, когда вооруженныя войска стояли уже лицомъ къ лицу съ народомъ. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ, особенно въ послѣднее время, мнимые народные бунты являются просто крупнымъ, повальнымъ недоразумѣніемъ, и въ этихъ бунтахъ народъ является рѣшительно неповиннымъ. Нестройныя толпы крестьянъ какъ испуганныя овцы обращаются въ бѣгство при видѣ штыковъ и при первомъ грохотѣ не пушекъ, а просто барабановъ, какъ это весьма наглядно изображено г-номъ Демертомъ въ «Новой волѣ» *). Въ прошломъ вѣкѣ, всякая вспышка становилась дѣйствительнымъ народнымъ движеніемъ, активнымъ заявленіемъ какихъ-либо прямыхъ требованій, или смутно сознаваемыхъ чаяній чего-то лучшаго, и движенія эти, изъ отдѣльныхъ вспышекъ, превращались въ сплошныя, въ массовыя. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ народъ не волнуется, а пассивно не повинуется какому-либо распоряженію, пассивно недоумѣваетъ, и самыя проявленія этого неповиновенія и недоумѣнія идутъ не полосами, какъ въ прошломъ вѣкѣ, а какъ-то спорадически, разбросанно, безъ всякаго активнаго заявленія какихъ-либо прямо поставленныхъ требованій.

Явленіе это заставляетъ предполагать, что или въ народѣ съ того времени нѣсколько сложился и нѣсколько окрѣпъ политическій смыслъ и тактъ, такъ какъ невѣдѣніе всегда обладаетъ безсмысленной отвагой въ болѣе значительной степени, чѣмъ опытность, или народу теперь несравненно лучше живется, и онъ не видитъ необходимости ставить на карту свою жизнь, какъ онъ иногда ставилъ ее въ прошломъ вѣкѣ, когда жить было слишкомъ тяжело, и пожертвовать жизнью для него ничего не стоило, потому что самая жизнь эта, при ея безвыходности, стоила слишкомъ дешево. А дешева она была потому, что на нее, какъ на всякій ненужный товаръ, запросу не было—не стоило жить, чтобы маяться. Теперь не то: теперь у народа есть и настоящее и будущее.

Но народныя движенія какъ прошлаго, такъ и нынѣшняго

*) «Отечеств. Записки» за 1869 г.

вѣка вызывались бо̀льшею частью аналогическими явленіями въ государственной жизни Россіи. Въ этомъ—точка соприкосновеній народныхъ движеній. И тѣ и другія движенія получали силу, главнымъ образомъ, сколько въ недовольствѣ правительственною регламентаціею, которая въ извѣстные періоды оказывала наибольшее давленіе на массы, столько-же и въ недовольствѣ существующимъ порядкомъ вещей. Если мы замѣчаемъ, что народныя движенія нашего времени слабы и неединодушны въ сравненіи съ движеніями прошлаго вѣка, если въ заявленіи народныхъ требованій, тогда можетъ быть нелѣпыхъ съ государственной точки зрѣнія, видно менѣе стойкости, то нѣтъ основанія отрицать, что въ наше время народу несравненно легче живется, ибо нельзя предполагать, чтобы массы въ прошломъ вѣкѣ дѣйствовали дружнѣе и осмысленнѣе потому, что были болѣе чѣмъ теперь развиты политически и граждански.

Въ основѣ пугачовщины и гайдамачины лежала та безвыходность положенія, въ которую былъ поставленъ какъ великорусскій, такъ и малорусскій народъ обидно сложившимся для него государственнымъ строемъ и тою исторической несправедливостью въ отношеніи къ нему, которая хотя и была закрѣплена, такъ сказать, и освящена юридически, но съ которою все-таки не могло помириться ни нравственное чувство народа, ни его гражданскій смыслъ. Но и пугачовщина и гайдамачина, имѣя точкою отправленія эту историческую неправду, источникъ для своей силы нашли въ протестѣ народа—въ протестѣ опять-таки, можетъ быть, безсмысленномъ съ государственной точки зрѣнія—противъ правительственной регламентаціи, которой давленіе казалось народу столько-же невыносимымъ, сколько и несправедливымъ. Ядро пугачовщины составляло русское казачество всѣхъ наименованій, которое сознавало, что казацкія вольности отживали свой вѣкъ, и что государственная регламентація скоро нивелируетъ всѣ эти неровности подъ одинъ уровень, сгладитъ всѣ гражданскія неровности и шероховатости казачества. Самымъ прочнымъ ядромъ гайдамачины тоже является казачество запорожское, которое также не могло не сознавать, что казацкія вольности приходится хоронить, что московскіе порядки скоро «уберутъ въ мѣшокъ» все

казачество, какъ они убрали въ этотъ мѣшокъ Малороссію, и что скоро «завяжутъ этотъ мѣшокъ», какъ выражались сами запорожцы.

Для народныхъ движеній новѣйшаго времени точкою отправленія тоже служило стремленіе народа возстановить исторически нарушенную экономическую и нравственную правду; но какъ время уже само собой возстановило часть нарушенной правды, и народу сравнительно жилось легче, то и протесты его противъ помянутой исторической неправды становились все слабѣе и слабѣе.

Слѣдующіе за симъ факты достаточно обнаружатъ, какія ничтожныя, повидимому, обстоятельства могли служить въ прошломъ вѣкѣ починомъ для народныхъ движеній.

II.

Болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ того, какъ пугачовщина улеглась уже окончательно, и юго-востокъ Россіи успокоился, именно въ маѣ 1776 года, въ Астрахань, какъ въ главный административный пунктъ средняго и нижняго Поволжья, пришло изъ калмыцкихъ степей извѣстіе отъ «пристава» калмыцкаго народа «коллежскаго коммисара» Везелева: что по развѣдыванію его, чрезъ объявленіе ему по знакомству, секретно отъ калмыкъ, *произносится въ дербетьевомъ улусѣ слухъ, яко-бы оказался такой-же, какъ прежде былъ злодѣй;* о чемъ де подтвердили ему, Везелеву, зайсангъ Чидангъ-Убаши и калмыцкой попъ Баахангъ-гелюнгъ и находящіеся въ услуженіи у него калмыки, и толмачъ Степанъ Горійковъ, что и они таковыя разглашенія отъ знакомыхъ имъ калмыкъ, а оные отъ россійскихъ людей слышали.

Какъ ни нелѣпо было извѣстіе о томъ, что Пугачовъ, котораго самый пепелъ былъ развѣянъ по воздуху, вновь «оказался», однако, въ виду страшнаго призрака пугачовщины, стоявшаго тогда еще у всѣхъ за спиною, такую опасную народную молву нельзя было *оставлять* безъ вниманія.

Въ то-же время отъ границъ донского войска доходили слухи, что кочевавшіе тамъ калмыки, «на коняхъ и пѣшки въ великомъ количествѣ собравшись, и расположились въ нѣкоемъ урочищѣ съ такою продерзостію, чтобъ устремиться на грабежъ въ россійскія селенія». Мало того, эта странная молва мгновенно разошлась по среднему Поволжью, и волненіе въ умахъ разомъ сказалось тѣмъ, что по деревнямъ въ ожиданіи того, что «вскорѣ окажется Пугачовъ», уже «чинились не малыя шалости».

Эти грозные симптомы возрождающейся народной смуты требовали разумѣется прежде всего выслѣдить источникъ слуховъ о появленіи второго Пугачова. Когда до Астрахани дошло это извѣстіе отъ коммисара Везелева, астраханская губернская канцелярія въ тотъ-же день послала въ Царицынъ съ нарочнымъ указъ, «коимъ велѣно вышепоказанныхъ разгласителей зайсанга Чидангъ-Убаши и калмыцкаго попа Баахань-гелюнга пристойнымъ образомъ секретно спросить: отъ кого именно изъ русскихъ людей они такое ложное разглашеніе слышали, и если покажутъ на кого изъ находящихся въ дербетовомъ улусѣ, или вблизости онаго, таковыхъ переловя и заклепавъ въ твердые ручные и ножные кандалы. за крѣпкимъ карауломъ для пересылки сюда отослать при рапортѣ его къ вамъ. А буде таковые злоумышленники, по доказательству калмыкъ находиться будутъ въ Царицынѣ, или въ окрестности онаго, то о поступленіи съ ними таковымъ-же образомъ чрезъ репортъ его далъ знать вамъ. Въ случаѣ-же ихъ зайсанга и гелюнга о разгласителяхъ закрывательства, самихъ ихъ за карауломъ въ Астрахань прислать, и если по ихъ иногда упрямству и непослушанію, не будетъ онъ. Везелевъ, въ силахъ оное съ ними учинить, то для сего сколько надобно будетъ истребовать пристойную команду отъ васъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Цыплетеву предписывалось, что «если вышеписанные злодѣи окажутся въ другихъ отдаленныхъ отъ Царицына мѣстахъ, то о искорененіи оныхъ и о принятіи въ томъ въ силѣ указовъ предосторожности, сообщить въ тамошнія ближайшія команды, и къ пребывающему въ Саратовѣ г. генералу-маіору Пилю».

Между тѣмъ, пока нарочный изъ Астрахани скакалъ въ Царицынъ, а изъ Царицына дѣлались распоряженія объ опросѣ раз-

гласителей опасныхъ слуховъ, зайсанга и гелюнга, волненіе не замедлило перенестись въ предѣлы волжскаго войска, которое и во время Пугачова весьма легко отшатнулось отъ правительства.

2-го іюня, въ резиденціи атамановъ волжскаго войска, въ Дубовкѣ, рано утромъ ударили въ набатные колокола на колокольнѣ. Какъ казацкое начальство, такъ и обыватели приняли набатный звонъ за извѣщеніе о пожарѣ, и выбѣжали изъ домовъ на улицы. Но такъ какъ признаковъ пожара нигдѣ не было видно, то всѣ бросились къ церкви, откуда раздавался набатный колоколъ; оказалось что всю эту тревогу затѣяли казаки, возвратившіеся изъ-за Волги, гдѣ были расположены казацкіе зимовники. Войсковой старшина Савельевъ, который въ это самое время возвращался съ своего хутора въ станицу, прискакалъ на площадь, гдѣ уже толпилось въ безпорядкѣ почти все населеніе Дубовки.—«старый и малый обоего пола станичные люди и изъ россійскихъ людей, тако-жъ бурлаковъ и ватажанъ великое сборище».

— Кто и съ какого поводу сію тревогу учинилъ? спрашивалъ старшина.

— Орда идетъ! кричали въ толпѣ.

— Давай пушки и казеннаго пороху! возвышали голосъ казаки.

Казачій сынъ Мечниковъ, подбѣжавъ къ старшинѣ, который былъ на лошади, и ухватившись за «чумбуръ», говорилъ «съ азартомъ и съ великою наглостію»:

— Моего отца въ предшедшее злодѣйское нападеніе убили, и достатки наши, тако-жъ и достатки всего войска отняли. А нынѣ все войско въ разоръ разорятъ.

— Кто насъ разорить можетъ? спрашивалъ старшина.

— Батюшкины разорятъ, отвѣчали одни.

— Оказался такой-же батюшка, какъ былъ прежде, отвѣчали другіе.

— Съ нимъ и киргизъ-кайсаки наступаютъ, и наши зимовники грабятъ, раздавались голоса, пока старшина напрасно усиливался возстановить порядокъ.

Когда ему удалось наконецъ возстановить нѣкоторую тишину на площади, казаки, бывшіе за Волгою, и въ томъ числѣ Мечниковъ, объяснили ему причину тревоги.

Причина эта, какъ оказалось, подготовлялась съ самаго начала весны 1770 года. Верховые бурлаки, плывшіе на судахъ въ Астрахань, передавали казакамъ, что въ Петербургѣ уже «отпечатанъ всемилостивѣйшій манифестъ—о дарованіи всему россійскому царству вольности», но что указъ этотъ дворяне утаиваютъ. Бурлаки говорили, что Пугачовъ казненъ въ угоду дворянамъ, и что государыня, «боясь новаго кровопролитія и всѣмъ людямъ конечнаго разоренія, по совѣту съ митрополитомъ», рѣшилась «отпустить своихъ подданныхъ и раздѣлить все россійское государство, землю и воду, между дворянами и купцами, тако-жъ и подлыми людьми поровну». Или казаки не обращали никакого вниманія на толки бурлаковъ, или-же боялись заявлять о томъ подлежащимъ властямъ, только начальство не принимало никакихъ мѣръ къ подавленію слуховъ и перешептываній (что, впрочемъ, было-бы физически невозможно), а можетъ быть даже ничего и не знало о томъ, о чемъ перешептывались оборванные и разоренные бывшею смутою бурлаки съ такими-же разоренными казаками.

Въ маѣ, нѣкоторые дубовскіе казаки, въ томъ числѣ и Мечниковъ, находились по своимъ дѣламъ въ калмыцкой ордѣ, и отъ знакомыхъ калмыковъ въ дербетевыхъ улусахъ слышали, что въ русскихъ селеніяхъ народъ снова ожидаетъ появленія «батюшки». Этимъ именемъ народъ величалъ иногда Пугачова.

— У насъ батюшки нѣтъ, говорилъ Мечниковъ калмыкамъ, передававшимъ ему этотъ слухъ:—оный названный батюшкою получилъ въ Москвѣ достойную казнь; у насъ-же на престолѣ всемилостивѣйшая государыня Екатерина Алексѣевна.

— Каковъ былъ батюшка, таковъ и впредь будетъ, отвѣчали ему калмыки.

Возвратившись изъ орды въ волжское войско, Мечниковъ никому не говорилъ о толкахъ, слышанныхъ имъ въ дербетевыхъ улусахъ, тѣмъ болѣе, что скоро долженъ былъ отправиться за Волгу, гдѣ у волжскихъ казаковъ, имѣвшихъ тамъ зимовники, паслись стада и имѣлось другое хозяйство. Вечеромъ 1-го іюня, когда Мечниковъ и другіе казаки оканчивали уже свои дневныя работы на своихъ зимовникахъ, прискакалъ къ нимъ изъ степи наемный пастухъ, малороссіянинъ Лавриненко, и объявилъ, что на

земли волжскаго войска «орда идетъ» и что всѣ казацкія стада рогатаго и мелкаго скота, а равно табуны лошадей «несомнѣнно» будутъ киргизами угнаны, а зимовники ихъ разорены. Лавриненко добавлялъ, что, по слухамъ, которые ему передавали другіе пастухи, движеніемъ орды заправляетъ «именующій себя царемъ, а доподлинно кто онъ—никто не знаетъ». Орда остановилась на роздыхъ въ нѣсколькихъ «гонахъ» отъ владѣній волжскаго войска и на другой день должна овладѣть русскими форпостами, расположенными на луговой сторонѣ Волги.

Слухи эти вынудили Мечникова и другихъ казаковъ бѣжать изъ-за Волги и оповѣстить войску объ угрожающей ему опасности. Это оповѣщеніе они и произвели посредствомъ набатнаго колокола.

III.

Нѣтъ никакого основанія заключать, чтобы смутные слухи, которые тайно передавались калмыками дербетевыхъ улусовъ, о томъ, что «оказался такой-же какъ прежде былъ злодѣй», имѣли какое-либо соотношеніе и связь съ принесенною изъ-за Волги вѣстью, о какомъ-то царѣ, который идетъ во главѣ киргизъ-кайсацкаго ополченія. При всемъ томъ эти разнородные слухи взаимно однимъ другимъ подкрѣплялись, и когда народъ уже готовъ былъ вѣрить всему необычайному, слухи эти не могли не поколебать народнаго спокойствія. Съ одной стороны, вооруженные и приготовившіеся въ походъ калмыки готовы были, при первомъ поводѣ, оставить свои степи и броситься на русскія селенія, или на беззащитныя донскія станицы; съ другой стороны, ожидалось нападеніе киргизъ-кайсацкой орды, и волжское войско, почти все находившееся въ командировкахъ, не могло защищать своихъ земель и станицъ, которыя со всѣхъ сторонъ были обнажены.

Вотъ почему такая тревога мгновенно охватила все населеніе Дубовки, когда раздался набатный колоколъ и когда станица узнала причину тревоги.

Войсковой старшина тотчасъ-же приказалъ составить казачій «кругъ», или военный совѣтъ, призывая стариковъ и служилыхъ казаковъ на «майданъ», гдѣ происходили станичныя совѣщанія.

— Зачѣмъ на майданъ! кричалъ Мечниковъ, окруженный «малолѣтками».

— На майданѣ всей станицей не уставиться! кричали другіе.

— Гдѣ стоимъ, тутъ и кругъ сдѣлаемъ, говорили малолѣтки, приступая къ старшинѣ:—и мы хотимъ войсковое дѣло вѣдать.

Старшина грозилъ арестовать безпокойныхъ малолѣтковъ, а Мечникова «строжайше штрафовать по силѣ воинскихъ артикуловъ». Но ни Мечниковъ, ни малолѣтки никого слушать не хотѣли.

— Наши головы за все войско подъ азіятскіе арканы стать должны, нашимъ головамъ и думать совокупно съ войскомъ слѣдуетъ, говорилъ Мечниковъ.

— Мечниковъ говоритъ дѣло, замѣтилъ старый казакъ Сакминъ.

— Дѣло! дѣло! кричали малолѣтки.

— И молодымъ и старымъ головамъ думать воедино, кричали изъ толпы.

— Не ходи на майданъ!

— Казаки и казачьи дѣти, въ кругъ! разступитесь, господа казаки!

Волненіе было такъ велико, что старшина увидѣлъ положительную невозможность противодѣйствовать общему настроенію, и казачій кругъ состоялся около церкви.

На общемъ совѣтѣ порѣшили—немедленно отправиться всею станицею за Волгу, для встрѣчи непріятеля. Казаки, старые и молодые, а равно малолѣтки, едва способные носить оружіе и никогда «въ полѣ не бывшіе», всѣ вооружились чѣмъ кто могъ. И ружей и пороху было недостаточно, потому что станичный цейхаузъ давно не наполнялся боевыми припасами, и потому, безружейнымъ казакамъ и малолѣткамъ приходилось вооружаться «дратовищами», саблями, ножами и рогатинами. Всѣ веревки изъ конскаго волоса обращены были въ арканы, которыми можно было-бы равносильно противодѣйствовать киргизскимъ арканамъ. Всѣ ста-

ничныя и рыбацкія лодки немедленно были собраны на пристани и нѣкоторыя изъ нихъ осмолены и законопачены.

Черезъ нѣсколько часовъ казаки были уже за Волгою. Въ тоже время въ Царицынъ поскакалъ нарочный съ просьбою о немедленномъ «сикурсѣ». Но пока въ Царицынѣ дѣлалось распоряженіе о командированіи въ помощь казакамъ подкрѣпленія, дубовцы вынуждены были встрѣтиться лицомъ къ лицу съ киргизами и собственными слабыми силами отражать въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля.

За Волгой въ то время устроены были наблюдательные пикеты, или форпосты, нѣчто въ родѣ жалкихъ укрѣпленій. На форпостахъ было иногда по нѣскольку сторожевыхъ казаковъ, а иногда и никого не было. На форпостахъ-же полагалось имѣть и артиллерію, но артиллерія эта состояла иногда изъ одной, или двухъ старыхъ негодныхъ пушекъ, а на иномъ форпостѣ ни одной пушки, и вся защита могла состоять только въ томъ, что форпостные казаки, въ виду приближенія непріятеля, запирали ворота форпоста и ждали, пока киргизы выбьютъ эти ворота или подожгутъ ихъ при помощи соломы.

Такимъ образомъ дубовскіе казаки немедленно заняли форпосты, а часть станичниковъ отрядили въ степь, отчасти для пригона къ Волгѣ, или къ форпостамъ войсковыхъ табуновъ и стадъ, отчасти-же для развѣдыванія о движеніи и силахъ непріятеля.

Разъѣздные казаки къ вечеру того-же дня столкнулись съ такимъ-же разъѣздомъ киргизовъ. Казаки, открывъ по нимъ огонь, ранили у одного киргиза лошадь и, настигнувъ его, взяли въ плѣнъ. Послѣ допроса «съ жестокимъ пристрастіемъ», плѣнный объявилъ, что отрядъ киргизовъ, «въ знатномъ количествѣ», вышелъ изъ степей и направляется къ Волгѣ, «для поимки россійскихъ людей, а равно для загону стадъ и табуновъ, что не позже какъ въ наступающую ночь, или раннимъ утромъ слѣдующаго дня они намѣрены сдѣлать нападеніе на форпосты». Казаки приготовились къ оборонѣ. Настала ночь—киргизовъ нѣтъ. Наступилъ день, казаки все напрасно выжидаютъ появленія непріятеля. Скотъ и лошади, изъ предосторожности согнанные къ форпостамъ, напрасно голодали. Выжидательное положеніе становилось тягостнымъ и ка-

заки рѣшились отогнать скотъ въ поле, только подъ прикрытіемъ разъѣздовъ.

Такъ прошелъ день—киргизы не появлялись. Снаряженные въ походъ на скорую руку казаки не запаслись хлѣбомъ, и потому должны были питаться молокомъ. И здѣсь малолѣтки, съ Мечниковымъ во главѣ, начали роптать на стариковъ. Малолѣтки доказывали, что слѣдуетъ бросить форпосты, на которыхъ нечего было оберегать, кромѣ «пушекъ съ раковинами», и углубиться въ степь.

— Долой старшину! кричалъ «выростокъ» Юдинъ.

— Долой стариковъ! говорили вслѣдъ за нимъ другіе малолѣтки:—мы сами себѣ старшина.

— Выберемъ сами походнаго атамана.

— Мечникова выберемъ!

Старшина грозилъ малолѣткамъ, что онъ тотчасъ пошлетъ въ Царицынъ за гренадерами и съ непокорными поступитъ по всей строгости законовъ. Тогда выростокъ Юдинъ, бросившись къ старшинѣ, силою вырвалъ у него «насѣку» *), говоря съ азартомъ:

— Ты что насъ гренадерами стращаешь—мы не злодѣи!

— Малолѣтки, на конь! кричала молодежь.

— На конь! въ поле! скомандовалъ Мечниковъ, которому Юдинъ передалъ булаву.

Отрядъ малолѣтковъ отправился въ степь, захвативъ съ собой плѣннаго киргиза, который-бы служилъ имъ вмѣсто языка. Всю ночь малолѣтки блуждали по степи, но, какъ оказалось, не встрѣчали непріятеля. На утро они воротились на форпосты. Старшина сталъ ихъ упрекать за вчерашній бунтъ и за безцѣльное и безполезное блужданіе по степи. Онъ добавлялъ притомъ, что о «возмущеніи» малолѣтковъ, по возвращеніи въ станицу, донесетъ начальству.

— У насъ нѣтъ начальства, отвѣчали малолѣтки:—мы сами себѣ начальство.

— За таковыя гнусныя рѣчи отъ ея императорскаго величества всѣмъ вамъ послѣдуетъ такая-же казнь, каковая постигла злодѣя Пугачова и его злоклевретовъ, сказалъ старшина.

---

*) Родъ булавы—атрибутъ власти.

— Ея императорскому величеству теперь не до насъ, возразилъ Мечниковъ.

Что̀ хотѣлъ сказать этимъ Мечниковъ—неизвѣстно: намекалъ-ли онъ на слухи о вторичномъ появленіи тѣни покойнаго императора Петра III, или разумѣлъ что-либо другое,—изъ рапорта войскового старшины не видно. Есть только извѣстіе, что во время этихъ споровъ молодыхъ казаковъ съ стариками, вдали показались киргизы, которые старались отогнать казацкія стада.

IV.

Въ прошломъ вѣкѣ, собственно въ описываемую нами эпоху, заволжская степь почти не имѣла постоянныхъ обитателей. По ней попеременно кочевали то калмыки, то киргизъ-кайсаки. Во всю первую половину прошлаго столѣтія, почти до самой пугачовщины, обладателями степей были преимущественно калмыки, которые, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ кибитокъ, кочевали за Волгой. Но когда русское правительство черезъ своихъ приставовъ стало ихъ стѣснять, не только вмѣшиваясь въ ихъ сношенія съ русскими, но и дозволяя себѣ нескромное наблюденіе за ихъ почти домашнею жизнью,—калмыки оставили заволжскія степи и ушли въ Китай. Съ тѣхъ поръ, на бывшія кочевья калмыковъ стали наѣзжать киргизъ-кайсаки, которые тоже не любили привязанности къ мѣсту и постоянно передвигались съ мѣста на мѣсто. Хищники по призванію, они были довольно безпокойными сосѣдями Россіи, и если-бы Волга не отдѣляла отъ нагорнаго населенія средняго Поволжья, то населеніе это находилось-бы въ ежечасной опасности отъ полудикихъ союзниковъ.

Волга, такъ сказать, отрѣзывавшая Россію отъ заволжскихъ степей, служила какъ-бы стѣною, черезъ которую трудно было перебраться киргизамъ. Черезъ Волгу лѣтомъ можно было перебраться только на лодкахъ, а киргизы ничего не имѣли кромѣ

лошадей и аркановъ. За то зимой киргизы любили пробираться на нагорную сторону. Крѣпкій ледъ позволялъ имъ переходить по Волгѣ съ лошадьми, и хищники, награбивъ добычи сколько могли нести ихъ вьючныя лошади, безслѣдно исчезали въ степи: часто, когда проходила по нагорному берегу Волги молва, что киргизы намѣрены ворваться въ Россію, русское населеніе, имѣвшее жилье и зимовники за Волгою, гдѣ нагуливались стада овецъ и лошадей и гдѣ готовилось сѣно для стадъ, — мгновенно перегоняло скотъ на нагорную сторону и само укрывалось въ нагорныхъ городахъ, — Саратовѣ, Дмитріевскѣ, Царицынѣ и въ станицахъ волжскаго войска.

Иногда-же киргизы дѣлали и лѣтнія экскурсія на русскія селенія, зимовники и форпосты, находившіеся за Волгою. Такая экскурсія была предпринята ими и въ описываемое нами время, когда по нагорной сторонѣ начали ходить тревожные слухи объ «оказательствѣ батюшки».

Когда казаки увидѣли, что небольшой отрядъ киргизовъ, показавшійся вдали, стремительно понесся къ одному изъ казацкихъ стадъ и, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, погналъ по направленію къ «Широкому ерику», — войсковой старшина немедленно скомандовалъ къ аттакѣ, и казаки погнались за хищниками. Хищники вмѣстѣ съ захваченнымъ ими стадомъ перебрались черезъ ерикъ, котораго берега были довольно пологи, и, замѣтивъ приближеніе казаковъ, остановились въ оборонительномъ положеніи. Они повидимому разсчитывали на то, что, имѣя передъ собою довольно глубокій, хотя и пологій ерикъ, они легко могутъ отразить нападеніе, и не дадутъ казакамъ выйти изъ ерика.

Передъ самымъ ерикомъ, казаки по командѣ остановились, и такъ какъ они скакали въ разсыпную, то «незамедлительно построившись въ боевую лаву», сдѣлали по хищникамъ залпъ изъ ружей. Залпъ этотъ произвелъ «въ злодѣйскомъ толпищѣ не малое замѣшательство», такъ что многіе изъ нихъ, «оборотя къ намъ хвосты своихъ коней», какъ выразился войсковой старшина въ своей бумагѣ къ Цыплетеву, царицынскому комендавту, — погнали захваченное стадо въ степь. Другіе-же киргизы, ожидавшіе этого залпа, съ своей стороны отвѣчали казакамъ «ружейною пальбою и

метаніемъ стрѣлъ», и ранили нѣсколько казацкихъ лошадей, хотя изъ казаковъ никого не ранили.

«Видя таковую оныхъ злодѣевъ продерзость», казаки понеслись черезъ ерикъ съ намѣреніемъ принять хищниковъ на пики. Надо полагать, что киргизы боялись рукопашной схватки на пикахъ, такъ какъ казаки отлично владѣли этимъ послѣднимъ оружіемъ, и потому, съ дикими криками понеслись въ степь вслѣдъ за отогнаннымъ ими стадомъ. Казаки удачно преслѣдовали бѣглецовъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ покололи пиками и уже окончательно настигали весь хищническій отрядъ, который, бросивъ отогнанное отъ форпостовъ стадо, искалъ спасенья въ открытой степи, какъ изъ-за Широкаго ерика показались новыя толпы киргизовъ, которыя направлялись прямо къ форпостамъ.

Казаки должны были прекратить преслѣдованіе перваго хищническаго отряда. Они видѣли болѣе серьезную опасность и должны были немедленно рѣшить, что̀ имъ предпринять. Мечниковъ и здѣсь завелъ смуту. Къ нему примкнули малолѣтки. Войсковой старшина требовалъ, чтобы всѣ казаки шли наперерѣзъ хищникамъ, пока они не завладѣли форпостомъ.

— Братцы малолѣтки! говоритъ Мечниковъ: — не слушайте старшинскаго приказу.

— Мы не слушаемъ, кричали малолѣтки.

— Войсковой старшина говоритъ дѣло, возражали старики.

— Не дѣло: онъ говоритъ съ трусости, отвѣчали малолѣтки.

Между тѣмъ, опасность приближалась. Раздоръ могъ окончательно погубить казаковъ. Старшина скомандовалъ въ аттаку и самъ поскакалъ впереди отряда, «осѣнясь крестнымъ знаменіемъ, яко знаменіемъ побѣды»!

— За мной, други, съ Богомъ! говорилъ старшина, видя, что не всѣ за нимъ слѣдуютъ.

«Бунтовникъ и всей станицѣ поперечникъ» Мечниковъ съ своей стороны взывалъ къ малолѣткамъ:

— Стойте, малолѣтки! съ стариками мы всѣ пропадемъ.

Малолѣтки шумѣли «неистовно».

— Кто хочетъ вязать киргизовъ—за мной! кричалъ Мечниковъ.

Всѣ малолѣтки примкнули къ Мечникову и, образовавъ особый

отрядъ, направились черезъ ерикъ въ объѣздъ киргизамъ. Старшинская партія, «атаковавъ злодѣевъ, ружейною пальбою отъ форпоста отбила». Киргизы повидимому напирали на казаковъ упорно. не смотря на ружейную пальбу, нѣкоторые изъ казаковъ были ранены, но въ это время въ заднемъ отрядѣ киргизовъ произошло «замѣшательство», и передніе, стоявшіе лицомъ къ лицу съ казаками, «перемѣня позицію, отъ казацкихъ пуль уклонились».

По всѣмъ видимостямъ, замѣшательство въ киргизскихъ отрядахъ произведено было партіею казаковъ-малолѣтковъ, подъ предводительствомъ Мечникова. Малолѣтки заскакали въ тылъ киргизамъ, которыхъ все вниманіе было сосредоточено на перестрѣлкѣ, завязавшейся въ переднихъ рядахъ, и дружно ударили на хищниковъ, когда они этого не ожидали, такъ какъ степь, имъ казалось, была вполнѣ безопасна отъ нападенія казаковъ. Киргизы могли опасаться, что съ тыла на нихъ идутъ большіе отряды, что непріятель, котораго они не предполагали видѣть у себя за плечами, отрѣзалъ имъ отступленіе. Вотъ почему киргизы такъ быстро перемѣнили позицію, и всѣми своими силами опрокинулись на ничтожный одрядъ малолѣтковъ. Отрядъ этотъ былъ смятъ и разсѣянъ, не смотря на то, что нѣсколько киргизовъ было «поколото пиками». Тѣла ихъ валялись по степи въ разныхъ мѣстахъ. Въ степи-же, на значительномъ разстояніи отъ мѣста схватки, найденъ былъ и раненый Мечниковъ. Казаки захватили нѣсколько киргизскихъ лошадей, собрали стада, распуганныя хищниками, и, усиливъ по форпостной линіи караулы, съ торжествомъ возвратились въ Дубовку.

V.

Хотя вышедшіе изъ дербетевскихъ улусовъ слухи о появленіи «такого-же, какъ прежде былъ, злодѣя», не могли имѣть никакой основательной связи съ нападеніемъ на русскія поселенія киргизовъ, однако казаки связывали эти нелѣпые слухи съ тѣми явле-

ніями, которыя совершались у нихъ на глазахъ, и повидимому ожидали новыхъ смутъ въ государствѣ.

Ожиданія эти начали подтверждаться въ разныхъ мѣстахъ. Народныя вспышки имѣли непосредственную связь съ слухами о какомъ-то батюшкѣ и, какъ оказалось впослѣдствіи, источникъ этихъ вспышекъ былъ одинъ и тотъ-же, именно—таинственные толки въ Царицынѣ и въ калмыцкихъ улусахъ.

Почти одновременно съ волненіемъ въ Дубовкѣ, повторилось почти такое-же волненіе въ Караваинкѣ, тоже въ станицѣ волжскаго войска, и причиною волненія были бурлаки, которыхъ, какъ оказалось впослѣдствіи, разжигалъ къ бунту одинъ изъ малороссійскихъ выходцевъ, участвовавшій въ знаменитой «уманской рѣзнѣ» подъ предводительствомъ Желѣзняка и Гонты.

«Уманская рѣзня», какъ извѣстно, совершилась въ 1768 году. Жестокія казни, постигшія Желѣзняка и Гонту съ прочими гайдамаками, заставили этихъ послѣднихъ разбрестись по всей Россіи. Болѣе безпокойныя головы перебрались въ восточную половину Россіи, и умножили собою шайки понизовой вольницы. Для запорожцевъ и въ особенности для гайдамаковъ, рѣзня была призваніемъ, цѣлью жизни. Лишенные воли на родинѣ, тѣснимые съ одной стороны поляками, съ другой русскими, запорожцы уходили на Донъ и вступали иногда въ казачество. Болѣе безпокойныя головы прерывали всякую связь съ Россіей и Украйной, уходили заграницу, въ Молдавію, въ Турцію, являлись такимъ образомъ первыми русскими эмигрантами, для которыхъ новые государственные порядки были ненавистны.

Русскій народъ обѣихъ половинъ Россіи всегда сознавалъ кровность своего родства, тѣмъ болѣе, что въ той и въ другой половинѣ ему не легко жилось, и государственные порядки не давали ему дышать свободно, а главное—не давали ему обезпеченнаго куска хлѣба и тамъ и здѣсь. Одинаково приниженный въ обѣихъ половинахъ, онъ сознавалъ братство между великорусскою «голытьбой» и малорусскою «голотою», и голытьба помогала голотѣ въ случаѣ нужды не только трудомъ, но и кровью, а голота точно такимъ-же образомъ помогала голытьбѣ. Спасшіеся отъ казни запорожцы и гайдамаки, ускользнувшіе изъ-подъ Умани, перебра-

лись въ Поволжье изъ далекаго Заднѣпровья, и принесли съ собою «свяченые ножи», которыми въ польской Украинѣ рѣзали пановъ-ляховъ, пановъ-ксендзовъ и полупанковъ-евреевъ. Запорожцы и гайдамаки участвуютъ въ «шалостяхъ» понизовой вольницы и въ пугачовщинѣ. Они грозятся даже поставить Россію «вверхъ дномъ» или, какъ они выражались, «до горы ногами». Жестокія казни, положившія конецъ гайдамачинѣ и пугачовщинѣ, не пугаютъ ихъ, и «добрые молодцы» при первой возможности поднимаютъ голову.

Такъ и въ описываемое нами время, возбужденію смутъ на Волгѣ были не чужды участники заднѣпровскихъ смутъ.

Въ то время, когда изъ дербетевыхъ улусовъ и изъ Царицына стали выходить слухи, предвѣщавшіе повтореніе пугачовщины, отъ Царицынской пристани отошла «разшива», судно, принадлежавшее астраханскому купцу Гребенщикову. Судно шло вверхъ съ кладью. Экипажъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ бурлаковъ, которые лямкою тащили вверхъ грузовую посудину. Въ Царицынѣ-же, въ число бурлаковъ на это судно поступилъ одинъ малороссіянинъ, по фамиліи Толока. Ему было лѣтъ за сорокъ. Паспорта у него не было; однако, это обстоятельство не затруднило хозяина судна принять его въ число рабочихъ.

До Антиповки бурлаки были покойны и исполняли всѣ приказанія хозяина. Въ числѣ прочихъ работалъ и Толока. Но около Антиповки, между рабочими начались смуты, и приказанія хозяина не всегда исполнялись. Причиною «смущенія», какъ догадывался хозяинъ, былъ Толока. Едва судно остановилось у Антиповки, какъ всѣ бурлаки оставили его, и отказались окончательно повиноваться. Многими изъ рабочихъ деньги были забраны впередъ и потому хозяинъ обратился за содѣйствіемъ къ станичному начальству. Онъ положительно уже заявлялъ, что бурлаки «учинили бунтъ», что, не доѣзжая до станицы за нѣсколько верстъ, они хотѣли его сбросить въ Волгу и съ судномъ возвратиться въ Астрахань. Въ станицѣ, на пристани, бурлаки во всеуслышаніе грозили хозяину всеобщей рѣзней, говоря: «скоро и на нашей улицѣ праздникъ будетъ: мы-де васъ, богатыхъ да толстыхъ, всѣхъ въ колесо протащимъ». При этомъ Толока, похваляясь, что онъ и «за границею господамъ такожъ и богатымъ купцамъ шеи

[illegible]». прибавлялъ: что «тоже-де будетъ и здѣсь, что было въ Польшѣ», что «начнемъ-де снизу, дойдемъ и до верху». Такъ передавалъ Гребенщиковъ угрозы Толоки, «а что подъ тѣми словами онъ, малороссіянинъ Толока, разумѣетъ, того онъ, Гребенщиковъ, подлинно не знаетъ». Когда Гребенщиковъ требовалъ отъ рабочихъ возвращенія забранныхъ впередъ денегъ, бурлаки отвѣчали: «это не плата де, а только задатокъ: плата будетъ послѣ, [illegible] у нашего батюшки. Мы-де вамъ всѣмъ шкуры сдеремъ, [illegible] сапоги изъ вашей шкуры выгадаемъ».

Бурлаки, какъ и яицкіе казаки, тоже говорили о какомъ-то «батюшкѣ», какъ видно изъ этого заявленія Гребенщикова. Всѣ [illegible] понимали, что такое значитъ «батюшка».

У [illegible] пристани стояло въ это время нѣсколько другихъ судовъ. Когда по пристани прошелъ слухъ, что на суднѣ, пришедшемъ изъ Астрахани, взбунтовались рабочіе, бурлаки сбѣжались со всѣхъ судовъ и смятеніе сдѣлалось всеобщее. Всѣ отказались работать, требуя или разсчета у хозяевъ, или просто «[illegible]». Толока былъ центромъ, около котораго группировалось волненіе. «У насъ въ малороссійской сторонѣ, еще не то [illegible]», говорилъ онъ громко:—«слуги-де стали господами, и бо[illegible] [illegible] въ ноги кланялись».

На шумъ сбѣжалось почти все населеніе станицы. Явилось и станичное начальство съ требованіемъ о возстановленіи порядка и повиновенія. Бунтовщики не слушались. «Кто васъ сдѣлалъ надъ нами начальниками?» спрашивалъ Толока.

— Ея Императорское величество Екатерина вторая, всероссійская, отвѣчалъ станичный атаманъ.

— Была всероссійскою, а теперь стала черницею, возразилъ Толока.

— Лжешь, злодѣй!.. крикнулъ на него атаманъ:—за изблеваніе такой клеветы на священную особу, быть тебѣ безъ языка.

— А тебѣ быть безъ головы, въ свою очередь рѣзко отозвался Толока.

Между тѣмъ нѣкоторые бурлаки, завладѣвъ стоявшими на берегу лодками, поплыли на одно судно, стоявшее якоремъ. Судно принадлежало саратовскому купцу Рябову. Бурлаки намѣревались

ограбить это судно, такъ какъ, по показанію нѣкоторыхъ бунтовщиковъ, въ хозяйской «казенкѣ» было много золота и мѣди.

Когда Толока также хотѣлъ сѣсть въ лодку, казаки бросились на него и стали вязать ему руки назадъ. «Братцы, православный народъ, не выдайте!» кричалъ онъ къ бурлакамъ:—«за меня самому государю отвѣтъ дадите».

Бурлаки въ свою очередь бросились на казаковъ и между ними завязалась свалка. Бурлаки одолѣвали. Толока былъ вырванъ изъ рукъ казаковъ и, схвативъ одного изъ вязавшихъ его, бросилъ въ Волгу, такъ что несчастный едва не утонулъ.

Судно Рябова было атаковано бурлаками, и послѣ нѣкотораго сопротивленія со стороны хозяина и приказчика, взято бунтовщиками. Бунтовщики требовали отъ Рябова денегъ и паспортовъ, грозя бросить его въ Волгу, если онъ не покажетъ имъ, гдѣ у него спрятаны деньги. Рябовъ не хотѣлъ исполнить требованія бунтовщиковъ, и тогда эти послѣдніе стали таскать изъ трюма кули съ хлѣбомъ и бросать въ Волгу.

— Кидай въ воду—само до Астрахани доплыветъ, кричалъ одинъ бурлакъ.

— Это не царское, а грабленное у бѣдныхъ людей, кричали другіе.

Казаки, видя невозможность одолѣть бунтовщиковъ голыми руками, послали въ станицу за подмогой, «дабы помощію вооруженной руки оному бунту конецъ положить». Дѣйствительно, скоро явилась вооруженная помощь. Казаки стали наступать рѣшительнѣе и, грозя «стрѣлять по ногамъ», требовали отъ бунтовщиковъ повиновенія.

— Мы не воры, чтобъ насъ по ногамъ стрѣлять, говорилъ Толока.

— Вы разбойники и бунтовщики, возражалъ на это станичный атаманъ, приказывая взять Толоку какъ зачинщика.

— Насъ стрѣлять нельзя—мы царскіе, говорили бурлаки.

Для устрашенія бунтовщиковъ («ради пристрастія»), атаманъ велѣлъ стрѣлять. Первые выстрѣлы, которыми былъ раненъ одинъ бурлакъ, такъ испугали бунтовщиковъ, что нѣкоторые изъ нихъ упали на колѣни и просили прощенья. Не сдавался одинъ Толока.

6*

государственною распрею одного народа съ другимъ, и на гайдамаковъ, къ которымъ Толока самъ принадлежалъ, онъ смотритъ не какъ на разбойниковъ, а какъ на поборниковъ святого, народнаго дѣла, и толпы гайдамаковъ называетъ запорожскимъ «войскомъ».

Этотъ взглядъ на уманскую рѣзню и на всю гайдамачину служилъ точкою отправленія и для коноводовъ украинскаго народнаго движенія, для Желѣзняка и Гонты. Они говорили, что императрица сама дала имъ «золотую грамоту», разрѣшавшую имъ рѣзать поляковъ и евреевъ «до ноги». На основаніи этого мнимаго разрѣшенія русской императрицы, гайдамаки запаслись «свячеными ножами». На основаніи этого упорнаго вѣрованія, гайдамаки, а съ ними и Толока, считали свои нестройныя толпы запорожскимъ войскомъ, а Желѣзнякъ, бывшій монастырскимъ послушникомъ и гайдамакомъ, мечталъ воскресить собой времена Хмельницкаго, и въ одной своей особѣ соединить громкіе титулы «гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра», а въ казацкомъ сотникѣ Гонтѣ видѣть князя земель уманскихъ и смилянскихъ.

Вотъ почему Толока говоритъ, что онъ участвовалъ не въ грабежѣ и не въ разореніи Умани, не въ уманской рѣзнѣ, а въ «наказаніи смертью» жителей польскаго города, который какъ-бы не хотѣлъ повиноваться запорожскимъ и русскимъ войскамъ, а слѣдовательно, и волѣ русской императрицы. Въ украинскомъ народѣ, такимъ образомъ, глубоко засѣло убѣжденіе, что гайдамаки рѣзали пановъ-ляховъ и пановъ-ксендзовъ съ евреями — въ угоду Россіи и по тайнымъ внушеніямъ «матушки». Это убѣжденіе украинской народъ, въ лицѣ такихъ своихъ выходцевъ, какъ Толока, Шагала, Дегтяренко и другіе дѣятели понизовой вольницы, перенесъ и въ Великую Россію, на Волгу, и съ такимъ убѣжденіемъ онъ участвовалъ въ самой пугачовщинѣ, съ тою только разницею, что тамъ, на Украинѣ, рѣзать пановъ велѣла сама «матушка», а здѣсь, въ россійской землѣ, истреблять «проклятый родъ дворянъ» приказалъ самъ «батюшка».

Изъ признаній Толоки видны также его дальнѣйшія убѣжденія, а слѣдовательно, и убѣжденія украинскаго народа, относительно бывшихъ тогда народныхъ движеній въ западной и малороссійской

половинѣ русскаго царства. Убѣжденіе это заставляетъ говорить запорожца, бунтовавшаго русскій народъ на Волгѣ уже послѣ пугачовщины, что русскіе военные начальники тайно договорились съ поляками объ измѣнѣ русскому народному дѣлу, и злоумышленно соединились съ поляками: другими словами—русскіе господа подали руку польскимъ панамъ, и отдали этимъ послѣднимъ въ жертву обманутый ими народъ. Генералъ Кречетниковъ, командовавшій въ Польшѣ русскими войсками, посланными туда императрицею, какъ противъ конфедератовъ, такъ потомъ и противъ гайдамаковъ, и во время пугачовщины управлявшій всѣмъ нижнимъ и среднимъ Поволжьемъ въ качествѣ астраханскаго губернатора, измѣнялъ слѣдовательно русскому народу, явившись на помощь графу Потоцкому, матеріальные и нравственные интересы котораго въ западной и польской Украинѣ окончательно подрывались гайдамачиною. Таковы были нелѣпые слухи, которые гайдамаки разносили по Россіи.

Такимъ образомъ, всѣ эти мелкія повидимому, но въ сущности чрезвычайно важныя для историка разоблаченія изъ прошлой исторіи русскаго народа, ясно и положительно свидѣтельствуютъ въ пользу того, что оба великія народныя движенія прошлаго вѣка, и пугачовщина и гайдамачина, были только какъ-бы видоизмѣненіями одного и того-же общаго народнаго движенія, которымъ выразился народный протестъ противъ излишнихъ посягательствъ на народную свободу и народное благосостояніе силъ, исторически съ нимъ разъединенныхъ противоположностью духовныхъ и экономическихъ интересовъ.

Вотъ почему Толока, какъ выразитель народныхъ чаяній и той и другой половины русскаго народа, дерзко говорилъ въ глаза Гребенщикову, что «скоро-де и на нашей улицѣ праздникъ будетъ», что «мы-де васъ, богатыхъ да толстыхъ, всѣхъ въ колесо протащимъ». Въ этихъ словахъ сказывалась давно накипѣвшая на сердцѣ горечь противъ извѣстныхъ порядковъ, которые такъ-же были нехороши на западѣ, какъ и на востокѣ и хотя, казалось-бы, нехорошее чувство противъ этихъ порядковъ, исторически такъ сказать воспитанное въ сердцѣ русскаго народа могло бы достаточно удовлетвориться на западѣ гайдамачиною и,

уманскою рѣзнею, когда такіе, какъ Толока, проходимцы «за границею господамъ, таможъ и богатымъ купцамъ шеи свертывали», на востокѣ—пугачовщиною—однако и гайдамачины и пугачовщины народу казалось мало. И на западѣ и на востокѣ Россіи, послѣ страшныхъ взрывовъ народной исторической мстительности, положеніе народа мало улучшилось, и народъ требовалъ новой перекройки того, что неудачно вырабатывалось цѣлыми столѣтіями и всей тяжестью лежало на народѣ. Отсюда эта угроза: «начнемъ-де снизу, дойдемъ и до̀-верху». Къ тому-же, въ это время вновь является тотъ призракъ, именемъ котораго народъ думалъ перерѣшить историческое дѣло—улучшеніе своего положенія. За Днѣпромъ, гдѣ Толока дѣйствовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, этотъ призракъ олицетворился «золотою грамотою» въ рукахъ Желѣзняка, на Волгѣ—призракомъ этимъ былъ самъ Пугачовъ. Теперь опять на Волгѣ заговорили, что «оказался такой-же, какъ былъ прежде злодѣй». Но «злодѣемъ» его назвали противники народа, а народу онъ представлялся «батюшкой», и народъ вѣрилъ, что теперь настанетъ расплата съ притѣснителями за старыя историческія обиды. Вотъ почему Толока говоритъ Гребенщикову: «Плата будетъ послѣ, на глазахъ у самого батюшки. Мы-де вамъ всѣмъ шкуру сдеремъ, да нашимъ дѣтямъ сапоги изъ вашей шкуры выгадаемъ».

Изъ показаній Толоки оказалось также, что онъ участвовалъ въ пугачовщинѣ, хотя самъ и отрицаетъ личное въ ней участіе. «Въ бывшее возмущеніе онъ, Толока, убійствъ и грабежей не чинилъ, токмо у самого-де злодѣя на бурлацкой степи лошадь отняли». До пугачовщины жилъ онъ «промысломъ»—рыбною ловлею на Волгѣ. Когда-же пугачовщина разорила не его одного, то перебивался онъ наемными работами, и жилъ «гдѣ день, гдѣ ночь». Зиму 1775—76 года провелъ онъ на Дону въ работникахъ, и одно время былъ табунщикомъ у полковника Себрякова. На весну вышелъ въ дербетевы улусы, гдѣ и слышалъ отъ одного «калмыченина о томъ эхо, яко-бы въ россійскихъ селеніяхъ оказался оный варваръ и душамъ нашимъ пагубникъ Пугачовъ».

Такимъ образомъ, и здѣсь оказывается, что «эхо» о вторичномъ появленіи самозванца вышло изъ калмыцкихъ улусовъ и,

какъ оказывается, съ быстротою молніи разнеслось по всему среднему Поволжью.

VII.

Въ то время, когда смуты уже волновали волжское войско, а войско донское, по дошедшимъ до него слухамъ о намѣреніи калмыковъ напасть на донскія владѣнія, уже готовилось отразить нападенія,—въ Астрахани и Царицынѣ мѣстныя власти озабочены были розыскомъ лицъ, отъ которыхъ вышелъ слухъ о появленіи новаго Пугачова.

Царицынскій комендантъ Цыплетевъ, получивъ изъ астраханской губернской канцеляріи указъ «о принятіи отъ учиненнаго въ калмыцкомъ дербетевомъ улусѣ, о таковомъ-же злодѣѣ, какъ и прежде былъ, зайсангомъ Чидангомъ Убами и калмыцкимъ попомъ Бааханъ-гелюнгомъ и прочими находящимися у него во услуженіи калмыками, разглашенія крѣпчайшей въ силѣ указовъ предосторожности», тотчасъ-же отправилъ прискакавшаго изъ Астрахани курьера къ калмыцкому приставу и коллежскому коммиссару Везелеву, съ приказаніемъ—«пристойнымъ образомъ и секретно черезъ нихъ, зайсанга и попа, отъ кого они именно такое ложное разглашеніе слышали, развѣдать, и оныхъ переловя, переслать въ Царицынъ».

Курьеръ пробылъ въ дербетевомъ улусѣ недѣлю, но, возвратясь въ Царицынъ, не привезъ къ Цыплетеву никакихъ извѣстій о томъ, что̀ тамъ дѣлается. Цыплетевъ узналъ только отъ курьера, что онъ везетъ съ собою въ Астрахань бумагу, но какого содержанія,—неизвѣстно. Въ этой неизвѣстности, Цыплетевъ писалъ въ Астрахань, что если случится что-либо важное, то онъ «о томъ по извѣстіямъ доносить, и къ пресѣченію таковаго зла въ повелѣнныя мѣста давать знать не преминетъ».

Только черезъ три недѣли Цыплетевъ получилъ отъ Везелева бумагу слѣдующаго содержанія:

«По рапортамъ моимъ, приказами изъ астраханской губерн-

ской канцеляріи, по происшедшему слуху въ дербетевомъ улусѣ, что якобы явился такой-же злодѣй, какой прежде былъ,—велѣно мнѣ доносителей того улуса, калмыкъ, для изслѣдованія отослать къ вашему высокоблагородію, а если въ разглашеніи сего, по показанію калмыкъ, и русскіе люди окажутся, то и объ оныхъ къ вашему-жъ высокоблагородію отрапортовать. Почему я нынѣ для привозу подлежащихъ калмыкъ, послалъ нарочныхъ казаковъ, а какъ скоро оныхъ привезутъ, и что-жъ по сему окажется,—при оныхъ калмыкахъ вашему высокоблагородію представить долженъ».

Въ то-же время, астраханскій оберъ-комендантъ, генералъ маіоръ Левинъ, получивъ изъ губернской канцеляріи извѣстіе «о произнесшемся», какъ онъ выражался, «въ дербетевомъ улусѣ весьма важномъ ложномъ разглашеніи», писалъ Цыплетеву: «оной коммисаръ Везелевъ, на посланной къ нему по сему дѣлу приказъ, репортомъ представляетъ, что объявители о семъ: калмыцкой попъ Баахан-гелюнгъ и зайсангъ Чидангъ Убаша, на вопросъ его, Везелева, секретно отвѣтствовали: что яко-бы о томъ эхѣ отъ русскихъ людей ничего не слыхали, а происходитъ оно въ дербетевомъ улусѣ между подлыми людьми, а съ чего точно—познать невозможно, кромѣ, что одинъ калмычанинъ, возвратясь изъ Царицына, объявлялъ: въ бытность-де его тамъ у знакомаго русскаго человѣка въ домѣ, вдругъ пришли въ избу четыре человѣка при шпагахъ, весьма съ суровымъ образомъ, коихъ хозяинъ съ женою весьма испужавшись, не знали что дѣлать, да и онъ, калмычанинъ, будучи въ такомъ-же страхѣ, вышедъ вонъ, въ улусы уѣхалъ, въ чемъ якобы и взялъ о вышеписанномъ произносимомъ эхѣ сумнѣніе. Кто-жь именно тотъ калмычанинъ, да и русской человѣкъ, у кого былъ онъ въ домѣ, объявленной Баахан-гелюнгъ обѣщалъ, развѣдавъ, ему, Везелеву, объявить. А понеже-де нынѣшнее ихъ оправданіе явно видное, по худому ихъ состоянію, въ закрывательство, да и ему, Везелеву, не подлежало-бъ ихъ отговорки принимать, а получа приказъ, кто объявилъ, слѣдовало отослать къ вашему высокоблагородію, который-бы, усмотря, что они спрашиваются, скорѣе-бъ тѣхъ, кои худые и несправедливые толки чинили, сыскалъ; но онъ, Везелевъ, еще на то повелѣнія требуетъ, изъ чего видно и его къ нимъ закрывательство, и сего ему чи-

нить не надлежало-бъ, а тѣмъ себя не только подвергаетъ не малому отвѣту, но и заслуживаетъ неизбѣжной штрафъ. Чего ради, въ астраханской губернской канцеляріи опредѣлено: къ нему, коммисару Везелеву, послать—и посланъ приказъ и, объясня въ ономъ вышеписанное разсужденіе, велѣть: если упоминаемые калмыцкой попъ Баахан-гелюнгъ и зайсангъ Чидангъ-Убаша о разгласителяхъ русскихъ людяхъ въ самомъ дѣлѣ не знаютъ, то по крайней мѣрѣ домощись отъ нихъ вывѣдать: кто именно калмыки о показанномъ произносимомъ въ дербетевомъ улусѣ эхѣ имъ сказывали, и когда на кого изъ русскихъ людей покажутъ, то о таковыхъ немедленно онъ, Везелевъ, репортомъ вашему высокоблагородію представилъ, а притомъ и доносителей калмыкъ, въ томъ числѣ по объявленію Баахан-гелюнга и бывшаго въ Царицынѣ у знакомаго человѣка, въ дому коего при палашахъ приходили люди, и чрезъ то ему, калмыку, къ разглашенію о томъ эхѣ поводъ подали, къ доказательству для изслѣдованія отослалъ подъ карауломъ къ вашему высокоблагородію. А чтобъ онъ, коммисаръ Везелевъ, впредь увѣдавъ о такихъ важныхъ дѣлахъ, въ развѣдываніи дальнѣйшаго обстоятельства и въ репортованіи къ командѣ поступалъ со всякимъ основаніемъ и осторожностію,—о томъ ему подтвердить».

Это строгое замѣчаніе оберъ-коменданта Левина должно было вызвать энергическія усилія со стороны мѣстныхъ властей къ разслѣдованію причинъ разглашенія ложныхъ слуховъ; но усилія и въ этомъ случаѣ оказались малоуспѣшными. Какъ во всѣхъ вообще народныхъ смутахъ, возникавшихъ вслѣдствіе тайныхъ разглашеній и перешептываній, такъ-сказать съ уха на ухо,—отысканіе разгласителей всегда представляетъ непобѣдимыя затрудненія. При первой попыткѣ властей добраться до источника слуховъ, особенно-же когда начинаются аресты и допросы,—народъ становится въ высшей степени осторожнымъ и неподатливымъ на какія-бы то ни было признанія и указанія. Отвѣты на допросахъ становятся слишкомъ краткими и неопредѣленными, чтобъ на нихъ можно было что-либо основать и добраться до истины. Попавшіеся въ руки властей большею частью отзываются невѣдѣніемъ, запамятованіемъ, или стараются отдѣлаться общими фразами. Что

говорилось на базарѣ и въ кабакѣ, о томъ упорно умалчивается. Вмѣсто лицъ, на которыя ожидается указаніе, большею частью являются «невѣдомые люди». При томъ, какъ вообще это бываетъ при распространеніи какой-бы то ни было молвы въ народѣ, указаніе на лица бываетъ иногда положительно невозможно. Молва идетъ какою-то полосою, какъ волна, и разносится повидимому не лицами, а цѣлыми массами, такъ что и указать не на кого, кто первый шепнулъ роковое слово, чьими именно устами разнесена молва по торжкамъ и базарамъ. Оттого, въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени эта молва и названа «эхомъ». Такое эхо ходило въ народѣ не только въ смутное время пугачовщины, но до пугачовщины и послѣ, когда то тамъ, то здѣсь говорили, что «проявится» такой-то, и проявлялись: или Богомоловъ, или Кремлевъ, или Пугачовъ, Мосякинъ, Ханинъ, Степанъ Малый въ Черногоріи и т. п. Такое-же эхо ходило въ народѣ по польской и по русской Украинѣ передъ Уманской рѣзней, и въ этомъ эхѣ слышались отголоски о «матушкѣ-царицѣ», о «золотой грамотѣ», о «свяченыхъ ножахъ». Смутные слухи являются въ народѣ какъ признаки эпидеміи, одновременно въ разныхъ мѣстахъ, и разомъ охватываютъ собой огромные районы.

Такими-же невѣдомыми путями разносилось въ народѣ и это смутное «эхо» о воскресеніи Пугачова: а между тѣмъ, правительство требовало «по крайней мѣрѣ домощись вывѣдать» отъ какого-нибудь калмыка о томъ, о чемъ весь народъ не могъ дать отвѣта.

Какъ-бы то ни было, въ дербетевомъ улусѣ нѣкоторые калмыки были арестованы. Препровождая ихъ для допросовъ въ Царицынъ, къ тамошнему коменданту Цыплетеву, коллежскій коммисаръ Везелевъ писалъ: «Въ силу посланнаго мнѣ повелѣнія отъ Астраханской губернской канцеляріи о происшедшемъ въ дербетевомъ улусѣ эхѣ, доносителя калмыка, по объявленіи зайсанга Чилангъ-Убаши и попа калмыцкаго Баахапъ-гелюна, при семъ для изслѣдованія къ вашему высокоблагородію мною посланы. Сверхъ-же оныхъ къ посылкѣ принадлежащіе калмыки, два человѣка, по справкѣ моей оказались отлучившимися въ Астрахань, одинъ доноситель мнѣ, а другой, по объявленію Баахапъ-гелюна, который

былъ нынѣшнею весною въ Царицынѣ у знакомаго русскаго человѣка, гдѣ, по приходѣ четырехъ русскихъ человѣкъ въ палашахъ, взявъ пустое сумнѣніе и объ ономъ разглашеніе чинилъ, о таковыхъ мною астраханской губернской канцеляріи представлено».

Изъ этого видно, что невозможность добраться до источника слуховъ объ «оказаніи злодѣя»,—заставляетъ уже мѣстныя власти относиться къ самому факту и къ причинѣ народной смуты какъ къ «пустому сумнѣнію» («взявъ пустое сумнѣніе»). Но это было не пустое сомнѣніе, когда народъ волновался.

Цыплетевъ, какъ и слѣдовало ожидать, ничего не успѣлъ добиться отъ присланныхъ къ нему арестантовъ, или какъ онъ выражался, «изслѣдованіе находящихся въ дербетевомъ улусѣ по важному и ложному разглашенію описуемыхъ калмыкъ и о протчемъ», не привело ни къ чему. Цыплетевъ писалъ оберъ-коменданту Левину: «по присылкѣ отъ коллежскаго комисара Везелева, принадлежащіе къ тому дѣлу калмыки, хотя и были мною тайно спрашиваны, но, по показательству ихъ, отъ кого они подлинно слышали то произношеніе, требуются ко изслѣдованію другіе, и какъ скоро присланы будутъ, то по отобраніи отъ нихъ слѣдуемаго обстоятельства, вашему превосходительству особо донесть не премину».

Между тѣмъ, событія не ждали результатовъ поисковъ и допросовъ. Волненіе вспыхивало въ народѣ то тамъ, то здѣсь, и грозило опять разростись во вторую пугачовщину.

VIII.

Калмыки, кочевавшіе въ обширныхъ степяхъ ниже дербетевыхъ улусовъ, возбужденные слухами объ ожидаемыхъ Россіею новыхъ внутреннихъ смутахъ, и предчувствуя возможность и легкость грабежей, оставили свои кочевья. Конные отряды ихъ разсѣялись по всѣмъ направленіямъ, хотя никто не зналъ, гдѣ они перейдутъ русскія границы: бросятся-ли на Донъ или на Царицынскую линію,

чтобъ прорваться въ среднее Поволжье, гдѣ настроеніе умовъ было уже тревожно и ничего не предвѣщало хорошаго.

Надо было немедленно принять наблюдательное положеніе и готовиться къ встрѣчѣ не только хищниковъ, но и поволжскихъ крестьянъ, обезпокоенныхъ тревожными слухами. За недостаткомъ войска, донскія и медвѣдицкія станицы были открыты, а оттуда былъ открытъ свободный путь въ глубь Россіи.

Изъ Астрахани и изъ Новочеркаска прискакали нарочные съ этими вѣстями о движеніи хищниковъ. «Но какъ они, т. е. калмыки (писалось въ ордерахъ Цыплетеву), въ прежнія времена не малыя шалости чинили не токмо по россійскимъ рубежамъ, но внутри страны, распространяя свои впаденія до Дмитріевска и Борисоглѣбска, то чтобъ они и нынѣ не успѣли своего хищничества перенести въ пострадавшія отъ бывшаго возмущенія и уже не мало напоенныя кровію земли наши», предписывалось «взять всѣ предосторожности, и открывая себя всему гораздо дальновидніе, быть въ готовности каждый разъ къ скорому защищенію государственной цѣлости».

Объ этомъ тотчасъ-же дано было знать въ форпосты и начальникамъ пикетовъ и разъѣздныхъ командъ, какъ по военной линіи, такъ и на границы земель медвѣдицкихъ станицъ.

Между тѣмъ, одна разъѣздная команда, оберегавшая медвѣдицкія станицы, получивъ увѣдомленіе «о предпринятомъ калмыками намѣреніи учинить вторженіе въ россійскія границы», представляла въ Царицынъ, что хотя ею и взяты мѣры къ предохраненію станицъ отъ нечаяннаго нападенія хищниковъ, «но поелику военной команды въ здѣшнихъ мѣстахъ самое малое число имѣется, и таковой не можетъ быть достаточно къ воспрепятствованію ихъ злодѣйскихъ покушеніяхъ, тѣмъ паче, что сіе самое увѣдомленіе должно содержать въ тайности отъ простаго народу, дабы безвременнымъ предувѣдомленіемъ опасности не сдѣлать смятенія и безпокойства жителямъ, и слѣдственно, учинить разъѣзды изъ крестьянъ совмѣстно съ казаками, что было-бы возможно при всякомъ другомъ случаѣ, не требующемъ тайности, въ семъ случаѣ почитается неприличнымъ, то и испрашивалось подкрѣпленіе разъѣзднымъ командамъ, но такъ чтобы все это дѣлалось тайно

отъ крестьянъ, въ которыхъ даже разъѣздныя команды замѣчали «умственное шатаніе и мятежный духъ».

Малочисленность наблюдательныхъ разъѣздовъ была причиною того, что калмыки прорвались въ одномъ мѣстѣ и напали на донскія станицы. Казаки Талькинъ и Замаровъ, ввидѣ сторожевого патруля проѣзжавшіе по линіи вдоль берега Дона и отдѣлившіеся отъ команды, попали на арканъ и сдѣлались добычею хищниковъ. Пока разъѣздъ давалъ знать о появленіи толпы калмыковъ ближайшему походному атаману съ командою, толпа прошла опустошеніемъ по беззащитнымъ хуторамъ и зимовникамъ, скотъ былъ захваченъ, нѣкоторые изъ пастуховъ убиты, запасы сѣна сожжены и луга вытоптаны.

Между тѣмъ, «умственное шатаніе и мятежный духъ» самого населенія, которому не довѣряли власти, начали проявляться явственнѣе то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ. Разъѣзды замѣтили «неспокойство» по иловлинскимъ селеніямъ. Неспокойство это въ Добринкѣ выразилось положительнымъ бунтомъ крестьянъ.

Неизвѣстно откуда дошли до Добринки слухи, которые волновали калмыковъ; только слухи эти, повидимому, имѣли одинъ и тотъ-же источникъ. Все шло отъ Волги, на которой сталкивалось населеніе всѣхъ мѣстностей Россіи, и по которой вѣсти разносились изъ конца въ конецъ, отъ Астрахани и Саратова до Казани и Рыбинска то бурлаками, то купцами, то отставными солдатами и шатавшимися по Поволжью бродягами.

Слухи эти привезъ въ Добринку одинъ поповичъ, пріѣхавшій изъ Дмитріевска къ своимъ роднымъ, хотя впослѣдствіи на допросѣ онъ и не признавался въ перенесеніи мятежныхъ вѣстей съ Поволжья въ русскія селенія, отстоявшія отъ Волги на довольно значительное разстояніе. Какъ-бы то ни было, добринскіе крестьяне собрались къ кабаку и стали открыто говорить о томъ, что «Богъ имъ посылаетъ спасеніе». Когда кабацкій староста, наблюдавшій за продажею казеннаго вина, сталъ ихъ спрашивать, «о какомъ спасеніи они въ пьянственномъ видѣ пустуютъ»,—поповичъ, который былъ тутъ-же, отвѣчалъ:

— Когда придетъ спасеніе, тогда и увидишь.

— А въ чемъ оное спасеніе состоитъ? спросилъ снова кабацкій староста.

— Кому въ добромъ и богатомъ впредь житіи, а кому въ висѣлицѣ, отвѣчалъ поповичъ.

При этомъ крестьяне пояснили, что «было-бъ и намъ давно спасеніе, есть-ли-бъ дворяне и генералы царямъ глаза не отводили, а теперь-де не отведутъ».

Хотя кабацкій староста и объявилъ объ этомъ по начальству, однако мѣры не были приняты, и крестьяне, подстрекаемые, какъ видно, поповичемъ, рѣшились требовать отъ начальства возврата внесенныхъ ими въ уплату податей денегъ. Когда имъ отвѣчали, что деньги не могутъ быть возвращены, крестьяне, по совѣту поповича, прибѣгли къ насилію. Они связали писаря Ламзакина и грозили голодомъ выморить у него согласіе. Но поповичъ нашелъ, что эта мѣра не будетъ дѣйствительною.

— Онъ-де не скоро проголодается, говорилъ поповичъ, разжигая крестьянъ:—на вашемъ хлѣбѣ отъѣлся.

— Ты на нашемъ хлѣбѣ отъѣлся, кричали крестьяне:—подавай деньги.

Писарь упорствовалъ; онъ грозилъ имъ, что за бунтъ они навлекутъ на себя «жесточайше плетьми наказаніе подъ висѣлицею». Тогда поповичъ, обращаясь къ нѣкоторымъ изъ крестьянъ, у которыхъ за участіе въ пугачовщинѣ были вырваны ноздри, или отрѣзаны уши, говорилъ:

— Вы-де уже были подъ висѣлицею: у васъ ноздри мѣчены и уши рѣзаны, а онъ цѣлъ.

— Такъ его самого на рели! кричали крестьяне, особенно тѣ, «кои были съ мѣтою».

— У васъ-же рели готовыя есть, казенныя, говорилъ поповичъ.

Писарь, увидя опасность, сталъ умолять крестьянъ о пощадѣ жизни.

— Отдавай деньги, кричали крестьяне:—мы ихъ отнесемъ нашему батюшкѣ государю Петру Θеодоровичу.

— Петръ Θеодоровичъ обносился, слышались крики.

Тогда поповичъ, схвативъ за конецъ поясъ, которымъ былъ связанъ писарь и усиливаясь вытащить его за ворота, закричалъ

неистово: «что съ нимъ говорить долго! на казенную его висѣлицу ведите».

Извѣстно, что во всѣхъ городахъ и селеніяхъ, принимавшихъ участіе въ пугачовщинѣ, по усмиреніи мятежа постановлены были висѣлицы, подъ которыми, по распоряженію правительства, были сѣчены и клеймены всѣ, уличенные и даже заподозрѣнные въ бунтѣ. Болѣе виновныхъ изъ нихъ вѣшали на этихъ висѣлицахъ, которыя долгое время стояли по селамъ, какъ-бы въ воспоминаніе страшнаго времени и въ назиданіе потомству. Безъ сомнѣнія, такая висѣлица оставалась и въ Добринкѣ, и ее-то поповичъ называлъ «казенною».

Ламзакина такимъ образомъ повели къ висѣлицѣ. Дорогой толпа крестьянъ ворвалась въ кабакъ и «нацѣдивши въ ведра и въ кувшины казеннаго вина не мало безденежно, пили, а вырученныя допрежь того отъ продажи казеннаго вина деньги всѣ взяли безъ остатку». При этомъ поповичъ, который, какъ видно, вездѣ былъ коноводомъ, говорилъ, что теперь вино будетъ «вольное».

Противъ пьяной толпы, которая, конечно, могла устрашить всякаго, и противъ страха висѣлицы Ламзакинъ не устоялъ и обѣщалъ выдать крестьянамъ требуемыя ими деньги. Тогда его обратно повели къ правленской избѣ, гдѣ въ подпольѣ были спрятаны деньги. При дѣлежѣ денегъ, поповичу досталось рублей пятнадцать.

Въ тотъ-же день поповичъ скрылся изъ Добринки, и его арестовали уже въ Дмитріевскѣ. Оказалось, что это былъ сынъ тамошней попадьи, по фамиліи Казанскій. Онъ давно занимался составленіемъ фальшивыхъ паспортовъ подозрительнымъ людямъ и вообще поволжскимъ добрымъ молодцамъ. Своимъ личнымъ характеромъ, своею жизнью и своею дѣятельностью онъ принадлежалъ къ понизовой вольницѣ; лѣтомъ, по показанію матери, онъ большею частью пропадалъ, и на вопросы матери о причинахъ его безвѣстныхъ отлучекъ, отвѣчалъ, что или жилъ на Волгѣ, «питаясь отъ ловли рыбы», или-же ходилъ съ бурлаками въ Астрахань, проживалъ иногда за Волгой, между тамошними малороссіянами. Весной 1776 года онъ былъ въ Царицынѣ, и безъ

сомнѣнія оттуда вынесъ вѣсти о готовящихся народныхъ смутахъ. Когда его брали подъ арестъ, онъ говорилъ солдатамъ: «отпустите меня, а не отпустите добромъ, и вамъ будетъ плохо: у меня де товарищей много, да и полки гвардейскіе скоро сюда прибудутъ».

Поповича уличилъ казенный сборщикъ Кауровъ, который видѣлъ его въ Добринкѣ, когда поповичъ подбивалъ крестьянъ къ бунту. Вмѣстѣ съ отобранными отъ Каурова показаніями, Казанскій былъ немедленно отправленъ въ Царицынъ подъ крѣпкимъ карауломъ.

IX.

Поповичъ Казанскій представляетъ собою одно изъ замѣчательныхъ явленій прошлаго вѣка. Онъ принадлежитъ къ тому типу семинаристовъ, большею частью выгнанныхъ изъ училища за проявленіе неподатливой воли, которые играли весьма замѣтную роль во всѣхъ народныхъ движеніяхъ и часто являлись въ главѣ понизовой вольницы. Нѣкоторыя личности изъ семинаристовъ весьма рельефно выдаются къ пугачовщинѣ. Знаменитый атаманъ Заметаевъ, одинъ изъ послѣднихъ коноводовъ понизовой вольницы, имя котораго сдѣлалось извѣстнымъ въ Европѣ и котораго Суворовъ называлъ «чудовищемъ» и не стыдился какъ-бы считать своимъ противникомъ,—былъ поповичъ.

Семинаристы и поповичи оставили замѣтный слѣдъ и въ исторіи народныхъ движеній въ западной половинѣ Россіи, въ Малороссіи и въ Польской Украинѣ. Поповичи принимали участіе въ гайдамачинѣ. Одинъ гайдамакъ изъ поповичей прославился своею жестокостью, и вслѣдствіе того, что съ помощью этой жестокости онъ умѣлъ все выпытывать у своихъ жертвъ, онъ названъ былъ «Исповѣдникомъ» *).

Вообще, замѣтимъ кстати, извѣстный типъ поповичей проходитъ черезъ всю русскую народную исторію, и изъ нихъ выдѣляются весьма замѣтныя личности. Даже народная поэзія не обошла

*) Наша монографія «Гайдамачина».

этого типа. Она ставитъ его на весьма видное мѣсто между могучими и сильными богатырями былинъ цикла Владиміра. Алеша-поповичъ является третьею крупною личностью между богатырями, и этому поповичу народная поэзія придаетъ весьма рѣзкій, весьма характерный оттѣнокъ, отличающій его отъ прочихъ богатырей: Алеша-поповичъ, если не умнѣе прочихъ богатырей, то хитрѣе, изворотливѣе. Онъ отрицаетъ то, что признаютъ другіе богатыри. Позднѣйшій типъ этихъ поповичей является въ поповичахъ-изгояхъ, о которыхъ есть намеки въ древнихъ памятникахъ. Все это личности, порвавшія всякую связь съ средою, въ которой они родились и воспитались, и вынесшія изъ этой среды самую непримиримую къ ней ненависть и отрицаніе того, что признается этой средой. Такіе поповичи, порвавшіе всякую связь съ средою, въ которой выросли, являются и въ прошломъ вѣкѣ. Гдѣ-бы они ни появлялись: на Волгѣ или на Днѣпрѣ, они не проходятъ даромъ и явленіе ихъ весьма замѣтно между всѣми другими личностями. Этотъ типъ поповичей, порвавшихъ связь съ родною средою, переходитъ и въ наше столѣтіе. Въ наше время этотъ типъ поповичей выдѣляетъ изъ себя также весьма замѣтныя, весьма рельефныя личности; но тысячи лѣтъ не даромъ прошли надъ русскою землею, и историческій типъ поповичей даетъ намъ уже не Заметаевыхъ, не Исповѣдниковъ и не Казанскихъ, а замѣчательныхъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, потому что времена Заметаевыхъ и Исповѣдниковъ прошли для насъ навсегда. Замѣтимъ только, что Волга, какъ-бы по законамъ исторической преемственности и наслѣдственности, и въ прошломъ вѣкѣ давала намъ поповичей съ извѣстнымъ характеромъ дѣятельности, и въ нынѣшнемъ вѣкѣ даетъ ихъ болѣе, чѣмъ какая-либо другая мѣстность въ Россіи, только характеръ этой дѣятельности измѣнился сообразно требованіямъ времени.

Казанскій принадлежалъ повидимому къ типу безпокойныхъ поповичей *) прошлаго вѣка, которыхъ среда не могла заѣсть,

---

*) Казанскій самъ называетъ себя поповичемъ. Такъ, на допросѣ онъ говоритъ о себѣ: «Петромъ меня зовутъ, Андреевъ сынъ, Казанскаго, отъ роду мнѣ 27 лѣтъ, *изъ поповичевъ*, грамотѣ читать и писать умѣю, въ цер-

встрѣчая характеръ упругій и неподатливый, а только вытѣсняла ихъ изъ общества, закрывала для нихъ дорогу для общественной дѣятельности, и такимъ образомъ какъ-бы насильно толкала на дѣло предосудительное. На предварительномъ допросѣ въ Царицынѣ, Казанскій сознавался, что онъ бросилъ училище, въ которомъ готовился въ «причетники», «не стерпя гоненія», и потомъ жилъ у матери, иногда отлучаясь для работы. Но въ то-же время онъ упорно стоялъ на своемъ показаніи, что ни воровствомъ, ни убійствомъ не занимался, «съ воровскими людьми не знавался» и фальшивыхъ паспортовъ «не писывалъ», а только иногда, по просьбѣ людей неграмотныхъ, сочинялъ письма «безъ всякого худова умыслу или совѣту». Починъ возмущенія въ Добринкѣ онъ также отклонялъ отъ себя, говоря, что крестьяне «шумѣли по глупости» и что доставшіяся ему при дѣлежѣ деньги онъ не считаетъ грабленными, а взятыми за долгъ у писаря Ламзакина, котораго дѣтей онъ училъ грамотѣ, когда въ прошломъ году жилъ въ Добринкѣ у своихъ родственниковъ.

Изъ отрывочныхъ показаній Казанскаго нельзя не видѣть, что въ нѣсколько лѣтъ онъ успѣлъ исколесить все Поволжье и почти всю восточную Россію. Въ Астрахань онъ ходилъ на судахъ, повидимому въ качествѣ простого рабочаго. Былъ въ Персіи и «Трухменской землѣ съ купеческимъ сыномъ Лукинымъ, изъ города Астрахани, для торговыхъ предпріятіевъ». Ходилъ въ «Рыбное» (Рыбинскъ), бывалъ въ Казани, Нижнемъ и Саратовѣ. Одну зиму прожилъ на Дону въ Курмоярской станицѣ. Былъ въ Качалинѣ, гдѣ занимался носкою кулей.

Показанія Казанскаго обличаютъ еще одну черту, характеризующую подобныхъ ему народныхъ дѣятелей прошлаго вѣка. Онъ ходилъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ въ Кіевъ, подобно тому, какъ подвизались когда-то въ благочестіи всѣ коноводы народныхъ движеній того времени—Пугачовъ, Желѣзнякъ и Найда. Свое участіе въ пугачовщинѣ онъ положительно отрицаетъ, говоря, что находился въ то время въ Персіи.

ювь Божію ходилъ, на исповѣди у священниковъ и у святого причастія бывалъ».

На вопросы: о какомъ «спасеніи» говорилъ онъ крестьянамъ въ Добринкѣ, что разумѣлъ онъ подъ гвардейскими полками, которые должны скоро прибыть, и какими товарищами грозилъ пристрѣливать его солдатамъ,—Казанскій отвѣчалъ, что все это затѣяно на него напрасно, по злобѣ, и что ничего подобнаго онъ не говорилъ ни въ Добринкѣ, ни въ Дмитріевскѣ. Онъ былъ только свидѣтелемъ, какъ Добринскіе крестьяне, изъ коихъ нѣкоторые ѣздили за лѣсомъ въ Дмитріевскъ, толковали въ питейномъ домѣ о вывезенныхъ ими изъ города толкахъ, будто-бы опять ожидаются «великія смуты въ крестьянствѣ», но онъ ихъ «въ таковомъ заблужденіи не утверждалъ», а напротивъ, говорилъ, что «изъ того всѣмъ токмо всеконечное разореніе произойти можетъ». Онъ показывалъ также, что бунта въ Добринкѣ не было, и что крестьяне, перепившись въ кабакѣ, грозили писарю висѣлицей единственно для острастки, чтобъ онъ «взятками и инымъ лихоимствомъ не корыстовался и лакомство-бы бросилъ».

Казанскій сдѣлалъ также показаніе, что послѣднюю зиму онъ прожилъ въ Астрахани у какого-то «распопа Іакова», у котораго ему приходилось слышать отъ разныхъ людей, что въ Россіи будетъ опять «великій бунтъ», что ожидаютъ «другова злодѣя», но что самъ онъ этимъ «бабьимъ вракамъ не вѣрилъ, и ни кого толками о новомъ злодѣѣ не смущалъ».

Хотя всѣ эти отрывочныя показанія и могли считаться удовлетворительными, однако нельзя было не видѣть, что въ отвѣтахъ Казанскаго оставалось много недосказаннаго. Безъ очной ставки съ лицами, съ которыми онъ сталкивался, нельзя было повѣрить чистосердечности его признаній. Какъ-бы въ подтвержденіе того, что въ поповичѣ этомъ скрывается личность болѣе крупная, чѣмъ та, за какую онъ самъ себя выдавалъ, въ комендантской канцеляріи, въ Царицынѣ, нашлось лицо, которое видѣло Казанскаго въ другой обстановкѣ. Это былъ солдатъ царицынскаго баталіона Исѣевъ. Исѣевъ показалъ, что годъ тому назадъ, онъ видѣлъ Казанскаго въ Царицынѣ, въ проѣздъ его черезъ этотъ городъ, и теперь «опознаетъ именующаго себя поповичемъ Петромъ Казансковымъ». Казанскій, по словамъ Исѣева, прошлымъ лѣтомъ проѣзжалъ черезъ Царицынъ, въ «желтомъ берлинѣ», въ какихъ

едвали могли ѣздить въ прошломъ вѣкѣ бѣдные семинаристы, занимающіеся то рыбною ловлею, то поденною работою, а иногда в носокъ кулей, вмѣстѣ съ бурлаками. Кромѣ того, по показанію Исѣева, Казанскій былъ въ то время въ богатомъ, по тому времени, одѣяніи, далеко не соотвѣтствующемъ положенію семинариста: на Казанскомъ Исѣевъ видѣлъ «алый съ прозументами камзолъ» и замѣтилъ на немъ также золотые часы съ цѣпью. Въ проѣздъ черезъ Царицынъ, Казанскій останавливался на подворьѣ «записаннаго въ польской окладъ» поляка Яцека, и находившіеся съ нимъ, «именовавшіе себя онаго проѣзжаго гайдуками», говорили, что господинъ ихъ—«а какъ по имени не упомнитъ,—ѣдетъ съ ними изъ кабардинскихъ странъ въ вотчину свою, сызранскаго уѣзда, а какъ та его вотчина прозывается, онъ, Исѣевъ, запамятовалъ за давнимъ временемъ». Исѣевъ прибавлялъ, что онъ узналъ въ Казанскомъ ту именно личность, которая, въ прошломъ году, проѣздомъ черезъ Царицынъ, останавливалась у поляка Яцека, потому что у проѣзжаго были совершенно тѣ-же примѣты, что и у Казанскаго, тотъ-же ростъ, «лицо шадровитое съ родимымъ пятномъ на лѣвой скулѣ и таковымъ-же надъ правой бровью» и «нарочито рыжые волосы».

Казанскій положительно отрицалъ свое пребываніе въ Царицынѣ прошлымъ лѣтомъ, и говорилъ, что у него никогда не было «желтаго берлина». Лѣто 1775 года проживалъ онъ «для торгу» въ трухменской землѣ съ купеческимъ сыномъ Лукинымъ, и Исѣева никогда не знавалъ и не видывалъ.

Показаніе Исѣева не могло не вызвать сильнаго подозрѣнія въ слѣдователяхъ относительно загадочной личности и загадочности похожденій Казанскаго. Онъ могъ быть дѣйствительно поповичемъ изъ Дмитріевска, и это обстоятельство, кажется, не возбуждало въ слѣдователяхъ сомнѣнія, но что этотъ поповичъ скрывалъ много тайнъ изъ своей можетъ быть полной преступленій жизни, это также казалось весьма вѣроятнымъ и возможнымъ. Безъ сомнѣнія, пропаганда его въ Добринкѣ была не безцѣльная и, можетъ быть, это былъ не единственный актъ производимыхъ имъ по Поволжью агитацій въ народѣ подобно другому такому-же поповичу Заме-

шійся имъ, писалъ собственноручно Цыплетеву, что «паче ежелибъ возможно было развѣдать о его *дальновидномъ политическомъ зломамѣреніи, ибо онъ оглашаемъ былъ во многихъ странахъ»*, и о которомъ, по словамъ графа Панина, «во многихъ мѣстахъ въ народѣ наполнился слухъ и будто какого чудовища ожидали», однако, ни память о Пугачовѣ, ни память «о чудовищѣ» Заметаевѣ, котораго за 8 или 9 мѣсяцевъ до этого возили по всѣмъ городамъ средняго и нижняго Поволжья и наказывали кнутомъ, пока онъ не испустилъ духъ на кобылѣ, не могла такъ скоро исчезнуть въ народѣ. То тамъ, то здѣсь появлялись отважные атаманы шаекъ понизовой вольницы, между которыми, какъ оказывается, поповичи играли весьма замѣтную роль, и такой поповичъ, какъ Казанскій, вырвавшійся изъ-подъ ареста, могъ снова если не разъѣзжать въ берлинахъ, въ видѣ крупной особы, то, во всякомъ случаѣ, въ видѣ оборвыша-пропагандиста, бродить изъ одного села въ другое и волновать народъ, если не своимъ именемъ, то призракомъ какого-то «спасенія».

Съ другой стороны киргизъ-кайсаки, удачно отбитые дубовскими казаками въ одномъ мѣстѣ, могли неожиданно появиться въ другомъ и произвести тревогу въ населеніи, которое и безъ того было тревожно то подъ вліяніемъ слуховъ о второмъ Пугачовѣ, то подъ возбужденіемъ со стороны бродячихъ агитаторовъ.

Извѣстія о новыхъ нападеніяхъ киргизовъ дѣйствительно подтверждались, и мѣстныя власти должны были ждать этихъ нападеній, хотя не знали, съ какой стороны ожидать хищниковъ. Въ виду такой неопредѣленности извѣстій о киргизахъ, нельзя было принять и опредѣленныхъ мѣръ предосторожности. Но, при всемъ томъ, надо-же было принять какія-бы то ни было мѣры, хотя мѣстныя средства обороны были весьма плохи. Такъ, одинъ изъ форпостныхъ начальниковъ, донской походный сотникъ Кусковъ доносилъ Цыплетеву: что хотя «состоящимъ команды моей на форпостахъ казакамъ приказаніе отдано, чтобы они всегда имѣли не довольно на форпостѣ, но и со всякимъ проѣзжающимъ, будучи въ подводахъ, каждой ружье въ чистотѣ и опрятности, которое они и до сего по званію своему имѣютъ», однако, «чтожъ по предписанію въ ордерѣ (какъ онъ выражается), дабы команды

Заволжья на нагорную сторону Волги, уходило «въ горы», подъ защиту русскихъ и казацкихъ войскъ. Однако, все Заволжье не могло-же перебраться на правый берегъ: лѣвое Поволжье имѣло уже постоянныя поселенія, которыя, за переходомъ казаковъ въ горы, оставались совершенно открытыми для набѣга хищниковъ. За Волгой находилась въ то время слобода Николаевская, лежащая противъ Дмитріевска, заселенная малороссіянами, которые вызваны были туда изъ Украины, для возки елтонской соли. Кромѣ того, на Ахтубѣ находились шелковичныя плантаціи, или такъ-называемый ахтубинскій шелковичный заводъ и «ахтубинскія селенія», какъ «дальнія», такъ и «ближнія». Средства защиты, какъ Николаевска, такъ и ахтубинскихъ селеній, были ничтожны, и во всякомъ случаѣ не обезопашивали этихъ селеній отъ грабительствъ киргизъ-кайсаковъ.

Въ виду тревожныхъ извѣстій о появленіи въ степи киргизовъ, смотритель Николаевской слободы писалъ въ Царицынъ, что такъ какъ «Дмитріевской Николаевской слободы малороссіяне имѣютъ возку съ Елтонскаго озера соли, и необходимо надобно въ ходовыхъ транспортахъ каждому человѣку имѣть ружье и порохъ, а въ оной Николаевской слободѣ ни за какую цѣну купить, ниже одного фунта отыскать не можно, да и продажи не имѣется»,— то смотритель и просилъ царицынскую комендантскую канцелярію выслать въ Николаевскъ изъ царицынской артиллерійской команды достаточное количество пороху для отраженія хищниковъ. Смотритель ахтубинскаго шелковаго завода Рычковъ просилъ изъ Царицына присылки въ помощь казаковъ, «которымъ безпрестанными разъѣздами (писалъ онъ къ Цыплетеву) могу я удобнѣе занять здѣшнія мѣста, а въ случаѣ какого-либо вторженія оныхъ злодѣевъ, присовокупя къ онымъ отборныхъ людей конницею изъ крестьянъ, сколько по обстоятельствамъ потребно будетъ, могу воспрепятствовать ихъ предпріятію, а ежели нужда востребуетъ, то и преслѣдовать».

По этимъ требованіямъ, порохъ былъ высланъ въ Николаевку, но помощь людьми не была послана въ ахтубинскія селенія, и такимъ образомъ, бо́льшая часть Заволжья была совершенно обнажена.

Правая сторона Заволжья, хотя и считалась обезопашенною

отъ нападеній киргизъ-кайсаковъ, потому что, взамѣнъ укрѣпленій и войскъ, правое Поволжье прикрывалось широкою рѣкою,— однако, внутренніе хищники, водившіеся въ каждомъ селѣ, и всѣ бродячіе элементы страны были едва-ли не опаснѣе азіятскихъ хищниковъ. Когда изъ Царицына была послана команда съ казацкимъ хорунжимъ Сурновымъ, для усмиренія Добринки, добринскіе крестьяне отказались выдать зачинщиковъ возмущенія. Команда вошла въ село тайно, ночью, такъ, что крестьяне не были подготовлены къ защитѣ Но утромъ они узнали цѣль прибытія команды, и «бунтностно» выступили противъ казаковъ. Крестьяне вооружены были дрекольями, рогатинами и ружьями. Многіе изъ нихъ «наглостно» кричали.

— По указу царицынской комендантской канцеляріи я къ вамъ присланъ съ командою, сказалъ Сурновъ къ крестьянамъ.

— Мы твоимъ рѣчамъ не вѣримъ, отвѣчали бунтующіе крестьяне:—покажи указъ.

Сурновъ показалъ имъ ордеръ, полученный отъ Цыплетева.

— Покажи печать, кричали крестьяне.

На ордерѣ не было печати, а была только комендантская подпись, и крестьяне не повѣрили подлинности ордера.

— У тебя указъ фальшивый, говорили они.

— Это не указъ, а ордеръ, отвѣчалъ Сурновъ:—ордеръ печатію не знаменуется.

Крестьяне еще болѣе взволновались.

— У него нѣтъ указу, кричали они:—онъ самъ написалъ указъ.

Положеніе Сурнова становилось критическимъ. Шумъ возрасталъ. Слышались голоса: «Долой изъ нашего поселка!» Сурновъ скомандовалъ къ аттакѣ.

— Выдайте мнѣ воровъ и злодѣевъ безъ сопротивленія, и тѣмъ отъ напраснаго кровопролитія избавлены будете, сказалъ Сурновъ все еще не приступая къ «аттакованію».

— У насъ воровъ и злодѣевъ не бывывало, отвѣчали крестьяне:—и выдавать тебѣ некого.

Сурновъ старался объяснить непокорной массѣ, что виновныхъ

онъ найдетъ и закуетъ въ ножные и ручные кандалы, а за укрывательство виновныхъ со всего селенія «выти взыщутся».

Крестьяне и на это отвѣчали «съ продерзостью»: «Ищи вытей гдѣ хочешь, а отъ насъ тебѣ вытей не видать».

Тогда казаки «съ великою стремительностію аттаковавъ оныхъ бунтовшиковъ и въ не малое смятеніе и безпорядокъ привели, которые частію въ бѣгство обратились, прочіе-жъ, разсвирѣпѣвъ, подобно сказать, лютые звѣри на подкомандныхъ моихъ (пишетъ Сурновъ) съ отчаяніемъ бросались, рогатинами и дручками по лошадямъ били и казаковъ съ сѣделъ стащить намѣреніе имѣли». Одна рогатина угодила въ самого Сурнова и тогда онъ, «не стерпя продерзости таковой и принявъ на свою душу пролитіе крови христіанской», приказалъ колоть бунтовщиковъ «нещадно» пиками и стрѣлять въ нихъ изъ ружей. Крестьяне разсвирѣпѣли еще болѣе и началась общая свалка, въ которой казаки не выдержали и обратились въ бѣгство.

Сурновъ старается благовиднымъ образомъ представить предъ начальствомъ свое отступленіе. Онъ говоритъ, что когда началось «сраженіе» и многіе изъ крестьянъ были ранены изъ ружей и поколоты пиками, а подкомандные его, «памятуя присягу и ревнуя о славѣ имени своего», блистательнымъ образомъ и «всякой похвалы достойно одерживали побѣду надъ бунтостными мужиками», одинъ изъ этихъ мужиковъ, какъ выражается Сурновъ, «съ несказанною грубостію меня по головѣ дручкомъ ударивъ, такъ что и на малое время совсѣмъ памяти лишился».

Какъ-бы то ни было, но крестьяне выгнали изъ своего села казацкую команду. Неудачная экспедиція Сурнова кончилась тѣмъ, что онъ немедленно обратился къ начальству съ просьбою объ увольненіи его отъ «полевой службы за полученными нынѣ тяжкими ранами».

XI.

Между тѣмъ розыски поповича Казанскаго не прекращались. Его искали по Волгѣ, по всѣмъ поволжскимъ селеніямъ, станицамъ и въ родномъ городѣ его Дмитріевскѣ, гдѣ жила старушка мать этого загадочнаго семинариста. Искали его по всей военной царицынской линіи, по границамъ Донскаго войска, по верховымъ русскимъ селеніямъ и по нѣмецкимъ колоніямъ, хотя въ то время услѣдить бродягу, особенно извѣдавшаго всѣ похожденія или, какъ тогда выражались, «воровскіе» и «злодѣйскіе обороты» понизовой вольницы, было просто безумнымъ дѣломъ. Опытные проходимцы, чуявшіе, что ихъ ищутъ, рѣдко заглядывали въ населенныя мѣста, особенно-же когда имѣли такія видныя примѣты, какъ тотъ семинаристъ, о которомъ мы говоримъ, и рѣдко показывались въ степяхъ, по которымъ иногда могла проѣхать разъѣздная сыскная команда, но большею частію прятались на время въ уединенныхъ землянкахъ, вырываемыхъ въ невѣдомыхъ мѣстахъ бродячимъ людомъ, «сходцами» и всякаго рода подозрительными личностями. Искали его и въ калмыцкой ордѣ. Но всѣ эти розыски были тщетны. Въ то время, кромѣ тайныхъ воровскихъ притоновъ и разбойничьихъ становъ, ютившихся по лѣснымъ балкамъ и по оврагамъ, особенно по гористому волжскому побережью, существовали и открытые притоны: почти каждое село и каждая станица имѣли свои притоны и своихъ пристанодержателей, къ которымъ безопасно шли бездомные люди. Пристанодержателями были сельскія и станичныя власти, станичные атаманы и раскольники. У каждаго цѣловальника были свои, покровительствуемые имъ «странные добрые люди» и каждый кабакъ могъ поставить своего грамотника, составителя фальшивыхъ паспортовъ, какого-нибудь бродячаго семинариста или канцеляриста не у дѣлъ. При такомъ положеніи всей страны, розыски были дѣломъ нелегкимъ, особенно когда по Поволжью цѣлыми сотнями бродилъ посполитый людъ, вышедшій изъ Малороссіи, изъ Запорожья—нигдѣ не пріютившіеся остатки гайдамачины, сѣчевики и «гетманцы», какъ ихъ называли въ Поволжьи.

Одновременно съ этими розысками производились разслѣдованія относительно источника слуховъ, вышедшихъ изъ дербетевыхъ улусовъ, о томъ, «якобы оказался такой-же какъ прежде былъ злодѣй».

Мы уже говорили выше, что ни калмыцкій приставъ, коллежскій коммисаръ Везелевъ, ни царицынскій комендантъ Цыплетевъ не могли добиться, какіе именно калмыки были виновниками разглашенія слуховъ и отъ кого именно изъ Царицына вынесли они, что и тамъ ожидаютъ новыхъ волненій въ народѣ. Такъ прошло лѣто.

Уже осенью, 3-го сентября, Цыплетевъ писалъ астраханскому оберъ-коменданту, генералу Левину: «минувшаго іюня 25-го числа присланнымъ ко мнѣ отъ вашего превосходительства ордеромъ, по сообщенію астраханской губернской канцеляріи велѣно дербетева улусу попа Баахань-гелюнга и доносителей калмыкъ, въ томъ числѣ и бывшаго въ Царицынѣ, у знакомаго человѣка въ дому, въ произносимомъ имъ эхѣ изслѣдовать».

Для изслѣдованія этого были привезены въ Царицынъ подъ арестомъ калмыки, на которыхъ указывали, какъ на виновниковъ разглашенія. Показаніями этихъ лицъ немногое выяснилось. Вотъ что писали въ Астрахань о результатахъ допроса арестованныхъ (удерживаемъ въ точности фразеологію царицынскихъ властей въ донесеніи ихъ о томъ, что, по ихъ мнѣнію, было причиною разглашенія слуховъ о новомъ Пугачовѣ):

«Калмыки Баханъ-гелюнгъ и Арши-Гецуль показали, что Бурулова зайсанга Хошучи-Банца-Санжина калмыченинъ Лекшитъ, прибывъ изъ Царицына въ улусы, объявлялъ имъ, что въ бытность его въ Царицынѣ у русскаго человѣка, коего имя и прозваніе не знаетъ, въ домѣ, вдругъ пришли въ избу четыре человѣка при шпагахъ, весьма съ суровымъ образомъ, коихъ хозяинъ съ женою испужавшись, не знали, что дѣлать, а потому и онъ, Лекшитъ, отъ страху уѣхалъ въ улусы. А въ дополненіе того калмыченинъ Хапчинъ показалъ на калмыченина Чазбой Ларинова сына Жалчина, якобы онъ сказывалъ ему Хапчину, что онъ будучи въ Царицынѣ, слышалъ отъ русскихъ людей, что ожидаютъ скоро Пугачева. А по присылкѣ Жалчинъ на вопросъ клятвою утвердилъ, что онъ вовсе того и ни отъ кого не слыхалъ и разглашенія въ улусахъ

не чинилъ, а показано на него напрасно. По каковому ихъ вѣтренному состоянію и примѣчуетца одно пустое произношеніе, чему и вѣрить, по неистовству ихъ, не можно, а изъ показанія калмыченина Лекшита примѣчаетца не иное что, какъ въ приходѣ его къ невѣдомому человѣку въ домъ, увидя нечаянно пришедшихъ изъ полевыхъ или гранодиръ при шпагахъ, которые имѣютъ въ страшномъ образѣ усы и свирѣпый видъ и не только со азіатцами, но и съ россіянами, какъ недавно вышедшіе изъ походу, по необыкновенію и безъ свирѣпости обойтитца не могутъ, въ такомъ случаѣ тотъ калмыченинъ Лекшитъ, усмотря полевыхъ солдатъ еще впервые и по вѣтренству своему не истолкуя и не спрося никого, безпутно уѣхалъ въ улусы, и донынѣ находитца при самимъ своемъ зайсанѣ въ Астрахани» *).

Неудовлетворительность этого объясненія очевидна. Калмыки, напуганные неоднократными примѣрами тяжкой отвѣтственности за какое-нибудь одно слово, некстати и неосторожно произнесенное, видимо уклонялись отъ признанія. Жалчинъ отказывается отъ своихъ словъ и клятвою «утверждается», что обвиненіе въ разглашеніи слуховъ взведено на него напрасно. Все это тотъ-же русскій «поклепъ», русское «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю», особенно когда въ перспективѣ кнутъ, битье батогами или Нерчинскъ. Хапчинъ, тоже напуганный допросомъ и перспективою кнута, въ свою очередь путается и все сваливаетъ на свою «кал-

*) Другой варіантъ канцелярской стилистики того времени состоитъ въ слѣдующемъ: «И хотя-бъ онаго Лекшита въ дополненіе и надлежало спросить, у ково онъ былъ въ домѣ рускова человѣка, но объ немъ показано, что онъ нынѣ находится въ Астрахани, а со стороны примѣчается не что иное какъ ихъ калмыцкая вѣтренность, и конечно тогда вошли въ избу стоящіе тогда въ квартирахъ кабардинскаго полку солдаты да и совсѣмъ изъ оного матерія ничего не значитъ. Но притомъ-же отъ него, Везелева, присланной калмыченинъ Хапчинъ на калмыченина-жь Чазбой Ларинова сына Жалчина показалъ, якобъ Жалчинъ ему Хапчину сказывалъ, что въ бытность въ Царицынѣ отъ русскихъ людей слышалъ, что ожидаютъ вскорѣ Пугачева, но Жалчинъ совсѣмъ отъ онаго отперся, и какъ въ Царицынѣ не слыхалъ, такъ и ему, Хапчину, не сказывалъ, то изъ сего видно, что съ которой ни есть между ими стороны дѣло затаенное, но однако-жь все сіе предано въ разсмотрѣніе вашего превосходительства.

мыцкую вѣтренность», на свой испугъ, который нагнали на него «четыре человѣка при шпагахъ весьма съ суровымъ образомъ» и который, впрочемъ, весьма понятенъ: при входѣ въ избу четырехъ солдатъ, даже русскіе люди, хозяинъ съ женою, со страху бросаютъ свой домъ и убѣгаютъ отъ пришельцевъ, «которые имѣютъ въ страшномъ образѣ усы и свирѣпой видъ» и которые «не только съ азіатцами, но и съ россійскими людьми, какъ недавно вышедшіе изъ похода, по необыкновенію и безъ свирѣпости обойтитца не могутъ». Во всемъ этомъ въ такихъ живыхъ и неутѣшительныхъ образахъ встаетъ передъ нами наше прошлое, еще такъ недалеко отодвинутое отъ насъ временемъ, и въ то-же время такъ мало говорящее въ пользу «златаго на сѣверѣ вѣка».

Мѣстныя власти, какъ и калмыки, тоже въ недоумѣніи и въ испугѣ, хотя и силятся утѣшить себя и другихъ, что въ толкахъ народныхъ нѣтъ ничего серьезнаго, что все это ни что иное, какъ пустое произношеніе «и калмыцкое неистовство».

Между тѣмъ оказывается, что калмыкъ Хапчинъ, если и испугался солдатъ и ихъ свирѣпой наружности, то собственно потому, что, какъ показала хозяйка, у которой въ домѣ, въ Царицынѣ, это происшествіе случилось, воображеніе калмыка настроено уже было разсказами о чемъ-то ужасномъ. Эта хозяйка, малороссіянка, записанная съ мужемъ «въ семигривенный окладъ» по городу Царицыну, Мавра Харченкова, содержавшая кабакъ, показала, что въ то время у нея въ кабакѣ были «верховые бурлаки» и съ ними, какъ она выражалась на допросѣ, «поповичъ Петька, попадьинъ сынъ, Дмитріевской», который часто заходилъ въ ея кабакъ съ бурлаками и дѣйствительно говорилъ свои «неистовыя рѣчи». Какъ видно, во время разглагольствованія «поповича Петьки, попадьина сына, Дмитріевскаго», когда этотъ поповичъ говорилъ свои «неистовыя рѣчи», пришли въ кабакъ гренадеры, а потому всѣ бывшіе въ кабакѣ, принявъ этихъ солдатъ за лица, власть имѣющія, съ испугу разбѣжались. Изъ этого-то кабака калмыкъ Хапчинъ принесъ въ калмыцкую орду вѣсть о томъ, что скоро окажется «такой-же какъ прежде былъ злодѣй».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что поповичъ Петька былъ не кто другой, какъ загадочный семинаристъ Казанскій, взбунтовавшій

Добренку и изъ-подъ ареста пропавшій безъ вѣсти. Личность эта, такимъ образомъ, имѣла если не прямое, то косвенное отношеніе ко всѣмъ смутамъ, которыя въ то время волновали все нижнее Поволжье.

XII.

Значеніе подобныхъ Казанскому поповичей въ исторіи народныхъ движеній прошлаго вѣка не уяснено еще ни кѣмъ изъ русскихъ историковъ; а оно было не малое. Поповичи являются весьма важными факторами бродившихъ въ народѣ противоправительственныхъ элементовъ и весьма дѣятельными агентами силы центробѣжной, которая составляла замѣтный противовѣсъ симъ централизующей. Мало того: участіе этого элемента въ упорной и неподатливой борьбѣ силъ правительственныхъ съ силами имъ противоборствующими едва и подозрѣвалось русскими историками, по крайней мѣрѣ никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на это весьма знаменательное явленіе въ исторіи нашего медленнаго государственнаго уклада. Борьба этихъ двухъ силъ была дѣйствительно упорна и обѣ стороны настолько неподатливы, что нерѣдко прибѣгали къ кровавому разрѣшенію своихъ правъ, на преобладаніе или по крайней мѣрѣ на законность историческаго существованія той или другой силы. Борьба эта велась на каждомъ шагу, изъ-за каждаго клочка земли, который одна сила, побѣжденная, вынуждаема была уступать другой силѣ—торжествующей и постоянно росшей и постоянно становившейся болѣе притязательною. Большею частью, борьба велась тихо, негласно и состояла какъ-бы только въ пассивномъ, но упорномъ сопротивленіи. Что преслѣдовала одна сила (бродячіе элементы, сходцы, бѣглые, понизовая вольница, не помнящіе родства, безпаспортные, раскольники)—то укрывала другая, давая у себя пріютъ всему гонимому и угнетенному: отсюда вошедшее въ народные обычаи, такъ сказать, въ кодексъ народной добродѣтели—укрывательство бѣглыхъ, безпаспортныхъ, пристанодержательство и передержательство воровъ и разбойниковъ, смѣшиваемое съ понятіемъ о христіанскомъ стран-

попріимствѣ. Напротивъ, что покровительствовалось одною силою (единицы и выраженія правительственныхъ и государственныхъ функцій, представители силы правительственной или экономической)—помѣщики, чиновники, всѣ богатые люди не были любимы другою силою: отсюда—протестъ, выражавшійся то пассивнымъ неповиновеніемъ, то просто уклончивостью отъ исполненія обязанностей, то открытой борьбой—грабежемъ, воровствомъ, подлогомъ, убійствомъ. Однимъ словомъ, это была историческая борьба двухъ силъ діаметрально противоположныхъ: властвующей и подначальной, центростремительной и центробѣжной.

Къ послѣдней силѣ примыкали и поповичи, собственно семинаристы и церковники, по какимъ-либо обстоятельствамъ вытѣсненные или неужившіеся съ средою, съ которою ихъ связало рожденіе и воспитаніе. Семинаристъ, по винѣ-ли своей собственной дурно направленной или злой воли, или по винѣ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ и злого случая лишенный средствъ къ существованію,—самъ становился уже одною изъ единицъ, изъ которыхъ слагалась сила, враждебная существовавшему и преобладавшему порядку и вступалъ въ борьбу съ этимъ порядкомъ. Болѣе подготовленный къ этой борьбѣ чѣмъ простой крестьянинъ или бродяга, получившій нѣкоторое относительное образованіе и освоившійся болѣе чѣмъ крестьянинъ съ условіями жизни въ другихъ сферахъ, семинаристъ или церковникъ становился болѣе опаснымъ, чѣмъ крестьянинъ, противникомъ существовавшаго порядка и нерѣдко принималъ на себя руководство въ борьбѣ съ этимъ порядкомъ.

Вотъ почему семинаристы являются не послѣдними коноводами народныхъ движеній прошлаго вѣка, и на эту сторону нашей исторіи мы и намѣрены обратит[illegible]ніе читат[illegible] тѣмъ болѣе, что сторона эта до сихъ поръ [illegible]сь по[illegible]о въ тѣни. Этотъ типъ п[illegible]ныхъ дѣятел[illegible] выраб[illegible]торіею русскаго народ[illegible]иклѣ бы[illegible]огатыр[illegible] Владиміра, Алеша Попо[illegible]вляется [illegible]оею [illegible]о, на что мы и указали [illegible]леша П[illegible] при[illegible]рамъ боярской [illegible]онъ и [illegible] не [illegible] при Владимір[illegible]уся вы[illegible]сил[illegible]рст[illegible]уще-

ствовавшему, всѣми принятому порядку. Уже въ былинахъ Алеша Поповичъ является «калѣкой перехожимъ», когда это было для него нужно, то-есть—бродягой, непомнящимъ родства, нищимъ, чѣмъ-то въ родѣ поволжскаго бурлака или оборвыша понизовой вольницы, подобно тому какимъ являются поповичи прошлаго вѣка—Заметаевъ, Казанскій, Найда, когда они не хотѣли, чтобъ ихъ узнали разъѣздныя команды или комендантскія высылки. Напротивъ, когда предстояла необходимость дѣйствовать открыто, Алеша Поповичъ является настоящимъ богатыремъ, подобно тому, какъ Заметаевъ являлся предводителемъ опасной шайки и украшалъ себя всѣми знаками власти, или какъ Казанскій являлся въ видѣ богатаго барина, разъѣзжалъ въ берлинахъ, имѣлъ при себѣ гайдуковъ, одѣвался въ богатое платье, шитое золотомъ. На сколько другіе богатыри являются сторонниками существующаго порядка, защитниками семейныхъ правъ (Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ), на столько Алеша Поповичъ представляется противникомъ и того и другого: Алеша Поповичъ рисуется радикаломъ по своему времени, не признающимъ того, что признавали другіе богатыри

Съ этими качествами поповичи переходятъ чрезъ всю русскую исторію и съ этими качествами, только вылившимися въ формы условій другого вѣка, вступаютъ они въ исторію того времени, которому мы посвятили настоящую замѣтку нашу.

Обратимся прямо къ извѣстнымъ намъ атаманамъ понизовой вольницы и къ ихъ шайкамъ. Въ каждой такой шайкѣ мы находимъ или бѣглаго семинариста, или дьякона, или дьячка, попа или другого церковника. Всѣ эти поповичи являются часто людьми съ такою упругою энергіею и съ характеромъ такого закала, которые не всякому доброму молодцу или даже атаману были-бы по плечу.

Укажемъ на главныхъ изъ нихъ и передъ нами обрисуется образъ той силы, которая въ прошломъ вѣкѣ вела такую упорную и неустанную борьбу съ силами общественными. Вездѣ, въ этой борьбѣ, мы видимъ фигуру семинариста, иногда рельефно выдающуюся на первый планъ, иногда поставленною въ тѣни; но въ томъ и въ другомъ случаѣ личность семинариста выявится стойкою, неутомимою и опасною.

XIII.

Въ шайкѣ атамана Иванова и есаула Юдина, производившей свои разбои по Волгѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, является весьма замѣтною личность дьякона Никитина.

Этотъ разбойникъ былъ прежде въ Сибири, Тобольскѣ и состоялъ дьякономъ въ тамошнемъ Успенскомъ соборѣ. Бѣжавъ изъ Тобольска по никому неизвѣстнымъ причинамъ, онъ проходитъ тысячи верстъ по всему востоку Россіи и пробирается въ привольное Поволжье, которое и въ Сибири славилось подвигами добрыхъ молодцевъ понизовой вольницы. Въ семидесятыхъ годахъ мы видимъ Никитина въ шайкѣ атамана Иванова. Шайка эта перешла уже съ Волги на Донъ, и съ этой шайкой бродитъ по бѣлу свѣту дьяконъ Никитинъ. Атаманъ съ своимъ есауломъ и другими товарищами живутъ въ Качалинѣ, весьма свободно, на квартирѣ, и платятъ за постой по пяти копѣекъ въ сутки. Тутъ живутъ главные разбойники—есаулъ Юдинъ, Лукинъ, Стряхнинъ, Лобановъ и дьяконъ Никитинъ. Затѣмъ они являются на Волгѣ и разбиваютъ суда, плывущія по этой рѣкѣ. Являются въ степи—и разбиваютъ обозы. Въ этой шайкѣ есть и свой секретарь «бурлакъ Агапъ», можетъ быть тоже семинаристъ, потому что онъ, какъ грамотный и опытный въ этомъ дѣлѣ, готовитъ для шайки «воровскіе паспорты». Въ одно лѣто разбито и ограблено ими восемь судовъ.

Сотникъ Горскій и капитанъ Куткинъ съ отрядомъ казаковъ и солдатъ захватили главныхъ разбойниковъ этой шайки. Взятъ былъ и дьяконъ Никитинъ. Всѣхъ ихъ привели на судъ въ Царицынъ *).

Замѣчательно, что когда судили дьякона Никитина съ прочею шайкою и когда судъ еще не кончился, въ Царицынѣ вспыхнулъ бунтъ во имя самозванца Богомолова, предшественника Пугачова. Въ этомъ бунтѣ также принимало дѣятельное участіе одно духовное лицо; но объ немъ мы скажемъ ниже.

*) См. наши монографіи: Самозванцы и понизовая вольница, изд. 2-е, т. II, стр. 26—30.

Въ одно время съ атаманомъ Ивановымъ является на Волгѣ другой атаманъ, болѣе знаменитый и болѣе опасный—это Кулага, котораго и офиціальныя бумаги того времени величаютъ именемъ *славнаго разбойника*.

Одного изъ первыхъ товарищей и помощниковъ себѣ Кулага находитъ въ семинаристѣ Силантьевѣ. Силантьевъ—это типъ поповича, убившаго свои богатыя силы,—которыя могли бы быть употреблены на что-нибудь лучшее,—въ борьбѣ съ тѣмъ, противъ чего бились антигосударственные элементы, таившіеся преимущественно на окраинахъ Россіи, вдали отъ правительственныхъ центровъ.

Семинаристъ Силантьевъ—родомъ изъ Казани, сынъ тамошняго протопопа. Онъ получилъ воспитаніе въ Казанской семинаріи и неизвѣстно по какимъ причинамъ бѣжалъ оттуда, когда ему исполнилось девятнадцать лѣтъ. Въ 1764 году бѣглый бурсакъ является въ Астрахань, можетъ быть съ бурлаками по примѣру другихъ бродягъ и семинаристовъ той эпохи, и поступаетъ въ приказчики къ астраханскому купцу Озерову, у котораго и занимаетъ эту должность до 1771 года. Въ этомъ году онъ рѣшается идти въ разбойники, соединяется съ астраханскимъ казакомъ Ершовымъ и, успѣвъ пригласить въ свою партію только двухъ человѣкъ, прежде всего грабятъ лавку Мѣшкова. Но первый подвигъ несчастливъ для Силантьева: грабители схвачены, уличены въ преступленіи и засажены въ тюрьму, въ которой уже сидѣлъ «славный» Кулага, впрочемъ, въ то время еще мало извѣстный. Это была тюрьма Троицкаго монастыря. Надо полагать, что здѣсь Силантьевъ познакомился съ Кулагою, потому что семинаристъ, спасшись изъ тюрьмы, прежде всѣхъ соединяется съ шайкою Кулаги. Силантьевъ и Кулага сидѣли въ острогѣ одинъ около трехъ лѣтъ, другой—около четырехъ, до августа 1774 года. Въ это страшное для Россіи время, когда Пугачовъ, опустошивъ востокъ и Поволжье, взялъ уже Казань, Пензу, Саратовъ и подвигался къ югу, и когда всѣ остроги, набитые арестантами, ждали своего освободителя въ мнимомъ Петрѣ III, Кулага и Силантьевъ, вмѣстѣ съ прочими двадцатью-пятью колодниками, ушли изъ Троицкой тюрьмы. Бѣглецы пробрались на взморье. Всю зиму Кулага

скрывается въ урочищѣ Бертюлѣ, а Силантьевъ ниже этого урочища въ высокихъ камышахъ.

Весной 1775 года Силантьевъ и Кулага имѣли уже прочно организованную шайку. Атаманъ ея или *батюшка*—Кулага. Товарищи его Тарабаринъ, юный Шумниковъ, который съ шестнадцати лѣтъ бродилъ по Россіи, другой такой-же юный разбойникъ Васильевъ и семинаристъ Силантьевъ. Это — коноводы шайки. Шайка грабитъ Башмаковку и на «досчаникѣ» (большая лодка) рыщетъ по Каспійскому взморью, грабитъ рыболовныя ватаги, запасается оружіемъ, порохомъ, паспортами, пересаживается въ другія, добытыя оружіемъ лодки. На Болдѣ, у взморья, шайка сталкивается съ разъѣздною командою, начинается перестрѣлка, и «по той пальбѣ было сраженіе». Побѣда остается на сторонѣ разбойниковъ.

Послѣ этой битвы и Кулага и Силантьевъ пропадаютъ надолго. Они рыщутъ по морю. Оставивъ море, они снова входятъ въ Волгу и пробираются мимо Астрахани. Они плывутъ на своихъ лодкахъ вверхъ, въ «Русь». Уже осенью ихъ ловятъ выше Царицына и отправляютъ на судъ въ Астрахань.

Что было дальше съ отважнымъ семинаристомъ—неизвѣстно. Поимка его и Кулаги составляла потомъ гордость и славу волжскаго войска.

Одновременно съ семинаристомъ Силантьевымъ дѣйствуетъ еще болѣе страшный семинаристъ, атаманъ Заметаевъ. Это была слишкомъ крупная личность, чтобы, — въ видахъ наибольшаго разъясненія степени участія, которое принимали семинаристы въ народныхъ движеніяхъ прошлаго вѣка,—не напомнить читателямъ тѣ наиболѣе выдающіеся факты изъ безпокойной жизни этого семинариста, которыми имя его сдѣлалось достояніемъ исторіи.

Въ 1773 году, въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, у тамошняго дьячка, неизвѣстно за какія вины, былъ забритъ въ рекруты сынъ, по имени Игнатъ. Съ Кизлярскимъ полкомъ онъ былъ командированъ въ Грузію, и съ тѣхъ поръ ничего не было слышно объ этомъ семинаристѣ-рекрутѣ.

Въ это время надъ Россіей прошла буря пугачовщины, и какъ казалось правительству, улеглась съ казнью Пугачова. Вездѣ, ка-

залось, господствовала тишина послѣ этой страшной бури, только Поволжье волновалось вспышками народныхъ смутъ, которыя раздувались такими личностями, какъ Кулага или семинаристъ Силантьевъ. Но вотъ весною, слѣдовавшею за казнью Пугачова, юго-восточныя окраины Россіи, въ которыхъ еще ни народъ, ни власти не успѣли отдохнуть и успокоиться послѣ погрома пугачовщины, были взволнованы новою вѣстью, что въ скоромъ времени должна явиться какая-то новая страшная личность, которая опять подниметъ на ноги все, что едва успѣло улечься, и опять юго-восточный край будетъ видѣть пожары своихъ городовъ, опять польется кровь, какъ лилась она во время пугачовщины. Говорили, что придетъ какой-то Заметаевъ. Въ воображеніи народа, напуганнаго только что пережитыми имъ смутами, уже рисовалась эта страшная личность въ видѣ *метлы*, которая все *помететъ* и уничтожитъ, отъ которой ничто не спасется *). Загадочная метла является уже въ фантастическихъ образахъ и уже до появленія своего становится чѣмъ-то легендарнымъ, почти миѳическимъ. Метла представляется даже въ видѣ женщины, передъ которой трепещутъ коменданты и воеводы. Нижнее Поволжье передаетъ эту вѣсть о Заметаевѣ сѣверу и толки о немъ переходятъ въ самыя отдаленныя провинціи.

Саратовъ, Симбирскъ. Астрахань, Енотаевскъ, Черный Яръ. Черкасскъ, Царицынъ, Москва и Петербургъ пересылаютъ и получаютъ ордеры, промеморіи, рапорты, указы и во всѣхъ этихъ ордерахъ и промеморіяхъ, озаглавленныхъ таинственнымъ «по секрету», упоминается одно и то-же загадочное имя Заметаева. Правительство озабочено этимъ именемъ. Слухи о неистовствѣ шаекъ понизовой вольницы ростутъ и раздуваются въ подробности, которымъ вѣрить страшно. Народъ и со страхомъ и съ новой вспыхнувшей въ немъ надеждой ждетъ чего-то,—ждетъ конечно воли, довольства, хлѣба, соли, безоброчнаго и безбарщиннаго су-

*) Объ этой *Метлѣ* (Заметаевѣ) до сихъ поръ по Поволжью ходятъ баснословные разсказы,— о томъ, напримѣръ, какъ онъ, переряженный женщиною, является къ Саратовскому коменданту и воеводѣ, грозитъ имъ *смести* ихъ съ лица земли; какъ комендантъ велитъ схватить эту женщину, но женщина оказывается сильнѣе солдатъ, оберегавшихъ коменданта и т. п.

ществованія и всѣ надежды вяжутся съ именемъ Заметаева, котораго никто не знаетъ, никто не видалъ, но слухомъ о которомъ полны всѣ кабаки и базары, и большіе города, и бѣдныя деревеньки.

Графъ Петръ Панинъ, уже около года командовавшій императорскими войсками, посланными для возстановленія тишины въ провинціяхъ, потрясенныхъ пугачовскимъ бунтомъ, и Суворовъ, державшій въ рукахъ ближайшій рычагъ управленія войсками, растянутыми вдоль всего Поволжья, тревожно должны были слѣдить за народной молвой о какомъ-то невѣдомомъ, но для всѣхъ страшномъ призракѣ Заметаева или Заметайлы, о которомъ никто даже не догадывался, что этой простой семинаристъ, — «съ великимъ оскорбленіемъ» догадывались, что почти годичная гонка ихъ за призраками, волновавшими народъ, что вѣшанье по всѣмъ городамъ коноводовъ этого волненія и несчастныхъ жертвъ недоразумѣнія, что наконецъ все ихъ зданіе умиротворенія края, въ цементъ котораго замѣшано было такъ много человѣческой крови—что все это можетъ вновь рухнуть на тотъже самый народъ подъ обаяніемъ имени какого-то семинариста.

И вотъ въ іюнѣ 1775 года, въ тѣ самые дни, когда черезъ Царицынъ проѣзжалъ въ богатомъ берлинѣ съ гайдуками и въ богатомъ камзолѣ съ золотомъ, другой загадочный семинаристъ «Петька» Казанскій, въ Москвѣ печаталось и разсылалось по всей восточной и юго-восточной Россіи объявленіе о «чудовищѣ» Заметаевѣ, тоже семинаристѣ, только съ болѣе грозной популярностію.

Вотъ это объявленіе, до сихъ поръ нигдѣ цѣликомъ не напечатанное и приводимое нами сполна, какъ драгоцѣнный историческій документъ для будущихъ историковъ русскаго народа.

«Войскъ ея Императорскаго Величества отъ полнаго генерала и кавалера графа Панина. По всемилостивѣйшему отъ Ея Императорскаго Величества мнѣ препорученію къ пресѣченію минувшаго народнаго возмущенія, сдѣланнаго злодѣемъ и самозванцемъ Пугачевымъ, воспріявшимъ уже на Московской площади за свои беззаконія смертную казнь, и по высочайшему продолженію довѣренности Ея Величества къ моему наблюденію надъ доставленною побѣдоноснымъ ея оружіемъ государственною отъ того смятенія

[redacted]

тишиною. по истинной моей всеподданнической къ Ея Императорскому Величеству и къ государству вѣрности и усердію. примѣчалъ я съ великою сердечною радостію, что народъ бывшій отъ онаго злодѣя въ возмущеніи, восчувствуя изъявленное отъ самодержицы своей милосердіе, пощадою по наказаніи самаго того злодѣя всѣхъ оставшихъ и самыхъ винныхъ преступниковъ противу Ея Императорскаго Величества и противу своего отечества, изъявлялъ признаніе свое спокойнымъ во всемъ повиновеніемъ подданнической должности къ своей монархинѣ и учрежденнымъ отъ нея начальствамъ, но нынѣ съ великимъ оскорбленіемъ услышалъ я, что между народомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разглашаются и разсѣваются плевелы таковыя, яко-бы какой-то разбойникъ Заметаевъ проявится и будетъ производить новое народное разореніе. Я должностію моею нахожу, по всеподданнической вѣрности къ Ея Императорскому Величеству и усердію къ сынамъ единаго со мною отечества, чрезъ сіе объявить и увѣщевать, чтобъ тому разглашенію и подобнымъ оному отнюдь никому не вѣрить и не попускать народу вводить себя въ новое какое-нибудь заблужденіе, къ новой себѣ погибели и къ крайнему разоренію, не вѣря никакому объ ономъ разглашенію, и запрещаю имя Заметаева и всякаго другаго подобнаго тому чудовища, къ народному устрашенію, произносить и употреблять, или упоминать. Если-же кто дерзнетъ именемъ злодѣя Заметаева, или какимъ другимъ возвѣщать новое въ народѣ возмущеніе, съ тѣмъ конечно приказано будетъ поступить въ наказаніяхъ и казни съ равною законовъ государственныхъ строгостію, какъ было отъ меня поступлено съ возмутительми и сообщниками минувшаго народнаго возмущенія. Сочинено въ Москвѣ іюня . . дня, 1775 года. Графъ Петръ Панинъ».

Такъ страшно было имя этого семинариста, противъ котораго направлены были всѣ расположенныя въ Поволжьѣ войска. Изъ Симбирска Суворовъ, не стыдившійся помѣряться силами съ дьячковскимъ сыномъ, выслалъ секундъ-маіора Соловьева съ отрядомъ, который долженъ былъ пройти до самой Астрахани нагорнымъ берегомъ Волги и наблюдать за всѣмъ, что дѣлалось на этой рѣкѣ. Астраханскій оберъ-комендантъ генералъ Левинъ отряжалъ противъ семинариста свои отряды. Царицынскій комендантъ Цыпле-

тевъ высылалъ противъ него свои команды. Черноярскій комендантъ Айдаровъ дѣлалъ подобныя-же высылки отрядовъ. Бригадира Пиля съ частью поволжской арміи Суворовъ отрядилъ къ Саратову для прикрытія отъ семинариста этой стороны Поволжья. Вся Волга отъ Симбирска до моря была заперта войсками. Казацкіе отряды рыскали по степямъ, ища семинариста. Всѣ линейныя крѣпости и форпосты сторожили его. Отряды калмыцкаго нерегулярнаго войска оберегали кумскую степь и границы ея съ Поволжьемъ. Донское войско также ждало страшнаго семинариста.

А семинаристъ былъ въ это время въ морѣ. Онъ наѣзжалъ на взморье, разбивалъ отряды правительственнаго войска и опять удалялся въ море.

Это была въ высшей степени энергическая личность. Обаяніе его было такъ велико, что къ нему въ шайку шли купеческія дѣти, однодворцы и вообще не простая голытьба. Онъ писалъ прекрасно, бойкимъ, смѣлымъ и твердымъ почеркомъ, несмотря на то, что мы видимъ этотъ почеркъ подъ допросами, въ которыхъ онъ самъ себѣ прописывалъ смертный приговоръ. Онъ подписывался двойною фамиліею—«Запрометовъ и Заметаевъ». Въ шайкѣ его были все бо̀льшею частію молодые люди. Суворовъ былъ въ высшей степени заинтересованъ загадочной личностью этого семинариста и хотѣлъ знать мельчайшія подробности его подвиговъ, его наружность, оружіе, которымъ онъ дѣйствовалъ, и въ особенности интересовался развѣдать о «его дальновидномъ политическомъ злонамѣреніи». Объ умѣ и храбрости этого семинариста говоритъ и историкъ Суворова, Антингъ *).

Читатели, вѣроятно, помнятъ изъ нашей монографіи о Заметаевѣ, какая ужасная казнь постигла этого опаснаго семинариста **).

---

*) «Il était homme d'esprit et de courage» (Les Campagnes, par Anthing, I v.).

**) Самозванцы и понизовая вольница, изд. 2-е, т. II. Атаманъ Заметаевъ, стр. 58—81.

XIV.

Но значеніе семинаристовъ въ исторіи народныхъ движеній прошлаго вѣка будетъ не вполнѣ уяснено, если мы не укажемъ и на другихъ извѣстныхъ намъ поповичей и церковниковъ, которыхъ тайная и явная агитація поднимала народъ противъ общественнаго спокойствія.

Уже въ самый годъ восшествія на престолъ императрицы Екатерины II, одинъ семинаристъ успѣлъ возмутить всю Казанскую губернію, оглашая эмансипацію крестьянъ. Эта сочиненная и провозглашенная семинаристомъ эмансипація едва не послѣдовала на самомъ дѣлѣ ровно за сто лѣтъ до великой эмансипаціи 19-го февраля, послѣдовавшей въ нашемъ уже вѣкѣ.

Народная смута, подготовленная и возбужденная семинаристомъ за одиннадцать лѣтъ до Пугачова, имѣла такой ходъ.

Осенью 1762-го года, въ Казанской губерніи, по заводскимъ деревнямъ и другимъ селеніямъ появился всемилостивѣйшій манифестъ, послѣдовавшій 7-го іюля того года, то-есть въ тотъ именно день, когда послѣдовалъ манифестъ о кончинѣ императора Петра III «отъ прежестокой колики въ гемороидическомъ припадкѣ». Этотъ новый манифестъ возвѣщалъ также всей Россіи, что по кончинѣ государя Петра Θедоровича на императорскій престолъ вступила супруга его Екатерина Алексѣевна. Затѣмъ, какъ выражается высочайшій указъ 14-го ноября 1762 года, въ манифестъ этотъ «внесены самыя пасквильныя рѣчи». Пасквильность этихъ рѣчей заключалась въ слѣдующемъ: «которые-де въ прежнихъ годахъ отданы были во владѣніе собственные ея императорскаго величества крестьяне архіереямъ и по разнымъ монастырямъ и которыя подписаны подъ заводы къ разнымъ компанейщикамъ для заводскихъ работъ, таковымъ отнюдь на оныхъ заводѣхъ не работать и отъ тѣхъ заводовъ, какъ Осокина, такъ Демидова и Петра Шувалова, и быть по прежнему ясашнымъ», и «сверхъ-де онаго другія вымышленныя непристойности».

Этотъ пасквильный манифестъ, какъ называетъ его сенатъ въ

высочайшемъ указѣ, быстро разошелся по губерніи и произвелъ необычайное волненіе въ народѣ. Въ Казань пришли вѣсти, что крестьяне, добывъ копіи съ этого манифеста «ѣздя по приписнымъ къ заводамъ жительствамъ и разглашая, возмущаютъ какъ состоящихъ, такъ и несостоящихъ въ противности приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, чтобъ заводскихъ работъ не исправлять, и въ томъ утверждая подписками, желающихъ быть въ работѣ бьютъ смертными побои и разоряютъ, и изъ жительства вонъ выгоняютъ».

Вѣсти эти принесъ въ Казань, крестьянинъ Казанскаго уѣзда, Арской округи, деревни Нижней-Тоймы, приписной къ заводамъ дѣйствительнаго камергера графа Андрея Шувалова, Степанъ Азебаевъ. Онъ предъявилъ и списанную съ пасквильнаго манифеста копію. Азебаевъ объявлялъ, что копію эту онъ взялъ въ Казани «у тамошней рѣшетки», у приписнаго къ тѣмъ-же заводамъ крестьянина деревни Кугубору Данилы Широкова, а Широковъ взялъ ее у пахотнаго солдата пригорода Калмыжа Ивана Ватажникова.

Такъ какъ, по мнѣнію казанскихъ властей, сіе дѣло заключало не малую важность, то, «дабы такое умышленное разглашеніе чрезъ самую строгость истреблено быть могло», тотчасъ-же велѣно было отыскать Ватажникова и привезти въ Казань. Ватажниковъ былъ сысканъ и присланъ въ Казань.

Между тѣмъ, пока производились розыски Ватажникова и сочинителя фальшиваго манифеста, казанскія власти немедленно отправили нарочныхъ во всѣ села, приписанныя къ заводамъ графа Шувалова, съ тѣмъ, чтобы черезъ этихъ нарочныхъ «тѣхъ приписныхъ жительствъ крестьянамъ о вышеписанной сочиненной фальшивой съ манифеста копіи публиковать, дабы оной отнюдь никто не вѣрили и заводскія работы исправляли безостановочно и противности и ослушаній никакихъ не чинили, и въ томъ сотниковъ и крестьянъ обязать подписками, а вышеписанныхъ разглашателей и возмутителей, по той фальшивой копіи крестьянъ сыскавъ, за карауломъ привесть въ губернскую канцелярію».

Но дѣло приняло уже такой серьезный оборотъ и населеніе до того было взволновано, что одними нарочными бунтъ не могъ быть потушенъ. Требовались войска для усмиренія непокорнаго

народа. Возбужденное искомою волею населеніе явно высказывало, что оно и войскъ не боится.

Нарочные возвратились и объявили, что они «въ показанныя жительства ѣздили, точію до тѣхъ жительствъ приписные къ объявленнымъ заводамъ крестьяне, для публикованія о показанной фальшиво учиненной съ манифеста копіи и для взятья объ ономъ, такожъ и о бытіи въ послушаніи заводскихъ работъ подписокъ, въ жительства не допустили и показанныхъ разгласителей и возмутителей крестьянъ сыскивать не дали, и собравшись каждаго жительства съ дубьемъ и со всякимъ дреколіемъ держали ихъ запертыхъ въ избѣ подъ карауломъ, и угражввая разными словами, выслали изъ жительствъ вонъ, и при той высылкѣ объявляли, что хотя-бъ-де губернская канцелярія и больше ихъ команды прислать могла, то-де они такой губернской канцеляріи слушать ни въ чемъ не будутъ и данную означеннымъ нарочно посланнымъ инструкцію называли фальшивою, и тѣмъ учинились противны».

Растерявшаяся губернская канцелярія спрашивала у сената, «что съ таковыми противники чинить и какія и ко отвращенію оныхъ вкоренившихся противностей способы употребить».

Сенатъ, публиковавъ во всеобщее извѣстіе высочайшій указъ о фальшивомъ манифестѣ, далъ знать въ Казань: «А чтожь слѣдуетъ до разглашенія приписными къ заводамъ объявленнаго графа Шувалова крестьянами и выпущенія списываніемъ тѣхъ копій, ѣздя по приписнымъ къ заводамъ жительствамъ и о чиненіи смертныхъ побой и разореній, то дабы они отъ сего воздержались, и вышеписаннымъ фальшивымъ копіямъ не вѣрили, и никакихъ-бы противностей своимъ командамъ, также своевольствъ и озарничествъ отнюдь не чинили, и поступили-бы какъ вѣрноподданническая должность требуетъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ неупустительнаго по законамъ истязанія, и о томъ не токмо въ тѣхъ ихъ жительствахъ, но и *во всемъ государствѣ* публиковать печатными указами; о чемъ симъ и публикуется» *)

*) Указы императрицы Екатерины Алексѣевны съ 28-го іюня 1762 по 1763 годъ. Въ Москвѣ при сенатѣ 1763, стр. 152—155.

Но не скоро послѣ этой вспышки могло быть усмирено и успокоено населеніе. Оно первое откликнулось и на призывъ Пугачова, объявившаго, что онъ даетъ народу волю

Оказалось, что фальшивый манифестъ, надѣлавшій столько шуму и причинившій не мало тревоги правительству, а затѣмъ подготовившій населеніе къ окончательному разрыву съ властями, сочиненъ былъ семинаристомъ, именно дьячкомъ села Красной Горки Свіяжскаго Богородскаго монастыря, Иваномъ Козминымъ. Козминъ сочинилъ этотъ манифестъ, когда за какую-то провинность содержался подъ карауломъ въ казанской духовной консисторіи.

Такъ подготовлялась одна изъ самыхъ кровавыхъ народныхъ смутъ прошлаго вѣка, и семинаристы далеко не были чужды этой постепенной, систематической подготовкѣ.

Сейчасъ мы увидимъ, что тѣ-же семинаристы и вообще поповичи настойчиво и неуклонно преслѣдовали свои цѣли, какъ до пугачовщины, такъ и тогда, когда уже вся Россія, послѣ кровавыхъ смутъ, казалась на время успокоенною.

Въ 1772 году въ Царицынѣ и въ войскѣ Донскомъ вспыхнулъ бунтъ въ пользу самозванца Богомолова. Самое дѣятельное участіе къ поднятію на бунтъ народа и мѣстныхъ войскъ принимаетъ лицо духовнаго званія, попъ, а впослѣдствіи «распопъ» Никифоръ Григорьевъ. Во время содержанія самозванца подъ арестомъ, отецъ Никифоръ, бывшій священникомъ царицынской соборной церкви, чаще всѣхъ навѣщаетъ таинственнаго арестанта и въ праздникъ приноситъ ему просфору. Отецъ Никифоръ предупреждаетъ часовыхъ, стоявшихъ на караулѣ у каземата, гдѣ былъ заключенъ самозванецъ, что ночью за городомъ будутъ бить тревогу и потому часовые «поберегли-бы государя: хотятъ его отбить дубовскіе казаки», говорилъ онъ: «а вашъ-бы караулъ былъ крѣпокъ... а я стараться буду сколько возможно». Отецъ Никифоръ ходитъ ночью по городу, по солдатскимъ квартирамъ, и тайно предувѣдомляетъ солдатъ, что ночью у городскихъ воротъ будетъ тревога.

Предсказанія попа сбываются и бунтъ вспыхиваетъ. Предвидѣть бунта никто не могъ, кромѣ самого попа, котораго поспѣшили арестовать, какъ возмутителя.

Когда арестованнаго попа ведутъ въ полицейскую избу съ ка-

раульными, чтобы заковать въ желѣза, онъ вырывается изъ рукъ караульныхъ и кричитъ къ народу: «Братцы! православный народъ! не выдайте!» Народъ разсвирѣпѣлъ и, разобравъ базарные шалаши и загороди, съ дрекольемъ пошелъ на гауптвахту освобождать попа и самозванца. Послѣдствія Царицынскаго волненія и бунта въ донскихъ станицахъ должны быть извѣстны читателямъ изъ нашей монографіи о самозванцѣ Богомоловѣ.

Попъ Никифоръ разстриженъ и переименованъ въ «распопа». Мнимаго Петра III, Богомолова, его государственнаго секретаря Долотина, распопа Никифора и множество другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ бунтѣ, постигла жестокая казнь.

Бунтъ въ станицахъ войска Донского во имя самозванца Богомолова произведенъ тоже семинаристомъ, малороссіяниномъ Степаномъ Пѣвчимъ, котораго фамилія обличаетъ происхожденіе этого агитатора.

Пѣвчій бывалъ въ Царицынѣ во время содержанія Богомолова подъ арестомъ и тайно бывалъ на аудіенціи у мнимаго императора. Въ первое свое представленіе мнимому царю, онъ поднесъ ему «витушку» (витой хлѣбъ) и тридцать копѣекъ денегъ—это подарокъ подданнаго русскому императору. Когда Пѣвчій раскланивался съ лже-императоромъ, этотъ послѣдній сказалъ: «поклонись всей Пятиизбянской станицѣ». Пѣвчій явился въ станицу и сталъ волновать ее странными рѣчами о государѣ. Онъ кланялся отъ него станичному атаману и казакамъ. Атаманъ собралъ станичный сходъ и требовалъ отъ стариковъ совѣта.

— Что намъ государю послать денегъ? спрашивалъ атаманъ на сходѣ.

— Дать рубль, приговорили старики.

Пѣвчій отвезъ эти деньги самозванцу. Въ эту вторую аудіенцію у лже-императора Пѣвчій нашелъ тамъ одного линейнаго казака, который говорилъ самозванцу:

— Присланъ я отъ нашего линейнаго сотника Егора, станицы Букановской.

— Я сотника Егора Букановскаго знаю, отвѣчалъ самозванецъ и приказалъ кланяться.

— Сотникъ приказалъ вамъ донесть, продолжалъ казакъ, что

курьеръ изъ Питербурха пріѣхалъ и стоитъ у него на хватерѣ. Сказывалъ, изъ Питербурха идутъ четыре полка, которые на дорогѣ объѣхалъ, для встрѣчи васъ, государя, и при нихъ-же четыре генерала.

Самозванецъ показывалъ присутствующимъ свою грудь съ знаками на тѣлѣ въ видѣ креста: «какъ на грудяхъ видишь, такъ на лбу и на плечахъ есть у меня». Пѣвчій откланялся. Лже императоръ приказалъ ему благодарить и кланяться станичному атаману, старикамъ и казакамъ всей станицы

Послѣ этого свиданья съ самозванцемъ Пѣвчій началъ мутить свою станицу. Станичныя власти приняли сторону таинственнаго арестанта, старики тоже всѣ поколебались и повѣрили Пѣвчему.

Когда въ Пятиизбянскую станицу пріѣхалъ съ секретнымъ предписаніемъ фурьеръ Ромашевъ, онъ не смѣлъ арестовать Пѣвчаго—такъ было велико его значеніе въ станицѣ.

— Я и вся наша станица обстоимъ какъ у его высокопревосходительства, такъ и у царицынскаго коменданта и у войсковаго атамана не подъ командою, говорилъ фурьеру станичный атаманъ, давая понять, что есть кто-то выше ихъ, которому они подкомандны.

А станичный писарь выразился: «Мы знаемъ, онаго названца (мнимаго Петра III) затѣмъ не выручаютъ и хотятъ уморить, что ея императорское величество желаетъ быть въ супружествѣ за графомъ Орловымъ».

Какъ-бы то ни было, Пѣвчій, какъ возмутитель, былъ взятъ, закованъ въ кандалы и посаженъ на цѣпь. Въ Царицынѣ его постигла казнь вмѣстѣ съ прочими бунтовщиками *).

XV.

Въ рукахъ семинаристовъ, поповъ, поповичей и всякихъ церковниковъ была такимъ образомъ громадная сила, о которой никто

*) Самозванцы и понизовая вольница, изд. 2-е, т. I, стр. 72—97.

[redacted]

не подозрѣвалъ ни въ прошломъ, ни въ нынѣшнемъ вѣкѣ, и силу эту они удержали въ своихъ рукахъ до настоящаго времени, хотя проявленія ея теперь уже не тѣ, что были въ истекшемъ столѣтіи. Но объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь-же укажемъ еще на нѣсколько извѣстныхъ намъ поповичей прошлаго вѣка

Душою шайки одного изъ послѣднихъ атамановъ понизовой вольницы, Максима Дегтяренка, былъ тоже поповичъ. Онъ даже носилъ фамилію Поповича, какъ знаменитый богатырь временъ князя Владиміра. Мы говоримъ о его соименникѣ, поволжскомъ разбойникѣ, часто руководившемъ шайкою Дегтяренка, Алешкѣ Поповичѣ.

Когда Дегтяренко, въ качествѣ атамана, завербовалъ въ свою шайку (въ 1781 году) Алешку Поповича, этотъ послѣдній считался уже старымъ разбойникомъ, имѣвшимъ свои тайныя связи и тайныхъ агентовъ. Алешка Поповичъ, который назывался также и Бурыкинымъ, самъ говорилъ о себѣ, что онъ «съ Дону, чинитъ разбои, гдѣ тамо случится». Дѣйствительно, Алешка Поповичъ зналъ всѣ входы и выходы не только по Поволжью, но по Дону, по Медвѣдицѣ, по донскимъ и медвѣдицкимъ станицамъ и по медвѣдицко-бузулуцкимъ и медвѣдицко-бурлуцкимъ степямъ, которыя для шаекъ понизовой вольницы были почти тоже, что «Чорный шляхъ» для гайдамаковъ украинскихъ.

Алешка Поповичъ является не только вожакомъ шайки, но и ея секретаремъ. Соображаясь съ лѣтами и наружностью товарищей, онъ пишетъ имъ паспорты. Пользуясь указаніями Алешки Поповича, шайка колеситъ по волжскимъ и донскимъ степямъ на огромныя разстоянія. Рекомендація Алешки Поповича даетъ разбойникамъ пріютъ не только у пристанодержателей, но и у помѣщиковъ, какъ напримѣръ у донского походнаго есаула Маневскаго, которому разбойники дарятъ «отъ своей артели денегъ пятнадцать рублевъ да двѣ лошади». О шайкѣ, въ которой дѣйствуетъ Алешка Поповичъ, молва доходитъ отъ Дона до Саратова, отъ Саратова до Царицына. Шайка эта дѣйствуетъ и за Волгой. Въ ней почти всѣ такія-же отчаянныя головы, какъ Алешка Поповичъ. Во время битвы съ арестовавшими ихъ командами, разбойники, за неимѣніемъ пуль, стрѣляютъ не только жеребьями, но и пуговицами.

Наконецъ Алешку Поповича вмѣстѣ съ атаманомъ Дегтяренкомъ и разбойникомъ Мирошниковымъ, намѣревавшимися пробраться на «гетманщину», казаки схватили на бузулуцкихъ хуторахъ.

Алешка Поповичъ до конца жизни выдержалъ свой характеръ и неподатливую волю. Въ то время, когда на судѣ даже атаманъ Дегтяренко подъ пытками сознался въ своихъ дѣяніяхъ, Алешка Поповичъ ни въ чемъ не сознался даже подъ пытками *).

Въ исторіи самаго послѣдняго извѣстнаго намъ самозванца Ханина, явившагося въ Поволжьѣ уже черезъ пять лѣтъ послѣ казни Пугачова, тоже является не послѣднимъ дѣятелемъ семинаристъ, только вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, священникомъ села Вязовки.

Этотъ семинаристъ вмѣстѣ съ отцомъ и крестьянами первые пріѣзжали въ Морецъ, къ Прохоровой, своею красотою плѣнившей послѣдняго Лже-Петра III, и звали эту дѣвушку съ собой, говоря: «Поѣдемъ съ нами къ Петру Ѳедоровичу (мнимому государю): тебѣ жить будетъ не худо».

Они первые пропагандировали во имя этого самозванца. Они, похитивъ дочь у Прохорова, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее императрицей, утѣшали отца: «Не плачь, мы отвезли ее въ хорошее мѣсто, къ большому боярину Петру Ѳедоровичу». Какъ видно, пропаганда, въ которой участвовалъ вязовскій семинаристъ съ отцомъ, принимала было широкіе размѣры, еслибъ обольщенная самозванцемъ дѣвушка, которую Ханинъ обѣщалъ сдѣлать императрицей, не разрушила заговора своимъ признаніемъ. Заговоръ этотъ связывалъ въ одно общее дѣло и великую и малую Россію. Тутъ дѣлались планы на участіе въ общемъ мятежѣ и уральскаго войска (оно уже въ то время называлось уральскимъ, а не яицкимъ), и Запорожской сѣчи. Уральское войско должно было итти въ Малороссію и побудить къ возстанію сѣчь Запорожскую, которой въ то время русское правительство уже подрѣзывало крылья. Солдаты тоже обѣщали помощь общему дѣлу, кромѣ своихъ командировъ. Заговорщики мечтали соединенными силами идти прямо на Москву и взять ее. Затѣмъ идти на Петербургъ и тоже взять. Русская армія должна была идти за ними. Въ головѣ ихъ бродили

*) Тамъ-же, стр. 166—193, т. II.

ины чуть-ли не шире и отважнѣе плановъ Пугачова. Они на-
ялись, что возьмутъ «ея императорское величество подъ свою
асть и, сковавъ, посадятъ въ заточеніе, а знатныхъ всѣхъ особъ
гребять на смерть».

Вездѣ одна и та-же безумная мысль!

Но какую роль въ исполненіе этихъ дерзкихъ плановъ думалъ
рать семинаристъ съ отцомъ? Вѣрили-ли они тому, во имя чего
ш агитацію, и вѣрили-ли даже въ сбыточность своихъ безумныхъ
чей?—Этого намъ не говорятъ нѣмые документы прошлаго, а
ш виновники событій не открыли своимъ судьямъ и палачамъ
ихъ тайныхъ чаяній и надеждъ *).

Вмѣстѣ съ семинаристами и вообще съ поповичами, факторами
ы, враждебной существовавшему порядку, являются иногда и
юноши, а уже пожилое духовенство, попы, дьяконы, дьячки и
нахи.

Атаману Гаврилѣ Букову и другимъ разбойникамъ, которыхъ
прасно ищетъ правительство черезъ своихъ агентовъ и разъ-
дныя команды, даетъ пріютъ монахъ Левъ, въ лѣсу, на своемъ
иненномъ пчельникѣ, въ березовскихъ казацкихъ юртахъ на
двѣдицѣ **).

Въ Дубовкѣ, соборный священникъ Николаевъ находится въ
изкихъ отношеніяхъ съ шайкою атамана Брагина и Зубакина.
ъ беретъ разбойниковъ къ себѣ на квартиру, кормитъ ихъ.
зволяетъ имъ продавать у себя награбленную «пажить», беретъ
нихъ деньги, расписывается за нихъ, когда съ разбойниками
одятъ въ сдѣлку власти дубовскаго войска, войсковой ата-
нъ Василій Персидскій и братъ его Ѳедоръ Персидскій,
также войсковой старшина Савельевъ и войсковой дьякъ
іулинъ ***).

Секундъ-маіоръ Циммерманъ, посланный княземъ Потемкинымъ
отрядомъ драгунъ для истребленія шайки атамана Брагина,
ѣлъ захватить 86 разбойниковъ, въ числѣ которыхъ было *три*

*) Тамъ-же, т. I, стр. 268—285.
**) Тамъ-же, т. II, стр. 104—106.
Тамъ-же, стр 193—233.

попа, три церковника и *одинъ дьяконъ*. Такимъ образомъ въ шайкахъ понизовой вольницы духовенство составляло 9-й процентъ.

Мы не говоримъ о пугачовщинѣ. когда духовенство всѣхъ мятежныхъ провинцій пошло за Пугачовымъ, какъ за своимъ законнымъ государемъ. Самозванца вездѣ встрѣчалъ и провожалъ звонъ церковныхъ колоколовъ. Церкви открывали царскія врата, чтобы Пугачовъ могъ свободно проходить до престола, какъ помазанникъ. Рѣдкіе изъ духовенства противились мятежу или бѣжали при приближеніи войскъ Пугачова. За то молодежь, дьячки и семинаристы охотно шли въ его войско, поступали въ ряды конницы самозванца.

XVI.

Всматриваясь въ проявленіе дѣятельности семинаристовъ, какъ факторовъ силы центробѣжной въ исторіи нашего государства, мы находимъ, что дѣятельность эта обнаружилась въ различныхъ сферахъ. хотя стремленія ихъ во всѣхъ этихъ сферахъ имѣли общую исходную точку—подрывъ существовавшихъ тогда принциповъ.

Императрица Екатерина II, черезъ пять дней по вступленіи своемъ на престолъ, огласила знаменитый манифестъ «о усмиреніи помѣщиковыхъ крестьянъ». Въ этомъ манифестѣ императрица предъявила всей Россіи главные принципы государственности, служеніе которымъ она вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность своимъ подданнымъ.

«По восшествіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ, увѣдомились мы (говоритъ она въ этомъ манифестѣ), къ большому нашему неудовольствію, что нѣкоторыхъ помѣщиковъ крестьяне, будучи прельщены и ослѣплены разсѣянными отъ непотребныхъ людей ложными слухами, отложились отъ должнаго помѣщикамъ своимъ повиновенія, а потому и далѣе поступили на многія своевольства и продерзости».

Вслѣдъ затѣмъ императрица совершенно увѣренно прибавляетъ: «мы твердо увѣрены, что такіе ложные слухи скоро сами собой истребятся, и ослѣпленные оными крестьяне, увидя, что отъ лег-

...семинаристы въ конницѣ и въ пѣхотѣ ...ъ Никифоръ, пропагандисты во имя са...нскій семинаристъ съ отцомъ, сватающіе ...нушку Прохорову за лжеимператора Ха...ка Казанскій, разъѣзжающій въ берлинахъ, ...й, бурлакующій на Волгѣ и въ то-же время ...ъ къ пришествію второго Пугачова—вотъ ...оры этой силы изъ семинаристовъ.

...сты являются атаманами шаекъ понизовой ...никами: сынъ казанскаго протопопа Силан... разбойническій атаманъ» Заметаевъ, соборный ...ъ изъ Тобольска, Алешка Поповичъ съ Дону

...огда ни составленіе ложныхъ манифестовъ и возму...стьянъ, ни агитація именемъ ложныхъ императоровъ ...званцевъ, ни руководство понизовою вольницею,— ...отло ниспроверженію принциповъ, противъ которыхъ ...м центробѣжныя,—семинаристы идутъ на послѣдній и ...къ,—на соединеніе силъ центробѣжныхъ Великой Рос...ми центробѣжными Малой Россіи, Поволжья съ Поднѣ... понизовой вольницы и казачествъ съ Запорожьемъ и ...иною.

...тутъ борьба оказалась неровною. Запорожская Сѣчь ...на. Поднѣпровье и Поволжье постоянно заселялись и ...вались; какъ на Днѣпрѣ, такъ и на Волгѣ развивалась ...торговля, города росли и богатѣли: населеніе обращалось ..., по городамъ открыты училища, а потомъ гимназіи, уни...ы (въ Казани и Кіевѣ), духовныя академіи (тоже въ Ка...Кіевѣ), семинаріи. Населенію Поволжья и Поднѣпровья, а ...вмѣстѣ и семинаристамъ открылись новыя поприща для ...ости и возможность «выступать изъ предѣловъ своего ...должности».

...ихъ поръ Поволжье и Поднѣпровье давало и даетъ луч...телей мысли, какъ въ средѣ служебной, такъ ученой и ...ной, и поволжскіе семинаристы, когда-то бывшіе атама...изовой вольницы, занимаютъ нынче не рѣдко самыя по-

четныя мѣста въ ряду лучшихъ дѣятелей. Имена многихъ изъ такихъ семинаристовъ извѣстны всей Россіи.

XVII.

Причины явленія, о которомъ мы говоримъ и которымъ прошлое столѣтіе рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ столѣтій, лежали въ самой основѣ неудачно сложившейся общественной жизни нашего отечества. Совокупность условій этой жизни была такова, что изъ нѣкоторыхъ сферъ русскаго общества и въ особенности изъ среды духовенства какъ-бы силою выдавливались единицы, которыя, чувствуя это давленіе со всѣхъ сторонъ и сознавая безвыходность своего положенія, искали какого-бы то ни было для себя исхода и, не находя его. или погибали, если не имѣли въ себѣ достаточнаго запаса силъ для борьбы съ жизнью и съ повседневною нуждою. или примыкали къ силамъ враждебнымъ существовавшему порядку вещей и становились дѣятельными факторами ихъ. особенно если обладали достаточною энергіею. Между этими—если можно такъ выразиться—общественными выкидышами было не мало даровитыхъ личностей, и вотъ избытокъ этихъ силъ шелъ иногда на дѣло злое, не оправдываемое никакими разумными и благовидными цѣлями.

Въ прошломъ вѣкѣ положеніе русскаго духовенства было незавидное Прошлый вѣкъ представляетъ то замѣчательное въ исторіи Россіи явленіе, что умноженіе числа церквей и приходовъ весьма замѣтно пріостановилось. Набожность и любовь къ церковному благолѣпію, а равно ревность къ умноженію числа церквей, которыми отличалось русское общество до-Петровской Руси, смѣнились другимъ настроеніемъ въ большинствѣ русскаго общества. Благолѣпіе церквей смѣнилось общественной роскошью, особенно въ высшихъ, бывшихъ боярскихъ сферахъ. Набожность уступила мѣсто нахлынувшему съ запада религіозному индеферентизму. Уже Петръ Первый переливалъ церковные колокола на пушки, а если послѣ

Петра и не дѣлалось этого, то съ тѣмъ вмѣстѣ и не особенно заботились о литьѣ новыхъ колоколовъ, когда мѣдь нужна была на пушки.

Но пріостановка въ построеніи новыхъ церквей и открытіи новыхъ церковныхъ приходовъ не остановила увеличенія путемъ естественнаго нарожденія людей духовнаго чина. Духовенство продолжало увеличиваться въ числѣ, и семинаристы, нарождавшіеся далеко не пропорціонально увеличенію числа церквей, приходовъ, а слѣдовательно, и мѣстъ, не рѣдко оставались не при чемъ и должны были внѣ сферы своего сословія искать себѣ дѣятельности, а часто и куска хлѣба.

Ко второй половинѣ прошлаго вѣка оказалось уже слишкомъ много семинаристовъ, и вообще церковниковъ «не у дѣлъ», безъ мѣстъ, не рѣдко безъ куска хлѣба. Другія сферы дѣятельности для этихъ людей были закрыты и оставалось или рекрутство, или батрачество или бурлачество па Волгѣ. Но всѣ эти три рода дѣятельности не привлекательны. Между тѣмъ казенная служба, бюрократическая дѣятельность, которая въ нынѣшнемъ столѣтіи поглощаетъ такъ много свободныхъ силъ и избытка изъ среды духовенства, въ то время была недоступна для семинариста.

Въ настоящее время поповичъ, дьяконовъ и дьячковъ сынъ, идетъ въ писцы, если недостоинъ занять лучшее мѣсто, пробирается нерѣдко пѣшкомъ въ университетъ, въ медицинскую академію, въ технологическій институтъ, въ земледѣльческую школу и потомъ пробиваетъ себѣ, иногда путемъ большихъ лишеній и мукъ, дорогу къ полезной дѣятельности, къ безбѣдному существованію, нерѣдко къ славѣ, къ власти, къ богатству. Нынѣшнимъ семинаристамъ сравнительно легче жить, потому что есть возможность выбиться; а въ прошломъ вѣкѣ и выбиться нельзя было. Образованіе въ духовныхъ училищахъ было скудное и слишкомъ одностороннее, ни къ чему въ практической жизни непригодное, непримѣнимое. Свѣтскихъ училищъ, гдѣ-бы могли учиться семинаристы, почти не существовало—не было ни гимназій въ провинціяхъ, ни университетовъ въ столицахъ.

И вотъ менѣе способныя личности изъ семинаристовъ прошлаго вѣка, менѣе даровитые, пробивались кое-какъ всю жизнь,

если не устроивались въ сферѣ, присущей имъ по рожденію, или шли въ батраки, въ бурлаки. Люди-же съ большимъ запасомъ силъ, натуры безпокойныя, дѣятельныя не могли мириться ни съ инертною и обидною жизнью бурлака, ни съ зависимымъ положеніемъ наемнаго рабочаго, и шли на дѣло смѣлое, рискованное, которое приводило ихъ къ разрыву всякихъ общественныхъ связей, а потомъ къ преступленію, вело на висѣлицу, подъ кнутъ, въ Нерчинскъ. Такими были Заметаевъ, Силантьевъ, Алешка Поповичъ, Петька Казанскій.

Въ виду этихъ явленій, правительственныя власти прошлаго столѣтія, полагая видѣть источникъ зла не тамъ, откуда зло въ дѣйствительности исходило, высылали противъ семинаристовъ и руководимыхъ ими шаекъ понизовой вольницы разъѣздныя команды, иногда цѣлыя войска. Но войска не уничтожали зла, которое коренилось глубоко въ самой почвѣ, а не на Волгѣ, не въ приволжскихъ степяхъ. Ловили и казнили однихъ возмутителей общественнаго спокойствія и вмѣсто нихъ являлись другіе, болѣе безпокойные и болѣе опасные, потому что условія жизни не измѣнялись.

Съ этими условіями жизни Россія вступила и въ XIX столѣтіе. Вступили въ XIX столѣтіе и Заметаевы, только подъ другими именами и подъ другой наружностью.

Наконецъ XIX столѣтіе начало ломать отжившіе порядки и давать больше простора для человѣческой дѣятельности. Семинаристы уже дали Россіи Сперанскаго. Избытокъ духовнаго сословія шелъ на государственную службу, въ гимназіи, въ университеты. Семинаристамъ отдаленнаго Поволжья было гдѣ учиться и пробовать свои силы, начиная отъ Астраханской, Саратовской и Симбирской гимназій и кончая Казанскимъ, Московскимъ и Петербургскимъ университетами и медицинскими академіями. Поволжье богатѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ росли и его умственныя силы. Въ настоящее время, нѣкогда дикое разбойничье Поволжье окончательно преобразовалось и становится гордостью и славой Россіи не только производительностью силъ почвенныхъ, но и силъ умственныхъ. Если-же въ послѣдніе годы, на поволжскую молодежь, въ томъ числѣ и на семинаристовъ, легла тѣнь обвиненія въ томъ, что въ ихъ дѣйствіяхъ проявилась какъ-бы историческая, унаслѣдованная

отъ прошлаго вѣка реакція рядовому ходу общественной жизни, то явленіе это опять-таки обусловливается суммою всѣхъ общественныхъ явленій послѣднихъ лѣтъ. Надо замѣтить, что послѣдніе университетскіе безпорядки исходили преимущественно отъ семинаристовъ, т. е. отъ людей, наименѣе обезпеченныхъ въ жизни.

XVIII.

Народное движеніе 1776 года, возбужденное главнымъ образомъ разглашеніями Казанскаго, не было повидимому усмирено вполнѣ, хотя и не превратилось въ общій мятежъ, какъ того можно было опасаться при томъ настроеніи умовъ, въ которомъ находилось тогда населеніе всего нижняго Поволжья, особенно когда съ одной стороны поднимались калмыки, съ другой русскія селенія начали выгонять разъѣздныя команды, киргизъ-кайсаки держали въ страхѣ все Заволжье и наконецъ сильно волновалась молодая партія волжскаго войска.

Казанскому, какъ и Заметаеву, не удалось произвести «новое народное разореніе», какъ выражалось правительство, хотя и Казанскій и Заметаевъ, повидимому, имѣли въ виду не народное разореніе, а только поднятіе народныхъ массъ для достиженія задуманныхъ ими цѣлей. Но они все-таки сдѣлали свое дѣло: и тотъ и другой хотя короткое время имѣли въ рукахъ власть, деньги, вели народъ, куда хотѣли, и не прошли безслѣдно.

Много народу замѣшано было въ смуту, возбужденную Казанскимъ. Въ Царицынъ свозили бунтовщиковъ изъ разныхъ мѣстъ— волжскихъ казаковъ изъ Дубовки, въ томъ числѣ безпокойнаго Мечникова, крестьянъ изъ села Добринки, калмыковъ — изъ ихъ улуса. Партія бунтовавшихъ бурлаковъ также была пригнана въ Царицынъ. Во главѣ этой партіи стоялъ бывшій гайдамакъ Толока.

Толоку, какъ агитатора и продерзливаго, засадили при гауптвахтѣ, гдѣ уже содержался разбойникъ Топоровъ. Прочихъ-же колодниковъ—Мечникова, нѣсколькихъ калмыкъ и добринскихъ

крестьянъ съ бурлаками заключили у предтеченскихъ воротъ, и на другой день на канатѣ отправили по городу для сбора милостыни, что было въ обычаяхъ того времени. Только Толоку и Топорова не рѣшались выпустить изъ заключенія и отпускали имъ на содержаніе по двѣ копѣйки ассигнаціями въ сутки.

Это было уже осенью. Арестантовъ не допрашивали въ Царицынѣ, потому что изъ Астрахани пришелъ ордеръ, чтобы всѣхъ колодниковъ отправить туда за крѣпкимъ и «значительнымъ» карауломъ. Въ Астрахани должны были идти окончательные допросы. О Казанскомъ тоже спрашивали изъ Астрахани: «Оной злу причинитель, именуемый Дмитріевской поповичъ, сысканъ-ли?»

Но Казанскаго пока нигдѣ не находили.

Наконецъ всѣхъ этихъ колодниковъ, замѣшанныхъ въ послѣднюю народную смуту, отправили въ Астрахань. Офицеру, командовавшему отрядомъ, который нарядженъ былъ для сопровожденія преступниковъ въ Астрахань, дано было особое наставленіе, въ которомъ между прочимъ говорилось:

1. Всѣхъ арестантовъ принять съ гауптвахты и изъ тюрьмы, заклепавъ въ колодки, а Толоку и Топорова, заковавъ въ ручные и ножные кандалы съ колодками и посадя на подводы, слѣдовать до Астрахани «со осторожностью и всѣмъ быть надлежаще вооруженнымъ».

2. Находясь въ пути «для ночлегу избирать способныя мѣста, окружа колодниковъ конвоемъ, не допуская не только видѣть посторонним и разговаривать съ конвойными, но никто-бъ не зналъ, кто такіе тѣ подъ стражею у васъ находятся, что и конвойнымъ накрѣпко подтвердить, дабы о ложномъ эхѣ не только не разглашали, но и на вопросы-бъ постороннимъ ничего не отвѣчали».

3. «Ночнымъ временемъ всѣхъ колодниковъ класть въ одно мѣсто, ставить два притона воинскихъ, и тѣмъ соблюдать ихъ, а равно и весь свой лагерь; въ случаѣ-жь ненастнаго времени, становиться, по отводу, въ избахъ, выславъ хозяевъ со осторожностію, не допуская къ окнамъ никого постороннихъ.

4. Запирая оныхъ колодниковъ въ избы или землянки, въ ночное время безъ огня не оставлять, требуя жиру или лучины.

5 Если на пути отъ разбойниковъ, тамо шатающихся, послѣ-

дуетъ нападеніе къ выручкѣ колодниковъ, таковыхъ оставя подъ конвоемъ, оныхъ нападателей ловить и въ смерть убивать безъ всякаго опасенія».

6. На пути, въ другихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Черномъ Яру, при смѣнѣ конвоя свѣжею командою, «наблюдать, какъ новый конвой сбираться будетъ, тобъ сбирались во отдаленіи, и по собраніи, однимъ вступить, а другимъ той-же минуты, не вступая ни въ какіе разговоры, выступить, чрезъ что и конвойные не могутъ знать, какіе тѣ колодники, дабы тѣмъ меньше опасаться разглашенія о ложномъ эхѣ».

Мало того, за всякое упущеніе въ дорогѣ конвойному офицеру грозили жестокимъ наказаніемъ и даже смертною казнью. Офицеръ не долженъ былъ «ни на минуту» отлучаться отъ конвоя. «А если паче чаянія (говорилось въ наставленіи), что пренебрежено будетъ, и колодникамъ упускъ или вредъ послѣдуетъ, то за таковое нерадѣніе и жизнью отвѣтствовать будете».

Такъ напуганы были власти всѣми предшествовавшими народными смутами!

Впрочемъ, въ распоряженіи властей проявлялись заботы даже и объ арестантахъ, какъ о людяхъ. Подобно тому, какъ за годъ передъ этимъ велѣно было оберегать дорогой Заметаева, когда его, уже битаго семьюдесятью ударами кнута въ Царицынѣ и Саратовѣ, везли въ Астрахань, чтобъ тамъ опять наказывать кнутомъ, такъ точно велѣно было оберегать и этихъ арестантовъ.

«Оглавленныхъ колодниковъ везти съ поспѣшностью, хранить и призирать отъ стужи и случающейся осенней мокроты, чтобъ оттого въ болѣзни не впадали, отъ ненастья брать у конвойныхъ епанчи или также и шубами накрывать и одѣвать, а въ случаѣ смерти умершихъ не бросать, но зарывать въ землю» *).

Что сталось съ этими арестантами въ Астрахани, какая казнь постигла этихъ участниковъ народной смуты и что правительство

*) Замѣтимъ кстати, что когда везли Заметаева, то принимались еще большія предосторожности. Въ наставленіи, данномъ сопровождавшему его конвойному офицеру, сказано было: «въ случаѣ смерти, умершихъ зарывать въ землю, *кромѣ Заметаева, ибо его и мертваго надлежитъ доставить къ команоѣ*».

узнало новаго изъ допросовъ,—этихъ свѣдѣній нѣтъ въ имѣющихся у насъ документахъ стараго царицынскаго архива.

Найденъ-ли былъ главный виновникъ этой смуты, семинаристъ Казанскій, также неизвѣстно.

Въ заключеніе мы должны сказать, что историкъ нашего времени, въ силу честныхъ побужденій столько-же своего сердца, сколько и разсудка, относясь съ глубокимъ сочувствіемъ къ судьбамъ русскаго народа, выразившимся въ его исторической жизни, не можетъ не прійти къ непоколебимому убѣжденію, что русскій народъ уже пережилъ тяжелую пору броженія стихійныхъ силъ, броженія, сказавшагося въ массовыхъ движеніяхъ пугачовщины, гайдамачины и понизовой вольницы, и что всѣ эти стихійныя силы, сообразно удѣльному вѣсу каждой, уложившись въ своихъ естественныхъ границахъ, вмѣсто безобразныхъ факторовъ силы центробѣжной, каковы Пугачовъ, семинаристы Заметаевы, Силантьевы, Алешки Поповичи, Петьки Казанскіе и проч., выдѣляютъ нынѣ изъ своей среды честныхъ и полезныхъ общественныхъ дѣятелей и хотя изъ тѣхъ-же семинаристовъ, но уже какъ факторовъ силы государственно-центростремительной, почетныя имена коихъ мы не перечисляемъ здѣсь потому, что они извѣстны всей Россіи и съ честью перейдутъ въ исторію нашего отечества.

1871.

Чума въ Москвѣ 1771 г. *).

I.

Пожары, голода, войны и моровыя повѣтрія—вотъ тѣ народныя бѣдствія, которыя едва ли не каждогодно посѣщали русскую землю съ тѣхъ поръ, какъ, на основаніи лѣтописныхъ сказаній, мы можемъ слѣдить за ея труднымъ историческимъ ростомъ. Пожары, голода, войны и моровыя повѣтрія—это и былъ тотъ именно историческій матеріалъ, который, вмѣстѣ съ описаніями знаменій, небесныхъ явленій, чудесъ, построенія церквей и подобныхъ выдающихся общественныхъ явленій, легъ, главнымъ образомъ, въ основу русской лѣтописи, а слѣдовательно и русской исторіи. Другихъ общественныхъ явленій лѣтописецъ касается вскользь, мимоходомъ, а все свое благочестивое вниманіе сосредоточиваетъ на занесеніи въ хронографы того, что наиболѣе поражаетъ общественную мысль: «погорѣ» такой-то градъ; «бысть

*) При составленіи настоящаго очерка автору, главнымъ образомъ, служили пособіемъ: 1) Полное Собраніе Законовъ, XIX.—2) Описаніе моровой язвы, бывшей въ столичномъ городѣ Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ, съ приложеніемъ всѣхъ для прекращенія оной тогда установленныхъ учрежденій. По высочайшему повелѣнію напечатано въ Москвѣ 1775 г.—3) Жизнь преосвященнаго Амвросія, архіепископа московскаго и калужскаго, убіеннаго въ 1771 году. Москва. 1813 (Д. Бантыша-Каменскаго). — 4) Исторія повальныхъ болѣзней. Гезера. Спб. 1867 г. 2 ч.—5) Описаніе московскаго бунта сентября 15 дня, прот. П. Алексѣева. («Русск. Арх.» 1863). — 6) Матеріалы для исторіи чумы въ Москвѣ и убіеніе архіепископа Амвросія 1771 г. Н. Купріянова («Русск. Слово». 1860. II).—7) Москва въ 1771 г. А. Саблукова («Русск. Арх.» 1860).—8) Наказъ Екатерины кн. Волконскому («Арх.» 1860) и др.

дороговь люта и гладъ по всей земли»; «бысть моръ на людехъ»; «бысть розратье», «сѣча великая»—вотъ тѣ четыре явленія, которыя какъ-бы чередуются между собою во всемъ нашемъ историческомъ прошломъ, составляя канву нашей исторической жизни, и къ нимъ уже всѣ остальныя явленія и событія пріурочиваются лишь и рисуются лѣтописцемъ какъ мелкіе узоры на ткани. Всѣ небесныя явленія и знаменія заносятся въ лѣтопись потому только, что они предвѣщаютъ либо моръ, либо гладъ, либо огнь, либо кровопролитье великое.

Въ лѣтописяхъ мы читаемъ нерѣдко поразительныя до ужаса изображенія моровыхъ повѣтрій въ такихъ городахъ, какъ Новгородъ, Псковъ, Москва: умершихъ хоронить некому, собаки таскаютъ по улицамъ трупы людей, на скудельницахъ выкапываются огромныя ямы и заваливаются тѣлами пораженныхъ моромъ, мужья отдаютъ женъ въ рабство изъ-за страха смерти въ зараженномъ городѣ. И лѣтописецъ не вѣдаетъ, откуда все это: у него на все одно объясненіе—«грѣхъ ради нашихъ». Да оно и въ самомъ дѣлѣ такъ: всѣ посѣщающія насъ бѣдствія посѣщаютъ насъ именно «грѣхъ ради нашихъ».

Одно изъ послѣднихъ страшныхъ моровыхъ повѣтрій записано лѣтописцами подъ 1651—1654 годами.

Сохранилось драгоцѣнное донесеніе къ царю Алексѣю Михайловичу боярина князя Пронскаго, извѣщавшаго царя, который былъ въ то время съ войскомъ въ Смоленскѣ, о постигшемъ Москву моровомъ повѣтріи:

«Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцу, холопи твои, Мишка Пронскій съ товарищи, челомъ бьютъ. Въ прошломъ, государь, во 162 году, въ іюлѣ и августѣ, въ разныхъ числахъ писали къ тебѣ, государю, мы, холопи твои, что грѣхъ ради нашихъ на Москвѣ и слободахъ помираютъ многіе люди скорою смертію, и въ домишкахъ нашихъ тожъ учинилось: мы, холопи твои, покинувъ домишки свои, живемъ во градѣ, и въ нынѣшнемъ во 163 году, послѣ Симонова дни, моровое повѣтріе умножилось, день ото дня больше прибывать учало, и на Москвѣ, государь, и въ слободахъ вославныхъ христіанъ малая часть осталась, а стрѣльцовъ,

государь, отъ шести приказовъ ни единъ приказъ не остался, и изъ тѣхъ достальныхъ многіе лежатъ больны, а иные разбѣжались, и на караулъ, государь, отнюдь быть некому; а головъ, государь, стрѣлецкихъ, Богдана Каковинскаго да и Якова Горопкина, не осталось же, и сотники стрѣльцы многіе померли. А церкви, государь, соборныя и приходскія мало не всѣ стоятъ безъ пѣнія, только, государь, въ большомъ соборѣ по сіе число служба повседневная, и то съ большою нуждою. Въ остаткѣ живыхъ только протопопъ да два священника, Форопонтъ, да Порфирій, старой дьяконъ Василій, а у приходскихъ, государь, церквей священниковъ осталось малая же часть, и изъ тѣхъ многіе жъ больны, а иные порозошлись, и православные христіане помираютъ безъ отцовъ духовныхъ, и погребаютъ безъ священниковъ, и мертвыхъ тѣлеса въ городѣ и за городомъ лежатъ, псы волочили, а въ убогіе домы возить мертвыхъ и ямъ копать некому: ярыжные земскіе извощики которые въ убогихъ домѣхъ ямы копали и мертвыхъ возили, и отъ того сами померли. И достальные, государь, всякихъ чиновъ люди такое Божіе посѣщеніе ужаснулись, и затѣмъ къ мертвымъ приступать опасаются. А приказы, государь, всѣ заперты: дьяки и подъячіе всѣ померли, и домишки наши, государь, пусты учинились, людишки померли мало не всѣ, а мы, холопи твои, тоже ожидаемъ себѣ смертнаго посѣщенія съ часу на часъ, и безъ твоего государева указу по перемѣнамъ съ Москвы въ подмосковныя деревнишки, ради тяжелова духа, чтобъ всѣмъ вдругъ не помереть, съѣжжать не смѣемъ, и тѣмъ, государь, вели намъ холопемъ своимъ свой государевъ указъ учинить». Далѣе говорится, что когда зимой, «въ возвратъ солнца», кончилось моровое повѣтріе, патріархъ Никонъ «повелѣхъ всѣхъ псовъ, кои не на цѣпи были, побить, ибо ядоща тѣлеса мертвыхъ человѣкъ».

Черезъ 119 лѣтъ, Москву вновь посѣтило такое же моровое повѣтріе, въ 1770—1771 году, во время турецкой войны.

Неудивительно, что лѣтописецъ всегда почти связываетъ между собою такія явленія, какъ моръ, войны, голодъ и пожаръ: въ 1651—1652 году была у царя Алексѣя Михайловича война съ поляками изъ-за обладанія Смоленскомъ; въ 1770 году была война съ турками, и война эта дѣйствительно была причиною морового

повѣтрія, потому что чума занесена была въ Россію войсками, сражавшимися противъ турокъ.

«Когда въ послѣднюю съ Россіею и Оттоманскою Портою войну россійскія войска, нося побѣды, въ разныхъ областяхъ турецкихъ низвергали непріятелей, производя во всѣхъ мѣстахъ поиски, и разрушали крѣпости ихъ: то не можно было побѣдоносцамъ избѣжать къ побѣждаемымъ прикосновенія взятіемъ ихъ въ полонъ и истребленіемъ ихъ имѣній. Въ такихъ случаяхъ никакая осторожность, никакое полководцовъ смотрѣніе не могло успѣть, чтобы кроющійся въ доставшихся вещахъ ядъ не могъ, какъ въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ войскахъ, такъ и въ жителяхъ волоскихъ и молдавскихъ распространиться».

Такъ говоритъ «Описаніе моровой язвы», изданное въ Москвѣ, по высочайшему повелѣнію, въ 1775 году.

Дѣйствительно, первые случаи заболѣванія и смерти отъ чумы, въ 1769 году, проявились въ этой части русскихъ войскъ, которая была подъ начальствомъ генералъ-поручика фонъ-Штофельна: эти войска первые сразились съ непріятелемъ у Галаца, и разбивъ турокъ, по обычаямъ войны, дѣлали надъ побѣжденными «поиски», т. е. захвативъ плѣнныхъ и все, что попадалось подъ-руку, врывались въ непріятельскую землю, чинили поиски по городамъ и селамъ, забирались въ дома и лачуги, не зная, что въ Турціи давно свирѣпствуетъ чума, эта азіятская гостья, часто навѣщавшая свою европейскую сосѣдку, Оттоманскую Порту.

Когда, затѣмъ, «по окончаніи побѣдоносныхъ надъ непріятелями поисковъ», русскія войска вступили въ Яссы, а послѣ въ Бухарестъ, то чума не только стала уже поражать тѣхъ, кои были въ Турціи, но и прочія войска, а затѣмъ распространилась въ самомъ населеніи этихъ городовъ. Самъ фонъ-Штофельнъ погибъ жертвою этой болѣзни въ маѣ 1770 года, въ Яссахъ. Эта же весна застаетъ чуму уже и въ Фокшанахъ, и въ Хотинѣ, и въ другихъ мѣстностяхъ Валахіи и Молдавіи, а оттуда, вмѣстѣ съ лѣтними жарами и передвиженіемъ войскъ, торговыхъ людей, вмѣстѣ съ привозимыми товарами изъ чумныхъ мѣстъ, зараза перебирается въ Подолію и въ польскую Украйну. Русскія границы не останавливаютъ ее, не смотря на учрежденіе заставы въ Васильковѣ.

Въ августѣ зараза перебирается уже черезъ русскую границу: въ Васильковѣ—моръ, въ Кіевѣ, на Подолѣ—также моръ. Никакія заставы не въ силахъ остановить страшный ядъ, который переносится изъ мѣста въ мѣсто то въ видѣ полученныхъ въ чумномъ городѣ денегъ, то съ зачумленнымъ платьемъ, то въ письмѣ, въ подорожной, наконецъ переносится даже домашними животными: въ Кіевѣ зараза занесена въ одинъ домъ кошкою—зараженный домъ вымираетъ весь, а кошка остается живою одна во всемъ вымороченномъ домѣ. Хотя для прекращенія моровой язвы въ Кіевъ и присланъ былъ петербургскій штатъ-физикъ, докторъ Лерхе, который, по высочайшему именному повелѣнію, посылаемъ былъ съ этою же цѣлью и въ обѣ наши арміи, однако болѣзнь совершила въ этомъ городѣ свое опустошительное дѣло и, перекинувшись въ Черниговъ, Переяславъ, Козелецъ и Нѣжинъ, а потомъ, захвативъ великорусскіе города Сѣвскъ и Брянскъ, именно все то, что лежало на проѣзжемъ трактѣ съ юга Россіи на сѣверъ, закончила свой опустошительный циклъ только лѣтомъ слѣдующаго 1771 года. Особенно упорно болѣзнь держалась въ Нѣжинѣ, гдѣ она свирѣпствовала по ноябрь 1771 года, и, какъ выражается офиціальный документъ того времени,—«знатное въ людяхъ причинила пораженіе».

Надо было, во что бы то ни стало, не допустить заразы до Москвы и Петербурга. Съ этою цѣлью вся Московская губернія съ юга оцѣплена была заставами — около Боровска, Серпухова, Калуги, Алексина, Каширы, Коломны. На заставы посланы были лейбъ-гвардіи офицеры: Булгаковъ, Свѣчинъ, Ергольской, Сенденгорстъ, Толстой, Хомутовъ. Съ ними командированы врачи: Штелинъ, Бергманъ, Валеріанъ, Коризна, Никитинъ и Смирновъ. Обязанность заставныхъ начальниковъ состояла въ томъ, чтобы пресѣчь всякое сообщеніе съ югомъ, всѣхъ проѣзжающихъ изъ Малороссіи или изъ арміи подвергать карантинному очищенію, не пропускать идущихъ оттуда писемъ, а омочивъ ихъ въ уксусъ и окуривъ черезъ огонь, списывать съ нихъ копіи, подлинники же сожигать; въ домахъ обывателей велѣть всякое утро на раскаленный кирпичъ лить уксусъ; самыя заставы окопать рвами, поддерживать около нихъ огни и «куриво»; письма передавать черезъ заставную

линію на длинныхъ шестахъ черезъ огонь или пускать изъ лука на стрѣлахъ; гдѣ окажутся больные, тамъ дворы и пожитки жечь и вѣсти о появленіи болѣзни давать въ другія мѣста посредствомъ сигнальныхъ огней, какъ это водилось въ старой Руси во время нападенія на русскія земли крымскихъ татаръ и другихъ хищниковъ.

Но не легко было остановить новаго, невидимаго хищника: онъ былъ опаснѣе крымца, опаснѣе половца. Въ ноябрѣ уже присутствіе его оказалось въ Москвѣ, только никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы это была чума. Въ декабрѣ болѣзнь появилась уже въ московскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, что на Введенскихъ горахъ, и первыми жертвами ея были госпитальные служители. Старшій врачъ этого госпиталя, генеральный штабъ-докторъ Шафонскій, замѣтивъ, что упомянутые служители имѣли особые какіе-то, отмѣнные знаки на тѣлѣ, такіе, какихъ никто изъ находившихся въ госпиталѣ нѣсколькихъ сотъ солдатъ не имѣлъ: что служители эти, живя въ одномъ покоѣ, были всѣ до той поры здоровы, а тутъ стали занемогать одинъ за другимъ и вскорѣ одинъ послѣ другого умирать; сообразивъ, наконецъ, что съ арміей и Малороссіей все-таки Москва имѣла сношенія, не смотря на всѣ предосторожности,—сообщилъ свои наблюденія московскому штатъ-физику и члену медицинской конторы Риндеру: но когда тотъ, осмотрѣвъ два раза указанныхъ ему Шафонскимъ больныхъ и мертвыхъ, не сдѣлалъ никакого распоряженія, а между тѣмъ число больныхъ и умирающихъ въ томъ же покоѣ стало увеличиваться,—Шафонскій письменно донесъ о своихъ наблюденіяхъ государственной и медицинской коллегіи, прося ее предписать находящимся въ Москвѣ докторамъ осмотрѣть въ завѣдываемомъ имъ госпиталѣ всѣхъ больныхъ, которые «оказались въ сумнительствѣ къ заразительной болѣзни».

Голосъ Шафонскаго—это былъ первый голосъ, предостерегавшій Москву отъ грозившей ей опасности, и если бы лѣнь и упрямство, а также невѣжество другихъ докторовъ не заглушили этого голоса, то Москва безъ сомнѣнія была-бы спасена.

Сначала врачи и согласились было съ мнѣніемъ Шафонскаго: въ общемъ собраніи, 22 декабря, совѣтъ медиковъ, состоявшій изъ

докторовъ: Эрасмуса, Шкіадана, Кульмана, Мертенса, фонъ-Аша, Веніаминова, Зибелина и Ягельскаго, единогласно утвердилъ постановленіе, что оная болѣзнь «должна почитаться за моровую язву» и потому сообщеніе госпиталя съ городомъ должно быть пресѣчено; вслѣдствіе чего, дѣйствительно, по приказанію московскаго главнокомандующаго, генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова, госпиталь со всѣми находившимися въ немъ людьми, которыхъ было болѣе тысячи человѣкъ, въ тотъ же день былъ оцѣпленъ военнымъ карауломъ и въ этой цѣпи вмѣстѣ съ своимъ заведеніемъ былъ запертъ и Шафонскій; однако, невѣжество впослѣдствіи одержало верхъ и чума свободно начала помѣчать въ Москвѣ свои жертвы.

При всемъ томъ въ Петербургъ донесено было, что дѣлается въ Москвѣ.

Тамъ серьезнѣе взглянули на это дѣло. Какъ-разъ наканунѣ новаго 1771 года Екатерина издала манифестъ о грозящей Россіи опасности. Но въ манифестѣ она ни однимъ словомъ не упомянула о Москвѣ—казалось еще преждевременнымъ пугать населеніе призракомъ страшной чумы, когда она была уже не призракомъ, а существующимъ фактомъ. Напротивъ, въ манифестѣ говорится только о принятіи предосторожностей.

«Война—гласитъ манифестъ—толь не праведно и вѣроломно со стороны Порты Оттоманской постороннею завистію, коварствомъ и происками противъ имперіи нашей вожженная, коея конецъ да увѣнчаетъ скорымъ, прочнымъ и славнымъ миромъ десница Всевышняго, толь явно оружію нашему донынѣ поборствующая, влечетъ за собою, по свойственному туркамъ звѣрскому и закоренѣлому о собственной своей цѣлости небреженію, опасность заразительной моровой язвы, въ разсужденіе сосѣдственныхъ областей и тѣхъ гражданъ, кои по долгу званія своего и изъ любви къ отечеству ополчаются противу ихъ въ военномъ подвигѣ».

Далѣе говорится, что болѣзнь начала-было уже прорываться и черезъ русскія границы; но что ходъ ея перерывали на всѣхъ пунктахъ, гдѣ она ни появлялась: «ибо—продолжаетъ манифестъ—по тому матернему попеченію о покоѣ, тишинѣ, благоденствіи и безопасности нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, которые мы съ самаго

начала государствованія нашего положили за главное и непремѣнное правило всѣхъ нашихъ дѣяній, не оставили мы распорядить благовременно чрезъ правительства наши всѣ нужныя и въ человѣческомъ предусмотрѣніи возможныя мѣры и осторожности вдоль всѣхъ нашихъ границъ, отъ Малороссіи до Лифляндіи, къ совершенному и надежному ихъ огражденію. Мы съ несумнѣнною вѣрою ожидаемъ затѣмъ отъ благости всещедраго Бога, что сіи наши учрежденія учинитъ достаточными и отвратитъ отъ нашего отечества бичъ гнѣва своего».

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица говоритъ въ своемъ манифестѣ, что, исполняя такимъ образомъ «долгъ царскаго и матерняго предостереженія, къ полному успокоенію вѣрныхъ подданныхъ, дабы каждый изъ оныхъ безпечно могъ оставаться при своемъ домостроительствѣ и промыслѣ»,—она «взаимно требуетъ и желаетъ», чтобы и подданные съ своей стороны «воспособствовали ей въ томъ всѣми своими силами по долгу присяги». Вслѣдствіе этого повелѣвалось, чтобы никто изъ проѣзжающихъ со стороны Малороссіи не провозилъ тайно такихъ вещей, которыя не были подвергнуты карантинному осмотру, чтобы никто не проѣзжалъ мимо кордоновъ и заставъ, и что «въ противномъ случаѣ не только везомое при первой заставѣ и внутри имперіи огню предано, но и виноватый въ томъ за оскорбителя божіихъ и государственныхъ законовъ почтенъ и какъ таковый примѣрно наказанъ будетъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ подданные успокоивались, что со стороны сената будутъ приняты мѣры и относительно того, чтобы на заставахъ и карантинахъ, подъ видомъ исполненія манифеста, отъ начальствующихъ «не могло произойти гдѣ злоупотребленія напрасныхъ прицѣпокъ и утѣсненія проѣзжающихъ».

«Въ прочемъ—такъ заканчиваетъ этотъ знаменитый манифестъ Екатерина, у которой всѣ обращенія къ подданнымъ отличались особой торжественностью, силой выраженія и блестящимъ по тому времени литературнымъ изложеніемъ—въ прочемъ, какъ все намѣреніе сего нашего повелѣнія идетъ единственно къ пользѣ и обезпеченію имперіи, то и увѣряемся мы, что никто изъ находящихся въ службѣ или для промысла своего при армеяхъ нашихъ и въ Польшѣ, не захочетъ изъ побужденія подлой корысти сдѣлаться

предателемъ отечества, но что паче всѣ и каждый будутъ какъ истинные граждане усердно стараться и за другими, а наипаче за подчиненными своими подъ собственнымъ за нихъ отвѣтомъ строжайше наблюдать, дабы кто, и есть-ли не изъ лакомства, по меньшей мѣрѣ изъ простоты и невѣжества, преступникомъ, а сохрани отъ того Боже, и виновникомъ общаго злоключенія учиниться не могъ».

Съ своей стороны сенатъ публиковалъ на все государство, что слѣдующіе изъ Малороссіи съ товарами купцы могутъ проѣзжать черезъ лифляндскіе рубежи только по выдержаніи карантина, а ѣдущіе изъ зараженныхъ мѣстъ вовсе не будутъ пропускаемы; если-же кто тайно покусится проѣхать проселочными дорогами, у того товаръ весь будетъ сожженъ; что тѣ изъ купцовъ, которые уже законтрактовали иностранные товары, должны тотчасъ-же писать своимъ корреспондентамъ, чтобъ они или задержали свои товары, или высылали ихъ черезъ порты; что товары, попавшіе въ карантины, должны каждодневно, при захожденіи солнца, провѣтриваться и окуриваться можжевельникомъ, а вмѣстѣ съ товарами— и самъ хозяинъ; чтобы всѣ обыватели доносили на тѣхъ, кто будетъ тайно провозить товары, за что доносителямъ будутъ выдаваться награды; что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чума уже показалась, деревенскіе обыватели не должны сообщаться съ горожанами, и наоборотъ, а что для продажи съѣстныхъ припасовъ должны быть учреждены особые рынки; на этихъ рынкахъ городскіе обыватели должны быть отдѣлены отъ сельскихъ двойною преградою, шириною въ восемь футовъ; между преградами стоитъ караулъ; но ни товаровъ, ни денегъ продающіе и покупающіе не должны брать «изъ рукъ въ руки»; когда-же сойдутся въ цѣнѣ, то продавецъ кладетъ товаръ на землю между преградами, а покупщикъ кладетъ деньги въ чанъ, наполненный водою или уксусомъ; животныя моются въ водѣ, а мясо проносится черезъ огонь; по отношенію къ письмамъ, приходящимъ изъ зараженныхъ мѣстъ, должна быть принимаема особая предосторожность: лицо, опредѣленное для распечатыванія писемъ, надѣваетъ перчатки изъ вощанки, потомъ ножницами разрѣзываетъ пакеты, особыми маленькими щипцами раздираетъ ихъ, конверты сожигаетъ, а письма окури-

наетъ въ густомъ дымѣ. Столъ, на которомъ производится эта операція, долженъ быть мраморный или деревянный безъ покрышки. Если въ письмахъ сыщется тетрадь, сшитая ниткою или связанная лентою, то нитку и ленту должно разрѣзать и сжечь. На шеѣ имѣть кожаный мѣшечекъ съ кускомъ камфары. Докторамъ прикасаться къ пульсу больныхъ не иначе какъ черезъ развернутый листъ табаку, и листъ этотъ бросать послѣ всякаго прикосновенія къ пульсу и пр.

Мы считаемъ лишнимъ приводить другія указанія сената относительно принятія мѣръ предосторожностей отъ заразы. Полагаемъ, что и приведеннаго нами достаточно, чтобы видѣть, какое потрясающее впечатлѣніе должны были произвести на народъ манифестъ и указъ сената, изъ коихъ онъ узналъ, что страшный моръ, о которомъ ходили темные слухи, не сегодня-завтра начнетъ пожирать свои жертвы: каждый, конечно, думалъ, что одною изъ этихъ жертвъ будетъ и онъ.

Одинъ только упрямый Риндеръ, о которомъ мы упоминали выше, не хотѣлъ вѣрить существованію чумы.

Шесть недѣль однако сухопутный госпиталь вмѣстѣ съ докторомъ Шафонскимъ былъ оцѣпленъ карауломъ. Изъ 27 зараженныхъ за это время умерло 22, а 5 выздоровѣли. 1 марта 1771 г. по выдержаніи карантиннаго срока, госпиталь былъ открытъ вновь, а домъ, въ которомъ находились чумные, сожженъ.

Всѣмъ казалось, что Москва освободилась отъ чумы. Отъ того дома, гдѣ умерли «сумнительные» госпитальные служители, осталась только куча пепла. Правда, ходили слухи, будто страшная болѣзнь не унеслась вмѣстѣ съ дымомъ сожженнаго госпитальнаго дома, что она гдѣ-то есть и внѣ стѣнъ госпиталя, а гдѣ—никто не зналъ. Говорили, что раньше этого умерли двое плѣнныхъ турокъ, привезенные изъ Бендеръ, что умеръ также какой-то офицеръ, пріѣхавшій изъ арміи, и скрытно погребенъ, а пользовавшій его лекарь, прозекторъ главнаго госпиталя Евсеевскій, послѣдовалъ за своимъ паціентомъ въ третьи сутки. Но увѣреніе доктора Риндера, что чума въ Москвѣ невозможна по климату, всѣхъ успокоивало.

Однако «ласкательная сія безопасность весьма короткое время

продолжалась», говоритъ современное свидѣтельство. 1-го марта былъ сожженъ госпитальный домъ, а 9-го марта до свѣдѣнія полиціи дошло, что за Москвою-рѣкою, у Каменнаго моста, на большомъ суконномъ дворѣ, люди часто умираютъ и погребаются въ ночное время.

Узнавъ объ этомъ, полиція тотчасъ-же командировала на суконный дворъ доктора Ягѐльскаго—разслѣдовать обстоятельства дѣла. Ягельскій нашелъ, что съ 1-го января по 9-е марта изъ числа всѣхъ рабочихъ на суконномъ дворѣ умерло 130 человѣкъ, и что на умершихъ были черныя пятна, «бубоны» и карбункулы—несомнѣнный знакъ присутствія чумы. Фабричные увѣряли, что никогда, съ самаго начала заведенія, па суконномъ дворѣ не было такой смертности. При этомъ они сообщили, что болѣзнь на ихъ дворѣ началась съ той именно поры, какъ одинъ фабричный, на праздникъ Рождества, привезъ къ нимъ на фабрику одну больную женщину, которая до того времени жила у сторожа церкви Николы, въ Кобыльскомъ, что у женщины этой были распухшія железы за ушами и что по привозѣ на суконный дворъ она скоро умерла, а за нею вымерла и вся семья сторожа.

Ясно, что чума уже ходила по городу и хватала жертвы тамъ, гдѣ невѣдѣніе давало ей пріютъ.

Оказалось, однако, что и тутъ докторъ Риндеръ былъ виновникомъ того, что ходъ чумы не былъ во-время перехваченъ. Риндеръ осматривалъ этихъ фабричныхъ больныхъ, но чумы въ нихъ не нашелъ, а видѣлъ только одну гнилую горячку.

Между тѣмъ обнаружилось, что не только вымеръ весь домъ вышеупомянутаго церковнаго сторожа, но также опустошенъ былъ и сосѣдній съ нимъ домъ просвирни.

Послѣ этого московскій главнокомандующій, графъ Салтыковъ, вновь созываетъ медицинскій совѣтъ. Медики, осмотрѣвъ больныхъ на суконномъ дворѣ, единогласно заключаютъ: «сія болѣзнь есть гніючая, прилипчивая и заразительна, и по нѣкоторымъ знакамъ и обстоятельствамъ очень близко подходитъ къ язвѣ»; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ докторами не было произнесено слово «чума», не было даже упомянуто слово «моровая язва», какъ народъ называлъ чуму. При всемъ томъ совѣтъ докторовъ поло-

жилъ:—вывести съ фабричнаго двора всѣхъ больныхъ и здоровыхъ а самый дворъ запереть. не выбирая изъ него никакого имущества и оставивъ всѣ окна раскрытыми; отдѣлить здоровыхъ отъ больныхъ; изслѣдовать не заразились-ли отъ нихъ и другіе фабричные, живущіе въ городѣ, а если такіе окажутся. то и ихъ вывести за городъ; умершихъ этою болѣзнью погребать также за городомъ. въ глубокихъ могилахъ, а не окололо церквей. и тѣла зарывать съ платьемъ.

Больные тотчасъ же вывезены были въ монастырь Николына-Угрѣшія.

Но было уже поздно. Въ то время когда фабричныхъ вывозили изъ суконнаго двора, чтобы помѣстить отдѣльно отъ городского населенія и прервать всякое сношеніе ихъ съ горожанами. многіе фабричные разбѣжались по городу. Они-то преимущественно и разнесли чуму по всѣмъ концамъ. И дѣйствительно. 16-го марта, на Пречистенкѣ, на улицѣ, найдено было мертвое тѣло одного купца. Оказалось. что купецъ жилъ въ одномъ домѣ съ фабричнымъ изъ суконнаго двора. Какъ купецъ. такъ и фабричный оба заболѣли «перевалкою». какъ тогда называлъ народъ горячку. и вскорѣ оба померли.

Ничего другого не оставалось для властей. какъ розыскивать всѣхъ фабричныхъ по городу и вывозить за городъ. Но розыскивать бѣглыхъ по Москвѣ, ловить ихъ по безчисленнымъ закоулкамъ и въ никому невѣдомыхъ вертепахъ—это все равно. что ловить каторжника въ муромскихъ лѣсахъ, или—по мѣткому народному выраженію—ловить вѣтеръ въ полѣ.

Москвѣ грозила гибель неизбѣжная. Власти это видѣли. хотя не пришли еще къ сознанію своего безсилія, потому что не знали пока всей силы опасности, въ которой находился городъ. По распоряженію сената, отъ полиціи объявлено было жителямъ. чтобы о каждомъ заболѣвающемъ и умирающемъ въ городѣ немедленно сообщаемо было на съѣзжій дворъ: этимъ способомъ предполагали слѣдить за ходомъ и состояніемъ эпидеміи, потому что, записывая дни начала и исхода болѣзни, думали добывать этимъ путемъ свѣдѣнія о томъ, кто умеръ отъ чумы. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ московскихъ докторовъ составился постоянный совѣтъ, который и дол-

женъ былъ, изучая ходъ эпидеміи, обо всемъ доносить сенату для принятія надлежащихъ мѣръ. Въ этотъ совѣтъ вошли доктора: Эрасмусъ, Шафонскій, Ягельскій, Мертенсъ, Веніаминовъ, Зибелинъ, Шкіаданъ, баронъ фонъ-Ашъ, Кульманъ, Погорецкій и Ладо. Первымъ дѣломъ медицинскаго совѣта было вывести изъ города всѣхъ фабричныхъ, которыхъ, кромѣ переведенныхъ уже за городъ съ суконнаго двора 730 человѣкъ, осталось еще 1770.

Эпидемія между тѣмъ обнаруживала все болѣе и болѣе грозные признаки. Совѣтъ докторовъ вынужденъ былъ наконецъ произнести рѣшительное слово, которое онъ боялся произнести, и это слово произнесено было только 26 марта, по категорическому настоянію графа Салтыкова—«назвать точнымъ именемъ оказавшуюся на большомъ суконномъ дворѣ болѣзнь». Совѣтъ такъ формулировалъ свое рѣшительное мнѣніе объ этомъ предметѣ: «медицинскій совѣтъ ничего къ прекращенію болѣзни не упустилъ, кромѣ общенароднаго имени, а какъ нынѣ оное отъ совѣта точно требуется, то инако оной болѣзни не называетъ, какъ *моровою язвою*».

Всѣ доктора подписали это мнѣніе, исключая Кульмана и Скіадана. Первый въ пространномъ, поданномъ отъ себя особомъ мнѣніи старался доказать, почему онъ оказавшуюся въ Москвѣ болѣзнь не рѣшается назвать «моровою язвою»: ему все казалось, что это только прилипчивая горячка, и при этомъ онъ замѣчаетъ, что прилипчивость горячки легко могла произойти между фабричными «при чрезвычайно худомъ сихъ людей содержаніи въ пищи, особливо при ужасно нечистомъ ихъ образѣ жизни, гдѣ вонь ихъ жилищъ почти несмысленнымъ скотамъ несносна была» (въ подлинникѣ: «da der Gestank in ihren Wohnungen kaum einem unfernünftigen Thire erträglich gewesen seyn soll»). Скіаданъ также не хочетъ произнести слова—«моровая язва», и также подаетъ особое мнѣніе. Несмотря на то, что въ это время въ Москву прибылъ отъ арміи изъ Хотина штабъ-лекарь Граве и вмѣстѣ съ проѣзжавшимъ изъ Яссъ докторомъ Ореусомъ удостовѣрялъ, что въ Москвѣ такая же чума, какая тогда свирѣпствовала въ Молдавіи и Польшѣ, Кульманъ и Скіаданъ стояли на своемъ: въ Москвѣ нѣтъ чумы, а только «перевалка»!

«Сіе противное ихъ и прочихъ штабъ-лекарей и лекарей разглашеніе въ жителяхъ причинило такое невѣріе, что большая часть не старалась быть осторожнымъ; а господина доктора Кульмана въ томъ такъ далеко простиралось стараніе, что онъ не только въ одной Москвѣ, но и въ самомъ Петербургѣ письмами многихъ знатныхъ людей старался въ своемъ вредномъ и непохвальномъ мнѣніи увѣрить», говоритъ вышеупомянутое описаніе «моровой язвы».

Эти споры изъ-за названія дѣйствительно были, до нѣкоторой степени, причиною того, что Москва легко сдѣлалась жертвою жесточайшей чумы, существованію которой жители долго не вѣрили. Подобныя грустныя явленія мы часто видимъ въ исторіи. Такъ напр., во время нападенія Пугачова на Саратовъ, городъ этотъ погибъ изъ-за того, что Державинъ занимался литературно-канцелярской полемикой съ комендантомъ Бошнякомъ, а Лодыженскій доказывалъ Бошняку, что онъ, Лодыженскій, статскій совѣтникъ, старше его, Бошняка, полковника, и долженъ, по чину, защищать городъ: а когда дѣло дошло до защиты, то статскій совѣтникъ бѣжалъ раньше всѣхъ коллежскихъ регистраторовъ.

Споры и пререканія сдѣлали то, что больше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ чума уже разбросала свой губительный ядъ по всей Москвѣ, вздумали запечатать торговыя бани, гдѣ за это время успѣла заразиться едва ли не вся масса московскаго рабочаго населенія. Спасеніе для Москвы было невозможно. Страшная болѣзнь должна была пройти всѣ периферіи и только тогда закончить свой естественный циклъ, когда смерть сдѣлаетъ свое дѣло и эпидемія, какъ это вездѣ бываетъ съ нею, сама собой издохнетъ отъ недостатка жертвъ.

II.

Но правительство все еще надѣялось спасти Москву.

25-го марта, императрица прислала изъ Петербурга нарочнаго съ именными повелѣніями къ графу Салтыкову и къ генералъ-поручику Еропкину: Екатерина вручала Москву непосредственному

завѣдыванію Еропкина, но только «подъ главнымъ надзираніемъ графа Салтыкова». Имъ повелѣвалось принять энергическія мѣры для спасенія древней столицы — «всѣ предосторожности и попеченія о сохраненіи столичнаго города Москвы гораздо усугубить».

31-го марта, Еропкинъ принялъ Москву въ свое завѣдываніе. Первымъ его дѣломъ было назначить ко всѣмъ четырнадцати частямъ города особыхъ смотрителей, взятыхъ изъ разныхъ коллегій и канцелярій. Въ ихъ распоряженіе отдавались полицейскіе офицеры каждой части и, кромѣ того, къ каждой части командировался особый докторъ. Лично при Еропкинѣ находился сверхъ того князь Макуловъ, который «принялъ добровольно безъ всякаго жалованья, изъ усердія къ отечеству, трудъ доставлять и снабдѣвать всѣмъ потребнымъ больницы и охранительные домы и имѣть особливое надъ всѣми военными командами смотрѣніе». На обязанность частныхъ смотрителей возложено было—объявить чрезъ полицейскихъ служителей всѣмъ жителямъ Москвы, чтобы они тотчасъ же давали знать на съѣзжій дворъ о всякомъ заболѣвшемъ въ ихъ домѣ, кто бы онъ ни былъ, а особенно о тѣхъ, кои заболѣваютъ внезапно или же внезапно умираютъ. Смотритель, получивъ такое свѣдѣніе, долженъ немедленно отправляться въ показанный домъ съ частнымъ докторомъ, и, если по осмотру больной окажется чумнымъ, то о немъ тотчасъ же доноситъ Еропкину. Еропкинъ немедленно отправляетъ затѣмъ въ показанный домъ кого-либо изъ состоящихъ при немъ докторовъ—Ягельскаго или Граве, и если показаніе частнаго доктора подтвердится (какая длинная процедура), то всѣ живущіе съ больнымъ въ одномъ домѣ немедленно высылаются въ особый покой, а больной вмѣстѣ съ своимъ платьемъ и со всѣмъ, что «около него въ употребленіи было», тотчасъ же отправляется въ Угрѣшскій монастырь съ опредѣленными для того полицейскими служителями, одѣтыми въ вощаное платье; около дома ставится караулъ, который никого не пускаетъ со двора, а комната, гдѣ находился больной, окуривается можжевельникомъ.

Но народъ, всегда въ подобныхъ случаяхъ показывающій недовѣріе къ властямъ и въ особенности къ докторамъ, постарался и

въ данномъ случаѣ избѣгать всякихъ сношеній съ властями и докторами, и по возможности обходить законъ.

Внезапною и сомнительною смертью считалась такая, когда больной умиралъ раньше четырехъ дней; если же болѣзнь продолжалась долѣе и мѣстный священникъ давалъ удостовѣреніе, что онъ напутствовалъ умершаго, то такого не осматривали. Въ виду этого московскіе обыватели не только не объявляли на съѣзжихъ дворахъ о своихъ больныхъ, но и о внезапно умершихъ говорили, что они хворали долго. Избавляя такимъ образомъ свои дома отъ карауловъ, а себя отъ карантина и соединеннаго съ нимъ разстройства въ хозяйствѣ,—москвичи, что называется, настежъ растворяли въ свои дома двери и окна для чумы.

До 1771 года Москва большею частью хоронила своихъ мертвецовъ въ городѣ, около церквей, какъ это заведено было изстари. Понятно, что такой обычай не могъ быть терпимъ долѣе, особенно же въ чумное время и притомъ въ такомъ многолюдномъ и нечистомъ городѣ какъ Москва, и потому Екатерина именнымъ указомъ повелѣла графу Салтыкову назначить внѣ города особыя кладбища, а внутри города мертвыхъ не хоронить. По сношенію съ московскимъ архіепископомъ, Салтыковъ опредѣлилъ для кладбищъ десять загородныхъ церквей, росписавъ по нимъ весь городъ, а для погребенія «благородныхъ и чиновныхъ людей» назначены были три загородныхъ монастыря—Новодѣвичій, Спасоандроніевскій и Донской.

Когда Москва такимъ образомъ уже окончательно признана была чумнымъ городомъ, то нужно было подумать уже о спасеніи остальной Россіи. Москва всегда считалась сердцемъ русской земли. Дѣйствительно, населеніе и продукты производства всей русской земли притекали къ Москвѣ какъ кровь къ сердцу, равно населеніе и продукты производства самой Москвы расходились, подобно крови отъ сердца, по всему организму государства. Оставалось одно средство запереть Москву, изолировать ее отъ всей остальной Россіи. Но какъ это сдѣлать? Ни войскъ для охраны, ни средствъ для пропитанія Москвы конечно не доставало бы, если-бъ и признано было полезнымъ всю Москву превратить на-время въ громадный карантинъ. Москва должна была кормиться отъ сосѣд-

нихъ производительныхъ мѣстностей, и потому окончательно запереть Москву было невозможно. Тогда рѣшено было запереть ее только отчасти: изъ 18 главныхъ заставъ, которыми обыкновенно въѣзжаютъ въ Москву и выѣзжаютъ изъ нея, оставлены свободными для проѣзда только семь—калужская, серпуховская, рогожская, преображенская, троицкая, тверская и дорогомиловская, а остальныя одиннадцать—симоновская, спасская, покровская, проломъ, гофъ-интендантская, лефортовская, семеновская, сокольницкая, міюсская, прѣснинская и лужнецкая—заперты. Кромѣ того, сверхъ учрежденныхъ уже отъ украинской стороны карантинныхъ заставъ въ Боровскѣ, Серпуховѣ, Калугѣ, Алексинѣ, Каширѣ и Коломнѣ, проведена была вокругъ Москвы цѣлая цѣпь новыхъ заставъ, но уже не для того, чтобы останавливать тѣхъ, кои ѣхали въ Москву, а тѣхъ, напротивъ, кои изъ Москвы выѣзжали:—разсадникомъ моровой язвы для Россіи становилась Москва и отъ нея слѣдовало прикрыть всю остальную Россію. Такимъ образомъ новыя заставы были учреждены—въ с. Всесвятскомъ, въ д. Лихоборахъ, въ сс. Ростокинѣ и Алексѣевскомъ, въ д. Щитниковой, въ с. Ивановскомъ, въ д. Вязовкѣ, въ Котлахъ, въ сельцѣ Семеновскомъ, въ Никольскомъ, въ д. Мазыловой, въ с. Хорошовѣ и въ Тушинѣ.

Но всего болѣе, конечно, боялись за Петербургъ. Для того, чтобъ страшная язва «не могла и въ самый городъ Санктпетербургъ вкрасться», именнымъ указомъ отъ 31 марта велѣно было Еропкину не пропускать никого изъ Москвы не только прямо въ Петербургъ, но и въ мѣстности, лежащія по пути къ сѣверной столицѣ, безъ особаго письменнаго удостовѣренія, въ которомъ бы точно опредѣлено было, что такіе отъѣзжающіе изъ Москвы слѣдуютъ «изъ здоровыхъ и неприкосновенныхъ заразительной болѣзни домовъ, равно и товары или вещи съ ними отправляемые—свободны отъ заразы». Кромѣ этихъ удостовѣреній, каждый отъѣзжающій долженъ былъ подвергаться свидѣтельствованію со стороны докторовъ Граве или Ягельскаго. Наконецъ, всѣмъ проѣзжающимъ черезъ Москву въ Петербургъ запрещено было проѣзжать черезъ московскія заставы, а велѣно было слѣдовать мимо города, особыми дорогами, равно и почтовыхъ лошадей запрещено

было перемѣнять въ Москвѣ, для чего и почтовыя станціи назначены были за московскими заставами. Мало того, отъ Петербурга протянута была особая сторожевая цѣпь, подъ начальствомъ генералъ-поручика графа Брюса. Цѣпь эта стягивалась къ тремъ центральнымъ заставамъ: въ Твери — подъ начальствомъ гвардіи капитанъ-поручика Афросимова, въ Вышнемъ Волочкѣ—гвардіи капитанъ-поручика Меркулова и въ Бронницахъ—гвардіи капитанъ-поручика Ушакова. Наконецъ, поставлены заставы, все для того же огражденія Петербурга, по дорогамъ старорусской, тихвинской, по старой и новой новгородской и по смоленской.

Но чѣмъ энергичнѣе и настоятельнѣе принимало мѣры въ данномъ случаѣ правительство, тѣмъ съ бо́льшимъ недовѣріемъ относился къ нимъ народъ. О больныхъ совершенно перестали доводить до свѣдѣнія полиціи, такъ что въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ начальство получило извѣстіе только о двухъ чумныхъ въ городѣ! Повидимому, невѣроятный фактъ, но онъ засвидѣтельствованъ оффиціальнымъ документомъ: ясно, насколько нелестно было довѣріе населенія къ оберегающимъ его властямъ. Мало того, когда полиція стала жечь оставшіяся послѣ чумныхъ зараженныя вещи и когда народъ узналъ объ этомъ, то еще съ большимъ упрямствомъ сталъ прятать пожитки, остающіеся отъ умершихъ чумныхъ и такимъ образомъ самъ разносилъ по городу или укрывалъ у себя свою собственную смерть Но и это еще не все: боясь властей, боясь полиціи и ея «мортусовъ», этихъ засмоленныхъ и зашитыхъ въ вощанки страшныхъ людей, въ ужасныхъ маскахъ рыскавшихъ по улицамъ и по домамъ, таскавшихъ длинными крючьями чумные трупы и зачумленное платье, боясь карантиновъ, какъ неминучей смерти, опасаясь, наконецъ, за свое жалкое имущество, чтобъ его не отняли и не сожгли,—народъ сталъ или выбрасывать трупы умершихъ на улицы, или тайно зарывать ихъ въ землю въ городѣ, въ садахъ, въ огородахъ, въ подпольяхъ и погребахъ!

Нельзя, впрочемъ, въ этомъ случаѣ безусловно винить бѣдное населеніе Москвы: народъ поступалъ такимъ повидимому недостойнымъ и преступнымъ образомъ потому, что, при вывозѣ изъ частныхъ обывательскихъ домовъ больныхъ въ карантины, дома эти и находящееся въ нихъ имущество были не безопасны отъ расхи-

щенія. А для бѣднаго глиняный горшокъ также дорогъ, какъ для богатаго севрскій фарфоръ или китайская ваза. Въ расхищеніи же имущества бѣдныхъ откровенно сознаются сами дѣятели того смутнаго времени («Описаніе мор. яз.», стр. 66).

Наступило лѣто. Съ жаркими днями увеличилось число чумныхъ жертвъ. Болѣзнь видимо свирѣпствовала. Но народъ, не вѣря ни властямъ, ни докторамъ, опасаясь и за свою свободу, и за свою жизнь, и за свое имущество, скорѣе соглашался подвергнуться всѣмъ ужасамъ заразы, чѣмъ открыто признать существованіе въ городѣ чумы. Между тѣмъ всѣ, кто могъ уѣхать изъ города, всѣ «господа и бояре», спѣшили укрыться въ своихъ далекихъ помѣстьяхъ, а тѣ, которые не могли бѣжать изъ города, да и тѣ, которымъ некуда и не съ чѣмъ было бѣжать, прятались сами и прятали своихъ больныхъ и мертвыхъ. Чума избрала мѣстомъ своего пребыванія преимущественно бѣдныя части города— слободы Преображенскую, Покровскую, Семеновскую. Находились домà, гдѣ всѣ вымирали разомъ. Больницы въ монастыряхъ Угрѣшскомъ и Симоновомъ оказались тѣсны. «Мортусы» все чаще и чаще таскали больныхъ изъ города. Чтобы сберечь имущество больныхъ отъ расхищенія, а дома отъ окончательнаго разоренія, велѣно было построить около Симонова монастыря особый амбаръ, куда и сваливали уцѣлѣвшіе отъ расхищенія пожитки больныхъ и умершихъ, а мелкія вещи, остававшіяся послѣ этихъ несчастныхъ, равно предметы, бывшіе въ употребленіи, продолжали сожигать.

Наконецъ и полиція выбилась изъ силъ. Полицейскіе фурманщики не въ состояніи уже были перевозить всѣхъ больныхъ въ карантины, да и сами заражались и умирали. Оказалось, что раздѣвать больныхъ уже некому—«мортусовъ» и полиціи не хватало на это, и потому раздѣванье больныхъ возложено было на самыхъ обывателей, а вслѣдъ за операціей раздѣванья, по необходимости, надо было и здоровыхъ забирать въ карантины. Этихъ послѣднихъ свозили въ село Троицкое-Голенищево.

Эпидемія между тѣмъ не ослабѣвала. Къ концу іюля московскія власти, сознавая свое безсиліе и безсиліе принятыхъ ими мѣръ, старались объяснить усиленіе болѣзни упорствомъ и невѣжествомъ народа, доказывая, что принятыя ими мѣры «не могли

усиливающейся заразѣ поставить предѣловъ», что «вмѣсто желаемаго успѣха и ожидаемаго прекращенія болѣзни, она ежедневно и очевидно скорыми и многими смертными пораженіями по всему городу стала свирѣпствовать», но что главная причина этого бѣдствія—«невѣріе почти всѣхъ какъ низкаго, такъ и знатнаго званія людей, которые все еще обыкновенною гнилою горячкою помянутую болѣзнь называли и не прикосновенію и своей неосторожности, но слѣпому року и власти Божіей таковую приписывали».

Въ виду такого «злощастія» и «всеобщаго ослѣпленія», Еропкинъ пригласилъ слѣдовавшаго тогда изъ Молдавіи и Кіева петербургскаго штатъ-физика доктора Лерхе, о которомъ уже упомянуто было выше, и просилъ его, осмотрѣвъ всѣ больницы, а равно умершихъ заразою, опредѣлить, наконецъ, чума ли поражаетъ Москву, или другая болѣзнь. Лерхе, по осмотрѣ больныхъ и мертвыхъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ медицинскимъ совѣтомъ,—какъ выражается оффиціальный актъ того времени—«съ ужасомъ и сожалѣніемъ призналъ ихъ всѣхъ опасной и заразительной болѣзни съ знаками, яко-то бубонами, карбункулами и пятнами черными, подверженныхъ, и безъ всякаго сумнительства оную болѣзнь за самую дѣйствительную моровую язву утвердилъ». Медицинскій совѣтъ снова послѣ этого высказываетъ свое «послѣднее мнѣніе» о свирѣпствующей въ Москвѣ болѣзни, и, строго обвиняя докторовъ, разглашающихъ, что это не чума, проситъ Еропкина «таковымъ ихъ вреднымъ и неосновательнымъ увѣреніемъ не вѣрить, дабы чрезъ то не привесть общество еще въ большую оплошность и нерадѣніе въ потребныхъ предосторожностяхъ».

Москва пустѣетъ съ каждымъ днемъ. Бѣгство еще болѣе усиливается, не смотря на заставы. Всѣ дѣла и работы останавливаются. «Производство челобитныхъ дѣлъ» по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, вслѣдствіе особаго высочайшаго повелѣнія, также прекращается,—а между тѣмъ число умершихъ все увеличивается. Въ амбарахъ Симонова монастыря уже нѣтъ мѣста для храненія имуществъ вымороченыхъ домовъ. Строить новыхъ чумныхъ цейхгаузовъ некогда да и некому, и потому велѣно всѣ послѣ мертвыхъ пожитки оставлять въ ихъ собственныхъ домахъ, окошки и

двери запирать и запечатывать, ставя около такихъ домовъ караулы. Но и карауловъ уже не изъ кого учреждать.

Наступаетъ августъ, обыкновенно самый страшный во время всякихъ эпидемій мѣсяцъ. Мертвые уже валяются по улицамъ—это тихонько выброшенные изъ домовъ. Другой идетъ, падаетъ—и на улицѣ умираетъ. «Причина таковому идущимъ по улицамъ скорому смертному пораженію не та была—говорится въ оффиціальномъ актѣ того времени—чтобы такій умершій, не имѣвъ прежде никакой болѣзни, вдругъ якобы отъ зараженнаго воздуха умеръ, но такая смерть отъ того происходила, что всякъ, особливо изъ простого народа, старался утаивать свою болѣзнь и всячески, будучи уже дѣйствительно зараженъ, до тѣхъ поръ перемогался, пока она его по своему лютому качеству скоропостижно умерщевляла». Чтобы трупы эти, при продолжительномъ непогребеніи, быстро разлагаясь отъ жару, не могли еще болѣе заражать воздухъ, велѣно было такихъ мертвецовъ безъ всякаго медицинскаго осмотра тотчасъ зарывать въ землю. Для этого опредѣлены были особые офицеры, которые, разъѣзжая по городу и находя по улицамъ трупы, тотчасъ должны были приказывать убирать ихъ и свозить на чумныя кладбища.

Но и труповъ уже некому было вывозить да и подбирать съ мостовыхъ некому: полицейскіе десятскіе всѣ почти перемерли, а обыватели, при видѣ въ своемъ домѣ больного, разбѣгались. Пришлось обратиться за помощью къ каторжникамъ, къ преступникамъ, осужденнымъ на смерть или имѣющимъ быть приговоренными къ смерти розыскною экспедиціею. И вотъ ихъ берутъ изъ остроговъ. Для этихъ страшныхъ «мортусовъ» при каждой части построены были особые дома, гдѣ и содержались эти «служители смерти» подъ особымъ карауломъ, на коронномъ содержаніи, имѣя въ своемъ распоряженіи особую упряжь, лошадей, носилки и крючья для захватыванья труповъ, а равно смоляную и вощаную одежду, маски и рукавицы.

Сохранилось мастерское описаніе моровой язвы, свирѣпствовавшей когда-то въ Аѳинахъ. Описаніе это принадлежитъ знаменитѣйшему и даровитѣйшему изъ историковъ древняго и новаго міра—Ѳукидиту. Ужасъ охватываетъ при чтеніи этого описанія:

го была, безъ сомнѣнія, тоже чума, занесенная въ Аттику съ Востока.

Намъ невольно приходитъ на память картина моровой язвы въ Аѳинахъ, когда мы читаемъ слѣдующее мѣсто изъ воспоминаній Подшивалова о московской чумѣ: «ежедневно тысячами фурманщики въ маскахъ и вощаныхъ плащахъ (воплощенные дьяволы) длинными крючьями таскали трупы изъ выморочныхъ домовъ, другіе поднимали на улицѣ, клали на телѣгу и везли за городъ, а не въ церкви, гдѣ оные прежде хоронялись. У кого рука въ колесѣ, у кого нога, у кого голова черезъ край виситъ и обезображенный безобразно мотается. Человѣкъ по двадцати разомъ взваливали на телѣгу. Трупы умершихъ выбрасывались на улицу, [illegible] зарывались въ садахъ, огородахъ и подвалахъ».

Такія же поразительныя картины находимъ мы въ «Кузьмѣ Рощинѣ», романѣ Загоскина изъ этого времени.

Какъ ни старались запереть Москву заставами и караулами [illegible] съ карантинами, чума перебралась и черезъ заставы и карантины. Сначала ее вывезли изъ Москвы и развезли по деревнямъ,—какъ говоритъ современное свидѣтельство,—«никакими [illegible] не обязанные люди», которые, убѣгая въ [illegible], или сами увозили туда съ собой заразу, или же [illegible] присылали ихъ зараженными служителями. Потомъ зараза [illegible] пробиралась черезъ заставы всѣми путями, какими только можно было пройти: не рѣдко больные, боясь карантиновъ, [illegible] задами уходили изъ города и въ полѣ умирали; не рѣдко же и здоровые, боясь за цѣлость своихъ пожитковъ, спасали ихъ отъ огня тѣмъ, что тайно отъ караульныхъ проносили [illegible] и тамъ прятали. Объ этомъ московскія власти догадались уже тогда, когда чума успѣла что-называется испятнать весь московскій уѣздъ и почти всю губернію. Тогда велѣно было всѣмъ «иногороднымъ», которые уѣзжали изъ города въ свои деревни, присылать прислугу въ частные дома для освидѣтельствованія. Но было уже поздно. Караульные, поставленные на всѣхъ выѣздахъ у камеръ-коллежскаго вала, напрасно, такимъ образомъ, сторожили выходъ изъ Москвы чумы «по отбытіи вечерней зари»: а свободно ходила уже за камеръ-коллежскимъ валомъ.

Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ переноса чумы изъ Москвы въ окрестности: по современному отзыву московскихъ властей, «лежащее по троицкой дорогѣ государево село Пушкино отъ того только заразилось и почти все померло, что одинъ мужикъ изъ Рогожской ямской слободы послѣ умершихъ привезъ туда женѣ своей кокошникъ».

Поздно также московскія власти спохватились, что распространенію заразы по городу не мало способствовали кабаки, гдѣ народъ особенно любитъ собираться въ смутныхъ обстоятельствахъ, чтобъ запить и свое горе и свой страхъ, держась пословицы, что «на людяхъ и смерть красна». Только въ августѣ сдѣлано было распоряженіе—никого внутрь питейныхъ домовъ не впускать, а производить винную продажу въ окна и двери чрезъ сдѣланныя рѣшетки, опуская при этомъ деньги въ сосудъ, наполненный уксусомъ.

Эти позднія мѣры были уже, можно сказать, безполезны: изъ сердца Россіи чума успѣла быстро перенестись во всѣ концы государства, и уже свирѣпствовала въ губерніяхъ Смоленской, Нижегородской, Казанской, Воронежской и Бѣлогородской, т. е. захватила половину тогдашней европейской Россіи.

Поздній страхъ овладѣлъ, наконецъ, и остальнымъ населеніемъ Москвы, тѣмъ населеніемъ, которое долго не хотѣло вѣрить, что народъ мретъ отъ чумы, а не отъ «перевалки». Многіе дома, закупивъ для себя съѣстныхъ припасовъ, окончательно заперлись; другіе же высылали въ городъ для разныхъ надобностей кого-либо одного, какъ бы обреченнаго на смерть, и уже не имѣли съ нимъ никакого сообщенія. Заперся и воспитательный домъ, который въ одномъ главномъ своемъ корпусѣ, въ такъ-называемомъ «квадратѣ», вмѣщалъ до тысячи человѣкъ питомцевъ съ надзирателями, кормилицами и прислугой. Роженицамъ приходилось бросать дѣтей на улицахъ, если бы бывшимъ тогда опекуномъ воспитательнаго дома, Алексѣемъ Дурново, не былъ открытъ для рожениць его собственный домъ: «симъ богоугоднымъ поступкомъ — говоритъ «Описаніе»—сохранивъ жизнь тѣхъ, которыхъ было по несчастномъ рожденіи неминуемая смерть пожрать хотѣла», Дурново «вручилъ» воспитательному дому 27 младенцевъ.

Страшная болѣзнь посѣтила, наконецъ, и тотъ домъ, въ ко-

торомъ жилъ главный начальникъ Москвы, Еропкинъ, потому что этому дому менѣе всего можно было уберечься отъ заразы: «не только его домъ и покои—говоритъ современное свидѣтельство—ежечасно наполнены были разнаго званія, а особливо подчиненными его людьми, изъ всѣхъ опасныхъ мѣстъ приходящими и отъ него различныхъ приказаній требующими, но и самъ онъ своею особою часто во всѣ мѣста, гдѣ самая видимая опасность настояла, не оставлялъ пріѣзжать, дабы тѣмъ унылыхъ и отчаянныхъ жителей ободрить и узнать, все-ли по его учрежденію исполняется». Зараза появилась сначала между его вѣстовыми солдатами и писарями, а затѣмъ перешла и на прислугу, такъ что въ домѣ его разомъ умерло семь человѣкъ Императрица, узнавъ объ этомъ, «восчувствуя съ матернимъ сожалѣніемъ во всемъ пространствѣ всю народную нужду и уваживъ спасность», въ которой Еропкинъ находился, назначила ему помощникомъ сенатора Собакина. Кромѣ того, въ помощь же Еропкину Екатерина опредѣлила еще и штатъ-физика Лерхе.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ безнадежнѣе казалось положеніе Москвы и ея населенія, и тѣмъ безсильнѣе оказывались власти и всѣ ихъ мѣры, казавшіяся жалкими передъ неудержимой силой эпидеміи. Полиція рѣшительно сбилась съ ногъ, тѣмъ болѣе, что каждый день зараза буквально косила все, что ей попадалось на пути, а чаще всего, конечно, попадались ей подъ руку полицейскіе и другіе служители, обязанные дѣйствовать и спасать будто бы другихъ. О больныхъ обыватели совершенно уже перестали сообщать полиціи, да не мало оказывалось и такихъ домовъ, гдѣ некому было и вѣсть подать о томъ, что тамъ дѣлалось—всѣ вымирали наповалъ и гнили по домамъ, ожидая прихода «мортусовъ» съ крючьями. Тогда вслѣдствіе особаго, состоявшагося при императорскомъ дворѣ, совѣта, велѣно было въ Москвѣ отъ каждыхъ десяти дворовъ выбрать своихъ собственныхъ десятскихъ, которые обязаны были дѣлать именную перепись своимъ участкамъ, и, ходя всякій день по дворамъ, производить переклички—кто остался еще живъ, кто умеръ, кто заболѣлъ—и больныхъ отвозить въ больницы, а трупы убирать и свозить на кладбища. Тогда несчастные москвичи, по своему «развратному и неразсудному понятію», боясь и чумы и

карантиновъ, стали тихонько выбрасывать изъ своихъ домовъ трупы, конечно, обнажая ихъ для того, чтобы смотрители и десятскіе не могли узнать, изъ какого дома трупъ выброшенъ на улицу.

Въ виду этого Екатерина обратилась къ Москвѣ съ слѣдующимъ высочайшимъ указомъ изъ правительствующаго сената: «Извѣстно ея императорскому величеству стало, что нѣкоторые обыватели въ Москвѣ, избѣгая докторскихъ осмотровъ, не только утаеваютъ больныхъ въ своихъ жительствахъ, но и умершихъ потомъ выкидываютъ на публичныя мѣста. А понеже такое злостное неповиновеніе навлекаетъ на все общество наибѣдственнѣйшія опасности: того для ея императорское величество повелѣваетъ отчески, по имянному своему указу, строжайшимъ образомъ обнародовать во всемъ городѣ, чтобъ отнынѣ никто больше не дерзалъ на такое злостное и вредное ея императорскаго величества законовъ и установленій похищеніе. А есть-ли, не взирая на сіе строгое подтвержденіе, кто въ такомъ преступленіи будетъ открытъ и изобличенъ, или же хотя и въ свѣдѣніи объ этомъ будетъ доказанъ, таковой безъ всякаго монаршаго ея императорскаго величества милосердія отдается вѣчно въ каторжную работу».

Но ни этотъ строгій указъ, ни высочайшій гнѣвъ, ни высочайшія соболѣзнованія, ни перспектива вѣчной каторги—ни что уже не въ состояніи было поправить того, что было непоправимо. Народъ, давно потерявшій довѣріе къ властямъ и къ опытности медиковъ, потерялъ, наконецъ, и терпѣніе. Надежды не было уже ни на что—не было уже и нравственной сдержки. Въ народѣ,—какъ говоритъ оффиціальный документъ того времени,—стало, наконецъ, «рождаться неудовольствіе, ропташе и отчаяніе». Надо было ожидать взрыва—Москва была наканунѣ бунта. Взрывы уже и проявлялись въ концѣ августа; но это были вспышки пока единичныя, разрозненныя, такъ сказать, спорадическія, какъ предвѣстники общей грозы. Въ Лефортовской слободѣ народъ хотѣлъ убить доктора Шафонскаго. Только вмѣшательство частнаго смотрителя, лейбъ-гвардіи капитана Волоцкаго, спасло несчастнаго.

Новымъ рескриптомъ на имя Еропкина императрица приказываетъ объявить Москвѣ о непремѣнномъ и частомъ вывѣтриваніи домовъ, объ употребленіи холодной воды для питья и для обмы-

[illegible] -же мортусы везутъ за городъ, а [illegible] забираютъ и выводятъ въ ша- [illegible] дніе и возвращались потомъ до- [illegible] дили дома пустыми, ограбленными. [illegible] уловку обходить власть и спасать [illegible] ватели стали являться въ частные [illegible] писывать больными, съ тѣмъ разсче- [illegible] десяти дней послѣ записки въ книгѣ [illegible] его не будутъ уже осматривать, какъ [illegible] ять въ покоѣ. Власти узнаютъ объ этой [illegible] тогда, когда тысячи несчастныхъ сдѣла- [illegible] собственной изобрѣтательности, и чума [illegible] записанныхъ въ книги и не записанныхъ. [illegible] велятъ осматривать каждый домъ и доносить [illegible] ьныхъ и мнимо-больныхъ: послѣднихъ, въ [illegible] берутъ и посылаютъ въ карантинные дома въ [illegible]

[illegible] публикаціи о заразительности прикосновенія къ [illegible] ршимъ безъ соблюденія извѣстныхъ пріемовъ пре- [illegible] не смотря на наставленія и увѣщанія, читаемыя [illegible] народъ все еще бродитъ во тьмѣ: по христіанскому [illegible] все еще продолжаетъ обмывать своихъ близкихъ [illegible] все еще цѣлуетъ ихъ «послѣднимъ цѣлованіемъ», про- [illegible] могилу—и вновь заражается. И вотъ власти запре- [illegible] роду цѣловать своихъ мертвецовъ, приказывая класть [illegible] гробы не раздѣвая и не обмывая и тотчасъ-же гвоздями [illegible] вать эти гробы. Съ своей стороны Амвросій, архіепископъ [illegible] скій и калужскій, издаетъ для священниковъ особое на- [illegible] еніе—чтобы, исповѣдывая больныхъ, они къ нимъ не прика- [illegible] сь, а исповѣдывали-бы черезъ двери, или черезъ окна, а равно [illegible] имъ-же образомъ и пріобщали бы ихъ; чтобы, при крещеніи дѣ- [illegible] й, не брали ихъ въ руки и не погружали въ воду, а велѣли-бы [illegible] ѣлать это погруженіе повивальной бабкѣ, да и волосы-бы у кре- щаемыхъ не постригали; чтобы, наконецъ, умершихъ не отпѣвали ни на дому, ни въ церкви, и даже не вносили-бы ихъ въ церковь, а прямо отправляли-бы на кладбище.

Распоряженіе Амвросія было истолковано чернью, особенно раскольниками, какъ еретическое, богопротивное. Распоряженіе это стоило Амвросію жизни—его растерзала обезумѣвшая толпа, какъ мы сейчасъ это увидимъ:—народъ бунтомъ отвѣчалъ на все, что для него-же хотѣли сдѣлать полезнаго, да не успѣли.

Пришло, наконецъ, время, что уже не доставало ни могилъ для труповъ, ни гробокопателей и могильщиковъ для погребенія чумныхъ.

Скоро и Еропкинъ, единственный главный начальникъ, управлявшій Москвою въ то время, когда главнокомандующій графъ Салтыковъ со страху покинулъ городъ, остался безъ помощника, которымъ былъ сенаторъ Собакинъ: чума появилась и въ его домѣ, который поэтому и былъ запертъ. Тогда императрица въ помощь Еропкину прислала изъ Петербурга сенатора Похвиснева.

«Въ какомъ плачевномъ состояніи—говоритъ Бантышъ-Каменскій—находилась въ то время древняя россійская столица! Опустѣвшіе домы, мертвые трупы, по улицамъ валявшіеся; печальные жители, въ видѣ блѣдныхъ тѣней, вдоль и поперегъ города ища и не находя нигдѣ себѣ спасенія, бродившіе; унылые звуки колоколовъ, отчаянія матерей, жалкіе вопли невинныхъ младенцевъ—вотъ несчастная картина того града, въ коемъ не задолго передъ тѣмъ раздавались радостные клики счастливыхъ обитателей».

Въ ночь на 16-е сентября въ Москвѣ вспыхнулъ бунтъ.

Россія не первый разъ переживала подобные бунты, вызывавшіеся какимъ-нибудь общественнымъ бѣдствіемъ, которое доводило народъ до отчаянія, до потери гражданской сдержки и благоразумія. Пожары, голодъ, моръ—вотъ тѣ общественныя бѣдствія, которыя доводятъ народъ до отчаянія и, затѣмъ, не рѣдко, до проявленія необузданнаго, безумнаго звѣрства. Такъ было въ древней Руси, такъ было и въ новой. Бунты вспыхивали въ Великомъ Новгородѣ, въ Псковѣ, въ Москвѣ, и почти охватывали цѣлыя области. Во время общественнаго бѣдствія, когда люди ни откуда не видятъ спасенія, отчаяніе заставляетъ ихъ искать причины бѣдствія въ какомъ-нибудь злоумышленіи, и чернь, по какимъ-нибудь пустымъ подозрѣніямъ, старается отыскивать виновниковъ своего бѣдствія, «лихихъ людей»—и всегда, какъ ей кажется, на-

ходитъ ихъ, особенно при помощи разныхъ толкователей, такихъ-же, какъ и она сама, довѣрчивыхъ и суевѣрныхъ. На этихъ-то «лихихъ людей» и обрушивается вся накопившаяся въ народѣ горечь и злоба. Такъ, еще въ 1024 году, когда въ Суздальской области стоялъ голодъ и народъ дошелъ до отчаянія, «возстали— говоритъ лѣтописецъ—волхвы лживые въ Суздали и начали избивать старую чадь бабы, сказывая народу, будто старухи держатъ гобино и жито и попускаютъ на землю голодъ», такой страшный голодъ, что мужья отдаютъ своихъ женъ въ рабство, чтобъ только кормили ихъ. Съ трудомъ Ярославъ усмирилъ этотъ страшный мятежъ. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ, также во время голода, вспыхнулъ еще болѣе страшный мятежъ на Волгѣ, около Ярославля. Кудесники опять указывали на «лихихъ бабъ», посылающихъ на землю голодъ—и народъ самъ выводилъ къ кудесникамъ своихъ женъ, дочерей, матерей, и несчастныхъ бабъ тутъ-же избивали. Такіе-же мятежи были и послѣ. Во время пожаровъ народъ всегда ищетъ поджигателей и, заподозрѣвъ кого-либо, начинаетъ избіеніе этихъ мнимыхъ лихихъ людей. Во время эпидеміи народъ всегда ищетъ отравителей, которые будто-бы бросаютъ отраву въ воду, въ колодцы, въ рѣки, въ самый воздухъ, и большею частью за неимѣніемъ отравителей опрокидываетъ свое отчаянное изступленіе на лекарей, на властей и т. д. Такіе бунты были—въ Севастополѣ, во время чумы 1829—30 года, когда взбунтовавшіяся женщины, а за ними и мужья ихъ, взяли приступомъ городъ, растерзали губернатора и многихъ изъ властей города и владѣли Севастополемъ, какъ побѣдители, нѣсколько дней, — и въ Петербургѣ, въ холеру 1848 года, когда только неустрашимость императора Николая Павловича спасла столицу отъ дальнѣйшаго распространенія народнаго мятежа.

Въ данномъ случаѣ, во время чумнаго бунта въ Москвѣ, простой народъ видѣлъ лихихъ людей—прежде всего въ архіепископѣ Амвросіѣ, потомъ въ докторахъ и затѣмъ уже во всѣхъ властяхъ города.

Ненависть черни къ Амвросію проистекала изъ разныхъ причинъ. Отчасти онъ не пользовался популярностью потому, что москвичи считали его нерусскимъ, иноземцемъ по происхожденію.

Предки его были молдаванскіе дворяне, а мать малороссіянка. До поступленія въ монашество онъ носилъ фамилію Зертышъ-Каменскаго, которая была въ родствѣ съ фамиліею Бантышъ-Каменскихъ. Извѣстно, что малороссійское или кіевское духовенство со времени Петра, да еще и раньше его, пріобрѣло значительную власть въ Великой Россіи, такъ что высшія духовныя лица въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка почти всѣ были изъ малороссіянъ, т. е. изъ кіевскихъ ученыхъ, начиная отъ Симеона Полоцкаго, Феофана Прокоповича и кончая Амвросіемъ Зертышъ-Каменскимъ. Старорусская, особливо московская партія, не любила ихъ отчасти какъ иноземцевъ, отчасти-же какъ новаторовъ, склонныхъ будто-бы къ латинской ереси. Ненависть къ кіевскимъ духовнымъ особенно поддерживали въ народѣ раскольники, которые и святителя Димитрія Ростовскаго, родомъ тоже изъ малороссійской фамиліи Туптало, считали еретикомъ, табачникомъ, латинцемъ. Затѣмъ, ненависть къ Амвросію усилилась еще болѣе, когда чувство это стали разжигать въ народѣ сами-же московскія духовныя власти, не любившія своего архіепископа уже за то, что онъ былъ малороссіянинъ и строгій блюститель духовнаго, а не внѣшняго приличія церкви и духовенства, а потомъ окончательно возненавидѣвшія его, когда онъ отмѣнилъ и строго воспретилъ старинный русскій обычай церковнаго наемничества, обычай, крѣпко державшійся еще въ древнемъ Новгородѣ и Псковѣ. Въ Москвѣ обычай этотъ состоялъ въ томъ, что находившіеся въ этомъ городѣ священники безмѣстные, къ какой-бы епархіи они ни принадлежали, каждое утро собирались на Лобное мѣсто, какъ на базаръ, и тамъ у Спаскихъ воротъ дожидались, чтобы кто-нибудь нанялъ ихъ на этотъ день служить обѣдню, отправлять панихиду, пѣть молебенъ и т. д. Затѣмъ, когда священники, во время чумы, почти каждый день затѣвали церковные ходы и, способствуя тѣмъ постоянному скопленію народа въ церквахъ, на площадяхъ и на улицахъ, невольно помогали заразѣ вмѣстѣ съ зараженными переходить изъ одного конца города въ другой, Амвросій запретилъ и эти сборища священниковъ и прихожанъ. Священники лишались чрезъ это доходовъ, а прихожане—какъ имъ казалось—духовнаго утѣшенія—и вотъ причина новой ненависти.

«Праздность — говоритъ жизнеописатель Амвросія (Бантышъ-Каменскій)—корыстолюбіе и проклятое суевѣріе прибѣгло къ другому вымыслу. Въ началѣ сентября, попъ Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишкахъ, вздумалъ разглашать о видѣнномъ будто во снѣ однимъ фабричнымъ чудесномъ явленіи».

Дѣйствительно, фабричный разсказывалъ, что онъ видѣлъ во снѣ Богородицу, которая будто-бы повѣдала ему, что такъ-какъ находящемуся у Варварскихъ воротъ образу ея никто не пѣлъ вотъ уже болѣе 30 лѣтъ, ни свѣчи не поставилъ, то Христосъ будто бы хотѣлъ за это послать на Москву каменный дождь, но что она, Богородица умолила сжалиться надъ Москвою и послать на нее трехмѣсячный моръ. «Изрядная скука!» прибавляетъ Бантышъ-Каменскій.

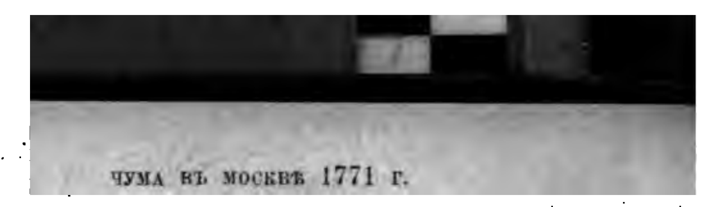
Какъ-бы то ни было, но фабричный помѣстился у Варварскихъ воротъ, разсказывалъ народу свой чудесный сонъ, и толпы суевѣрной черни пошли къ нему со всей Москвы, какъ, повидимому, ни была она опустошена чумою.

— Порадѣйте, православные, Богоматери на всемірную свѣчу кричалъ фабричный, разжигая этимъ крикомъ народныя страсти и безъ того распалившіяся продолжительнымъ терпѣніемъ страшнаго бѣдствія.

Все повалило къ Варварскимъ воротамъ—больные и здоровые, женщины и дѣти. Священники побросали свои приходы, разставили у воротъ налои—и пошло молебствіе отъ ранняго утра до поздней ночи. Это было торжище, а не богомоліе, поясняетъ жизнеописатель Амвросія.

Такъ какъ икона помѣщалась высоко, подъ воротами, то, чтобъ ставить ей свѣчи, народъ подмостилъ въ воротахъ лѣстницу и совершенно загородилъ проходъ и проѣздъ.

Амвросій, чтобъ положить конецъ этимъ соблазнамъ, думалъ было сначала снять икону съ воротъ и перенести ее въ ближайшую церковь Киръ-Іоанна, а собранныя отъ приношенія деньги, которыхъ накопилась не малая сумма въ поставленномъ тамъ сундукѣ, отдать на богоугодное дѣло или же внести въ кассу воспитательнаго дома, въ которомъ Амвросій считался опекуномъ. Но, не рѣшаясь самолично на эту мѣру, архіепископъ посовѣтывался

прежде всего съ Еропкинымъ. Еропкинъ находилъ не безопаснымъ брать икону въ такое смутное время, а полагалъ возможнымъ только одно—перенести собранныя деньги куда-нибудь въ безопасное отъ расхищенія мѣсто, и для этого запечатать сундукъ.

Для приведенія въ исполненіе этого плана, къ Варварскимъ воротамъ былъ посланъ небольшой отрядъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ, два подъячихъ съ конторскою печатью и—тотъ именно священникъ, который и былъ причиною мнимаго чуда—онъ-то и настроилъ фабричнаго разсказывать о видѣніи.

Говорятъ, что этотъ священникъ, бывшій въ день бунта въ консисторіи для дачи показаній относительно всего происходящаго у Варварскихъ воротъ, раньше предувѣдомилъ плацъ-майора, находившагося у этихъ воротъ, о томъ, что начальство хочетъ взять у иконы деньги, и предложилъ ему не допускать команду до сундука. Плацъ-майоръ тотчасъ-же приложилъ къ сундуку свою собственную печать и сталъ ожидать военную команду съ консисторскими подъячими. Между тѣмъ, при помощи этого-же майора и священника, выдумавшаго чудо, въ народѣ прошелъ слухъ, что вечеромъ архіерей самъ пріѣдетъ брать Богородицу. Бывшіе у Варварскихъ воротъ кузнецы тотчасъ-же вооружились чѣмъ попало на защиту Богородицы.

Вечеромъ явилась, наконецъ, и команда съ подъячими. Одинъ изъ подъячихъ подошелъ къ сундуку, чтобъ приложить печать.

— Бейте ихъ! раздался крикъ въ толпѣ — и народъ тотчасъ-же напалъ на команду, которая была избита и перевязана.

— Богородицу грабятъ! кричала толпа. – Богородицу грабятъ!

Ударили набатъ въ ближайшей церкви. Этому набату отвѣчалъ городской набатъ у Спасскихъ воротъ. Набатъ загудѣлъ по всей Москвѣ, и вся Москва, уже и безъ того наэлектризованная страшными сценами чумнаго времени, поднялась на ноги какъ одинъ человѣкъ.

Амвросій, услыхавъ набатъ и общее смятеніе, понялъ, что народъ, выступивъ на защиту Богородицы, тѣмъ самымъ протестуетъ противъ его личныхъ распоряженій, и, боясь народнаго гнѣва, тайно сѣлъ въ карету своего племянника, Бантыша-Каменскаго, также жившаго въ покояхъ Чудова монастыря, и велѣлъ ѣхать къ

своему другу, сенатору Собакину. Но Собакинъ оказался больнымъ или, можетъ быть, слегъ въ постель со страху, и тогда Амвросій приказалъ ѣхать въ Донской монастырь.

Была уже ночь. Москва представляла ужасное зрѣлище. На улицахъ громче всѣхъ раздавался одинъ крикъ:

— Грабятъ Боголюбскую Богородицу!

Вся Москва, казалось, переселилась на улицы, на площади. «Всѣ—говоритъ очевидецъ этого происшествія, ѣхавшій вмѣстѣ съ Амвросіемъ въ эту ночь—всѣ были даже до ребятъ вооруженны! Всѣ, какъ сумасшедшіе, въ чемъ стояли—бѣжали, куда ихъ стремленіе къ буйству и грабительству влекло».

Мятежники ворвались въ Чудовъ. «Все—говоритъ тотъ-же очевидецъ—что ни встрѣчалось ихъ глазамъ, похищаемо, раззоряемо и до основанія истребляемо было. Верхнія и нижнія архіерейскія кельи, экономическія, консисторскія и всѣ монашескія, также казенная палата, со всѣмъ что въ ней ни было, разграблены; окны, двери, печи и всѣ мебели разбиты и разломаны; библіотека, картины, образа, портреты, даже и въ самой домовой архіерейской церкви съ престола одѣяніе, сосуды, утварь и самой антиминсъ въ лоскутки изорваны и ногами потоптаны были отъ такого народа, который, по усердію будто, за икону вооружился».

Тамъ, въ монастырѣ, разъяренная толпа напала на брата архіепископа Амвросія, архимандрита Воскресенскаго монастыря Никона. Несчастный монахъ отъ ужаса помѣшался, и черезъ четырнадцать дней умеръ.

Толпа все рыскала по монастырю, разыскивая Амвросія: но его искали напрасно.

«Наконецъ—продолжаетъ очевидецъ—какое открылось зрѣлище! Когда разбиты были чудовскіе погреба, въ наемъ Птицыну и другимъ купцамъ отдаваемые, съ французскою водкою, разными винами и английскимъ пивомъ, не только мущины, но и женщины приходили туда пить и грабить.

«А между тѣмъ помощи ни откуда нѣтъ. Гдѣ тогда были полицейскіе офицеры съ командами ихъ? (восклицаетъ очевидецъ). Гдѣ находился полкъ Великолуцкой, для защищенія Москвы назначенный? Гдѣ, напослѣдокъ, градодержатели? Заключить можешь

(пишетъ очевидецъ своему другу), что городъ оставленъ былъ и брошенъ безъ всякаго призрѣнія».

Одинъ изъ оставшихся еще въ Москвѣ начальниковъ, Ѳедоръ Ивановичъ Мамоновъ, желая унять волненіе, прискакалъ на мѣсто бунта, и когда потребовалъ у караульнаго офицера въ помощь себѣ солдатъ, офицеръ не рѣшился дать ему команду, не имѣя на то приказанія. Мамоновъ самъ явился въ монастырь съ своими людьми. Но толпа тотчасъ набросилась на него. Мамоновъ долго защищался отъ напирающей на него массы, но въ него бросали каменьями, проломили ему голову, и несчастный едва успѣлъ спастись отъ смерти бѣгствомъ.

Видя неизбѣжную гибель, Амвросій на-утро послалъ къ Еропкину просить пропускного билета за городъ, думая спастись въ одномъ изъ загородныхъ монастырей. Но вмѣсто билета Еропкинъ прислалъ, для охраны особы архіепископа, одного изъ офицеровъ конной гвардіи, который и долженъ былъ проводить преосвященнаго за городъ. Офицеръ просилъ архіепископа переодѣться въ простое платье, а самъ поспѣшилъ впередъ, чтобъ, не давая подозрѣнія народу, выждать преосвященнаго у конца сада князя Трубецкаго. Но пока закладывали простую кибитку для владыки, пока онъ одѣвался, толпа явилась въ Донской.

Спасенья искать было не откуда.

Еще издали несчастный старикъ услыхалъ шумъ, крикъ, пальбу. Толпа ломилась уже въ ворота. Ворота были выломаны. На монастырскомъ дворѣ стояла кибитка, ждавшая преосвященнаго. Но прятаться было уже некуда.

Амвросій, предчувствуя свою гибель, отдалъ свои часы и деньги племяннику своему, Бантышу-Каменскому, все время находившемуся при немъ, и совѣтывалъ ему искать спасенья.

— Возьми часы сіи и деньги—они спасутъ тебя, сказалъ онъ Бантышу (старый архіепископъ очень хорошо зналъ народныя страсти!).

Потомъ, надѣвъ простое монашеское платье, архіепископъ отправился въ церковь, гдѣ въ то время шла уже литургія.

«Злодѣи—говоритъ Бантышъ-Каменскій—еще въ Чудовѣ знали, по единогласному отъ всѣхъ признанію, что владыка со мною и

въ моей каретѣ уѣхалъ. Тутъ они ее на монастырѣ увидѣли. Повѣришь-ли, любезный другъ, что одинъ изъ подъячихъ нашей канцеляріи (коллегіи иностранныхъ дѣлъ архива) вмѣстѣ съ ними находился и объявилъ о моей каретѣ. Кучеръ и лакей мой смертельно биты были, чтобъ объ архіереѣ и обо мнѣ объявили; наконецъ, злодѣи свѣдали, что архіерей скрылся въ церкви, а я въ банѣ, ибо мой малой, оставя меня тутъ, самъ ушелъ и попался къ нимъ въ руки; а притомъ въ то время сидѣли въ банѣ двое монастырскихъ слугъ, кои и топили оную. Между тѣмъ какъ изверги ворвались въ алтарь и искали тамъ владыку, одна изъ нихъ шайка нашла меня въ банѣ. Боже мой! въ какомъ былъ я тогда отчаяніи жизни моей! Поднятые на меня смертные удары отражены были часами, табакеркою и двумя имперіалами дяди моего, тогда при мнѣ находившимися».

Другія толпы, разсѣявшись между тѣмъ по монастырю, вездѣ искали архіерея. Одна шайка ворвалась въ церковь, съ дрекольемъ и оружіемъ, въ томъ видѣ, въ какомъ мятежники рыскали по городу; но, увидѣвъ, что идетъ служба, бунтовщики остановились, боясь нарушить богослуженіе.

«Преосвященный — по словамъ его жизнеописателя — увидѣвъ изъ алтаря, что народъ съ орудіемъ и дрекольями вошелъ въ церковь, приблизился къ престолу Божію, преклонилъ колѣна предъ онымъ и, воздѣвъ къ жертвеннику руки свои, со слезами произнесъ сію молитву: «Господи! остави имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ, не введи ихъ въ напасть, но отврати стремленіе ихъ, и яко же смертію Іовы укротилось волненіе моря, тако смертію моею да укротится нынѣ волненіе сего свирѣпѣющаго народа».

Затѣмъ онъ исповѣдался, пріобщился св. таинъ и скрылся на хорахъ позади иконостаса.

Не дождавшись, однако, конца обѣдни, бунтовщики вломились въ алтарь и стали искать свою жертву. Второпяхъ они все перешарили, ни передъ чѣмъ не останавливались—опрокинули престолъ, полагая, не тамъ-ли спрятался архіепископъ.

Увидѣвъ замокъ у двери, ведущей на хоры, они отбили замокъ и стали тамъ искать владыку. Только его и тамъ не находили.

Въ это время какой-то мальчикъ, примѣтивъ вверху хоръ полу платья несчастнаго старика, закричалъ:

— Сюда! сюда! архіерей на хорахъ!

Толпа радостно закричала — жертва ихъ была найдена: было надъ кѣмъ излить долго копившуюся въ нихъ злобу.

«Овцы» — говоритъ жизнеописатель страдальца — вытащили своего «пастыря» изъ храма. Кто-то хотѣлъ убить его еще въ церкви; другіе порывались убить на паперти; но толпа помнила, что это будетъ оскверненіе храма — и не дозволила убивать несчастнаго въ священномъ убѣжищѣ.

Его вывели въ заднія ворота монастыря, къ рогаткѣ.

— Зачѣмъ ты хотѣлъ снять икону Божьей Матери съ Варварскихъ воротъ? спрашивали его одни.

— Зачѣмъ не ходилъ съ попами въ ходахъ и молебствіяхъ? спрашивали другіе.

— Для чего велѣлъ запечатать бани, учредилъ карантины, запретилъ хоронить мертвыхъ при церквахъ? спрашивали третьи.

Онъ на все отвѣчалъ. Онъ говорилъ при этомъ, что не своей волей дѣлалъ распоряженія, о которыхъ его спрашиваютъ, но что на это была воля правительства. Онъ говорилъ кротко, съ убѣжденіемъ. Толпа было присмирѣла. Слова старика тронули многихъ Иные уже стали раскаиваться въ своемъ необдуманномъ порывѣ, въ своихъ увлеченіяхъ, въ звѣрскомъ грабежѣ монастыря.

Но въ это время дворовый человѣкъ Раевскаго, Василій Андреевъ, выбѣжавъ изъ кабака, кинулся на архіерея съ коломъ въ рукахъ.

— Чего глядите на него! закричалъ онъ.—Развѣ не знаете, что онъ колдунъ и морочитъ васъ.

И онъ коломъ ударилъ архіепископа въ лѣвую щеку. Достаточно было одного крика, достаточно было слова «колдунъ», достаточно наконецъ было удара, чтобъ у разгоряченнаго всѣми этими событіями и обезумѣвшаго отъ страсти и вина народа проснулась вся его необузданность. Кровь всегда вызываетъ жестокость.

Всѣ бросились на беззащитнаго старика. Онъ былъ мучительски убитъ.

«Избитое и обагренное кровію тѣло новаго сего московскаго мученика лежало на распутіи день и ночь цѣлую»—говоритъ жизнеописатель Амвросія.

Для полноты картины мы не можемъ не привести здѣсь современаго описанія этого бунта и убіенія московскаго архіепископа, описанія, принадлежащаго перу очевидца этого событія, катехизатора (профессора богословія) въ московскомъ университетѣ, протоіерея Петра Алексѣева, и составленное чрезъ нѣсколько дней послѣ бунта, еще подъ свѣжими впечатлѣніями этой памятной для Москвы чумной трагедіи.

«При всей жестокости моровыя язвы, здѣсь распространившейся сильно, въ царствующемъ семъ градѣ грѣхъ ради нашихъ открылося преужасное и слезамъ дойстойное кровопролитное позорище, сего мѣсяца 15 числа, то есть съ четвертка на пятокъ, бунтомъ отъ злой черни, отъ фабричныхъ, холопей, купцовъ, отставныхъ солдатъ и другихъ разночинцевъ учиненнымъ. Въ 2-мъ часу пополудни, когда пришли отъ архіерея московскаго посланные къ Варварскимъ воротамъ для счета денегъ, собранныхъ при образѣ Пресвятыя Богородицы Боголюбскія, что надъ вратами, и для запечатанія оныхъ консисторскою печатію, канцеляристъ консисторской и семь человѣкъ солдатъ, данныхъ на то отъ г. Еропкина; и какъ подъячій снялъ печать купцову отъ сундука съ деньгами, то и здѣлался нелѣпый крикъ отъ народа, нарокомъ туда заранѣе собравшагося и ожидавшаго уже не только присыльныхъ отъ архіерея, но и самаго архіерея. Потомъ били подъячаго и солдатъ, и ихъ перевязали, изъ коихъ иные и померли. Между тѣмъ бунтовщики послали своихъ на колокольню церкви Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишкахъ, и ударили въ набатъ, также и на другихъ окрестныхъ церквей колокольняхъ, отчего пошла тревога въ всемъ городѣ. По набату, особливо городскому, и трещеткамъ, на то по тайнымъ давно учиненнымъ отъ бунтовщиковъ повѣсткамъ, сбѣжалося безчисленное множество черни съ топорами, кольями, камнями, кистенями и другими разбойническими орудіями, и пошли нарядныъ дѣломъ къ Чудову монастырю съ великимъ азартомъ, грозя убить архіерея и какихъ-то трехъ енараловъ»

Изъ этого свидѣтельства видно, что бунтъ готовился заранѣе, что бунтовщики «по повѣсткамъ» приготовляли, кого слѣдовало, о готовящемся волненіи и что народъ,—конечно, тѣ, которые были посвящены въ это дѣло,—собрался къ Варварскимъ воротамъ, какъ говорится въ описаніи Алексѣева, «нарокомъ», т. е. съ обдуманнымъ уже планомъ, чтобъ убить архіерея.

Отъ Варварскихъ воротъ, какъ мы уже видѣли, толпа бросилась къ Чудову монастырю.

«Туда прибѣжавъ въ 10-мъ часу, выломили вороты, что противъ Ивановской колокольни, и прямо въ келіи архіерейскія вломившиеся, искали преосвященнаго, который, узнавши по начавшемуся набату, что тамъ мятежъ, куда отъ него люди посланы, уѣхалъ вонъ изъ монастыря съ племянникомъ Николаемъ Н. (Бантышъ-Каменскій) въ кибиткѣ; а какъ не нашедъ архіерея, застали только брата его, воскресенскаго архимандрита, коего били и допросилися, что архіерей поѣхалъ въ Донской монастырь, а оттуда хотѣлъ де уѣхать въ Воскресенской. Тогда мятежники отрядъ послали для сыску его. Другіе-же пошли для распущенія людей изъ карантиновъ, коихъ и распустили. Оставшіе-же злодѣи грабили монастырь безъ пощады, особливо въ келіяхъ архіерейскихъ растащили что кому попалося, и продолжали оное грабительство цѣлыя сутки въ виду дрожащаго народа, не малымъ числомъ на позоръ сей сбѣжавшагося въ Кремль, съ великимъ буянствомъ, нося оттуда книги, деньги, платье, картины, посуду всякаго рода, постели, въ томъ числѣ и вѣнцы съ образовъ, сосуды священные, панагіи, пелены и прочее. И никто изъ градоначальниковъ не смѣлъ имъ препятствовать».

Такъ, по свидѣтельству катехизатора Алексѣева, кончилась ночь. Власти не приготовились къ нечаянному нападенію бунтовщиковъ на монастыри, и потому не смѣли ничего предпринять. Еропкинъ даже не показывался совсѣмъ въ эту ночь къ народу. А цѣль народа, какъ видно изъ этого описанія, была—не только убійство архіерея, но и распущеніе карантиновъ—ясно, что были причины неудовольствія на карантинные порядки, потому что, какъ мы видѣли выше, всякій, попавшій въ карантинъ, считалъ уже себя окончательно ограбленнымъ, ибо если и не умиралъ

тамъ, то, возвращаясь домой, ничего не находилъ уже изъ своего имущества.

Наступило 16-е число. Власти и за ночь ни къ чему не приготовились.

«Послѣ обѣдни—продолжаетъ от. Алексѣевъ—по усердію своему пріѣхалъ верхомъ съ двумя лакеями верховыми Ѳедоръ Ивановичъ Мамоновъ къ Чудову монастырю съ заднихъ воротъ (чему я былъ очевидецъ) и, оставя съ лошадьми одного лакея, съ другимъ пошелъ въ монастырь и, побывши тамъ минутъ съ 5, опрометью выбѣжалъ изъ воротъ, а въ него метали изъ монастыря камни и полѣны. Онъ сперва оборонялся пистолетами, а потомъ шпагою; но, увидя превосходную силу, побѣжалъ къ Никольскимъ воротамъ, и его били въ догонку чѣмъ попало, однако еще съ ногъ не свалили, покамѣсть одинъ бунтовщикъ не ударилъ его большимъ камнемъ по головѣ, отъ котораго удару Мамоновъ упалъ на землю, и тутъ лежащаго нѣсколько поколотили же. А люди, подхватя полумертваго господина, на рукахъ отнесли за Никольскія ворота къ гауптвахтѣ, который, сказывали, отъ тѣхъ побой на другой день и умеръ. А 20-го числа я услышалъ, что онъ еще живъ».

Затѣмъ у Алексѣева слѣдуетъ мастерское описаніе послѣдующихъ дѣлъ и убіенія архіепископа.

«Того же дня во время литургіи отдѣленные бунтовщики, пришедъ къ Донскому монастырю, видно что по подвоху, взошли во оной и напали, выломавъ двери южныя алтарныя, на служащаго діакона, и, бивъ, его спрашивали: «гдѣ архіерей», и казначея больно же били: «какъ тебѣ де не знать, гдѣ архіерей спрятался, у тебя ключи отъ церкви». Онъ показалъ на племянника архіепископа, въ банѣ скрывшагося, что не знаетъ ли развѣ онъ, который, хотя и побитъ нѣсколько, однако табакерками золотыми и часами ихъ удовольствовалъ и тѣмъ отъ смерти избавился. А преосвященный до входу ихъ въ церковь исповѣдовался и святыхъ тайнъ на литургіи пріобщился, и взошелъ на палати или хоры, что за иконостасомъ въ алтарѣ, на четвертый ярусъ, и за нимъ Епифаній Могилеанскій изъ Кіева, архимандритъ, туда же вбѣжалъ, и тамъ сидѣли. Крамольники, объискивая въ алтарѣ подъ

престоломъ и подъ жертвенникомъ, усмотрѣли дверь у входа на тѣ хоры, запертую замкомъ, и сбивъ оной, побѣжали вверхъ, и ощутя сперва Епифанія, закричали: Здѣсь! здѣсь онъ!» Однако знающіе изъ нихъ оспорили: «это не онъ», и пошли выше на хоры. И одинъ дѣтина лѣтъ 12-ти вдругъ взвизгнулъ: «вотъ онъ здѣсь!» Откуда ругательски его стащили, а какъ свели въ церковь, архіерей и просилъ, чтобъ допустили его приложиться къ образу Пресвятыя Богородицы Донскія, къ чему они и допустили. Потомъ за волосы потащили изъ церкви. Выволокши на паперть, одинъ изъ злой шайки буйной мужикъ ударилъ въ високъ архіерея, но иные изъ нихъ закричали на того: «не бей здѣсь, погоди». А святого владыку допрашивали: «Ты ли послалъ грабить Богородицу? Ты ли не велѣлъ хоронить покойниковъ у церквей? Ты ли присудилъ забирать насъ въ карантины? И кто съ тобой въ этой думѣ за одно»? А все то ведчи сквернословили неподобно ту особу, которая по сану архипастырскому и по разуму рѣдкому заставляла честныхъ людей взирать на себя съ благоговѣинствомъ. Выволокши же изъ монастыря саженъ десять или больше отъ воротъ, возneистовали на святителя Христова и своего отценачальника, били смертельно съ наруганіями близъ двухъ часовъ; убивши же до смерти, отступили мало, скверня языками своими воздухъ; присмотря же, что одна рука правая отмашкою двигнулася, съ чего принялися паки бить кольями по головѣ; отступивши же нѣсколько, увидѣли, что пожался тотъ священный страдалецъ раменами, то и третично били, дондеже одинъ какой-то церковникъ, діавольской церкви слуга, послѣднимъ довершилъ ударомъ, отрубя нѣсколько отъ главы, коя часть надъ глазомъ, коя часть и осталася висящею. И тако священномученикъ Амвросій, архіепископъ московскій, жизнь свою страдальчески скончалъ мѣсяца сентября въ 16 день: безчеловѣчно уранено тѣло его, переломаны кости и измождена глава его несказаннымъ образомъ. Повержены мощи достойно почитаемаго человѣка на пути, обагренномъ кровію, близь будки, что у заднихъ монастырскихъ воротъ, въ жалость приводя всѣхъ мимоходящихъ, кромѣ тѣхъ злодѣевъ, осквернившихъ нечестивыя свои руки убивствомъ архіерея Божія. Однако никто чрезъ два дни не смѣлъ отдать долгу христіанскаго и съ соболѣзнованіемъ

объ немъ выговорить слова явно. Я вчерашняго числа въ томъ монастырѣ служилъ обѣдню по причинѣ отпѣванія г. Стрешнева Петра Ивановича, и удостоился видѣть въ церкви больничной поднятое тѣло преосвященнаго и уже во гробѣ положенное. Архимандритъ донской во время сего случая пролежалъ въ нижней церкви подъ лавкою и не найденъ тогда, а только что въ кельѣ у него растащено много тѣми злодѣями, искавшими архіерея. Ночь на 16 число не можно изобразить, какъ была страшна всему граду, потому что въ набатъ били безпрестанно бунтовщики у многихъ церквей, и въ Чудовѣ монастырѣ и въ городской, а какъ не видно нигдѣ пожару, то не знали сперва обыватели на что подумать: иной говоритъ, что пришли турки, иной сказываетъ, что Богородицу грабятъ, и бѣжали со всѣхъ странъ въ городъ злодѣи съ разбойническимъ оружіемъ, отъ чего всѣ обыватели въ трепетѣ и отчаяніи были. Но тѣмъ не кончилася сія трагедія».

IV.

Сохранилось нѣсколько современныхъ описаній московскаго бунта, убіенія архіепископа Амвросія и усмиренія силою оружія этого волненія. Описанія эти всѣ принадлежатъ очевидцамъ и въ главнѣйшихъ фактахъ совершенно сходствуютъ между собою, хотя нѣсколько разнятся въ мелкихъ подробностяхъ.

Кромѣ современнаго свидѣтельства от. Алексѣева, сейчасъ нами приведеннаго, другія современныя свидѣтельства о томъ-же предметѣ принадлежатъ: одно—офицеру лейбъ-гвардіи Саблукову, участвовавшему въ усмиреніи бунта, другое—упоминаемому уже нами племяннику убіеннаго Амвросія, Бантышу-Каменскому, третье — настоятелю одного изъ московскихъ монастырей.

Всѣ эти четыре описанія имѣютъ свои достоинства, какъ показанія очевидцевъ и современниковъ.

Саблуковъ, вмѣстѣ съ другими офицерами лейбъ-гвардіи, былъ присланъ императрицею изъ Петербурга въ Москву въ началѣ

августа, когда чума особенно сильно свирѣпствовала въ этомъ городѣ и грозила перебраться въ Петербургъ. Дѣло было такой важности, что гвардейскимъ офицерамъ велѣно было выѣхать изъ Петербурга въ три часа и слѣдовать въ Москву съ «крайнимъ поспѣшеніемъ». Всѣмъ имъ приказано было давать на станціяхъ по пяти подводъ.

Саблуковъ, находясь въ Москвѣ въ числѣ частныхъ смотрителей, переписывался съ отцомъ, и вотъ, между прочимъ, что онъ пишетъ отцу 19 сентября, т. е. чрезъ два дня послѣ усмиренія бунта «о московскихъ обстоятельствахъ»:

«Онѣ состоятъ въ томъ: дней десять назадъ какъ стало здѣсь извѣстно, что явился на Варварскихъ воротахъ образъ Боголюбской Богородицы, гдѣ и сдѣлалось великое богомолье и великая тѣснота и сборъ деньгами; а какъ болѣзнь отъ прикосновенія весьма прилипчива, то покойной здѣшній преосвященный и разсудилъ въ этомъ случаѣ сдѣлать нѣкоторое распоряженіе, а притомъ, чтобъ не была раскрадена, и казну велѣлъ запечатать, и какъ скоро для сего только прислано было 15 числа около вечера, то бывшая тутъ чернь, не повинуясь сему, тотчасъ взбунтовала и ударила въ набатъ. И какъ собралось множество черни, и побивъ сію присланную команду, пошли ночью на 16 число, разломавъ желѣзныя ворота, въ Чудовъ монастырь, дабы тамъ найти и убить архіерея, который уже тогда потаеннымъ образомъ и въ сѣромъ кафтанѣ ушелъ въ Донской монастырь. То она въ удовольствіи нашла, чтобъ разграбить, переломать все въ покояхъ, гдѣ онъ жилъ, также и въ домашней его церкви, ободравъ евангеліе, престолъ и ризы, и сосуды, и случившіяся тамъ деньги, покровъ, пошли 16 числа, около обѣда, человѣкъ съ 200 сихъ бунтовщиковъ, въ Донской монастырь, гдѣ и нашли преосвященнаго и, вытащивъ его изъ алтаря на поле, убили его каменьемъ и дубьемъ до смерти. А въ тожъ время случившаяся въ Кремлѣ чернь разломала въ Чудовѣ монастырѣ купеческіе погреба съ винами, стали пьянствовать, и Кремль былъ такъ страшенъ отъ сихъ пьяныхъ бунтовщиковъ, что они всѣхъ входящихъ туда солдатъ побивали каменьями».

Бантышъ-Каменскій также оставилъ намъ описаніе московскаго бунта въ письмахъ къ другу.

21 октября онъ пишетъ слѣдующее: «Любезный другъ! Требуешь, чтобъ тебѣ обстоятельно я увѣдомилъ о таковомъ дѣлѣ, которымъ растравить должно мои раны и подвигнуть всю внутреннюю. Внемли. Давно уже писалъ я къ тебѣ, что по причинѣ усилившейся здѣсь болѣзни, всѣ не токмо не привязанные къ дѣлу бояра, но и тѣ, коимъ поручено правленіе города, разъѣхались по деревнямъ; на дворахъ остались одни холопы, и тѣ голодные. Раскольники и чернь негодовали на учрежденіе карантинныхъ домовъ, запечатаніе бань, непогребеніе мертвыхъ при церквахъ и на прочія коммисіею учрежденныя распоряженія. Попы не столько для святости, сколько для корысти, учредили по приходамъ, безъ дозволенія на то пастырскаго, ежедневные крестные ходы; народъ отъ сихъ ходовъ и пуще заражался, ибо мѣшались тутъ и больные и зараженные съ здоровыми. Попы, увидя напослѣдокъ, что отъ ходовъ сами зачали умирать, какъ имъ отъ архіерея предсказываемо было, бросили хожденіе. Что-жъ!.. Праздность, корыстолюбіе и проклятое суевѣріе прибѣгло къ другому вымыслу. Въ началѣ сентября попъ у Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишкахъ, выдумалъ чудо съ помощью фабричнаго. На Варварскихъ воротахъ древній былъ большой образъ Боголюбскія Богоматери. Вдругъ начались тутъ молебны и всенощныя: чудо выдумано такое, которое ни съ величествомъ божіимъ, ни съ вѣрою, ниже съ разумомъ не согласно: будто фабричный пересказывалъ попу, что видѣлъ онъ во снѣ Богоматерь, вѣщающую къ нему такъ: что понеже 30 лѣтъ прошло какъ у ея на Варварскихъ воротахъ образа не токмо никто не пѣлъ николи молебна, ниже поставлена была свѣча, то за сіе Христосъ хотѣлъ послать на городъ Москву каменный дождь, но она упросила, дабы трехъ-мѣсячный былъ моръ. Изрядная скука. Не токмо чернь, но и купечество, а особливо женскій полъ слушаи таковые разсказы фабричнаго, присѣдящаго у Варварскихъ воротъ и собирающаго деньги съ провозглашеніемъ: «порадѣйте, православные, Богоматери на всемірную свѣчу», — взапуски старался изъявить свою набожность. Мерзкіе козлы (и попами ихъ грѣхъ назвать!), оставивъ свои приходы и церковныя требы, собирались тутъ съ налоями, дѣлая торжище, а не богомолье. Дошло сіе до ушей покойнаго владыки, который по причинѣ оказавшейся

въ Чудовѣ заразы, высылая больныхъ, взаперти сидѣлъ. Онъ почиталъ за долгъ, и регламентомъ и монаршими указами подписанный, достигнуть и пресѣчь сіе позорище. Первое его по сему дѣлу было намѣреніе удалить оттуда поповъ, и икону перевести (ибо въ воротахъ ни прóходу, ни проѣзду не было по причинѣ приставленной лѣстницы) во вновь построенную съ величествомъ тутъ же у Вознесенскихъ воротъ Кира и Іоанна церковь, и собранныя тамъ деньги употребить на богоугодныя дѣла, а всего ближе отдать въ воспитательный домъ, въ коемъ онъ опекуномъ былъ. Требованные въ консисторію попы не только отрекались идти, но и еще угрожали присланнымъ побитіемъ ихъ каменьями. Между тѣмъ язва такъ усилилась въ градѣ, что по 900 слишкомъ умирало; а какъ по предписанію докторскому запрещено было прикосновеніе и тѣсныя между народомъ всякія сборища, то и не могъ обойтись преосвященный, чтобы о способахъ къ прекращенію у Варварскихъ воротъ народнаго сходбища не посовѣтоваться съ господиномъ Еропкинымъ, который одинъ только въ городѣ и былъ начальникъ. Страхъ, дабы не обратить на себя простолюдиновъ, произвелъ у нихъ таковое по сему дѣлу рѣшеніе, чтобъ оставить до времени перенесеніе иконы; а дабы собираемыя у Варварскихъ воротъ деньги чрезъ фабричныхъ не могли быть расхищены, то приложить къ ящикамъ консисторскую печать; для безопаснѣйшаго же исполненія сего дѣла обѣщалъ господинъ Еропкинъ прислать отъ себя нѣсколько солдатъ Великолуцкаго полка. 15 числа сентября, въ 5 часовъ по полудни, пришла въ Чудовъ рѣченная команда, изъ шести солдатъ и одного унтеръ-офицера состоящая».

Далѣе слѣдуетъ извѣстное уже намъ описаніе самаго бунта.

Что касается четвертаго изъ названныхъ нами описаній, то оно нѣсколько отличается отъ прочихъ трехъ.

«Сказывалъ намъ—говоритъ это описаніе—отецъ архимандритъ донской: покойный преосвященный на 16 число въ 7 часу прибѣжалъ къ нему и писалъ къ Еропкину дать билетъ, чтобъ ему бѣжать въ Воскресенскій монастырь. Той прислалъ къ нему офицера проводить его до заставы, и сказывалъ офицеръ, что Чудовъ разграбленъ. Вотъ преосвященный оробѣлъ и не поѣхалъ далѣе.

говорилъ: «тутъ-де меня гдѣ-нибудь скройте,—може-де у нихъ всѣ дороги захвачены карауломъ». Поутру, снявъ съ себя панагію, отдалъ отцу архимандриту, и, снявъ свое платье, одѣлся въ простое монашеское, выисповѣдался, пошелъ къ обѣднѣ, а во время канотика сказано, что злодѣи монастырь окружили и врата монастырскія ломаютъ. Тутъ заразъ причастился св. таинъ и побѣжалъ на перила съ архимандритомъ кіевскимъ Епифаніемъ, и заперли ихъ тамъ; но вскоча тѣ злодѣи въ церковь и въ алтарь, били ризничаго, который и номре послѣ, и спрашивали, гдѣ преосвященный. Подъ жертвенникомъ и вездѣ искали; потомъ, сбивъ отъ перилъ замокъ и пошедъ тамъ сыскали его; а архимандрита не было. Донской архимандритъ въ нижней церкви скрылся въ алтарѣ, и тамъ сохранился. Въ келіи архимандрита донского пограбили серебряныя ложки, чарки, часы и проч. Въ Чудовѣ у одного купца, прозываемаго Птицына, погребъ съ напитками разбили на 10 тысячъ рублевъ; просилъ графа о милости и сказано: «развѣ послѣ, а нынѣ не до васъ мнѣ». Онъ бѣдный много отъ нихъ откупался въ пятокъ днемъ: единой партіи дастъ денегъ, тѣ и отступятъ, а другіе не получившіе приступятъ; и какъ напились злодѣи и изъ другихъ погребовъ, то и его разбили. Штофъ пѣнной водки по 10 к.; аглицкаго пива бутылку по 2 к. продавали. Видно были и раскольники: въ келіяхъ архіерейскихъ картины живописныя порѣзаны, другія части повырѣзаны, глаза выкопаны, а старинныя всѣ побраны. На стѣнѣ написано въ келіяхъ: «*погибе память его съ шумомъ*». Что-то будутъ дѣлать съ Варварскими воротами? Тамъ и нынѣ молебствія происходятъ безпрестанныя и денегъ много собираютъ, караулъ приставленъ. Будемъ ожидать: что-то графъ Григорій Григорьевичъ сдѣлаетъ». Это объ Орловѣ, который въ это время былъ присланъ въ Москву.

Посмотримъ теперь, что дѣлалось 16 и 17 числа, послѣ убіенія Амвросія.

«16 числа, по свидѣтельству Саблукова, П. Д. Еропкинъ, который находился только одинъ изъ господъ въ Москвѣ, приказалъ собрать всѣ военныя команды и нѣсколько пушекъ, дабы сихъ бунтовщиковъ разогнать и усмирить, и послалъ прежде оберъ-коменданта Грузинскаго царевича уговаривать ихъ, чтобы они пере-

стали бунтовать, то они чуть также до смерти каменьями не убили. Того ради П. Д. Еропкинъ и рѣшился, чтобъ не дать время еще болѣе умножиться бунтовщикамъ и не дѣлать болѣе столь дерзостныхъ поступокъ, идти туда и усмирять ихъ вооруженною. И такъ мы пошли въ тотъ день послѣ полдня, въ 5-мъ часу, и, пришедъ въ Кремль, съ Боровицкаго мосту, нашли тамъ еще отъ остальныхъ отъ убѣжавшихъ на Красную площадь бунтовщиковъ, коихъ усмиряли пулями и штыками. А потомъ я былъ командированъ съ пушкой и съ нѣсколькими солдатами въ Спаскіе вороты, дабы ихъ очистить, гдѣ я и нашелъ до нѣсколькихъ сотъ сихъ бунтовщиковъ съ кольями и каменьемъ; они, не увидя меня приближающаго, покусились было войти въ сіи вороты съ оружіемъ, то я, давъ время туда имъ набраться, выстрѣлилъ одинъ разъ изъ пушки картечью и нѣсколькихъ убивъ, остальныхъ тотчасъ разогналъ штыками, и потомъ нѣсколькими выстрѣлами очистилъ отъ сихъ бунтовщиковъ всю Красную площадь, чѣмъ и кончилась наша баталія».

«На 17 число—говоритъ съ своей стороны от. Алексѣевъ – въ память царевны Софіи, любившей такія потѣхи, проклятая чернь паки собралася около Варварскихъ воротъ, и какъ только смерклося, то ударили въ набатъ на колокольняхъ и пошли многочисленнѣе прежняго къ Кремлю съ тѣмъ, чтобы убить Еропкина и другихъ кого-то. Какой крикъ и гамъ поднялся отъ сей нечестивой скотины, что и набатные колокола заглушить не могли!.. Городъ, не оправившись еще отъ прежняго страха, который многихъ и на тотъ свѣтъ отправилъ, подумалъ, что это свѣту представленіе, и хозяева не смѣли изъ покоевъ посмотрѣть, не токмо что изъ двора сойти для какой-нибудь надобности. Г. Еропкинъ, не допустя сію злую сонмищу до Лобнаго мѣста, встрѣтилъ ихъ противъ Голичнаго ряда съ командою военною и съ пушкою и отправилъ, сказываютъ, г. губернатора здѣшняго напередъ ихъ увѣщевать, а пьяная толпа просила выдать руками Еропкина, а если не будетъ выданъ, то грозили страшными бѣдами всему столичному городу и потрясеніемъ раззорительнымъ государству. А какъ увѣщаніе безчувственнымъ людемъ стало тщетно, то велѣно по нихъ стрѣлять холостыми зарядами, изъ пушки пыжомъ,

чѣмъ злодѣи больше разсвирѣпѣвши, вдругъ бросились на солдатъ съ дубьемъ и каменьемъ, и обратили было въ бѣгство команду, и насилу увезена пушка къ Спасскимъ воротамъ помощію примкнутыхъ штыковъ. Но подоспѣвшій на ту пору Великолуцкій полкъ, содержащій здѣсь караулы, котораго большая часть выведена была прежде за 30 верстъ отъ Москвы по причинѣ коснувшейся якобы къ нимъ моровой язвы, подкрѣпилъ команду и приказано уже стрѣлять по мятежникамъ въ правду картечами и пулями, чѣмъ повалили такъ много черни, что считаютъ до тысячи однихъ убитыхъ, да нѣсколько раненыхъ ушли, а до двухъ сотъ наловлено разбойниковъ и святотатцевъ и посажено въ погребахъ кремлевскихъ, а скверныхъ ихъ звонарей отъ набатныхъ колоколовъ никакъ нельзя было оттащить, дондеже солдаты съ колоколенъ на штыкахъ ихъ не снесли, и до такого остервененія дошли, что будучи безоружны и окружены военною командою, пощады не просили».

Съ прибытіемъ Великолуцкаго полка видимо начинаетъ осиливать порядокъ. Но третій взрывъ массы могъ быть еще страшнѣе первыхъ двухъ.

«На 18 число—продолжаетъ тотъ-же очевидецъ—взяты отъ градоначальниковъ приличныя предосторожности, дабы соблюсти градъ въ безмятежіи: у всѣхъ кремлевскихъ воротъ поставлены большіе караулы, и надъ ними гвардейскіе офицеры, индѣ подведены пушки, и никого изъ шатающейся черни въ городъ не пропускаютъ, обывателей-же, созвавши въ съѣзжій дворъ, увѣщевали быть во всякой осторожности и приказы полицейскіе отдали имъ: ежели случится пожаръ, то бы съ каждаго двора бѣжалъ человѣкъ съ чѣмъ ему должно быть на пожарѣ, а другіе-бъ того двора люди съ пустыми руками туда не ходили. Притомъ присматривать людей уязвленныхъ на лицѣ или порубленныхъ, коихъ яко бунтовщиковъ объявлять, поличное, также изъ Чудова унесенное и у кого явившееся, подаетъ причину подозрѣвать на того человѣка въ сообщеніи съ злодѣями. По улицамъ черни не скопляться, въ противномъ-же случаѣ взяты будутъ подъ караулъ. Мнѣ самому слышать удалося уже на осьмое на девять число въ ночи по берегу отъ идущихъ съ дрекольемъ гурьбою людей: «пойдемъ на

Прѣсню къ царевичу—коменданту, онъ за чернь идетъ войною противъ Еропкина». Однако предводителя того не нашли, а все то было вранье; врали злодѣи и больше, да писать страшно».

Что это было за «вранье», о которомъ Алексѣевъ боялся писать—неизвѣстно. Но можно догадываться, о чемъ народъ съ пьяну пробалтывался...

Въ заключеніе своего описанія Алексѣевъ говоритъ: «Описаннымъ здѣсь печальнымъ приключеніямъ какъ не всѣмъ я былъ самовидецъ (о чемъ благодареніе Богу), но по большей части отъ слуха принятыя положилъ на бумагу, то и не увѣряю васъ точно, чтобъ все было описано безъ ошибки, особливо въ разсужденіи числа людей или обстоятельства мѣстъ. Уповательно будетъ впредь манифестъ обнародованъ съ подобающею о всемъ подробностію: тамъ всякъ можетъ читать, такъ какъ исторію о злоумышленномъ семъ бунтѣ, съ тою только отмѣною, что не имѣетъ дѣйствительно чувствовать того несказаннаго страха, какимъ мы объяты были въ то несчастное для Москвы, безчестное для государства, вредительное и преобидное для церкви россійской время».

«P. S. Мнѣ за полчаса времени до начатія бунта случилося ѣхать изъ гостей отъ одного сродника и по дорогѣ заѣхать къ Варварскимъ воротамъ съ женою и съ сыномъ, куда за множествомъ якобы народа насъ не пропустили, и такъ я, вышедъ изъ коляски, подошелъ для посмотрѣнія образа, и засталъ при томъ нѣсколько кучъ народа между собою злосовѣщающихъ. Изъ одной шайки злодѣевъ вышелъ нѣкоторый майоръ, мною незнаемой, но меня знающій: попрося благословенія и назвавши меня по чину, спрашивалъ: «скоро ли будетъ сюда преосвященный»? Я отвѣтствовалъ «не знаю». «У него—это и карета подвезена уже къ крыльцу». Я и на то отвѣтъ далъ тотъ же, и примѣтя, что это значитъ, тотчасъ возратился къ своей коляскѣ, гдѣ меня фамилія ожидала. Послѣ, какъ вышло смятеніе, по пріѣздѣ моемъ въ домъ, благодареніе воздалъ Богу, что на ту пору ничего я не сказалъ по архіереѣ или въ предосужденіе ихъ богомолія умышленнаго: они бы, можетъ быть, почли бы меня за подосланнаго отъ архіерея и убили бы».

Саблуковъ-же, какъ человѣкъ военный и лично принимавшій

участіе въ усмиреніи бунта, нѣсколько иными красками окрашиваетъ описанныя у Алексѣева событія. «17 го числа—говоритъ Саблуковъ—сбиралось множество бунтовщиковъ опять, но отъ стоящихъ бекетовъ ихъ много и переловили. Слышимъ отъ нихъ, что вся ихъ претензія была въ томъ: на что ихъ лечатъ докторы и лекари и на что учреждены лазареты и карантины, и для чего архіерей приказалъ запечатать казну. Но теперь, благодаря Бога, всѣ сіи безпокойства кончились, и другой день какъ состоитъ прежняя тишина и повиновеніе. Однакожъ, въ осторожность, по разнымъ мѣстамъ разставлены бекеты и пушки: а какъ я живу возлѣ П. Д. Еропкина, то онъ свои бекеты и артиллерію поручилъ мнѣ въ команду».

Въ другомъ письмѣ Саблуковъ пишетъ отцу: «Во время сраженія я имѣлъ въ своей дивизіи престарѣлыхъ гвардейскихъ солдатъ и одну армейскую полковую пушку, и съ оною-то арміею долженствовалъ сопротивляться не одной тысячѣ мятежниковъ; но потомъ былъ подкрѣпленъ, и вмѣстѣ съ капитаномъ Волоцкимъ пробылъ цѣлые двое сутки съ онымъ корпусомъ на Спасскомъ мосту, не сходя съ онаго посту ни на минуту, понеже сіи мятежники чрезъ сіе время все покушались. Наконецъ, видя неудачу и то, что въ тожь время пришелъ сюда и армейской полкъ, раздумали болѣе не дурачиться; и въ то уже время мы смѣнены были армейскими; сначала же, какъ мы пошли въ Кремль, вся наша армія состояла менѣе чѣмъ во стѣ человѣкъ. П. Д. Еропкинъ во всѣ двое сутокъ не сходилъ съ лошади и былъ безотлучно на сраженіи, а потомъ объѣзжалъ весь городъ и всѣ карантины не одинъ разъ».

Бунтъ такимъ образомъ былъ усмиренъ.

18-го же числа Еропкинъ доносилъ императрицѣ: «Къ безпримѣрному сожалѣнію, ожиданіе превосходящей бѣдства и ужаса наполненный случай необходимо обязываетъ меня, всемилостивѣйшая государыня, и сверхъ моего рапорта къ генералу-фельдмаршалу графу Петру Семеновичу Салтыкову, какъ своему собственному командиру, всенижайше представить и отъ себя о томъ происшествіи, которое подвергало столичный вашего императорскаго величества городъ наисовершенному бѣдствію, состоящій въ

томъ, что народъ, негодуя доднесь на всѣ въ пользу ихъ повелѣнныя отъ вашего императорскаго величества мнѣ учрежденія о карантинахъ и другихъ осторожностяхъ, озлились, какъ звѣри, и сего мѣсяца 15-го дня сдѣлали настоящій бунтъ, вбѣжавъ въ Кремль и раззоряя архіерейскій домъ, искали убить онаго; но какъ съѣхалъ сей бѣдный агнецъ скрытно въ монастырь Донской, то выбѣжавъ и туда въ безмѣрномъ пьянствѣ злодѣи до трехъ сотъ, 16-го поутру, убили онаго мучительски до смерти; карантины учрежденные раззорили, выпустя изъ Данилова монастыря и изъ другаго двора, состоящаго на серпуховской дорогѣ, разбивъ дубьемъ и каменьями стоявшаго на караулѣ офицера, сопротивлявшагося имъ, какъ и подлекаря, въ одномъ изъ тѣхъ карантиновъ находившагося; а другіе изъ злодѣевъ, вбѣжавъ въ Кремль, пробыли тамъ ночь всю и до половины дня, бивъ въ набатъ вездѣ, раззоряя и домъ доктора Меркенса. Въ злодѣйствѣ семъ находились боярскіе люди, купцы, подъячіе и фабришники, а особливо раскольщики, разсѣвая плевелы, что они стоятъ за Богородицу, нашедъ образъ на Варварскихъ воротахъ, сказывая, что онъ явленный, къ которому толпами ходятъ молиться. Архіерей несчастливой, видя, что отъ такой молитвы заражаются опасною болѣзнію, послалъ своего эконома и секретаря запечатать ящики денежнаго сбора: и произвело. всемилостивѣйшая государыня, вышеупомянутое смятеніе. Я, видя злоключительное состояніе города, послалъ тотчасъ ко всѣмъ здѣсь находящимся гвардіи офицерамъ съ командами, объявя имъ высочайшій вашего императорскаго величества указъ, чтобы они мнѣ повиновались, отправя въ тожь самое время нарочнаго къ генералъ-фельдмаршалу въ подмосковную, который ужь и пріѣхалъ, и Великолуцкій полкъ ввелъ въ городъ, давъ свою диспозицію оберъ-полиціймейстеру, въ какихъ мѣстахъ занять постъ для истребленія злодѣевъ, потому что я въ эту ночь, въ которую выгнаны были мною раззоряющіе Чудовъ монастырь возмутители, спѣша истреблять оныхъ, отъ одного изъ сихъ дерзостныхъ брошеннымъ въ меня шестомъ, а отъ другого камнемъ въ ногу вытерпѣлъ удары, и бывъ двое сутки безысходно на лошади, объѣзжая разныя мѣста города, совсѣмъ ослабѣлъ, и не имѣя чрезъ все то время ни сна, ни пищи, въ крайнее пришелъ безсиліе,

получа отъ того и пароксизмъ лихорадочный, и наконецъ теперь принужденъ ужь слечь въ постелю, бывъ здѣсь въ то время одинъ только съ губернаторомъ московскимъ, потому что всѣ другіе господа сенаторы разъѣхались. Соединя къ командамъ гвардіи за разкомандированіемъ оставшихъ пятьдесятъ человѣкъ Великолуцкаго полку и набравъ не больше ста тридцати человѣкъ, причемъ были нѣкоторые и изъ статскихъ для смотрѣнія, что съ корпусомъ, мною предводительствуемымъ, случится, пошелъ, гдѣ не одна тысяча была пьяныхъ, раззорявшихъ архіерейскій домъ и погреба купеческіе, подъ монастыремъ Чудовымъ состоящіе, производя такую наглость, что въ Кремлѣ и проѣхать никому было невозможно. И хотя увѣщевалъ я упорствующихъ, посылая къ нимъ здѣшняго оберъ-коменданта генералъ-поручика Грузинскаго царевича; но они встрѣтили его каменьемъ, какъ равномѣрно и бригадира Мамонова, который для того-жъ увѣщенія пріѣзжалъ, чрезвычайно разбили голову и лицо. И такъ сія дерзость заставила меня, всемилостивѣйшая государыня, дѣйствовать ружьемъ и сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ и истреблять злодѣевъ мелкимъ ружьемъ и палашами; ихъ въ Кремлѣ пало человѣкъ не меньше ста, да взято подъ караулъ двѣсти-сорокъ-девять человѣкъ, изъ которыхъ нѣсколько находится съ стрѣленными и рублеными руками, и хотя они отъ того устрашась разбѣжались, но и вчерашній день на Варварской улицѣ и противъ Красной площади нѣсколько шаекъ народу было, однако-жь на бросаніе каменьевъ и шестовъ уже отважиться не-смѣли, а только требовали у стоявшаго на Спасскомъ мосту подлѣ учрежденнаго тамъ пикета здѣшняго губернатора, чтобъ отдали имъ взятыхъ подъ караулъ ихъ товарищей, а притомъ чтобъ безъ билетовъ хоронить и не вывозить въ карантины».

Въ этомъ-же рапортѣ Еропкинъ хвалитъ офицеровъ, отличившихся въ дѣлѣ противъ бунтовщиковъ: напр., капитана Волоцкаго за то, что онъ «истреблялъ возмутителей неустрашимо», Загряжскаго—что этотъ шелъ впереди, «поражая злоумышленниковъ». Саблуковъ—«истреблялъ возмутителей». Вообще, всѣ чѣмъ-нибудь отличились.

Но видно, что Еропкинъ боится новой грозы—и боится уже за себя лично.

Вслѣдъ за первымъ рапортомъ императрицѣ онъ шлетъ другой. «Сколь—говоритъ онъ—злоключительны нынѣшнія обстоятельства Москвы, о томъ вчерашній день на эстафетѣ я всеподданнѣйше доносилъ уже вашему императорскому величеству, а симъ то еще всенижайше представить не пропускаю, что хотя дерзость ими произведенная въ злодѣйскомъ убійствѣ московскаго архіерея отча-сти возмутившагося здѣшняго народа мною и истреблена, и три дня прошло здѣсь въ желанномъ спокойствѣ, но слухи однакожъ съ разныхъ сторонъ доходящіе до меня, всемилостивѣйшая государыня, одно мнѣ приносятъ увѣдомленіе, что оставшее отъ злостныхъ совѣщателей устремленіе свое во всей силѣ имѣютъ всю звѣрскую ихъ жестокость обратить на меня, обнадеживая себя, что они убивствомъ меня и всѣхъ докторовъ скорѣй получатъ свободу отъ осмотровъ больныхъ, отъ выводу въ карантинъ, а притомъ и хоронить будутъ умершихъ внутри города, считая, что будто я тому я причиною, смущаясь притомъ и недозволеніемъ въ бани ходить, грозясь тѣмъ и подполковнику Маколову, у котораго карантинные домы состоятъ въ смотрѣніи. Ожесточеніе предписанныхъ злодѣевъ такъ было чрезвычайно, что они не только кельи архіерейскія, но и его домовую церковь, какъ иконостасъ, такъ и всю утварь совсѣмъ разграбили. Вышеобъясненныя неудовольствія и угрозы злостныхъ людей, какъ лютыхъ тигровъ, отъ безразсудства ихъ на меня пламенѣющія за то одно, что я здѣсь въ сенатѣ и во всемъ городѣ одинъ рачительнымъ исполнителемъ всѣхъ тѣхъ учрежденій, о которыхъ вашему императорскому величеству высочайшими своими повелѣніями о карантинахъ предписать мнѣ благоугодно было. Но вся жестокость злонравныхъ людей, каковую по совѣщанію вкоренили они въ свои грубыя сердца, не имѣла силы ни умалить моей прилежности къ порученному мнѣ отъ вашего императорскаго величества дѣлу, ни ужасъ, который чрезъ разсѣяніе о убивствѣ меня они во мнѣ поселить старались, не могли поколебать меня отъ моего пути истиннаго. Я доказалъ то симъ злодѣямъ выгнаніемъ ихъ изъ Кремля и взятіемъ не одной сотни человѣкъ подъ караулъ. Но къ несчастію особливому, когда,

истощая изъ своей искренней преданности къ вашему императорскому величеству и изъ совершеннаго доброжелательства къ общему благу послѣднія свои силы, слегъ въ постелю, то сей случай, всемилостивѣйшая государыня, начинаетъ меня смущать, чтобъ толпа злодѣевъ въ теперешней моей разслабленности не навлекла участи бѣдственной и ругательной и мнѣ покойнаго архіерея. Въ разсужденіи чего, припадая къ стопамъ вашего императорскаго величества, всеподданнѣйше просить я обязанность имѣю о всемилостивѣйшемъ увольненіи меня отъ порученной мнѣ коммиссіи хотя на нѣкоторое время. Я ласкаюсь и тѣмъ, всемилостивѣйшая государыня, что одно отрѣшеніе меня отъ сего дѣла въ состояніи будетъ спокоить волнующихся людей, не имѣющихъ истиннаго ни на что разумѣнія. Всемилостивѣйшая государыня! Я ожидаю милосердаго и всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества на сіе благоволенія, предоставляюсь до послѣднихъ дней въ непоколебимой вѣрности и съ рабскимъ усердіемъ»...

Екатерина отвѣчала на это Еропкину: «Петръ Дмитріевичъ! Подписавъ по вашему желанію приложенный указъ, посылаю его къ вамъ, дабы вы его объявили тогда, когда заблагоразсудите, что всегда будетъ для службы рано, видя ревность вашу, нельзя, чтобъ я не такъ думала. Впрочемъ, остаюсь къ вамъ доброжелательна».

А черезъ нѣсколько дней, препровождая Еропкину знаки ордена Андрея Первозваннаго и 20,000 руб. изъ кабинета, императрица писала: «Патріотическая ревность и мужественный духъ, съ которымъ вы столь храбро и благоразумно защитили древнюю нашу столицу отъ бѣдственнаго невѣждъ и пустосвятовъ возмущенія, удостоиваютъ васъ предъ нами особливаго нашего къ вамъ благоволенія и признанія. Въ доказательство чего мы съ удовольствіемъ всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ нашего перваго ордена св. Андрея Первозваннаго, знаки котораго здѣсь включаются съ высочайшимъ отъ насъ дозволеніемъ, чтобъ вы оные сами на себя возложа носили. И мы твердо надѣемся, что сія вамъ наша знаменитая отличность будетъ вамъ служить новымъ подвигомъ въ дѣлахъ патріотическихъ, пребывая впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны».

V.

Но прежде изъявленія согласія на увольненіе Еропкина отъ должности, Екатерина не могла не озаботиться мыслью — на чьи руки передать временное управленіе Москвою и успокоеніе этого города въ такую опасную пору. Что ее сильно озабочивала эта мысль, видно изъ того, что она думала даже сама ѣхать въ Москву, но не могла этого исполнить по причинѣ все еще продолжавшейся войны съ Турціею, войны, вызывавшей усиленную дѣятельность со стороны императрицы. Поэтому вмѣсто себя она послала въ Москву графа Григорія Григорьевича Орлова. Нѣкоторые изъ современниковъ замѣчали по этому случаю (у Гезера), что императрица, посылая въ Москву Орлова, хотѣла будто-бы отъ него отдѣлаться, такъ какъ онъ уже давно потерялъ ея расположеніе; но предположеніе это, ни на чемъ не основанное, едва-ли можно принимать на вѣру, потому что подобный поступокъ со стороны Екатерины II положительно противорѣчилъ-бы ея характеру.

По случаю отправленія графа Орлова въ Москву изданъ былъ особый, весьма торжественный манифестъ. Въ этомъ манифестѣ императрица особенно милостиво обращается къ своимъ подданнымъ. Самому тексту манифеста, вслѣдъ за титуломъ, предшествуютъ такія слова, которыхъ нѣтъ въ другихъ манифестахъ: «Всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, наше монаршее благоволеніе».

Затѣмъ манифестъ гласитъ: «Видя прежалостное состояніе нашего города Москвы, и что великое число народа мретъ отъ прилипчивыхъ болѣзней, мы бы сами туда поспѣшно прибыть за долгъ званія нашего почли, есть-ли бы сей нашъ походъ, по теперешнимъ военнымъ обстоятельствамъ, самымъ дѣломъ за собою не повлекъ знатное растройство и помѣшательство въ важныхъ дѣлахъ имперіи нашей. И тако, не могши дѣлить опасности обывателей и сами подняться отселѣ, заблагоразсудили мы туда отправить особу отъ насъ повѣренную, съ властію такою, чтобы, по усмотрѣнію на мѣстѣ нужды и надобности, могъ дѣлать онъ всѣ тѣ распоряже-

нія, кои ко спасенію жизни и къ достаточному прокормленію жителей потребны. Къ сему избрали мы, по нашей къ нему отмѣнной довѣренности и по довольно извѣстной его ревности, усердію и вѣрности къ намъ и отечеству, нашего генерала-фельдцейгмейстера и генералъ-адъютанта графа Григорія Орлова, уполномачивая его поступать во всемъ такъ, какъ общее благо того во всякомъ случаѣ требовать будетъ, отмѣнять ему тамо то изъ сдѣланныхъ учрежденій, что ему казаться будетъ или невмѣстно, или не полезно, и вновь установлять все то, что онъ найдетъ поспѣшествующимъ общему благу. Въ чемъ во всемъ повелѣваемъ не токмо всѣмъ и каждому его слушать и ему помогать, но и точно всѣмъ начальникамъ быть подъ его повелѣніемъ, и ему по сему дѣлу присутствовать въ сенатѣ московскихъ департаментовъ; прочія-же присутственныя и казенныя мѣста имѣютъ исполнять по его требованію. Запрещаемъ же всѣмъ и каждому дѣлать какое-либо препятствіе и помѣшательство какъ ему, такъ и тому, что отъ него повелѣно будетъ, ибо онъ, зная нашу волю, которая въ томъ состоитъ, чтобъ прекратить, колико смертныхъ силы достаетъ, погибель рода человѣческаго, имѣетъ въ томъ поступать съ полною властію и безъ препоны. Приведя все въ надлежащій порядокъ, онъ имѣетъ возвратиться ко двору нашему».

О бунтѣ—ни слова. Екатерина имѣла на то свои причины.

26-го сентября Орловъ прибылъ въ Москву. Съ нимъ вмѣстѣ прибыли также команды отъ четырехъ полковъ лейбъ-гвардіи съ необходимымъ числомъ офицеровъ, затѣмъ генералъ-поручикъ Мельгуновъ, сенаторъ Волковъ, оберъ-прокуроръ сената Всеволожскій, генералъ-майоръ Давыдовъ, генералъ-майоръ Щербачовъ, статскій совѣтникъ Баскаковъ и штатъ-физикъ докторъ Ореусъ. Московскій-же главнокомандующій, генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, одряхлѣвшій побѣдитель Фридриха Великаго, растерявшійся передъ московскими фабричными, тотчасъ-же получилъ увольненіе въ свои деревни, гдѣ вскорѣ и умеръ.

По прибытіи въ Москву, графъ Орловъ обратился съ такимъ торжественнымъ объявленіемъ: послѣ краткаго объясненія, словами манифеста, цѣли своего прибытія, Орловъ отъ себя лично прибавляетъ: «Сей святой долгъ буду я исполнять по крайней силѣ и

возможности и елико Всевышній подастъ мнѣ вразумѣнія. — Приступая къ сему исполненію, первая мнѣ предлежитъ должность узнать допряма причины толь великому вдругъ сего зла распространенію. Цѣлой городъ будетъ со мною, уповаю я, согласенъ, что сіе великое зло, вмѣсто скораго пресѣченія, распространилось толико главнѣйше отъ того, что сперва многіе или большая часть жителей по невѣдѣнію не хотѣли вѣрить, чтобъ болѣзнь была толь зла и толь прилипчива, почитая умершихъ оною умершими случайно по неиспытаннымъ судьбамъ Вышняго» и т. д. Затѣмъ, онъ говоритъ о томъ, чтобы всѣ дружно встали за себя для своего спасенія, что онъ поможетъ для этого спасенія своими распоряженіями, что спасительна будетъ и молитва всѣхъ, проливаемая передъ Богомъ «яве и келейно» и т. д. «Тогда то (заключаетъ онъ свое объявленіе) принятыя и пріемлемыя правительствомъ средства и мѣры пойдутъ одно за другимъ безъ препятства и съ успѣхомъ. Тогда-то соединятся всѣхъ сердца во едино стремленіе и снизойдетъ благодать Вышняго. Тогда правительству утѣшительно будетъ раздѣлять общія опасности, видя успѣхъ и плоды своихъ стараній. Тогда мнѣ не останется болѣе какъ подавать ея императорскому величеству, теперь наши сѣтованія въ высшей степени ощущающей, пріятныя увѣдомленія, и тогда колико радостно будетъ великодушному и человѣколюбивому ея сердцу изливать свои щедроты и благодѣянія не на гиблющихъ и ничего уже не требующихъ, но на плодоносящихъ и добродѣющихъ!»

О бунтѣ — опять ни слова...

Орловъ, надо замѣтить, присланъ былъ въ Москву уже въ такое время, когда чума, совершивъ свой опустошительный циклъ, вмѣстѣ съ наступленіемъ холодовъ должна была сама собою уменьшаться и наконецъ совсѣмъ прекратиться. Такъ, уже до прибытія Орлова, Саблуковъ писалъ отцу между прочимъ: «Съ великимъ нетерпѣніемъ ждемъ зимы, которая можетъ быть лутчее лекарство отъ чумы», а черезъ нѣсколько дней, вскорѣ послѣ бунта, пишетъ: «Господствуетъ прежняя тишина. Погода становится холоднѣе, то надѣемся, что Богъ и чуму скоро утишитъ».

Слѣдовательно, присутствіе Орлова въ Москвѣ, а тѣмъ болѣе императрицы, едва-ли уже было необходимо.

Впрочемъ, прежде чѣмъ мы приступимъ къ указанію мѣръ, принятыхъ Орловымъ для спасенія Москвы отъ чумы, которая сама собой ослабѣвала, возвратимся къ прерванному нами разсказу о послѣдствіяхъ бунта.

Въ то время, когда бунтовщики, захваченные на площадяхъ и на улицахъ, сидя въ погребахъ, ждали надъ собой суда, упоминаемый нами игуменъ одного московскаго монастыря писалъ: «Тѣло покойнаго преосвященнаго съ дозволенія его графскаго сіятельства и напредь указа погребли; погребено въ Донскомъ монастырѣ по причинѣ, чтобъ при погребеніи въ многолюдствѣ и тѣснотѣ по нынѣшней болѣзни не приключилось отъ прикосновенія другъ къ другу вреда, и по другой причинѣ, что внутри города погребать не велѣно. — Было и мнѣ искушеніе: въ моемъ монастырѣ чернь нашла деревенская Боголюбскую Богоматерь, и прислали доношеніе ко мнѣ, чтобъ отпустить образъ для молебствія. Былъ съ доношеніемъ изъ слободы, изъ заразительнаго мѣста, и такъ я его не впустя на подворье, чрезъ попа отказалъ, да къ тому-жъ велѣлъ сказать, что я запретительными указами крестохожденія дозволить не могу, къ тому-жъ братія у меня престарѣлая и ходить некому, да изъ заразительнаго мѣста тое доношеніе, а въ монастырѣ молебствовать не запрещается. И такъ, слава Богу, утихло. У меня, слава и благодареніе Богу, въ монастырѣ и на дворѣ тихо, а въ подмонастырской слободѣ обывателей и служителей больше трехъ сотъ человѣкъ вымерло и нынѣ умираютъ. Крестовоздвиженскій игуменъ со всею братіею померъ; въ монастырѣ Знаменскомъ игуменъ остался съ двумя монахами и двумя служителями; въ Новоспасскомъ монастырѣ и Андреевскомъ больше половины монаховъ померло. Гдѣ-то сыщемъ послѣ монаховъ въ монастыри? Протопопы померли: Іоаннъ Архангельскаго собора, Іоаннъ Постниковъ; Спасскаго — Левъ Даніиловъ, въ Успенскомъ соборѣ—священникъ Ѳедоръ Маркеловъ и діаконъ Егоръ. О mors, mea sors! — Правда, что мы отъ жалости, забывъ страхъ, подняли поверженное тѣло (Амвросія?); гдѣ иные плакали, а другіе на насъ зубами своими скрежетали. Старика донскаго его уговорили, чтобъ тѣло принялъ въ монастырь: боялся, чтобъ ему за то не отомстили злодѣи».

Погребеніе убитаго архіерея происходило 4-го октября. Вмѣстѣ съ нимъ хоронили и его брата, Никона, тоже пострадавшаго во время бунта. Лучшій московскій проповѣдникъ, префектъ московской академіи Амвросій, при погребеніи архіепископа, сказалъ замѣчательное слово, о которомъ современники отзывались, что «слово сіе достойно пера Ѳеофанова».

«Видя васъ, печальные слушатели—возглашалъ проповѣдникъ—съ особеннымъ сердецъ соболѣзнованіемъ гробу сему предстоящихъ, и самъ сострадая, что къ утѣшенію вашему сказать теперь могу я, нещастный въ семъ случаѣ проповѣдникъ? О времена! о нравы! о жизнь человѣческая! океанъ перемѣнъ неизмѣримый!»

Потомъ, обращаясь къ гробу и указывая на лежащаго въ немъ, обезображеннаго толпою старика, проповѣдникъ говоритъ, что его убило суевѣріе.

«Сего-то проклятаго суевѣрія дѣйствіемъ умерщвленъ и сей бездыханенъ лежащій предъ очами нашими почтенный старецъ, царствующаго града архипастырь и истинный всего отечества патріотъ. Когда онъ. яко добрый пастырь, предпріималъ въ паствѣ своей не наказанныхъ церкви служителей приводить во исправленіе. тогда разсѣваемъ былъ противъ его ядъ злобы и ненависти. Когда яко истинный христіанинъ, слѣдуя внушенію евангельскаго ученія, повинуясь монаршимъ повелѣніямъ и сообразуясь съ самымъ здравымъ разумомъ, не соглашался на безплодныя хотѣнія и дѣла суевѣровъ; когда тѣмъ самимъ о доставленіи паствѣ и всему обществу безопасности державствующей власти вспомоществовать по долгу и обязанности своей старался: тогда, о нечувствительности! тогда силою суевѣрія пригвожденныя къ наружнымъ святынямъ и въ нихъ единственно спасенія ищущія сердца исполнялись на него ярости, роптанія, поношеній, клеветъ, и искали самой его столь полезной для общества жизни; а наконецъ, о страха и ужаса, неудобовмѣстительнаго воображенія! наконецъ, обладающему сердцемъ ихъ идолу принесли его въ жертву, излили на него ядъ злобы и ненависти своея; въ крови архипастыря своего обагрили руки, поносно умучили и тѣло архіерея Божія безчестно повергли на распутіи... О, паки говорю, позорища варварскаго, звѣрскаго, а не человѣческаго дѣйствія!»

Затѣмъ, проповѣдникъ обращается къ самимъ убійцамъ. «О вы недостойные имени человѣческаго злодѣи! неужели и утверждаетеся въ томъ, что убіеніемъ сего толико отечеству послужившаго мужа пріятную принесли Богу жертву? Не убиваетъ ли паче васъ, обличая въ неслыханномъ почти беззаконіи, самая ваша совѣсть? Раны сіи и заушенія не пронзаютъ ли звѣрскаго сердца вашего? Земля, обагренная отъ рукъ вашихъ кровію, не свидѣтельствуетъ ли и предъ ангелы и предъ человѣки, что кровь сія пролита невинно и что достойна она была всякаго вашего охраненія? Лишенные добраго своего пастыря благовѣрныя души и вся россійская церковь, не видя уже старѣйшаго и ревностнаго въ правительствѣ своемъ служителя, не испускаетъ ли на васъ сердечнаго вопля, проницающаго своды небесные и достигающаго до престола божія правосудія? Разграбленіе не особеннаго токма, но и общаго имѣнія, опустошеніе обители, раздробленіе святыхъ иконъ и потоптаніе самыхъ освященнѣйшихъ даровъ, да гдѣ! во своемъ отечествѣ, во градѣ единыя вѣры и единаго исповѣданія не проповѣдуютъ ли васъ хуждшими язвѣниковъ и самыхъ варваровъ, яко николи же почитаемые собою за свято тако поправшихъ? Угрожающее, наконецъ, казнію вамъ правительство, или и безъ того бывшее на васъ за злодѣйство ваше довольное постиженіе праведнаго гнѣва: вся, говорю, сія не доказываютъ ли, что поступокъ сей вашъ есть пребеззаконный, безчеловѣчный и достойный имени діавольскаго, а не христіанскаго?» и т. д.

Но еще болѣе замѣчательное слово сказано было черезъ годъ послѣ этого, именно въ день убіенія Амвросія, 16-го сентября 1772 года, когда убійцы его давно уже были казнены, а между тѣмъ самая тѣнь замученнаго народомъ старика все еще вызывала ненависть къ его противникамъ.

«Не буду я вамъ говорить, что день сей есть воспоминаніе плача и рыданія, что въ день сей, говорю, особеннаго рода злоба и варварство въ первопрестольномъ градѣ семъ свирѣпѣли; что упоенный бѣшенствомъ народъ каждому честному гражданину угрожалъ смертію; что непріятельски была расхищена святая обитель, варварски опустошаемы Божіи храмы, и что наконецъ ни совѣсть, ни страхъ законовъ и суда Божія, не воспрепятствовали варва-

рамъ обагрить руки въ крови попечительнаго и добраго своего архипастыря: о семъ я не напоминаю, дабы тѣмъ не растравить въ сердцахъ вѣрныхъ сыновъ церкви заживающія отъ того раны. Но не могу умолчать того, что къ сему страдальцу и доднесь злоба въ иныхъ продолжается. Вмѣсто того, чтобъ сожалѣть о несщастномъ его жребіи, иные взираютъ на оный со удовольствіемъ; вмѣсто того, чтобъ съ сокрушеніемъ сердца раскаяваться, продолжаютъ употреблять всякія злохуленія и поношенія».

Далѣе проповѣдникъ употребляетъ истинно ораторскій пріемъ, заставляя тѣнь покойника обращаться изъ гроба къ своимъ недоброжелателямъ.

«О безчеловѣчныя души! — говоритъ онъ—такъ ли вы приносите покаяніе о своемъ злодѣйствѣ? Послушайте гласа вашего пастыря, изъ сего гроба со умиленіемъ къ вамъ вопіющаго: «Людіе паствы моея!—взываетъ онъ—что сотворихъ вамъ, яко тако окисточиста на мя сердца ваша: сего ли я отъ васъ ожидалъ воздаянія? людіе паствы моея! что сотворяхъ вамъ? Я васъ любилъ, а вы мнѣ отвѣтствовали ненавистію и злобою. Я полагалъ за васъ душу свою, а вы сочли меня своимъ недоброжелателемъ и злодѣемъ. Я старался освобождать васъ отъ оковъ заблужденій, паче же суевѣрія, а вы представили меня невѣрнымъ. Я всевозможную ревность оказывалъ къ созиданію храмовъ Божіихъ и то въ возобновленіи, то въ написаніи иконъ святыхъ, а вы назвали меня иконоборцемъ. Я обществу и самодержавной власти, сколько силъ моихъ доставало, усердствовалъ и служилъ, а вы, о правосудный Боже! вы признали меня измѣнникомъ. Я прилагалъ попеченіе предохранять вашу жизнь отъ видимыя опасности, а вы у меня мою отняли мучительски. Я во всемъ съ благодушіемъ васъ прощаю, а вы клянете и осуждаете меня на вѣки. Людіе паствы моея! что сотворихъ вамъ?...» и т. д.

«Не убиваетъ ли васъ этотъ голосъ?» спрашиваетъ проповѣдникъ. «Убитаго нельзя поднять изъ гроба—зачѣмъ же и въ гробѣ тревожить его?» и т. д.

Уже послѣ погребенія покойнаго архіепископа, изъ Петербурга пришелъ запоздавшій синодскій указъ, повелѣвавшій:

При погребеніи убіеннаго архіепископа быть преосвященному Геннадію епископу суздальскому.

Погребсти священническимъ погребеніемъ въ Чудовомъ монастырѣ съ его предмѣстниками.

Во время несенія тѣла быть звону у близь стоящихъ церквей, а при погребеніи—на Ивановской колокольнѣ и во всей Москвѣ.

Сказать надгробную проповѣдь московской академіи префекту Амвросію.

По послѣднемъ въ церкви возглашеніи покойному преосвященному «вѣчная память», возгласить сицевымъ образомъ: Блаженныя памяти преосвященнаго Амвросія, архіепископа московскаго и калужскаго, злочестивымъ убійцамъ анаѳема».

Во всѣхъ церквахъ отпѣть панихиду, а убійцамъ возгласить «анаѳема».

Въ теченіе года поминать во всѣ службы, а панихиды пѣть каждомѣсячно, а убійцамъ возгласить «анаѳема».

Екатерина, въ письмѣ къ Вольтеру (XCIV, $^{6}/_{17}$ октября 1771 года) выражала искреннее сожалѣніе о покойномъ архіепископѣ, который когда-то помогалъ молодому Потемкину, когда тотъ «нуждался въ рубляхъ».

Въ Воскресенскомъ монастырѣ есть портретъ Амвросія, висящій противъ портрета патріарха Никона. Подъ портретомъ изображено:

Амвросій кончилъ то, что Никонъ основалъ:
Сей божій домъ отъ нихъ весь блескъ свой воспріялъ.
Но Никонъ на пути своемъ изъ заточенья,
Амвросій въ дни чумы и черни возмущенья
Имѣли дней своихъ безвременный конецъ,—
За то украсилъ ихъ страдальческій вѣнецъ.

Судъ надъ убійцами архіепископа Амвросія и вообще надъ всѣми бунтовщиками продолжался не долго. Приговоръ надъ виновными сохраненъ въ Полномъ Собраніи Законовъ (т. XIX, №№ 13695).

«Ея императорское величество, — говорится въ приговорѣ, — имяннымъ своимъ указомъ отъ 23 сентября сего 1771 года, дан-

нымъ господину фельдцехмейстеру графу Орлову, повелѣть соизволила: о оскорбительномъ въ Москвѣ произшествіи собравъ сенатъ и синодъ и присоединя къ нему первыхъ пяти классовъ персонъ, учредить особенную генеральную коммиссію (такъ какъ всегда при чрезвычайныхъ преступленіяхъ особенныя слѣдствія и суды производимы бывали), произвесть общественное слѣдствіе и судъ, въ силу и по точности настоящихъ государственныхъ законовъ, такожде по большинству голосовъ и по заключенной по тому сентенціи приказать безъ отлагательства, кому надлежитъ, учинить надъ осужденными публичное исполненіе, дабы весь народъ могъ увидѣть и наипаче удостовѣриться, что сколь съ одной стороны неусыпно и неутомленно есть ея императорскаго величества попеченіе о его благосостояніи, столь напротивъ ея императорское величество не хощетъ попускать такому злодѣйскому возмущенію, колеблющему всеобщее спокойство».

Въ самой сентенціи высказываются мотивы почему приговоръ надъ виновными долженъ быть безпощаденъ.

«Читанныя — говоритъ сентенція — сему собранію показаніе и признаніе взятыхъ подъ стражу узниковъ о учиненныхъ ими въ 15 и 16 день минувшаго сентября преступленіяхъ, содержатъ въ себѣ такія дѣянія, взявъ каждое порознь и въ своей особенности, на которыя божескими и гражданскими законами точныя отъ вѣковъ положены уже рѣшенія, такъ что и паки взявъ убивство преосвященнаго Амвросія архіепископа московскаго и калужскаго, разграбленіе въ Чудовѣ монастырѣ, самое оскверненіе святыхъ и священныхъ мѣстъ, и сдѣланное наруганіе святымъ иконамъ, каждое въ своей особенности, представляется тотчасъ, что всякое изъ сихъ дѣяній безчеловѣчно, законопреступно и слѣдовательно жестокаго наказанія достойно! Но что сіе наказаніе божескими и гражданскими законами уже предопредѣлено, и не остается болѣе, какъ только произнести и исполнить законами опредѣленное. Но когда обращаемся къ наружнымъ окрестностямъ толико вдругъ учинившихся злодѣяній и въ сихъ наружностяхъ ищется прямый того источникъ, то усматривается ясно, что каждое изъ сихъ преступленій становится несравненно величайшимъ и жесточайшаго наказанія требующимъ, что первопрестольный градъ, самая сре-

дина онаго, воззрѣлище священныхъ мѣстъ и монаршихъ чертоговъ, вмѣсто того, чтобъ и самыя буйственныя сердца приводить въ чувство и благоговѣніе, были мѣстомъ сего богомерзкаго позорища. Не разбойникъ и убійца, по совершеніи своего злодѣянія тотчасъ укрывающійся, и въ самомъ остервененіи своемъ трепещутъ отъ одного имени правосудія, здѣсь предстоитъ: но толпа злодѣевъ, на спасительные законы возстать дерзающая, и что злѣе—преступленіями своими, святотатствомъ и священноубійствомъ торжествующая. Свѣтъ въ недоумѣніи, какимъ образомъ въ народѣ, набожномъ всегда и къ государямъ своимъ и законамъ повиновеніемъ на толикую степень могущества и славы вознесенномъ и повсюду побѣдоносномъ, мгновенно не могли такія чудовища явиться и грозныя непріятелямъ руки обратить на самоубійство. Отечество требуетъ отъ законовъ неистовымъ своимъ сынамъ наказанія. Церковь пастырская кровію обагренная, и о мщеніи вопіющая. Съ ужасомъ смотря на сіи наружныя окрестности не меньшее предлежитъ здѣсь соболѣзнованіе, когда разбирается прямый толикаго зла источникъ не потому, чтобъ оный отрыгалъ всегда подобнымъ ядомъ, или чтобъ таковыхъ же дѣйствій паки ожидать надлежало, но единственно по размышленію, коль пагубны роду человѣческому вообще слѣпота и суевѣріе, корыстолюбіемъ частныхъ и малыхъ людей воспламененныя и коль насильственно, но неизбѣжно самому нѣжному и человѣколюбивому сердцу употреблять строгость, когда подъ кроткою державою ея императорскаго величества единая взаимная любовь другъ ко другу видимая быть имѣла-бъ. Здѣсь представляется лейбъ-гвардіи семеновскаго полка солдатъ Савелій Бяковъ и фабричный Илья Афанасьевъ, каждый отвергнувъ свое званіе и предавшійся лицемѣрію и сребролюбію, сдѣлались собирателями стяжанія и, по мѣрѣ пріобрѣтенія онаго, обратили большее на себя вниманіе. Нѣкоторыя изъ духовенства, имени сего и своего всѣми впрочемъ почитаемаго сана недостойные, прозирающіе слѣпоту людскую, съ мерзкою предъ Всевидящимъ радостію богослуженіе въ торжище обратили и руки къ пріятію гнусной мзды простерли» и т. д.—высокопарное и довольно безграмотное изложеніе винъ лицъ, способствовавшихъ началу возмущенія.

Затѣмъ, приводятся тогдашніе законы, относящіеся къ данному случаю.

Изъ Уложенія: «кто на кого придетъ скопомъ и заговоромъ, и учнетъ грабить или побивать, и тѣхъ людей, кто такъ учинить, за то казнить смертію».

Изъ именнаго указа 12 ноября 1721 года: «разбойниковъ, которые учинили смертное убивство, наказывать смертію».

Изъ Военнаго Артикула: «всякое возмущеніе и упрямство безъ всякой милости имѣетъ быть висѣлицею наказано».

«Кто на людей на пути и улицахъ вооруженною рукою нападетъ и оныхъ силою пограбитъ или побьетъ, поранитъ и умертвитъ, или ночью съ оружіемъ въ домъ ворвется, пограбитъ, пoранитъ, побьетъ или умертвитъ, онаго, купно съ тѣми, которые при семъ были и помогали, колесовать, и на колеса тѣла ихъ потомъ положить».

Въ силу этихъ статей приговорено: Василія Андреева и Ивана Дмитріева повѣсить на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совершено убійство.

Къ висѣлицѣ-же приговорены еще двое: дворовые люди: Молчанова—Алексѣй Леонтьевъ и Колтовской—Ѳеодоръ Дѣяновъ; но висѣлица должна была достаться одному изъ нихъ «по жребію».

Остальныхъ болѣе шестидесяти человѣкъ—купцовъ, дьячковъ, дворянъ, подъячихъ, крестьянъ, дворовыхъ, фабричныхъ, солдатъ—бить кнутомъ, вырѣзать ноздри, заклепать въ кандалы и сослать въ Рогервикъ въ каторгу.

Захваченныхъ на улицѣ, въ толпѣ бунтующихъ, малолѣтнихъ дѣтей—сѣчь розгами.

Двѣнадцать человѣкъ за оглашеніе мнимаго чуда — сослать навѣчно на галеры, съ вырѣзаніемъ ноздрей.

Относительно захваченныхъ во время бунта, но не уличенныхъ въ преступленіи, примѣненъ законъ: «гулящихъ и слоняющихся по улицамъ и переулкамъ людей и другихъ пьяныхъ, кои кричатъ и пѣсни поютъ и ночью въ неуказные часы ходятъ и шатаются, и въ нихъ бываютъ много бѣглыхъ солдатъ и матросовъ и прочихъ воровъ, и бываетъ отъ нихъ воровство и смертное убивство, и живутъ больше на кабакахъ и въ торговыхъ баняхъ, на рынкахъ и въ харчевняхъ и въ вольныхъ домахъ и въ шинкахъ и въ про-

чихъ домахъ—брать подъ караулъ и смотря по винѣ наказывать».—Такихъ взято было до девяноста человѣкъ.

Такъ-какъ набатный звонъ по церквамъ сильно помогъ возбужденію народнаго волненія, то тогда-же обнародованъ былъ особый указъ, которымъ повелѣно: 1) Всѣмъ духовнымъ правительствамъ наикрѣпчайшее имѣть смотрѣніе, чтобъ у колоколенъ двери были крѣпкія и у оныхъ замки твердые и надежные, которые всегда запирать и ключи отъ нихъ имѣть священникамъ у себя. 2) Священникамъ оные ключи повѣрять причетникамъ на то единственно время, когда обыкновенно благовѣсту или звону къ славословію церковному быть должно, а въ прочее время отбирать ихъ къ себѣ. 3) Гдѣ есть такія колокольни, что запирать ихъ отнюдь не можно, въ такомъ случаѣ стараться построить оныя такъ, чтобъ двери у нихъ противъ вышеписаннаго замками запираемы были, а доколѣ построены не будутъ, употреблять всевозможные способы и предосторожности къ примѣненію законами запрещенныхъ тревогъ и т. д.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совершено было убійство Амвросія и гдѣ потомъ повѣшены были его убійцы, воздвигнутъ былъ каменный крестъ, съ обозначеніемъ на немъ года, мѣсяца и числа убіенія архіепископа московскаго. Бантышъ-Каменскій говоритъ, что «римскій императоръ Іосифъ, въ бытность свою въ Москвѣ въ 1780 году, любопытствовалъ видѣть сіе мѣсто, и списалъ карандашемъ въ книжку свою означенное на крестѣ. По отъѣздѣ сего государя тогдашній московскій оберъ-полиціймейстеръ того-жъ дня разсудилъ приказать вколотить въ землю крестъ сей, что и было тогда же исполнено».

Но возвратимся къ Орлову и посмотримъ, какъ исполнилъ онъ возложенную на него миссію и какъ переживала Москва послѣдніе мѣсяцы поразившаго ея бѣдствія.

Мы сказали, что Орловъ пріѣхалъ въ Москву въ то самое время, когда ужасная зараза, какъ-бы утомившись отъ продолжительнаго пожиранія человѣческихъ жертвъ, сама начала мало-помалу издыхать, словно отравленный звѣрь. Начинались холода—они-то и служили отравой для кровожаднаго звѣря. Между тѣмъ современное оффиціальное описаніе этой московской бѣды гово-

ритъ, что «пріѣздъ его свѣтлости, князь Григорія Григорьевича Орлова въ Москву столь скоро подѣйствовалъ, что многіе предъ тѣмъ разъѣхавшіеся жители города возвратились въ свои доми, и самый простой народъ, вмѣсто робости, унынія и отчаянія, сталъ приходить о своемъ невѣріи и неосторожности въ раскаяніе, бодрость и отраду, видя сколь далече матернее ея императорскаго величества къ нему соболѣзнованіе и попеченіе простирается и сколь его о самомъ себѣ небреженіе и безпечность есть пагубна и Всевышняго прогнѣвляющая».

Первымъ дѣломъ Орлова было—созвавъ всѣхъ находившихся въ Москвѣ докторовъ, отобрать отъ нихъ мнѣнія о существѣ болѣзни, ея ходѣ, развитіи и о средствахъ противодѣйствія эпидеміи. Затѣмъ, онъ лично осмотрѣлъ карантины, «опасныя больницы» и прочія учрежденія, вызванныя настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Чтобы руководить дальнѣйшимъ ходомъ этихъ дѣлъ и по возможности урегулировать то, что уже само собой сложилось въ московской администраціи въ виду общественнаго бѣдствія, Орловъ учредилъ двѣ особыя коммисіи—«коммисію для предохраненія и врачеванія отъ моровой заразительной язвы» и «коммисію исполнительную».

Вотъ краткій перечень всего, что дѣлалось въ Москвѣ за это время:

Объявляя объ учрежденіи коммисій, ихъ цѣли и кругѣ дѣйствій, и рисуя картину общественнаго неустройства, въ которомъ находилась Москва, говоря, что «вмѣсто крѣпости и мужества всѣ пришли въ робость и уныніе», что власти со страху покинули свои мѣста и «отлучились», а подчиненные чрезъ то «пришли въ недѣйства», слѣдовательно «въ ослабленіе»,—сенатъ, 11 октября, призываетъ всѣхъ къ исполненію своихъ обязанностей, запрещаетъ приходить въ «неключимость и разслабленіе», прибавляя, что «всякая неправда, корысть, нападки и мздоимство, всегда предъ Богомъ мерзкія и законами запрещенныя, взыщутся нынѣ какъ смертныя преступленія безъ всякой пощады и лицемѣрія».

Видя, что «нѣкоторые злостные люди», забывъ страхъ Божій, дерзаютъ входить въ вымершіе дома и грабить оставшееся послѣ несчастныхъ имущество, императрица, 12 октября, объявляетъ,

что если открыты будутъ такіе «безбожники и враги рода человѣческаго», то безъ пощады казнены будутъ у того самого мѣста, гдѣ учинится преступленіе, «ибо — прибавляетъ Екатерина—въ крайнихъ зла обстоятельствахъ и мѣры къ уврачеванію крайнія принимаются».

Народъ, напуганный уже до крайней возможности всѣмъ около него происходившимъ, зная, что чума легко сообщается чрезъ зараженное платье, и въ то-же время боясь властей и карантиновъ, тайно выбрасываетъ на улицы оставшееся отъ умершихъ платье,— и коммисія приказываетъ мортусамъ и полицейскимъ служителямъ немедленно собирать всякую валяющуюся по улицамъ рухлядь, сгребать ее длинными крючьями въ кучи и тотчасъ-же сожигать, надѣвъ на себя вощаное платье и стоя отъ вѣтра у горящихъ костровъ.

Сочиняются и раздаются въ народѣ особыя наставленія, какъ вести себя въ это чумное время и какъ себя предохранять отъ заразы.

Нищихъ, цѣлыми легіонами шатающихся по улицамъ, высылаютъ въ экономическія и помѣщичьи селенія, а остальныхъ собираютъ въ Уфимскій монастырь и въ село Троицкое-Голенищево, и тамъ кормятъ ихъ казенною пищею и одѣваютъ отъ казны.

Учреждаютъ четыре новыя «сумнительныя больницы», нѣсколько карантинныхъ и предохранительныхъ домовъ. Служителямъ изъ казенныхъ фабричныхъ, согласившимся принять на себя уходъ за больными, высочайшимъ именемъ обѣщаютъ полную свободу.

Для большаго удобства дѣйствій городъ раздѣляютъ на 27 частей.

Обывателямъ запрещаютъ самимъ вывозить мертвыхъ на кладбища, тѣмъ болѣе, что для вывоза ихъ не хватало наемныхъ лошадей, и городъ самъ обязывается вывозить ихъ, даже безъ всякихъ билетовъ, причемъ въ каждой части должны были имѣться въ запасѣ казенные гроба для раздачи безденежно бѣднымъ.

Чтобы народъ не утаивалъ больныхъ и не боялся карантиновъ и больницъ, объявлено, что всякому больному, который поступитъ въ больницу и выйдетъ изъ нея здоровымъ, будетъ даваться воз-

награжденіе—женатымъ по 10 р., а холостымъ по 5 р.,—и народъ начинаетъ охотно идти въ карантины, а иные даже притворяются больными, чтобъ только получить деньги.

Для оставшихся во множествѣ сиротъ и безпріютныхъ, которые помирали голодною смертью, учреждается особый сиротскій домъ на Таганкѣ.

Для собиранія послѣ умершихъ платья, мортусамъ велѣно ежедневно разъѣзжать по улицамъ и собирать отъ каждаго дома, гдѣ были больные, такое опасное платье и всякую рухлядь, и сжигать все это за городомъ.

Назначаются особые мортусы, которые ловятъ по улицамъ всѣхъ собакъ и кошекъ и убиваютъ ихъ, а потомъ, вывозя за городъ, глубоко зарываютъ въ землю.

Всѣмъ городскимъ цирюльникамъ объявляютъ, чтобъ они не смѣли никому пускать кровь безъ разрѣшенія доктора.

Для снабженія города хлѣбомъ и другими съѣстными припасами, за камеръ-коллежскимъ валомъ по всѣмъ большимъ дорогамъ устраиваютъ особые амбары и торговыя мѣста, и т. д.

Но морозы были повидимому самыми искусными врачами. Съ октября чума, словно полая вода передъ лѣтними жарами, сильно пошла на убыль. Съ 20,000 умирающихъ она вдругъ спустила на 5,000, а потомъ, къ концу ноября, и совсѣмъ пропала.

Орлову ничего больше не оставалось дѣлать въ Москвѣ, 21-го ноября, совершивъ публичную казнь надъ убійцами Амвросія и надъ другими бунтовщиками, онъ выѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ поспѣть туда къ Екатеринину дню, а на его мѣсто присланъ былъ князь Волконскій.

25 ноября въ большомъ Успенскомъ соборѣ совершено общенародное благодарственное молебствіе о избавленіи города отъ постигшаго его бѣдствія.

«Изыдите—говорилъ при этомъ протоіерей Левшиновъ, произнесшій слово по случаю всеобщаго торжества—изыдите смѣло на дѣланія ваша, простирайте безъ роптанія шествія ваша, на нѣже кто изъ васъ званъ есть! Преуспѣвайте въ трудѣ и ревности къ благоденствію нашего отечества! Уже бо не зримъ стенающихъ въ

тяжкихъ оковахъ жестокія извѣстныя болѣзни. Не видимъ и не слышимъ насильственною смертію умирающихъ. Разсыпанное внѣ воззрѣлищъ сихъ безопасности общество вновь наполняется народа множествомъ; слышны радостныя пріятелей поздравленія, чувствуемы ихъ дружескія объятія. Какое ихъ восхищеніе, что простившись и такъ сказать заблаговременно погребши себя, встрѣчаются вдругъ какъ изъ ничтожества воскресшими и изъ праха преображенными для прославленія величества Божія и для вкушенія пользы дружелюбія! Публичныя мѣста не трупами поверженными, но народными восклицаніями, достигающими превыспренніе міра концы изъявляющими радость покрываются. Святыни и благочестія истинныя воззрѣнія, божественные говорю, храмы отверсты, въ которыхъ со благоговѣніемъ предстоя Господню алтарю освященный чинъ съ куреніемъ благоуханій возвышаетъ молебственные гласы и сердце свое къ Богу о украшающихъ и благочестіемъ веселящихъ его церковь чинахъ. Начатъ судъ, страшится злодѣйство, ободряется невинность. Рукомесленникъ обливается потомъ, зря достойную за труды свои плату. «Исчезла, слышу я вѣщающій гласъ, исчезла смертоносная болѣзнь и нѣтъ болѣе опасности»,—такъ она исчезла? И мы оставлены наслаждаться зрѣніемъ прекраснаго сего творенія? Радость сія общая» и т. д.

Но московскимъ властямъ предстояло не мало еще работы по случаю очищенія города отъ опасныхъ слѣдовъ, оставленныхъ въ немъ ужасною заразою. Оставалась цѣлая масса выморочныхъ домовъ: ихъ надо было очистить, все что въ нихъ ни уцѣлѣло, кромѣ иконъ и металлическихъ вещей, сжечь, и наконецъ, сжечь самые дома, особенно мелкіе изъ нихъ, деревянные. По остальнымъ домамъ ходили особыя артели «курильщиковъ» и окуривали дома порошками особаго состава. Очищались присутственныя мѣста, магазины, гостиный дворъ, церкви. Кто доносилъ о скрытыхъ зараженныхъ вещахъ, того награждали деньгами. Очищались фабрики, заводы, товарные склады. По всѣмъ дворамъ разыскивались, посредствомъ мортусовъ изъ каторжниковъ, тайно похороненные — то въ садахъ, то въ огородахъ, то въ погребахъ, иные зарыты безъ гробовъ, иные просто брошены въ какомъ-нибудь сараѣ, и уже давно сгнили. Всѣ эти трупы подбирались мортусами-каторж-

никами и вывозились на кладбища, а самыя телѣги, на которыхъ вывозились трупы, немедленно сожигались. Надъ самыми чумными кладбищами сдѣлана была особая земляная насыпь, вышиною болѣе аршина, составившая площадь болѣе 35,000 квадр. саженъ или около 15 десятинъ!

1875.

Послѣдніе годы иргизскихъ раскольничьихъ общинъ.

I.

Въ исторіи самозванцевъ и поволжской понизовой вольницы второй половины прошлаго вѣка, равно какъ во всѣхъ народныхъ движеніяхъ того времени и начала нынѣшняго вѣка, извѣстные иргизскіе монастыри, какъ мы неоднократно указывали на это въ нашихъ историческихъ монографіяхъ. играли очень важную роль, подобно тому, какъ русскіе монастыри въ польской Украйнѣ, во второй половинѣ прошлаго вѣка, во время Гайдамачины и Уманской рѣзни, играли немаловажную роль въ народныхъ движеніяхъ юго-западной или украинской половины Россіи. Интриги Пугачова получили первую организацію и начальную руководящую нить въ раскольничьихъ монастыряхъ, основанныхъ въ прошломъ вѣкѣ за Волгой, по рѣкамъ Иргизамъ, и долгое время бывшихъ центромъ тяготѣнія для бродячей массы народа восточной половины Россіи. Интриги Желѣзняка и подготовительныя дѣйствія гайдамачины также вышли изъ монастырей, расположенныхъ на границахъ польской Украйны, по рѣкѣ Тясмину, и также долгое время служившихъ точкою опоры для бродачихъ элементовъ народа западной Украйны. Послѣ Пугачова иргизскіе монастыри давали пріютъ не одному коноводу народныхъ движеній Поволжья.

То-же значеніе въ народныхъ движеніяхъ имѣли и тясминскіе монастыри. Вообще монастырская жизнь и скитничество несомнѣнно

выявили органическую связь съ исторіей народныхъ движеній, и бытовая исторія русскаго народа не вполнѣ будетъ ясна для историка, если онъ не откроетъ эту связь стихійныхъ движеній народа съ русскимъ скитничествомъ и вліяніе этого послѣдняго на историческую жизнь массы. Въ этомъ великую услугу бытовой исторіи русскаго народа могутъ оказать сохранившіеся провинціальные архивы прошлаго и нынѣшняго вѣка, разработка которыхъ, съ этой стороны, тѣмъ желательнѣе въ настоящее время, что совершающаяся нынѣ, введеніемъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, судебная реформа, съ одной стороны, приводя въ болѣе стройный порядокъ уцѣлѣвшіе отъ пожаровъ и другихъ разрушительныхъ дѣйствій всесокрушающаго времени остатки памятниковъ бытовой исторіи русскаго народа, съ другой—служитъ невольной причиной ихъ уничтоженія. Предшествовавшее открытію новыхъ судебныхъ установленій упраздненіе магистратовъ, ратушъ и уѣздныхъ судовъ, въ архивахъ которыхъ хранилась между прочимъ, — если позволено будетъ такъ выразиться, — вся криминальность нашего бытового прошлаго, и предшествовавшее этому упраздненію старыхъ судовъ распоряженіе правительства (1866 г.) о сосредоточеніи болѣе важныхъ и имѣющихъ историческое значеніе дѣлъ, возникавшихъ до начала нынѣшняго столѣтія, въ московскомъ центральнонъ архивѣ министерства юстиціи и объ уничтоженіи дѣлъ неважныхъ,—имѣли послѣдствіемъ то, что приведеніе въ порядокъ архивныхъ дѣлъ было въ то-же время началомъ, конечно, невиннымъ, -и уничтоженія ихъ. Съ одной стороны неопытные чиновники, неимѣщіе ни малѣйшаго понятія объ исторической важности разбираемыхъ ими остатковъ старины и руководимые такими же неопытными стряпчими въ оцѣнкѣ того, что съ исторической точки зрѣнія драгоцѣнно и что недрагоцѣнно, наблюдавшими за провѣркою архивовъ, нерѣдко уничтожали цѣлыми массами дѣла, казавшіяся имъ неважными съ канцелярской точки зрѣнія и несомнѣнно драгоцѣнныя, въ смыслѣ остатковъ бытовой исторіи русскаго народа; съ другой — эти-же чиновники и архивные сторожа, тяготясь этимъ, по ихъ мнѣнію, безполезнымъ хламомъ, цѣлыми вязанками уничтожали старыя дѣла на топку архивовъ и своихъ квартиръ или сбывали ихъ за безцѣнокъ, въ обмѣнъ

на табакъ, чай и сахаръ, по мелочнымъ лавочкамъ на оберточную бумагу *). Результатомъ всего этого было то, что архивы упраздненныхъ магистратовъ, ратушъ, уѣздныхъ и совѣстныхъ съ словесными судовъ, особенно до начала нынѣшняго вѣка, или окончательно исчезли съ лица земли и, такимъ образомъ, безвозвратно утрачены для исторіи хранившіеся въ нихъ памятники прошедшей жизни русскаго народа, или же приведенные въ порядокъ и снабженные красивыми папками для дѣлъ и изящно переплетенными описями, умалились въ своемъ объемѣ до весьма скромныхъ размѣровъ. Но и за всѣмъ тѣмъ то, что еще спаслось отъ всесокрушающихъ рукъ времени и канцелярскихъ чиновниковъ, все, что осталось въ архивахъ другихъ присутственныхъ мѣстъ, представляетъ безспорно неоцѣненные памятники бытовой исторіи русскаго народа, и на эту-то бытовую исторію мы и желали-бы обратить вниманіе историковъ и другихъ изслѣдователей, поставивъ себѣ задачею разработку тѣхъ или другихъ сторонъ исторической жизни русскаго народа, на основаніи уцѣлѣвшихъ въ провинціяхъ архивныхъ памятниковъ. На сколько раскольничьи монастыри и скитничество служили центромъ тяготѣнія для бродячихъ элементовъ народа, а иногда и источникомъ народныхъ движеній, можно отчасти заключить даже изъ того, что не далѣе, какъ тридцать лѣтъ назадъ раскольничьи иргизскіе монастыри изображали собою почти самостоятельное и изолированное отъ государства общество, а какіе-нибудь пошехонскіе скиты давали убѣжище весьма важнымъ коноводамъ бродячихъ народныхъ силъ. Такъ, архивныя дѣла тридцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка сохранили для будущей исторіи имя одного «предводителя шайки грабителей, бѣжавшаго изъ Сибири вора, извѣстнаго подъ названіемъ Алешки Дьячка». Личность эта, стоявшая во главѣ значительной шайки удалыхъ молодцовъ, особенно ознаменовала себя разбойными дѣлами въ ярославской губерніи, и не смотря на то, что, по особому высочайшему повелѣнію, Алешка Дьячекъ былъ преслѣдуемъ жандармскими командами внутренней стражи и земскою полиціею, не смотря на то, что о розыскѣ его и объ истребленіи предводительствуемой имъ партіи

*) Мы не говоримъ собственно объ архиваріусахъ, изъ которыхъ многіе страстно привязываются къ своимъ дѣтищамъ—архивнымъ дѣламъ.

циркулярно сообщалось по всѣмъ губерніямъ имперіи. Алешка Дьячекъ все-таки не былъ захваченъ правительствомъ, благодаря тому обстоятельству, что его, какъ доходили до правительства слухи, укрывали раскольничьи скиты въ пошехонскихъ лѣсахъ, а можетъ быть, такіе-же скиты костромскіе, вологодскіе, наконецъ—иргизскіе *). Послѣдніе годы существованія этихъ-то иргизскихъ монастырей и ихъ значеніе въ исторіи народныхъ движеній и должны составить предметъ настоящаго изслѣдованія.

II.

Весною 1827 года, саратовскій губернаторъ, князь Александръ Борисовичъ Голицынъ, получилъ отъ Иринея, епископа пензенскаго и саратовскаго, оффиціальную бумагу, въ которой Ириней между прочимъ писалъ: «Ваше сіятельство, препроводивъ ко мнѣ при почтеннѣйшемъ отношеніи своемъ отъ 25 минувшаго апрѣля, ставленную грамоту находящагося въ Саратовѣ бѣглаго раскольниче-

*) Приведемъ здѣсь сохранившіеся два любопытные циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ объ Алешкѣ Дьячкѣ. Первый циркуляръ отъ 7 мая 1829 г., за № 1334: «Господину гражданскому губернатору. Вслѣдствіе донесенія г. генералъ-адъютанту Бенкендорфу корпуса жандармовъ полковника Шубинскаго о появившейся будто-бы въ ярославской губерніи шайкѣ грабителей подъ предводительствомъ бѣжавшаго изъ Сибири вора, извѣстнаго подъ названіемъ Алешки Дьячка, его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы полковникъ Шубинскій старался открыть сію шайку и захватить всѣхъ разбойниковъ, при содѣйствіи жандармскихъ командъ внутренней стражи и земской полиціи. Во исполненіе сей высочайшей воли приняты были г. ярославскимъ гражданскимъ губернаторомъ и полковникомъ Шубинскимъ надлежащія мѣры къ развѣдыванію о мѣстопребываніи вора Алешки Дьячка и его сообщниковъ, но, вопреки всѣмъ стараніямъ, поиски по этому предмету остались донынѣ безуспѣшными. Полагаютъ, что сей воръ, въ августѣ и сентябрѣ прошлаго года, проживалъ въ романово-борисоглѣбскомъ уѣздѣ; но, что повсемѣстное разглашеніе о мѣрахъ, принятыхъ къ поимкѣ его, побудило его, Алешку, оставить ярославскую губернію, тѣмъ болѣе, что онъ на свободное житье въ другихъ губерніяхъ, вѣроятно, имѣетъ поддѣльные паспорты. Впрочемъ, есть слухи, что Алешка ушелъ въ раскольничьи скиты, въ поше-

скаго попа Кирилла, совратившаго многихъ православныхъ христіанъ въ раскольническую ересь, требовать изволили мнѣнія моего по сему предмету, какъ неимѣющему положительнаго закона, къ пресѣченію тѣхъ способовъ раскольникамъ, которые употребляются ими къ распространенію той ереси, не только въ кругу ихъ жительства, но и въ отдаленныхъ мѣстахъ, а именно въ городахъ: Астрахани, Тамбовѣ, Нижегородскѣ, между войскомъ донскимъ и въ другихъ мѣстахъ, какъ показалъ о томъ самъ бѣглый попъ Кириллъ». Далѣе Ириней, прежде чѣмъ изложить свое мнѣніе по этому предмету, указываетъ на правила православной церкви относительно поповъ, оставляющихъ свою церковь и «прилѣпляющихся къ расколу». Правила эти онъ находитъ въ Кормчей книгѣ, въ толкованіи этой книги, въ постановленіяхъ вселенскихъ соборовъ: антіохійскаго, карѳагенскаго и др.

«Изъ правилъ сихъ, коими духовное правительство руководствуется, ваше сіятельство усмотрѣть изволите (продолжаетъ Ириней), что попы, у раскольниковъ укрывающіеся, не говоря уже о совращеніи ими христіанъ, за одно такое оставленіе церкви своей подвергаются лишенію сановъ. За совращеніе же отъ православной церкви простодушныхъ христіанъ, подвергаются бо̀льшему суж-

хонскихъ лѣсахъ или еще далѣе, въ вологодскую и костромскую губерніи. Такъ какъ объ отысканіи означеннаго вора Алешки Дьячка послѣдовало особое высочайшее его императорскаго величества повелѣніе, то я и счелъ долгомъ поручить гг. начальникамъ губерній и областей объ отысканіи вора Алешки сдѣлать немедленно по вѣдомствамъ ихъ нужныя распоряженія и о послѣдующемъ министерство внутреннихъ дѣлъ увѣдомить». Подписалъ управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Федоръ Гигель.

Второй циркуляръ отъ 13 августа № 2304: «Циркулярнымъ предписаніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 7 прошлаго мая за № 1334, поручено гг. начальникамъ губерній и областей сдѣлать немедленно по вѣдомствамъ ихъ нужныя распоряженія объ отысканіи вора Дьячка Алешки. Нынѣ г. генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ сообщилъ мнѣ, что на докладной запискѣ, представленной имъ всеподданнѣйше государю императору, по дѣлу о бѣжавшихъ изъ Сибири грабителяхъ, подъ предводительствомъ означеннаго вора Алешки Дьячка, его императорское величество высочайше отмѣтить изволилъ: «*продолжать отыскивать*». О таковомъ высочайшемъ его императорскаго величества повелѣніи поспѣшаю увѣдомить о семъ ваше сіятельство (князя Голицына, саратовскаго губернатора) для надлежащаго исполненія».

денію и истязанію, какъ о томъ изъяснено и въ высочайшемъ указѣ 1722 года, апрѣля 29 дня. На основаніи сихъ узаконеній, бѣглые попы, по суду духовнаго правительства, всегда и неизмѣнно извергаются лишенію сановъ, съ отсылкою въ гражданское вѣдомство, для опредѣленія куда годными окажутся. Но тѣмъ изъ нихъ, которые въ преступленіяхъ своихъ во время суда изъявляютъ раскаяніе и обязуются пребывать до конца дней своихъ въ нѣдрахъ православной церкви нашей, по исполненію временной монастырской епитеміи и довольномъ усмотрѣніи чистосердечнаго раскаянія ихъ, возвращаемы бываютъ паки должности священническія».

До 1822 года, по словамъ Иринея, когда «измѣна церкви» была преслѣдуема по существующимъ узаконеніямъ, духовенство весьма рѣдко уклонялось къ раскольникамъ, хотя и находило тамъ «всегда вѣрное убѣжище отъ наказаній за свои преступленія». По дѣламъ видно, говоритъ онъ, что ни одинъ священникъ не убѣгалъ къ раскольникамъ, не сдѣлавъ прежде какого-либо преступленія. Были у раскольниковъ даже и преступники, которые, послѣ лишенія сановъ, какъ ихъ называли «попы разстриги», совершали богослуженіе. Были и такіе, которые, похищая ставленныя граматы послѣ умершихъ священниковъ, укрывались у раскольниковъ подъ именами, означенными въ похищенномъ документѣ. Но при всемъ томъ, какъ выражается Ириней, «злодѣйство обуздываемо было: будучи презрительнымъ въ своихъ вертепахъ, оно наводило ужасъ и на взирающихъ и никакъ не осмѣливалось возносить главы своея». Но когда въ 1822 году допущена была свобода открытыхъ сношеній православнаго духовенства съ раскольниками, когда дозволено было священникамъ, несдѣлавшимъ уголовныхъ преступленій, отлучаться къ раскольникамъ и исправлять у нихъ священническія должности, «какъ такимъ людямъ (прибавляетъ Ириней), коими дорожить не должно», то такое множество священниковъ, особенно преслѣдуемыхъ за что-либо епархіальнымъ начальствомъ, ушло къ раскольникамъ и преимущественно за Волгу, въ богатые иргизскіе скиты, что эти скиты, «преизобыточествуя сими бѣглецами, *начали производить ими торговлю*», посылая ихъ въ такія мѣста, гдѣ ихъ прежде не было и гдѣ въ нихъ не нуждались, и черезъ эту торговлю раскольничьими

попами и другими бѣглецами, иргизскіе скиты накопили громадныя богатства, о которыхъ мы и скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Наконецъ, массы бѣглыхъ поповъ и самозванцевъ до того увеличились, раскольничье проходимство, бродяжничество духовенства и міранъ, самозванство и общіе побѣги, какъ въ понизовую вольницу, такъ и въ привольные раскольничьи скиты за Волгу, гдѣ притомъ допускалась всевозможная свобода сношеній между скитами мужскими и женскими, до того усилились, что сами раскольники испугались этого наплыва народа со всѣхъ сторонъ Россіи, и тѣхъ изъ бѣглыхъ поповъ, разстригъ и самозванцевъ, «которые развратными поступками своими содѣлались и тамъ нетерпимыми», выгоняли изъ скитовъ, а иногда прямо выдавали въ руки полиціи. Въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ Ириней говоритъ, что дозволеніемъ свободныхъ сношеній духовенства съ раскольниками «зло воспріяло образованіе и приняло на себя отблески истины, не имѣя существа ея», что, такимъ образомъ, зло это получило и опору въ умахъ народныхъ массъ, проявляясь въ различныхъ видахъ и развѣтвляясь на безчисленныя секты, согласія и толки. Къ этому Ириней прибавляетъ съ своей стороны, что снисхожденіе правительства при допущеніи священниковъ удаляться къ раскольникамъ имѣло далеко не ту цѣль, чтобы умножать расколъ и, унижая тѣмъ господствующую церковь, «вооружать противъ себя лютыхъ непріятелей и государству, и государю непрестанно зломыслящихъ», какъ выражался Петръ I въ своихъ указахъ о раскольникахъ, но чтобы бѣглые священники, являясь между раскольниками, могли напротивъ служить какъ бы звеномъ соединенія ихъ съ православными. Между тѣмъ раскольничьи коноводы, начетчики и другіе грамотники, будучи «кривотолками священнаго писанія», по выраженію Иринея, «криво толкуютъ и законы». Они внушаютъ бѣглымъ попамъ что еслибы ихъ, раскольничья вѣра не была права, то не могло бы существовать и дозволенія священникамъ свободно жить между раскольниками, даже послѣ побѣговъ и преступленій, кромѣ уголовныхъ. Обольщая этой казуистикой бѣглыхъ поповъ, раскольничьи коноводы дѣлаютъ ихъ слѣпымъ орудіемъ умноженія раскола, особенно же посредствомъ такъ называемой «исправы» и проклятій, относимыхъ къ господствую-

щей религіи, какъ въ никоніанской ереси. Вскорѣ, по объясненію пензенскаго епископа, обнаружилось и другое зло, давшее новую силу расколу и вызвавшее въ народѣ волненіе и прямое неповиновеніе властямъ цѣлыми массами. Это умноженіе раскольничьихъ церквей и часовень, привлекавшихъ народъ богатою внутреннею обстановкою. Такъ-какъ высочайшими указами 12-го марта 1798 г., 27-го октября 1800 г. и 14-го октября 1807 г. раскольникамъ дозволено было строить церкви и имѣть при нихъ священниковъ, только съ разрѣшенія духовнаго начальства, съ тѣмъ, чтобы церкви эти назывались единовѣрческими, какъ это выяснено въ высочайше утвержденномъ мнѣніи московскаго митрополита Платона на извѣстные пункты, поданные ему московскими старообрядцами, то въ силу этого дозволенія во многихъ городахъ и были построены такія церкви съ избранными отъ самихъ раскольниковъ и утвержденными епархіальнымъ начальствомъ священниками. «Но сей снисходительный гласъ правительства, прибавляетъ епископъИриней—не былъ услышанъ въ главномъ гнѣздилищѣ разврата раскольническаго — иргискихъ скитахъ и городѣ Вольскѣ. Такъ устроялись церкви по своевольнымъ и прихотливымъ желаніямъ загрубѣлыхъ въ заблужденіи своемъ изувѣровъ; взирая же и другіе на нихъ, построили молельни и часовни на подобіе грекороссійскихъ церквей въ разныхъ городахъ, селахъ и деревняхъ». Подобнымъ образомъ была построена каменная церковь въ Вольскѣ. Когда объ этомъ было донесено синоду и когда вольскихъ раскольниковъ спросили, кто разрѣшалъ имъ строить церковь, тѣ отвѣчали, что церковь построена ими съ разрѣшенія бывшаго саратовскаго губернатора Бѣлякова. Объ этомъ было доложено государю Александру. Тогда-то и послѣдовало высочайшее повелѣніе, объявленное въ указѣ синода отъ 31-го декабря 1817 года, которымъ повсемѣстно подтверждалось, чтобы «начальники губерній отнюдь не давали дозволеній по предметамъ, до духовнаго вѣдомства принадлежащимъ», и въ то же время повѣлено было наблюдать, чтобы постройка вольской раскольнической церкви не была ими своевольно довершена. Впослѣдствіи оказалось, что вольскіе раскольники не послушались и этого распоряженія. Въ заключе-

ніе своего посланія къ князю Голицину, Ириней предлагаетъ, въ отношеніи раскольниковъ, принять слѣдующія мѣры:

1) Священниковъ, у раскольниковъ находящихся, впредь до составленія о нихъ положительныхъ правилъ, обязать строжайшими подписками, чтобы они ни подъ какимъ предлогомъ не присоединяли вновь въ расколъ православныхъ христіанъ, хотя бы они объявили о себѣ, что имѣютъ на то собственное желаніе и ни кѣмъ къ тому побуждаемы не были.

2) Не совершали бы браковъ между таковыми лицами, гдѣ одно принадлежитъ къ нашей православной грекороссійской церкви.

3) Не давали бы молитвъ родильницамъ и не крестили бы дѣтей отъ таковыхъ браковъ рожденныхъ.

4) Если за всѣмъ тѣмъ кто-либо изъ таковыхъ священниковъ оказался бы нарушившимъ что-либо изъ вышеписанныхъ правилъ, таковаго, какъ преступника высочайшей воли, изъясненной въ мнѣніи комитета гг. министровъ 1825 г. октября 17 дня, отбирая у раскольниковъ, препровождать къ епархіальному начальству для поступленія съ нимъ по законамъ. На семъ основаніи и попа Кирилла, признавшагося въ совращеніи многихъ православныхъ въ расколъ, препроводить для сужденія къ епархіальному начальству.

5) «Усугубить вниманіе со стороны гражданскаго начальства: будутъ ли сверхъ того соотвѣтствовать сіи бѣглецы благодѣтельному снисхожденію къ нимъ правительства, въ обстоятельствахъ, необъясненныхъ въ сказанной подпискѣ, но клонящихся къ той цѣли, что-бы они, бѣглецы, служили орудіемъ къ соединенію заблудшихъ съ нашею православною церковью; въ противномъ случаѣ отправлять ихъ къ тѣмъ епархіальнымъ начальствамъ, къ коимъ они принадлежали, и такимъ образомъ снисхожденію правительства полагать мало-по-малу предѣлъ, а раскольниковъ возбуждать къ скорѣйшему принятію единовѣрческой церкви и благословенныхъ священниковъ.

6) «Изъ дѣлъ открывается, что не одни бѣглые попы совращаютъ православныхъ въ расколъ, но и наставники и лжеучители раскольническіе, а наипаче монахи и бѣльцы и монахини и бѣлицы иргизскихъ монастырей, то всѣмъ имъ, посредствомъ полиціи,

строжайше подтвердить, чтобы они никого въ своей ереси не совращали, въ противномъ случаѣ подвергать ихъ уголовному суду.

7) «Выше сего изложено, что церкви, часовни и молельни, своевольно раскольниками построенныя, служатъ для простодушныхъ христіанъ большою приманкою къ поступленію въ расколъ, то по силѣ вышеписаннаго высочайшаго указа, чтобы раскольники ничего вновь не строили похожаго на церкви, до воспослѣдованія о нихъ особаго постановленія, строжайше воспретить имъ, раскольникамъ, перестраивать и возобновлять оныя, ибо, если раскольники будутъ ихъ починивать и передѣлывать, то эти останутся всегда въ одинаковомъ положеніи и при всей своей многочисленности, а высочайшее повелѣніе не достигнетъ своей цѣли; но дабы раскольникамъ пресѣчь къ тому способы, то, исчисливъ секретно таковыя церкви, часовни и молельни и назначивъ нѣкоторыя къ немедленному, а другія къ постепенному уничтоженію, имѣть списки сіи въ виду какъ гражданскому, такъ и духовному начальствамъ, и затѣмъ поручить, съ гражданской стороны, полиціямъ, а съ духовной благочиннымъ строго наблюдать и, при малѣйшемъ движеніи раскольниковъ къ возобновленію оныхъ, доносить каждому по своему начальству; своевольное же оканчиваніе раскольниками въ городѣ Вольскѣ каменной церкви воспретить, если они не согласятся имѣть оную на правилахъ единовѣрческой церкви, согласно съ высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ высокопреосвященнѣйшаго Платона, митрополита московскаго».

Письмо свое, по обычаю того времени, Ириней заканчиваетъ словами: «Съ отличнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства, *покорнѣйшимъ слугою и богомольцемъ, Ириней, епископъ пензенскій и саратовскій*».

III.

Это знаменитое посланіе Иринея къ князю Голицыну было началомъ роковыхъ послѣдствій для иргизскихъ раскольничьихъ монастырей и однимъ изъ сильнѣйшихъ нравственныхъ ударовъ, поразившихъ понизовую вольницу за все время ея долгаго историческаго существованія. Мало того, что этимъ ударомъ какъ-бы пришиблена была понизовая вольница—онъ рефлективно отразился и на всей исторіи народныхъ движеній.

До 1827 года иргизскіе монастыри представляли какой-то отдѣльный міръ, до того замкнутый отъ вторженія въ него какихъ бы то ни было правительственныхъ властей, что даже мѣстные губернаторы знали о нихъ только по слухамъ. Это была совершенно самостоятельная и богатая община, управляемая своими собственными властями на выборныхъ началахъ Маленькое государство это, status in statu, руководствовалось въ своихъ внутреннихъ распорядкахъ чисто-республиканскими пріемами, и президентъ республики, которыхъ было нѣсколько по числу общинъ, былъ отвѣтственнымъ лицомъ передъ народомъ, его избравшимъ. Поэтому, когда правительство поняло, насколько опасно и вредно ютившееся въ темномъ углу за Волгой независимое братство, оно не знало даже, съ какой стороны подойти къ нему, чтобы узнать, какая сила заключается въ этой общинѣ. Знали только по слухамъ, что эти раскольничьи скиты владѣли огромнымъ количествомъ богатыхъ земель, находящихся по рѣкамъ Караману, Иргизамъ, Вертубани, Тишанѣ, Тарлыку, Сазавлеѣ, Еруслану и Березовкѣ, что въ казначействахъ этихъ скитовъ хранятся несмѣтныя сокровища, и что президенты и президентши общинъ, иноки и схимники, Тарасіи, Мардаріи и инокини Феофаніи, Дросиды и другія распоряжаются своими подданными, какъ настоящіе государи, съ правомъ суда и наказанія по своимъ законамъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ полученія уже извѣстнаго намъ письма Иринея, князь Голицынъ потребовалъ отъ вольскаго земскаго исправника, въ вѣдѣніи котораго территоріально, но не юриди-

чески, находились иргизскія общины, слѣдующихъ свѣдѣній: 1) въ какомъ употребленіи находятся земли, состоящія во владѣніи иргизскихъ монастырей, въ какихъ угодьяхъ эти земли заключаются и какой приносятъ доходъ; 2) о способахъ содержанія этихъ монастырей, о ихъ имуществѣ, какъ велики ихъ годовые доходы и расходы, «хотя примѣрно, но сколько можно ближе къ истинѣ»; 3) кромѣ иноковъ и бѣльцевъ, сколько проживаетъ въ монастыряхъ людей, изъ какого они званія и чѣмъ занимаются, и вообще всѣ свѣдѣнія, какія только можно собрать о монастыряхъ и ихъ обитателяхъ. Исправникъ Канищевъ, представляя князю Голицыну требуемыя имъ о всѣхъ пяти монастыряхъ свѣдѣнія, добавилъ, что настоятель одного изъ монастырей, Прохоръ, замѣненъ другимъ монахомъ — Саввою «Но какъ тотъ выборъ происходилъ — свѣдѣнія не имѣю (писалъ Канищевъ). Господину засѣдателю Юрасову тѣ обстоятельства, которыя должны доводить до свѣдѣнія вашего сіятельства, особо передамъ, ибо я, по милостивому вашего сіятельства позволенію, сего числа отъѣзжаю въ отпускъ». Изъ этихъ свѣдѣній оказалось, что въ трехъ мужскихъ монастыряхъ, верхне-спасо-преображенскомъ, нижне-воскресенскомъ и средне-никольскомъ, считалось сорокъ *священниковъ*, изъ которыхъ одни находились при монастыряхъ на лицо, а другіе въ отлучкахъ или по разнымъ случаямъ выбывали изъ монастырей. Тутъ были священники, сошедшіеся на Иргизы со всѣхъ мѣстностей Поволжья, а нѣкоторые изъ внутреннихъ губерній Россіи. Тутъ были священники и іеромонахи изъ Казани, Чистополя, Сенгилея, Сызрани, Симбирска, Пензы, Астрахани, Ярославля, Костромы, Тамбова, Вятки, Елабуги, Калуги и другихъ городовъ. Какъ оказалось, иные изъ этихъ священниковъ пришли на Иргизы въ началѣ этого столѣтія и оставались тамъ до послѣднихъ лѣтъ. Въ двухъ женскихъ монастыряхъ, средне-успенскомъ и верхне-покровскомъ, считалось *до восьми сотъ инокинь и бѣлицъ*, которыя въ монастырскихъ спискахъ иначе назывались просто «дѣвками».—Въ мужскихъ же монастыряхъ, кромѣ священниковъ, іеромонаховъ и діаконовъ, считалось болѣе *трехъ-сотъ бѣльцовъ*, между которыми были не только юноши, «мальчики», какъ они значатся въ спискахъ, но и

младенцы. Вообще-же женское населеніе монастырей было многочисленнѣе мужского, потому что послѣднее не довольствовалось монастырскою жизнію, скитничествомъ и «монастырскими трудами» и «моленіемъ», «хожденіемъ на клиросъ» и прочими подвигами, но искало и внѣшней дѣятельности, начиная отъ торговли и кончая паломничествомъ и бродяжничествомъ и даже участіемъ въ подвигахъ понизовой вольницы. Получивъ эти первоначальныя свѣдѣнія о монастыряхъ и узнавъ объ отрѣшеніи отъ должности настоятеля нижне-воскресенскаго монастыря инока Прохора, замѣненнаго монахомъ Саввою, князь Голицынъ потребовалъ отъ Юрасова новыхъ свѣдѣній. Онъ предписалъ Юрасову—«безъ всякой огласки, подъ рукою, тотчасъ развѣдать и донести съ первою почтою: въ какомъ отношеніи находятся иргизскіе монастыри къ удѣльной конторѣ, какой доходъ даютъ они конторѣ, отъ кого зависитъ отрѣшеніе настоятелей и, наконецъ, какимъ образомъ производится самый ихъ выборъ». На это Юрасовъ донесъ, что основаніе иргизскихъ монастырей положено въ 1762 году, что «заводились» они выходцами изъ-заграницы, и, по собственному желанію раскольниковъ—выходцевъ, причислены были въ дворцовые крестьяне, что впослѣдствіи они переименованы были въ крестьяне удѣльные и завѣдывались бывшею тамбовскою удѣльною экспедиціею. Съ 1808 года иргизскіе монастыри поступили въ завѣдываніе саратовской удѣльной конторы, такъ какъ заводители монастырей «были прежде дворцовыми». Всѣ имѣющіяся въ монастыряхъ «сокровища» пріобрѣтены не отъ собственнаго труда монастырскихъ обывателей, а «чрезъ подаянія доброхотныхъ дателей, старообрядцевъ, находящихся въ столицахъ, разныхъ губерніяхъ и сибирскихъ краяхъ». Выборъ настоятелей производится слѣдующимъ образомъ: иноки и бѣльцы извѣстнаго монастыря, собравшись на сходку и посовѣтовавшись между собою, избираютъ того, кого считаютъ наиболѣе достойнымъ править ихъ общиною; о результатахъ избранія составляется приговоръ, который и представляется въ удѣльную контору чрезъ мѣстный приказъ. Отрѣшеніе настоятелей также зависитъ «отъ братіи монастырей, если что оная замѣтитъ противное уставамъ». Иноки и бѣльцы вносятъ въ удѣльный приказъ оброкъ—на жалованье

головѣ, двумъ засѣдателямъ, на шитье головѣ кафтана, на с
жаніе приказа и на другія мірскія надобности. Вообще-же об
не превышаетъ одиннадцати рублей съ души. Князь Голицын
остановился на этихъ свѣдѣніяхъ. Онъ обратился въ удѣл
контору и просилъ сообщить ему: въ какомъ отношеніи нахо
монастыри къ удѣльной конторѣ по всѣмъ предметамъ, ск
въ тѣхъ монастыряхъ считается собственно—удѣльныхъ кр
янъ, какой они платятъ оброкъ и черезъ кого онъ собира
какимъ образомъ устроена хозяйственная часть монастырей;
составляетъ ихъ сельское начальство, кѣмъ производится вы
настоятелей, кто утверждаетъ ихъ въ духовномъ званіи и
они удаляются отъ должностей. Добытыя посредствомъ удѣл
конторы свѣдѣнія состояли въ слѣдующемъ: Иргизскіе монас
вмѣстѣ со всѣми обитателями этихъ духовныхъ общинъ, на
ваніи второго параграфа учрежденія объ императорской фам
и по преобразованіи въ 1808 году положенія объ удѣлахъ, п
пили въ управленіе удѣльной конторы наравнѣ съ прочими
цовыми крестьянами. Во всѣхъ пяти монастыряхъ, по сказ
7-й ревизіи, считалось въ этихъ монастыряхъ, какъ мы ви
выше, за удѣломъ 202 души мужского пола и 152 женскаго,
какъ только по монастырскимъ спискамъ считалось въ э
монастыряхъ, какъ мы видѣли выше, болѣе *тысячи-ста ино
инокинь, бѣльцовъ и бѣлицъ*. Фактически-же цифры эти были
болѣе. Хозяйственная часть монастырей состоитъ въ хлѣбоп
ствѣ и скотоводствѣ. Поземельная собственность ихъ простир
до 12,500 десятинъ. Но главный доходъ монастырей ихъ—
нила удѣльная контора, состоитъ въ подаяніяхъ отъ доброхот
дателей равной имъ секты, пріѣзжающихъ къ нимъ на мол
а нѣкоторые таковое посылаютъ и изъ мѣстъ своихъ, и под
сіе дѣлается не одними деньгами: Уральскъ снабжаетъ ихъ ры
Сибирь—желѣзомъ, а Москва и Санктъ-Петербургъ церков
утварьми. Относительно утвержденія настоятелей дознано
что утвержденіе ихъ въ духовномъ званіи завпсѣло отъ конт

«Что-же касается до отправленія монастырскими жителям
гослуженія и прочихъ по ихъ сектѣ духовныхъ обрядовъ, р
пріема въ монастыри сіи священниковъ и діаконовъ, то (заклю

нтора)—все сіе, по нахожденію старообрядцовъ въ непосредствен-мъ завѣдываніи и наблюденіи начальниковъ губерніи, ни до ка-го другаго мѣстнаго начальства не относится и контора, не ѣвъ на сіе отъ своего начальства никакого постановленія, въ едметъ сей не входитъ». Между тѣмъ, какъ оказывается, губер-торы менѣе всего знали, что дѣлается въ монастыряхъ. Граж-нская замкнутость этихъ общинъ, особенно передъ великимъ фиціальнымъ окомъ и противъ всякаго административнаго шага посягательства, была до того абсолютна, что губернаторы имѣли, этомъ отношеніи, на монастыри болѣе ничтожное вліяніе, чѣмъ шайки понизовой вольницы, противъ которой они могли высы-ть свои команды, которую они могли преслѣдовать и попадав-ихся въ руки удалыхъ добрыхъ молодцовъ сажать въ остроги, казывать кнутомъ, ссылать въ Сибирь. Иргизскіе монастыри — о была духовная понизовая вольница, болѣе, можетъ быть, страш-я для гражданскаго строя, чѣмъ гражданская понизовая воль-ца. Духовные удалые добрые молодцы—иноки, бѣльцы, инокини, лицы—имѣли сильную руку въ столицахъ, въ Сибири, во всѣхъ ицахъ Россіи и на всѣхъ ступеняхъ правительственной лѣстницы.

IV.

Собранныя разными косвенными путями свѣдѣнія о монасты-хъ не удовлетворили князя Голицына. Онъ требовалъ указанія документы, по которымъ раскольники владѣютъ такими обшир-ми земельными статьями. Мало того,—онъ требовалъ отъ удѣль-й конторы того, чего она сама не въ силахъ была дать. Про-давъ о «сокровищахъ», хранящихся въ монастыряхъ, онъ пи-ъ конторѣ: «Считая нужнымъ знать, въ чемъ именно заключа-ся находящіяся въ помянутыхъ монастыряхъ сокровища... я по сему корно прошу удѣльную контору доставить мнѣ надлежащія о семъ вѣдѣнія сколь возможно поспѣшнѣе». За этими свѣдѣніями при-ось обратиться къ самимъ монастырямъ. И вотъ въ октябрѣ

1827 года, настоятели монастырей, иноки Савва, Тарасій и Гавріилъ, а равно настоятельницы дѣвичьихъ обителей, инокини Надежда, Феофанія, вмѣстѣ съ уставщиками, соборными «старицами», инокинями, бѣльцами и бѣлицами, составили реестры монастырскихъ имуществъ и даже необходимыя объясненія. Такъ изъ описи нижне-воскресенскаго монастыря, напримѣръ, видно, что въ немъ было три церкви. Внутренность одной была вся расписана изображеніями апокалипсиса. Въ ней находилось до трехъ-сотъ образовъ, «съ серебряными ризами, иныя позлащены и унизаны жемчугомъ и разными каменьями». Были также «разныхъ святителей частицы мощей» и проч. Келій въ монастырѣ 47, въ томъ числѣ келарня, пекарня и больница. Изъ трехъ лучшихъ келій одна занимаема была настоятелемъ, другая храненіемъ ризъ, утвари и библіотеки изъ 450 книгъ, третья—«неугасимымъ Богу служеніемъ». При монастырѣ имѣлось два магазина для жизненныхъ припасовъ, три конюшни, два сарая и два колодца. Монастырь обнесенъ оградой съ тремя воротами. На озерѣ двѣ мельницы. Для уборки хлѣба и для скотоводства—хуторъ, съ десятью кельями, двумя магазинами и восемью сараями. При хуторѣ—три мельницы, кузницы и другія хозяйственныя заведенія. Въ лѣсу пчельникъ съ сорока ульями. Воловъ 46, дойныхъ коровъ—25 и много другого мелкаго скота. На озерѣ и на рѣкѣ дощаники и лодки. Для рыболовства неводъ въ 120 саженъ. Затѣмъ, пожарный обозъ и проч. Но гораздо большій интересъ представляетъ описаніе церковнаго имущества, утвари, книгъ и другихъ принадлежностей. Утомительно читать перечисленіе иконъ, которыхъ во всѣхъ монастыряхъ насчитывалось болѣе двухъ тысячъ, книгъ, священническихъ ризъ, сосудовъ. Между тѣмъ, все это были предметы цѣнные, все это были дѣйствительно «сокровища». Просматривая перечни книгъ, мы постоянно встрѣчаемъ поясненія, что изъ нихъ такія-то напрестольныя евангелія—или съ «серебряными кованными и позлащенными досками»—аршинной мѣры или съ кованными украшеніями по угламъ. Между ними были рукописи, свитки и иная раскольничья святыня. Богатство и цѣнность иконъ еще болѣе бросаются въ глаза. То и дѣло при перечнѣ иконъ попадаются поясненія—или «въ серебряныхъ и позлащенныхъ ризахъ» или «ризы убраны жемчугомъ» или

«въ серебряныхъ и вызлащенныхъ окладахъ и жемчужныхъ убрусахъ». Вѣнцы, оплечья на образахъ — все это тоже драгоцѣнно. Не менѣе драгоцѣнны ковчеги, непремѣнно «серебряные и вызлащенные», драгоцѣнные запрестольные и благословящіе кресты, воздухи—«унизаны жемчугомъ», «шиты золотомъ», иконостасы—«рѣзные, вызлащенные червеннымъ золотомъ на полиментъ», громадныя серебряныя паникадила, изъ коихъ въ нѣкоторыхъ было по 42 и по 48 подсвѣчниковъ. Затѣмъ слѣдуютъ лампады, подсвѣчники, потиры, кадила, блюда, сосуды, рипиды—все это цѣльное кованное серебро, и все это массивно и цѣнно. Ризницы переполнены священническимъ и діаконскимъ облаченіемъ. На ризахъ и діаконскихъ стихаряхъ также блеститъ золото и серебро а самая матерія говоритъ о ихъ цѣнности: все это, большею частію, парча, бархатъ, атласъ, штофъ. Потомъ богатые діаконскіе орари, поповскіе подрясники, епитрахили, поручи, пояса. Изъ другихъ церковныхъ драгоцѣнностей обращаютъ на себя вниманіе—богатыя плащаницы, блестящія золотомъ и жемчугомъ, церковныя хоругви, одежды на престолахъ и на жертвенникахъ — все это сплошное серебряное и золотое тканье, равнымъ образомъ покрывала—на золотѣ, пелены и прочая утварь и одѣянія. Не даромъ до сихъ поръ саратовскіе старожилы, которые помнятъ когда и какъ уничтожались иргизскіе скиты, разсказываютъ, что нѣкоторые изъ мелкихъ оффиціальныхъ лицъ, принимавшіе участіе въ фактическомъ уничтоженіи скитовъ, набивали громадные сундуки серебряными ризами отъ ободранныхъ иконъ и другими сокровищами, скопленными раскольниками. Дѣйствительно, существованіе этихъ сокровищъ неудивительно, потому что вся европейская и азіятская Россія, Москва, Петербургъ и богатѣйшіе города имперіи, несли свои дорогіе вклады въ эти обители, а тратить эти сокровища раскольникамъ было некуда, какъ-бы роскошно и расточительно ни жили они въ своихъ, сокрытыхъ отъ глазъ нескромныхъ міранъ, обителяхъ и скитахъ. Притомъ для старцевъ и старухъ-инокинь самая роскошь не имѣла смысла, а молодежь—юные бѣльцы и молоденькія бѣлицы, могли роскошничать только тайно отъ постороннихъ глазъ, да и то роскошь эта при тогдашнихъ общественныхъ нравахъ и при простомъ образѣ жизни въ

глухомъ Заволжьѣ едва-ли могла быть разорительна. Раскольники могли развѣ только въ свое удовольствіе пожить животно—сладко поѣсть и въ волю попить, а для этого они имѣли все подъ рукою, не говоря уже о безпрестанныхъ богатыхъ посылкахъ всякой провизіи съ Волги, Дона, Урала. Эту нескромность и распущенность монастырской жизни изобличаютъ имѣющіеся у насъ подъ руками два современные документа, принадлежащіе, повидимому, одному изъ раскольниковъ. Документы эти мы и приводимъ въ слѣдующей главѣ.

V.

Въ декабрѣ того же года князь Голицынъ получилъ безыменный доносъ. Доносъ писанъ древнимъ почеркомъ, едва-ли не полууставомъ, какимъ въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго писались разныя раскольничьи книги и молитвы.

Вотъ содержаніе перваго доноса:

«Ваше сіятельство, проницательный господинъ саратовскій губернаторъ! По дозволенію доносить вашему сіятельству на каждомъ шагу о законопротивныхъ поступкахъ, которые совершаются со всякою похабностію и необузданостію въ средненикольскомъ старообрядческомъ мужскомъ и дѣвичье-успенскомъ монастыряхъ, я за необходимое поставилъ по обязанности моей сдѣлать честь вашему сіятельству донесть о разслабленномъ инокѣ схимникѣ Тарасіи и о надутой настоятельницѣ инокинѣ Ѳеофаньѣ. Между сими двумя лицы единственная есть неразрывность и отверстыя къ противленію его царскаго величества законамъ врата. Нужда, заставляющая ихъ такъ поступать, есть сія: поелику что въ прихотѣ своей предприметъ Ѳеофанья настоятельница, то и Тарасій дѣлаетъ въ угодность ея со всевозможнѣйшею поспѣшностію, боясь дабы ее не прогнѣвать, отчего онъ можетъ (и не диво) лишиться благого ея правленія и распоряженія въ его монастырѣ. Къ исполненію-же сему, имѣя подъ собою подобныхъ себѣ похотопослѣдователей, церкве-управителя инока

Павла, у котораго рѣдкія сутки не наполнена бываетъ голова горячихъ напитковъ, и подчиненный ему попъ Иванъ Петровичъ, по прозванію... есть оныхъ вседѣйствующее орудіе указопротивнымъ дѣламъ, чрезъ которое могутъ исполнить все то, что кому требуется, не только въ полдень, но и въ полночь. Причина же его есть та, что были-бы ему даны деньги, а кольми паче и паче всего виномъ кто его напоитъ. 1) Понѣже пьяный оный попъ смѣло и безразборчиво преступилъ крестить числомъ пять человѣкъ, какъ-то *): мальчикъ лѣтъ 15, женщина лѣтъ 30 и три дѣвицы лѣтъ по 20, есть инымъ и менѣе. На что однако имѣются (и хранятся удивленія достойно) у настоятеля Тарасія данные документы о дозволеніи пяти душъ крестить, а позабывъ его царское величество воспретительные указы состоящіеся 1826 года и свою данную господину исправнику подписку, чтобъ впредь ни по какому поводу не пріимать. И убо по вытребованію ваше сіятельство документовъ, можете въ нихъ всё видѣть содержащееся. А совершалось сіе тайнодѣйствіе октября 31 числа поутру 1827 года, поелику въ тотъ день настоятель Тарасій съ согласія Өеофаніи уволилъ попа отъ священныя литургіи и дозволилъ ѣхать въ женскій монастырь, и настоятельница Өеофанья, изготовивъ на рѣкѣ Иргизѣ іордань для совершенія крестинъ, гдѣ и было величайшее позорище, на которое стекалось народу душъ сотъ до четырехъ. Тогда попъ едва—едва на ногахъ стоялъ отъ одуренія горячихъ напитковъ, не взирая на указъ, воспрещающій о поеніи виномъ поповъ, существующій съ 1827 года да и навсегда; 2) Еще сей Иванъ попъ вновь исправлялъ, то есть миромъ помазывалъ того-жъ года, мѣсяца ноября 9 числа, ночью въ 11 часу, то есть хвалынскаго уѣзда деревни Грачевъ, двухъ господскихъ человѣкъ..., которыхъ привозилъ оноя-жъ деревни и уѣзда Григорій Ивановъ, прозваніемъ Асотовъ, впрочемъ и сихъ по деревенскому документу. Посему изволите видѣть ваше сіятельство сихъ настоятелей дерзопротивность его царскаго величества указамъ и необузданность. И такъ просимъ ваше сіятельство исполнить свою должность и поддержать оныхъ монастырей

*) Стахій, Матрона, Настасія, Парасковія, Стефанида. Прим. доносчика.

своевольныхъ настоятелей съ ихъ послѣдователями, дабы они впредь болѣе не разразились о камень противленія и не воздержанія своего и дать имъ знать, для чего они суть настоятели и къ чему приставленъ инокъ Павелъ, управитель церковный, и что суть законы, что указы и что значитъ подписка, въ которой обязались впредь нежили крестить крещеныхъ не по силѣ указа, не не пріимать и въ исправу. Впрочемъ, не осмѣливаюсь болѣе утруждать и обезпокоивать васъ, ваше сіятельство.

«Я есмь правдолюбящій гражданинъ и всенижайше повергающійся на вашу дальновидность и проницательность вашего сіятельства, покорный слуга. Аминь».

Одновременно съ этимъ полученъ другой доносъ, писанный тою же рукой. Содержаніе его слѣдующее:

«Ваше сіятельство; господинъ губернаторъ! Не соблаговолите-ли милостиво взойти въ расходъ бывшаго казначея, инока Ефрема, того-жъ средненикольскаго старообрядческаго монастыря, и не благоугодно-ли вамъ будетъ потребовать его расходную книгу на 1826 годъ. Предвидится, что для вашей, ваше сіятельство, проницательности будетъ очень любопытно, поелику оный казначей при собраніи всей братіи оказалъ расходу на одинъ годъ подлинно слишкомъ 7,000 рублей, за что уже самое смѣненъ изъ казначеевъ сего ноября 8-го числа 1827 года. Также убо нужно предозначается вытребовать расходъ сего-жъ года и отъ настоятеля Тарасія: убо онъ объявилъ мелькомъ братіи расходу на одинъ годъ 12 тысячъ рублей, а приходу братіи открылъ 11 тысячъ рублей, но исправнику объявлено, кажется, семь тысячъ рублей—подлинно не знаю, право: буде семь исправнику объявлено, то всеподлинно ложь. Надѣемся- ваше сіятельство, сами изволите узнать, по громкому вашему любопытству, все здѣсь совершающееся, но только-бъ было вашему сіятельству извѣстно, или уже и извѣстно? что настоятель Тарасій, по предписанію изъ саратовской удѣльной конторы, смѣняется изъ настоятелей. Готовый всегда къ услугамъ вашему сіятельству».

Почти одновременно съ полученіемъ этихъ доносовъ, въ монастыряхъ, по распоряженію князя Голицына, производились обыски. Въ обществѣ много ходило толковъ о томъ, что въ

иргизскихъ монастыряхъ есть подземные тайные ходы. Говорили, что ходы эти представляли возможность тайнаго сношенія между монастырями, а также служили для невидимыхъ міру сообщеній мужскихъ обителей съ женскими. Утверждали также, что въ тайникахъ этихъ сохраняются несмѣтныя богатства раскольниковъ, «сокровища», не показанныя въ описяхъ. Произведенные полиціею обыски при понятыхъ и въ присутствіи монастырскаго начальства, дѣйствительно обнаружили тайные подземные ходы въ монастыряхъ; но все это было не то, чего искали. Такъ въ средненикольскомъ мужскомъ монастырѣ, въ настоятельской жилой связи, по поднятіи во многихъ мѣстахъ половыхъ досокъ, найдено: «въ среднихъ сѣняхъ, подъ глухимъ поломъ, безъ творила, куда по спущеніи лѣстницы и сойденіи въ оный съ огнемъ, усмотрѣно—подъ видомъ, должно быть, давно, какъ-будто кельи или выхода, съ стѣнами и потолкомъ, разгорожено на двѣ части, длиною въ 8 аршинъ, шириною въ 6 аршинъ, а вышиною въ 3 аршина красное окошко съ рамою, заваленное, извнутри малаго дворика, землею ровно, направо дверцы на желѣзныхъ петляхъ, а отъ оной прорытъ узкимъ корридоромъ ходъ и сдѣлана лѣсенка съ площадкою о девяти ступеняхъ въ другія сѣни, какъ притомъ утверждалъ казначей, инокъ Ефремъ и уставщикъ Павелъ, что у прежняго покойнаго ихъ настоятеля Амвросія былъ холодный чуланъ, изъ коего ходъ былъ въ упомянутый выходъ и что въ немъ никто не жилъ, а ставилось тамъ настоятелемъ Амвросіемъ нужное для монастыря питье, въ отгороженной половинѣ, гдѣ окошко, а въ другой половинѣ, гдѣ прежде подымали, въ среднихъ сѣняхъ, полъ, тутъ клался ледъ, но послѣ смерти Амвросія, лѣтъ уже восемь, былъ оставленъ и обвалился». При обыскѣ второй половины этихъ помѣщеній, при обыскѣ въ сѣняхъ и проч., найденъ глубокій погребъ. При обыскѣ келій бывшаго лѣтъ двадцать назадъ настоятелемъ инока Іакова, найдено въ разныхъ комнатахъ и чуланахъ шесть «творилъ», которыя подымались и подъ которыми тоже найдены подземныя помѣщенія, изъ коихъ иныя были уже засыпаны. Впрочемъ, въ этихъ подземныхъ помѣщеніяхъ ничего подозрительнаго не отыскано. «Но чтобы былъ гдѣ нибудь проходъ изъ этихъ связей въ другія связи, не запримѣчено (го-

ворится въ актѣ обыска) и настоятель Тарасій, иноки Ефремъ и Павелъ утверждали, что другихъ ходовъ подъ землею, какъ въ ихъ монастырѣ, равно и въ другихъ, въ вольскомъ уѣздѣ состоящихъ монастыряхъ, никакихъ не имѣется и они не знаютъ».

VI.

Результаты обысковъ не оправдали, такимъ образомъ, ожиданій администраціи. На нихъ нельзя было построить никакого серьезнаго обвиненія. За то доносы пригодились какъ нельзя более, и ими ловко воспользовались власти, взявъ указанныя въ доносахъ обстоятельства точкою отправленія для дальнѣйшихъ дѣйствій относительно раскольниковъ. Такъ, опираясь на доносы князь Голицынъ вносилъ уже въ область фактовъ, что будто-бы въ мужскомъ средненикольскомъ и дѣвичьемъ успенскомъ монастыряхъ «совершаются разныя непотребства съ похабностію и необузданностію», что между схимникомъ Тарасіемъ и настоятельницею инокинею Өеофаніею существуетъ «похотливая связь», что Тарасій исполняетъ всѣ «прихотливыя предпріятія» Өеофаніи «съ точностію и подобострастіемъ» и что послѣдняя, такъ сказать, «совершенно управляетъ монастыремъ его», что «Тарасій и Өеофанія — главнѣйшіе нарушители и противники воли правительства по стремленію ихъ къ поддержанію раскола», что «они имѣютъ послѣдователей, такихъ же прелюбодѣйцевъ и особенно въ инокѣ Павлѣ и подчиненномъ ему Иванѣ Петровѣ», которые «повседневно почти пьяные», что въ недавнее время они окрестили въ особо устроенной на рѣкѣ Иргизѣ іордани пять человѣкъ взрослыхъ, въ числѣ которыхъ находились и пятидесяти-лѣтніе, что скандальный обрядъ этотъ совершался при огромномъ стеченіи народа и что совершавшій обрядъ попъ былъ до того пьянъ, что едва могъ держаться на ногахъ, и т. д. Возводя всѣ эти обстоятельства на степень несомнѣнныхъ фактовъ, князь Голицынъ искалъ только оффиціальнаго ихъ подтвержденія и требовалъ отъ вольскаго исправника провѣрки ихъ на мѣстѣ,

чтобы начать преслѣдованіе виновныхъ судомъ. Онъ предписывалъ исправнику «лично розыскать о истинѣ вышеизложеннаго самымъ аккуратнѣйшимъ образомъ, основавъ розысканіе сіе на несомнѣнныхъ видахъ и доказательствахъ». Затѣмъ князь Голицынъ добавлялъ въ бумагѣ своей къ вольскому исправнику: «Употребленіе способовъ къ точному исполненію сего я не назначаю. Ихъ укажетъ вамъ долголѣтняя опытность ваша по службѣ и совершенная извѣстность всѣхъ обстоятельствъ, до ввѣреннаго вамъ уѣзда относящихся. Все то, что вами по сему предмету будетъ открыто, донести мнѣ въ самомъ непродолжительномъ времени, которое я, впрочемъ, не назначаю, предполагая, что вы употребите онаго столько, сколько необходимо будетъ къ окончанію дѣла сего съ надлежащимъ успѣхомъ». Цѣлыхъ пять мѣсяцевъ тянулось слѣдствіе о сказанныхъ скандалахъ, безчинствахъ и своевольныхъ дѣйствіяхъ монастырей и кончилось только къ лѣту 1828 года. Намѣченные въ доносахъ факты подтверждались, только обнаруженіе монастырскихъ скандаловъ пошло глубже и шире. Оказалось, что бѣглый попъ крестилъ четырехъ молдаванокъ и одного русскаго мальчика, что все это дѣйствительно дѣлалось съ разрѣшенія настоятеля Тарасія и съ позволенія настоятельницы Ѳеофаніи и что, наконецъ, окончаніе обряда, надѣлавшаго столько шуму, особенно при крещеніи молдаванокъ, совершено въ кельи инокини Александры. Всѣхъ виновныхъ немедленно арестовали и отправили въ Вольскъ для судебнаго разбирательства. Въ это-же время князь Голицынъ получилъ изъ Петербурга бумагу, доказывавшую, что иргизскіе монастыри пріобрѣтали все бо̀льшую и бо̀льшую популярность, и правительство начинало уразумѣвать ихъ важное и пагубное значеніе въ государственной жизни. Управляющій въ то время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ В. Ланской писалъ князю Голицыну, что министръ императорскаго двора, генералъ-адъютантъ князь Волконскій, узнавъ отъ одного чиновника, командированнаго для осмотра саратовскаго удѣльнаго имѣнія, о существованіи иргизскихъ монастырей и о томъ, что монашествующіе въ этихъ монастыряхъ, а особенно въ дѣвичьихъ, «ведутъ жизнь крайне развратную и разнаго рода обманами переманиваютъ въ свое общество другихъ поселянъ» и что вообще эти рас-

кольничьи скиты, по удобству мѣстоположенія, служатъ притономъ для бѣглыхъ,—просилъ министерство внутреннихъ дѣлъ сообщить ему, имѣется-ли со стороны губернскаго начальства полицейскій надзоръ за сими монастырями. Поэтому Ланской и поручилъ князю Голицыну доставить о монастыряхъ подробнѣйшія свѣдѣнія и въ то-же время «къ немедленному прекращенію происходящихъ въ оныхъ монастыряхъ безпорядковъ, толико предосудительныхъ и общему благоустройству противныхъ, сдѣлать зависящія отъ губернскаго начальства распоряженія». Приходилось на иргизскихъ монастыряхъ сосредоточить исключительное вниманіе. Хотя въ существованіи ихъ правительство и видѣло нѣчто «противное общему благоустройству», но оно видѣло только пока внѣшнія стороны явленія: оно не догадывалось, что явленіе это маскируетъ собой болѣе серьезную болѣзнь государственнаго организма, что за внѣшней оболочкой явленія скрывается политическая сторона дѣла и что все это—историческій продуктъ извѣстныхъ стремленій и общественныхъ движеній всего русскаго народа,—недостаточно понятыхъ и едвали замѣчаемыхъ правительствомъ. Если бы потрудились глубже изслѣдовать источникъ явленія, то могли бы напасть на слѣдъ того, что народъ давно живетъ отдѣльною отъ государства жизнію и что самые иргизскіе монастыри были не только выраженіемъ религіознаго сепаратизма раскольниковъ, сколько выраженіемъ общественнаго сепаратизма русскихъ окраинъ, сказывавшагося въ движеніяхъ понизовой вольницы и въ другихъ народныхъ движеніяхъ. Тотчасъ по полученіи бумаги Ланского, князь Голицынъ командировалъ въ иргизскіе монастыри особаго чиновника, Полонскаго, съ секретными порученіями. Въ помощь ему отряженъ былъ изъ Вольска другой чиновникъ, Юрасовъ. Но какъ для этого оказалось необходимымъ имѣть болѣе вліятельное и болѣе опытное лицо, то вскорѣ Юрасова князь Голицынъ замѣнилъ новымъ вольскимъ исправникомъ, которымъ въ это время былъ Христіанъ Шейне. Самъ Голицынъ въ скоромъ времени намѣревался быть въ Вольскѣ, поближе къ иргизскимъ монастырямъ, а можетъ быть, и въ самыхъ монастыряхъ. Вслѣдъ за тѣмъ изъ Петербурга получено было новое требованіе относительно иргизскихъ монастырей. Министръ внутреннихъ дѣлъ,

которымъ въ то время былъ Закревскій, писалъ князю Голицыну, что онъ ожидаетъ отъ него доставленія обѣщаннаго «проэкта правилъ о прекращеніи производимыхъ раскольниками безпорядковъ», который долженъ быть изготовленъ по совѣщанію съ епархіальнымъ архіереемъ. Закревскій напоминалъ, что сказанныя правила «въ настоящихъ обстоятельствахъ могли бы быть весьма полезны для положенія преграды дальнѣйшему распространенію ересей и заблужденій раскольниковъ, толико вредныхъ для общаго спокойствія и благоустройства».

VII.

Между тѣмъ, произведеннымъ объ иргизскихъ монастыряхъ слѣдствіемъ обнаружено было, между прочимъ, слѣдующее: 30-го сентября 1827 года, черезъ иргизскіе монастыри проходилъ уральскій казачій полкъ. Полкъ этотъ возвращался изъ Молдавіи и нѣкоторые изъ офицеровъ везли съ собой на родину четырехъ молдаванокъ и одного мальчика. Остановясь въ иргизскихъ монастыряхъ, офицеры обратились съ просьбою къ священноиноку Иларію о крещеніи имъ въ женскомъ монастырѣ четырехъ находившихся у нихъ молдаванокъ и одного мальчика, которыхъ они называли своими крѣпостными. Иларій обратился къ настоятелю Тарасію за дозволеніемъ, но тотъ, будто бы, ему отказалъ. Тогда къ Тарасію явились командиръ казачьяго полка, войсковой старшина Михайловъ, и есаулъ Буренинъ, прося его «убѣдительно и неотступно» позволить священнику окрестить помянутыхъ молдаванокъ и мальчика и называя ихъ крѣпостными своими людьми. Чтобы вывести настоятеля изъ всякаго сомнѣнія, Михайловъ написалъ ему особое письмо съ изложеніемъ просьбы. Тогда Тарасій, какъ онъ самъ о себѣ показывалъ, «руководимый простотою своею, безъ всякихъ стороннихъ видовъ», дозволилъ священнику исполнить обрядъ крещенія. Есаулъ Буренинъ, съ своей стороны, написалъ крестившему священнику письмо, которое служило какъ бы дозволительнымъ свидѣтельствомъ, называя это письмо такимъ документомъ, «ко-

имъ онъ можетъ оправдаться во всякомъ случаѣ». Настоятельница Ѳеофанія дала позволеніе, чтобы обрядъ крещенія былъ совершенъ въ ея монастырѣ. что и было исполнено на особо устроенныхъ на Иргизѣ мосткахъ, а потомъ самое празднованіе обряда окончено въ кельѣ монахини Александры, съ которой офицеры и казаки давно были знакомы. Такъ-какъ на иргизскіе монастыри начали обращать серьезное вниманіе въ Петербургѣ, то объ этихъ обстоятельствахъ князь Голицынъ немедленно сообщилъ оренбургскому военному губернатору, которымъ въ то время былъ генералъ отъ инфантеріи Эссенъ, называя все происшедшее въ Иргизахъ «очень важнымъ случаемъ». Въ Петербургъ объ этомъ «важномъ случаѣ» также было написано, съ добавленіемъ, что офицеровъ, Михайлова и Буренина, слѣдовало бы подвергуть «за вышеписанное дѣйствіе ихъ, какъ служащее сильнымъ поводомъ къ распространенію расколовъ, достойному взысканію». Наконецъ, въ виду пріобрѣтаемой иргизскими монастырями все бо̀льшей и бо̀льшей важности въ глазахъ правительства, самъ Голицынъ посѣтилъ эти скиты, чтобы лично ознакомиться съ ихъ положеніемъ. Войсковой старшина, Михайловъ, провѣдавъ, что о крещеніи ихъ въ иргизскихъ монастыряхъ молдаванокъ возбуждена оффиціальная переписка и боясь отвѣтственности за свое рвеніе къ расколу, поспѣшилъ письменно оправдаться передъ княземъ Голицынымъ, надѣясь этимъ заискиваніемъ замять дѣло. «Чувствуя (писалъ Михайловъ весьма безграмотно) благосклоннѣйшее принятіе вашего сіятельства, во время слѣдованія моего съ полкомъ прошлою осенью съ астраханской границы черезъ городъ Саратовъ сюда, въ Уральскъ, ко мнѣ оказанное, почему и пріемлю смѣлость принесть за оное покорнѣйшую мою благодарность. А притомъ честь имѣю доложить вашему сіятельству, что во время того слѣдованія моего съ полкомъ черезъ иргизскіе монастыри, везенныя мною съ той границы двѣ дѣвки, взятыя оттоль по свидѣтельствамъ, даннымъ мнѣ отъ присутственнаго мѣста, не есть сомнительныя, находились тамо не въ сектѣ россійскомъ, а у ксендзовъ въ обливанскомъ, которыя по усердію и по желанію своему къ старообрядческой вѣрѣ, въ никольскомъ монастырѣ были исправлены. По какому акту, желая жъ за таковыя жъ

угодить въ бракосочетаніе, къ коему теперь, по нахожденію своему въ Уральскѣ, себя опредѣляютъ. А какъ я наслышанъ, что будто отъ вольскаго нижняго земскаго суда до того монастыря коснулось во исправленіи сказанныхъ дѣвокъ прикосновеніе, и если въ томъ произошла какая ошибка, то не иначе, какъ отъ неумышленности и незнанія. Я всепокорнѣйше прошу вашего сіятельства, какъ начальника губерніи, оказать справедливую защиту и покровительство невинно страждущему человѣчеству, а мнѣ въ чувствительнѣйшую благодарность и вѣчному прославленію добродѣтельнаго имени особы вашего сіятельства». Между тѣмъ пока происходили розыски и другія слѣдственныя распоряженія по дѣлу объ иргизскихъ монастыряхъ, пока князь Голицынъ разсылалъ по этому дѣлу секретныя эстафеты, и самолично являлся въ монастыри, генералъ Эссенъ съ своей стороны разслѣдовалъ дѣйствія войскового старшины Михайлова и есаула Буренина и въ концѣ іюля сообщилъ князю Голицыну, что подвергшіяся окрещенію дѣвки Агафья Антонова и Елена Петрова поступили къ Михайлову—одна какъ свободная, по собственному желанію, а другая, принадлежавшая одному каменецъ-подольскому помѣщику, Роговскому, была куплена у этого послѣдняго Михайловымъ, обѣ увезены были оттуда и крещены на Иргизахъ по убѣжденіямъ старшины и казаковъ. Находившіеся же у есаула Буренина двѣ женщины и мальчикъ показывали, что одна изъ нихъ, дѣвушка, ночью взята были уральскими казаками у себя въ домѣ, куда мальчикъ былъ посланъ помѣщикомъ за виномъ, и что другая женщина также принадлежала одному подольскому помѣщику, а потомъ поступила къ Буренину въ хозяйки. Всѣ они отзывались незнаніемъ относительно того, по какому праву ихъ увезли съ родины и зачѣмъ ихъ окрестили въ расколъ.

VIII.

Выше мы упомянули, что князь Голицынъ около этого времени лично посѣтилъ иргизскіе монастыри, чтобъ ближе ознакомиться съ ихъ положеніемъ и состояніемъ духа раскольниковъ. Обстоя-

тельства и результаты этой поѣздки заключались въ слѣдующемъ. Въ началѣ весны 1828 года, князь Голицынъ былъ въ Петербургѣ по дѣламъ службы. Тамъ онъ представилъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ланскому всеподданнѣйшую просьбу вольскихъ старообрядцевъ о подчиненіи ихъ по дѣламъ не праве епархіальному архіерею, а непосредственной власти гражданскаго начальника. При этомъ князь Голицынъ передалъ въ министерство подписку вольскихъ раскольниковъ о готовности на обращеніе выстроеннаго ими въ Вольскѣ молитвеннаго храма въ единовѣрческую церковь.

На представленіе это Ланской отозвался, что какъ старообрядцы могутъ быть обращены въ единовѣрцевъ только на основаніи согласительныхъ пунктовъ митрополита Платона, высочайше утвержденныхъ, какъ единственнаго на сей предметъ постановленія, то и слѣдуетъ привести въ исполненіе высочайшее повелѣніе о обращеніи въ единовѣрческую церковь вольскаго старообрядческаго храма на основаніи сказанныхъ пунктовъ. Возвратясь изъ Петербурга, князь Голицынъ рѣшился исполнить это лично и на мѣстѣ, для чего и отправился въ Вольскъ. «Прибывъ туда (пишетъ онъ въ своемъ отчетѣ о поѣздкѣ), я нашелъ вольскихъ старообрядцевъ уже не въ той готовности, съ какою они дали подписки свои на обращеніе выстроеннаго храма въ единовѣрческую церковь, представленныя мною въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Они въ продолженіи столь значительнаго времени, *сбитые съ пути истины* разувѣреніемъ иргизскихъ монастырей, симъ гнѣздилищемъ безразсудныхъ толковъ, мнимой набожности и избыткомъ въ порокахъ,— уже отклонили прежде объявленную ими готовность на то согласіе, какое объявлено будетъ мнѣ, въ отношеніи къ сему предмету, со стороны тѣхъ старообрядческихъ монастырей. Поставивъ такимъ образомъ себѣ за правило дѣйствовать во всякомъ случаѣ съ сими монастырями единодушно, они приняли оное въ томъ упованіи, что монастыри, изъ единаго опасенія быть обращенными, подобно всякому молитвенному храму, въ единовѣрческіе, останутся непоколебимыми въ измѣненіи древнихъ своихъ обрядовъ и тѣмъ отвергнувъ предлагаемое единовѣріе, дадутъ чрезъ то и имъ способъ остаться въ одинаковой съ ними степени; вмѣстѣ съ симъ узналъ

я, что иргизскіе монастыри, нарядивъ отъ себя депутацію, состоящую изъ двѣнадцати иноковъ, отправляютъ оную ко мнѣ. Не постигая, для какой цѣли составляется сія депутація, я однакожъ имѣлъ въ предметѣ моемъ, что обращеніе вольскихъ монастырей въ единовѣрческія обители не столько трудно, какъ присоединеніе вольскихъ старообрядцевъ къ единовѣрческой церкви по тому обстоятельству, что иргизскіе монастыри, по малому числу и по древности лѣтъ настоящихъ иноковъ, уже весьма близки, съ смертію ихъ, къ самоуничтоженію, между тѣмъ какъ духъ суевѣрія, внѣдрившійся между вольскими старообрядцами, переходя отъ отца къ сыну и такъ далѣе, есть потомственный, и слѣдовательно продолжаться можетъ на неопредѣленное время. По симъ причинамъ, опасаясь, дабы съ прибытіемъ въ Вольскъ сказанныхъ иноковъ, какъ чиноначалія и источника старообрядческаго заблужденія, не могъ составиться изъ нихъ, такъ сказать, новый соборъ защитниковъ ереси, который, при упорномъ сопротивленіи ихъ на обращеніе въ единовѣріе, могъ бы сдѣлаться гласнымъ и тѣмъ послужить вреднымъ примѣромъ для вольскихъ старообрядцевъ. сего только ожидавшихъ, я приказалъ предварить тѣхъ иноковъ, чтобы они, не переправляясь черезъ Волгу, возвратились въ свои обители, которыя самъ я посѣтить располагаюся».

Не успѣвъ повидимому ничего сдѣлать въ Вольскѣ, князь Голицынъ рѣшился переѣхать черезъ Волгу, чтобъ лично явиться въ притонѣ духовной понизовой вольницы. «Отправясь въ монастыри (говоритъ князь Голицынъ о своемъ путешествіи въ скиты), я въ ближайшемъ изъ нихъ къ Вольску, такъ называемомъ нижне-воскресенскомъ, нашелъ помянутую депутацію, собравшуюся изъ другихъ монастырей и неизвѣстно зачѣмъ тамъ остановившуюся, тогда какъ сіи монахи знали, что я осматривать буду всѣ монастыри ихъ. Окруженъ будучи ими, я услышалъ отъ нихъ первый вопросъ: «А что будетъ съ нашею вольскою церковью?» Итакъ мнѣ надлежало разрѣшить оный не изустнымъ объявленіемъ высочайшей объ ней воли, но непремѣннымъ дозволеніемъ моимъ прочесть имъ высочайшее о вольскомъ молитвенномъ домѣ повелѣніе. Къ исполненію сего я подвинутъ былъ болѣе обстоятельствомъ, что не только живущіе въ монастыряхъ иноки, но даже и многіе

изъ вольскихъ старообрядцевъ относили высочайшее о молитвенномъ храмѣ ихъ повелѣніе къ собственному распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, безъ всякаго вліянія на оное государя императора, и что схимникъ сего нижневоскресенскаго монастыря Прохоръ, бывшій предъ симъ около тридцати лѣтъ настоятелемъ онаго, увѣрялъ меня неоднократно, что если воспослѣдуетъ высочайшая его императорскаго величества воля о обращеніи иргизскихъ монастырей въ единовѣрческіе, то онъ надѣется, что въ исполненіи ея не встрѣтится никакого препятствія и что онъ самъ будетъ примѣромъ для всей братіи. Но когда дозволилъ я симъ собравшимся инокамъ прочесть предписаніе по сему предмету министерства внутреннихъ дѣлъ, то весьма немногіе изъ нихъ могли понять оное, прочіе же затѣмъ, или по простотѣ своей, или по совершенному упрямству, или же по безразсудку своему, не видя въ томъ предписаніи, чтобъ помѣщенное въ немъ высочайшее о молитвенномъ храмѣ повелѣніе объявлялось мнѣ высочайшимъ именемъ его императорскаго величества, то-есть подобно тому, какъ объявляются правительствующимъ сенатомъ именныя его величества повелѣнія,—остались при томъ заблужденіи, что дѣйствіе его происходитъ по единственному направленію управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ каковомъ заблужденіи, сверхъ чаянія моего, остался и извѣстный первостатейный вольскій купецъ Петръ Сапожниковъ. Итакъ, видя изъ сего, что всякое настояніе мое обратить сихъ невѣждъ къ прямому понятію означеннаго предписанія не будетъ имѣть желаемаго успѣха, я велѣлъ тѣмъ собравшимся изъ двухъ монастырей монахамъ тотчасъ возвратиться въ оные».

Такъ неудачно кончились переговоры князя Голицына съ вольскими старообрядцами и съ иргизскою депутаціею. Но онъ, повидимому, не терялъ надежды на успѣхъ, разсчитывая одолѣть непріятеля по частямъ и избѣгая, такъ сказать, генеральнаго сраженія. Распустивъ депутацію, онъ однако не двигался далѣе, потому что отъѣздъ изъ монастыря безъ всякаго результата походилъ бы на отступленіе съ поля битвы. «Оставшись въ нижневоскресенскомъ монастырѣ съ одними только живущими тамъ иноками (говоритъ о себѣ князь Голицынъ), я, при благоразуміи помянутаго

схимника Прохора, убѣдилъ ихъ изъявить полную готовность и усердіе на присоединеніе ихъ къ единовѣрческой церкви, съ принятіемъ всѣхъ правилъ высокопреосвященнѣйшаго Платона. Сей схимникъ Прохоръ первый вызвался дать мнѣ въ томъ подписку, а съ нимъ вмѣстѣ подписались и нынѣшній настоятель онаго монастыря Андріанъ, уставщикъ Никаноръ и иноки Савва, Феодоритъ, Мардарій, Арсеній и Игнатій. Но при семъ усердномъ присоединеніи сихъ иноковъ къ единовѣрію (ибо они уже знали, что такимъ дѣйствіемъ исполняется августѣйшая воля государя императора), одинъ изъ нихъ, Іосафъ, сущій невѣжда, закоренѣлый въ грубыхъ своихъ предразсудкахъ и суевѣріи, остался къ тому непреклоннымъ. Онъ, въ то время, какъ расположился я въ томъ монастырѣ до другаго дня, не токмо бѣгалъ во всю ночь изъ одной кельи въ другую, убѣждалъ, настаивалъ и устращивалъ гнѣвомъ божіимъ изъявившихъ желаніе принять единовѣріе—отвергнуть сіе, по мнѣнію его пагубное для нихъ намѣреніе, но даже позволилъ себѣ возмущать подобнымъ образомъ и живущихъ близь монастыря старообрядцевъ, удѣльныхъ крестьянъ селенія Криволучья. Сей дерзновенный поступокъ Іосафа тотчасъ доведенъ былъ на другой день до свѣдѣнія моего самимъ настоятелемъ монастыря и иноками. Они, явясь ко мнѣ, убѣждали или дать имъ дозволеніе разстричь сего негодяя, или исторгнуть его навсегда изъ ихъ обители, присовокупляя къ тому, что, по буйному духу его, онъ уже не одинъ разъ находился въ подобныхъ сему дѣйствіяхъ, ссорахъ, враждахъ и всякихъ неистовствахъ. Обуреваемый такимъ духомъ примѣрной дерзости, онъ даже рѣшился объявить и мнѣ, что «къ единовѣрческой церкви онъ не присоединится и тогда, еслибы послѣдовало на то высочайшее государя императора повелѣніе, хотя впрочемъ знаетъ, что оное должно быть священно» *).

По симъ причинамъ дабы, съ одной стороны, удовлетворить убѣжденіямъ настоятеля и иноковъ, а съ другой—чтобы сіе противузаконное дѣйствіе Іосафа не могло имѣть на другихъ пагубнаго вліянія, я приказалъ тотчасъ отправить его ко мнѣ въ Саратовъ».

*) По другому варіанту, Іосафъ говорилъ, что «къ единовѣрческой церкви онъ присоединиться не хочетъ, хотя весьма знаетъ, что тѣмъ нарушаетъ священное государя императора повелѣніе».

Дальнѣйшее путешествіе князя Голицына по иргизскимъ монастырямъ было еще менѣе удачно. Онъ, какъ видно, и думать уже пересталъ о побѣдѣ надъ раскольниками путемъ убѣжденій и соглашеній, а рѣшился дѣйствовать иными путями— исподволь и тайно, чтобъ не уронить авторитета власти. Вотъ какимъ образомъ самъ онъ описываетъ дальнѣйшія свои дѣйствія: «Изъ Нижневоскресенскаго монастыря я переѣхалъ въ прочіе старообрядческіе монастыри—два мужскіе и два женскіе. Въ монастыряхъ сихъ я уже не дѣлалъ убѣжденій моихъ о присоединеніи къ единовѣрію, ибо изъ выписаннаго здѣсь обстоятельства уже довольно ясно видѣлъ, сколько далеки живущіе тамъ отъ онаго и сколько трудно отклонить ихъ отъ упорнаго заблужденія. Причиною сему есть нелѣпое предубѣжденіе ихъ о какой-то пагубѣ, которая будто-бы неразлучна съ обращеніемъ ихъ въ единовѣріе, какъ съ слѣдствіемъ расторженія сохраняемыхъ ими древнихъ уставовъ церкви. Укоренившись въ такихъ предразсудкахъ, они поддерживаются въ оныхъ сколько волгскими и округъ живущими нихъ старообрядцами, удѣльными крестьянами, столько-же и не менѣе того удѣльными чиновниками, которые, распоряжаясь старообрядческими монастырями непосредственно, по праву принадлежности ихъ къ удѣлу, стараются, подъ рукою, тайными внушеніями своими направлять по своему преднамѣренію, обезсиливать въ понятіяхъ ихъ всѣ распоряженія правительства и тѣмъ удерживать ихъ въ твердыхъ границахъ упорнаго отреченія отъ соединенія съ православною церковью нашею, имѣя, конечно, въ предметѣ своемъ то обстоятельство, что въ противномъ сему случаѣ монастыри иргизскіе должны будутъ перейти уже въ зависимость духовнаго начальства и слѣдовательно отторгнуться отъ учета въ доходахъ ихъ и распоряженія ими удѣльной конторы».

IX.

Такъ описываетъ князь Голицынъ свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ посѣщенія иргизскихъ монастырей. Этотъ драгоцѣнный историческій документъ, изъ котораго мы извлекли выдержки

въ предыдущей главѣ, даетъ намъ возможность вполнѣ ознакомиться съ состояніемъ этихъ важныхъ раскольничьихъ скитовъ въ ту эпоху, когда они уже были близки къ уничтоженію одновременно съ окончательнымъ паденіемъ понизовой вольницы. «Они (говоритъ князь Голицынъ объ иргизскихъ монастыряхъ), кромѣ истиннаго пріюта бѣглецамъ, разврата, тунеядства, мнимой набожности и всѣхъ вообще пороковъ—ничего въ себѣ не заключаютъ. Монастыри мужскіе, обнесенные будучи пристойною оградою, еще представляютъ собою нѣкоторый образъ смиреннаго обитанія, усвоеннаго монастырямъ всероссійскимъ. Что-же касается до монастырей женскихъ Успенскаго и Покровскаго, то они, находясь въ ближайшемъ разстояніи отъ монастырей мужскихъ и въ кругу удѣльныхъ селеній — есть точное обиталище разврата. Не имѣя ничего похожаго на монастырь, не имѣя даже никакой ограды, они состоятъ только изъ простыхъ крестьянскихъ избъ, крытыхъ большею частію соломою. Повсюду видите совершенное безобразіе. Самые молитвенные дома ихъ, или вѣрнѣе назвать часовни, имѣя привлекательный видъ наружности, не обращаютъ на внутреннее устройство свое ни малѣйшаго вниманія. Богослуженіе въ нихъ отправляется тѣми-же инокинями и бѣлицами. Въ кельѣ настоятельницы перваго изъ сихъ монастырей Ѳеофаніи я нашелъ святые дары сохраняющимися въ серебряномъ вызолоченномъ ковчегѣ. На вопросъ мой о причинѣ храненія ихъ, настоятельница отвѣчала мнѣ, что святыня сія оставлена приходящими къ нимъ изъ иргизскихъ монастырей священниками будто бы на случай пріобщенія оною больныхъ и умирающихъ. Зная, что храненіе святыхъ даровъ внѣ церкви совершенно противно уставамъ ея, я долгомъ поставилъ обстоятельство сіе отнести на особенное разсмотрѣніе и разрѣшеніе преосвященнаго Ирипея, епископа пензенскаго и саратовскаго. Сія настоятельница Ѳеофанія есть та самая, которая во время перехода черезъ иргизскіе монастыри, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1827 года, уральскаго казачьяго полка, дозволила войсковому старшинѣ онаго Михайлову и есаулу Буревину окрестить въ монастырѣ своемъ по старообрядческому расколу одну женщину, трехъ дѣвокъ и мальчика, тѣмъ офицерамъ принадлежащихъ. За симъ, желая знать о занятіяхъ монастырскихъ, объ образѣ управленія оными

16*

и о тѣхъ правилахъ, кои должны быть съ симъ управленіемъ нераздѣльны, я требовалъ отъ настоятельницъ обоихъ монастырей надлежащихъ о томъ свѣдѣній; но онѣ рѣшительно отозвались мнѣ, что никакихъ правилъ онѣ у себя не имѣютъ и что образъ управленія и занятія ихъ происходятъ по собственнымъ отъ нихъ самихъ распоряженіямъ. Въ упомянутыхъ монастыряхъ нынѣ находится: Успенскомъ—128 инокинь и 174 послушницы и бѣлицы, а въ Покровскомъ—20 схимницъ, 300 инокинь и 200 бѣлицъ. Слѣдовательно общество первыхъ состоитъ изъ 302, а послѣднихъ изъ 520 женщинъ. Беспрепятственный доступъ ко всѣмъ вообще келіямъ ясно объясняетъ, до какой степени допущенъ развратъ въ сихъ обиталищахъ, развратъ толико-нетерпимый въ гражданскомъ состояніи и влекущій за собою пагубныя послѣдствія. Изъ сего очевидно, что дальнѣйшее существованіе сихъ монастырей въ настоящемъ ихъ положеніи не можетъ быть допущено ни подъ какимъ предлогомъ. На одной изъ тѣхъ часовень я нашелъ еще и колокола, которые тотчасъ приказалъ снять, а по всѣмъ вообще монастырямъ открылъ десять человѣкъ, жившихъ тамъ съ просроченными видами. Они въ то-же время отправлены въ тѣ общества, къ коимъ принадлежали. Обращаясь засимъ опять къ вольскимъ раскольникамъ, князь Голицынъ излагаетъ свои предположенія о способахъ болѣе успѣшнаго уничтоженія при помощи естественнаго вымиранія скитниковъ и скитницъ. «Изложивъ здѣсь осмотръ иргизскихъ монастырей (продолжаетъ князь Голицынъ), я долженъ коснуться и до вольскаго молитвеннаго храма. Тамошніе старообрядцы, какъ выше сказано, отлагаютъ соединеніе свое до согласія въ томъ иргизскихъ монастырей, а сіи, кромѣ нѣкоторыхъ изъ иноковъ, совершенно упорствуютъ въ присоединеніи къ единовѣрцамъ. По сей причинѣ тотъ молитвенный храмъ остается до нынѣ въ прежнемъ его положеніи. Обратить оный въ православную церковь нашу на точномъ основаніи Высочайшей воли значило-бы, по мнѣнію моему, дать способъ вольскимъ старообрядцамъ при терпимомъ отреченіи ихъ отъ прежде даннаго ими согласія на обращеніе храма сего въ единовѣрческую церковь, согласія, имѣющаго, впрочемъ, нѣкоторыя исключенія изъ правилъ преосвященнѣйшаго Платона, отвергнутыя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ;

во отверженіе сіе, какъ объясняютъ старообрядцы, не имѣетъ себѣ основаніемъ Высочайшее повелѣніе. Оно только сильно заставитъ ихъ обратиться въ единовѣрцевъ, и сіе тѣмъ необходимѣе, что они уже близки къ сему соединенію. Примѣру ихъ конечно послѣдуютъ и монастыри иргизскіе.

«Но, если-бы, сверхъ всякаго ожиданія, остались оные упорными въ своемъ заблужденіи, то самое время уничтожитъ сіи обители, безъ всякаго настоянія о томъ со стороны правительства. Надлежитъ поставить непремѣннымъ правиломъ отнюдь не дозволять умножаться въ нихъ числу монашествующихъ и пресѣчь средства принимать въ монастыри пришельцевъ, хотя-бы они у себя имѣли узаконенные виды, и совершенно прекратить пріютъ бѣглыхъ поповъ. Послѣднее изъ сихъ правилъ наблюдается мною неослабно. Тогда живущіе въ монастыряхъ написанные тамъ по 7-й ревизіи въ числѣ удѣльныхъ крестьянъ иноки и прислужники, умалялись мало-по-малу, наконецъ съ прекращеніемъ бытія своего прекратятъ и самыя правила своихъ обителей. Если такая мѣра уничтоженія иргизскихъ мужскихъ монастырей признается мѣрою благовидною, то существованіе сихъ монастырей, при строгомъ соблюденіи означенныхъ правилъ, продолжится не долгое время. Сему служитъ доказательствомъ то, что изъ числа написанныхъ въ тѣхъ монастыряхъ по нынѣшней 7-й ревизіи 203 душъ мужскаго пола, умерло со дня той ревизіи 139, да и остающіеся затѣмъ 64 человѣка уже большею частію самыхъ преклонныхъ лѣтъ. Въ числѣ ихъ заключается только 32 инока, а прочіе суть прислужники монастырскіе. Но сіи прислужники, вопреки всякой монастырской строгости, живутъ тамъ неразлучно съ своими женами къ совершенному соблазну и разврату монашествующихъ, о чемъ теперь по просьбѣ настоятеля нижне-воскресенскаго монастыря съ братіею производится изслѣдованіе, ибо одинъ изъ этихъ прислужниковъ, Яковъ Ганичкинъ, имѣющій при себѣ жену, надѣлъ на себя самъ собою монашескую одежду и до того развратился, что поведеніе его превышаетъ всякую мѣру распутства». Представляя министру внутреннихъ дѣлъ эти соображенія, князь Голицынъ присовокупилъ, что такъ какъ «сосредоточеніе власти въ одномъ лицѣ начальника губерніи тамъ, гдѣ старообрядцы имѣютъ главнѣйшіе

свои разсадники для многихъ губерній, есть единственный способъ удержать ихъ въ настоящихъ предѣлахъ зависимости», то князь Голицынъ и считалъ необходимымъ монастыри эти, какъ неимѣющіе надъ собой никакой духовной власти, подчинить, во все время ихъ существованія, непосредственному надзору мѣстной полиціи и притомъ въ большей степени, чѣмъ полиція можетъ оказывать этотъ надзоръ за удѣльными имѣніями, чтобы этимъ средствомъ удобнѣе было «преслѣдовать развратъ въ монастырскихъ жителяхъ и разсѣеваемые отъ нихъ соблазны». Онъ требовалъ также предоставить ему самому утверждать настоятелей и удалить удѣльную контору отъ всякаго на раскольниковъ вліянія, потому что въ противномъ случаѣ раскольники будутъ всегда находить способы уклоняться отъ исполненія требованій мѣстной полиціи, «считая власть сію до себя непринадлежащею, и по тайному внушенію чиновниковъ конторы, разувѣряющихъ о неподчиненности ихъ иной власти и о противныхъ будто-бы дѣйствіяхъ губернскаго начальства приносить жалобы», они рѣшительно откажутся отъ всякаго повиновенія. Что касается арестованнаго и предназначеннаго къ отправленію въ Саратовъ инока Іосафа, то князь Голицынъ не рѣшался предать его суду по разнымъ опасеніямъ. Съ одной стороны онъ боялся, что составъ суда долженъ будетъ состоять «большею частію изъ собственныхъ лицъ вольскихъ старообрядцевъ», что этимъ судомъ, кромѣ того, можно было, какъ онъ выражался, «породить здѣсь мысли объ открытомъ на иргизскіе монастыри гоненіи». Съ другой стороны, князь Голицынъ опасался суда надъ Іосафомъ и потому, что «инокъ сей есть самый дерзновенный, способный на всѣ роды неистовства»; губернаторъ и боялся «оглашать», потому что съ этимъ оглашеніемъ огласилось-бы и «самое происшествіе», а такія происшествія обнаруживать было невыгодно и небезопасно. Вотъ вслѣдствіе-то этого или, какъ выражается князь Голицынъ, «по уваженію къ сему, а равно по совершенной наклонности его, т. е. Іосафа, произвесть всеобщее въ монастыряхъ возмущеніе, и по настоянію самихъ монастырей объ удаленіи отъ нихъ сего нарушителя спокойствія».—Голицынъ и рѣшился отправить упрямаго раскольника въ Петербургъ, съ жандармами, прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ. При этомъ онъ просилъ министра

о ссылкѣ раскольника какъ можно дальше отъ саратовской губерніи, «ибо, прибавлялъ онъ, средствомъ симъ сколько накажется онъ за содѣянное имъ преступленіе, столько не менѣе того оно послужитъ примѣромъ и для другихъ». Въ заключеніе князь Голицынъ представлялъ министру, что, «согласуясь съ закоснѣлымъ отъ невѣжества понятіемъ старообрядцевъ», онъ желалъ-бы, чтобы всѣ министерскія предписанія, если только онѣ основаны на высочайшей волѣ, начинались «самыми разительными для нихъ словами — именемъ его императорскаго величества» и т. д., чтобы чрезъ это избѣжать тѣхъ безразсудныхъ толковъ, которые слышалъ губернаторъ въ Вольскѣ, въ послѣднюю свою поѣздку. Независимо отъ этого князь Голицынъ сообщилъ Серафиму, митрополиту новгородскому и петербургскому, какъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, касавшихся его поѣздки въ Вольскъ и въ иргизскіе монастыри, такъ и свои предположенія относительно этихъ монастырей, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его непосредственнаго содѣйствія къ утвержденію сказанныхъ предположеній и о высылкѣ изъ саратовской губерніи фанатика Іосафа. Иринею же пензенскому писалъ о томъ, что въ женскомъ успенскомъ монастырѣ онъ нашелъ святые дары въ кельѣ настоятельницы, почему и просилъ отзыва архіерея по настоящему предмету. Ириней отвѣчалъ, что «святые дары, по правиламъ святыхъ отецъ и указамъ святѣйшаго синода, не токмо не позволяется хранить въ домахъ простолюдиновъ и особенно женщинъ, но и прикасаться къ онымъ возбранено, кромѣ священнослужителей, начиная съ діакона», что, «хотя святые дары и выносятся изъ церкви, но токмо въ домы больныхъ для пріобщенія ихъ и сіе чинится чрезъ однихъ священниковъ», что, «при этомъ требуется величайшее благоговѣніе къ сей святыни, какъ со стороны священниковъ, такъ и отъ свѣтскихъ людей, подъ опасеніемъ за противленіе тому строжайшаго сужденія» и что «священникъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ оставлять святые дары въ домахъ, не токмо постороннихъ, но даже и тѣхъ больныхъ, и кромѣ сихъ послѣднихъ не долженъ заходить съ оными ни въ какіе другіе домы». Вслѣдъ за этимъ князь Голицынъ сообщилъ Иринею и о тѣхъ предположеніяхъ относительно иргизскихъ монастырей, которыя онъ представилъ министру и митрополиту Серафиму. Въ письмѣ

къ Иренею онъ, между прочимъ, объяснялъ, что стремленіе его въ данномъ разѣ состоитъ въ томъ, чтобы доказать правительству, «что всякому злу отъ сихъ обителей невѣрія и разврата происходящему есть истинная причина — настоящій образъ управленія ими», что порядокъ этотъ совершенно стѣсняетъ губернское начальство имѣть должное вліяніе на лица тамъ пребывающія, что если правительство «уважитъ его настоянію дозволеніемъ ему непосредственнаго вліянія на распорядокъ сими монастырями, съ устраненіемъ власти на оные удѣльнаго начальства», то онъ «можетъ ручаться, что сей корень раскола самъ собою истребится». Ириней, благодаря его за это сообщеніе, добавлялъ въ своемъ письмѣ, что «подвиги» князя Голицына, «ко славѣ святой церкви предпріемлемые, безъ сомнѣнія увѣнчаются вожделѣннымъ успѣхомъ». А мое дѣло—заключаетъ владыко—«есть возсылать о томъ моленіе ко Господу». Таковы были первые подвиги князя Голицына, совершенные имъ къ подавленію раскола въ Поволожьѣ.

X.

Когда Голицынъ понялъ, что сила раскола не въ догматахъ его и не въ фанатизмѣ его послѣдователей, а въ томъ, что явленіе это есть только одно изъ видоизмѣненій или одинъ изъ симптомовъ наслѣдственной исторической болѣзни русскаго народа, высказывавшейся въ теченіи многихъ столѣтій то въ явленіяхъ самозванцевъ, то въ вспышкахъ понизовой вольницы, какъ на Волгѣ, такъ и на Днѣпрѣ, въ пугачевщинѣ и гайдамачинѣ, въ подвигахъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ на обѣихъ окраинахъ Россіи, восточной и западной, тогда онъ повелъ иную тактику противъ иргизскихъ скитниковъ. Онъ понялъ, что и эти отщепенцы общества были не что иное, какъ продукты и въ то-же время факторы бродячихъ силъ русскаго народа, которые не могли уложиться въ тѣсныя рамки крѣпостного права и московской централизаціи и проявлялись какъ сила протестующая, сила центробѣжная въ государствѣ. Надо было, слѣдовательно, подавлять прояв-

леніе протестующей силы духовныхъ добрыхъ молодцовъ, понизовой вольницы и украинскихъ гайдамаковъ. Надо было поэтому прекратить притокъ свѣжихъ силъ къ центрамъ раскольничьяго движенія, прекратить притокъ воздуха къ тѣмъ частямъ государства, гдѣ происходило броженіе элементовъ, разложеніе государственныхъ частей, гдѣ, однимъ словомъ, происходилъ процессъ горѣнія, и за недостаткомъ пищи, за недостаткомъ воздуха, процессъ горѣнія и разложенія общественнаго тѣла долженъ былъ самъ собою прекратиться. Князь Голицынъ, можетъ быть, чутьемъ администратора угадывалъ эту историческую истину и дѣйствовалъ, хотя повидимому ощупью, нигдѣ не высказывая, что ратуетъ не противъ однихъ раскольниковъ, а противъ всѣхъ бродячихъ силъ русскаго народа, старается подрубить это историческое дерево подъ корень,—однако дѣйствія его были направлены именно противъ процесса броженія и разложенія этихъ стихійныхъ силъ Россіи. Такъ въ бытность свою въ Петербургѣ, въ томъ-же 1828 г., князь Голицынъ представлялъ государю императору особую записку «о разныхъ предметахъ до управленія и благоустройства саратовской губерніи относящихся, а также о мѣрахъ къ обращенію раскольниковъ къ единовѣрію и о сооруженіи единовѣрческихъ церквей». Въ этой запискѣ, какъ и въ выше упомянутыхъ предположеніяхъ, представленныхъ министру относительно иргизскихъ монастырей, князь Голицынъ настаивалъ на сосредоточеніи въ рукахъ губернатора распорядительной власти по дѣламъ раскола, въ тѣхъ, безъ сомнѣнія, соображеніяхъ, что тутъ дѣло не въ догматахъ, а въ антигосударственныхъ стремленіяхъ сектантовъ, что на сектантовъ, какъ и на понизовую вольницу, нужна одна и та-же узда, что тамъ и здѣсь одинъ и тотъже процессъ разложенія старой административной системы, только прикрытый «старою вѣрою». Между тѣмъ на эту записку князь Голицынъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что государь императоръ, по разсмотрѣніи упомянутой записки, «изволитъ находить, что губернаторъ всегда можетъ употреблять зависящія отъ него средства для благоустройства губерніи, и потому стараться своими внушеніями обращать раскольниковъ къ православной церкви»;

но что «дать открытое дозволеніе старообрядцамъ по дѣламъ вѣры относиться съ архіереями чрезъ губернаторовъ его величество не изволилъ признать удобнымъ и примѣнимымъ для православной нашей церкви, ибо старообрядцы давно сего домогаются, дабы имъ представить изъ себя особое общество—одну изъ договаривающихся сторонъ,—и тѣмъ дѣйствовать на простодушныхъ къ привлеченію въ свою ересь». Выше мы упомянули, что въ бытность князя Голицына въ иргизскихъ монастыряхъ онъ приказалъ арестовать и отправить въ Саратовъ одного изъ раскольничьихъ агитаторовъ, инока Іосафа. 15-го іюня агитаторъ привезенъ былъ въ село Балаково и отданъ въ удѣльный приказъ подъ строгій надзоръ. Его велѣно было держать тамъ до особыхъ объ немъ приказаній. Надлежащимъ властямъ объявлено было, что монахъ этотъ арестованъ «за ослушаніе, сдѣланное имъ противу высочайшей воли». На другой день агитаторъ, по приказанію губернатора, былъ переправленъ черезъ Волгу и привезенъ въ Вольскъ. Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Вольскъ и князь Голицынъ и, не рѣшившись судить арестанта въ этомъ городѣ, наполненномъ раскольниками, приказалъ отправить его въ Саратовъ «безъ всякой огласки». Его взяли изъ земскаго суда, гдѣ онъ содержался подъ именемъ «бывшаго инока Іосафа», арестованнаго «за грубость и ослушаніе», и отправили въ Саратовъ, съ однимъ изъ полицейскихъ унтеръ-офицеровъ, при особой подорожной, на которой было написано: «за ослушаніе высочайшей волѣ». 2-го іюля Іосафъ выѣхалъ изъ Саратова въ Петербургъ, сопровождаемый жандармомъ. Въ письменномъ «наставленіи», которымъ былъ снабженъ жандармъ отъ князя Голицына, между прочимъ, говорилось: «поручая тебѣ инока старообрядческихъ иргизскихъ монастырей, Іосафа, отправляемаго мною при донесеніи господину министру внутреннихъ дѣлъ, тебѣ же отданномъ,—я предписываю: во время слѣдованія твоего съ симъ инокомъ до С.-Петербурга, имѣть за нимъ бдительный надзоръ, дабы не могъ сдѣлать побѣга, съ тѣмъ притомъ, чтобы ты не торопился прибытіемъ къ мѣсту назначенія, а такъ-бы ѣхалъ, сколько дозволятъ престарѣлыя лѣта того инока». Такъ какъ мѣстное удѣльное начальство, представителемъ котораго въ Саратовѣ въ то время былъ Манассеинъ, не могло не видѣть, что

власть надъ иргизскими монастырями мало-по-малу ускользала изъ его рукъ, то путешествіе князя Голицына въ скиты и отправленіе въ Петербургъ монаха не могли не встревожить Манассеина. Этотъ послѣдній спрашивалъ сначала вольскія власти, за что взятъ монахъ. Оттуда отвѣчали, что по распоряженію губернатора. Манассеинъ спрашивалъ о томъ же губернатора, прибавляя, что онъ ничего не знаетъ «ни о подлинномъ существѣ настоящаго дѣла, ни о самыхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ судебныхъ мѣстъ о упомянутомъ Іосафѣ» и что ему необходимо все это узнать, чтобы «выполнить въ настоящемъ случаѣ все то, къ чему обязываютъ его и общія государственныя узаконенія, и особенныя постановленія по части удѣльной». Не отвѣчая ничего Манассеину, князь Голицынъ тотчасъ же потребовалъ отъ вольскаго исправника копіи со всей его переписки съ Манассеинымъ и приказывалъ не входить съ нимъ прямо ни въ какую переписку объ иргизскихъ монастыряхъ. Кромѣ того, когда князь Голицынъ былъ еще на Иргизахъ, то приказалъ выслать оттуда двухъ монаховъ—Антонія и Филарета «за дерзостные отвѣты и закоснѣлость ихъ въ поддержаніи старообрядчества». Антоній былъ отставной казакъ гребенского войска Авраамъ (въ монашествѣ Антоній) Сатваловъ, а Филаретъ—екатеринбургскій заводскій крестьянинъ Федоръ Сарапуловъ. Перваго изъ нихъ исправникъ тотчасъ же выслалъ въ Саратовъ подъ стражею. Но онъ, какъ видно, въ дорогѣ выдавалъ себя за мученика и много ораторствовалъ. Князь Голицынъ узналъ объ этомъ и запретилъ исправнику имѣть переписку съ Манассеинымъ, сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ за то, что онъ «допустилъ отправленіе инока Антонія въ Саратовъ за присмотромъ подобныхъ ему», что монахъ этотъ (писалъ Голицынъ) «до явки ко мнѣ имѣлъ возможность бродяжничать по Саратову и разглашать разные толки и т. д.» Только уже послѣ этого князь Голицынъ отвѣчалъ Манассеину, и притомъ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ, что инока Іосафа, «оказавшагося виновнымъ въ наклоненіи жителей старообрядческихъ монастырей къ противоборству распоряженіямъ начальства, относящимся до прекращенія расколовъ», онъ лично приказалъ арестовать и доставить въ Саратовъ. Обстоятельство это, писалъ онъ—обязываетъ меня поставить

въ виду вашемъ, что всѣ дѣла, касающіяся до лицъ въ отношеніи вѣры, какого бы вѣдомства сіи лица ни были, подлежать непосредственному моему вліянію и распоряженію», что «я имѣю въ руководство о семъ предметѣ секретныя правила, утвержденныя государемъ императоромъ», что «слѣдовательно, за симъ, всякое сношеніе удѣльной конторы съ земскимъ судомъ по дѣламъ подобнаго рода вовсе уже неумѣстно», что «всѣ случаи, до вѣры относящіеся, должны быть доводимы непосредственно до моего свѣдѣнія, я же, соображая оные съ тѣми высочайшими правилами, обязанъ дать имъ надлежащій ходъ» и что «все здѣсь сказанное прошу васъ принять къ надлежащему съ вашей стороны исполненію». Инока Антонія или казака Сатвалова, этого второго послѣ Іосафа агитатора, князь Голицынъ изъ Саратова немедленно отправилъ на Кавказъ, подъ стражею, и при этомъ сообщилъ начальнику кавказской области, генералъ-лейтенанту Эммануэлю, что Сатваловъ «по закоснѣлости въ расколѣ, дерзновенными мнѣніями своими о вѣрѣ въ поддержаніе старообрядства, препятствуетъ въ распоряженіяхъ правительства по дѣламъ раскольниковъ», что онъ «весьма много содѣйствуетъ укорененію заблужденія въ невѣждахъ и самому распространенію онаго» и что «за эти вредныя мнѣнія его слѣдуетъ держать подъ строжайшимъ надзоромъ и отнюдь не допускать возвратиться въ Иргизы». Это былъ старый закоренѣлый раскольничій агитаторъ, и потому князь Голицынъ понялъ всю опасность допущенія этой личности въ центръ сектаторскаго движенія. Уже находясь подъ стражей, Антоній не переставалъ проповѣдывать то, что проповѣдывалъ въ монастыряхъ и что, безъ всякой боязни, прямо и дерзко говорилъ въ глаза Голицыну. Другой агитаторъ, вмѣстѣ съ нимъ арестованный, былъ еще молодой человѣкъ, хотя уже давно именовался инокомъ Филаретомъ. Этому отважному раскольнику было всего 28 лѣтъ. Онъ былъ грамотенъ и писалъ довольно бойко. Подъ допросомъ, который снятъ съ него послѣ арестованія, стоитъ его собственная подпись. Инокъ Филаретъ, онъ-же крестьянинъ Сарапуловъ, пошелъ въ монахи еще мальчикомъ. Это была, повидимому, безпокойная личность, какихъ не мало встрѣчалось между поволжской понизовой вольницей. Это былъ одинъ изъ тѣхъ добрыхъ молод-

цовъ, которые вызывались къ дѣятельности движеніемъ неугомонныхъ бродячихъ силъ русскаго народа. «Проживалъ я въ монастыряхъ единственно для богомолія и спасенія души своей, говорилъ о себѣ этотъ молодой монахъ,—будучи съ малолѣтства, какъ отцы и прадѣды мои, въ старообрядчествѣ. До прибытія же моего сюда, я еще на прежнемъ жительствѣ моемъ почувствовалъ желаніе посвятить себя монашеской жизни и удалился въ тамошнюю старообрядческую обитель, состоящую въ предѣлахъ заводскихъ, гдѣ находился тогда іеромонахъ Иларій, который и надѣлъ на меня иноческое одѣяніе, съ наименованіемъ Филаретомъ. А по прибытіи моемъ въ верхній монастырь, постриженъ въ монахи священникомъ Меѳодіемъ, скрытнымъ образомъ, безъ свидѣтелей. Меѳодій же назадъ тому лѣтъ шесть померъ». Монахъ этотъ былъ изъ помѣщичьихъ заводскихъ крестьянъ. Когда его спрашивали, извѣстно-ли помѣщикамъ о его монашествѣ, Филаретъ отвѣчалъ: «Позволенія на сіе постриженіе я отъ помѣщиковъ своихъ не имѣлъ и о томъ не спрашивалъ, ибо въ жительствѣ моемъ почти всѣ крестьяне старообрядцы и ни кому изъ нихъ, по случаю старости и неспособности къ работѣ, не воспрещается принять иноческій санъ. Оброку я плачу господамъ, несмотря на разстроенное здоровье мое, по сту рублей въ годъ, который взносятъ бо̀льшею частію за меня родственники мои при заводѣ, которымъ я посылаю иногда пособіе отъ великодушія монастыря и доброхотныхъ дателей». Этого третьяго молодого агитатора, «закоснѣлаго въ расколѣ», князь Голицынъ выслалъ въ пермскую губернію, въ Екатеринбургъ. Въ бытность свою въ иргизскихъ монастыряхъ, князь Голицынъ намѣтилъ и четвертаго раскольничьяго агитатора, инока Фирса. Раскольникъ этотъ вышелъ изъ-заграницы по манифесту 1816 г. и приписался въ деревню Пузановку, вольскаго уѣзда, подъ именемъ крестьянина Филиппа Тимофеева. Фирсъ жилъ въ иргизскихъ монастыряхъ и обратилъ на себя вниманіе князя Голицына «своимъ буйствомъ», «нарушеніемъ общественнаго спокойствія» и «нелѣпыми толками». Его также подъ карауломъ привезли въ Саратовъ, подвергли допросамъ, потомъ снова отвезли въ Вольскъ и отдали подъ судъ безъ очереди.

XI.

Этими крутыми мѣрами князь Голицынъ нагналъ такой страхъ на монастыри, особенно послѣ ссылки четырехъ агитаторовъ, что болѣе неподатливые изъ коноводовъ раскола, боясь новыхъ гоненій, тайно скрылись изъ монастырей, не желая уступить требованіямъ губернатора и не рискуя вступить съ нимъ въ открытую борьбу. Такимъ образомъ разбѣжались десять иноковъ — [illegible], Пахомій, Ефремъ, Савватій, Іаковъ *), Германъ, Іоилъ, Серапіонъ и Григорій схимникъ и пять бѣльцовъ. Личности эти разбѣжались въ разныя стороны и потому правительственнымъ властямъ предстояла новая забота — ослабить по возможности агитацію этихъ опасныхъ вожаковъ, которые должны были разнести пропаганду по всему Поволжью и наэлектризировать населеніе разсказами о гоненіяхъ за вѣру. Они являлись уже бродячими пророками, тѣми каликами перехожими, которымъ всегда безусловно вѣритъ русскій народъ и за которыми онъ шелъ тѣмъ охотнѣе, чѣмъ таинственнѣе обставляли себя эти самозванцы, эти «странники», эти «люди божіи» и «невѣдомые». Они скрылись изъ монастырей въ монашескомъ одѣяніи, со всѣми атрибутами страннячества. Мѣстныя власти тотчасъ же отправились за Волгу, чтобы тайно развѣдать слѣды этихъ странниковъ и бдительно наблюдать за ихъ появленіемъ. Отъ настоятелей монастырей взяты подписки въ томъ, чтобы ихъ ни въ комъ случаѣ не принимать въ обители, если они возвратятся. Въ то же время за Волгой оставлены были два чиновника, которые, если возможно, съ самымъ строгимъ секретомъ слѣдили бы «за бродяжничествомъ сихъ иноковъ самозванцевъ» и ловили бы ихъ при первомъ появленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались розыски по всей губерніи, и кромѣ того князь Голицынъ предувѣдомлялъ губернаторовъ: тамбовскаго, пензенскаго, симбирскаго, астраханскаго и оренбургскаго, а также войсковыхъ атамановъ донского и уральскаго, что «подобные самозванцы, подъ прикрытіемъ монашескаго платья, бродяжничая по отдаленнымъ мѣстамъ,

---

*) Іаковъ «евангельскій сынъ» Серапіона, какъ сказано въ бумагахъ.

разсѣеваютъ всюду ересь свою, а равно распространяютъ и другіе не менѣе вредные невѣжественные толки», что поэтому, «дабы люди сіи не могли бродяжничать въ монашескомъ платьѣ и подъ симъ видомъ, ни мало имъ принадлежащимъ, распространять расколъ», онъ просилъ сосѣднихъ губернаторовъ «таковыхъ самозванцевъ всюду преслѣдовать» и ловить и по поимкѣ предавать строгому суду, «не токмо какъ бродягъ, но и какъ самозванцевъ». Тогда же отъ настоятелей трехъ мужскихъ монастырей, отъ иноковъ Гавріила, Корнилія и Андріана, взяты были подписки въ томъ, что они изъ числа пріѣзжающихъ къ нимъ изъ разныхъ мѣстъ для богомолія людей, какого бы они званія ни были, въ иноческій санъ принимать и постригать никого уже не должны, что даже тѣхъ иноковъ, которые должны быть высланы вслѣдствіе просрочки актовъ, они обязывались не допускать къ себѣ на жительство, «даже кратковременное». Между тѣмъ выѣзжавшій изъ Саратова 2 іюля, съ жандармомъ, фанатикъ Іосафъ въ Петербургъ не являлся въ теченіи почти мѣсяца. Не имѣя объ немъ никакихъ вѣстей, генералъ-адъютантъ Закревскій спрашивалъ князя Голицына, высланъ-ли къ нему этотъ фанатикъ; а если нѣтъ, то почему. Голицынъ отвѣчалъ, что высланъ, но что сопровождавшему его жандарму приказано щадить старость монаха и не утомлять его быстрой ѣздой. Оказалось, что Іосафъ могъ прибыть въ Петербургъ и явиться къ генералу Закревскому только 24 іюля. Около этого времени изъ средненикольскаго монастыря бѣжалъ еще одинъ изъ важныхъ раскольниковъ, священноинокъ Иларій. Онъ былъ прежде іеромонахомъ подгорной макарьевской пустыни, что около Свіяжска. Раскольникъ этотъ бѣжалъ ночью на 27 іюня, вѣроятно предувѣдомленный о томъ, что казанскій архіепископъ Филаретъ требовалъ высылки его въ Казань.

Слухи ходили, что онъ пробрался на Уралъ и скрывается въ сергіевскомъ скиту. На основаніи этихъ слуховъ, князь Голицынъ сообщалъ оренбургскому военному губернатору Эссену о необходимости произведенія обыска въ помянутомъ скитѣ. Тогда атаманъ уральскаго войска Бородинъ командировалъ разъѣзднаго комиссара Поликарпова и чиновника Буренина изъ Уральска для производства обыска, и оказалось, что ни Иларія, ни другихъ агитаторовъ,

бѣжавшихъ съ Иргизовъ, не могли тамъ отыскать, а схватили изъ нихъ только одного инока Пахомія, бѣжавшаго съ Иргизовъ въ числѣ пятнадцати коноводовъ, и тотчасъ-же за крѣпкимъ карауломъ отправили въ Симбирскъ, на мѣсто его родины. Розыски въ другихъ мѣстностяхъ оказались безуспѣшными: народъ, какъ видно, умѣлъ скрывать своихъ героевъ и мучениковъ, кто-бы они ни были, понизовые-ли удалые добрые молодцы, или старцы странники. Только астраханскій губернаторъ попалъ на слѣдъ какихъ-то недозрительныхъ личностей. Когда производились розыски по каспійскому взморью, гдѣ обыкновенно укрывались шайки понизовой вольницы, начиная отъ Заметаева, Петьки Казанскаго, Беркута и кончая новѣйшими атаманами, ниже Астрахани въ 60 верстахъ, «въ крѣпяхъ камыша» открыты неизвѣстныя личности, числомъ одиннадцать, изъ коихъ четверо было мужчинъ и семь женщинъ. Маленькая эта община, удалившаяся отъ міра и притаившаяся въ камышахъ, составляла какъ-бы отдѣльное поселеніе, расположенное въ трехъ землянкахъ. Старшій изъ мужчинъ, которому было болѣе пятидесяти лѣтъ, считался чѣмъ-то въ родѣ начальника общины или настоятеля. Другому мужчинѣ было лѣтъ за сорокъ, третьему подъ сорокъ и четвертый былъ еще юноша лѣтъ восемнадцати. Настоятель былъ мужчина высокаго роста, черный, сѣдоватый. Юноша казался болѣзненнымъ. Женщины были большею частію старухи, семидесяти и шестидесяти лѣтъ, и только двѣ изъ нихъ были молодыя. Когда эту общину взяли, привезли на «Василистовъ промыселъ» и стали допрашивать каждаго, они упорно отказывались объявить о своемъ званіи. Когда ихъ спрашивали, давно-ли они поселились въ своей уединенной колоніи, они отвѣчали, что другой годъ живутъ въ камышахъ, когда же потребовали отъ нихъ указанія о мѣстѣ ихъ первоначальнаго жительства, бродяги упорно молчали. Они утаили также и свои имена, назвавшись только такими именами, «которыя они получили при второмъ крещеніи». Когда же ихъ спросили, кѣмъ они крещены во второй разъ, арестованные молчали. Утаили также и мѣсто своего втораго крещенія. Настоятель называлъ себя Семеномъ Максимовымъ, а двухъ женщинъ — своими сестрами. Это были Мавра и Ирина, первая 56, а вторая 43 лѣтъ. Онъ говорилъ, что пришелъ на взморье Каспія съ этими

двумя сестрами и пятью другими женщинами. Поэтому онъ и былъ основателемъ и главою общины, чѣмъ-то въ родѣ пророка мормоновъ Брайгама Юнга, окруженнаго однѣми женщинами. Трое мужчинъ присоединились къ его общинѣ уже впослѣдствіи. При дальнѣйшемъ ознакомленіи съ этой любопытной общиной оказалось, что всѣ ея члены, и мужчины, и женщины, грамотны. Они говорили только о себѣ, что они раскольники. Когда ихъ спросили, чѣмъ они питаются, бродяги отвѣчали, что пищу получали они изъ Астрахани, что привозили имъ эту пищу отъ доброхотныхъ дателей. «Предметъ ихъ отлучки», говорилось въ бумагѣ астраханскаго губернатора, «по ихъ умствованію, есть тотъ, чтобы удалиться отъ міра и послѣдовать Христу Спасителю, т. е. жить въ уединеніи и молиться Богу по старымъ церковнымъ книгамъ». Сколько потомъ ни пытались узнать отъ нихъ еще что-либо, фанатики твердо и непоколебимо стояли на своемъ, отдѣлываясь отъ всѣхъ вопросовъ упорнымъ молчаніемъ. Астраханскій губернаторъ, арестовавъ всю эту таинственную общину, спрашивалъ князя Голицына, не принадлежатъ-ли эти бродяги къ числу тѣхъ, которые разбѣжались изъ иргизскихъ монастырей. Князь Голицынъ далъ знать объ этомъ исправнику въ Вольскѣ. Исправникъ немедленно сдѣлалъ розыскъ по всѣмъ иргизскимъ монастырямъ, допрашивалъ обо всѣхъ, тайно и явно ушедшихъ съ Иргизовъ, какъ въ послѣдній разгромъ скитовъ, такъ и въ прежніе годы, и ничего не добился; о таинственныхъ бродягахъ, найденныхъ въ камышахъ, никто не зналъ. Такъ дѣло о нихъ и заглохло въ Астрахани.

XII.

Когда князь Голицынъ былъ въ иргизскихъ монастыряхъ и разсматривалъ тамошнія церкви, онъ особенно заинтересовался тамошними антиминсами. Онъ просилъ настоятеля показать ему эти церковныя принадлежности. «И хотя старообрядцы (говоритъ князь Голицынъ въ письмѣ къ епископу Иринею) выискивали всѣ средства препятствовать мнѣ о томъ, но, однако, не смотря на то, я

ихъ видѣлъ». Мало того, онъ снялъ съ нихъ копіи. «Видя ихъ въ натурѣ (продолжаетъ Голицынъ), нельзя не имѣть сомнѣнія о подлинности. Матерія, изъ коей онѣ изображены, заключается въ самомъ простомъ и толстомъ холстѣ; нѣтъ ни малѣйшихъ украшеній; одно простое письмо блѣдными чернилами, которое съ трудомъ можно разобрать». Снимки съ этихъ антиминсовъ князь Голицынъ послалъ къ Иринею. По разсмотрѣніи этихъ антиминсовъ,Ириней находилъ, что всѣ они «по несправедливому объясненію нѣкоторыхъ изъ нихъ времени существованія великихъ государей, патріарховъ и преосвященныхъ архіереевъ и по другимъ замѣчаніямъ, есть совершенно подложные». Кромѣ того, «фальшивость» ихъ Ириней обнаруживалъ еще и тѣмъ, что ни на одномъ антиминсѣ не значится, кѣмъ они освящены, что никѣмъ не подписаны, что четвертый и пятый показаны освященными при патріархѣ Никонѣ, тогда какъ раскольники не пріемлютъ не только антиминсовъ, но даже и книгъ, которыя изданы со времени патріаршества Никона, а что наконецъ самое существованіе древнихъ антиминсовъ въ иргизскихъ монастыряхъ, возникшихъ по прошествіи болѣе столѣтія послѣ Никона, подвержено «величайшему сомнѣнію», такъ-какъ раскольники не могли имѣть ихъ тогда въ запасѣ, потому что антиминсы выдаются на извѣстныя только, существующія уже церкви. Ириней замѣчалъ, что первый антиминсъ означенъ 7109, т. е. 1607 годомъ и пріуроченъ къ царствованію Димитрія Іоанновича, тогда какъ этотъ послѣдній царствовалъ съ 1359 по 1388 г., когда еще патріарховъ въ Россіи не было, да при немъ и не могло быть патріарха Ермогена: въ 1601 году царствовалъ Борисъ Годуновъ, а при немъ былъ патріархъ Іовъ. На второмъ антиминсѣ сказано, что 3-го іюня 7160 или 1652 года былъ митрополитъ Макарій, тогда какъ онъ посвященъ только 8 августа, слѣдовательно въ іюнѣ митрополитомъ еще не былъ. На третьемъ антиминсѣ тоже ложь: архіепископъ Ефимій именовался тверскимъ и старицкимъ, а не кашинскимъ. На четвертомъ новая ложь: епископъ Александръ посвященъ при Никонѣ. Та-же и на пятомъ: архіепископа Іосифа не было, а былъ Іосафъ, тоже при Никонѣ; Іосифомъ онъ названъ уже при схимѣ; титулъ его былъ тоже тверской и старицкій, а не кашинскій. Фальшь и на шестомъ: въ 1629 г.

Алексѣй Михайловичъ не царствовалъ, а царствовалъ Михаилъ Федоровичъ (1612—1645 г.) и притомъ тогда былъ патріархъ Филаретъ Никитичъ и ростовскій митрополитъ Варлаамъ, а не Іосифъ и не Іона. Впрочемъ, всѣ эти замѣчанія Иринея могутъ не имѣть и никакого значенія, такъ-какъ князь Голицынъ самъ говорилъ, что онъ съ трудомъ разобралъ надписи на антиминсахъ. А кто ручается, что онъ правильно разобралъ ихъ? Реставрируя старинныя буквы, онъ могъ прочитать одни годы за другіе, особенно когда они писались славянскими буквами, и вмѣсто 7157 годъ царствованія Алексія Михайловича — могъ прочитать 7137 годъ царствованія Михаила Федоровича и для этого стоило только вмѣсто стершагося и полинявшаго м или н прочитать л. Какъ бы то ни было, раскольники берегли эти антиминсы, какъ драгоцѣнную святыню, и впослѣдствіи энергически ихъ отстаивали, не смотря на то, что раскольниковъ въ трескучій морозъ обливали водой изъ пожарныхъ трубъ, о чемъ нами будетъ сказано въ свое время.

XIII.

Страхъ, внушенный иргизскимъ монастырямъ и всѣмъ поволжскимъ раскольникамъ княземъ Голицынымъ, не ограничился тѣмъ, что коноводы раскола, не покоряясь административной опекѣ и ненавистной для нихъ регламентаціи, предпочли лучше скитаться по Россіи бродягами, чѣмъ жить спокойно и молиться по старымъ книгамъ въ своихъ кельяхъ подъ протекціей губернатора и исправника. Страхъ былъ до того силенъ, особенно между женщинами, что онѣ не только уходили тайно изъ монастырей на время гоненія, до болѣе счастливой поры, но многія изъ нихъ рѣшились и окончательно порвать всѣ связи съ излюбленными ими обителями, текущими молокомъ и медомъ (у нихъ были и свои стада и пчелиныя пасѣки съ обиліемъ меду). Оказалось, что многія монахини тайно увозили изъ монастырей свое имущество. Узнавъ объ этомъ, Голицынъ снова поднялъ тревогу. Онъ требовалъ, чтобы исправникъ силою

прекратилъ этотъ вывозъ изъ монастырей имущества, требовалъ отобранія подписокъ у настоятелей. Тѣхъ-же самихъ распоряженій онъ требовалъ и отъ Манассеина. Исправникъ пригрозилъ кому слѣдуетъ, отобралъ подписки, напугалъ монахинь и настоятельницъ. Тѣ увѣряли, что монахини увозили изъ монастырей свое собственное имущество, что онѣ отдавали его на храненіе своимъ родственникамъ въ ближайшія селенія, что все это дѣлалось «изъ опасенія въ непрочномъ пребываніи ихъ въ настоящемъ мѣстѣ». Но нѣсколько раньше этого погрома, обрушившагося на иргизскіе монастыри, возникло-было новое весьма сильное движеніе въ этой мѣстности Поволжья въ пользу раскола. Народныя движенія заразительны—и вотъ цѣлыя селенія поднялись съ намѣреніемъ присоединиться къ иргизскимъ общинамъ. Это движеніе обнаружилось въ селѣ Сухомъ-Острогѣ, въ Корнякѣ, въ слободѣ Криволучьѣ и въ деревнѣ Большомъ-Кушумѣ. Въ обществахъ этихъ селеній составились приговоры. Составился потомъ общій мірской совѣтъ изъ всѣхъ селеній. Выборные отъ обществъ просили настоятелей иргизскихъ монастырей принять ихъ селенія въ свою соединенную общину. Настоятели, напуганные княземъ Голицынымъ, конечно отказали имъ въ этомъ. Тогда крестьяне рѣшились на болѣе смѣлую попытку. Нашлись совѣтники, которые указали имъ путь—прямо обратиться въ Петербургъ. Крестьяне сошлись и сочинили коллективную просьбу князю Петру Михайловичу Волконскому, генералъ-адъютанту, министру двора и удѣловъ. «Обширныя пространства земли, въ вольскомъ уѣздѣ, по луговой сторонѣ рѣки Волги лежащія и простирающіяся по рѣкѣ Иргизу, въ древнее время весьма малое имѣли народонаселеніе (писалось въ этой коллективной просьбѣ). Оно усилилось, когда по всемилостивѣйшимъ манифестамъ начали водворяться въ сихъ мѣстахъ разнаго рода сходцы, отлучившіеся изъ жилищъ своихъ безъ дозволенія правительства люди и выходцы изъ-за границы. Таково было начало нынѣшняго многочисленнаго народонаселенія по Иргизу. Впослѣдствіи времени, когда всемилостивѣйшіе манифесты великія Екатерины сдѣлались гласны и въ отдаленныхъ странахъ внѣ государства русскаго и когда милости чадолюбивой матери проникли сердца людей, повелительницу сѣвера обожавшихъ, тогда-то изъ за поль-

ской границы явились монахи, старообрядческіе иноки, люди честнаго поведенія и доброй нравственности, большею частію въ лѣтахъ преклонныхъ. Поселившись по Иргизу, въ избранныхъ ими мѣстахъ, они, съ дозволенія правительства, завели скиты и молитвенные домы. Въ нихъ началось отправляться богослуженіе христіанское и требы, до священныхъ таинствъ относящіяся, по книгамъ старопечатнымъ и по установленіямъ, въ оныхъ изложеннымъ. Такимъ образомъ положено основаніе старообрядческихъ по Иргизу монастырей, и прибѣгшіе прежде въ скиты и молитвенные домы для отправленія богослуженія христіане получили наименованіе старообрядцевъ. Таковое отправленіе богослуженія, сперва начавшееся въ скитахъ и домахъ молитвенныхъ, а съ продолженіемъ времени глубоко проникло и тронуло сердца народа, приверженнаго къ онымъ, и какъ при началѣ старообрядческихъ скитовъ по селеніямъ иргизскимъ церквей грекороссійскихъ совсѣмъ почти не было, то старообрядческіе скиты и молитвенные домы сами собой непримѣтно усилили дѣйствія свои, и оттого нынѣ большая часть народа, по Иргизу поселявшагося, — старообрядцы, несмотря, что во многихъ селеніяхъ устроены церкви». Видно, что просьба составлена была людьми грамотными, читавшими и знавшими не только исторію заселенія поволжскаго края, но и исторію законодательствъ, касавшихся этой мѣстности вообще и раскольниковъ въ особенности. Вотъ почему эта любопытная и замѣчательная просьба крестьянъ представляетъ собою подобіе адреса, съ которымъ нѣсколько крестьянскихъ обществъ, какъ государственная фракція, обращаются къ правительству съ изложеніемъ своихъ нуждъ и требованій, обусловливаемыхъ историческимъ ходомъ жизни Поволжья. Вотъ почему просьба имѣетъ не только вообще историческое значеніе, но и, въ тѣсномъ смыслѣ, политическое. Далѣе раскольники объясняютъ послѣдующее развитіе жизни въ среднемъ Заволжьѣ и перипетіи ихъ собственной жизни. «Благотворное правительство (говорятъ они), при всѣхъ своихъ осторожностяхъ, дабы старообрядчество не могло породить худыхъ послѣдствій и душевнаго вреда для христіанства, взирало на всѣ дѣйствія старообрядцевъ съ человѣколюбіемъ, и наконецъ старообрядцамъ высочайшими указами дозволено торжественное отправленіе

по ихъ обрядамъ богослуженія. Народъ, особенно родившійся въ нѣдрахъ старообрядческаго исповѣданія, тѣмъ болѣе привязался и прилѣпился къ принятымъ ими обрядамъ, отправляя и совершая всѣ священныя таинства и требы чрезъ священниковъ старообрядческихъ, однако-же рукоположенныхъ епархіальными преосвященными. Предки наши, дѣды и отцы, совершаясь примѣромъ ихъ и внявъ движеніямъ собственнаго сердца и внушеніямъ совѣсти, завѣщали и намъ исповѣдывать и отправлять христіанскую религію по обряду отцовъ нашихъ». Затѣмъ они объясняютъ, что въ 1811 г., по распоряженію правительства, происходило повсемѣстное обозрѣніе христіанскихъ исповѣданій и сектъ и что иргизскимъ раскольникамъ производима была перепись, но что селенія и слободы Сухой Острогъ, Кормяжка, Криволучье и Большой Кушумъ будто-бы въ раскольничьи вѣдомости не записались, «предполагая, — какъ выражались теперь раскольники,—по ограниченнымъ понятіямъ нашимъ, дабы не могло послѣдовать откуда-либо намъ стѣсненія», что при всемъ томъ они практически исповѣдывали расколъ, отправляя свои требы чрезъ иргизскихъ священниковъ, безъ всякаго препятствія со стороны гражданскихъ властей, а что теперь именно,—продолжають раскольники, — «по обряду христіанскому для спасенія души, по слову Спасителя Христа, когда намѣрены были принести ему душевную жертву съ сокрушеннымъ сердцемъ чрезъ покаяніе во грѣхахъ нашихъ и тѣмъ очистить совѣсть, то, къ прискорбію и душевному соболѣзнованію нашему, священники тѣхъ монастырей въ томъ намъ отказали и мы остались теперь отвергнуты и не можемъ рѣшиться обратиться въ нѣдра грекороссійской церкви приходской». Вотъ почему селенія эти и рѣшились обратиться къ князю Волконскому. Они откровенно объяснили ему, что имъ строго запрещено подавать просьбы высшему начальству помимо мѣстныхъ властей, что на этотъ предметъ у нихъ отобраны подписки, но что они все-таки рѣшились на этотъ послѣдній шагъ, какъ на необходимость. Они просили дозволенія примкнуть къ иргизскимъ общинамъ, а если этого нельзя, то хоть къ той раскольничьей общинѣ, которая имѣетъ свою церковь въ Вольскѣ.

Князь Волконскій по этой просьбѣ потребовалъ отзыва мѣстнаго архіерея и удѣльнаго начальства. Князь Голицынъ, узнавъ

изъ разговора съ Манассеинымъ объ этихъ притязаніяхъ крестьянъ, требовалъ объясненія отъ удѣльной конторы и въ то-же время спрашивалъ Иринея пензенскаго о томъ, какъ онъ намѣренъ поступить въ данномъ случаѣ. Манассеинъ, давно имѣвшій основанія негодовать на князя Голицына, воспользовался этимъ обстоятельствомъ и довелъ обо всемъ до свѣдѣнія князя Волконскаго. Послѣдній считалъ себя обиженнымъ, такъ какъ губернаторъ врывался въ область его владѣній, и князь Голицынъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ внушеніе. «Ваше сіятельство,—писалъ Закревскій согласно отзыву князя Волконскаго,—не въ правѣ были требовать отъ конторы (удѣльной) предписаній ея начальства, а тѣмъ менѣе давать ей предложенія, какъ мѣсту вамъ неподчиненному, вслѣдствіе чего, по таковому отзыву князя Петра Михайловича, поручаю вашему сіятельству доставить мнѣ надлежащее объясненіе немедленно». Князь Голицынъ, твердо рѣшившись забрать въ свои руки иргизскіе монастыри и парализировать всѣ дѣйствія этой новой понизовой вольницы и зная, что только сосредоточенными ударами можно добить эту вольницу, а сосредоточеніе силы ударовъ онъ понималъ только въ рукѣ, добивавшей Заметаевыхъ, Беркутовъ и другихъ атамановъ Поволжья, горячо отстаивалъ передъ министромъ свои права на этотъ молотъ, который онъ держалъ своею рукой надъ головами раскольниковъ и которымъ уже удачно началъ бить по горячему желѣзу. Онъ защищался передъ Закревскимъ тѣмъ, что «на дѣла о раскольникахъ вообще гражданскіе губернаторы имѣютъ непосредственное вліяніе, къ какому-бы состоянію жителей въ губерніи раскольники ни принадлежали», что «всѣ касающіяся ихъ распоряженія правительства приводятся въ исполненіе чрезъ губернаторовъ, будучи означаемы въ секретныхъ и другихъ предписаніяхъ, на имя ихъ присылаемыхъ», что, поэтому, онъ «счелъ себя въ правѣ имѣть сношеніе съ удѣльною конторою по симъ дѣламъ, непосредственно до вѣдомства его принадлежащимъ», что «она сама (контора) сіе хорошо знала и потому исполнила требованіе его», что «другое-бы дѣло, если-бы требованія его относились къ предмету хозяйственнаго управленія удѣльными имѣніями», что «въ такомъ случаѣ ближе-бы нѣкоторымъ образомъ почесть ихъ неумѣстными, хотя, впрочемъ, едва-

ли надлежитъ считать излишнимъ доставленіе свѣдѣній губернатору отдѣльными начальствами въ губерніи, по какимъ-бы предметамъ онъ ихъ ни требовалъ», что въ XII статьѣ наставленія губернаторамъ 1764 года, подтвержденнаго 102 статьею высочайшаго о губерніяхъ учрежденія, сказано, что губернаторъ, «яко хозяинъ въ губерніи, о всемъ долженъ имѣть прямыя извѣстія и незнаніемъ отговариваться не можетъ», что въ XI статьѣ упомянуто, что «хозяйственное вліяніе его распространяется и на всѣ тѣ мѣста, которыя не входятъ въ составъ общаго управленія губерніею, но подчинены особымъ правительствамъ», что, поэтому, «нѣтъ мѣста въ губерніи, для котораго-бы губернаторъ могъ быть лицомъ вовсе постороннимъ», и что онъ въ правѣ былъ дѣлать то, что сдѣлалъ. Однимъ словомъ, у такого административнаго Вулкана Гефеста, какимъ былъ князь Голицынъ, не легко было вырвать изъ рукъ молотъ, когда онъ занесъ его надъ наковальнею, чтобы ковать желѣзо, хотя и неподатливое, но достаточно подогрѣтое. Онъ тѣмъ самоувѣреннѣе былъ по одному мѣсту, что сознавалъ, какъ бродячія силы Поволжья все болѣе и болѣе чувствовали себя пришибленными съ каждымъ ударомъ, и что правительство само было убѣждено въ пользѣ той кузницы, въ которой ковались желѣзныя путы для бродячихъ силъ русскаго народа.

XIV.

Не прошло полгода, какъ настойчивыя стремленія князя Голицына къ задуманной имъ цѣли увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Народнымъ бродячимъ силамъ нанесенъ былъ роковой ударъ, и фактъ этотъ оказался безповоротнымъ въ исторіи внутреннихъ политическихъ движеній русскаго народа. Въ началѣ сентября 1828 года состоялось высочайшее повелѣніе, въ силу котораго иргизскіе монастыри и «передавались въ вѣдомство губернскаго начальства, съ надлежащимъ замѣномъ удѣльному изъ экономическихъ имѣній». Торжество князя Голицына было полное. Предпо-

ложенія его были одобрены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; мало того, князь Волконскій, при всемъ пониманіи того, что князь Голицынъ врывался въ его область, долженъ былъ тоже одобрить и доложить государю его предположенія. Иргизскіе монастыри такимъ образомъ утрачивали свою независимость и навсегда должны были проститься съ тою республиканскою свободою, на которую до князя Голицына никто не смѣлъ посягать. Государственность этихъ коммунъ прекращалась и бродячіе элементы русскаго народа всего юга-востока Россіи теряли свой политическій, матеріальный и нравственный центръ. Чтобы окончательно добить въ иргизской коммунѣ всякую возможность снова подняться на ноги, велѣно было всю молодежь, годную къ военной службѣ, отдать въ солдаты, негодныхъ сослать на поселеніе, а дѣтей и мальчиковъ— записать въ военные кантонисты. Въ сентябрѣ-же князь Голицынъ приступилъ къ пріему монастырей въ свое непосредственное завѣдываніе. На Иргизы онъ командировалъ чиновника особыхъ порученій Полонскаго, который долженъ былъ объявить монастырямъ, при чиновникѣ удѣльной конторы и исправникѣ, о послѣдовавшей передачѣ ихъ въ вѣдомство губернскаго начальства, произвести самую аккуратную повѣрку «всему монастырскому имуществу, изъ предосторожности», чтобы «при такомъ переворотѣ», не могло послѣдовать какой-либо растраты этому имуществу, и, наконецъ, по особому списку лицамъ, предназначеннымъ къ отдачѣ изъ монастырей въ солдаты, къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе и къ написанію въ военные кантонисты, собрать свѣдѣнія о каждомъ лицѣ, о принадлежности къ инокамъ-ли, къ бѣльцамъ-ли, но такъ, «чтобы не произвести въ нихъ ни малѣйшаго безпокойства, и вовсе не давая имъ того замѣтить». Въ теченіе мѣсяца этотъ «переворотъ», о которомъ говорилъ князь Голицынъ, совершился благополучно По крайней мѣрѣ въ имѣющихся у насъ подъ руками дѣлахъ нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы при этомъ были какіе-либо протесты со стороны монастырей, неудовольствія, вспышки, неповиновенія, бунты. Подавленные силою и неотразимою необходимостію, монастыри повидимому безропотно покорились тому, что рано или поздно должно было ихъ постигнуть. Въ октябрѣ Полонскій доносилъ князю Голицыну, что онъ исполнилъ его пору-

ченіе. Онъ добавлялъ, что общая сложность всѣхъ описей по монастырскимъ имуществамъ, съ копіями, составляла 752 листа. При этомъ онъ сообщалъ и свѣдѣнія о лицахъ, предназначенныхъ къ отдачѣ въ солдаты или къ ссылкѣ въ Сибирь. Противъ многихъ изъ нихъ помѣчено: или: «бѣлецъ холостой, обѣ ноги сведены съ самаго младенчества», или «холостъ, бѣлецъ съ упавшимъ носомъ отъ венерической болѣзни, худо видитъ», или — «бѣлецъ, уставщикъ въ монастырѣ, женатъ на такой-то, дѣти такія-то, весьма сухощавъ, но не боленъ», или — уставщикъ въ Самарѣ, бѣлецъ, женатъ, или—«разбитъ параличемъ и одержимъ частыми припадками падучей болѣзни», или — «бѣлецъ, холостъ, весьма глухъ и больной», или—«бѣлецъ, весьма гнуситъ, женатъ», или—«бѣлецъ, разбитъ параличемъ, храмлетъ», или—«мельникъ, здоровый, развратной жизни» и т. д. Въ октябрѣ-же князь Голицынъ доносилъ уже государю, что иргизскіе монастыри приняты. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ объ этомъ и министру, подробно объясняя всѣ свои распоряженія по этому предмету, а также представилъ новыя соображенія относительно управленія монастырями и пресѣченія всякой возможности раскольнической пропаганды въ Поволжьѣ. Князь Голицынъ и въ настоящихъ своихъ предположеніяхъ преслѣдуетъ одну и ту-же мысль, съ пользою примѣнявшуюся еще въ прошломъ столѣтіи къ понизовой вольницѣ на Волгѣ, къ Запорожской Сѣчи и гайдамачинѣ на Днѣпрѣ и вообще ко всѣмъ народнымъ движеніямъ,—это, выражаясь словами запорожцевъ,—«покрѣпче завязать мѣшокъ», въ который должны быть собраны всѣ бродячія силы русскаго народа. Вотъ какимъ образомъ князь Голицынъ думалъ «покрѣпче завязать» этотъ административный «мѣшокъ» въ иргизскихъ монастыряхъ. По отношенію къ «бѣглымъ попамъ»: всѣ живущіе въ Иргизахъ бѣглые попы никуда изъ монастырей не отлучаются «ни подъ какимъ предлогомъ», что равносильно вѣчному заключенію въ монастырѣ. Дозволившіе себѣ отлучку преслѣдуются и предаются суду какъ бродяги. Вновь явившіеся бѣглые попы въ монастыри не принимаются, но тотчасъ-же задерживаются и передаются исправнику, а исправникъ, взявъ задержаннаго подъ стражу, отбираетъ отъ него допросъ и вмѣстѣ съ составленною грамотою на санъ представляетъ губернатору. По отношенію къ

инокамъ и бѣльцамъ: ни одинъ изъ иноковъ и бѣльцовъ не отлучается изъ монастырей безъ разрѣшенія губернатора. На это нужно его личное дозволеніе. Въ иноки никто вновь не постригается и никто не принимается въ бѣльцы, кто-бы онъ ни былъ и къ какому-бы званію ни принадлежалъ. Все это въ равной мѣрѣ относится и къ женщинамъ—къ инокинямъ и бѣлицамъ. По отношенію къ прочимъ лицамъ: всѣ крестьяне, приписанные къ монастырямъ, не смѣютъ отлучаться по своимъ надобностямъ безъ вѣдома монастырскаго начальства, которое непремѣнно должно знать, за какимъ именно дѣломъ каждый изъ нихъ отлучается. Живущіе въ монастыряхъ собственными домами, но не приписанные къ монастырямъ, должны имѣть срочные виды; безъ видовъ-же—тотчасъ должны быть высылаемы. Временно пребывающіе въ монастыряхъ ни мало не должны быть терпимы безъ узаконенныхъ видовъ: иначе — поступать съ ними какъ съ бродягами. Никто положительно не можетъ ни въѣхать въ монастырь, ни выѣхать изъ него безъ вѣдома монастырскаго начальства. По отношенію охраненія нравственности: «всякаго рода распутство и особенно пьянство и любодѣйство отвращать предварительными мѣрами. Пороки сіи нигдѣ не могутъ быть терпимы, а тѣмъ болѣе въ монастыряхъ. Здѣсь надо преслѣдовать ихъ со всею строгостію». «Не допущать никакихъ посѣщеній постороннихъ лицъ, ежели таковыя съ какой-либо стороны будутъ имѣть видъ подозрительный. Живущіе въ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ не должны безъ дѣйствительной надобности быть одни у другихъ». По отношенію къ монастырскому начальству: «Въ мужскихъ монастыряхъ—три настоятеля, они же и сельскіе старосты. Надъ ними главный настоятель въ родѣ волостного головы. Онъ глава всѣхъ монастырей, въ томъ числѣ и женскихъ. Каждый мѣсяцъ онъ доноситъ губернатору о состояніи монастырей и о малѣйшихъ происшествіяхъ. Выборъ, утвержденіе и смѣна монастырскаго начальства непосредственно зависятъ отъ губернатора. Наконецъ, надъ всѣми монастырскими общинами, надъ лицами и ихъ дѣйствіями, надъ имуществомъ, надъ всѣмъ происходящимъ въ монастыряхъ долженъ былъ господствовать строжайшій полицейскій надзоръ». Таковы были тѣ «крѣпкія заставы», которыя перегораживали всякій путь,

какъ для движеній понизовой вольницы, такъ и для пропаганды раскола, исходившихъ изъ одного и того-же источника — изъ неудачно приложенныхъ къ обстоятельствамъ и условіямъ быта формъ государственной жизни старой Руси, переданныхъ по наслѣдству Россіи XIX вѣка и только въ настоящее время передѣлываемыхъ заново. Дальнѣйшія событія доказали, что это закрѣпощеніе монастырей было непрочно и являлось какъ-бы нарушеніемъ общей гармоніи въ поступательномъ ходѣ государственной жизни русскаго народа.

XV.

Обращаясь къ участи одного изъ главныхъ агитаторовъ раскола въ Поволжьи, извѣстнаго уже намъ инока Іосафа, мы видимъ, что во время вышеобъясненнаго «переворота», постигшаго иргизскіе монастыри, онъ продолжалъ оставаться въ Петербургѣ. Только уже въ октябрѣ послѣ этого «переворота» генералъ адъютантъ Закревскій призналъ необходимымъ обратно выслать Іосафа въ Саратовъ, подъ надзоромъ одного изъ воинскихъ чиновъ, на почтовыхъ. По случаю холоднаго времени старику куплена была шуба за 15 рублей и дано 25 рублей на продовольствіе. Генералъ Закревскій сообщилъ князю Голицыну, что «буде Іосафъ не обратится къ православію и останется непреклоннымъ въ заблужденіяхъ содержимой имъ ереси, въ такомъ случаѣ его, какъ нарушителя общественнаго спокойствія и благоустройства, предать суду по законамъ, и какой послѣдуетъ объ немъ судебный приговоръ, оный, не приводя въ исполненіе, представить по порядку въ министерство внутреннихъ дѣлъ для дальнѣйшаго распоряженія». Около полугода высидѣлъ старикъ подъ стражею, по прибытіи въ Саратовъ. Наконецъ, князь Голицынъ призвалъ его къ себѣ для убѣжденій. Сначала онъ объявилъ ему волю высшаго правительства, «съ приличнымъ гражданской власти внушеніемъ». Затѣмъ онъ убѣждалъ монаха, чтобы онъ, «оставя заблужденія» свои по содержимой имъ сектѣ «обратился къ православію». Старикъ

стоялъ на своемъ: «онъ остался непреклоннымъ». Тогда князь Голицынъ рѣшился подѣйствовать на него при помощи убѣжденій со стороны духовнаго лица. «Я нахожу за необходимое, писалъ онъ Моисею, назначенному епископомъ въ Саратовъ, предварительное увѣщаніе ему, Іосафу, отъ духовной власти, ибо внушенія оной по заблужденію въ вѣрѣ скорѣе и сильнѣе можетъ подѣйствуютъ на совѣсть сего раскольника чрезъ обнаруженіе источниковъ заблужденія». Онъ просилъ назначить для этого особое лицо, которому онъ могъ-бы передать фанатика. Моисей назначилъ ключаря кафедральнаго собора протоіерея Федора Вязовскаго. Болѣе мѣсяца Вязовскій препирался съ Іосафомъ въ вѣрѣ. Всѣ доводы ученаго священника были безсильны противъ стойкости раскольничьяго агитатора, и наконецъ Вязовскій доносилъ Моисею, что «онъ всемѣрно старался доказать означенному иноку заблужденія его и святость православной церкви: но онъ, ничему не внемля, рѣшительно отвѣтствовалъ, что не можетъ согласиться на присоединеніе къ православію». Тогда «непреклонный и закоснѣлый инокъ Іосафъ» былъ переданъ въ руки гражданской власти. Надъ нимъ назначенъ былъ судъ. Одновременно съ этимъ въ Оренбургѣ шелъ судъ надъ подполковникомъ, бывшимъ войсковымъ старшиною Михайловымъ и есауломъ Буренинымъ за окрещеніе ими въ иргизскихъ монастыряхъ молдаванокъ. Надъ ними судъ назначенъ былъ въ составѣ военно-судной коммисіи подъ предсѣдательствомъ генерала Лукьянова. Михайловъ показывалъ, что молдаванскую шляхтянку Антонову и дѣвку Петрову онъ просилъ окрестить въ православіе, а не въ расколъ. Потребовались доказательства. Искали его подлиннаго письма, которое найдено было уже въ слѣдующемъ году и послано въ Оренбургъ. Шла процедура отдачи въ солдаты, ссылка въ Сибирь и написанія въ военные кантонисты молодыхъ раскольниковъ. Шло измѣреніе земель, оцѣнка угодій, исчисленіе выгодъ отъ монастырскихъ имуществъ, приведеніе въ извѣстность суммы платимыхъ ими податей, безпрестанно командировались чиновники то отъ князя Голицына, то отъ вице-губернатора Сырнева, отъ казенной палаты, отъ Манассеина, посылались землемѣры, ассесоры, счетчики, пріемщики, сдатчики. Возникали споры между чиновниками, пререканія между

высшими властями, улаживались и снова возникали. Начинались перевѣрки описей, учетъ суммъ, свидѣтельствованіе и пересвидѣтельствованіе людей. Въ монастыряхъ шла безпокойная, тревожная жизнь: покой скитовъ нарушенъ, «переворотъ» тяжко отозвался не только на дряхлыхъ старцахъ, но и на молодежи. Слѣдятъ за поведеніемъ старыхъ и молоденькихъ бѣличекъ, слѣдятъ за каждымъ шагомъ. У старыхъ настоятелей руки опускаются. Настоятель, инокъ Андріанъ, захворалъ и слагаетъ съ себя званіе. Соборные старцы увольняютъ его и избираютъ на его мѣсто настоятелемъ достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ инока Никанора, который «по отличному поведенію своему и прежде занималъ по выбору сіе мѣсто впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ похвалою исполняя еще обязанность уставщика почти безсмѣнно». Но избиратели уже строже относятся къ правамъ и обязанностямъ настоятеля. «Мы (говорится въ избирательномъ актѣ) иноки, бѣльцы и всѣ живущіе въ монастырѣ повиноваться ему (Никанору) должны безъ всякаго и малѣйшаго ослушанія». На настоятеля-же возлагается: «все принадлежащее нашему монастырю имѣніе и сокровища принять отъ бывшаго настоятеля Андріана по описи, а по принятіи въ свое завѣдываніе, сберегать оное какъ собственное свое, не чиня оному ни малѣйшей растраты и ни за какія надобности безъ совѣту жителей нашихъ не употреблять». «Какихъ-либо постановленій по монастырю, пріемъ на проживаніе въ ономъ разныхъ людей и все, что будетъ по должности до него относиться, безъ совѣту нашего ничего не дѣлать». «Если имъ замѣчено будетъ дѣланное кѣмъ-либо по монастырю неблагочиніе, нарушеніе тишины и спокойствія, оный инокъ Никаноръ, какъ избранный достойнѣйшій въ званіе начальника монастыря, обязанъ все прекращать». «Жителей нашихъ за дѣлаемыя какія-нибудь по монастырю неблагопристойности, ослушаніе приказаній его, Никанора, и за всякія дѣянія противныя монастырскимъ правиламъ, съ общаго нашего согласія наказывать по мѣрѣ виновности, по монастырскому обыкновенію». Началось нагнетеніе на монастыри съ другой стороны. Приводились въ извѣстность недоимки, и начались взысканія оброчныхъ денегъ, мірскихъ, на починку «приказныхъ домовъ», на общественную запашку, на запасные магазины. Взыскивали чиновники

новаго управленія монастырями, продолжали взыскивать и удѣльныя власти. Князь Голицынъ пишетъ Манассеину, что балаковскій приказъ не долженъ посылать своихъ нарочныхъ въ монастыри за взысканіемъ разныхъ сборовъ. Манассеинъ отвѣчаетъ, что никто нарочныхъ въ монастыри не посылаетъ, а сами монастыри шлютъ своихъ нарочныхъ, то инока Феодорита, то бѣльцовъ съ деньгами въ уплату разныхъ сборовъ. Начинаются новыя пререканія изъ-за денегъ, изъ-за штрафовъ, изъ-за того, кто долженъ принимать эти деньги—удѣлъ или казна. Каждый ссылается на свои права—тотъ на «существующія правила», другой—на «сепаративныя распоряженія», на совершившійся фактъ «переворота», вслѣдствіе котораго долженъ совершиться «переворотъ» и въ фискальныхъ отношеніяхъ властей къ монастырямъ. Князь Голицынъ требуетъ «основаній разсчета», по которому взыскивается та или другая сумма съ монастырей. Ему отвѣчаютъ общими мѣстами и жалуются на пріостановленіе платежей. Князь Голицынъ положительно отказывается дѣлать фискальныя распоряженія въ пользу удѣла, пока ему не выяснены будутъ основанія тѣхъ или другихъ сборовъ. Манассеинъ жалуется князю Волконскому на князя Голицына въ томъ, что этотъ послѣдній ничего даже не отвѣчаетъ на его отношенія. Князь Волконскій сносится съ генералъ-адъютантомъ Закревскимъ. Идутъ запросы, подтвержденія, внушенія. Князь Голицынъ, конечно, отражаетъ нападенія, заручившись такими же неисполненіями его требованій со стороны Манассеина. При всей этой упорной борьбѣ, то съ раскольниками и ихъ коноводами, въ родѣ инока Іосафа, то съ удѣломъ, князю Голицыну безъ сомнѣнія пріятно было получить увѣреніе въ томъ, что духовенство оцѣнило его подвиги къ подавленію сектаторской понизовой вольницы въ Поволжьи. Въ концѣ ноября онъ получилъ отъ епископа Иринея письмо, въ которомъ, между прочимъ, къ лицу князя Голицына относились такія похвалы: «Благосклонное вниманіе вашего сіятельства къ мнѣнію моему, сообщенному саратовскимъ городскимъ благочиннымъ, протоіереемъ Чернышевскимъ, обязываетъ меня изъявить вамъ, милостивый государь, искреннѣйшую благодарность. Во все время управленія моего церквами Саратовской губерніи я имѣлъ душевную радость видѣть, сколько ваше сіятель-

ство озабочивались умирить святую церковь съ отпадшими, и безъ сомнѣнія сіе святое предначертаніе ваше вскорѣ, при благодатной помощи свыше, достигнетъ своей цѣли. Не имѣвъ свиданія съ вами, милостивый государь, въ домѣ г. Кологривова, я могъ-бы воспользоваться онымъ въ Саратовѣ: но слухъ, разнесшійся о раздѣленіи пензенской епархіи, остановилъ меня. Впрочемъ, никакое раздѣленіе не отдѣлитъ меня отъ искренней любви, съ коею я до гробъ останусь, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга и богомолецъ,Ириній, епископъ пензенскій и саратовскій». Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого состоялось отдѣленіе саратовской епархіи отъ пензенской, и въ Саратовъ назначенъ былъ Моисей, о которомъ мы упомянули выше.

XVI.

Время шло, а окончательное умиротвореніе иргизскихъ монастырей было еще далеко до конца. Вѣковые наросты на государственномъ тѣлѣ не легко излечиваются, особливо когда предстоитъ ампутація, которую, впрочемъ, желали произвести безъ шума, безъ крика со стороны больного. Нужно было забрать въ монастыряхъ всѣхъ людей, предназначенныхъ къ отдачѣ въ солдаты, къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе и къ написанію въ кантонисты. Пріѣхалъ въ монастырь Шейнъ для того, чтобы изслѣдовать, такъ сказать, почву, наблюсти за состояніемъ умовъ монастырскаго населенія, выискать удобный моментъ для приступа къ рискованному дѣлу. Дѣло было дѣйствительно рискованное, потому что власти боялись не только шума и огласки, но открытаго возмущенія населенія и рѣшимости на самые отчаянные поступки.

Шейнъ, по прибытіи въ монастыри, «не давъ замѣтить настоящей цѣли своего прибытія», прежде всего осмотрѣлъ предназначенныхъ къ высылкѣ людей и разузналъ о каждомъ изъ нихъ сколько было можно: большая часть изъ нихъ были чтецы, пѣвчіе и служки церковные, другіе — рабочіе, а увѣчные и разслаблен-

ные» содержались въ больницахъ и кельяхъ; молодежь, назначенная въ кантонисты, большею частію уже вышла изъ возраста; иные женаты и имѣютъ маленькихъ дѣтей. Вотъ что узналъ Шейне. Но главныя опасенія Шейне заключались въ томъ, что онъ ожидалъ бунта. «Имѣлъ я случай замѣтить (говоритъ Шейне), что, по нравственности здѣшнихъ раскольниковъ, высылка въ одно время назначенныхъ въ спискѣ людей къ отдачѣ въ рекруты или къ ссылкѣ на поселеніе, за надлежащею стражею, можетъ произвести въ умахъ оставшихся въ монастыряхъ необразованныхъ и загрубѣлыхъ въ старообрядческой ереси монаховъ весьма непріятное впечатлѣніе и даже самое возмущеніе и побѣгъ всѣхъ на лицо находящихся людей, съ чѣмъ самымъ легко можетъ случиться, что они, въ заблужденіи своемъ и недовѣріи къ мѣстному своему начальству, покусятся на опустошеніе своей обители и расхищеніе довольно значущихъ монастырскихъ сокровищъ, что самое должно ожидать и отъ окольныхъ жителей, закоснѣвшихъ въ тѣхъ-же правилахъ». Поэтому Шейне рѣшительно остановился, не смѣя двинуться дальше. Но въ то же время онъ не смѣлъ не исполнить и того, что ему приказано было. Надо было такъ или иначе взять людей. Вотъ почему онъ писалъ князю Голицыну, что «сообразивъ всѣ сіи обстоятельства и важность сего предмета съ послѣдствіями, кои могутъ произойти», онъ не осмѣлился обнаружить того, зачѣмъ пріѣхалъ. Онъ просилъ указаній князя Голицына, поддержки, точнаго и категорическаго приказа, какъ ему дѣйствовать. Тутъ и князь Голицынъ не зналъ уже, на что рѣшиться. Пойти на проломъ — это значило принять на себя отвѣтственность за бунтъ, который могъ вспыхнуть за Волгой, за расхищеніе монастырскихъ сокровищъ, которое неминуемо послѣдовало-бы при бунтѣ, за пожары и всѣ ужасы возмущенія. При томъ-же Шейне сообщалъ, что бо́льшая часть назначенныхъ къ высылкѣ — все это калѣки, уроды, слабоумные, негодные къ военной службѣ, а слѣдовательно долженствующіе угодить въ Сибирь. Подобно чиновнику Полонскому, онъ такъ описывалъ эти личности: одинъ — «грамотѣ знаетъ, поетъ на крилосахъ, ногами хромъ», другой — «грамотѣ умѣетъ, на крилосахъ поетъ, разслабленъ, съ упавшимъ носомъ»; третій — «грамотѣ знаетъ, на крилосахъ голосильщикомъ»,

четвертый—«при часовнѣ уставщикомъ, правая рука не подымается», этотъ — «разслабленъ, косноязыченъ, подверженъ припадкамъ», тотъ—«малоуменъ, при конномъ дворѣ», далѣе—«слабоуменъ, при пекарнѣ помогаетъ», или—«занимался пьянствомъ», или «временемъ бываетъ пьянъ», слѣдующій — «подъ судомъ за соблазнительную жизнь съ женою своею», потомъ еще—«поетъ на крилосахъ, употребляется на письмоводство по монастырю, правая рука съ малолѣтства не подымается», затѣмъ—слабоуменъ, повидимому имѣетъ расположеніе къ венерической болѣзни». Что касается до молодежи, то все это пѣвчіе, голосильщики и т. п. Въ этихъ затрудненіяхъ князь Голицынъ вынужденъ былъ обратиться къ генералъ-адъютанту Закревскому. Онъ писалъ, что, по высочайшему государя императора повелѣнію, онъ обязанъ былъ принять монастыри такъ, чтобы при этомъ «не были допускаемы никакія дѣйствія, которыя могли-бы имѣть хотя малѣйшій видъ какого-либо притѣсненія», что поэтому онъ, при всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ раскольниками, «старался удалять все то, что могло дать понятіе о какомъ-либо притѣсненіи», но что въ данномъ случаѣ онъ поставленъ въ величайшее затрудненіе, что назначенные къ высылкѣ оказались большею частію «калѣки, одержимые жестокими болѣзнями», что за всѣмъ этимъ, «натуральнымъ слѣдствіемъ сказаннаго удаленія неминуемо будетъ во всѣхъ монастыряхъ страхъ и уныніе, которые дадутъ обитателямъ ихъ неизгладимое понятіе о невыгодѣ перехода ихъ въ казенное вѣдомство, хотя воля государя императора состоитъ въ томъ, чтобы отстранить отъ нихъ и малѣйшій видъ притѣсненія». Князь Голицынъ просилъ помочь ему выпутаться изъ этой дилеммы. Тогда повелѣно было: тѣхъ изъ раскольниковъ, которые назначены были въ кантонисты, но вышли уже изъ лѣтъ, отдать въ военную службу, неспособныхъ къ оной калѣкъ сослать на поселеніе, одержимыхъ тяжкими болѣзнями оставить на нынѣшнемъ ихъ жительствѣ подъ присмотромъ мѣстнаго губернскаго начальства, а дѣтей, кои по лѣтамъ своимъ уже годны въ кантонисты, сдать начальству военно-саратовскаго отдѣленія.

Съ другой стороны возникали затрудненія отъ тайныхъ интригъ и подкоповъ, которыя такъ и сквозятъ въ этомъ дѣлѣ полномъ драматизма, хотя драматизму этому трудно было пробитися сквозь

сухую, мертвую, канцелярскую форму. Этотъ драматизмъ слышится въ тѣхъ устныхъ разсказахъ, которые еще сохранились объ этомъ любопытномъ историческомъ эпизодѣ Поволжья, но которыми, въ давномъ историческомъ трудѣ, мы не считаемъ себя въ правѣ воспользоваться, дабы не лишить настоящее изслѣдованіе вполнѣ документальной достовѣрности. Мы уклоняемся даже отъ истолкованія тѣхъ или другихъ данныхъ, которыя оставилъ намъ канцеляризмъ того времени въ сыромъ матеріалѣ и которыя, безъ поясненія ихъ другими, остаются неполными выразителями извѣстнаго историческаго событія. Интриги и подкопы шли то со стороны удѣла, то со стороны раскольниковъ, непринадлежащихъ къ иргизскимъ скитникамъ, но затронутыхъ за живое общимъ дѣломъ раскола. Всполошились капиталисты и именитыя личности не только по Поволжью, Поуралью и Подонью, но и далеко внѣ раіоновъ этихъ мѣстностей. Посылались на Волгу эмиссары изъ далека—вывѣдать о положеніи дѣлъ. Велась война подпольная, поддерживаемая подкупомъ, застращиваньемъ. Золото и таинственныя посланія передавались изъ рукъ въ руки, порученія и донесенія нашептывались на ухо, съ глазу на глазъ. Въ дѣлѣ попадаются, напримѣръ, такія письма, какъ лежащее передъ нами отъ 24 января 1829 года, письмо изъ Вольска отъ Егора Курсакова (извѣстный тамошній богатый купецъ) къ какому-то Лаврентію Яковлевичу, повидимому, лицу близкому къ князю Голицыну. Можетъ быть, это былъ довѣренный его чиновникъ—Полонскій, имени котораго мы не знаемъ. «Почтеннѣйшее письмо ваше отъ 22 генваря имѣлъ честь получить, на которое спѣшу моимъ отвѣтомъ (пишетъ Курсаковъ). Проѣздъ г. полковника Ю. чрезъ Вольскъ ничего любопытнаго не доставляетъ, только спросилъ меня, былъ-ли я въ Саратовѣ, на что отвѣчалъ, что былъ, и будто-бы много насказалъ его сіятельству, но я ему отвѣчалъ: «Я то донесъ, какъ начальнику губерніи, что вы говорили мнѣ, а болѣе ничего». Но только къ симъ словамъ сказано: «Вижу я, что вамъ запрещено говорить. Если такъ, то и не добиваюсь ничего». «Сказалъ и то, что я знаю все болѣе васъ,—тѣмъ и кончилъ съ нимъ разговоръ о дѣлахъ извѣстныхъ». Кто былъ этотъ полковникъ Ю., отъ кого и зачѣмъ онъ пріѣзжалъ въ Вольскъ, что именно выпытывалъ онъ у Кур-

сакова—этого не объясняютъ намъ, вдавленныя въ узкую рамку канцеляризма, оффиціальныя бумаги той эпохи. Полагаемъ однако, что это былъ полковникъ Юреневъ, о которомъ будетъ сказано ниже и на безтактныя дѣйствія котораго указывалъ князь Голицынъ.

XVII.

Между тѣмъ раскольники, уступая необходимости въ одних пунктахъ, стали сдаваться и на другихъ пунктахъ своей позиціи. Передъ нами лежитъ весьма любопытное письмо одного изъ настоятелей иргизскихъ монастырей, Никанора, недавно избраннаго, писанное имъ князю Голицыну. Въ этомъ письмѣ мы видимъ уже попытки къ компромиссу, но въ то-же время представителямъ раскола хочется выгородить себя, чтобы хотя внѣшность совершающихся фактовъ не слишкомъ рѣзко говорила противъ нихъ. Свое пораженіе имъ хочется, по крайней мѣрѣ, маскировать приличнымъ отступленіемъ въ глазахъ людей древняго благочестія, обращенныхъ на нихъ со всѣхъ концовъ Россіи и изъ заграницы. Съ другой стороны, можно понимать и такъ, что раскольники тайно думали: «мы, повидимому, все имъ уступимъ, всему покоримся, но пусть они, забирая насъ въ плѣненіе и работу египетскую, оставятъ намъ наши корабли, на которыхъ мы впослѣдствіи, въ болѣе благопріятное время, могли бы возвратиться въ обѣтованную землю». Такъ Никаноръ писалъ, 1-го марта, князю Голицыну: «Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, отецъ и покровитель нашъ Александръ Борисовичъ! Десница Всевышняго да сохранитъ драгоцѣннѣйшее здоровье ваше. Я прошу и молю Бога, дабы продолжалъ оное на множество лѣтъ во всякомъ благоденствіи. Страшуся и съ опасностію дерзаю повергнуть себя передъ стопы вашего сіятельства. Въ обязанность себѣ и за необходимо нужное поставляю вашему сіятельству доложить: когда у насъ возстановится полная при трехъ чинахъ единовѣрческая церковь и дадутся законные попы, которые обрядовъ нашихъ и пѣнія слыхали, а у насъ коренныхъ пѣвцовъ не остается и церковнаго чиноположенія содержать на будущее

время нскому, а какъ сей мой несчастный Гаврило Филиповъ *) читать, пѣть и писать достаточенъ и мальчиковъ всему этому научать можетъ, того ради прошу слезно, сіятельнѣйшій князь, по вашему неограниченному великодушію, и для установленія церковнаго порядка, оставить его быть при оной на пунктахъ митрополита Платона. Въ Москвѣ и Питерѣ, въ Нижнемъ, въ Казани и Костромской епархіи, въ Высоковской пустынѣ, монахи были согласны съ нами, и они, видя, что попы отлучаются къ намъ безъ воли епархіальнаго епископа, того ради и отдалилися отъ насъ. А пѣніе и обрядъ неизмѣнно во всѣхъ показанныхъ церквахъ производится, и окрестные прихожане видя—различности нѣтъ ни въ чемъ, и узнать не могутъ и охотно могутъ послѣдовать намъ, и будетъ выгоднѣе и пріятнѣй вашему сіятельству и намъ веселѣе. Но паки повторяю всенижайшую мою сердечную просьбу и надѣюсь на ваше ко мнѣ убогому отеческое благоволеніе, одного и возможнаго прошу—освободить несчастнаго и вѣрнаго моего служителя и сироту Гаврила Филипова, оставить его въ нашемъ монастырѣ въ вашемъ распоряженіи. Онъ законно уволенъ обществомъ отъ своего жительства села Кормежки, въ седьмую ревизію прописанъ въ монастырѣ съ престарѣлымъ своимъ родителемъ, рекрутская очередь отправлена и квитанцію у себя имѣетъ, и повинностей за нимъ никакихъ не состояло. Явите, сіятельнѣйшій князь, мнѣ и несчастному ваше отеческое благоволеніе. Если-же съ такой непереносной печали лишусь жизни или здраваго разсудка, кто можетъ возстановить порядокъ, когда намъ опредѣлится церковь? Я вашему сіятельству у себя въ монастырѣ сначала не противился. Ваше сіятельство, осмѣливаюсь донести вамъ: мужики Криволуцкіе приходили 24-го февраля, у Прохора **) списали съ

*) Гаврило Филиповъ былъ самый грамотный и способный человѣкъ въ монастырѣ; онъ былъ и письмоводителемъ. Шейне его аттестуетъ: 27 лѣтъ, грамотѣ знаетъ, поетъ на крылосахъ и употребляется на письмоводство по монастырю, поведенія хорошаго, правая рука съ малолѣтства не поднимается (?) Какъ-же онъ могъ быть письмоводителемъ? Полонскій же аттестуетъ его „человѣкомъ здоровымъ“. Этотъ Гаврило Филиповъ долженъ былъ по послѣднему распоряженію или идти въ солдаты, или въ Сибирь.

**) Схимникъ Прохоръ прежде былъ настоятелемъ Нижне-воскресенскаго монастыря, исполняя эту обязанность еще съ 1795 года, а потомъ былъ на-

указа копію, какъ сложенъ съ монастырей рекрутскій наборъ ста шестидесяти-пяти душъ, и хотѣли въ Саратовъ просьбу писать, а мой несчастный Гаврило Филиповъ не участвуетъ въ семъ дѣлѣ, только со слезами ожидаетъ отъ твоего сіятельства избавленія, а моего обрадованія. Арсеній на Прохора, въ небытность мою, 16-го февраля, подалъ мнѣ объявленіе, что Прохоръ на клиросѣ во время утренняго пѣнія мальчика билъ. Арсенію хочется, чтобъ не стоялъ Прохоръ на прежнемъ настоятельскомъ мѣстѣ. Ваше сіятельство! простите меня великодушно за дерзость мою: хоша и съ вашего позволенія я писалъ, достатку въ слогѣ и подчеркѣ не имѣю и паки дерзаю на сіятельныя стопы ваши— осчастливить меня своими отеческими словами хотя чрезъ Крестьяна Крестьянина, чего нетерпѣливо ожидать буду, и остаюсь подъ вашимъ сіятельнымъ покровительствомъ нижняго монастыря настоятель, знаемый вамъ инокъ Никаноръ».

Таковы были вліятельные представители раскола въ Поволжьи. Вышеприведенное письмо все написано Никаноромъ собственноручно и представляетъ образецъ невѣроятной безграмотности. Правда, онъ самъ это понимаетъ, когда говоритъ: «*достатку въ слогѣ и подчеркѣ не имѣю*». Онъ самъ сознается, что безъ уставщика «несчастнаго» Гаврилы Филипова монастырь ихъ останется какъ безъ рукъ, и что на одной личности держатся истинные порядки монастырскіе, что «сей мой несчастный Гаврило Филиповъ (и только онъ одинъ) читать, пѣть и писать достаточенъ». При всемъ томъ на этихъ невѣжественныхъ личностяхъ опиралися массы народныя, какъ вѣрили онѣ безграмотнымъ манифестамъ Пугачова. Значитъ, было что-то такое, что скорѣе привязывало народъ къ инокамъ Прохорамъ, Мордаріямъ и «несчастнымъ Гавриламъ», скорѣе тянуло къ Пугачову, чѣмъ привязывало къ законнымъ и образованнымъ епископамъ и тянуло къ правительству. Съ одной стороны довѣріе, съ другой—недовѣріе

стоятелемъ и въ 1828 году, во время посѣщенія Иргизовъ княземъ Голицынымъ. Это была одна изъ популярнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ личностей между раскольниками. Объ немъ такъ отзывается и князь Голицынъ въ представленіи генералъ-адъютанту Закревскому, говоря, что за Прохоромъ всѣ монастыри охотно пойдутъ, куда онъ ихъ поведетъ.

и страхъ. Къ первымъ охотно неслось все достояніе грубыхъ массъ, сыпались сокровища со всей Россіи по доброй волѣ и радостно, къ послѣднимъ—съ трудомъ доходила жалкая копѣйка законныхъ сборовъ, да и ту взыскивали мѣрами напоминаній, угрозъ, строгости, потому что иначе ничего-бы не получили. Народъ слѣпо шелъ за этими Прохорами, Никанорами и «несчастными» Гаврилами. Такъ, когда «переворотъ» въ иргизскихъ монастыряхъ уже почти окончательно совершился, князь Голицынъ продолжалъ высказывать опасеніе, что сосѣдніе крестьяне помѣшаютъ ему мирно кончить такъ удачно начатое дѣло, которымъ онъ завоевывалъ себѣ мѣсто на страницахъ русской исторіи. Онъ говорилъ, что еще во время обозрѣнія имъ монастырей, «въ стекшемся народѣ изъ сосѣдственныхъ удѣльныхъ селеній, Мечетнаго и Криволучья, примѣтенъ былъ духъ къ безпокойству и даже буйству, по случаю тому, что имъ было извѣстно соглашеніе иргизскихъ настоятелей къ принятію единовѣрческой церкви», что когда иноки Нижневоскресенскаго монастыря дали подписку о принятіи ими единовѣрія, то эта «готовность возбудила къ нимъ нѣкоторую ненависть удѣльныхъ крестьянъ до расположенія къ личному оскорбленію, что такъ какъ иноки эти продолжаютъ изъявлять желаніе поддержать свое согласіе, уже высказанное въ подпискѣ, то «легко можетъ быть, что сіе намѣреніе обитателей Нижневоскресенскаго монастыря не скрыто отъ удѣльныхъ крестьянъ» и что «даже есть поводъ заключить, что оно имъ извѣстно, *и они ненависть свою къ нимъ довели до высочайшей степени*». Побуждаемый этимъ опасеніемъ князь Голицынъ уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1829 года, вскорѣ послѣ полученія вышеприведеннаго письма настоятеля Никанора, предупреждалъ Манассеина, что затаенная ненависть крестьянъ можетъ повести къ серьезнымъ столкновеніямъ. Онъ, повидимому, узналъ хорошо инстинкты массъ и былъ на-сторожѣ. «Извѣстно, говорилъ онъ,—на что можетъ рѣшиться иногда озлобленное невѣжество. Та склонность къ буйству удѣльныхъ крестьянъ по сему предмету, которую я примѣтилъ, можетъ теперь явиться во всей силѣ, безъ должныхъ мѣръ учрежденія.—Конечно, писалъ онъ дальше, земская полиція не оставитъ съ своей стороны безъ внимательнаго наблюденія

настоящее положеніе обитателей Нижне-воскресенскаго монастыря, но дабы предосторожность была въ полномъ дѣйствіи, непали-нимъ считаю отнестись къ вамъ, дабы вы со всею поспѣшности приняли безъ огласки такія мѣры, какія отъ васъ зависятъ и хозяйственному управленію вашему удѣльными крестьянами, къ предупрежденію всякаго со стороны жителей Мечетнаго и Криволучья покушенія оказать ненависть инокамъ ощутительнымъ образомъ, притомъ внушить имъ, что какъ они не имѣютъ никакой связи съ монастырями, то и дѣйствія сихъ послѣднихъ не могутъ подлежать ихъ сужденію». При этомъ князь Голицынъ сообщилъ Манассеину, что «особенно состоятъ на замѣчаніи» крестьяне село Криволучья, Починковъ и Демихинъ, у которыхъ тайно собирались сходбища для того, чтобы возмутить прочихъ удѣльныхъ крестьянъ. Для этого возмущенья, конечно, пускались въ ходъ «разныя ложныя внушенія и понятія о дѣлахъ вѣры». Князь Голицынъ предупреждалъ объ этомъ Манассеина и спрашивалъ, что такъ-какъ все это относится «совершенно до спокойствія и тишины губерніи», то извѣстно-ли ему объ этихъ «предпріятіяхъ» удѣльныхъ крестьянъ. «А если извѣстно (заключилъ онъ), то почему я отъ васъ не извѣщенъ? Впрочемъ, дальнѣйшія послѣдствія, если будутъ, я отношу на личную отвѣтственность вашего высокоблагородія». Одновременно съ опасеніемъ за спокойствіе крестьянъ возникали опасенія и относительно начинавшаго господствовать безпокойства и внутри самихъ монастырей. Неладица возставала между «согласниками» и «несогласниками», между «покорными» и «непокорными». На покорныхъ не могли не смотрѣть какъ на измѣнниковъ общему народному дѣлу, и потому началась подпольная война въ стѣнахъ монастырей. Самая популярная личность, схимникъ Прохоръ, который уже въ 1795 году былъ настоятелемъ, на котораго князь Голицынъ на перваго обратилъ вниманіе, какъ на такую личность, которая можетъ стать въ головѣ-ли движенія въ пользу видовъ правительства, въ головѣ-ли движенія безпокойнаго, антиправительственнаго, и совѣтами котораго руководствовался князь Голицынъ въ своихъ сообщеніяхъ генералъ-адъютанту Закревскому,—этотъ самый Прохоръ сталъ не безопасенъ. Его боялся настоящій настоятель монастыря, инокъ Ни-

каноръ, выражая опасенія тѣмъ, что онъ «становится въ настоятельскомъ мѣстѣ», и, какъ мы видѣли, косвенно жаловался на него губернатору. Письмо Никанора, которымъ онъ ходатайствуетъ о своемъ «несчастномъ» и «вѣрномъ служителѣ и сиротѣ» Гаврилѣ Филиповѣ, безъ коего онъ, съ такой непереносной печали, можетъ лишиться жизни или здраваго разсудка»,—обнаруживаетъ возникновеніе смуты, какъ въ стѣнахъ монастырей, такъ и внѣ стѣнъ, между крестьянами, приходившими совѣтоваться къ схимнику Прохору. Вслѣдствіе этого письма, князь Голицынъ писалъ въ Вольскъ, исправнику Шейне: «Объявите настоятелю монастыря Никанору, что ходатайство его объ оставленіи въ монастырѣ Гаврилы Филипова, какъ человѣка неоходимаго для исправленія обрядовъ ихъ, и особенно если будетъ у нихъ единовѣрческая церковь, я тогда токмо могу принять въ уваженіе, когда всѣ живущіе въ тѣхъ монастыряхъ единодушно изъявятъ желаніе быть единовѣрцами. Равнымъ образомъ объявите бывшему настоятелю Прохору дошедшія до меня свѣдѣнія, что онъ непокойно живетъ и дѣлаетъ по монастырю безпорядки, а потому, если онъ не уймется, то я переведу его въ другой монастырь или совсѣмъ изъ оныхъ устраню». Вотъ гдѣ наконецъ высказались послѣднія цѣли князя Голицына. Онъ согласенъ оставить раскольникамъ «несчастнаго сироту» Гаврила Филипова, если только *всѣ живущіе въ монастыряхъ единодушно* ему покорятся. Такою дорогою цѣною монастыри должны были купить свободу своему уставщику и такъ дорого запрашивалъ князь Голицынъ за калѣку! Дальнѣйшія обстоятельства покажутъ намъ, сошлись-ли въ цѣнѣ покупщики и продавецъ.

XVIII.

Съ этого момента начинается второй актъ того «переворота», который долженъ былъ послѣдовать въ исторической жизни раскольничьихъ общинъ средняго Поволжья. Первая побѣда, которую одержалъ князь Голицынъ, была только приступомъ. Все, что могла сдѣлать власть губернатора, она сдѣлала, и все, что могла взять

сила—было взято: иргизскіе монастыри подчинены общему надзору власти и все, что выдавалось въ ихъ обособленномъ положеніи, было нивеллировано подъ общій уровень государственныхъ формъ. Оставалось взять то, чего не могла взять ни власть, ни сила: надо было, чтобъ раскольники и руководимые ими крестьяне поступились своими убѣжденіями, какъ ни были нелѣпы эти убѣжденія. Тутъ недостаточно было одной силы, одного приказа, приходилось имѣть дѣло съ человѣческой совѣстью, съ человѣческой мыслію—это было еще, впрочемъ, ничего: но приходилось начать борьбу противъ предразсудковъ, противъ религіозныхъ заблужденій, даже болѣе—противъ фанатизма. А исторія всѣхъ вѣковъ и народовъ доказала, что самая упорная борьба въ человѣчествѣ — это борьба однихъ предразсудковъ противъ другихъ или даже борьба истины противъ заблужденій. Морями крови, милліонами погибшихъ человѣческихъ жизней исторія доказала, что самыя кровопролитныя человѣческія распри — это распри изъ-за вѣры, изъ-за предразсудковъ, заблужденій, борьба мрака со свѣтомъ. Эта борьба должна была и здѣсь повториться. Правда, тутъ крови не было пролито; но вѣдь и побѣда осталась сомнительною, если только уничтоженіе монастырей можно назвать побѣдою. Побѣда эта еще впереди: она будетъ только тогда полною, когда свѣтъ осилитъ тьму. Когда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ сдѣлались извѣстными попытки князя Голицына къ подавленію раскола въ Поволжьи, министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ его составить правила, «какія-бы можно было употреблять для надежнѣйшаго отвращенія раскольниковъ отъ расколовъ». Князь Голицынъ, не рѣшаясь, безъ обсужденія этого вопроса совмѣстно съ архіереемъ, составить эти правила, медлилъ, ожидая, пока, съ раздѣленіемъ епархій пензенской и саратовской, не прибудетъ въ Саратовъ вновь назначенный епископъ, которымъ былъ, какъ извѣстно, Моисей. Когда онъ ожидалъ его прибытія. генералъ-адъютантъ Закревскій выслалъ ему полное собраніе установленій правительства о раскольникахъ для руководста при разрѣшеніи возбужденнаго о нихъ вопроса. «Вникая въ содержаніе сихъ установленій, говорилъ впослѣдствіи Голицынъ,—я нахожу. что достаточно одного строгаго наблюденія за исполненіемъ ихъ,

дабы пресѣчь пути раскольникамъ къ безпорядкамъ». Поэтому онъ находилъ совсѣмъ излишнимъ составленіе особыхъ правилъ о раскольникахъ, а полагалъ постановить только—воспрещеніе раскольникамъ-старообрядцамъ принимать бѣглыхъ поповъ и производить имъ, какъ онъ выражался, богослуженіе чрезъ самихъ себя въ ихъ молитвенныхъ заведеніяхъ. Однимъ словомъ, нужно было запретить публичное обнаруженіе раскола, чтобы онъ потерялъ силу гласной пропаганды. Соображенія свои князь Голицынъ подкрѣплялъ тѣмъ, что бѣглецы нигдѣ терпимы быть не могутъ, что, слѣдовательно, бѣглые попы, какъ нарушители общественнаго благоустройства, достойны преслѣдованія, и тѣмъ справедливѣе, что побѣгъ ихъ служитъ къ укорененію раскола, и что если старообрядцамъ воспрещено будетъ чрезъ себя производить богослуженіе, то, не имѣя бѣглыхъ поповъ, они склонны будутъ къ обращенію въ господствующую церковь или, по крайней мѣрѣ, къ принятію единовѣрія—«цѣль, которой желаетъ достигнуть правительство». «Не на умственныхъ соображеніяхъ, но на опытѣ я основалъ сіе мое заключеніе (говоритъ Голицынъ). Когда я принялъ надежныя мѣры къ пресѣченію бродяжества бѣглыхъ священниковъ въ Вольскѣ и въ иргизскихъ монастыряхъ, такъ что они теперь постоянно пребываютъ на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ, то весьма сдѣлалось ощутительно согласіе многихъ старообрядцевъ къ принятію единовѣрія, *и я даже-бы видѣлъ достойные усилій моихъ плоды, если-бы оное не разрушилось нескромнымъ отъ бывшаго здѣсь полковника Юренева вопросомъ вольскихъ старообрядцевъ: не чувствуютъ-ли они отъ мѣстнаго начальства стѣсненія*». Это, надо полагать, тотъ самый полковникъ Ю., о которомъ пишетъ Курсаковъ и который, повидимому, своей безтактностью повредилъ князю Голицыну въ сношеніяхъ его съ вольскими раскольниками. Какъ на доказательство того, что на раскольниковъ слѣдуетъ дѣйствовать репрессивными мѣрами, князь Голицынъ указываетъ на слѣдующее обстоятельство. «Когда я—говоритъ онъ—объявилъ въ Вольскѣ и въ монастыряхъ, что попы за погребеніе съ процессіею купца Сапожникова могутъ быть преданы суду, какъ и сынъ его, съ удаленіемъ первыхъ отъ служенія, и что за крещеніе въ одномъ изъ монастырей нѣсколькихъ людей, принадлежащихъ офицерамъ ураль-

о каза о войска, ожидаетъ участвовавшихъ въ семъ дѣлѣ судъ стро когда наконецъ совершавшаго крещеніе попа изъ стырей я алилъ, какъ подсудимаго, то снова старообрядцы или самые несомнѣнные знаки къ принятію единовѣрія, особенно иоки нижне-воскресенскаго иргизскаго монастыря. Настоятель ихъ являлся ко мнѣ и къ епархіальному архіерею, и обѣщалъ явиться еще съ довѣріемъ отъ братіи просить рукоположеннаго священника и освященія церквей. Должно сказать (прибавляетъ Голицынъ), что много дѣйствовала къ утвержденію въ ихъ расположенія принять единовѣріе отдача нѣкоторыхъ л въ рекруты, по высочайшему повелѣнію. Такимъ образомъ, даже близокъ къ надеждѣ, что если нѣсколько усиленныя принятыя въ разсужденіи раскольниковъ, являющія имъ начал во въ постоянной твердости, продолжатся, то весьма скоро совершиться можетъ обращеніе къ единовѣрію нѣкоторой ихъ части». Таковъ взглядъ на это дѣло князя Голицына. Безошибочность своего мнѣнія въ данномъ случаѣ онъ подтверждаетъ примѣромъ. Одинъ изъ иргизскихъ раскольничьихъ поповъ, Александръ, бѣжалъ въ пермскую губернію. Пермскій губернаторъ, по поимкѣ этого попа, спрашивалъ министра, какъ съ нимъ поступить. Изъ Петербурга дали знать въ Пермь, что Александръ, согласно своему желанію, долженъ отправиться въ Иргизы. «Если-бы, говоритъ по этому поводу Голицынъ, сдѣлалось гласно въ монастыряхъ это распоряженіе, если-бы попъ прибылъ вмѣстѣ съ нимъ, то весь планъ обращенія рушился-бы до основанія. Старообрядцы, видѣвъ, что къ нимъ бѣглецы возвращаются, какъ въ мѣсто законнаго жительства, тотчасъ-бы получили понятіе, что правительство покровительствуетъ ихъ, и тогда ничто бы не могло поколебать ихъ привязанности къ содержимой вѣрѣ». По такимъ соображеніямъ, онъ съ первою почтою отправилъ въ Петербургъ представленіе о томъ, чтобы польскіе раскольническіе священники за погребеніе съ процессіею купца Сапожникова были удалены отъ богослуженія и преданы суду, равно какъ и сынъ Сапожникова, «первый виновникъ сего соблазнительнаго дѣйствія»:—«это много (заключаетъ онъ) поможетъ обращенію старообрядцевъ, ибо сказанный Сапожниковъ, имѣя, по богатству своему, сильное вліяніе въ Вольскѣ, есть одинъ изъ

самыхъ твердыхъ столповъ раскола». Князь Голицынъ, повидимому, очень хорошо зналъ почву, на который онъ стоялъ, иначебы онъ не дѣйствовалъ такъ рѣшительно. Посылая въ Петербургъ свое послѣднее представленіе, онъ успѣлъ уже тайно переговорить съ настоятелемъ Никаноромъ, который пріѣзжалъ къ нему въ Саратовъ и являлся также къ архіерею. Это тотъ Никаноръ, который недавно упрашивалъ князя Голицына оставить ему «несчастнаго сироту» Гаврила Филипова и жаловался на схимника Прохора, тайно сносившагося съ крестьянами. Князь Голицынъ былъ увѣренъ, что подведенная имъ подъ иргизскіе монастыри махинація дѣйствуетъ успѣшно. Надо было только имѣть письменную заруку. Зарука не замедлила явиться. Старый Никаноръ, возвратившись изъ Саратова, 4-го апрѣля, при помощи «несчастнаго сироты» Гаврилы Филипова, написалъ къ князю Голицыну слѣдующее, важное для дѣла письмо»: Ваше сіятельство, милостивый государь, общій нашъ отецъ и покровитель, Александръ Борисовичъ! Осмѣливаюсь всеподданнѣйше поздравить ваше сіятельство уже съ наступившею, пріятною для всей природы и прекраснѣйшею весною, и душевно желаю вамъ здравствовать во всякомъ благоденствіи. При семъ всепокорнѣйше и обще просимъ васъ исполнить волю вышняго правительства, ибо мы душевно желаемъ принять христопреданную и утвержденную на камени единовѣрческую церковь съ ея обрядами въ непродолжительномъ времени, несмотря на невѣжествующихъ и незнающихъ закона. А теперь препятствуетъ распутица: я, пріѣхавши отъ вашего сіятельства, едва спасся отъ смерти, лошади и повозка были въ Волгѣ, однако, все сохранилось въ цѣлости. Также и господинъ исправникъ весь пріѣхалъ мокрый; и теперь пріѣхать къ намъ и объявить ваше предписаніе нѣтъ возможности до открытія воды. Ваше сіятельство! мы, убозіи, надѣемся только на ваше отеческое покровительство. Впрочемъ, всѣ насъ оставили. Употребите, сіятельнѣйшій князь, всѣ средства о переименованіи монастыря и церквей нашихъ единовѣрческими, на пунктахъ Платона митрополита Московскаго, по примѣру Высоковской пустыни, и съ тѣмъ вмѣстѣ, всеусерднѣйше и слезно просимъ ваше сіятельство— обрадуйте насъ на первый случай своею отеческою милостью:

и ... нес... ныхъ нашихъ жителей, обритыхъ и въ остр... д... кащихся, восемь человѣкъ, ради приходящаго пресвѣтлаго и всерадостнѣйшаго праздника. Еще-же мы имѣемъ хлѣбопашество и скотоводство, а управлять оное некому, для чего и необходимо нужно просить и молить ваше сіятельство объ освобожденіи нашихъ (sic!) трудниковъ на всегдашнее жительство въ нашъ монастырь. Во время моей отлучки балаковскій голова Гаврила Ивановъ Золотовскій въ слободѣ Криволуцкой увѣщевалъ и приказывалъ жителямъ: «если вы ос... ите церковь и не будете послѣдовать старцамъ нижняго монастыря, то съ вами можетъ послѣдовать весьма худое послѣдствіе». ...тчего и было у насъ на праздникъ благовѣщенія Пресвятыя Б...городицы большое стеченіе народа. При семъ честь имѣю донести вашему сіятельству, что у насъ въ обители по сіе число, благодареніе Господу Богу, все состоитъ благополучно. И такъ, донося вашему сіятельству о нашихъ обстоятельствахъ, затѣмъ и остаемся въ ожиданіи вашей отеческой и щедрой милости, ваши, сіятельнѣйшій князь, всепокорнѣйшіе слуги, нижне-воздвиженскаго старообрядческаго монастыря настоятель инокъ Никаноръ съ братіею». Къ этому письму, на особомъ клочкѣ бумаги, приложена записка, писанная рукою Никанора»: Извени, батюшка, ваше сіятельство, что я довѣрилъ переписать моему келейнику Гаврилу Филипову. Еще доношу: не позволите-ли писать о духовныхъ нуждахъ пастырю, его преосвященству. Пожалуйте, научите, какъ писать титулъ ему, а матерію можемъ знать сами».

XX.

Съ той минуты, когда самъ собою намѣтился путь къ уничтоженію иргизскихъ монастырей, шаги князя Голицына на этомъ пути съ каждымъ днемъ становятся все рѣшительнѣе. Обставивъ монастыри, какъ выражались раскольники, «тенетами неупустительнаго уловленія», онъ уже смѣло думалъ о неизбѣжномъ и скоромъ самоуничтоженіи иргизскихъ общинъ. Разсчетъ его былъ

вѣренъ. «Дабы—говорилъ онъ, съ одной стороны избавить старообрядческое общество отъ вреда, наносимаго развратомъ и соблазномъ старообрядцевъ иргизскихъ монастырей, а съ другой избѣжать, сколько то возможно, рѣшительныхъ мѣръ къ уничтоженію сего общества, могущихъ принять видъ открытаго гоненія», онъ настаивалъ на мысли—считать монастыри существующими только *вродолженіи жизни иноковъ*, означенныхъ въ реестрѣ, составленномъ еще въ 1797 году, слѣдовательно, тридцать два года назадъ. Понятно, что тѣ монахи, которые могли попасть въ реестръ въ концѣ прошлаго вѣка, въ 1829 году были уже очень стары и дряхлы и положительно, что называется, смотрѣли въ могилу. Отъ этихъ полумертвецовъ трудно было ожидать энергическаго и упорнаго, а главное—продолжительнаго сопротивленія и раскольничьей пропаганды. Опасна была молодежь, а еще опаснѣе тридцати и сорокалѣтніе здоровые сектанты, но изъ нихъ одни взяты были уже въ солдаты, другіе пошли въ Сибирь. Оставались старцы вродѣ Никанора. Слѣдовательно, обломки прежней силы да женщины и дѣвушки, которыя едва-ли были не опаснѣе всѣхъ и старыхъ и молодыхъ сектантовъ, но безъ нихъ онѣ должны были разбрестись куда попало, не имѣя центра тяготѣнія, которымъ до сихъ поръ служили мужскія общины. Такъ вотъ, по смерти этихъ-то древнихъ старцевъ, раскольничьи монастыри должны были считаться уничтоженными. Такъ какъ князь Голицынъ добился уже того, что монастыри и принадлежащіе имъ крестьяне со всѣми угодьями и землями поступили въ его непосредственное завѣдываніе, а затѣмъ крестьяне собственно, получивъ другія земли, взамѣнъ тѣхъ, которыми они владѣли, какъ бы совсѣмъ отрѣзаны были отъ монастырей, то въ монастыряхъ и остались одни только старики-иноки, да пришельцы, жившіе по паспортамъ «въ видѣ временныхъ посѣтителей». «Древность многихъ изъ иноковъ—писалъ князь Голицынъ въ Петербургъ—приближаетъ ихъ къ скорому переселенію въ вѣчность. Убавляясь мало-по-малу, число ихъ уменьшилось уже до того, что одинъ изъ этихъ монастырей, средненикольскій, имѣетъ у себя нынѣ только пять человѣкъ престарѣлыхъ иноковъ, написанныхъ по ревизіи; прочіе-же затѣмъ, находящіеся въ ономъ суть живущіе по пас-

портамъ, и слѣдовательно, совершенно чуждыя лица для мо[настырской] собственности. И такъ, изъ сего явствуетъ—заклю[чаетъ] онъ, что означенный монастырь уже близокъ, за смертію ст[арыхъ] иноковъ, къ самоуничтоженію». Но тутъ явилось новое опасе[ніе]. Что дѣлать потомъ, когда всѣ монахи перемрутъ, съ монастырск[ими] землями, церковными богатствами и другими «сокровищами?» Н[е] оставлять же ихъ у пришельцевъ, не отдавать-же ихъ друг[имъ] монастырямъ. Поэтому онъ спрашиваетъ министра, какъ ему п[о]ступить въ этомъ случаѣ. Ему кажется немыслимымъ отдать вс[ѣ] эти богатства пришельцамъ, хотя живущимъ тамъ и цѣлые де[]сятки лѣтъ, но все же числящимся за другими обществами. Сдѣ[]лать ихъ наслѣдниками старцевъ, слу[жи]вшихъ ядромъ для ирги[з]скаго раскольничьяго населенія, значило-бы поддерживать вѣчно[е] существованіе разсадниковъ раскола и центровъ тяготѣнія по[]волжской понизовой вольницы. Поэтому князь Голицынъ видим[о] волновался и торопился окончательнымъ секуляризированіемъ ра[с]кольничьихъ общинъ. Преподавъ нѣкоторыя секретныя настав[]ленія бывшему у него въ концѣ марта вольскому исправнику, онъ нетерпѣливо ожидалъ результатовъ его дипломатическихъ уловокъ, и не видя этихъ результатовъ до самаго мая, писалъ ему: «На[]поминаю вамъ объ окончаніи дѣла на счетъ обращенія къ едино[]вѣрію нижне-воскресенскаго старообрядческаго монастыря, чего я давно уже ожидаю, ибо весьма достаточно было время на изъяв[]леніе ими формальнаго согласія, вмѣсто словеснаго, давно даннаго настоятелемъ Никаноромъ отъ лица всѣхъ тамо живущихъ. Впро[]чемъ, еслибы встрѣтились какія-либо неожиданныя по сему пред[]мету препятствія, то и тогда вы обязаны были поставить меня о нихъ въ свѣдѣніе». Черезъ нѣсколько дней князь Голицынъ имѣлъ удовольствіе видѣть исполненіе своихъ желаній. Съ Иргизовъ снова пріѣхалъ въ Саратовъ настоятель нижне-воскресенскаго монастыря Никаноръ и явился къ нему, уже какъ формально-довѣренное лицо отъ всей своей обители, съ изъявленіемъ согласія на при[]нятіе единовѣрія. Никаноръ имѣлъ при себѣ и просьбу, которую долженъ былъ подать по начальству. Князь Голицынъ немедленно препроводилъ его къ архіерею и въ тотъ-же день писалъ ему о томъ, какими усиліями онъ достигъ этого счастливаго исхода дѣ[ла]

Онъ говорилъ, что еще въ бытность свою въ монастыряхъ въ прошломъ году онъ видѣлъ, что на одинъ изъ нихъ подѣйствовали его внушенія и онъ готовъ былъ склониться къ соединенію съ православіемъ. Прошеніе дѣйствительно было подано въ тотъ-же день. Князь Голицынъ зналъ это, потому что слѣдилъ за каждымъ движеніемъ раскольниковъ, и тогда же просилъ Моисея сообщить ему о распоряженіяхъ по поданной просьбѣ для всеподданнѣйшаго о томъ донесенія. Тутъ-же онъ препроводилъ къ архіерею инвентарь монастырскаго имущества и высказывалъ мысль, что монастырь за принятіе единовѣрія долженъ быть избавленъ отъ платежа повинности, которую онъ исправлялъ наравнѣ съ удѣльными крестьянами. Въ тотъ-же день Моисей извѣщалъ князя Голицына, что онъ принялъ отъ раскольниковъ просьбу, въ которой они «ходатайствуютъ какъ объ освященіи ихъ церквей, такъ и о рукоположеніи для нихъ священниковъ, и что какъ изъ всѣхъ старообрядческихъ монастырей на Иргизѣ они только одни по сіе время соглашаются принять единовѣріе, и слѣдовательно не могутъ уже пользоваться тѣми монастырскими доходами, какіе приносимы были отъ доброхотства старообрядцевъ разныхъ сословій и окружающихъ ихъ изъ удѣльныхъ крестьянъ, пока они не будутъ слѣдовать ихъ примѣру, и такимъ образомъ, будучи въ престарѣлыхъ лѣтахъ, останутся вовсе безъ пропитанія», то и просили, чтобы тѣхъ, которые назначены къ высылкѣ изъ монастыря, были въ немъ оставлены, «ибо (прибавляли раскольники) они необходимы для церкви, какъ знающіе вполнѣ уставъ ея, существовавшій до временъ Никона патріарха, и что одни они могутъ поддерживать бытіе престарѣлыхъ иноковъ работами хозяйственными». Черезъ нѣсколько дней состоялось опредѣленіе объ обращеніи нижне-воскресенскаго монастыря въ единовѣрческій. Основанія, на которыхъ должно было послѣдовать это обращеніе, заключались въ слѣдующемъ:

1) Монастырь долженъ быть «общежительнымъ» и именоваться не раскольническимъ и не старообрядческимъ, а единовѣрческимъ воскресенскимъ; а «дабы отличить и возвысить оный предъ прочими иргизскими монастырями и тѣмъ возбудить въ сихъ послѣднихъ таковое же соревнованіе къ единовѣрію, учредить его клас-

нымъ» и оставить за нимъ неотъемлемо всѣ земли и другія угодья, какими владѣлъ монастырь.

2) Настоятеля Никанора оставить въ этомъ званіи и, если пожелаетъ, рукоположить его въ іеромонахи по старопечатнымъ книгамъ.

3) Постричь въ монашество и тѣхъ, которые будутъ освобождены отъ податнаго состоянія и сами пожелаютъ постричься.

4) Священниковъ и дьяконовъ, которые согласятся быть у нихъ, опредѣлять или вновь посвятить по избранію монастырской братіи; находившихся же въ монастырѣ священниковъ и дьяконовъ отослать по принадлежности къ тѣмъ епархіальнымъ начальствамъ, откуда они сдѣлали побѣгъ, для поступленія съ ними по законамъ.

5) Церкви освятить по старопечатнымъ книгамъ.

6) Во всемъ прочемъ къ монастырю примѣнить правила митрополита Платона.

7) Благочинному, въ вѣдомствѣ котораго будетъ состоять монастырь «имѣть надзираніе»—все-ли предписанное означенными правилами будетъ соблюдаться монастыремъ и обо всемъ доносить архіерею пополугодно, «въ случаѣ же какихъ-либо замѣчаній—въ то-же самое время».

XXI.

Торжество главнаго въ этомъ дѣлѣ дѣятеля князя Голицына было полное. Ему оставалось только «убрать въ мѣшокъ» остальные монастыри, разослать непокорныхъ то въ Сибирь, то въ другія отдаленныя мѣста, молодежь сдать въ рекруты или въ кантонисты, и спокойно ожидать, когда «древность остальныхъ старцевъ приблизитъ ихъ къ скорому переселенію въ вѣчность». О торжествѣ своемъ князь Голицынъ писалъ въ Петербургъ, называя послѣдній совершившійся фактъ «событіемъ важнымъ». Онъ уже думалъ объ успокоеніи послѣ двухъ-лѣтнихъ хлопотъ съ раскольниками и потому писалъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: «Если ваше превосходительство, объ обращеніи одного раскольническаго монастыря въ единовѣрческій изволите довести

до высочайшаго свѣдѣнія, то я покорнѣйше прошу присовокупить во всеподданнѣйшемъ донесеніи вашемъ, что занятія мои по настоящему предмету, требовавшія особеннаго вниманія и попеченія, а равно и смерть вице-губернатора отклонили меня воспользоваться всемилостивѣйше дозволеннымъ отпускомъ въ сибирскія губерніи, не смотря на то, что положеніе дѣлъ содержимаго мною тамъ откупа требуетъ непремѣнно присутствія моего на нѣкоторое время». Всѣ эти административные подвиги князя Голицына были отличены въ Петербургѣ, и на раскольниковъ и на всѣ бродячіе элементы Поволжья нагнали страхъ. О понизовой вольницѣ стало меньше слышно. Князя Голицына хвалили со всѣхъ сторонъ, кромѣ той стороны, которой онъ наносилъ значительное пораженіе. Петербургскій митрополитъ Серафимъ слалъ ему свои архипастырскія благословенія. Вотъ что, между прочимъ, князь Голицынъ писалъ по этому поводу Серафиму: «Василій Сергѣевичъ Ланской извѣщаетъ меня, что ваше высокопреосвященство удостоивать изволите меня вашего благословенія. Я нахожу здѣсь доказательство, что я не чуждъ памяти вашей и пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю принести вашему высокопреосвященству искреннѣйшую благодарность за благосклонность ко мнѣ.

«Попеченіе мое въ разсужденіи уменьшенія раскола въ саратовской губерніи безпрерывно. Весьма трудно дѣйствовать на закоренѣлое упорство. Доказательствомъ тому служитъ, что, при постоянныхъ усиліяхъ втеченіи болѣе двухъ лѣтъ, едва могъ склонить къ единовѣрію нѣкоторое число братіи одного монастыря старообрядческаго на Иргизѣ». При этомъ онъ пользуется случаемъ высказать свой взглядъ на средства подавленія раскола. «Я съ своей стороны могу сказать только то (говоритъ онъ), что если правительство желаетъ видѣть расколъ пресѣкаемымъ, то необходимо наблюдать такое поведеніе, которое-бы могло разувѣрить раскольниковъ въ продолженіи безпредѣльнаго снисхожденія къ нимъ. Примѣромъ можетъ служить дѣло о волжскомъ молитвенномъ домѣ. Раскольники, свободно построивъ его, никакъ не хотятъ отступить отъ мнѣнія, что имъ позволено будетъ перенести туда богослуженіе, и нынѣ утруждаютъ о томъ государя императора, не смотря на объявленное имъ высочайшее повелѣніе объ

обращенія сего дома въ церковь единовѣрческую или православ...
Такимъ образомъ для успѣха въ дѣлѣ обращенія нужно особе...
вниманіе къ представленіямъ губернскаго начальства и даже согл...
сія на заключенія его, хотя-бы они въ нѣкоторыхъ отношені...
казались не вполнѣ соотвѣтствующими общимъ правиламъ терп...
мости». Поэтому онъ надѣется, что «благое содѣйствіе» митропо...
лита «упрочитъ ему свободу располагать дальнѣйшія свои дѣйст...
относительно раскольниковъ, сообразно мѣстнымъ обстоятельства...
Но въ это время, когда въ Саратовѣ торжествовали первую п...
бѣду надъ раскольниками, съ Иргизовъ получено было печальн...
извѣстіе. Оттуда сообщали, что одинъ изъ монастырей, имен...
верхнепреображенскій, истребленъ пожаромъ. Бѣдствіе это постиг...
монастырь 10 мая, въ тотъ самый день, когда въ Саратовѣ од...
партія раскольниковъ, съ монахомъ и настоятелемъ Никанором...
во главѣ, завершила дѣло, столь упорно отталкиваемое други...
раскольниками и другими монастырями. Въ Саратовъ сообщал...
что пожаръ начался въ одной изъ церквей монастыря, въ дере...
вянной, внутри алтаря. Церковь и колокольня сгорѣли. У другой
церкви, у каменной, сгорѣлъ и обрушился «осмерикъ» церковный
Келій монастырскихъ уцѣлѣла меньшая половина. Погорѣло мно...
жество образовъ драгоцѣнныхъ и такихъ же книгъ и прочей
утвари. Говорили, что жертвою пожара былъ также какой-то
крестьянинъ или монахъ. Тотчасъ наряжено было слѣдствіе по
этому дѣлу. Разслѣдованіемъ обнаружено, что 10-го мая, по окон...
чаніи въ церкви обѣдни и едва только монахи успѣли пообѣдать и
выйти изъ трапезной, какъ увидѣли, что изъ церковнаго алтаря
выбивается огромными клубами дымъ. Немедленно ударили въ набатъ.
Настоятель Гавріилъ, всѣ бывшіе въ монастырѣ иноки и посторонніе
посѣтители бросились въ церковь, которая уже вся была наполнена
дымомъ. Замѣтили, что дымъ выходитъ изъ алтаря, гдѣ повидимому
и начался пожаръ. Тогда съ наружной стороны алтаря выбиты
были всѣ окна, чтобы освободить церковь отъ невыносимаго дыма
и тѣмъ дать возможность сбѣжавшемуся народу дѣйствовать для
спасенія церковныхъ сокровищъ. Прежде всего старались спасти
богатые мѣстные образа, въ дорогихъ ризахъ и съ драгоцѣнными
украшеніями; но изъ алтаря нельзя уже было много вынести, такъ-

какъ онъ весь былъ объятъ пламенемъ. Пожаръ между тѣмъ усиливался. Зарево его и дымъ видны были въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ, и потому на пожаръ сбѣжались толпы народа изъ Пузановки, Давыдовки и Мечетной. Народъ дружно дѣйствовалъ, чтобы спасти монастырь, высоко имъ цѣнимый, отъ конечнаго истребленія пламенемъ. Привезены были пожарныя трубы и другіе гасительные снаряды; но пламя быстро перекинулось на сосѣднія кельи и настоятельскіе покои, охватило всѣ стоявшія подъ вѣтеръ строенія, монастырскую ограду и затѣмъ вспыхнула и другая церковь, каменная, деревянный «осмерикъ» которой и крыша сдѣлались жертвою огня, хотя внутреннія богатства церкви, ризницы и алтари были спасены отъ пламени. Сгорѣвшій человѣкъ оказался кузнецъ монастыря. Передъ пожаромъ онъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ находился на рѣкѣ, гдѣ они бреднемъ ловили въ Иргизѣ рыбу. Услышавъ «всплохъ», кузнецъ бросился спасать монастырское добро, таскалъ вмѣстѣ съ прочими изъ церкви образа и драгоцѣнныя вещи, а потомъ вмѣстѣ съ другими влѣзъ на колокольню, чтобы обрубить колокола. Пламя охватило колокольню, и когда всѣ бывшіе съ нимъ на колокольнѣ успѣли спастись, онъ остался въ пламени, гдѣ и погибъ. По пожару раздавался только голосъ его: «батюшки! спасите меня Христа ради»!—но помощи ему уже нельзя было подать. Пожаръ, какъ оказалось, начался изъ алтаря. Тамъ всегда горѣла неугасимая лампада передъ образомъ чудотворца Николая съ мощами, и, вѣроятно, отъ стоявшей въ лампадѣ свѣчи загорѣлась стѣна. Уронъ, нанесенный монастыремъ, былъ весьма значителенъ. Кромѣ стоимости церкви, построенной въ началѣ этого столѣтія и оцѣненной въ 50,000 рублей, кромѣ колоколовъ, множества цѣнныхъ образовъ съ золотыми и серебряными ризами, украшенными жемчугомъ, кромѣ богатыхъ и старинныхъ книгъ, погорѣло флигелей—гостинныхъ одинъ, священническихъ и дьяконскихъ — два, настоятельскій одинъ, монашескихъ отдѣльныхъ покоевъ 13 и шесть простыхъ келій. Одной монастырской ограды выгорѣло протяженіемъ до 160 сажень. Цѣнность погорѣвшихъ или неоказавшихся сокровищъ—серебряныхъ и золотыхъ окладовъ, драгоцѣнныхъ камней, богатыхъ иконъ до 120 и другой церковной утвари—

не могла быть даже приведена въ извѣстность, такъ какъ оцѣнки этимъ драгоцѣнностямъ въ монастырѣ не имѣлось.

XXII.

Прошло около трехъ лѣтъ со времени послѣднихъ событій, и объ иргизскихъ монастыряхъ какъ будто забыли. Главное, чего искали власти, было достигнуто, а остальное должно было совершиться само собой! Главные дѣятели послѣднихъ событій сходятъ со сцены. Князя Голицына уже нѣтъ въ Поволжьи и раскольникамъ свободнѣе дышется. Со всѣхъ сторонъ снова начинаютъ стекаться къ центрамъ разсѣянныя бродячія силы, и центры эти все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ силу притяженія тяготѣющихъ къ нимъ элементовъ. Разсѣянныя стихійныя силы и ихъ факторы, какъ, напримѣръ, знаменитый ссыльный инокъ Мельхиседекъ *), притягиваются къ центрамъ тяготѣнія изъ самыхъ далекихъ концовъ Россіи, изъ Сибири, съ Урала, съ Дона, съ Кубани и Терека. Монастыри мало-по-малу начинаютъ вновь наполняться пришельцами—бѣглыми попами и дьячками, калѣками перехожими, странниками, чиновными людьми и купцами, казаками и крестьянами, солдатами и мѣщанами. Старыя и молодыя женщины, безутѣшныя вдовы, осиротѣвшія матери, безнадежныя или потерявшія жениховъ невѣсты, больные и здоровые—все это тянулось на Иргизы то ради души спасенія, то для забвенія своего жизненнаго горя, то для оплакиванія своихъ незамѣнимыхъ потерь. Кельи, особенно въ женскихъ обителяхъ, переполнялись пришельцами. На Иргизахъ снова оживаетъ «древнее благочестіе», снова воскресаетъ приволье жизни, а вмѣстѣ съ нимъ и броженье народныхъ элементовъ. Но вотъ въ 1832 году власти снова вспоминаютъ объ Иргизахъ. Отголоски вольной жизни въ Поволжьи доносятся до Петербурга, и оттуда на Поволжье обращается неусыпное око административной

*) Объ интересныхъ похожденіяхъ Мельхиседека будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

власти... Саратовскій губернаторъ, которымъ въ то время былъ уже Федоръ Лукичъ Переверзевъ, получаетъ отъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаря Новосильцова, требованіе о доставленіи свѣдѣній о томъ, сколько «теперь» состоитъ на лицо при иргизскихъ монастыряхъ иноковъ, съ показаніемъ ихъ лѣтъ, и собственно тѣхъ, которые значались поименованными въ реестрѣ 1797 года. При этомъ Переверзеву поручено было обратить вниманіе на то, нѣтъ-ли между наличными монахами и такихъ, которые приняли имена умершихъ иноковъ, поименованныхъ въ сказанномъ реестрѣ. За этой бумагой стало вновь повторяться посѣщеніе монастырей полиціею. Опять началась перепись монаховъ, провѣрка ихъ личностей, спросы о лѣтахъ, спросы о поведеніи и пр. При этихъ переписяхъ и спросахъ, оказалось, что «переворотъ» для иргизскихъ монастырей не прошелъ безслѣдно. Въ численномъ составѣ коренного населенія монастырей, такъ сказать — въ аборигенахъ этихъ раскольничьихъ общинъ, «переворотъ» этотъ произвелъ страшное опустошеніе. По реестру 1797 года значилось записанными 108 монаховъ—это ядро, около котораго, какъ около матокъ въ пчелиныхъ ульяхъ, группировалось все раскольничье населеніе Иргизовъ, и мужеское, и женское. Теперь оказывалось, что только въ одномъ верхне-спасопреображенскомъ монастырѣ осталось въ живыхъ *всего три престарѣлыхъ инока*. Все остальное или перемерло, или разбрелось по Россіи искать или покоя отъ «гонителей —никоніанъ», или мѣста и почвы для новой пропаганды. Взамѣнъ этихъ старыхъ дѣятелей раскола, монастыри оказались буквально набитыми наплывомъ новаго населенія. Тутъ были казаки войска оренбургскаго, уральскаго, донского, моздокскаго, гребенского, купцы, мѣщане, заводскіе крестьяне, солдаты и скитающееся духовенство всѣхъ видовъ. Эти казаки, солдаты и всякіе пришельцы носили «ангельскія имена»— все это были иноки Іосафы, Савватіи, Іоны, Іоили, Авели, Ермогены, Паисіи, Виталіи, Филареты Подъ этими иноками подъ монашескими рясами полиція находила или храбрыхъ и отчаянныхъ казацкихъ бойцовъ, или солдатъ, еще недавно рѣзавшихъ турокъ подъ Браиловымъ, или же натыкалась на невѣдомую личность, которая въ низовьяхъ Волги была атаманомъ шайки и ушла отъ

кнута и рудниковъ. Между этими пришлецами, рядомъ съ ше-
десяти и осмидесятилѣтними иноками, стоятъ иноки и двадцати-
пятилѣтніе;—«ангельское имя» и ангельское одѣяніе все прини-
вали. Переверзевъ, сообщая въ Петербургъ о результатахъ этихъ
розысковъ въ иргизскихъ общинахъ, добавлялъ, что онъ намѣренъ
лично осмотрѣть эти общины и особенно вывѣдать объ укрываю-
щихся тамъ бродягахъ и всякихъ безпаспортныхъ подозритель-
ныхъ личностяхъ. Прошло еще болѣе года. Втеченіи этого вре-
мени Переверзевъ дѣйствительно былъ на Иргизахъ, и вынесен-
ное имъ оттуда впечатлѣніе было не вполнѣ благопріятное въ ви-
дахъ раскола. Съ иноками, подъ которыми скрывались бывшіе
воины и удалые казацкіе служаки, онъ намѣренно вступалъ въ
разговоръ о походахъ, о битвахъ, и такимъ образомъ провѣрялъ
предварительно собранныя о нихъ свѣдѣнія. Такъ какъ Перевер-
зевъ былъ на Иргизахъ въ началѣ августа, то онъ нашелъ тамъ
множество офицеровъ донского и уральскаго казачьихъ войскъ, «по
старообрядчеству своему прибывшихъ туда цѣлыми семействами
для говѣнія и пріобщенія святыхъ тайнъ». Женскія общины про-
извели на него странное впечатлѣніе: это были просто селенія,
наполненныя однѣми женщинами, «напоминали онѣ тѣ скиты, ко-
торые во множествѣ находятся въ семеновскомъ уѣздѣ нижего-
родской губерніи, или въ ветлужскомъ и варнавинскомъ — костром-
ской. Многихъ изъ раскольниковъ онъ тотчасъ же выслалъ изъ
монастырей, а мѣстную полицію подвергъ строгому выговору за
недостатокъ наблюденія надъ скитами. Такъ какъ нельзя было
не видѣть, что пришибленныя такъ сказать княземъ Голицынымъ
четыре года тому назадъ иргизскія общины вновь поднялись на
ноги и окрѣпли едва-ли не больше прежняго, то явились новыя
заботы о необходимости остановить ростъ этого опаснаго расколь-
ничьяго дерева. Опять понадобились самыя подробныя свѣдѣнія
объ общинахъ, о ихъ владѣніяхъ, населеніи, о богатствахъ и о
порядкѣ управленія. Снова нужно было поднимать старину, до-
прашивать настоятелей и настоятельницъ о началѣ ихъ общинъ,
рыться въ ихъ книгохранилищахъ для розыска документовъ и
составлять новые инвентари. Раскольники видѣли, что гроза опять
надвигается надъ ними. Явилась полиція. Все, что имѣло причину

пасаться начальническаго ока, снова ударилось въ бродяжничество, пошло отыскивать новыхъ безопасныхъ мѣстечекъ, скитовъ, ритоновъ или простого гостепріимства. Страхъ обуялъ и мужкое и женское населеніе общинъ Монахи и бѣлички на спросы иновниковъ отзывались «что упражненія» ихъ состоятъ то въ занятіи пряденьемъ льна и хожденіемъ въ часовню для моленья», то «въ сажаньи разнаго овоща и поливаньи онаго», то «въ продажѣ онаго за деньги», то «въ обмѣниваньи на пшеницу», то, наконецъ, «въ жнитвѣ хлѣба». На спросы о причинахъ проживанья въ скитахъ, скитницы отвѣчали, что живутъ тутъ «по ревности къ Богу», «для спасенія души», «для душевной пользы». Изъ Петербурга между тѣмъ приходили такія распоряженія, которыми снова подрѣзывались крылья у пропаганды сектантовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сжимались въ тѣсныя рамки вообще бродячія народныя силы. Не расколъ, повидимому, безпокоилъ власти, а эти стихійныя, неугомонныя бродячія силы. На нихъ-то и направлены были всѣ административные удары. Требовалась тщательнѣйшая перепись всѣхъ раскольниковъ, населявшихъ общины: это была перепись именная, съ примѣтами каждаго лица, чтобы нельзя было одно лицо прикрыть другимъ и подъ ангельскимъ именемъ прятать имя мірское, съ его грѣхами гражданскими, съ проступками, а иногда и крупными преступленіями. Положительно запрещено вновь селиться въ монастыряхъ и такимъ образомъ окончательно закрывался бродячимъ силамъ доступъ къ центрамъ раскола. Та-же строгость принята была и въ отношеніи къ женскому населенію. Мало того, «женщинъ, кои изобличены будутъ въ распутствѣ», велѣно было «отсылать на фабрики или въ Сибирь на поселеніе».

Для наблюденія надъ скитами велѣно было организовать цѣлый штатъ полицейскаго управленія, кромѣ секретныхъ чиновниковъ, которые должны были вывѣдывать всѣ тайны раскольничьихъ общинъ. Для образованія наблюдательнаго полицейскаго штата велѣно было руководствоваться тѣмъ штатомъ, который утвержденъ былъ «для обузданія раскольниковъ въ заштатномъ городѣ Судиславѣ костромской губерніи». Какъ ни было, повидимому, строго наблюденіе за скитами, однако, дальнозоркіе чиновники не могли всего видѣть, что̀ тамъ происходило. Такъ, въ этомъ же 1833 году

кнута и рудниковъ. Между этими пришлецами, рядомъ съ
десяти и осмидесятилѣтними иноками, стоятъ иноки и два-
пятилѣтніе;—«ангельское имя» и ангельское одѣяніе всѣ при-
вали. Переверзевъ, сообщая въ Петербургъ о результатахъ
розысковъ въ иргизскихъ общинахъ, добавлялъ, что онъ нам-
лично осмотрѣть эти общины и особенно вывѣдать объ укры-
щихся тамъ бродягахъ и всякихъ безпаспортныхъ подозри-
ныхъ личностяхъ. Прошло еще болѣе года. Втеченіи этого
мени Переверзевъ дѣйствительно былъ на Иргизахъ. и вын-
ное имъ оттуда впечатлѣніе было не вполнѣ благопріятное
дахъ раскола. Съ иноками, подъ которыми скрывались б
воины и удалые казацкіе служаки, онъ намѣренно вступал
разговоръ о походахъ, о битвахъ, и такимъ образомъ пров
предварительно собранныя о нихъ свѣдѣнія. Такъ какъ Пере
зевъ былъ на Иргизахъ въ началѣ августа, то онъ нашелъ
множество офицеровъ донского и уральскаго казачьихъ войскъ,
старообрядчеству своему прибывшихъ туда цѣлыми семей
для говѣнія и пріобщенія святыхъ тайнъ». Женскія общины
извели на него странное впечатлѣніе: это были просто са
наполненныя одними женщинами, «напоминали онѣ тѣ скиты, к
торые во множествѣ находятся въ семеновскомъ уѣздѣ ниж
родской губерніи. или въ ветлужскомъ и варнавинскомъ – костр
ской. Многихъ изъ раскольниковъ онъ тотчасъ же выслалъ
монастырей, а мѣстную полицію подвергъ строгому выговор
недостатокъ наблюденія надъ скитами. Такъ какъ нельзя б
не видѣть, что пришибленныя такъ сказать княземъ Голицын
четыре года тому назадъ иргизскія общины вновь поднялись
ноги и окрѣпли едва-ли не больше прежняго, то явились но
заботы о необходимости остановить ростъ этого опаснаго раск
ничьяго дерева. Опять понадобились самыя подробныя свѣдѣ
объ общинахъ, о ихъ владѣніяхъ, населеніи, о богатствахъ
порядкѣ управленія. Снова нужно было поднимать старину,
опрашивать настоятелей и настоятельницъ о нача...
рыться въ ихъ книгохранилищахъ для розыск
составлять новые инвентари. Раскольники видѣли
надвигается надъ ними. Явилась полиція. Все,

Переверзевъ получилъ изъ Петербурга замѣчаніе за небрежно
наблюденія надъ раскольниками. Лѣтомъ этого года членъ сов
министерства внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ Арсенье
пріѣзжалъ въ Саратовъ и посѣтилъ Иргизы. Возвратившись
Петербургъ, онъ донесъ министру, что въ скитахъ «прожива
въ довольно значительномъ числѣ иноки, инокини и разныхъ
овій лица безъ всякихъ видовъ и о коихъ даже неизвѣстно,
к они званія или происхожденія *). Это-то и были тѣ брод
іементы, которые съ такимъ тщаніемъ, хотя не всегда успѣ
ювались властями. Выговоры, полученные изъ Петербу
еще болѣе рѣзкими выговорами, передаваемыми вн
гъ іерархической лѣстницы всѣмъ «безпечнымъ
чал ьамъ, могущимъ примѣромъ своимъ служить прочимъ
намъ вредною для службы копировкою», какъ выражался П
верзевъ въ минуты гнѣва. Порывы начальственнаго гнѣва, въ с
очередь, рефлективно доходили по назначенію и раскольник
приходилось тяжело.

XXIII.

Около этого времени внутренній разладъ, внесенный въ с
скую жизнь отчасти раздѣленіемъ раскольниковъ на партіи,
части проникновеніемъ въ эту жизнь чуждыхъ ей элементов
раздраженіе умовъ, проявлявшееся уже внѣ монастырей, с
крестьянскаго населенія окольныхъ мѣстностей, послужили к
ломъ новыхъ невзгодъ, надолго парализировавшихъ бродячія
русскаго народа. Иргизскіе монастыри чаще и чаще стали заяв
о себѣ то тѣмъ, то другимъ громкимъ скандаломъ, навлекавш
на скиты необходимость болѣе тяжелой правительственной оп

*) Впрочемъ, Переверзевъ, защищаясь передъ министерствомъ, отв
Блудову, что донесеніе Арсеньева онъ «не признаетъ справедливымъ
самъ онъ лично ѣздилъ въ скиты и провѣрилъ тамошнее населеніе по
скамъ, всѣхъ распрашивалъ о мѣстѣ родины, и «подставныхъ», даже «
зрительныхъ» никого не нашелъ, хотя и отыскалъ безпаспортныхъ, пр
щественно калѣкъ и стариковъ.

съ другой стороны, безпокойство, овладѣвшее населеніемъ со-
ѣднихъ мѣстностей, и возбуждавшее тотъ или другой небла-
овидный протестъ противъ правительственной опеки, вынуждало
ласти къ принятію болѣе крупныхъ мѣръ какъ въ отношеніи
ектантовъ, такъ и относительно возмущавшагося населенія. Къ
тому времени относится надѣлавшая не мало шума исторія съ
нокомъ Мельхиседекомъ, а также волненія, вспыхивавшія между
дѣльными и казенными крестьянами средняго Поволожья. Въ
831 году въ иргизскіе монастыри воротился изъ Сибири одинъ
зъ старыхъ монаховъ Мельхиседекъ, находившійся въ ссылкѣ за
азныя, далеко не монашескія преступленія. Много въ этой лич-
ости было страннаго и загадочнаго. Мельхиседекъ показывалъ,
то онъ изъ Сибири приходилъ въ Петербургъ, былъ на аудіен-
іи у государя, получилъ дорогіе подарки изъ собственныхъ рукъ
мператора Николая и проч. и проч. Въ монастырѣ онъ отли-
ался буйствомъ и непослушаніемъ властямъ. Собирался идти въ
іевъ, въ Соловки и т. д. 21-го марта 1832 года Мельхиседека
идѣли въ Саратовѣ. Утромъ онъ явился въ почтовую контору и
одалъ, для отсылки въ Петербургъ, пакетъ съ просьбой на имя
осударя. Какой результатъ имѣла эта просьба – неизвѣстно. Между
ѣмъ по монастырямъ ходили слухи, что Мельхиседекъ дѣйстви-
ельно былъ у государя во дворцѣ, милостиво былъ принятъ им-
ераторскою фамиліею, получилъ царскіе подарки и т. п. Мель-
иседекъ подтверждалъ эти слухи и даже показывалъ всѣмъ дра-
оцѣнные, пожалованные ему въ Петербургѣ подарки. Слухи эти
ереходили изъ монастыря въ монастырь, изъ села въ село. Мѣст-
ыя власти должны были удостовѣриться, насколько справедливы
ыли эти разглашенія, чтобъ такъ или иначе положить конецъ
олкамъ, потому что молва о похожденіяхъ Мельхиседека не умол-
ала въ теченіи двухъ лѣтъ. Въ никольскій монастырь, гдѣ жилъ
Мельхиседекъ, пріѣхалъ исправникъ Безобразовъ и остановился
ъ «гостинныхъ кельяхъ». Мельхиседекъ самъ явился къ нему,
тобы познакомиться съ новымъ представителемъ мѣстной полиціи.

Рѣчь, конечно, зашла о царскихъ подаркахъ, о которыхъ такъ
много говорили въ окрестностяхъ. Безобразовъ просилъ Мельхи-

седека показать ему эти драгоцѣнности. Монахъ исполнилъ его желаніе.

— Продайте мнѣ ихъ, сказалъ Безобразовъ: — я вамъ дамъ двадцать золотыхъ полуимперіаловъ.—Мельхиседекъ не хотѣлъ разстаться съ вещами, которыя надѣлали такъ много шуму въ окрестностяхъ.

— Я не согласенъ, говорилъ онъ:—онѣ у меня не продажны.— Безобразовъ настаивалъ на своемъ.

— Дайте мнѣ ихъ хоть на подержаніе—поносить, просилъ онъ. Чѣмъ больше настаивалъ Безобразовъ, тѣмъ болѣе упрямился монахъ.

— Я хощу и паки быть предъ лицомъ ихъ величествъ, сказалъ упрямый инокъ.

Безобразовъ, не добившись ничего, уѣхалъ въ другой монастырь. По возвращеніи въ никольскій, онъ снова призвалъ къ себѣ Мельхиседека и уже сталъ обращаться съ нимъ круто, какъ съ человѣкомъ, котораго слѣдовало припугнуть. «Ты бѣглый, говорилъ онъ монаху, — и вещи у тебя краденыя. Ты не былъ въ Петербургѣ, а на разбоѣ былъ. Тебя плетьми наказывали. Не инокъ ты, а казенный крестьянинъ». Безобразовъ, безъ сомнѣнія, узналъ прежнюю жизнь Мельхиседека, которая была не безупречна, и потому принялъ со старикомъ такой безцеремонный тонъ. Но Мельхиседека трудно было запугать.—Вы не имѣете права меня такъ порочить, говорилъ онъ. Я не бѣглый и не разбойникъ, и вещи у меня не краденыя, а получены въ подарокъ въ Петербургѣ, во дворцѣ, изъ рукъ ихъ императорскихъ величествъ. Безобразовъ назвалъ ему его прежнюю фамилію, мірскую, и его мірское имя.

— Вы говорите, что я плетьми наказанъ, и чужимъ именемъ— Михайлою Михайловымъ—подходилъ къ ихъ императорскимъ величествамъ, такъ мнѣ сіе имя дано при крещеніи, а по иноческому названію я—инокъ Мельхиседекъ, возражалъ монахъ.

Безобразовъ напомнилъ ему о Сибири. Монахъ отвѣчалъ, что изъ ссылки онъ возвращенъ сенатомъ. Сенатъ требовалъ мое дѣло изъ саратовской уголовной палаты, разсмотрѣлъ мою невинность и возвратилъ меня съ тѣмъ, чтобы меня не обзывать и не порочить, и водворилъ меня инокомъ, а не казеннымъ крестьяниномъ,

продолжалъ онъ. Также и подарками императорскими не подозрѣвайте и не ругайтесь ими: я отвѣчалъ лично самому государю, что я буду его прославлять по всему лицу земли и по всей Азіи. Безобразовъ неотступно требовалъ выдачи вещей.—Я здѣсь хозяинъ—подай вещи, говорилъ онъ. Упрямый старикъ не повиновался.—Я разобью сундуки, кричалъ Безобразовъ. Упорство монаха вызвало насиліе со стороны Безобразова. Онъ его арестовалъ и приступилъ къ формальному допросу. Смѣлый старикъ самъ разсказалъ все, что отъ него требовали, и разсказъ его представляетъ много занимательности.—Мельхиседекъ меня зовутъ—инокъ, отъ роду имѣю 72 года, говорилъ онъ.—Не помню, въ которомъ году я былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе, и проживалъ я въ Сибири, томскаго уѣзда, въ деревнѣ Батуринѣ. Оттуда я ходилъ въ С.-Петербургъ. Шелъ именемъ Михайлою Толкачевымъ. Прошелъ я до Петербурга безъ всякаго письменнаго вида, съ одною молитвою Іисуса, и прибылъ туда, въ 1829 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, остановился въ квартирѣ, тверской-ямской, противъ церкви Предтечи, а въ чьемъ домѣ—не помню. Въ третій день по прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ, пришелъ къ графу Бенкендорфу, въ домъ его, въ Малой Морской, и, чрезъ посредство сдѣланнаго мною знакомства съ его камердинеромъ Егоромъ Кузьмичемъ, я былъ представленъ самому графу, которому я и объявилъ, что я бывшій монахъ старообрядческаго никольскаго монастыря саратовской губерніи, вольскаго уѣзда, а теперь сосланный въ Сибирь на поселеніе, и пришелъ просить государя императора, чтобы онъ просьбу мою, посланную изъ Томска, на имя графа, разсмотрѣлъ и меня изъ Сибири возвратилъ. Затѣмъ я былъ представленъ Государю и получилъ отъ него подарки. Изъ Петербурга я отправился, томскаго уѣзда, въ деревню Батурину. Не доѣзжая до Томска, въ лѣсу, я былъ ограбленъ, о чемъ, по пріѣздѣ въ городъ Томскъ, я подалъ объявленіе губернатору Фролову, и по оному вещи, жалованныя мнѣ, найдены, и изъ томскаго губернскаго правленія мнѣ возвращены.

XXIV.

Послѣ допроса подарки, которые Мельхиседекъ называлъ царскими, были отобраны у него и отданы настоятелю монастыря иноку Корнилію на храненіе. Равнымъ образомъ у него отобранъ былъ видъ, по которому онъ хотѣлъ отправиться вновь странствовать по Россіи, намѣреваясь посѣтить Кіевъ и соловецкія обители и кромѣ того взята съ него подписка о невыѣздѣ изъ монастыря. Монастырскому начальству поручено было строгое наблюденіе за этою безпокойною личностью. Мельхиседекъ жаловался Переверзеву на это притѣсненіе свободы и на допущенное Безобразовымъ насиліе. Онъ просилъ выпустить его изъ монастыря, чтобы исполнить обѣщаніе относительно путешествія ко святымъ мѣстамъ. Переверзевъ ничего не отвѣчалъ на это. Такъ прошелъ годъ. Черезъ годъ Мельхиседекъ снова пытался возратить себѣ свободу. Какъ ловкій раскольничій проповѣдникъ, онъ расчитывалъ подѣйствовать на Переверзева своимъ краснорѣчіемъ. Съ свойственною сектантамъ витіеватостью Мельхиседекъ объясняетъ, что не рѣшился отвлекать Переверзева «отъ полезнѣйшихъ занятій, посвященныхъ на благо службы и на защиту невинныхъ»; но что «молва, продолжаетъ онъ, — распространившаяся во всѣ концы, достигла за предѣлы Волги, даже до жилища монастыря нашего, о безпредѣльной добродѣтели особы вашей и побудила меня припасть къ стопамъ вашимъ, и яко щедролюбивому отцу объяснить» и т. д. Витіеватая просьба старика опять-таки выражала желаніе скорѣе вырваться на свободу и получить царскіе подарки. Но тутъ уже онъ, кромѣ того, является прямымъ противникомъ монастырскихъ властей, наговариваетъ на Корнилія, изобличаетъ власти въ злоупотребленіяхъ и утайкѣ преступленій и проч. Корнилія онъ называетъ своимъ непримиримымъ врагомъ и ненавистникомъ, обвиняетъ его въ неблаговидныхъ сношеніяхъ съ исправникомъ. Видно, что внутренній разладъ окончательно подрывалъ уже и безъ того шаткое существованіе общинъ. До тѣхъ поръ небывалые доносы все чаще и чаще стали исходить изъ монастырскихъ стѣнъ. Мель-

хиседекъ, напримѣръ, доноситъ о подозрительной смерти пьяницы инока Іоиля, трупъ котораго найдетъ «въ квасномъ выходѣ», о томъ какъ его хоронили, какъ потомъ вырывали изъ земли, какъ скрылся изъ монастыря инокъ Варсанофій и проч. Съ другой стороны, монастырь вошелъ къ Переверзеву съ коллективной жалобой на безпокойнаго и буйнаго старика Мельхиседека, прося освободить монастырь отъ этого бунтовщика. Припоминаются прежнія темныя дѣла Мельхиседека, за которыя онъ сосланъ былъ въ Сибирь съ наказаніемъ плетьми. Припоминается и его «развратная жизнь», и «уграживаніе бывшему настоятелію Сергію лишить его жизни», и «присвоеніе принадлежащаго монастырю образа». Объясняется, что «ссылка въ Сибирь и отлученіе не исправили этого старика въ дурной жизни и не обратили къ миролюбію, но что, напротивъ, онъ не только не ускромился, а еще болѣе впалъ въ развратъ, началъ посѣвать между мирныхъ жителей раздоры къ нарушенію тишины, спокойствія и содержимаго порядка», что «онъ не оказываетъ повиновенія мѣстному начальству, не усмиряетъ себя передъ настоятелемъ монастыря, инокомъ Корниліемъ съ братіею» и т. д. Мельхиседекъ снова отдается подъ судъ. Переверзевъ спрашиваетъ объ немъ Бенкендорфа и томскаго губернатора, дѣйствительно-ли имѣютъ какое-либо основаніе разсказы Мельхиседека, которыми онъ волнуетъ населеніе и вооружаетъ противъ властей довѣрчивыя массы. Между тѣмъ населеніе дѣйствительно возбуждено и въ этомъ возбужденномъ состояніи внушаетъ серьезныя опасенія властямъ. Такія личности, какъ Мельхиседекъ, служатъ только какъ бы прибавкою къ тому горючему матеріалу, который готовъ вспыхнуть во всемъ среднемъ Поволжьи. Возбужденіе въ массахъ растетъ годами, постоянно накопляя горючій матеріалъ, и нужна только искра, чтобъ пожаръ охватилъ Поволжье. Мы не говоримъ о крестьянскихъ волненіяхъ, вызываемыхъ неумѣреннымъ нагнетеніемъ на народъ крѣпостнической несдержанности—народнымъ движеніямъ подобнаго рода въ разсматриваемое нами время мы намѣрены посвятить особое изслѣдованіе. Мы говоримъ единственно лишь о тѣхъ движеніяхъ этой эпохи, въ основу которыхъ, такъ сказать, положены раскольничьи мотивы, о движеніяхъ, которыя на лицевой сторонѣ своего знамени

имѣли все-таки осьмиконечный раскольничій крестъ, тогда-ка подкладка знамени носила совсѣмъ другія изображенія — обра броженія понизовой вольницы и броженія неуложившихся въ родныхъ силъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ возбужденіе умовъ в населеніи вызывалось мыслію, что ихъ, свободныхъ (конечно отно сительно) удѣльныхъ и экономическихъ крестьянъ, ожидаетъ то-ж нагнетеніе вла ти, какое испытывали на себѣ помѣщичьи крестьяв и отсюда являлось раздраженіе противъ представителей и факто ровъ нагнетенія, противъ мѣстныхъ властей и православнаго ду ховенства. Раскольничье населеніе Поволжья вообще отличалось сравнительнымъ богатствомъ, матеріальнымъ довольствомъ и отно сительною свободою, чего оно не видѣло въ населеніи правосла номъ, преимущественно въ помѣщичьихъ вотчинахъ. У раскол никовъ и земли, и воды, и даже свободы было достаточно. Он боялись, конечно, что съ новыми порядками у нихъ урѣжутъ н только земли и воды, но и волю. Отсюда является раздраженіе противъ чиновниковъ и поповъ, противъ «іерихонцевъ», какъ ихъ называли раскольники *). Особенное раздраженіе замѣчается въ богатыхъ раскольничьихъ селахъ и слободахъ Заволжья — въ Ме четной, Кормяжкѣ, Пузановкѣ, Криволучьѣ, Кушумѣ. Такъ, на примѣръ священникъ села Каменки, Державинъ, обратившій в православіе одного раскольничьяго дьякона, Иванова, тайком увозитъ его въ Саратовъ, чтобы представить къ архіерею. Озлоб ленные мечетенскіе мужики-раскольники скачутъ за ними по слѣ дамъ, чтобъ отнять жертву «іерихонскихъ» происковъ, дьякон Иванова, и возвратить опять въ монастырь, или убить Державина а можетъ быть и «отпавшую силу» (Иванова). Но имъ этого н удается сдѣлать — они ихъ не успѣваютъ настичь. Тогда, встрѣ чаясь съ «отпавшей силой» уже въ Саратовѣ, въ лавкѣ, гдѣ Ива новъ покупалъ деревянное масло для церкви, мечетенскій раскол никъ, Широкій, говоритъ ему:

— Зачѣмъ оставилъ ты старую вѣру? По Кириловой книгѣ ты-іерихонецъ, отпавшая сила.

*) Попы и чиновники—это «по Кириловой книгѣ—іерихонцы или отпав шая сила», какъ говорилъ мужикъ изъ слободы Мечетной одному раскол нику, измѣнившему своей вѣрѣ.

Когда Ивановъ старается уйдти отъ преслѣдованія, Широкій не отстаетъ отъ него и на улицѣ, говоря, что они, мечетинскіе мужики, гнались за отщепенцами, когда они ѣхали въ Саратовъ. — Мы считали слѣды ваши.... Счастливы вы, что мы не догнали васъ одною упряжкою! сказалъ Широкій съ угрозою. — Что-жъ, опять бы въ монастырь меня взяли? спросилъ Ивановъ. — Да, счастливы вы, что мы васъ не догнали. — Священника Державина озлобленные раскольники осаждали по ночамъ въ его собственномъ домѣ. Такъ онъ часто, запершись у себя, слышалъ возгласы подъ окнами: — Счастливъ ты, попъ, что у тебя свѣтится долго огонь. Не пора ли тебѣ спать?—Иногда озлобленные мужики, съѣзжавшіеся изъ сосѣднихъ раскольничьихъ селеній, кричали на улицѣ:—Живи помирнѣе съ старообрядцами, какъ жили старые попы, а если будешь увозить поповъ и дьяконовъ (т. е. раскольничьихъ), то скоро твой домъ обратимъ въ пепелъ, или самъ скоро будешь въ Иргизѣ.—Ты не попъ, а антихристъ! кричали другіе. На Державина окрестные раскольники злобились за обращеніе имъ въ православіе раскольничьяго дьякона Иванова, а равно за обличеніе старой вѣры. Часто мужики наѣзжали къ нему по ночамъ и подъ разными предлогами вызывали изъ дому; но Державинъ не давался въ обманъ. Ему грозили, ломились прямо въ домъ, кричали: «Дайте попа! А если не выйдетъ онъ, то разобьемъ окошки и сожжемъ домъ!» Тутъ-же мужики разбили и разграбили домъ дьячка Покровскаго и его самого схватили. — Пойдемъ-ка на улицу-та! кричали они. — Мы тебѣ докажемъ дворянство и научимъ, какъ здѣсь жить за Волгою! — Такъ то скоро доберемся и до попа—не долго нацышетъ и онъ! кричали разгулявшіеся крестьяне. Архіерей пишетъ объ этихъ волненіяхъ Переверзеву, сообщаетъ оберъ-прокурору синода. Начинаются розыски, слѣдствія, аресты. Къ духовенству, осаждаемому раскольниками, по ночамъ ставится караулъ изъ сельской стражи, «изъ крестьянъ православнаго вѣроисповѣданія». Начинаются обоюдныя обвиненія — поповъ раскольниками, раскольниковъ попами. Идетъ переписка съ министерствами, виновные судятся. Судебное дѣло «о буйственныхъ поступкахъ» раскольниковъ приводится къ окончанію ровно черезъ девять лѣтъ. Въ другихъ селеніяхъ идетъ

открытая пропаганда раскола уже не черезъ иноковъ иргизскихъ общинъ, а пропагандистами являются простые мужики, какъ, напр. ..мѣръ, Лоскутовъ и Ширяевъ въ селѣ Перубежкѣ.

Мужики уже не нуждаются въ бѣглыхъ попахъ, а сами заправ-..ляютъ богослуженіемъ, отправляютъ требы, крестятъ, исповѣдуютъ, ..іобщаютъ и хоронятъ мертвыхъ, никого не спрашивая и никому ..е давая отчета. Мало того, въ праздничные дни они собираются толпами «всякаго возраста люди, и съ подобными себѣ дѣвицами ..безъ всякаго опасенія производятъ богослуженіе». Для привлеченія ..ь расколу допускается и насиліе: «отъ правовѣрныхъ женокъ рож-..ныхъ младенцевъ, не по желанію матерей, но по смѣлости оныхъ ..азвратниковъ, отъ больныхъ по рожденію усильственно уносятъ, ..мена нарекаютъ и таинство крещенія совершаютъ». Начинается ..рознь между самими раскольниками. «Отпавшія силы», т. е., перешедшіе въ православіе, начинаютъ врываться, такъ сказать, въ ..ь раскольничій и производить тамъ опустошенія: такъ изъ дѣла ..идно, что раскольничьи попы «исторгаются» обманомъ и разными ..оисками изъ иргизскихъ общинъ, и эти удары общинамъ наносятъ бывшіе раскольники, «отпавшая сила», единовѣрцы. Въ виду такихъ явленій, которыя стали повторяться чаще и чаще, по доведенію до свѣдѣнія государя объ одномъ подобномъ «исторгнутіи» раскольничьяго священника изъ иргизскихъ общинъ и по изъявленіи «исторгнутымъ» полнаго раскаянія въ своихъ заблужденіяхъ, высочайше повелѣно—«сообщить о томъ всѣмъ начальникамъ губерній, дабы они сдѣлали сіе извѣстнымъ находящимся у раскольниковъ попамъ, не оффиціальнымъ порядкомъ, но по ихъ усмотрѣнію, черезъ посредство довѣренныхъ лицъ, и буде сіи попы изъявятъ наклонность предстать къ своему начальству съ искреннимъ раскаяніемъ въ ихъ проступкахъ, то таковымъ оказывать всевозможное пособіе къ исполненію ихъ намѣренія».

XXV.

Не смотря па всѣ эти невзгоды, иргизскіе монастыри продолжали держаться. Большою нравственною поддержкою служило для нихъ то обстоятельство, что со всѣхъ сторонъ къ нимъ доходили вѣсти не о паденіи, а объ усиленіи раскола въ Поволжьи. Саратовскіе, вольскіе, хвалынскіе и дубовскіе раскольники крѣпко отстаивали свою независимость въ этомъ отношеніи. Являющіеся со всѣхъ мѣстъ странники разсказывали о «непреоборимости» своихъ сподвижниковъ, бродившихъ по Поволжью. Когда, въ 1835 году, велѣно было сдѣлать перепись всѣмъ раскольникамъ, находившимся въ саратовской губерніи, то оказалось, что цифра ихъ была весьма замѣтная. Однихъ помѣщичьихъ крестьянъ-раскольниковъ насчитывалось 12.070 душъ, а прочихъ сословій и состояній 51,405 душъ, всего 63,475 раскольниковъ. Раскольничьихъ богослужебныхъ зданій и общинъ насчитано:

Монастырей	4
Церквей.	4
Часовень.	10
Молитвенныхъ домовъ	19
Молеленъ	10

Кромѣ того, во всѣхъ раскольничьихъ селеніяхъ были частные молитвенные дома, гдѣ богослуженіе и всѣ обряды совершались или явно или тайно. Чувствуя свою силу, раскольники не всегда подчинялись велѣніямъ властей, а въ необходимыхъ случаяхъ даже сами міряне держали своихъ поповъ въ строгой подчиненности раскольничьему обществу, которое всегда было сильно своею нравственною сплоченностію и безусловнымъ подчиненіемъ законамъ ассоціаціи *).

*) Такъ, напримѣръ, саратовскіе раскольничьи попы дали отзывъ властямъ, что они ничего не смѣютъ дѣлать безъ воли «попечителей», избираемыхъ всѣмъ раскольничьимъ обществомъ. «Попечители», которыми въ 1835 году были саратовскій почетный гражданинъ 2-й гильдіи купецъ Иванъ Аѳанасьевъ Уѳинцевъ и 1-й гильдіи купецъ Мартынъ Федоровъ Ситниковъ, отвѣчали вла-

Въ то время, когда въ иргизскихъ общинахъ замѣчена была неладица между «отпадавшими силами» и «столпами правой вѣры» власти прибѣгли къ новому опыту поколебанія «столповъ». Епископъ Іаковъ, смѣнившій Моисея, препроводилъ къ Переверзеву записку о древней плащаницѣ, хранившейся въ Астрахани, на которой изображеніе «въ благословляющей рукѣ Христа Спасителя сложеніе перстовъ не по мнѣнію старообрядцевъ, но согласно постановленія грекороссійской церкви, сильнѣйшимъ было убѣжденіемъ къ обращенію въ православіе настоятеля иргизской успенской пустыни Сергія», и просилъ Переверзева записку эту передать иргизскимъ коноводамъ, въ надеждѣ, что эта записка на нихъ подѣйствуетъ.

Изъ записки этой видно, что плащаница принадлежитъ къ половинѣ XV вѣка. «Кромѣ своей древности (сказано въ запискѣ), она можетъ быть примѣчательною и по слѣдующему обстоятельству: въ 1791 году при преосвященномъ астраханскомъ Никифорѣ, пріѣзжалъ сюда настоятель иргизской успенской пустыни Сергій. Пастырь сей, извѣстный своими увѣщаніями къ раскольникамъ, видя передъ собою главу и начальника старообрядцевъ, увлеченъ былъ духомъ евангельской ревности поборника заблужденія побороть истиною православія и спасенія. Сверхъ другихъ предметовъ пренія, важный составляло *перстное сложеніе*. Въ семъ случаѣ, ни глубокая ученость Никифора, ни его краснорѣчіе, ни самое рожденіе въ Греціи, долженствующее преклонять къ убѣжденію, потому что оно могло познакомить его ближе съ постановленіями древней греческой церкви, ни мало не убѣждали Сергія. Истину надлежало рѣшить древними памятниками, и для сего употреблена

стямъ: «Священниками, какъ теперь у насъ находящимися, такъ и до нихъ бывшими, никогда мы самовластно не управляли и управлять ими состоитъ не въ нашей волѣ, ибо мы въ отношеніи къ нимъ все тоже, какъ и прочіе нашего сословія старообрядцы; но только отъ насъ зависитъ одно наблюденіе по молитвенному храму за тишиною и спокойствіемъ, что мы, какъ вѣрные сыны отечеству и престолу, и исполняемъ съ надлежащимъ тщаніемъ, не входя отнюдь въ непринадлежащее до насъ, и смиряясь всегда противъ властей, мы совсѣмъ чужды принимать на себя чего-либо недолжнаго, тѣмъ паче самовластія, о которомъ у насъ даже и помышленія нѣтъ».

была плащаница сія. Это такъ подѣйствовало на Сергія, что онъ не только обратился къ православной церкви нашей, но и запечатлѣлъ сіе своимъ увѣщаніемъ къ раскольникамъ, въ книгѣ, имъ изданной, подъ названіемъ «*Зеркало для старообрядцевъ*». Достовѣрность сего происшествія засвидѣтельствуютъ и современники и очевидцы». Іаковъ получилъ эту записку отъ оберъ-прокурора синода, Нечаева, и сообщилъ Переверзеву. Переверзевъ переслалъ ее иноку Корнилію. Но и эта попытка не удалась. Иргизскіе «столпы» стояли на своемъ. Тогда рѣшились прибѣгнуть къ новымъ, еще неиспытаннымъ средствамъ. Противъ иргизскихъ «столповъ» нужно было выставить равносильныхъ бойцовъ со стороны православія, съ тѣмъ, чтобы эти послѣдніе силою своего убѣжденія подорвали въ народѣ авторитетъ первыхъ. Оставалось такимъ образомъ учредить въ Поволжьи миссіи, и уже миссіонеровъ пустить на тайную и явную борьбу съ сектантами и ихъ нравственными вожаками. Епископъ Іаковъ между прочимъ писалъ Переверзеву, что расколъ «при всѣхъ распоряженіяхъ правительства къ удержанію порывовъ своеволія и при возможныхъ усиліяхъ и попеченіяхъ приходскихъ священнослужителей, не токмо не ослабѣваетъ, но, по обольщенію закоренѣлыхъ въ томъ, видимымъ образомъ увеличивается», что въ особенности ростъ раскола замѣчается около города Вольска, что «тамъ простодушные христіане, болѣе нежели въ другихъ мѣстахъ, увлекаясь суетнымъ понятіемъ о вѣроисповѣваніи, принятомъ и содержимомъ въ монастыряхъ старообрядческихъ, расположенныхъ на берегахъ Иргиза, слѣпо принимаютъ нелѣпое заблужденіе за такую истину, одни по собственному недоумѣнію, а другіе большею частію по лжеученію обольстителей, скрывающихся въ тѣхъ скитахъ, почитаемыхъ соревнователями ихъ, живущими даже въ отдаленныхъ краяхъ Россіи, за мѣста святыя», что въ недавнее время одинъ изъ этихъ монастырей «угодно было всемогущему Богу озарить свѣтомъ истины», что въ монастырѣ этомъ, по обращеніи его въ единовѣрческій, «обитающей братіи оставалось хотя немного», но что «нынѣ при благоразумномъ управленіи настоятелемъ архимандритомъ Платономъ, число сыновъ церкви постоянно увеличивается», что убѣжденія Платона дѣйствуютъ на окрестное населеніе весьма благо-

творно, что за Платономъ послѣдовали и многіе жители Вольска, но что «таковаго намѣренія не открываютъ явно изъ опасенія, что находящіеся при тамошней часовнѣ бѣглые попы не будутъ исправлять требъ ихъ», между тѣмъ какъ единовѣрческій монастырь на Иргизѣ находится отъ нихъ слишкомъ далеко. Въ виду этихъ соображеній, въ виду, наконецъ, «строгой и примѣрной жизни Платона, имѣющаго большое вліяніе даже на закоренѣлыхъ старообрядцевъ» и хорошо знакомаго «съ обычаями и уставами старообрядческими», Іаковъ назначилъ его миссіонеромъ тамошнихъ мѣстностей и просилъ содѣйствія Переверзева въ томъ именно, чтобы иргизскіе раскольники, по прибытіи къ нимъ Платона, «не уклонялись отъ него, но принимали-бы его къ себѣ въ видѣ миссіонера для собесѣдованія» и т. д. Затѣмъ въ другіе уѣзды посланы были миссіонеры — іеромонахъ Моисей изъ Саратова, протоіерей Ястребовъ изъ Аткарска, протоіерей Бибиковъ изъ Вольска. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прибавлено было къ этимъ еще два миссіонера — изъ Саратова Атаевскій и изъ Вольска Дьяконовъ. При этомъ статсъ-секретарь Блудовъ поручилъ Переверзеву вмѣнить въ непремѣнную обязанность полиціямъ, чтобы, по прибытіи миссіонеровъ въ какую-либо мѣстность, немедленно объявляемо было раскольникамъ объ этомъ прибытіи, а полиція должна была имѣть «внимательное наблюденіе, чтобы отъ сильныхъ и упорныхъ раскольниковъ не было прочимъ дѣлаемо препятствій» въ сношеніяхъ ихъ съ миссіонерами.

Изъ этого распоряженія, между прочимъ, вышло то, что рекомендованное мѣстнымъ властямъ «содѣйствіе» миссіонерамъ и «внимательное наблюденіе» не всѣми полиціями и не всѣми миссіонерами было достаточно понято, и отъ этого рождались новыя смуты, новые странные толки, которые и миссіонеровъ и власти ставили въ какомъ-то невыгодномъ свѣтѣ передъ населеніемъ и передъ раскольниками въ особенности. Вмѣсто «содѣйствія», ожидался какой-то загонъ раскольниковъ силой въ православныя церкви, а «внимательное наблюденіе» превращалось въ угрозу острогомъ и Сибирью. Такъ въ посадѣ Дубовкѣ, гдѣ коренился весьма старый расколъ, оставленный такъ бывшими вольскими казаками, имѣвшими до Пугачова свою столицу въ Дубовкѣ и за присоединеніе

своего войска къ полчищамъ Пугачова переселенными на Терекъ, мѣстный благочинный требовалъ отъ полиціи, чтобы она «вызвала» всѣхъ дубовскихъ раскольниковъ въ тамошнюю церковь, для «*внушенія имъ догматовъ православной церкви*». Полиція слово «внушеніе» поняла буквально въ полицейскомъ смыслѣ, такъ-какъ по полиціи «внушеніе» граничило съ сѣченіемъ розгами, и потому пришла въ недоумѣніе, какимъ образомъ въ церкви можетъ быть исполненъ самый актъ внушенія. За разрѣшеніемъ своего недоумѣнія она немедленно обратилась къ Переверзеву. «Дабы (писала она) вызовомъ людей, коимъ не обозначены ни имена, ни фамиліи, ниже числа противодѣйствующихъ господствующей религіи, но, впрочемъ, предположенныхъ собрать въ здѣшнюю соборную церковь, не возродить въ сердцахъ сыновъ православной вѣры смущенія и самого оскорбленія, и чтобы отъ того или другого не родилось въ слабыхъ умахъ неожиданныхъ случаевъ, видѣвши въ церкви своей людей, отвратившихся отъ оной, и дабы сіи сектанты не возмечтали въ ложной гордости своей изобрѣтать своими ухищреніями способъ, утверждающій ихъ въ теперешномъ заблужденіи, а тѣмъ еще болѣе, когда сія полиція приступитъ къ сему безъ воли и особеннаго предписанія господина начальника губерніи, а потому изъ опасенія, дабы не подвергнуться впослѣдствіи отвѣтственности, то съ прописаніемъ сего отношенія представить (и почтеннѣйше представляется) вашему превосходительству на зависимое благоусмотрѣніе, какъ начальнику, коротко извѣстному образъ мыслей и самая предпріимчивость сихъ людей, блуждающихъ въ ложныхъ своихъ предаціяхъ».

Такимъ образцовымъ канцелярскимъ наборомъ словъ отвѣчалъ дубовскій полиціймейстеръ Бардовскій на требованіе о «внушеніи» раскольникамъ истинъ вѣры. Въ Вольскѣ, напротивъ, въ центрѣ раскольничьяго движенія, мѣстныя власти положительно ничего не дѣлали ни въ пользу содѣйствія, ни въ пользу внушеній, и Іаковъ жаловался на это Переверзеву. Переверзевъ, съ своей стороны, спрашивалъ Іакова, въ чемъ-же, наконецъ, должно заключаться содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, ожидаемое отъ полиціи? Ему отвѣчали, что полиція опять-таки должна «имѣть внимательное наблюденіе, чтобы отъ сильныхъ и упорныхъ раскольниковъ не было прочимъ

поставляемо преградъ касательно сношеній ихъ съ миссіонерами. Но такъ-какъ «внимательное наблюденіе» для полиціи, а «убѣжденія» для миссіонеровъ казались понятіями весьма эластическими, то и не могло не быть увлеченій то съ той, то съ другой стороны. Увлеченія эти были замѣчены въ Петербургѣ, и оберъ-прокуроръ Нечаевъ писалъ Іакову, что, по всеподданнѣйшему его докладу государю императору о результатахъ дѣятельности миссіонеровъ въ Поволжьи, изъявлена была высочайшая воля, «чтобъ продолжать дѣйствія оной миссіи, не торопясь, и отнюдь не показывать намѣренія къ насильному дѣйствію».

XXVI.

Усилія миссіонеровъ сдѣлали, впрочемъ, то, что «сильные и упорные раскольники», т. е., самые злѣйшіе и опаснѣйшіе враги миссіи, еще крѣпче заперлись въ своей непроницаемой скорлупѣ, и повели тайные подкопы противъ своихъ «супротивниковъ». Въ народѣ появились фальшивые высочайшіе указы (пріуроченные къ 23 января 1831 года) о дозволеніи будто-бы построекъ раскольничьихъ часовень и безпрепятственномъ отправленіи въ нихъ богослуженія.

На этомъ фальшивомъ указѣ раскольники построили цѣлую систему пропаганды и противодѣйствія миссіонерамъ. Одна изъ захваченныхъ на такихъ «соблазнительныхъ дѣйствіяхъ» раскольническая дѣвка Акулина Федорова на допросахъ отзывалась, что указъ, съ помощью котораго она пропагандировала, «получила она, якобы по невѣденію, въ книгѣ, взятой для чтенія въ деревнѣ Натальиной, въ домѣ отпущеннаго отъ г. Сатина на волю крестьянина Ивана Калинина Сергѣева», что Сергѣевъ съ своей стороны получилъ его изъ слободы Мечетной (знаменитаго раскольничьяго центра, недалеко отъ иргизскихъ общинъ) отъ солдата Иванова, что Иванову писалъ его крестьянинъ Савельевъ, что способствовала этому сестра его, инокиня иргизскихъ общинъ дѣвка Авдотья

и т. д. Акулина Федорова упорно защищала свое дѣло передъ судомъ, никого не выдавала, а только говорила, что она раскольница и начетчица, ничего противозаконнаго не дѣлала, а что только къ ней часто ея единомышленники ходили, въ ея кельи «сбирывались», а она имъ «читывала божественныя книги и пѣвала стихи». Пропагандистовъ сѣкли розгами, сажали въ острогъ, ссылали, а вмѣсто нихъ поднимались новые ревнители и Поволжье мутилось непереставаемыми смутами. Въ Балаковѣ, въ одномъ изъ богатыхъ селъ Поволжья, расположенныхъ въ окрестностяхъ иргизскихъ общинъ, приведены были въ приказъ два молодые парня, одинъ родомъ изъ Балакова, другой—изъ Криволучья, которые назывались иноками Паисіемъ и Корниліемъ. Взяты они были за бродяжничество «въ неприличномъ видѣ», т. е. въ монашескомъ одѣяніи.

Когда ихъ спрашивали о причинахъ бродяжничества, Корнилій отвѣчалъ:

— Мы странники, люди божіи называемся, а не бродяги. Паисій къ этому прибавилъ: —Почитали-бы вы священныя книги, то по-вашему и святые апостолы вышли-бы бродяги, поелику ходили они по Азіи и Греціи безъ пачпортовъ.—На вопросъ старшины, гдѣ они были и у кого укрывались, Паисій отвѣчалъ:

— Ходили мы по всему лицу земли, были въ Астрахани и на Дону, ходили вверхъ до Керженца, и ни отъ кого мы не укрывались.— Старшина требовалъ непремѣнно указать пристанодержателей, а въ противномъ случаѣ грозилъ отправить иноковъ въ острогъ.

— Имена нашихъ пристанодержателей помѣщены въ святцахъ: нѣтъ того имени въ святцахъ, который-бы нашимъ пристанодержателемъ не былъ, отвѣчалъ Паисій.

— Все уральское и донское войско есть наши пристанодержатели—вѣдайтесь съ оными, тако-жъ и съ цѣлою приволжскою страною, добавилъ Корнилій. Старшина, въ виду «непреклончивости и озорничества» молодыхъ бродягъ иноковъ, напомнилъ имъ о власти губернатора, о необходимости «представить ихъ, бродягъ, предъ лице его превосходительства и кавалера».

— У насъ есть свои губернаторы и кавалеры, отвѣчалъ съ продерзостью Паисій: только наши будутъ познатнѣе вашихъ и

посильнѣе. –Теперь они молчатъ, а придетъ время—заговорятъ и всю нечестивую Россію, хвастался Корнилій.

Молодые иноки бродяги были пьяны и оттого такъ дерз была ихъ рѣчь: «оные иноки были въ хмѣльномъ состояніи», сообщалъ въ своей бумагѣ балаковскій приказъ. Когда дерзкихъ бродягъ стали запирать въ «секретную», они продолжали шумѣть.– За насъ мужики-ста и солдаты всѣ, равно святители и угодни наше войско сильнѣе вашего, буянилъ Паисій. Чрезъ нѣсколь дней буйные странники отправлены были въ судъ и о дальнѣйшей судьбѣ ихъ ничего неизвѣстно. Одна раскольничья дѣвка, инокин Гавделла, проповѣдывала, что «молитвами праведныхъ иргизских мужей вся русская держава стоитъ», и что когда они перестанут молиться за Россію, то «оную посѣтитъ гладъ, моръ и кровопролитная война». Понятно, что народъ, охотно внимающій всем «священному», не могъ быть спокойнымъ, слушая нелѣпыя разглагольствованія мнимыхъ людей божіихъ.

XXVII.

Всѣ эти глухія волненія народныхъ массъ сказывались во все продолженіе годовъ 1834, 1835 и 1836 г. Время это само по себѣ было тяжелою порою для народа: 34—36 годы слѣдовали за «голоднымъ годомъ» (1333 г.), тяжко отразившимся на всемъ населеніи Россіи, когда правительство не знало, чѣмъ прокормить голодающія массы, а помѣщики отказывались отъ своихъ собствен ныхъ крестьянъ, ставшихъ на это время не рабочими силами, а голодными ртами, просившими куска хлѣба. Въ началѣ 1836 год посланъ былъ въ Саратовъ, послѣ Переверзева, новый губерна торъ, имя котораго связано съ окончательныхъ уничтоженіемъ иргизскихъ раскольничьихъ общинъ. Это былъ Александръ Петро вичъ Степановъ. Первую свою служебную дѣятельность Степановъ началъ еще при Суворовѣ, адъютантомъ котораго онъ былъ во время итальянской кампаніи и вмѣстѣ съ Суворовымъ переходил знаменитый «Чортовъ мостъ». До Саратова Степановъ служилъ в

Сибири, гдѣ управлялъ енисейскою губерніею и уже извѣстенъ былъ, какъ авторъ нѣкоторыхъ ученыхъ изслѣдованій о Сибири и романистъ.

Пріѣхавъ въ Саратовъ, Степановъ круто повернулъ дѣло о раскольникахъ, повидимому, нѣсколько залежавшееся послѣ князя Голицына, и повернулъ его чисто механическимъ образомъ, силою, натискомъ, совершенно по «Суворовски». На раскольниковъ взглянулъ онъ, какъ взглянулъ-бы на польскихъ повстанцевъ или скорѣе на шайки понизовой вольницы. При первомъ обозрѣніи губерніи и по ознакомленіи съ положеніемъ дѣлъ на Иргизахъ, онъ тотчасъ-же составилъ себѣ планъ дѣйствій. Еще до пріѣзда Степанова, 18 декабря 1835 года, послѣдовало повелѣніе объ учрежденіи въ заволжскихъ равнинахъ — примыкающихъ къ Иргизу и расходящихся далеко въ открытую степь, между Ураломъ, Волгою и орлынскими степями,—большею частію заселенныхъ раскольниками, трехъ новыхъ уѣздовъ: Николаевскаго, Царевскаго и Новоузенскаго. Въ началѣ 1836 года послѣдовало торжественное открытіе самихъ городовъ: Николаева, Новоузенска и Царева. Въ черту Николаева введенъ былъ одинъ изъ бывшихъ иргизскихъ раскольничьихъ монастырей, Средне-Никольскій, принявшій единовѣріе еще при князѣ Голицынѣ. Съ остальными монастырями пришлось вѣдаться Степанову. Познакомившись съ положеніемъ дѣлъ, Степановъ сообщилъ въ Петербургъ, что настало время дѣйствовать. Ему отвѣчали, что онъ имѣетъ употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, не прибѣгая къ насилію: какъ и всегда, Степанову указывали одинъ путь – убѣжденіе.

Для приведенія своихъ плановъ въ исполненіе, Степеновъ командировалъ на Иргизы лицъ, на которыхъ онъ могъ положиться, и ожидалъ бльгополучнаго исхода дѣла. Между тѣмъ, эстафеты принесли ему извѣстіе, что до 27 тысячъ раскольничьяго населенія, всѣ окрестныя села, слободы, хутора и уметы готовы грудью стать за иргизскія общины. Степановъ вызвалъ обратно своихъ чиновниковъ. Насколько были правы чиновники, сообщившіе Степанову, что до 27 тысячъ народу готовятся къ бунту, неизвѣстно; но только въ такомъ видѣ дѣло представлено было въ Петербургъ. Это было въ мартѣ 1837 года. Черезъ нѣсколько дней изъ Пе-

тербурга, съ фельдъегеремъ, получено было распоряженіе д[...] ствовать силой съ употребленіемъ воинскихъ командъ». Степан[...] немедленно вытребовалъ двѣ артиллерійскія батарейныя ко[...] квартировавшія въ Хвалынскѣ и Вольскѣ. Батареи, подъ на[...] ствомъ командировъ барона Розена и Соколовскаго, съ оруді[...] и полнымъ вооруженіемъ, переправились черезъ Волгу и ста[...] Мечетной слободѣ, уже считавшейся въ то время городомъ Ни[...] лаевымъ. Изъ Саратова Степановъ приказалъ отправить двѣ [...] оруженныя роты мѣстныхъ войскъ съ достаточнымъ запасомъ [...] троновъ. Роты должны были слѣдовать въ Николаевъ экстр[...] на подводахъ, заблаговременно выставленныхъ на станціяхъ. В[...] стѣ съ тѣмъ полиціймейстеръ Демостико, по приказанію Ст[...] нова, отправилъ въ Николаевъ, также экстренно, пожарную ком[...] отъ всѣхъ частей Саратова, съ пожарными трубами и десят[...] нымъ числомъ пожарныхъ солдатъ подъ начальствомъ бранд[...] стера штабсъ-капитана Акимова. Самъ Степановъ выѣхалъ [...] Саратова вслѣдъ за тѣмъ, въ сопровожденіи чиновниковъ и ду[...] венства. Вся эта экспедиція направилась въ Николаевъ, леж[...] въ нѣсколькихъ верстахъ отъ иргизскихъ общинъ. Въ Никол[...] власти освѣдомились, что монастыри обложены массами собра[...] гося изъ окрестностей населенія, готоваго защищать «святыя о[...] тели», сошлось болѣе двадцати тысячъ народу, женщинъ и дѣ[...] Въ виду такого положенія дѣлъ, власти совѣщались относител[...] образа дѣйствій противъ собравшихся массъ. Положено было [...] на монастыри немедленно. 10-го марта, утромъ, военныя силы [...] ступили изъ Николаева. Впереди шла артиллерія, готовая дѣйст[...] вать по первому сигналу командировъ. За артиллеріею и при[...] ваемая артиллеристами, двигалась пожарная команда съ сво[...] бочками, наполненными водой. Затѣмъ шли двѣ роты солдатъ. С[...] пановъ и окружающіе его чиновники на время превратились [...] кавалеристовъ и слѣдовали вмѣстѣ съ командой. Народъ сто[...] спокойно, завидя это угрожающее шествіе войска. Женщины-[...] кольницы держали въ рукахъ дѣтей, ясно показывая этимъ, [...] не бунтовать онѣ вышли, а просить, разжалобить начальство. [...] касается самихъ иноковъ и инокинь, то они ждали приближ[...] войска въ своихъ кельяхъ, по монастырямъ. Еще въ Никол[...]

и условились, что когда батареи приблизятся къ народу и народъ не разойдется самъ собою и не откроетъ монасты-то должна была послѣдовать обыкновенная артиллерійская нда передъ открытіемъ артиллерійскаго огня, но только мни-вмѣсто пушекъ, по сигналу, должны были дѣйствовать по-ыя трубы водою. Такъ и было сдѣлано. Когда послѣдовала нда—«заряжай!»—«пли!» пожарныя трубы пустили воду въ дъ, сдѣлалось общее смятеніе, крики ужаса; женщины броси-бѣжать, полагая, что въ нихъ стрѣляютъ, и спасая себя и ъ дѣтей; мужчины были поражены неожиданностью и ужа- Все смѣшалось. Большинство народа обратилось въ бѣгство, лько зачинщики и подстрекатели были упорнѣе другихъ. Во я общей суматохи, солдаты бросились въ народъ и болѣе человѣкъ связали. Этихъ плѣнныхъ тотчасъ-же отправили Николаевъ. Къ четыремъ часамъ пополудни все было кончено. ти вступили въ монастыри и раскольники должны были поко-ся, признавъ совершившійся фактъ. Такъ покончили самостоя-ное существованіе иргизскія раскольничьи общины, съ тѣхъ превратившіяся въ единовѣрческіе монастыри. Большая часть ковъ и бѣльцовъ, особенно-же монахини и бѣлицы, которымъ ло было втеченіи 1837 года непремѣнно продать свои дома и , разбрелись по всей Россіи, разнося въ самые отдаленные края ныя сказанія о святомъ житіи въ уничтоженныхъ обителяхъ послѣднихъ дняхъ этихъ прославленныхъ въ памяти народа тоградовъ». Степановъ вскорѣ былъ уволенъ; какъ онъ добилъ рическіе остатки поволжской понизовой вольницы, таившейся въ стѣнахъ иргизскихъ общинъ, такъ его самого добило это-ргизское дѣло. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тридцать пять лѣтъ дъ подвизались раскольничьи угодники и гдѣ раздавался въ къ, во время полевыхъ работъ, голосъ молодыхъ бѣличекъ, ѣвавшихъ стихъ о «пустынѣ прекрасной», ростетъ теперь ве-лѣпная пшеница, составившая среднему Поволжью репутацію лѣбныхъ рынкахъ западной Европы, а у стѣнъ самихъ оби-й нерѣдко слышатся подмывающіе мотивы изъ Оффенбаха. рику остается только освѣщать и очищать отъ постороннихъ ѣсей факты и, бросая ихъ на вѣсы исторической критики,

выводить сравнительныя заключенія, насколько одни факты останавливали поступательнный ходъ человѣческихъ обществъ къ искомому ими счастью и насколько другіе ускоряли ходъ. Кто знаетъ, можетъ быть пшеница и Оффенбахъ не хуже Голицына и Степанова повліяли-бы на уничтоженіе иргизскихъ общинъ и притомъ безъ насилія, отъ котораго почти никогда не бываютъ чужды дѣйствія человѣческія.

XXVIII.

Обращаясь теперь къ другой сторонѣ разсматриваемаго нами историческаго процесса развитія общественной жизни въ Поволжьи и сопоставленіемъ послѣдовательнаго ряда фактовъ и явленій съ результатами, въ концѣ концовъ возникавшими изъ этихъ фактовъ и явленій, освѣщая, такъ сказать, этотъ историческій процессъ, мы не можемъ не видѣть того неотразимаго значенія, какое оказывали иргизскія раскольничьи общины, во все время своего существованія, какъ на самый ходъ народныхъ движеній въ восточной половинѣ Россіи, такъ и на развитіе соціальной жизни русскаго востока. Нѣтъ сомнѣнія, что развитію этому помогла борьба двухъ силъ, изъ которыхъ всегда слагается жизнь народовъ и государствъ — силы центробѣжной и центростремительной. Иргизскія раскольничьи общины, какъ извѣстно, были ядромъ и центромъ нравственнаго тяготѣнія тѣхъ именно элементовъ, изъ которыхъ, начиная съ XVI вѣка, исходили народныя движенія, вступавшія въ борьбу съ существовавшими въ свое время государственными порядками и нерѣдко помогавшія ихъ упроченію. Къ иргизскимъ общинамъ, такъ сказать, притекали живые соки изъ всего Поволжья, Подонья, и Поуралья, т. е. изъ тѣхъ именно мѣстностей Россіи, которыя, въ разное время существованія нашего отечества, успѣли выставить Ермака — покорителя Сибири, Стеньку Разина, затѣмъ Булавина и Некрасова, потомъ Пугачова и цѣлый рядъ самозванцевъ, преслѣдовавшихъ одинаковую съ Разинымъ идею народной общественности, наконецъ, безчисленный контингентъ понизовой вольницы, во главѣ которой стояли ата-

мавы—Заметаевъ, Кулага, Брагинъ, Дегтяренко, поповичъ Данило Ильинъ, неудачно подражавшій Разину, поповичъ Петька Казанскій, взбунтовавшій не только волжское войско, но и калмыцкую орду, Беркутъ и другіе. Посмотримъ теперь, какъ основались и при какихъ обстоятельствахъ развивались иргизскія общины. Императрица Екатерина II, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по принятіи державы, въ изданномъ 4 декабря 1762 года манифестѣ, между прочимъ, объявляла: «По вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ, главнымъ правиломъ мы себѣ постановили, чтобы навсегда имѣть наше матернее попеченіе и трудъ о тишинѣ и благоденствіи всей намъ ввѣренной отъ Бога пространной имперіи и о умноженіи въ оной обитателей». Далѣе говорилось: «а какъ намъ многіе иностранные, равнымъ образомъ и отлучившіеся изъ Россіи наши подданные бьютъ челомъ, чтобы мы имъ позволили въ имперіи нашей поселиться, то мы всемилостивѣйше симъ объявляемъ, что не только иностранныхъ націй, *кромѣ жидовъ*, благосклонно съ нашею обыкновенною императорскою милостію, на поселеніе въ Россіи пріемлемъ и наиторжественнѣйшимъ образомъ утверждаемъ, что всѣмъ приходящимъ къ поселенію въ Россію наша монаршая милость и благоволеніе оказывано будетъ, *но и самимъ до сего бѣжавшимъ изъ своего отечества подданнымъ возвращаться позволяемъ*, съ обнадеживаніемъ, что имъ хотя-бы по законамъ и слѣдовало учинить наказаніе, но однакожъ всѣ ихъ до сего преступленія прощаемъ, надѣясь, что они, возчувствовавъ къ нимъ сіи наши оказываемыя матернія щедроты, потщатся, поселясь въ Россіи, пожить спокойно и въ благоденствіи, въ пользу свою и всего общества» *). Затѣмъ, 14 декабря, сенатъ, ссылаясь на этотъ манифестъ, публиковалъ во всеобщую извѣстность о тѣхъ мѣстностяхъ, которыя предназначались для поселенія выходцевъ изъ-заграницы. «Усматривая изъ дѣлъ (говоритъ сенатъ), что между прочими до сего бѣжавшими изъ своего отечества въ Польшѣ и въ другихъ за-границею мѣстахъ немалое число находится раскольниковъ, которые, не имѣя понятія о силѣ законовъ, страшась притѣсненія или истязанія, опасаются выходить», и что

*) Указы Екат. II, 1763—1779, стр. 161—162.

«потому, имѣя съ святѣйшимъ правительствующимъ сунодомъ конференцію», сенатъ «за благо опредѣлилъ симъ ея императорскаго величества указомъ всѣмъ живущимъ за-границей россійскимъ раскольникамъ объявить, что имъ позволяется выходить и селиться особыми слободами не только въ Сибири, на Барабинской степи и другихъ порожнихъ отдаленныхъ мѣстахъ, но и въ воронежской, бѣлогородской и казанской губерніяхъ, на порожнихъ-же и выгодныхъ земляхъ, гдѣ полезнѣе быть можетъ». Къ этому сенатъ присовокуплялъ, въ видахъ пріохоченія раскольниковъ возвращаться въ Россію, что, во-1-хъ, «они въ разсужденіи добровольнаго ихъ выходу, нетокмо за побѣги въ винахъ ихъ, но и во всѣхъ до сего преступленіяхъ прощаются и отнюдь ни чѣмъ истязуемы не будутъ», во 2-хъ, что «какъ въ бритьѣ бородъ, такъ и въ ношеніи указнаго платья никакого принужденія имъ чинено не будетъ, но оное употреблять имѣютъ по ихъ обыкновеніи безпрепятственно»; въ-3-хъ, что «дается каждому на волю, къ помѣщикамъ-ли своимъ кто идти пожелаетъ, или государственными крестьянами и въ купечество записаться пожелаетъ, а противъ желанія никто инако приневоленъ быть не имѣетъ»; въ 4-хъ, что «съ начала выхода ихъ, раскольниковъ, при поселеніи, каждому дается отъ всякихъ податей и работъ льготы на шесть лѣтъ», но что всѣ эти милости относятся только до тѣхъ раскольниковъ, которые вышли изъ Россіи до манифеста 4 декабря 1762 года и доселѣ «за-границею странствуютъ», а что новые бѣглецы будутъ жестоко наказаны, и что, наконецъ, въ-5-хъ, раскольники могутъ свободно являться, для перехода въ Россію, во всѣ пограничные города и крѣпости, а равно въ форпосты. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторамъ велѣно было принимать ихъ безъ задержекъ, давать вспоможенія, квартиры, отводить мѣста и проч. Для поселенія этихъ выходцевъ отведены были громадныя пространства земель: близъ Тобольска, въ Барабинской степи *нѣсколько сотъ тысячъ* десятинъ богатыхъ и плодоносныхъ земель; потомъ по рѣкамъ: Убѣ, Ульбѣ, Березовкѣ, Глубокой и другимъ, впадающимъ въ Иртышъ, и въ вятской губерніи; наконецъ за Волгой — болѣе 70,000 десятинъ, начиная отъ Саратова вверхъ по Волгѣ, въ урочищѣ Раздорахъ, по рѣкамъ Караману и Телязику, при урочищѣ Заумор-

скомъ Рвойкѣ, при рѣчкахъ Тишанѣ, Вертубани, Иргизѣ, отъ Саратова внизъ по Волгѣ—у рѣчекъ Мукаръ-Тарлыкъ, Безымянной, Маломъ Тарлыкѣ, Большомъ Тарлыкѣ, у Камышева буерака, по Еруслану и при Яблонномъ буеракѣ, наконецъ, по рѣкѣ Сакмарѣ, по Самарѣ и Капели *). Такимъ образомъ, все Заволжье, всѣ богатыя земли, раскинувшіяся между Волгой и Ураломъ, тѣ равнины, которыя, будучи орошены рѣками, наиболѣе плодородны— все это предоставлено было выходцамъ изъ за-границы и другимъ бродячимъ элементамъ. Такими выходцами являлись сначала русскіе раскольники, потомъ нѣмецкіе колонисты. Въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ они заняли все Заволжье. Это были такіе же новонасельники въ необитаемыхъ равнинахъ Заволжья, какими раньше ихъ являлись въ Сѣверной Америкѣ новонасельники изъ старой Англіи, создавшіе потомъ сильнѣйшую и богатѣйшую въ мірѣ державу — Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Пустынное Поволжье, по которому въ теченіи многихъ столѣтій бродили только кочующія орды киргизовъ и калмыковъ да рыскали сайгаки, покрылось богатыми селами, слободами, хуторами, уметами, поселками и, наконецъ, нѣмецкими колоніями. Раскольники создали села и слободы — Мечетную, Криволучье, Кормяжку, Пузановку, Сухой Острогъ, Большой и Малый Кушумы, Балаково, громадная хлѣбная торговля котораго отражается повышеніемъ и пониженіемъ цѣнъ на хлѣбныхъ рынкахъ Англіи Франціи и другихъ гусударствъ Европы: вообще было-бы трудно перечислять здѣсь всѣ тѣ села и слободы, которыя выросли за Волгой съ появленіемъ вышедшихъ изъ-за-границы раскольниковъ. Рядомъ съ ними нѣмцы создали свое нѣмецкое царство за Волгой, перенося въ пустынныя дотолѣ степи цѣликомъ почти всю Швейцарію, имена кантоновъ которой они дали своимъ колоніямъ. Такъ рядомъ съ раскольничьими слободами за Волгой явились колоніи: Базель, Гларусъ, Золотурнъ, Люцернъ, Цюрихъ, Цугъ, Унтервальденъ, Шафгаузенъ, Брокгаузенъ, Гогонбергъ, Сузаненталь, Нидермонжъ, Екатериненштадтъ (знаменитый Баронкъ, въ которомъ благодарные нѣмцы поставили памятникъ Екатеринѣ II),

*) Указы Екат. II, стр. 165—171.

и т. д. Все это выросло какъ изъ земли и во всемъ этомъ закипѣла жизнь, развитіе которой шло быстрыми шагами. Вотъ среди этого-то новаго міра, среди такъ сказать русскаго *Новаго свѣта* возникали и иргизскія общины, подобно общинѣ мормоновъ въ Утахѣ, и стали центромъ нравственнаго тяготѣнія не только всего новаго заволжскаго, исключительно раскольническаго населенія, но и цѣлаго Поволжья, Подонья и Поуралья, какъ мы говорили выше.

XXIX.

Посмотримъ теперь, среди какихъ условій развивалась эта жизнь, нравственнымъ средоточіемъ которой стали иргизскія раскольничьи общины, изъ какихъ элементовъ возникла эта жизнь и какія главныя историческія явленія сопровождали ея развитіе. Все среднее и нижнее Поволжье, начиная отъ Сенгилея и Самарской Луки до Астрахани, можно по справедливости назвать «колоніею бѣглыхъ». Послѣ паденія царствъ казанскаго и астраханскаго, Волга стала большою открытою дорогою для всякой вольницы. Все, что не уживалось въ центральныхъ губерніяхъ, шло на Волгу или для разбоя, или для поселенія. «Юрьевъ день», лишившій русскій народъ свободы передвиженія съ мѣста на мѣсто, заставилъ его цѣлыми массами, разрывая всякія связи съ помѣщичьимъ закрѣпленіемъ, идти на Волгу, куда еще не проникла ни власть бояръ и помѣщиковъ, ни созданная крѣпостнымъ правомъ администрація. Первая вольница и первые новонасельники Поволжья начали осаживаться около Самарской Луки, а оттуда все подвигались ниже до Саратова. Покрытыя высокими лѣсами Жигули, съ естественными пещерами и другими удобствами, были первоначальными становищами для поволжской вольницы. Съ своихъ сторожевыхъ пикетовъ вольница слѣдила за всѣмъ, что дѣлалось на Волгѣ, и почти ни одно судно, везшее товары изъ Персіи, не проходило, чтобы не быть аттакованнымъ съ крикомъ: «сарынь на кичку». Убѣгавшее судно, спасаясь по одну сторону Луки, было перехватываемо по другую ея сторону, ибо вольница, потерявъ его изъ

виду, входила на своихъ лодкахъ въ рѣчку Усу, перерѣзывающую Луку въ поперечномъ направленіи, и настигала спасшееся судно въ другомъ концѣ Луки. Тамъ были въ свое время становища и покорителя Сибири — Ермака и его сподвижника Ивана Кольцо. Тамъ же было укрѣпленное окопами становище атамана Герасима. Кромѣ бѣглецовъ, бездомниковъ и вольницы, эту часть Поволжья начали заселять и другого сорта люди, привлеченные туда естественными богатствами, удобствами рыбной ловли, мѣсторожденіями горючей сѣры и соляными ключами. Такъ торговый человѣкъ Надѣй Свѣтешниковъ и его сынъ Иванъ, еще въ царствованіе Михаила Феодоровича, завели близъ разбойничьей рѣчки Усы соляныя варницы, получившія названіе «Надѣинскаго усолья», а позднѣе, близъ нынѣшняго села Ширяева Бурака началась разработка сѣры, вслѣдствіе чего это село и теперь называется «Сѣрнымъ Городкомъ», хотя разработка сѣры давнымъ давно оставлена. Надѣйскія соляныя варницы впослѣдствіи перешли въ вотчину Саввину-Сторожевскому монастырю, старцы котораго, въ качествѣ управителей вотчины, особенно келарь Леонтій Моренцовъ, съумѣли захватить до нѣсколькихъ милліоновъ десятинъ свободной, привольной земли и заселили ее мордвой, чувашами и бѣглыми отъ помѣщиковъ крестьянами и холопами. Вотъ гдѣ начало великой «колоніи бѣглыхъ», ставшей впослѣдствіи богатымъ Поволжьемъ. Вмѣстѣ съ бѣглыми и вольницей пробиралось сюда и осѣдлое, но недовольное населеніе. Сюда же тянулись и раскольники, которымъ послѣ Никона не жилось въ центральныхъ губерніяхъ и которые искали укрыться отъ новыхъ порядковъ на украинахъ—сѣверной поморской и поволжской. Въ Поволжьи закипѣла жизнь, безпорядочная, разгульная, которая вызывала смиряющую руку правительства и установленіе формъ государственности. Явилось царское «недреманное око» на Волгѣ. Изъ Казани были отправлены стрѣлецкіе головы Гордѣй Пальчиковъ и Сунгуръ Соковнинъ, изъ которыхъ первому приказано было поставить «острогъ» на устьѣ разбойничьей Усы, и отъ этого острога Волгою внизъ до Самары, а Усою вверхъ «посылати на легкихъ стругахъ почасту»; Соковнину указывалось— «ѣхать до переволоки, гдѣ переволочаться съ Волги на Усу рѣку и разсмотря крѣпкаго мѣста, поставить острожекъ и въ острожкѣ

укрѣпиться, а укрѣпясь стояти съ великимъ береженіемъ, чтоб воровскіе люди безвѣстно откуда не пришли и дурна которая не учинили, да и рыбныхъ ловцовъ оберегати, чтобъ ихъ воровскіе люди не погромили». Съ каждымъ годомъ «колонія бѣглыхъ» ширилась и крѣпла и «недреманное око» должно было доглядать все дальше и дальше. Тогда боярину Хитрово поручено было построить новый городъ, именно «Симбирскъ», который и укрѣпленъ былъ по всѣмъ правиламъ тогдашней русской фортификаціи. Отъ него пошла «черта» — земляной валъ со рвомъ, увѣнчанный деревяннымъ тыномъ и защищенный по мѣстамъ засѣками, башнями и острогами. Отчасти подъ прикрытіемъ этой «черты», еще болѣе ширилась «колонія бѣглыхъ», такъ что къ концу XVII вѣка «недреманное око» пришлось перенести еще ниже по Волгѣ и основать городъ Сызрань. Смѣлые бродники переходили за черту, вдаль отъ формъ государственности, такъ что чѣмъ ниже, тѣмъ смѣшаннѣе и разгульнѣе становилось населеніе «бѣглой колоніи»: все это было, какъ и теперь выражаются крестьяне—«всякій сбродъ да наволока». Преслѣдуемые помѣщиками и другимъ начальствомъ, новонасельники прибѣгали къ разнымъ уловкамъ чтобъ уклониться отъ исполненія земскихъ повинностей, которыя и тамъ уже заводились, и потому записывались въ одни дворы съ другими семействами, подъ именами «сосѣдовъ», «подсосѣдниковъ», «захребетниковъ», такъ что этотъ сбродъ и наволока, по ихъ же выраженію, «въ одни ворота ѣздили по десяти дворовъ». Непосѣдность такимъ образомъ была главнымъ характеромъ новаго поволжскаго населенія. Такъ въ селѣ Рожественномъ, у Самарской Луки, жители жаловались, что они обижены самарцами, захватившими у нихъ островъ, и пренаивно угрожали властямъ что если имъ не возвратятъ острова, то они всѣ «разбѣгутся розно». И дѣйствительно, въ 1706 году у пензенскаго помѣщика, впослѣдствіи извѣстнаго дипломата графа Головкина, отобрано 700 бѣглыхъ мужиковъ и возвращены въ Самарскую Луку *). Почти одновременно съ этимъ бѣглые и воровскіе люди, а за ними

*) Сборникъ историч. и статистич. матеріаловъ о симбирской губ., 1868 г., Симбирскъ, стр. 5—9.

и отшельники, раскольники стали появляться и основывать свои становища и скиты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ основались города Самара и Саратовъ. Тогда признано было необходимымъ перенести туда и недреманное око—построеніемъ городовъ и остроговъ, т. е. внесеніемъ административныхъ началъ для устрашенія какъ нашихъ воровскихъ людей, такъ и ногаевъ, которые сочли это для себя обидою и требовали срытія Самары, какъ писалъ астраханскій воевода, князь Лобановъ-Ростовскій, царю Θедору Ивановичу. Въ смутное время Самара была уже опаснымъ пунктомъ для бродячихъ элементовъ, все болѣе и болѣе укрѣплявшихся на Волгѣ, такъ-что Заруцкій похвалялся взять ее, надѣясь именно на эти бродячія силы, которыя пристали къ нему: «покамѣста-деи люди съ Москвы пойдутъ, а я-деи до тѣхъ мѣстъ Самару возьму, да и надъ Казанью промыслъ учиню» *); а бродячая молодежь прямо хвасталась: «намъ-деи все едино, гдѣ-бы ни добыть зипуновъ, и подъ Самарской можно идти съ Заруцкимъ» **). Совершенно ту-же роль «недреманнаго ока» долженъ былъ играть и Саратовъ, спеціально для этого построенный, когда воровскіе люди и отшельники угнѣздились въ этихъ мѣстахъ Поволжья, а равно такимъ же наблюдательнымъ постомъ сталъ Царицынъ. Уже акты XVII вѣка постоянно предостерегаютъ саратовскихъ и царицынскихъ воеводъ отъ лихихъ людей: «изъ Царицына, смотря по вѣстямъ, идти на Саратовъ съ великимъ береженіемъ... и идти степью, и на станѣхъ становиться съ великимъ береженіемъ и около конскихъ табуновъ, для береженья, посылати въ разъѣзды почасту и самимъ разъѣзжати въ день и въ ночь, а на станѣхъ, на караулѣхъ стояти бережно и усторожливо и во всемъ держати береженье великое, чтобы въ дорогѣ—и на станѣхъ... воры казаки или иные какіе воинскіе люди безвѣстно не пришли и никакого дурна не учили» ***). Эти воинскіе люди—собственно «воровскіе казаки», а вмѣстѣ съ ними бѣглые холопи, потому особенно любили Волгу, что кромѣ вольнаго раздолья и безподатного житья, она

*) Акты истор., III, № 250—253.

**) Городскія поселенія въ россійской имперіи, т. IV. Спб. 1864 года, стр. 362—369.

***) Акты историч., IV, № 13, о сторожевой службѣ, стр. 426.

преслѣдовала легкую добычу: торговые люди, [illegible] [illegible] дѣла съ восточными купцами, и царскіе караваны съ царскими [illegible] были облюбованы вольницей безнаказанно. Кромѣ Ермака съ его сотоварищами и кромѣ Разина, историческіе акты упоминаютъ и атамановъ Андрюшку Голицына, [illegible] съ своими шайками на Волгѣ, Курдюку, Черкасу и Терешкѣ, и на Тереке Шелковскаго, дѣйствовавшихъ также. Около этихъ же мѣстъ были становища Кудеяра и Кумскаго, а около нынѣшней «Дѣвичьей горы», на самой Волгѣ, странное становище атамана-женщины «дѣвушки Пелагеюшки» *). Къ довершенію зла, въ этой стали распространявшейся и окрѣпшей вольницѣ бѣглыхъ и самое [illegible] [illegible] [illegible] себя небезукоризненно. Такъ въ актахъ видно, что «по своимъ дѣламъ вѣдомо учинилось, будто астраханскій воевода князь Хованскій съ дьякомъ Позднѣевымъ не только своимъ ремесломъ захватывали казенное имущество, многія дѣла дѣлали не по указамъ, недовѣдавши людей травили» и т. п., но и подговаривали ордынцевъ нападать на казаковъ и наоборотъ, и тѣмъ вызывали набѣги, разоренія. Другіе царскіе слуги управляли не лучше и «государеву дѣлу чинили поруху» **). Понятно, что при такихъ порядкахъ сюда быстро стекались бродячіе и безпокойные элементы Россіи и все, что имѣло силу гулять,—гуляю, кромѣ, разумѣется, старцевъ-раскольниковъ, которые ютились по своимъ уединеннымъ хуторкамъ, умётамъ и скитамъ, давая въ то же время пріютъ гулявшей вольницѣ. Преслѣдованіе раскольниковъ гнало ихъ цѣлыми массами то въ Польшу, то на Волгу, подъ прикрытіе удалыхъ добрыхъ молодцовъ. Сюда же потянулись въ свое время и стрѣльцы, которыхъ вольности были подрѣзаны, а съ собою эти люди могли принести сюда, конечно, и свои завѣтныя бороды, и старое перстное сложеніе и неуказное платье. За ними опять-таки тянулись бѣглые холопы, которымъ все равно было какое платье ни носить, какими бы перстами ни молиться, лишь бы избавиться отъ боярской тяготы.

*) Списки населенныхъ мѣстъ россійской имперіи, XXXVIII. Саратовская губернія, 1862, XXVIII—XXIX.

**) Акты историч., IV, №№ 32, 42. Дополн. къ акт. истор. №№ 62, 63, т. II и т. VII, 17.

XXX.

Вотъ въ какомъ состояніи было среднее Поволжье, когда въ Польшу и въ другія далекія заграничныя мѣста пришла вѣсть о томъ, что скрывавшіеся тамъ отъ царскаго и боярскаго гоненья раскольники. бѣглые холопы и все, что ушло за-границу отъ давленія извѣстныхъ порядковъ—могутъ безбоязненно возвращаться въ Россію, что не только въ Россіи не встрѣтитъ ихъ наказаніе за побѣгъ и прежнія преступленія, но ожидаютъ разныя льготы и богатыя, земли на придачу. Явившіеся изъ Польши выходцы—раскольники и другія личности, не уживавшіяся прежде съ русскими порядками, скитавшіяся за-границей въ качествѣ первыхъ русскихъ эмигрантовъ, прямо направились къ Иргизу, тогда еще пустынному, никѣмъ ненаселенному, но уже получившему извѣстность въ Польшѣ и въ другихъ мѣстахъ за-границей. Извѣстность эта обусловливалась разными обстоятельствами. Между проживавшими въ Польшѣ русскими эмигрантами, не только раскольниками, но и политическими отщепенцами, были такіе, которые или лично знали удобства Иргиза, или слышали объ этихъ удобствахъ отъ тѣхъ, которымъ Иргизъ былъ извѣстенъ. какъ очевидцамъ. Въ бездомной тогда, дикой заволжской степи Иргизъ представлялъ дѣйствительно исключительное явленіе: извилистый, многоводный, протекая по пустынной степи, онъ привлекалъ уже тѣмъ, что берега его были покрыты богатыми рощами разнообразнаго лѣса. Уже кочевыя орды, изъ столѣтія въ столѣтіе бродившія по безводнымъ и безлѣснымъ заволжскимъ равнинамъ, часто были привлекаемы его удобствами и слѣды ихъ становищъ оставались долго замѣтными. Тамъ имѣли свои жилища и татары,—такъ что вышедшіе изъ Польши раскольники нашли тамъ еще остатки разрушенныхъ татарскихъ мечетей. Русскимъ эмигрантамъ, бродившимъ за-границей, и раскольникамъ, бѣжавшимъ за польскую границу, было небезъизвѣстно, что и въ старину на Иргизахъ жизнь была привольная; что удаль молодецкая, тѣснимая на Волгѣ, особенно со второй половины прошлаго вѣка, разъѣзд-

ными командами, уходила отъ недреманнаго ока начальства въ степь, именно на Иргизы, гдѣ и прежде удалымъ добрымъ молодцамъ было раздолье и куда не досягали ни разъѣздныя лодки, ни ненавистныя пушки казенныхъ баркасовъ. Иргизы, какъ это доказываютъ и историческіе акты, уже прославлены были знаменитыми подвигами атамановъ, отдѣлившихся отъ волжской понизовой вольницы и перенесшихъ свою удалую практику въ глубь степей, именно атамановъ—Трени, Уса и Максима Дутой Ноги *). Сюда именно, на старыя и заброшенныя становища Трени Уса и Максима Дутой-Ноги, и пришли польскіе раскольники и русскіе вольнодумцы прошлаго вѣка, эмигрировавшіе за-границу во время бироновщины и другихъ смутъ, изобличавшихъ политическія броженія русскаго общества первой половины XVIII столѣтія. И тѣхъ и другихъ связывала общность политическихъ интересовъ: и тѣ и другіе не были сторонниками существовавшаго порядка; и тѣ и другіе не были ни «покорными» ни «согласниками»—оттого они и шли не въ центральную старую Россію, порядки которой имъ были нелюбы, а на пустынную окраину, гдѣ они, находясь въ Россіи, были какъ бы внѣ Россіи, составляли какъ бы отдѣльное государство. Повторяемъ, это были своего рода мормоны, которые искали основать свое государство, котораго они не могли основать за границей по тѣснотѣ тамошняго населенія и по прочности уже окристализовавшихся тамъ извѣстныхъ гражданскихъ и политическихъ порядковъ. Цѣлая непрерывная цѣпь тайныхъ союзниковъ связывала этихъ пришельцевъ съ ихъ единомышленниками въ Польшѣ и за-границей: эта тайная цѣпь шла черезъ Донъ, черезъ уединенные хутора тамошнихъ раскольниковъ и черезъ Малороссію, доходя до форпоста Добрянки у русской границы. Эта тайная цѣпь искусно связала всю хитрую интригу, которая подготовляла взрывъ пугачовщины, и иргизскія общины были первыми руководителями этого крупнаго народнаго движенія. Когда Пугачовъ, еще не помышлявшій о самозванствѣ, первый разъ принужденъ былъ бѣжать изъ своей станицы и не зналъ гдѣ голову приклонить, то раскольникъ Худяковъ вывезъ его въ малороссій-

*) Городскія посел., IV, 386.

скую степь и далъ возможность пробраться къ Изюму, къ раскольнику Коровкѣ. Коровка направилъ его въ Польшу. На пути туда онъ зашелъ въ Стародубъ, въ тамошній монастырь, «гдѣ живутъ всѣ раскольники и бѣглыхъ великій притонъ», говорилъ о себѣ впослѣдствіи Пугачовъ на допросахъ. Тамъ онъ жилъ пятнадцать недѣль у старца Вавилы. Оттуда пробрался въ Польшу. Изъ Польши вышелъ на Добрянку, на пограничный форпостъ, уже въ качествѣ выходца. Тутъ онъ, въ Карятинѣ, объявилъ намѣреніе поселиться на Иргизѣ. Тутъ-же познакомился онъ съ раскольникомъ Кожевниковымъ и тутъ въ первый разъ услышалъ соблазнительное слово отъ этого раскольника: «Слушай, мой другъ! если ты хочешь бѣжать за Кубань, то бѣжать одному не можно. Хочешь ты пользоваться и начать лучшее намѣреніе? Есть люди здѣсь, которые находятъ въ тебѣ подобіе государя Петра Федоровича. Прими ты на себя это званіе и поди на Яикъ. Я точно вѣдаю, что яицкіе казаки притѣснены; объявись тамъ подъ симъ именемъ и подговаривай ихъ бѣжать съ собою. Обѣщай яицкимъ казакамъ награжденіе, по 12-ти рублей на человѣка; деньги-жъ, если будетъ нужда, я вамъ дамъ, и прочіе помогутъ, съ тѣмъ только, чтобъ вы насъ, раскольниковъ, взяли съ собою, ибо намъ здѣсь жить, старовѣрамъ, стало трудно и гоненіе намъ дѣлаютъ непрестанное». Затѣмъ Пугачова направили на Иргизъ, въ слободу Мечетную, къ игумену Филарету *). Дальнѣйшія обстоятельства этого дѣла всѣмъ извѣстны: старецъ Филаретъ поднялъ на ноги всю Россію, благословилъ своимъ раскольничьимъ крестомъ Пугачова, его простыя посконныя знамена, его малую дружину, ставшую черезъ нѣсколько мѣсяцевъ стотысячною арміею. На Иргизахъ же, какъ извѣстно, шли совѣщанія донскихъ и яицкихъ казаковъ о томъ, какъ-бы имъ «Россійскую державу вверхъ дномъ поставить!» Въ этихъ совѣщаніяхъ принимали участіе и гайдамаки (Дударенко) и на этотъ подвигъ благословлялъ ихъ старецъ Питиримъ **). Наконецъ иргизскія общины связаны съ именемъ Лжеконстантина, явившагося вскорѣ послѣ скорбныхъ событій 1825 года. Народъ вѣрилъ

*) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн., 1858, кн. 2, стр. 1—52.

**) Гайдамачина, стр. 475—478.

что иргизскіе старцы въ состояніи были поднять на ноги всѣ беспокойные элементы, представителемъ которыхъ выставилъ себя Лжеконстантинъ, производившій смуты въ Ошмятовкѣ, Романовкѣ и другихъ мѣстностяхъ *). Эти три крупные факты въ исторіи народныхъ движеній, по внутренней связи ихъ съ иргизскими раскольничьими общинами, служатъ неоспоримымъ доказательствомъ того громаднаго вліянія, какое имѣли на всю народную исторію послѣдняго вѣка нравственные рычаги, опиравшіеся на пяти невѣдомыхъ, укрывавшихся въ красивой зелени иргизскихъ рощъ «древлеотеческихъ обителей». Слово старцевъ, которымъ вѣрилъ народъ, могло поднять на ноги тысячи жаждавшихъ измѣненія къ лучшему своего экономическаго и моральнаго положенія и только 19 февраля 1861 года поворотило народъ на ту дорогу, съ которой уже безсильно своротить его слово всѣхъ «старцевъ» вмѣстѣ взятыхъ. Великую силу имѣло также въ глазахъ народа и слово женщины, воспитанной въ иргизскихъ скитахъ, а воспитаніе въ нихъ получили если не непосредственно, то рефлективно, почти всѣ женщины цѣлаго юговостока Россіи, именно тѣхъ классовъ, въ которыхъ постоянно жили бродячіе, безпокойные элементы. Эти женщины были жены, сестры и въ особенности матери тѣхъ, которыхъ такъ легко электризировали слова старцевъ-скитниковъ, и эти матери, вскормившія и воспитавшія въ своихъ понятіяхъ и вѣрованіяхъ всю молодежь богатаго и обширнаго Поволжья, а равно Подонья и Поуралья, могли заставить и заставляли эту молодежь — дѣтей своихъ и стариковъ мужьевъ своихъ идти туда, куда указывали онѣ—женщины и старцы скитники, «люди божіи». Выше мы видѣли, что на Иргизахъ перебывали тысячи женщинъ съ Дона, Урала и Волги, и эти женщины живали тамъ долго, напитываясь духомъ тамошнихъ вѣрованій, и женщинъ было въ скитахъ на 500—600 проц. болѣе чѣмъ мущинъ.

Однако, указывая на три вышеупомянутые крупные факта въ исторіи народныхъ движеній, историкъ обязанъ пояснить, что тотъ сдѣлалъ-бы грубую ошибку противъ исторической правды, кто, на основаніи вышеупомянутыхъ историческихъ фактовъ, сталъ-бы дѣлать заключеніе о томъ, что иргизскія рас-

*) Политич. движ. русск. народа, т. II, ст. 126—180.

кольничьи общины были ядромъ народныхъ смутъ, неповиновенія, безурядицы, непризнанія законной власти, источникомъ бунтовъ, самозванствъ, разбоевъ и всѣхъ ужасовъ, въ которыхъ повинна вся исторія понизовой вольницы и которыхъ кровавая память несправедливо лежитъ темнымъ, еще доселѣ несмытымъ пятномъ на страницахъ исторіи всего русскаго народа. Иргизскія общины были русскимъ наслѣдіемъ старыхъ историческихъ вѣрованій всего русскаго народа, освященныхъ этою самою исторіею и санктированныхъ прежними верховными властями, которыя когда-то заодно вѣровали съ народомъ, однимъ съ нимъ перстнымъ сложеніемъ крестились и одинаковою съ нимъ любовью любили Россію, за которую охотно умирали подъ непріятельскими пушками, подъ татарскими ятаганами, подъ саблями поляковъ, подъ бердышами шведовъ, въ застѣнкахъ, на дыбахъ, въ крѣпостяхъ и холодной Сибири. Иргизскія общины, какъ и всѣ старообрядцы—это все тотъ же русскій народъ, съ его историческими капитальными достоинствами и съ его историческими, такими же капитальными недостатками: вся ихъ бѣда и вся ихъ положительно простительная вина состоитъ въ томъ, что они отстали отъ общаго хода русскаго общества, и въ то время, когда правительство и болѣе образованные и достаточные классы русскаго народа, узнавъ нѣчто новое и усвоивъ себѣ это новое, отметнулись отъ ненужныхъ, чисто обрядовыхъ вѣрованій старины, народъ, продолжая оставаться историческимъ младенцемъ, продолжалъ попрежнему мыслить и вѣровать, и могъ о себѣ сказать: «егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ смышляхъ, егда же-бы мужъ быхъ—отвергохъ-бы младенческая». Чувствуя иногда на себѣ непосильную тяжесть, взваленную на его плечи неудачно сложившимся ходомъ всей его исторической жизни, ощущая острыя боли, вызываемыя въ немъ то неумѣреннымъ наказаніемъ его за маловажные, чисто дѣтскіе проступки, то голодомъ и холодомъ, которому, какъ онъ ни былъ переносливъ, не могъ все-таки безропотно и съ охотою поддаться, тяготясь своею бѣдностью, при которой онъ все же долженъ былъ нести оброкъ то помѣщику, то «ярыжкѣ-приказному», онъ прибѣгалъ къ единственнымъ своимъ утѣшеніямъ — или къ религіи, а съ нею и къ «святому человѣку», къ старцу, рѣчь ко-

тораго и всѣ вѣрованія ближе гармонировали со всѣмъ его внутреннимъ міромъ, слѣдовательно въ иргизскіе или помѣщичьи скиты, или — если это утѣшеніе не помогало — къ цареву кабаку, къ зелену вину, а затѣмъ — къ дубинѣ, къ ножу, къ легкой лодочкѣ и проч. Старообрядцы и народъ одинаково чувствовали, что имъ тяжело, что они чѣмъ-то и кѣмъ-то тѣснимы, какъ говоритъ Кожевниковъ Пугачову, что на нихъ постоянно обращено чье-то «гоненіе»—и вотъ они всѣ вмѣстѣ, соединенными силами, хотятъ уйти куда-то на Волгу, за Волгу, на Яикъ, на Терекъ, на какую-то Лабу-рѣку, на Дарью-рѣку, въ Анапу, на Амуръ, наконецъ, пошли бы даже въ Америку и Австралію, еслибъ знали о существованіи этихъ странъ. А не пускаютъ ихъ—и они встаютъ поголовно, потому что такъ жить нельзя, не въ моготу. Кто-жъ тутъ виноватъ? Виноватъ-ли тутъ русскій народъ, виноваты-ли тутъ «старцы», ищущіе спасенія то въ «трегубой аллилуіи», то въ «хожденіи посолонь», то въ пѣніи стиха «о пустынѣ прекрасной», о «грѣшной душѣ»? Русскій народъ не виноватъ въ томъ, въ чемъ его винятъ прежніе историки—не виноватъ онъ ни въ пугачевщинѣ, ни въ понизовой вольницѣ, ни въ пожарахъ, ни даже картофельныхъ бунтахъ. Виновато его несчастное прошлое, съ которымъ онъ доселѣ не можетъ вполнѣ покончить своихъ счетовъ. Вотъ почему, обозрѣвая все это прошлое, историкъ можетъ съ увѣренностью и съ глубокимъ нравственнымъ утѣшеніемъ сказать, что едва ли не ошибались тѣ, которые жестокими мѣрами нарушали тишину и спокойствіе скитской жизни, заключали старцевъ въ остроги, ссылали въ Сибирь, обливали народъ изъ пожарныхъ трубъ водою на мартовскомъ морозѣ, что едва-ли эти мѣры были необходимы и исторически логичны: судъ исторіи никогда не оправдываетъ тѣхъ спѣшныхъ и въ свое время казавшихся настоятельно необходимыми мѣръ давленія, насилія и проч., къ коимъ люди, въ порывѣ понятнаго нетерпѣнія, всегда прибѣгаютъ вопреки неизмѣннымъ законамъ жизни, которая сама въ себѣ отрицаетъ насиліе и всякіе скачки, и можно сказать съ отрадной увѣренностью, что если бы спокойное существованіе скитовъ и подобныхъ имъ государственныхъ и общественныхъ аномалій оставлено было до 19-го февраля 61 года, то едва ли нужно было-бы при-

бѣгать къ пожарнымъ трубамъ—никакіе скиты и никакіе старцы не были бы страшны на томъ пути, на который съ той поры вступило наше отечество *).

1872.

*) Главными источниками при составленіи этого очерка служили архивныя дѣла, извлеченныя нами изъ губернскихъ архивовъ Саратова (изъ дѣлъ бывшихъ военныхъ губернаторовъ этого города и гражданскихъ губернаторовъ): 1) о иргизскихъ старообрядческихъ монастыряхъ и о передачѣ ихъ въ вѣдѣніе губернскаго начальства (дѣло 1827 года по описи № 909 — 986); 2) о иргизскихъ старообрядческихъ монастыряхъ и о проживающихъ въ нихъ людяхъ (1832 г. № 1 — 7); 3) по отношенію Амвросія, о развратномъ священникѣ Ивановѣ и о высылкѣ его въ пензенскую духовную консисторію изъ иргизскихъ монастырей (1820 г. № 608); 4) по отношенію преосвященнаго епископа саратовскаго о экономическомъ крестьянинѣ слободы Порубежкѣ Дмитріѣ Лоскутовѣ, дозволившемъ себѣ хоронить раскольниковъ въ первый день смерти (1832 г. № 1—6); 5) по донесенію инока средненикольскаго иргизскаго старообрядческаго монастыря Мельхиседека о подаренныхъ ему государемъ императоромъ часахъ и перстнѣ (1834 г. № 22, 63—17); 6) о буйственныхъ поступкахъ казенныхъ крестьянъ Петра Севастьянова съ прочими противу приходскаго священника Іоанна Державина (1835 г. № 7 — 1); 7) по отношенію епископа саратовскаго и миссіи учрежденной въ Саратовской губерніи по высочайшему повелѣнію къ приведенію раскольниковъ въ православіе (1833 г. № 78 — 28); 8) о старообрядцахъ и раскольникахъ разныхъ наименованій и сектъ, находящихся въ саратовской губерніи (1835 г. № 113 — 133); 9) по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ относительно появляющихся у старообрядцевъ бѣглыхъ попахъ и о высылкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, проживающихъ въ иргизскихъ монастыряхъ, къ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствамъ (1835 г. № 21); 10) по отношенію епископа саратовскаго, о снабженіи иргизскихъ старообрядческихъ монастырей описаніемъ древней плащаницы, изображающей перстное сложеніе креста по мнѣнію православныхъ (1833 г. № 65 - 26); 11) по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, о соблазнительныхъ дѣйствіяхъ старообрядческой дѣвки балашовскаго уѣзда, деревни Натальиной, Акулины Федоровой, и о найденномъ у нея подложномъ указѣ относительно въ оныхъ по раскольническимъ обрядамъ служенія (1836 г. № 48—91); 12) о передачѣ ограды, принадлежащей женскому нижнеуспенскому старообрядческому монастырю и келій, въ вѣдѣніе единовѣрческаго мужскаго монастыря (1873 .г № 89—60) и многія другія.

Движеніе въ расколѣ въ 30—40-хъ годахъ.

Мы намѣрены разсмотрѣть историческія движенія, послѣдовавшія въ расколѣ во второй четверти нынѣшняго столѣтія, преимущественно въ сороковыхъ годахъ, и выявившія особенную самостоятельность въ Поволжьѣ. Пособіемъ для этого мы имѣемъ довольно богатый запасъ неизданныхъ документовъ, относящихся къ данному предмету, извлеченныхъ нами преимущественно изъ архивныхъ дѣлъ судебныхъ мѣстъ, а равно изъ частныхъ бумагъ раскольниковъ, которые, имѣя вездѣ своихъ агентовъ, получали подробныя свѣдѣнія и копіи бумагъ по расколу, не рѣдко прежде, чѣмъ подлинники этихъ бумагъ доходили до того, кому оффиціально адресовались.

I.

Начало безпокойныхъ движеній въ поволжскомъ расколѣ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда правительствомъ положено было уничтожить главную опору этого раскола, такъ называемые «Иргизскіе раскольничьи монастыри».

Монастыри эти, числомъ пять, находились на рѣкѣ Иргизѣ за Волгой, въ нынѣшней самарской губерніи. Они основаны были раскольниками, вышедшими изъ-за границы, послѣ извѣстнаго манифеста императрицы Екатерины II, отъ 14-го декабря 1762 г.

коимъ дозволялось всѣмъ раскольникамъ, бѣжавшимъ изъ Россіи во время разныхъ гоненій и смутъ XVII и первой половины XVIII столѣтій, возвращаться въ отечество и селиться на особо отведенныхъ мѣстахъ.

Мы считаемъ излишнимъ упоминать, какое громадное нравственное значеніе Иргизскіе монастыри оказывали на народъ въ смутныя эпохи, ознаменовавшія вторую половину прошлаго вѣка; вліяніе это было не въ пользу существовавшихъ государственныхъ порядковъ. Такъ иргизскіе скиты служили главнымъ рычагомъ, которымъ двигалась извѣстная смута бывшаго «Яицкаго войска», смута, предшествовавшая пугачовщинѣ, и потомъ слившаяся съ нею. Рычагомъ этимъ скиты служили и во внутреннихъ смутахъ Донского войска, которое обнаруживало попытки отложиться отъ правительства въ пользу Пугачова. Рычагомъ служили Иргизскіе скиты въ дѣлѣ измѣны бывшаго «Волжскаго войска» въ пользу самозванца. На Иргизѣ же старецъ Филаретъ далъ первое благословеніе Пугачову и его посконнымъ съ раскольничьимъ крестомъ знаменамъ, подъ которыя стала цѣлая половина населенія всего юговостока Россіи и которыя «глупственное дерзновеніе предъявляли развѣваться надъ самымъ императорскимъ трономъ, яко то изрыгали скверныя уста самого злодѣя Емельки Пугачова».

Въ одномъ изъ Иргизскихъ монастырей послѣ того затѣяна была сложная, но неудавшаяся смута, въ которую втянуты были яицкіе и донскіе казаки, и даже запорожцы, въ лицѣ гайдамаковъ, похвалявшіеся «Россійскую Державу вверхъ дномъ поставить» и получившіе благословеніе отъ старца Питирима.

Наконецъ на Иргизѣ надѣялся получить благословеніе неизвѣстный самозванецъ, который, опираясь на бывшій заговоръ декабристовъ, принялъ на себя имя великаго князя Константина Павловича и слѣдовалъ за этимъ благословеніемъ изъ Москвы, но послѣ двухъ поднятыхъ имъ въ саратовской губерніи бунтовъ, въ Ошмятовкѣ и Романовкѣ, былъ схваченъ, не успѣвъ добраться до Иргиза.

Вслѣдъ за этой послѣдней, подавленной въ самомъ началѣ народной смутой, которая связана была съ именемъ расколь-

ничьихъ общинъ на Иргизѣ, и обращено было особенное внима-ніе на этотъ нравственный, весьма опасный центръ раскола, уни-чтоженіе котораго заняло весьма значительный періодъ времени отъ тридцатыхъ и почти до конца сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Въ 1837 году уничтоженъ былъ одинъ изъ наиболѣе автори-тетныхъ раскольничьихъ монастырей на Иргизѣ «средненикольскій». Свѣдѣнія объ этомъ важномъ событіи въ исторіи русскаго раскола сдѣлались извѣстными въ литературѣ только недавно *), но свѣдѣнія эти далеко не полны.

Въ настоящее время мы имѣемъ подъ руками драгоцѣнный историческій документъ объ этомъ событіи, ходившій въ руко-писи между приверженцами раскола и носящій заглавіе: «Исто-рическое описаніе обращенія средне-никольскаго, что на Иргизѣ, раскольничьяго монастыря въ единовѣрческій». Описаніе это,—есть основаніе полагать,—составлено однимъ изъ самыхъ безпо-щадныхъ «сокрушителей древняго благочестія на Иргизахъ», или «хоботомъ десятирожнаго звѣря», какъ называли раскольники бывшаго саратовскаго епископа Іакова, который дѣйствительно нанесъ роковой ударъ расколу въ Поволжьѣ, или кѣмъ либо изъ исполнителей его распоряженій. Описаніе это обстоятельно пере-даетъ подробности уничтоженія монастыря и вмѣстѣ съ тѣмъ разоблачаетъ тѣ ошибки и ту нераспорядительность бывшаго тогда саратовскаго губернатора Степанова (Александръ Петро-вичъ), которыя едва не подняли на ноги все крестьянское насе-леніе Поволжья, возставшее, какъ и въ пугачовщину, на защиту раскольничьяго «креста и бороды», а равно свободнаго пользова-нія богатыми поволжскими землями.

Главные факты изъ этого періода борьбы съ расколомъ, сгру-пированные въ «Описаніи», заключаются въ слѣдующемъ:

Въ 1836-мъ году, 1-го апрѣля, прибылъ изъ Петербурга въ Саратовъ, на мѣсто состоявшаго въ должности саратовскаго граж-данскаго губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Өедора

*) Послѣдніе годы Иргизскихъ раскольничьихъ общинъ» («Дѣло» 1872 г., №№ 1, 2 и 4).

Лукича Переверзева, помянутый Степановъ. При отправленіи Степанова, министръ внутреннихъ дѣлъ, съ высочайшаго соизволенія, поручилъ ему, «по пріѣздѣ въ саратовскую губернію дознать на мѣстѣ о возможности одинъ изъ оставшихся на Иргизѣ раскольничьихъ монастырей, именно средне-никольскій, преобразовать въ единовѣрческій и опредѣлить самое время таковаго преобразованія—можно-ли исполнить сіе безъ отлагательства времени, или отложить оное до благопріятствующаго ему случая».

Степановъ, пріѣхавъ въ Саратовъ, самъ отправился на Иргизъ. Ознакомившись съ монахами и съ состояніемъ монастыря, онъ отъ самихъ иноковъ, конечно, отъ нѣкоторыхъ, узналъ «расположенность ихъ къ безпрекословному повиновенію волѣ правительства». Этого было достаточно, чтобъ донести министру, что означенный монастырь можетъ быть преобразованъ въ единовѣрческій, «безъ всякаго со стороны раскольниковъ противословія, а потому и безъ отлагательства времени». На сколько Степановъ ошибался въ своемъ заключеніи, это мы увидимъ ниже: обращеніе монастыря затрогивало интересы не монаховъ только, но всего мѣстнаго населенія, и могло окончиться очень дурно. Какъ бы то ни было, опрометчивый отзывъ Степанова былъ доложенъ государю Николаю Павловичу. Государь лично разсмотрѣлъ дѣло объ Иргизскихъ монастыряхъ и, признавъ возможнымъ немедленно обратить къ единовѣрію средне-никольскій монастырь, повелѣлъ примѣнить въ отношеніи къ нему слѣдующія правила:

1) Оставить при монастырѣ всѣ земли и угодья, которыя къ нему были отмежеваны и считались издавна въ его владѣніи.

2) Если кто изъ живущихъ въ этомъ монастырѣ раскольниковъ пожелаетъ присоединиться къ единовѣрію, то всѣхъ таковыхъ оставить на прежнемъ мѣстѣ, а «прочихъ упорствующихъ въ своемъ заблужденіи» перевести «къ ихъ собратіямъ» въ верхній спасопреображенскій монастырь, который еще оставался крѣпокъ расколу.

3) Новый единовѣрческій монастырь именовать Никольскимъ и «считать на собственномъ содержаніи отъ оставляемыхъ земель и угодій»; но къ этому добавлялось: «впрочемъ, дабы дать въ немъ богослуженію болѣе благолѣпный видъ, для привлеченія

окрестныхъ жителей, уклонившихся отъ православія», дозволить настоятелей этого монастыря производить въ санъ архимандрита.

4) Для первоначальнаго устройства поручить монастырь во временное управленіе извѣстнаго опытностью архимандрита единовѣрческаго Высоковскаго монастыря Зосимы, которому вмѣнить въ обязанность секретно и не объявляя никому о цѣли своего путешествія, прибыть съ двумя или тремя изъ братіи, нужными для священнослуженія, непремѣнно во второй половинѣ января 1837 года въ Саратовъ, гдѣ Зосима долженъ получить отъ епархіальнаго епископа наставленіе для дальнѣйшихъ дѣйствій.

5) Епархіальному архіерею и гражданскому губернатору, по общему совѣщанію, негласно и съ должною осторожностью распорядиться, чтобы архимандритъ Зосима, при помощи полиціи, могъ принять сказанный монастырь въ свое вѣдѣніе со всѣмъ церковнымъ имуществомъ, приведеннымъ въ извѣстность еще бывшимъ саратовскимъ губернаторомъ, княземъ Голицынымъ, а также всѣ земли и угодья, которыми монастырь до того времени пользовался.

Чтобы «открыть удобность» раскольническимъ инокамъ приступить къ единовѣрію, «съ возможностью сохранить избранный ими образъ жизни», число монашествующихъ въ монастырѣ опредѣлить до 25, уполномочивъ архимандрита принимать, согласно съ существующими правилами, преимущественно обращающихся изъ раскола.

7) Епархіальному архіерею предоставить «пріуготовить надежнаго архимандрита», который могъ бы замѣнить временно туда опредѣленнаго (т. е. Зосиму).

8) Женщинъ, самовольно поселившихся на земляхъ Средне-никольскаго монастыря и «называющихъ жилища свои женскимъ монастыремъ», перевести въ другой раскольничій женскій монастырь, называемый Покровскимъ, предоставивъ имъ право дома свои продать или свезти оттуда въ продолженіи 1837 года.

9) За остающимися раскольничьими монастырями, Верхнеспасопреображенскимъ мужскимъ и Покровскимъ женскимъ, учредить ближайшій надзоръ и наблюдать правила полиціи, на осно-

ванія высочайшаго повелѣнія, состоявшагося въ 1833 году, и, наконецъ,

10) «Все сіе привести въ исполненіе въ одно время и секретно, по гражданской и духовной власти».

Преосвященный Іаковъ, получивъ это высочайшее повелѣніе, 28-го января 1837 года, чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора графа Протасова, въ тотъ же день сообщилъ объ этомъ губернатору, прося его назначить съ гражданской стороны «надежнѣйшаго» чиновника для передачи помянутаго раскольничьяго монастыря, прибывшему въ Саратовъ, 27-го января, архимандриту Высоковскаго монастыря, Зосимѣ, при присутствующемъ отъ саратовской духовной консисторіи членѣ, протоіереѣ Гавріилѣ Чернышевскомъ. Въ то же время Іаковъ просилъ Степанова ни въ какомъ случаѣ не переводить изъ Средненикольскаго монастыря въ Верхнепреображенскій ни бѣглыхъ священниковъ, ни бѣглыхъ діаконовъ, такъ какъ объ нихъ ничего не было сказано въ высочайшемъ повелѣніи, а совѣтывалъ оставить ихъ на прежнемъ мѣстѣ до разъясненія этого вопроса, особенно если они не пожелаютъ принять единовѣрія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, архіерей просилъ прислать ему опись имущества сказаннаго монастыря, упоминаемую въ высочайшемъ повелѣніи, для врученія этой описи архимандриту Зосимѣ, затѣмъ, существующую въ женскомъ Средне-успенскомъ монастырѣ часовню оставить неприкосновенною и, наконецъ, приказать оставить въ мужскомъ монастырѣ достаточную пропорцію хлѣба и дровъ на зиму и на весну для имѣющихъ быть въ монастырѣ монаховъ.

Степановъ получивъ въ тотъ же день эту бумагу отъ архіерея, «медлилъ—какъ сказано въ «Историческомъ описаніи»—на оную отвѣтомъ, отзываясь то неполученіемъ подобнаго предписанія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, то неотысканіемъ нужнаго къ исполненію таковаго порученія чиновника, хотя командированный для сего архимандритъ Зосима, являясь къ нему, г. губернатору, лично, неоднократно напоминалъ ему».

Такъ прошло девять дней; молчаніе Степанова продолжалось до 5-го февраля. Ниже мы увидимъ, какія послѣдствія имѣло это молчаніе.

Только 5-го февраля губернаторъ прислалъ Іакову описи имуществу всѣхъ пяти Иргизскихъ раскольничьихъ монастырей, но о чиновникѣ, необходимомъ съ гражданской стороны, для передачи монастыря изъ гражданскаго въ епархіальное вѣдомство, опять «ни слономъ не упомянулъ». Тогда Іаковъ, приказавъ передать присланную Степановымъ опись архимандриту Зосимѣ, предписалъ духовной консисторіи распорядиться выдачею ему также двухъ древнихъ антиминсовъ, изъ коихъ одинъ долженъ быть во имя Святителя Николая, а другой—во имя Покрова Пресвятой Богородицы, съ тѣмъ, чтобы архимандритъ, по пріемѣ монастыря, освятилъ находящіяся въ немъ двѣ церкви, затѣмъ выдачею святаго мура и достаточной суммы денегъ «на непредвидимыя потребности» вновь открываемаго монастыря. Такимъ образомъ—сказано въ «Описаніи»—«со стороны мѣстнаго духовнаго правительства всѣ зависящія отъ него распоряженія для исполненія высочайшей воли были окончены; недоставало подобныхъ со стороны гражданской; не замедлено, однакожь, и въ оныхъ».

6-го февраля губернаторъ увѣдомилъ архіерея, что и онъ нѣсколько дней тому назадъ, получилъ предписаніе отъ министра внутреннихъ дѣлъ, но что раньше не могъ выслать описи Иргизскихъ скитовъ, «отысканныхъ съ трудомъ въ дѣлахъ канцеляріи своей». При этомъ онъ сообщалъ, что къ исполненію высочайшаго повелѣнія о Средненикольскомъ монастырѣ онъ назначилъ Николаевскаго городничаго, а въ помощь къ нему придалъ одного изъ частныхъ приставовъ Саратова, Константиновскаго, велѣвъ имъ обоимъ руководствоваться въ этомъ дѣлѣ «наставленіями» архимандрита Зосимы. Но архіерей, приказавъ вручить Зосимѣ пакетъ на имя Николаевскаго городничаго, присланный Степановымъ, предписалъ консисторіи дать знать архимандриту указомъ, «что ему нейдетъ распорядительная часть по дѣламъ, касающимся до гражданской власти, а только по духовной».

Изъ всего этого ясно видно, что между губернаторомъ и архіереемъ уже возникъ разладъ, что архіерей старается выставить въ невыгодномъ свѣтѣ дѣйствія Степанова, сваливая на него всю вину въ дальнѣйшей смутѣ, которая возникла въ По-

волжьѣ въ этотъ періодъ борьбы съ расколомъ. Кто изъ нихъ правъ—пока трудно рѣшить; но какъ бы то ни было, раскольники, воспользовавшись этой размолвкой властей, имѣли право жаловаться, что ихъ обращали въ единовѣріе силой, что ихъ обливали на морозѣ водою изъ пожарныхъ трубъ, вязали и арестовали тѣхъ, которые будто бы сами вызывались на единовѣріе.

6-го же февраля архимандритъ Зосима съ братіей, протоіерей Чернышевскій и приставъ Константиновскій, въ пять часовъ пополудни, выѣхали изъ Саратова по направленію въ Николаевъ, въ сосѣдствѣ съ которымъ находились Иргизскіе монастыри, въ разстояніи отъ Саратова до 250 верстъ. На другой день вечеромъ партія эта остановилась въ селѣ Каменкѣ, не доѣхавъ до мѣста назначенія верстъ семь. Остановка была сдѣлана для того, чтобы, не въѣзжая всею партіею въ городъ въ предотвращеніе могущихъ возникнуть толковъ, снестись съ николаевскимъ городничимъ относительно порядка предстоящихъ дѣйствій. Въ городъ былъ отправленъ Константиновскій, который вмѣстѣ съ городничимъ и долженъ былъ сдѣлать нѣкоторыя подготовительныя распоряженія. Рано утромъ, до свѣту, 8-го февраля, и остальная партія въѣхала въ городъ, прямо въ домъ городничаго Дмитріева. Послѣ короткаго совѣщанія всѣ тотчасъ же отправились въ раскольническій монастырь, взявъ съ собою «для предосторожности» двухъ унтеръ-офицеровъ и десять рядовыхъ изъ мѣстной команды. Въ монастырѣ они явились къ настоятелю, иноку Корнилію, просили также собрать всѣхъ монаховъ, и немедленно объявили имъ высочайшую волю. Затѣмъ архимандритъ обратился къ настоятелю и братіи съ увѣщаніемъ о принятіи единовѣрія; но всѣ они отъ единовѣрія рѣшительно отказались. Тогда Дмитріевъ предложилъ Корнилію передать архимандриту все церковное и монастырское имущество. Корнилій и всѣ монахи вновь рѣшительно отъ сдачи имущества отказались, объявивъ, что безъ воли окрестнаго населенія, состоящаго изъ раскольниковъ, они этого сдѣлать не могутъ и ключей сами собой дать не смѣютъ, такъ какъ и монастырь, и церкви построены на суммы не монастырскія, а на суммы усердствующихъ раскольниковъ, «а они, иноки, только стражи сего мѣста».

Между тѣмъ, пока происходили эти объясненія, въ монастырѣ сталъ появляться народъ. Это сдѣлалось такъ быстро, что въ нѣсколько минутъ нахлынуло до ста человѣкъ, потомъ толпа увеличилась до двухсотъ, до трехсотъ и т. д. Монахи, видя, что народъ за нихъ, стали дѣйствовать смѣлѣе и упорнѣе. Составитель «Историческаго описанія», какъ видно участвовавшій лично въ обращеніи монастыря, прибавляетъ отъ себя: «иноки, оказывая сопротивленіе исполненію высочайшаго повелѣнія, между прочимъ, высказали, что они до пріѣзда *нашего* имѣли свѣдѣніе объ обращеніи монастыря ихъ въ единовѣрческій, что *четыре уже дня ожидают прибытія нашего*, что они обдумали уже, какъ поступать имъ при предъявленіи имъ высочайшей воли». Наиболѣе упорными выказались казначей монастыря инокъ Серапіонъ и иноки Филаретъ и Амвросій. Между тѣмъ, Серапіонъ и другой инокъ Ефремъ возбуждали народъ требовать объявленія и имъ высочайшей воли. Архимандритъ Зосима видѣлъ, что надо исполнить требованіе народа, и прочелъ ему текстъ высочайшаго повелѣнія. Тогда народъ рѣшительно объявилъ, что «не допуститъ отдать церковь для единовѣрія, хотя бы то стоило ему даже пролитія крови».

Ни увѣщанія архимандрита Зосимы, ни убѣжденія Чернышевскаго, Дмитріева и Константиновскаго не въ состояніи были подѣйствовать на непреклонность раскольниковъ: какъ монахи стояли на своемъ, такъ точно стояли на своемъ толпы народа, нахлынувшія на монастырь изъ города и изъ ближайшихъ раскольничьихъ селеній: Каменки, Толстовки, Давыдовки и Пузановки.

Тогда исполнители высочайшей воли на общемъ совѣщаніи рѣшили пригласить уѣзднаго стряпчаго, чиновниковъ земскаго суда и удѣльной конторы, а равно удѣльнаго голову, такъ какъ большинство волновавшагося народа принадлежало къ крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства. За этими чинами отправленъ былъ нарочный. Чрезъ нѣсколько часовъ въ монастырь съѣхались—удѣльный стряпчій Кизо, земскій засѣдатель Трофимовъ, удѣльный чиновникъ Акшевскій и мѣстнаго удѣльнаго приказа голова Шикинъ. Имъ также предъявлено было высочайшее повелѣніе. Начались новыя увѣщанія со стороны прибывшихъ лицъ: они «кротко» и усердно уговаривали народъ покориться высочайшей волѣ. Тогда монахи

и народъ снова потребовали объявленія имъ высочайшаго повелѣнія, и оно вновь было имъ прочитано. Послѣдовавшія затѣмъ подтвердительныя увѣщанія не привели ни къ чему: народъ и вмѣшавшіеся въ толпу монахи рѣшительно объявили, что монастыря не отдадутъ никому, что вѣрой своей также никому не поступятся. Пока шли эти безполезные переговоры въ монастырской оградѣ, въ толпѣ, въ это время архимандритъ Зосима и Константиновскій, оставаясь въ настоятельскихъ кельяхъ, употребляли послѣднія усилія побѣдить упорство настоятеля и главныхъ чиновъ монастыря. Корнилій, нѣсколько надломленный въ своей неподатливости убѣжденіями архимандрита, а равно прямыми требованіями Константиновскаго о неизбѣжномъ повиновеніи, приказалъ схимнику Паисію принести ключъ отъ церкви. Ключъ принесенъ и положенъ на столъ. Но никто не рѣшался передать ключъ съ рукъ на руки исполнителямъ высочайшей воли. Настоятель объявилъ, что всѣ прочіе ключи отъ другой церкви и отъ ризницы хранятся въ самой церкви; но при этомъ присовокупилъ, что «ни онъ и никто изъ братіи не рѣшится быть предателемъ церкви и своими руками передавать имущество монастырское», что архимандритъ и всѣ находящіеся съ нимъ въ монастырѣ исполнители высочайшей воли могутъ сами, безъ личнаго его и всей братіи присутствія, пересмотрѣть и принять все церковное и монастырское имущество.

Архимандритъ Зосима, взявъ со стола ключъ и пригласивъ съ собою всѣхъ исполнителей высочайшей воли, рѣшился идти въ церковь, такъ какъ время приближалось уже къ вечеру. Но едва всѣ стали подходить къ церкви, какъ народъ, подстрекаемый монахами, бросился загораживать имъ дорогу и оцѣпилъ церковь, заслонивъ собою ходъ къ паперти. Въ то же время нѣкоторые бросились на колокольню и ударили въ набатные колокола. Звонъ еще болѣе встревожилъ толпу и окрестныя села. Дѣло принимало слишкомъ дурной оборотъ и становилось далеко не негласнымъ. Особенно буйствовали въ толпѣ крестьяне-раскольники: Широковъ, Кузнецовъ, Алексѣевъ, Кожемякинъ и Стекольщиковъ. Исполнители высочайшей воли не осмѣлились никого изъ нихъ взять подъ арестъ, «дабы, по причинѣ ожесточенія раскольниковъ, въ мона-

стырь набѣжавшихъ, не произвести большаго зла». За этой послѣдней вспышкой, «страшась остаться въ ночное время въ стѣнахъ монастыря», они тотчасъ же воротились въ городъ, гдѣ и собрались вторично въ домѣ городничаго для составленія журнала о происшествіяхъ этого дня. Здѣсь, по вторичномъ совѣщаніи, положили: на утро, *9-го февраля*, собрать 24 человѣка понятыхъ въ православнаго вѣроисповѣданія, предварительно привести ихъ къ присягѣ, а для безопасности истребовать отъ военнаго начальника до 25 солдатъ съ унтеръ-офицеромъ, а изъ ближайшихъ селъ собрать до 200 жителей, снова отправиться въ непокорный монастырь и еще разъ предложить настоятелю, инокамъ и народу о безпрекословномъ исполненіи объявленной имъ высочайшей воли.

Такъ и было исполнено. Въ 11 часу утра все это шествіе, съ духовенствомъ и чиновниками во главѣ, приблизилось къ стѣнамъ монастыря; но оказалось, что ворота его были заперты. Въ стѣнахъ монастыря заперлось до 500 раскольниковъ, наканунѣ сбѣжавшихся изъ окрестныхъ селъ.

Дмитріевъ, именемъ высочайшей воли, приказалъ привратнику отпереть ворота. Приказаніе было исполнено. Когда исполнители высочайшей воли, солдаты, понятые и толпа крестьянъ вступили въ ограду, Дмитріевъ объявилъ, что требуетъ безпрекословнаго исполненія уже объявленной наканунѣ высочайшей воли. Народъ упалъ на колѣна. Тѣ изъ крестьянъ, которые наканунѣ не были въ монастырѣ, и, слѣдовательно, не слышали чтенія высочайшаго повелѣнія, просили вновь вычитать это повелѣніе. Но въ это время, когда Дмитріевъ и другіе чиновники уговаривали народъ оказать покорность, иноки Ефремъ, Амвросій и Филаретъ ходили въ толпѣ и «безбоязненно подстрекали народъ къ неповиновенію, и приказанія начальническаго удалиться въ свои келіи не слушали».

Тогда Кизо вышелъ къ народу и громогласно прочелъ высочайшее повелѣніе.

— Слышали вы высочайшую волю и ясно ли поняли оную? спросилъ онъ, обращаясь къ народу и къ понятымъ.

— Слышали и поняли, единогласно отвѣчалъ народъ.

Затѣмъ, обращаясь къ толпѣ раскольниковъ, Кизо сказалъ:

— А когда вы знаете волю государя императора, то должны, не препятствуя исполненію ея, разойтись по домамъ.

— Нѣтъ, не дадимъ нашу церковь! она нашимъ коштомъ строена и украшена! кричалъ народъ.

«Много и долго», какъ сказано въ описаніи, исполнители высочайшей воли старались образумить народъ «обольстительно иноками вовлеченный въ преступленіе — противленіе власти» — все было напрасно. Вынесли законы. Кизо прочелъ вслухъ ст. 242, 243, 247 и 248 т. XV уголовныхъ законовъ о сопротивленіи власти. Ничто не помогало.

— Мы всякую казнь претерпимъ, но добровольно не уступимъ нашу церковь! кричали непокорные.

— Это не высочайшая воля, кричали нѣкоторые изъ толпы: — она подложная... Она писана не на гербовой бумагѣ, и нѣтъ на ней руки государевой...

Начались крики, брань, оскорбительныя выраженія... Особенной дерзостью отличалась рѣчь ясачнаго крестьянина изъ села Камышкира, Кузнецкаго уѣзда, Семена Лазарева. Его велѣли арестовать; но раскольники вырвали бунтовщика изъ рукъ солдатъ и спрятали въ толпѣ. Другіе кричали тѣмъ, которые находились на колокольнѣ: «бей въ колокола тревогу!»

— Мы никого не послушаемся! кричалъ расходившійся народъ.

Не оставалось ничего больше, какъ снова обратиться къ настоятелю Корнилію, который, вмѣстѣ съ нѣкоторыми монахами, оставаясь въ кельѣ, не выходилъ къ народу. Корнилію представили, что такъ какъ онъ глава всего раскольническаго общества, то онъ одинъ и можетъ успокоить толпу, внушивъ ей повиновеніе высочайшей волѣ. Его самого убѣждали покориться необходимости, не доводить народъ до бѣды; но Корнилій отвѣчалъ, что онъ не препятствуетъ исполненію воли верховнаго правительства, а что «уже самъ не можетъ остановить буйство народа, страшась и самъ насилія его».

Послѣ этого исполнители высочайшей воли должны были оставить монастырь. Они воротились въ Николаевъ, донесли обо всемъ происшедшемъ и ожидали дальнѣйшихъ повелѣній.

Оставалось послѣднее средство—«сильныя мѣры». Но къ нимъ не рѣшались прибѣгнуть безъ особаго повелѣнія.

Съ 9-го февраля духовныя власти оставались въ городѣ безвыѣздно: никто изъ нихъ не только не посѣщалъ монастырь, но даже не входилъ въ какія-либо другія сношенія съ раскольниками. Гражданскія же власти, обставивъ монастырь карауломъ изъ жителей православнаго исповѣданія и отправивъ въ Саратовъ нарочнаго, иногда являлись къ непокорному монастырскому населенію и къ толпамъ народа, въ немъ безвыходно остававшимся, вновь приступали къ увѣщаніямъ—но также безполезно. Только весьма немногіе «образумились и тайно ушли изъ монастыря; жестоковыйные оставались тамъ безъисходно, получая довольствіе пищею отъ монастыря».

Видно было, что народъ ждалъ, ко всему приготовившись. Дѣло раскола оказалось дѣломъ опаснымъ; а власти этого не понимали.

Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до 16-го февраля. Въ этотъ день изъ Саратова прискакали новые чиновники—совѣтникъ губернскаго правленія Зевакинъ и саратовскій исправникъ Микулинъ. Отчего не ѣхалъ самъ губернаторъ—неизвѣстно; но только такая полумѣра, какъ присылка двухъ новыхъ чиновниковъ, еще болѣе портила дѣло, и безъ того уже испорченное. Зевакинъ не въѣзжалъ въ монастырь, а приказалъ явиться къ себѣ въ городъ двумъ или тремъ инокамъ, «давъ имъ слово возвратить ихъ опять въ монастырь». Изъ монастыря явились трое иноковъ, и въ числѣ ихъ игуменскій келейникъ Александръ Трофимовъ. Въ «Историческомъ описаніи» сказано при этомъ: «Разговоръ г. совѣтника, бывшій наединѣ, въ сѣняхъ, былъ недолговременень, и обстоятельства онаго были неизвѣстны удовлетворительно». Послѣ этого таинственнаго разговора всѣ отправились въ монастырь. «Но бытность ихъ тамъ ничего не произвела лучшаго: раскольники попрежнему не отдавали церкви и монастыря, и попрежнему не повиновались». Г-ну совѣтнику тоже не предоставлено было другихъ мѣръ къ возстановленію порядка, кромѣ убѣжденія: «безъ полномочія же (сказано въ «Описаніи») и самыя благоразумныя мѣры были недѣйствительны».

Такъ прошелъ этотъ день безъ всякой пользы. Равнымъ образомъ прошло безполезно для дѣла и 18-е февраля.

Толпы народа продолжали стоять въ монастырѣ, ожидая, чѣмъ все это кончится.

19-го февраля неожиданно прибылъ въ Николаевъ изъ Саратова жандармскій штабъ-офицеръ Быковъ; 20-го числа онъ явился въ монастырь совершенно одинъ. Таково было желаніе архіерея, и по его просьбѣ онъ пріѣхалъ на помощь растерявшимся властямъ. «По весьма долгомъ, начально съ иноками монастыря, а потомъ съ собравшимися туда крестьянами, разговорѣ и при объявленіи имъ противозаконнаго ихъ дѣйствія, ведущаго ихъ къ тяжкому наказанію по законамъ, сопротивляющіеся единогласно объявили Быкову, что высочайшей волѣ государя императора они не противятся и противиться не смѣютъ, но оставить монастырь сами по себѣ, за данною предъ Богомъ клятвою, не могутъ». Тогда Быковъ разъяснилъ имъ, что «*воля царя земнаго, дѣйствующаго по волѣ Царя небеснаго, разрѣшаетъ ихъ клятву*», и что поэтому они должны исполнить эту волю, но что при дальнѣйшемъ упорствѣ онъ прикажетъ всѣхъ ихъ вывести изъ монастыря. На это раскольники «единодушно» отвѣчали, что если ихъ выведутъ силою, то тогда они не будутъ виновны передъ Богомъ. «Слѣдовательно, прибавляетъ «Описаніе», — сіи раскольники держатся буквально словъ клятвы, и выводъ ихъ изъ монастыря силою сниметъ, по разумѣнію ихъ, съ нихъ клятву: ежелибъ они иначе думали, они бы запаслись оружіемъ; и притомъ въ толпѣ сей, простирающейся до трехъ сотъ человѣкъ, большая часть стариковъ».

Не сдѣлавъ ничего, и Быковъ въ тотъ же день выѣхалъ обратно въ Саратовъ. Онъ не имѣлъ отъ губернатора никакихъ полномочій, и потому не рѣшался дѣйствовать силою. «Но, прибавляетъ «Описаніе»—появленіе сего чиновника потрясло было духъ противленія бунтующихъ».

Наконецъ, 21-го февраля, прибылъ къ монастырю и губернаторъ. Это было уже вечеромъ. Еще съ послѣдней станціи онъ отправилъ въ Николаевъ приказъ, чтобы всѣ гражданскіе чиновники, какъ командированные изъ Саратова, такъ и всѣ мѣстныя власти съ полиціею ожидали его въ монастырѣ. При встрѣчѣ съ

Степановымъ, совѣтникъ Зевакинъ и нѣкоторые другіе чиновники хотѣли было напомнить ему о позднемъ времени, «но онъ не сталъ и слушать, велѣвъ всѣмъ слѣдовать за собою въ монастырь». Тамъ, подъѣхавъ прямо къ настоятельскимъ покоямъ и войдя въ кельи, Степановъ «изъявилъ негодованіе» настоятелю Корнилію «на оказанное имъ сопротивленіе высочайшей волѣ государя императора». Затѣмъ вышелъ изъ покоевъ и отдалъ приказаніе силою выводить изъ монастыря народъ. Для этого употреблено было въ дѣло до 800 человѣкъ крестьянъ православнаго вѣроисповѣданія, согнанныхъ къ монастырю еще до пріѣзда губернатора, въ качествѣ понятыхъ. Началась свалка. Не было выведено и половины «бунтовщиковъ», какъ темнота превратила свалку въ какую-то рукопашную битву: понятые смѣшались съ бунтовщиками и, не распознавая другъ друга, схватывались не съ раскольниками, а съ понятыми-же; изъ монастыря вытаскивали тѣхъ, которые сами согнаны были для того, чтобы вытаскивать другихъ. Надъ монастыремъ стоялъ гулъ и крикъ, такъ что шумъ и отчаянные голоса побиваемыхъ были слышны въ Николаевѣ и всполошили все городское населеніе. Раздался набатный звонъ всѣхъ колоколовъ. Набатъ отозвался въ сосѣднихъ селахъ и поднялъ на ноги все населеніе. Почти весь городъ бросился на помощь монастырю—«иные верхомъ, иные пѣшкомъ, иные на запряженныхъ въ сани лошадяхъ, такъ что въ самомъ городѣ быть было ужасно». Изъ всѣхъ сосѣднихъ селъ народъ тысячами хлынулъ къ монастырю. «Темнота ночи благопріятствовала буйству раскольниковъ, такъ что многіе являлись съ ружьями, пистолетами, копьями, кистенями и дубинками. Понятые, разставленные около монастыря, не выдержали напора бѣжавшихъ въ монастырь». Завязалась еще болѣе ожесточенная свалка. Народъ, приставленный къ воротамъ и оградѣ въ видѣ стражи, старался обезоружить тѣхъ, которые угрожали оружіемъ. Бросивъ ворота, толпа полѣзла чрезъ ограду, словно въ осажденную крѣпость. Тамъ снова завязалась рукопашная битва—и православные на всѣхъ пунктахъ были побиты.

Степановъ былъ въ это время въ покояхъ настоятеля. Узнавъ о критическомъ положеніи дѣла, онъ приказалъ бросить защиту монастыря отъ постоянно прибывавшихъ массъ народа, отперетъ

ворота и не раздражать народа. Опасаясь долѣе оставаться въ толпѣ, онъ бѣжалъ въ городъ. За нимъ послѣдовали и всѣ гражданскія власти. Монастырь остался въ рукахъ раскольниковъ.

«Такъ кончилось, говоритъ «Описаніе»:—неблаговременное распоряженіе г. губернатора относительно вывода раскольниковъ изъ монастыря. Но оно бы не произвело такого смятенія, ежели бы было во время дня».

Даже за бѣгствомъ Степанова, набатный звонъ продолжался почти до полуночи

На утро губернаторъ велѣлъ распустить по домамъ всѣхъ понятыхъ, число которыхъ, хотя и доходило до 1,000 человѣкъ, однако это была горсть въ сравненіи съ тѣмъ контингентомъ защитниковъ монастыря, который выставили раскольники

Днемъ Степановъ вновь явился въ монастырь, который все еще былъ полонъ народомъ; богатый монастырь кормилъ эти толпы, и потому имъ нечего было возвращаться по домамъ. Степановъ въ послѣдній разъ обратился къ толпѣ съ вопросомъ: хотятъ-ли они добровольно покориться распоряженіямъ верховнаго правительства?

Народъ отвѣчалъ: «нѣтъ».

Степановъ выѣхалъ изъ монастыря. Изъ Николаева онъ написалъ Зосимѣ, что на представленіе свое ожидаетъ распоряженія министра относительно того, какъ ему дѣйствовать въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а до того времени предлагалъ архимандриту отправиться въ Воскресенскій единовѣрческій монастырь. гдѣ и ожидать особыхъ извѣстій. Уѣзжая въ тотъ же день въ Саратовъ, Степановъ приказалъ воротиться къ своимъ мѣстамъ и всѣмъ чиновникамъ, безполезно прожившимъ подъ стѣнами непокорнаго монастыря 16 дней и оставилъ тамъ только помощника управляющаго удѣльными имѣніями—Часовникова—«для наблюденія и успокоенія крестьянъ удѣльнаго вѣдомства».

Прошло еще двѣ недѣли, и раскольники оставались въ неизвѣстности относительно ожидавшей ихъ участи.

Наконецъ Степановъ получилъ изъ Петербурга отвѣтъ—какъ ему дѣйствовать. Изъ Саратова онъ немедленно отправилъ въ Николаевъ вооруженную команду солдатъ изъ 200 человѣкъ съ над-

лежащимъ числомъ офицеровъ и съ боевыми запасами. А вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ туда же и команду казаковъ изъ 3-го казачьяго полка Астраханскаго войска. Изъ Хвалынска вытребовалъ квартировавшую тамъ конно-артиллерійскую резервную батарею. Послалъ половинное число саратовской пожарной команды съ брантмейстеромъ и пожарными трубами. Затѣмъ приказалъ собрать 2,000 человѣкъ понятыхъ изъ окрестныхъ селеній православнаго исповѣданія.

9-го марта прибылъ изъ Саратова губернаторскій чиновникъ Гороховъ. Онъ явился туда вмѣстѣ съ командиромъ конно-артиллерійской батареи барономъ Дельвигомъ, николаевскимъ исправникомъ Немировымъ и вышеупомянутымъ Часовниковымъ. Гороховъ, отъ имени губернатора, еще разъ спросилъ непокорныхъ монаховъ и державшую въ своей власти монастырь толпу крестьянъ: согласны-ли они покориться распоряженіямъ правительства? И тѣ и другіе отвѣчали, что «они скорѣе умрутъ, чѣмъ отдадутъ свою церковь».

Черезъ три дня явился и губернаторъ. Въ видѣ послѣдней попытки онъ, «желая образумить бунтующихъ мѣрами кротости и убѣжденія», послалъ въ монастырь барона Дельвига въ послѣдній разъ предложить инокамъ и народу объ изъявленіи добровольной покорности, и, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, рѣшительно объявить имъ, что послѣ всего этого «употреблены будутъ силы къ водворенію въ монастырѣ порядка, желаемаго правительствомъ», а что всѣ виновные будутъ преданы строгому суду и потерпятъ наказаніе.

Баронъ Дельвигъ воротился съ отвѣтомъ, что на добровольную покорность нѣтъ никакой надежды. Тогда Степановъ велѣлъ двинуться къ монастырю военнымъ командамъ и согнанному въ городъ народу. Пушки и прикрытыя солдатами пожарныя трубы слѣдовали въ головѣ шествія. Монастырь былъ весь обложенъ толпами непокорнаго народа, собравшагося тысячами.

Приблизились войска. Послѣдовала артиллерійская команда, и вмѣсто ядеръ и картечи на народъ полилась холодная вода изъ пожарныхъ трубъ. Ужасъ овладѣлъ бунтовщиками, особенно когда въ суматохѣ на нихъ бросились солдаты съ крестьянами и стали

всѣхъ вязать. Связано было до 1,700 человѣкъ. Остальные всѣ разбѣжались

Такъ усмиренъ этотъ раскольническій бунтъ—«безъ кровопролитія». Нѣкоторые изъ монаховъ тотчасъ же отправлены были въ Саратовъ, а монастырь занятъ властями и войскомъ

Явился и архимандритъ Зосима съ своею духовною свитою. Немедленно отслуженъ былъ молебенъ съ водосвятіемъ.

II.

Уничтоженіе этого «раскольничьяго гнѣзда» не принесло, однако, той пользы для государства, какая имѣлась въ виду при возбужденіи систематической борьбы съ расколомъ. Во-первыхъ, тамъ-же, на Иргизѣ, оставалось еще два такихъ-же «гнѣзда»—скитъ Верхнеспасопреображенскій мужской и Покровскій женскій, соединявшійся съ первымъ узкою лѣсною тропою. Оставшіеся скиты покрылись еще большею славою въ глазахъ раскольниковъ, какъ единственные, уцѣлѣвшіе «свѣтильники свѣта незаходимаго». Во-вторыхъ, изъ двухъ разрушенныхъ «гнѣздъ» старые и юные птенцы разбрелись по всей Россіи и стали опаснѣе тѣмъ, что пропаганда ихъ не ограничивалась уже никакимъ пространствомъ, а съ Иргиза перешагнула на Уралъ, на Обь, на Двину, на Донъ, на Терекъ, на Кубань и т. д. Старцы и старицы,—ютившіеся въ «пустынѣ прекрасной», на «брезѣ новаго Іордана», какъ иногда называли раскольники рѣку Иргизъ и озеро Калачъ, надъ которымъ стоялъ одинъ изъ монастырей, превратились въ бродячихъ пророковъ и пропагандистовъ болѣе неуловимыхъ.

Изъ дѣлъ того времени мы видимъ, что выгнанные изъ Иргизскихъ монастырей монахи и монахини вдругъ открывали скиты гдѣ-нибудь въ уединенномъ хуторѣ, превращая «овечью избу» въ раскольничьи святилища, и на сотни верстъ кругомъ между раскольниками шелъ таинственный шепотъ: «солнце православія, зашедшее на Иргизѣ, по милости Божіей, возсіяло на Бердеѣ»—какая то неизвѣстная рѣченка гдѣ нибудь у границъ Войска Дон-

скаго, гдѣ, напримѣръ, сыновья майора Перендскаго, внуки или племянники бывшаго наказнаго атамана волжскаго казачьяго войска, иноки Герасимъ и Савватій, основываютъ новую святыню, таинственно превративъ въ храмъ «овечью избу», и къ этой «овечьей избѣ» съѣзжаются сотни и тысячи сектантовъ. Еще дальше, еще въ большей глуши, въ самомъ далекомъ углу Войска Донского, гдѣ кончаются станичныя поселенія и начинаются глухія степи, на Тушкановыхъ хуторахъ, возникаетъ новое свѣтило въ казацкой избѣ, въ подпольѣ, и за сотни верстъ бредутъ и ѣдутъ въ это подполье поклонники старой вѣры, «пришибленной на Иргизѣ».

«Православный народъ! (фанатически взываетъ «тушкановскій святитель», отставной казакъ). Помяните древнихъ учителей и апостоловъ, и укрѣпитеся духомъ на борьбу съ діаволомъ. Мучили насъ, православныхъ, и въ древнемъ Римѣ, извлекали ревнителей вѣры изъ пещеръ и катакомвій, лютымъ звѣрямъ на растерзаніе отдавали, а иныхъ, паклею обмотавши и смолою намочивши, аки факелы въ садахъ мучителей возжигали, а вѣра православная крѣпла и множилася, и царство Римское побѣдила, на престолъ въ багряницѣ возсѣла. Не то же ли и нынѣ совершается? Извлекли насъ изъ нашихъ катакомвій, что на Иргизѣ, и отдали на растерзаніе псовъ голодныхъ и львовъ лютыхъ. Но придетъ время и побѣдитъ наша святая правовѣрность и древнее благочестіе...»

Въ селѣ Колоярѣ, Вольскаго уѣзда, крестьянинъ Акимовъ говорилъ на базарѣ, что «прежде сего времени однимъ раскольникамъ было житье», что только они одни были и «денежны и сыты», но что какъ только стали обращать ихъ въ церковниковъ», то и они «скудѣть начали».

Въ теченіе четырехъ лѣтъ движеніе въ расколѣ проявилось съ такою силою, что все Поволжье, казалось, пошло въ старообрядчество, и потому положено было уничтожить послѣднее «гнѣздо» на Иргизѣ, потому что это гнѣздо считалось разсадникомъ раскола въ Поволжьѣ, въ Подоньѣ и въ Поуральѣ. Уничтоженіе это послѣдовало въ 1841 году. Мѣстныя власти, наученныя уже горькимъ опытомъ предшествовавшихъ лѣтъ, постарались ить дѣло закрытія послѣдняго раскольничьяго убѣжища та-

кою тайною и такими предосторожностями, что раскольники говорили впослѣдствіи объ этомъ послѣднемъ своемъ пораженіи, какъ о «ночномъ нападеніи волковъ на овчарню». Дѣйствительно, губернаторъ Фадѣевъ съ небольшою командою солдатъ и съ чиновниками неожиданно явился въ стѣнахъ монастыря въ то время, когда весь монастырь молился въ церкви, поставилъ караулъ у воротъ, у колокольни, чтобы отвратить возможность набатнаго звона, неожиданно вступилъ въ церковь, прочелъ растерявшемуся отъ страха собору раскольниковъ высочайшее повелѣніе, въ тотъ же моментъ явилось въ церковь православное духовенство въ облаченіи, тутъ же, на глазахъ изумленныхъ раскольниковъ, послѣдовало окропленіе церкви святою водой, послѣ чего раскольничья святыня теряла въ глазахъ ихъ свою святость, взяты ключи изъ рукъ казначея, и только къ вечеру этого «дня вавилонскаго плѣненія» окрестное населеніе узнало, что «солнце православія зашло на Иргизѣ» окончательно. Даже чиновники, взятые съ собою Фадѣевымъ изъ Саратова для закрытія монастыря, не знали зачѣмъ они туда ѣдутъ: имъ сказано, что губернаторъ ѣдетъ для свиданія и переговоровъ съ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ относительно башкирскихъ земель.

Мало того: когда въ мужскомъ монастырѣ читалось въ церкви высочайшее повелѣніе, то для того, чтобы объ этомъ не узнали въ женскомъ монастырѣ, сообщавшемся съ мужскимъ, кратчайшимъ путемъ, чрезъ озеро Калачъ, гдѣ находилась перевозная лодка, и чтобы изъ любопытства, или случайно, монахини женскаго монастыря не пробрались въ мужской, у перевозной лодки оставленъ былъ жандармъ, которому и велѣно было, какъ-бы для удовольствія, «купаться въ Калачѣ». Простая мѣра эта была придумана преосвященнымъ Іаковомъ, который въ секретно врученной Фадѣеву записочкѣ сообщалъ: «Если на озерѣ Калачѣ принять лодку, на которой монастырскія бабы переѣзжаютъ въ мужской монастырь, если поставить штыка три-четыре на мосту монастырской мельницы, то доступъ къ мужскому спасопреображенскому монастырю для постороннихъ людей совершенно будетъ невозможенъ. *Жандармъ можетъ при лодкѣ на Калачѣ покупаться*».

Насколько, однако, мѣстныя власти тревожились неизвѣстно

И луна въ ночи свѣтлость помрачи,
А и звѣзды вся потемниша зракъ,
А и свѣтъ дневный преложися въ мракъ.
Тогда твари вся ужахнушася.
А и бездны вся содрогнушася,
Егда адскій звѣрь узы разрѣши,
Отъ заклепъ твердыхъ нагло искочи:
О, коль яростно испусти свой ядъ
Въ каѳолическій красный вертоградъ,
Зѣло злобно врагъ сей возревѣ,
Каѳоликовъ родъ мучить повелѣ,
Святыхъ пастырей вскорѣ истреби,
Иргизское солнце тучею закры,
Храмы Божіи замкомъ заклепи,
Книги древніи огнемъ попали.
Четы иноковъ уловляхуся,
Злымъ наказаніемъ умерщвляхуся,
Всюду вѣрніи закалаеми,
Аки класове пожинаеми, и т. д.

«Стихъ» прямо указываетъ на иргизскій погромъ и потому не могъ не производить на невѣжественную массу громаднаго впечатлѣнія, особенно когда лиризмъ этого аскетическаго произведенія бьетъ по самымъ чувствительнымъ струнамъ народнаго міросозрѣнія:

Охъ, увы, увы, благочестіе,
Увы, древнее православіе!
Кто луча твоя вскорѣ потемни?
Кто блистаніе тако измѣни?
Десяторожный звѣрь сія погуби,
Седмиглавый змій тако учини:
Весь церковный чинъ звѣрски прекрати,
Вся преданія злобно истреби.
Церкви Божія истребишася,
Таинодѣйствія вся лишишася,
Но и пастыри поплѣнишася,
Жаломъ дьявола умертвишася.
Зѣло горестно о семъ плачемся,
Увы, бѣдніи, сокрушаемся,

Что вси пастыри посмрадилися,
Въ еретичествѣ потопилися.

Бродячіе пророки въ этомъ мистическомъ произведеніи видятъ какъ бы свое собственное изображеніе: изгнанные изъ Иргизскихъ скитовъ. они бродятъ по дебрямъ, не зная, гдѣ голову преклонить—они видятъ себя въ «чужой землѣ».

Оле, бѣдствія намъ безъ пастырей!
Оле лютости безъ учителей!
По чужой землѣ вси скитаемся,
Отъ звѣрей лютыхъ уязвляемся.
Всюду бѣдніи утѣсняемся,
Изъ отечества изгоняемся.

Изгоняемый изъ скитовъ расколъ укрѣплялся въ городахъ, гдѣ его сторону держали вліятельнѣйшіе купцы-капиталисты. Они на свой счетъ, какъ саратовскій купецъ Рощинъ, развозили бѣглыхъ поповъ изъ города въ городъ, отправляли богослуженіе. вѣнчаніе и проч. гдѣ-нибудь на мельницѣ, въ лѣсу, а иногда и просто въ полѣ, въ степи, въ глухомъ степномъ овражкѣ, гдѣ наскоро разбивали походную церковь, крестили и вѣнчали раскольниковъ.

Оффиціально признаннымъ раскольничьимъ священникомъ на все Поволжье былъ попъ Прохоръ (Дмитріевъ) въ Вольскѣ; но на сотни и тысячи верстъ одного священника было недостаточно. Въ Саратовѣ и Вольскѣ, напримѣръ, были богатыя раскольническія церкви, каменныя: но онѣ были заперты по распоряженію правительства, церковныя главы и кресты сняты, и въ колокола не имѣли права звонить. При этомъ употреблены были особыя старанія. чтобы отнять у раскольниковъ ихъ бродячихъ, или, какъ ихъ всегда называли. «бѣглыхъ» поповъ, что и исполнялось довольно успѣшно: въ Поволжьѣ было схвачено нѣсколько такихъ походныхъ священниковъ, а прочіе изъ страха должны были бѣжать изъ Поволжья подъ чужими именами. Нѣкоторые бѣжали въ «Цыцарію», т. е. успѣли пробраться за австрійскую границу, а также въ Бессарабію, въ Закавказье и въ Турцію. Оставленные безъ священниковъ, крестьяне требовали, чтобъ кто-нибудь крестилъ ихъ дѣтей. отпѣвалъ умершихъ. О вѣнчаніи они не осо-

бенно безпокоились: по всему Поволжью вошелъ въ употребленіе гражданскій бракъ, простое «купножительство», противъ котораго власти были положительно безсильны. Когда отъ одного изъ саратовскихъ губернаторовъ требовали духовныя власти особыхъ распоряженій относительно селъ, гдѣ раскольники повально сходились на купножительство, онъ отвѣчалъ, что это рѣшительно невозможно, что «нельзя же поставить около каждой дѣвки по человѣку съ ружьемъ».

Послѣ долгой и безполезной борьбы, одно изъ раскольничьихъ селеній, большое удѣльное село Криволучье, находящееся въ сосѣдствѣ съ иргизскими скитами и считавшее до 2,000 душъ населенія, доведенное до крайности, попросило себѣ священника на правахъ единовѣрія. Селу этому дали священника; но «выправу» все-таки совершалъ бѣглый попъ Пахомій (изъ Высоковскихъ скитовъ) и криволучане продолжали считать себя истыми раскольниками. Тоже самое вынуждены были сдѣлать и саратовскіе раскольники, у которыхъ къ концу 1843 года распечатали церковь и позволили избрать себѣ особаго священника, съ тѣмъ, чтобы «табачники» не смѣли входить въ ихъ церковь.

Какъ смотрѣли въ это время на нравственную силу раскола правительственныя власти, видно изъ особой записки бывшаго тогда въ Саратовѣ губернатора Фадѣева, представленной имъ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому. Говоря объ обращеніи Криволучья, Фадѣевъ замѣчалъ: «Примѣръ этотъ не могъ имѣть вдругъ быстраго и общаго послѣдованія по той причинѣ, что прочіе старообрядцы колебались разными невѣжественными предположеніями, какъ-то: одни полагали, что это дозволеніе дано лишь для крестьянъ удѣльныхъ, что мѣра сія есть лишь пріуготовленіе, дабы принудить ихъ къ обращенію въ православіе и т. п. Для того, чтобы вывести ихъ изъ сего заблужденія, надлежащія внушенія ихъ старшинамъ и мѣстному начальству сдѣланы; но за всѣмъ тѣмъ утвержденія раскольниковъ въ единовѣріи нужно ожидать отъ времени. Начально раскольники села Криволучья приняли священника, находясь въ увѣренности, что они остаются тѣми же старообрядцами, но не предполагая, что они существенно переходятъ въ единовѣріе. По прибытіи этого священника въ село,

время встрѣтится имъ надобность въ кредитѣ или покровительствѣ какого-либо ихъ собрата-фанатика, и они въ рѣшимости своей удерживаются. Вторая партія состоитъ изъ стариковъ и старухъ, кои упорны единственно потому, что имъ кажется страшно и противно перемѣнять на короткое время, которое имъ жить остается, тотъ образъ мыслей, съ коимъ родились, взросли и прожили до старости. Людей этихъ немного, и они на образъ мышленія слѣдующаго поколѣнія большаго вліянія имѣть не могутъ. Третья партія, народная, держится партіи фанатиковъ дотолѣ, пока попъ ихъ въ Вольскѣ есть, пока они видятъ упорствующими купцовъ и почетныхъ людей изъ своихъ единомышленниковъ, пока они находятъ въ нихъ подпору убѣжденіями, пособіями, работами, пока они не совсѣмъ еще разувѣрились въ удобствѣ и возможности имѣть поповъ бѣглыхъ. Коль скоро побужденія сіи разрушатся, то, по всей вѣроятности, и упорство ихъ уничтожится».

Выдержка эта ясно обнаруживаетъ, какъ мало понималъ Фадѣевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другія правительственныя лица, внутреннюю силу раскола. Понятно, что такія лица не могли бороться съ расколомъ, а если и боролись съ видимымъ успѣхомъ, то побѣды ихъ были фиктивныя, кажущіяся, на самомъ же дѣлѣ служили къ укрѣпленію раскола и приданію ему активной силы

Такъ-же узко Фадѣевъ понимаетъ и внѣшніе пріемы раскола въ борьбѣ за свою независимость. «Хитрости раскольниковъ — говоритъ онъ—состоятъ не столько въ обращеніи въ свою пользу послабленій правительства, дѣйствующаго по твердымъ и систематическимъ правиламъ, но послабленій мѣстнаго начальства и духовенства. И то и другое пріобрѣтается деньгами. Первыми ослаблялось доселѣ преслѣдованіе и поимка бѣглыхъ поповъ и вообще точное исполненіе постановленій о законныхъ ограниченіяхъ раскольниковъ, сколько имъ то возможно, не подвергая себя изобличенію предъ начальствомъ; вторыми покрывается наружное ихъ присоединеніе къ православію, а въ существѣ коснѣніе въ расколѣ и т. п. Я имѣю основаніе предполагать, что нѣкоторые православные приходскіе священники, по видамъ личной корысти, готовы даже тайно противодѣйствовать совершенному уничтоженію раскола. Есть примѣры, что старообрядцы показывались обращенными

бывшій здѣшній губернаторъ князь Голицынъ, при томy въ Вольскѣ старообрядцевъ почти окончательно. ...е дѣло лишь тѣмъ, что далъ первому подписать актъ ...нія городскому головѣ, а не Сапожникову (уже умер- ...шему первостатейнымъ изъ нихъ человѣкомъ по обще- ...тъ раскольниковъ уваженію. Отзывы умнѣйшихъ изъ ...тъ въ томъ, что они были продолжительное время го- ...ъ видѣли допущеніе къ нимъ снисхожденія; съ 1827 г. ...ь себя вновь гонимыми, и съ перемѣною обстоятельствъ ...ваться въ новомъ снисхожденіи, отзываясь выраженіемъ: царево въ руцѣ Божіей». Все это относится къ ихъ, такъ оракуламъ, къ числу коихъ, весьма вѣроятно, принадлежатъ, купцовъ, и высланные на мѣсто жительства иноки, изъ ...кенныхъ старообрядческихъ иргизскихъ монастырей, кои, ...ведутъ себя столь осторожно, что никакого явнаго подо- ... въ томъ на себя не подаютъ, но совершенно прекратить ...дѣсь сношеній съ ихъ единомышленниками, кои къ нимъ говѣютъ, нѣтъ возможности. По этой причинѣ высылку ихъ ...тдаленныя мѣста, если не обратятся къ единовѣрію, почиталъ неизлишнимъ».

Наконецъ, Фадѣевъ указываетъ и на мѣры, которыя, по его ...нію, правительство должно принять для болѣе успѣшной борьбы расколомъ, добавляя, что «эти мѣры въ общемъ объемѣ и въ ...но время изложить всѣ нельзя», что «хитрости и пронырства ...скольниковъ, вѣроятно, будутъ изыскивать и еще новыя сред- ...ва къ поддержанію своего заблужденія, кои могутъ открываться уничтожаться по мѣрѣ ихъ открытія», но что имъ лично уже ослабленъ расколъ»—какъ ошибочно утѣшаетъ себя Фадѣевъ— воспрещеніемъ ихъ уставщикамъ, подъ видомъ заработковъ въ ругихъ мѣстахъ, бродить по раскольничьимъ селеніямъ и способ- гвовать исполненію ихъ богомоленія».

Вотъ эти мѣры:

1) «Не обращать вниманія и не отказывать раскольникамъ» ъ разрѣшеніи имѣть свою церковь и своихъ священниковъ, по- ому, что раскольники, «существенно единовѣріе принимая, же-

лаютъ между собою именовательно оставаться не единовѣрцами, а старообрядцами» *).

2) «Усугубить особенное вниманіе мѣстныхъ властей на преслѣдованіе и поимку бѣглыхъ поповъ и монаховъ: для этого архіереи должны извѣщать всѣхъ губернаторовъ, гдѣ находятся раскольники, о каждомъ бѣжавшемъ монахѣ, попѣ или причетникѣ съ описаніемъ примѣтъ бѣглецовъ, и за каждую поимку назначать награды».

3) «Строго преслѣдовать совершеніе браковъ у раскольниковъ посредствомъ купножительства, и немедленно прекращать судъ и преслѣдованіе за купножительство, к[illegible]ъ только виновные примутъ единовѣріе».

4) «Дозволять раскольникамъ и даже содѣйствовать къ построенію новыхъ церквей: е[illegible] они и [illegible]ѣ будутъ принимать единовѣріе, а по частямъ, то [illegible]мъ [illegible] сами будутъ разъединяться, а чрезъ это самъ собою ос[illegible]лъ».

5) «Всѣхъ повѣренныхъ [illegible]овъ, которыхъ раскольники отправляютъ въ Петербургъ, немед[illegible] арестовывать и за карауломъ возвращать въ мѣста жительства, гдѣ и отдавать подъ строгій полицейскій надзоръ».

6) «Воспретить всякое бродяжничество и отлучку изъ деревень раскольничьихъ старухъ, потому что старухи эти часто замѣняютъ у нихъ причетниковъ и поддерживаютъ расколъ укрѣпленіемъ фанатизма и суевѣрія въ женскомъ полѣ».

7) «Строжайше запретить всякое стѣсненіе и вмѣшательство православнаго и единовѣрческаго духовенства въ дѣла внутренняго богослуженія новыхъ единовѣрческихъ церквей, и, въ особенности воспретить какое-либо шиканство, коему донынѣ они

---

*) «Здѣшній преосвященный, говоритъ Фадѣевъ:—полагаетъ это въ особенности нужнымъ для того, дабы предотвратить случаи, подобные бывшему въ Криволучьѣ, совершеніемъ *выправы* надъ священникомъ послѣ утвержденія его архіереемъ, но я думаю, что если это, по ихъ заблужденію и фанатизму, признается необходимымъ, то они это будутъ дѣлать и безъ бѣглыхъ монаховъ, чрезъ своихъ уставщиковъ и стариковъ. Преслѣдованіе же и поимка бѣглыхъ поповъ и монаховъ главнѣйше нужно и полезно для уничтоженія людей, поддерживающихъ упорство старообрядцевъ и облегчающихъ имъ средства въ исправленіи духовныхъ требъ».

подвергались, какъ напримѣръ, вчинаніе слѣдствій по неосновательнымъ и ничтожнымъ доносамъ».

Какъ ни ошибочна была подобная система дѣйствій въ борьбѣ съ расколомъ, она была, однако, усвоена всѣми и принята къ руководству. Болѣзнь лечили наружными средствами а болѣзнь гнѣздилась внутри государственнаго организма и постепенно разъѣдала все тѣло.

III.

Въ концѣ 1843 года, какъ мы сказали выше, саратовскимъ раскольникамъ дозволено было имѣть своихъ священниковъ на основаніи правилъ митрополита Платона. Раскольники другихъ городовъ Поволжья, встревоженные этой уступкой саратовскихъ раскольниковъ, назвали ихъ уступку «отпаденіемъ Саратова отъ правой вѣры». Говорили, что Саратовъ долженъ былъ уступить силѣ, но что другіе города «будутъ твердо стоять за святую церковь».

Въ Вольскѣ по этому случаю было собраніе раскольниковъ въ домѣ тамошняго богатаго купца Суетина. Собраніемъ, повидимому, направлялъ другой вольскій капиталистъ Курсаковъ. На эту сходку принесены были раскольничьи книги и разные документы, на которыхъ раскольники основывали свои права на неприкосновенность ихъ церкви. Собраніе было бурное. Одинъ изъ ярыхъ раскольниковъ, бывшій крестьянинъ Злобина, Яковлевъ, говорилъ къ собранію: «Если насъ будутъ пугать солдатами, то мы тоже сдѣлать принуждены будемъ, что и кузинцы».

— Какіе кузинцы? спрашивалъ Суетинъ:—и что̀ они сдѣлали?

— Пострадали за вѣру, какъ и у насъ въ Копенахъ много народу сами себя сожгли, не стерпя гоненія, отвѣчалъ Яковлевъ.— Мы будемъ жаловаться правительствующему сенату. Сенатъ насъ закономъ прикроетъ, какъ кузинцевъ прикрылъ. Вотъ законъ.

Яковлевъ вынулъ бумагу и показалъ собранію.

— Читай въ голосъ! закричали раскольники.

Въ указѣ правительствующаго сената изъяснено, читалъ Яковлевъ:—что въ Оренбургской губерніи, въ деревнѣ Кузиной исетскаго острога подвергли себя самосожженію полторы сотни душъ

и предъ сожженіемъ себя говорили, что-де предаемъ себя сгорѣнію отъ присылаемыхъ командъ, грабительства и раззоренія, и того что-де многіе изъ насъ безвинно взяты въ Тобольскѣ и въ заключеніи претерпѣваютъ голодъ и мученія, и никому-де свободы нѣтъ, при которомъ-де сгорѣніи собравшись многіе обыватели и во многихъ мѣстахъ сгорѣнію себя предадутъ, а между тѣмъ-де дошло извѣстіе, что изъ Тобольска паки слѣдуетъ команда не малая, человѣкъ до ста, и еже-ли-де, паче чаянія, такая команда туда пришлется, то-де и спору, чтобъ въ руки не даться, чинить некѣмъ, ибо-де крестьяне и разночинцы всѣ состоятъ въ великомъ страхѣ и многіе домы учинились послѣ того сгорѣнія пусты.

— Губернаторъ и архіерей и насъ хотятъ раззорить, говорилъ Суетинъ:—я поѣду въ Петербургъ просить защиты у самого государя.

Объ этомъ собраніи раскольниковъ секретно доносилъ Фадѣевъ вольскій городничій Григорьевъ и при этомъ присовокуплялъ, что, какъ онъ узналъ подъ рукою, «виною всѣхъ незаконныхъ дѣйствій здѣшнихъ раскольниковъ слѣдуетъ признать старообрядческаго ихъ попа Прохора».

Равнымъ образомъ «отпаденіе Саратова» сильно встревожило и раскольниковъ посада Дубовки. Боясь насильственнаго обращенія въ единовѣріе, они собрались у купца Грушенкова и высказывали мысль о необходимости удалиться изъ Поволжья—одни за Кавказъ, другіе въ Австрію. «Чѣмъ дальше, тѣмъ тягостнѣе намъ будетъ жить въ Россіи», говорили раскольники. Нѣкоторые предлагали снестись съ царицынскими и вольскими раскольниками и, по общему выбору, послать депутацію въ Петербургъ. Большинство было того мнѣнія, что съ началомъ весны всего безопаснѣе будетъ бѣжать въ Астрахань, а оттуда пробраться въ Баку.

Съ своей стороны царицынскіе раскольники, напуганные «отпаденіемъ Саратова», рѣшились послать агента къ раскольникамъ Войска Донского съ вопросомъ: «началось-ли и у нихъ гоненіе на правую вѣру». Агентомъ этимъ былъ избранъ мѣщанинъ Савельевъ, который и отправился въ Пять-Избъ (одна изъ донскихъ станицъ). Царицынскій полиціймейстеръ Розенмейеръ провѣдалъ объ

отправленіи этого агента и распорядился слѣдить за нимъ въ Пятиизбянской станицѣ. Посолъ царицынскихъ раскольниковъ явился прямо въ домъ казака Петрова и имѣлъ съ нимъ тайное объясненіе. На другой день, въ ночь, у Петрова, слывшаго подъ именемъ «Пятиизбинскаго святителя», назначено было раскольническое собраніе. Но такъ такъ тамошній станичный атаманъ былъ предувѣдомленъ Розенмейеромъ о посольствѣ Савельева, то это собраніе и было накрыто: большая часть собравшихся у Петрова раскольниковъ разбѣжалась, а Савельевъ былъ схваченъ. При этомъ слѣпая старуха-казачка, тетка Петрова, говорила станичному атаману: «у кого руки поднимутся на святителя — и тѣ руки отсохнутъ».

Савельева за карауломъ привезли въ Царицынъ и отдали подъ судъ.

Не меньшее волненіе господствовало въ это время и въ Хвалынскѣ. Между раскольниками прошелъ слухъ, что архіерей вытребовалъ именные списки всѣхъ сектантовъ и списки эти передалъ губернатору; что Фадѣевъ съ двумя ротами солдатъ скоро выйдетъ изъ Саратова, чтобы лично обращать всѣхъ раскольниковъ въ единовѣріе, а упорныхъ усмирять войскомъ. Многіе, вслѣдствіе этихъ ложныхъ слуховъ, попрятали все свое имущество и съ семействами перебрались за Волгу—кто въ Балаково, а кто въ другія заволжскія селенія. Въ это время пріѣхалъ изъ Петербурга агентъ ихъ, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ раскольниковъ, купецъ Кочуевъ. Раскольники собрались къ нему на совѣщаніе: всѣ были того мнѣнія, что обращеніе ихъ въ единовѣріе будетъ произведено силою.

— Иргизскихъ иноковъ крестили водою изъ пожарныхъ трубъ, а насъ будутъ крестить картечью изъ пушекъ, говорилъ одинъ раскольникъ, купеческій сынъ Кузьминъ.

— Этого не будетъ,—государь не допуститъ, говорили старики.

— Пока до государя дойдетъ, наши кости сгнить успѣютъ, горячился Кузьминъ:—лучше все продадимъ и бѣжимъ въ подданство къ турецкому султану.

— Въ Цыцарію бѣжимъ, въ бѣло крымскій (то есть бѣло-кри-

ницкій) монастырь, куда ушли иноки Прохоръ и Паисій, говорили нѣкоторые.

— Мы не иноки, намъ съ семьями бѣжать не приходится, а придется вѣрно здѣсь пропадать, возражали другіе.

Кочуевъ старался успокоить собраніе, говоря, что «войско у государя опредѣлено на пораженіе враговъ, а не своихъ вѣрныхъ подданныхъ: мы не враги, а дѣти государя, и насъ стрѣлять не будутъ», доказывалъ онъ.

— По острогамъ разберутъ, говорилъ Кузьминъ.

— Весь городъ въ острогъ не посадишь, возражали другіе.

Сходка продолжалась далеко за полночь, и порѣшено было отправить Кочуева вновь въ Петербургъ и Москву, съ одной стороны для того, чтобъ «подкрѣпиться совѣтомъ отъ тамошнихъ сильныхъ людей, оставшихся въ истинной вѣрѣ», съ другой—чтобъ добиться аудіенціи у государя, котораго будто бы «чиновники святотатственно обманываютъ».

Когда Фадѣевъ узналъ объ этомъ рѣшеніи хвалынскихъ раскольниковъ, то велѣлъ тамошнимъ властямъ задержать Кочуева въ Хвалынскѣ, но его извѣстили, что Кочуевъ, по паспорту, выданному ему изъ мѣстной думы, успѣлъ уѣхать «по своимъ дѣламъ» въ Нижній, въ Москву и Петербургъ.

Одновременно съ этимъ раскольники были встревожены слухами объ участи, постигшей дѣтей майора Персидскаго. «Дѣти майора Персидскаго» (какъ ихъ называли въ бумагахъ того времени)— это были два старыхъ раскольничьихъ монаха Герасимъ и Савватій, пользовавшіеся большимъ авторитетомъ между раскольниками средняго Поволжья, а равно во всемъ Войскѣ Донскомъ и Уральскомъ, такъ какъ считались «великими свѣтилами правды» и сами были природные казаки изъ древняго рода наказныхъ атамановъ Персидскихъ. Это были уже очень маститые и почтенные старцы. Первому изъ нихъ было 73 года, а второму, младшему, 71 годъ. Чтó заставило ихъ отказаться отъ военной службы и пойти въ расколо-учители—неизвѣстно, потому что въ дѣлахъ нѣтъ прямого указанія на этотъ предметъ. Но есть основаніе полагать, что исторія этихъ двухъ дворянъ-раскольниковъ тѣсно связана съ исторіею всего Волжскаго казачьяго войска.

Извѣстно, что волжскіе казаки во время пугачевщины передались на сторону самозванца. Пушкинъ въ своей «Исторіи Пугачовскаго бунта» говоритъ объ этой измѣнѣ Волжскаго войска только мимоходомъ, безъ подкрѣпленія документами. У пишущаго-же это въ одной изъ монографій объ этомъ времени, именно въ «Пугачовщинѣ», приведенъ даже подлинный документъ, найденный проѣзжими, на другой или третій день послѣ пораженія Пугачова Михельсономъ подъ Чернымъ Яромъ, между трупами убитыхъ пугачовцевъ и возводящій это событіе въ несомнѣнный историческій фактъ. Въ наказаніе за эту измѣну правительство распорядилось переселеніемъ всего Волжскаго войска, съ Волги на Терекъ. Въ территоріяхъ Волжскаго войска, столицею котораго была Дубовка, осталось только нѣсколько казачьихъ семействъ для охраны войсковыхъ станицъ и хуторовъ какъ отъ набѣговъ азіатскихъ хищниковъ, такъ и отъ своей «понизовой вольницы».

Въ числѣ атамановъ этого оставшагося Волжскаго казачьяго войска мы видимъ, въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, одного изъ природныхъ волжскихъ казаковъ—Персидскаго. Далѣе мы видимъ этого атамана замѣшаннымъ въ исторію одного изъ послѣднихъ коноводовъ поволжской понизовой вольницы прошлаго вѣка, именно атамана Брагина. Персидскаго обвиняли въ незаконныхъ связяхъ съ атаманомъ шайки Брагинымъ и главнымъ разбойникомъ Зубакинымъ *).

Къ чему привело это обвиненіе—неизвѣстно; Персидскій во время самаго суда, не давъ отвѣтовъ на обвиненіе, уѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ службы.

Вообще всѣ эти непріятности, какъ можно догадываться, заставили другихъ Персидскихъ, родственниковъ атамана, которыхъ было не мало, уклоняться отъ государственной службы. Рѣшеніе это было тѣмъ естественнѣе, что Волжское войско поголовно состояло въ расколѣ. Раскольниками издавна были и Персидскіе, изъ которыхъ нѣкоторые, послѣ уничтоженія Волжскаго казачьяго войска, считались принадлежащими къ Астраханскому войску. Имѣнія Персидскихъ, которые были помѣщиками, числились въ Цари-

*) Самозванцы и пониз. вольница, т. II.

цынскомъ уѣздѣ, а на рѣчкѣ Бердеѣ находился хуторъ Ильинъ, который весь состоялъ изъ Персидскихъ: хуторъ принадлежалъ одному изъ четырехъ братьевъ Персидскихъ, пятидесятнику Астраханскаго казачьяго войска Лукѣ Персидскому, и въ 1842 и 1843 году все населеніе его состояло изъ дѣтей, племянниковъ и внуковъ этихъ четырехъ братьевъ.

Родные братья пятидесятника Луки, сыновья майора Персидскаго, Григорій и Степанъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, вскорѣ послѣ разгрома Волжскаго войска, еще мальчиками бросили свою родину и ушли на Иргизъ, гдѣ и постриглись въ монахи спасопреображенскаго монастыря—первый подъ именемъ Герасима, а послѣдній подъ именемъ Савватія.

Старшій оставался въ иргизскомъ монастырѣ въ теченіи пятидесяти лѣтъ, а младшій, поживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, пробрался въ Уральское войско, гдѣ и поселился въ раскольничьемъ Бударинскомъ скиту, извѣстномъ тѣмъ, что отсюда Пугачовъ въ первый разъ выступилъ въ качествѣ будто бы государя, окруженный небольшою толпою бударинскихъ и иргизскихъ раскольниковъ, и пошелъ на Яицкій городокъ. Инокъ Савватій прожилъ въ Бударинскомъ скиту 46 лѣтъ. Уже въ старости оба брата вновь сошлись на Иргизѣ, передъ самымъ разгромомъ тамошнихъ раскольничьихъ монастырей. Они видѣли, какъ уничтожали одинъ изъ этихъ монастырей никольскій: всеобщее волненіе населенія, сосѣдняго съ монастыремъ, когда разнесся слухъ объ уничтоженіи ихъ, набатный звонъ монастырскихъ колоколовъ, бѣгство болѣе робкихъ иноковъ, паническій страхъ, овладѣвшій женскими монастырями, страшные слухи, распускаемые бродячими пророками объ общемъ гоненіи, затѣмъ приводъ къ монастырю войска съ артиллеріею, обливаніе раскольниковъ водою изъ пожарныхъ трубъ, арестованіе болѣе полуторы тысячи народа, на колѣняхъ защищавшаго монастырь отъ воображаемыхъ выстрѣловъ изъ пушекъ—все это проходило передъ глазами старыхъ иноковъ Персидскихъ, которые не могли не знать, что скоро очередь дойдетъ и до ихъ обители, которая была тамъ же, на Иргизѣ.

Персидскіе не дождались, когда возьмутъ и ихъ монастырь, какъ взяли никольскій. Они рѣшились искать новаго убѣжища,

«дабы—какъ выражался одинъ изъ нихъ—умереть не въ острогѣ и предстать предъ Господомъ не въ сѣрой свитѣ (въ сѣромъ армякѣ) арестанта, но въ иноческомъ одѣяніи».

— У отцовъ нашихъ войско (волжское) отняли и насѣки *) атаманской лишили, говорилъ Савватій:—съ насъ же ризы ангельскія снимаютъ и посохи страннические отнимаютъ. Порушены казацкія вольности на Дону, на Яикѣ и на Волгѣ—нѣтъ болѣе славнаго войска яицкаго и волжскаго и не возвратится вспять казацкая вольность. Мы сокрыли себя въ пустынѣ (въ иргизскихъ скитахъ), тамъ стали въ ряды воинства Іисусова, но пришелъ врагъ и разогналъ наше войско (изъ донесенія дубовскаго благочиннаго, священника Максима Волковскаго).

Вотъ вслѣдствіе-то этого Персидскіе и воротились въ свое отцовское имѣніе на рѣчку Бердею, гдѣ и основали скромный скитъ; но чтобы власти не открыли ихъ убѣжища, они превратили въ скитъ и въ храмъ простую «овечью избу» на своемъ хуторѣ, то-есть такое строеніе, которое на зиму предназначалось для содержанія въ теплѣ маленькихъ ягнятъ. Бывшая же на хуторѣ часовня оставалась запечатанною по распоряженію начальства.

Скоро слава этихъ отшельниковъ распространилась въ окрестномъ населеніи и прошла въ предѣлы Войска Донского, въ казацкія станицы. Тогда-то и стала расходиться между раскольниками тамошняго края молва, что «солнце православія, зашедшее на Иргизѣ, по милости Божіей, возсіяло на Бердеѣ». Всѣ жаждали видѣть это солнце, хотя знали, что всякія сборища раскольниковъ строго воспрещены, и потому осторожные сектанты посѣщали Персидскихъ тайно. Также тайно отправлялись на Бердеѣ и общественныя моленія. Богослуженіе, повидимому, совершали сами Персидскіе, хотя при молельнѣ и находились лица, которыя, какъ подозрѣвали власти, исполняли обязанности уставщиковъ—это хвалынскій мѣщанинъ Алексѣевъ и бывшая иргизская монахиня Василиса Макарова, которая жила въ самой молельнѣ, поселившись на хуторѣ у Персидскихъ въ качествѣ ихъ родственницы.

Какъ ни тайно совершались эти моленія, однако въ окрест-

*) «Насѣка»—атаманская булава.

ныхъ селахъ извѣстно было, что на Бердеѣ бываютъ значительные съѣзды раскольниковъ. Такъ посторонніе, проѣзжавшіе черезъ хуторъ Персидскихъ видѣли иногда, что происходитъ тамъ общественное моленіе; но такъ какъ весь хуторъ состоялъ изъ Персидскихъ и ихъ родственниковъ, то любопытствовавшіе узнать, что тамъ дѣлается, на вопросы свои ни отъ кого не получали отвѣтовъ. Поэтому, напримѣръ, жители деревни Погожей, отстоявшей недалеко отъ хутора Ильина, показывали разспрашивавшимъ ихъ властямъ—одинъ, что въ 1841 году «въ хуторѣ Ильинѣ собиралось раскольниковъ чрезвычайно много, такъ что пріѣзжавшихъ съ Дону и Бузулуку было повозокъ до ста, и проживали тамъ по недѣлѣ и болѣе»; другой—что «ходилъ онъ въ хуторъ Ильинъ, и, не доходя до онаго нѣсколько саженъ, услыхалъ громкое пѣніе», или—«видѣлъ тамъ большой съѣздъ раскольниковъ, но что они тамъ дѣлали, не знаетъ»; третій—что «къ Персидскимъ изъ разныхъ мѣстъ ѣздятъ много «странныхъ раскольниковъ и даже съ младенцами» и особенно эти съѣзды бываютъ по великимъ постамъ и на пасху и т. д.

Слѣдовательно, къ этому новому раскольничьему свѣтилу, силившемуся замѣнить иргизскія общины, начиналъ тяготѣть Донъ. Бузулукъ, Медвѣдица (сношенія хутора Ильина съ хуторами Тушкановыми на Медвѣдицѣ, по дѣламъ раскола, были постоянны). Бурлукъ, Иловла и та часть Поволжья, которая лежала ниже нѣмецкихъ колоній. Каковъ былъ характеръ этихъ сборищъ (кромѣ богомоленія), неизвѣстно; но что уничтоженіе иргизскихъ общинъ, преслѣдованіе бродячихъ пророковъ и опасеніе «предстать предъ Господомъ въ свитѣ арестантовъ», не могли не усилить того мрачнаго аскетизма въ сектантахъ, который такъ непріятно дѣйствуетъ при чтеніи «стиха преболѣзненнаго воспоминанія», послужившаго тушкановскому фанатику матеріаломъ для прокламаціи. Вотъ, напримѣръ, съ какимъ совѣтомъ «стихъ» этотъ обращается къ людямъ:

Почто въ юности мы не умрохомъ,
Въ самой младости мы не успнухомъ?
. . . .
И чего еще хощемъ ожидать,

Посреди міра долго пребывать?
Уже жизнь сія скончавается
И день судный приближается.
Ужахнись, душе, суда страшнаго
И пришествія преужаснаго,
Окрылись, душе, крылы твердости,
Растерзай, душе, мрежи прелести,
Ты пари, душе, въ чащи темныя,
Отъ мірскихъ суетъ удаленныя, и т. д...

Такое-же мрачное воззрѣніе на жизнь выносили отъ Персидскихъ и тѣ «странніе» раскольники, которые пріѣзжали поклониться новому солнцу, возсіявшему на какой-то Бердеѣ. Люди должны были заранѣе готовиться къ смерти и шить себѣ саваны. Были и такіе мрачно-безнадежные, которые заблаговременно приготовляли себѣ гробы. Мало того, находились такіе фанатики, которые, подобно Карлу V, ложились въ эти гробы, какъ бы предвкушая переходъ отъ этой жизни въ жизнь неизвѣстную, и переживали всѣ ужасы своего собственнаго напутствованія. На Бузулукѣ, въ лѣсу, «въ чащѣ темной», на пчельникѣ одного стараго казака Илюшина найдены были двѣ старухи, которыя, одѣвшись въ саваны, лежали въ «каюкахъ» (въ гробахъ), а Илюшинъ читалъ надъ ними псалтырь, какъ надъ умершими.

Каюки, или маленькія лодки часто служили раскольникамъ гробами. Гробъ не дѣлался изъ досокъ, какъ обыкновенно теперь они изготовляются, а чаще устроивался изъ обрубка дуба, въ которомъ для мертвеца выдалбливалось соотвѣтственное лежанье, а потомъ этотъ цѣльный обрубокъ забивался сверху крышкой. Часто для этой цѣли служили старыя лодки, «каючки», которыя тоже выдалбливались изъ цѣльнаго дерева и могли вмѣщать въ себѣ одного только сѣдока. Эти же лодки, по своей небезопасности и легкости на водѣ, называются «душегубками».

Вотъ въ такихъ-то лодкахъ хоронили иногда раскольниковъ. Можетъ быть, это старый русскій обычай, сохранившійся отъ временъ язычества, когда Русь жила по лѣсамъ «звѣрински» и вѣрила въ переселеніе душъ вмѣстѣ съ тѣломъ въ загробный міръ. Это переселеніе должно было совершаться черезъ море или черезъ

рѣку, какъ это было и у грековъ (черезъ мертвый Стиксъ), и потому умершему, страннику на тотъ свѣтъ, нужно было запастись перевозочной лодкой.

Такое древнее повѣрье могло сохраниться и у раскольниковъ, гдѣ-нибудь на уединенной Бердеѣ или на Бузулукѣ, и потому мы видимъ здѣсь эти страшныя, потрясающія приготовленія старухъ-раскольницъ для перехода въ загробную жизнь, что онѣ и думали совершить въ «темной чащѣ», на пріютившемся въ лѣсу пчельникѣ казака Илюшина.

Старухи лежали въ гробахъ, въ саванахъ, подъ деревомъ, и держали въ рукахъ по зажженной свѣчѣ. Тутъ же, подъ деревомъ, вырыты были двѣ могилы, которыя и должны были принять въ себя религіозныхъ маньяковъ, дикое суевѣріе которыхъ, распаляемое ужасами всякаго аскетическаго, горячечнаго лиризма, превратилось въ сумасшествіе.

На эту возмутительную картину случайно набрелъ станичный писарь изъ Березовки, Назаровъ, охотившійся съ ружьемъ въ той мѣстности. Когда онъ подходилъ съ ружьемъ къ пчельнику, то издали услыхалъ протяжное чтеніе псалтыря «старообрядческимъ способомъ», какъ онъ выражался въ рапортѣ станичному правленію, а потомъ увидѣлъ самого Илюшина, два гроба и двѣ могилы «не нарочитой глубины, вырытыя рядомъ». На вопросъ писаря, обращенный къ Илюшину—«что онъ дѣлаетъ», послѣдній отвѣчалъ: «напутствую въ жизнь вѣчную». Старухи лежали въ гробахъ съ закрытыми глазами, но когда Назаровъ отнесся къ нимъ съ укоризненнымъ вопросомъ, мнимыя покойницы открыли глаза и перекрестились *). Назаровъ спрашивалъ, по какому праву Илюшинъ осмѣливается напутствовать людей, когда они еще живы, и кто позволилъ ему это. Старый казакъ отвѣчалъ, что «Богъ велитъ всегда быть готовымъ къ смерти», а что «молиться о душѣ никакой законъ не запрещаетъ».

*) Призванный, впослѣдствіи, въ станичное правленіе для объясненій, Илюшинъ жаловался на грубость обращенія съ нимъ Назарова, который, будто-бы подойдя къ старику, спросилъ: «что ты тутъ дѣлаешь, старый чортъ?» А потомъ, обратясь къ гробамъ, съ азартомъ воскликнулъ: «а вы чтъ лежите, старыя вѣдьмы?»

Назаровъ, воротясь въ станицу, донесъ объ этомъ станичному правленію, и казака Илюшина потребовали къ отвѣту, чрезъ разсыльныхъ казаковъ. Разсыльные, явившись къ Илюшину на пчельникъ, нашли тамъ только самого старика, но ни старухъ, ни гробовъ, ни свѣже вырытыхъ могилъ тамъ уже не было. На вопросы станичнаго атамана, Илюшинъ отвѣчалъ то же, что и Назарову, говоря, что «помышлять о послѣднемъ часѣ самъ Богъ повелѣваетъ» и что нѣкоторые изъ святыхъ отцовъ «заранѣе смерти приготовляли себѣ гробы, и въ оныхъ, яко въ домахъ на постели, возлежали въ постѣ и молитвѣ». Убѣжденные этими доводами, станичные начальники въ дѣйствіяхъ Илюшина и старухъ-раскольницъ не нашли, повидимому, ничего противозаконнаго, тѣмъ болѣе, что и сами, вѣроятно, втайнѣ придерживались раскола. Старикъ Илюшинъ былъ отпущенъ на свободу.

Замѣчательную сторону этого факта составляетъ то извѣстіе, что найденныя въ гробахъ старухи, по показанію Илюшина, жительство прежде имѣли на рѣчкѣ Бердеѣ, въ Царицынскомъ уѣздѣ, т. е. въ той именно мѣстности, гдѣ начиналъ пріобрѣтать между раскольниками славу святости хуторъ Персидскихъ.

Всѣ эти обстоятельства были причиною того, что противъ братьевъ-монаховъ Персидскихъ возбуждено было сначала административное, а потомъ судебное преслѣдованіе. И въ этомъ случаѣ борьбу противъ усиленія раскола на окраинахъ донскихъ земель, соприкасавшихся съ землями Поволжья, началъ тотъ же саратовскій преосвященный Іаковъ, названный «хоботомъ десятирожнаго звѣря», который подрубилъ подъ самый корень величіе и силу раскола на Иргизѣ. Отъ глазъ его агентовъ не скрылись дѣйствія «дворянъ-раскольниковъ» Персидскихъ. Черезъ одного агента онъ узналъ, что въ Царицынскомъ уѣздѣ, на хуторѣ Ильинѣ, принадлежащемъ пятидесятнику Астраханскаго казачьяго войска Лукѣ Персидскому, на рѣчкѣ Бердеѣ, поселились два раскольничьихъ монаха, «выходцы изъ Иргизскихъ монастырей», и что эти расколоучители построили себѣ тамъ часовню, въ которой и отправляютъ богослуженіе открыто.

Іаковъ тотчасъ же сообщилъ объ этомъ открытіи губернатору. Этотъ послѣдній, по заведенному порядку, приказалъ мѣстнымъ

властямъ уничтожить сказанную часовню и произвести объ этомъ слѣдствіе. Когда на хуторъ Ильинъ явился полицейскій чиновникъ, то онъ нашелъ тамъ уже извѣстныхъ намъ иноковъ Герасима и Савватія «Старцы эти—сообщалъ чиновникъ по начальству—именуютъ себя иноками, носятъ халаты темнаго цвѣта и темныя на головахъ скуфьи, называя халаты мантіями, а скуфьи—камилавками». Оказалось, что часовна устроена съ 1839 года. Въ ней захвачены были образа, книги, свѣчи и другіе предметы, употребляемые при богослуженіи. Часовня тотчасъ-же была запечатана. Узнавъ объ этомъ, губернаторъ велѣлъ немедленно снять съ Герасима и Савватія монашеское платье и строго наблюдать, чтобы они на будущее время не осмѣливались ходить монахами и возобновлять уничтоженную часовню. Снова на хуторѣ Ильинѣ явился чиновникъ. Герасимъ и Савватій упорно будутъ носить иноческое платье и называться иноками, потому что дали Богу обѣтъ быть монахами. Донесли объ этомъ губернатору. Тогда губернаторъ послалъ третьяго чиновника исполнить то, что слѣдовало исполнить. Этотъ послѣдній нашелъ дворянъ-раскольниковъ опять-таки «въ иноческомъ одѣяніи, отправляющихъ въ домѣ брата своего Луки Персидскаго вечернюю службу, которая отъ громкаго пѣнія была слышна при подъѣздѣ къ дому, гдѣ находились почти всѣ жители хутора Ильина, молящіеся Богу».

Дворяне-раскольники и тутъ выказали прежнюю неуступчивость. Предсидскіе продолжали говорить, что они дѣйствительно монахи, что посвятилъ ихъ въ это званіе покойный іеромонахъ Патермуфій; но они утверждали при томъ, что въ запечатанной часовнѣ богослуженія не отправляли; а молятся въ домѣ брата своего во время вечерни, заутрени и часовъ; что платья монашескаго съ себя не снимутъ и называться иноками не перестанутъ, «хотя за сіе и будутъ подвергнуты законному осужденію», что богослуженіе ихъ состоитъ только въ чтеніи псалтири и другихъ богослужебныхъ книгъ, но что соблазна этимъ они ни кому не дѣлали. Они разсказали, какъ судьба завела ихъ прежде на Иргизъ, потомъ на Уралъ, а оттуда вновь на родину. Видя упорное преслѣдованіе ихъ и не желая поступиться своимъ званіемъ ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ, боясь наконецъ покончить жизнь въ «свитѣ

арестанта», они просили, чтобы ихъ вновь отправили на Иргизъ, въ единственный оставшійся тамъ раскольничій монастырь, гдѣ они провели свою молодость и гдѣ у нихъ была собственная келья.

Началось формальное слѣдствіе, допросы, справки. На повальномъ обыскѣ дворяне-раскольники были всѣми одобрены. Подтверждали только нѣкоторые изъ окрестныхъ жителей, что служба Персидскими дѣйствительно совершается, что къ нимъ для богомоленій съѣзжаются раскольники изъ Дубовки, Пролейки и проч. Отъ Персидскихъ потребованы были документы. Это были увольнительные виды «отъ общества дворянъ»:—братья значились слабыми здоровьемъ, неспособными къ государственной службѣ. На документѣ младшаго изъ нихъ, Савватія, была надпись, что въ 1837 году онъ «былъ замѣшанъ въ дѣлѣ о подачѣ его императорскому высочеству государю наслѣднику уральскими казаками ябеднической просьбы, за что, по волѣ высшаго начальства, высланъ изъ предѣловъ уральскаго войска, съ тѣмъ, чтобы туда никогда не приходилъ и чтобы никому изъ уральскихъ войсковыхъ обывателей его не держать, подъ строжайшею за противное сему отвѣтственностью по законамъ».

Слѣдственное дѣло поступило въ судъ. Какъ ни строго относились власти къ раскольнической пропагандѣ, но назвать Персидскихъ пропагандистами не представлялось никакихъ прочныхъ основаній, хотя сила ихъ раскольническаго авторитета въ краѣ и казалась несомнѣнною: послушавъ ихъ мрачной проповѣди, люди живьемъ ложились въ гробъ—такъ велика была сила фанатическаго лиризма, которымъ отдавало отъ всей замѣчательной жизни дворянъ-раскольниковъ.

Арестованныхъ Персидскихъ судъ приговорилъ, на основаніи манифеста 16-го апрѣля 1841 года, «учинить свободными», а за неуступчивость, за непремѣнное намѣреніе остаться на своемъ посту до гроба, во избѣжаніе «соблазна» для населенія—выслать на Иргизъ въ раскольническій монастырь и ни подъ какимъ видомъ изъ монастыря не освобождать.

Но этимъ дѣло не кончилось. На хуторъ Персидскихъ былъ сдѣланъ четвертый наѣздъ властей, какъ бы случайно, при розыскѣ одного бѣглаго донского попа: этотъ наѣздъ открылъ, что

прежнее мѣсто богослуженія брошено, а вмѣсто его выстроено новое—это замаскированная «овечья изба». Въ этой избѣ, въ «образной», найдена была «старая дѣвка», жившая прежде въ женскомъ иргизскомъ монастырѣ—это извѣстная уже намъ Василиса Макарова. При новыхъ спросахъ братья Персидскіе упрямо отстаивали свое право быть тѣмъ, чѣмъ они были въ продолженіе всей своей многолѣтней жизни.

Затѣмъ послѣдовалъ пятый наѣздъ властей на Педсидскихъ. Молва расходилась объ этихъ наѣздахъ по Дону и по Волгѣ и держала въ крайней агитаціи раскольниковъ Дубовки, Царицына, Камышина, Саратова, Вольска, Хвалынска и всѣхъ городовъ Поволжья. Пятый наѣздъ нашелъ братьевъ Персидскихъ на своемъ посту—въ «овечьей избѣ». Ее тотчасъ же запечатали. Когда въ пятый разъ отъ нихъ потребовали повиновенія, они и въ пятый разъ рѣшились не повиноваться. Мало того: въ тотъ же день пріѣхалъ изъ своего имѣнія, изъ деревни Чернобуровки, находящейся въ землѣ Войска Донского, четвертый братъ Персидскихъ, войсковой старшина Логинъ Персидскій, и увезъ съ собою братьевъ монаховъ въ свое имѣніе, гдѣ саратовскія власти имѣли, конечно, менѣе значенія, чѣмъ въ своей губерніи.

Черезъ нѣсколько времени мѣстныя власти въ шестой разъ посѣтили хуторъ Персидскихъ. Тутъ онѣ узнали, что братья-монахи не надолго ѣздили въ Войско Донское, а большею частью прожили въ своемъ имѣніи, скрываясь въ землянкахъ, чтобъ только настоять на своемъ рѣшеніи—остаться монахами до смерти и, «скрывъ нѣкоторымъ образомъ слѣды настоящаго своего званія, съ бо̀льшею ревностью предаться фанатическому своему изувѣрству», какъ выражались власти. И вотъ начинаются новые допросы. Къ дѣлу привлечено много лицъ. Отвѣты отбираются отъ всѣхъ прикосновенныхъ и неприкосновенныхъ къ дѣлу. Выясняется связь хутора Ильина съ Тушкановыми хуторами Войска Донского, однимъ изъ раскольничьихъ центровъ довольно большого района. «Заочное крещеніе младенцевъ», «заочное погребеніе умершихъ», вѣнчаніе раскольниковъ братьями Персидскими, наѣзды къ нимъ бѣглыхъ ...иовъ, съѣзды сектантовъ къ Персидскимъ во время постовъ для ...нья—все это служитъ матеріаломъ къ обвиненію упрямыхъ

расколоучителей, которые вторично приговариваются къ двухнедѣльному тюремному заключенію, а послѣ того—къ ссылкѣ въ раскольническій Иргизскій монастырь.

Лѣтомъ 1844 года Персидскіе подъ строгимъ карауломъ были привезены на Иргизъ и водворены въ своей собственной кельѣ. Дальнѣйшая судьба этихъ «великихъ свѣтилъ правды» неизвѣстна.

IV.

Сейчасъ разсказанная нами исторія дворянъ-раскольниковъ, перенесшихъ центръ сектаторской пропаганды съ Иргиза на окраины донскихъ земель, является однимъ изъ характерныхъ эпизодовъ въ исторіи движенія раскола нашего времени. Вмѣстѣ съ бродячими пророками раскола явились и бродячія «солнца православія», которыя, какъ блудящіе огоньки, вспыхивали то на какой нибудь неизвѣстной рѣченкѣ Бердеѣ, то на такомъ же невѣдомомъ до того времени казачьемъ хуторкѣ Тушкановомъ, то въ оврагѣ около села Золотого, то въ лѣсныхъ дачахъ села Ахмата, то на Ахтубѣ и т. д. Но и этого было недостаточно для раскола.

Такъ, когда обращено было особое вниманіе на Тушкановы хутора, то тамъ задержаны были по подозрѣнію двое слѣпыхъ нищихъ съ поводыремъ, маленькимъ мальчикомъ. Подозрѣніе усилилось, когда нищіе, при спросѣ засѣдателемъ усть-медвѣдицкаго сыскного начальства, спутались въ показаніи мѣстности, откуда они пришли. Сначала они показали, что пришли изъ слободы Мариновки, графа Орлова-Денисова, откуда пріѣхалъ и засѣдатель, но гдѣ ихъ, въ бытность засѣдателя въ Мариновкѣ, никто не видалъ. Затѣмъ сбивчивость показаній маленькаго поводыря окончательно убѣдила сыскного чиновника, что подъ видомъ нищихъ скрываются совсѣмъ не тѣ личности, за которыя они себя выдавали.

Оказалось, что оба странника были раскольничьи монахи изъ иргизскаго Никольскаго монастыря, которые подъ видомъ калѣкъ перехожихъ прошли все Поволжье, распѣвая народу «душеспаси-

тельные стихи» и въ тоже время тайно совершая требы по раскольничьимъ требникамъ. Останавливаясь въ селахъ, они пѣли подходящія раскольничьи канты и преимущественно (какъ показывалъ мальчикъ-поводырь) пѣсню «идетъ монахъ изъ пустыни», или «идутъ лѣта всего свѣта». Зажиточные крестьяне зазывали странниковъ въ свои дома, и они тамъ нерѣдко, при толпѣ гостей и любопытныхъ, пѣли по цѣлымъ часамъ, а «люди, слушая таковое пѣніе, нерѣдко плакали», или—по показанію поводыря—«бранили начальство и поповъ».

Чтобы понять все значеніе этихъ явленій не столько въ исторіи раскола, сколько въ исторической жизни всего русскаго народа, слѣдуетъ замѣтить, что раскольничьи стихи вообще составляютъ отдѣльный, самостоятельный циклъ въ народной поэзіи. Раскольничій стихъ—это такое сильное и опасное оружіе въ рукахъ раскольника-пропагандиста, что съ нимъ не въ состояніи сравниться вся раскольничья литература, догматическая, историческая и апологетическая, начиная отъ сочиненій протопопа Аввакума, отъ «Вертограда духовнаго или винограда райскаго», «Вопроса и отвѣта старца Авраамія», «Исторіи о вѣрѣ и челобитной о стрѣльцахъ», «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ» и кончая «Брачнымъ врачествомъ» и «Мечомъ духовнымъ». Поэтому, чтобы понять всю силу раскольничьяго стиха, который возбуждалъ народныя страсти, мы считали бы не лишнимъ указать на самые мотивы, дававшіе особую закваску раскольничьему стиху, и на идею, которой проникнута вся раскольническая поэзія.

Письменная раскольническая литература болѣе или менѣе извѣстна каждому, кого интересуетъ расколъ, какъ историческое явленіе; но устная раскольническая литература, какъ продуктъ поэтическаго творчества самого народа, извѣстна очень мало и притомъ только людямъ, спеціально изучающимъ народную поэзію. Литература эта какъ бы прячется въ сборникахъ памятниковъ народнаго творчества, потому что раскольничья пѣсня—это не совсѣмъ пѣсня, а духовный стихъ, который вызываетъ къ себѣ въ народѣ солидное и строго-почтительное отношеніе, какъ священная книга, какъ проповѣдь, только болѣе доступная для общаго ...анія, чѣмъ проповѣдь книжная.

Изъ признаній поводыря мнимыхъ нищихъ, задержанныхъ въ Тушканахъ, видно, что эти агитаторы преимущественно пѣли стихи: «Идетъ монахъ изъ пустыни», или «Идутъ лѣта всего свѣта». Въ основу каждаго изъ этихъ стиховъ положена идея пустынножительства, которая прикрывала собою не одно только аскетическое восхваленіе «прекрасной пустыни», но цѣлый рядъ протестовъ народа противъ существовавшихъ порядковъ государственности: стихъ какъ бы освѣщаетъ разрывъ всякихъ связей съ обществомъ, бѣгство изъ городовъ и селъ, гдѣ существовали извѣстные порядки и гдѣ жило начальство, собиравшее подать, судившее народъ за проступки и преступленія. Такъ въ первомъ изъ этихъ стиховъ говорится о старцѣ, вышедшемъ изъ пустыни, т.-е. о такомъ калѣкѣ перехожемъ, именемъ котораго прикрывались пойманные въ Тушканахъ бѣжавшіе съ Иргиза раскольничьи монахи, принявшіе на себя роль сектаторскихъ апостоловъ. «Идетъ монахъ изъ пустыни—говорится въ стихѣ—идетъ онъ слезно плачетъ. На встрѣчу ему самъ Господь Богъ: «ахъ, ты монахъ, монахъ! объ чемъ ты, монахъ, слезно плачешь?»—«Какъ же мнѣ не плакать? недавно меня въ монахи посвятили, а меня одолѣли злыя мысли, потерялъ я ключи отъ пустыни—уронилъ ихъ въ сине море глубокое». Опускался монахъ въ море глубокое, но не досталъ ключи золотые. «Мнѣ не жалко ключи золотые—жалко книгу золотую въ пустынѣ». Вотъ и пишетъ Ефремъ книгу, онъ пишетъ ее со слезами, дружьевъ къ себѣ призываетъ:

Вы послушайте, дружья-братья-христіаны,
Вы такую мою рѣчь не глупу:
Вы пойдемте жить въ горы, во пещоры—
Народился у насъ злой антихристъ.

На послѣднихъ двухъ стихахъ отразилась цѣлая идея, которую практически принялъ къ жизни русскій народъ—это идея бродяжничества, которая вызывалась собственно не аскетизмомъ, а всѣмъ нескладнымъ строемъ общественной и государственной жизни старой Руси—неумѣренной податью, деспотизмомъ правителей, воеводъ и прочихъ государственныхъ функцій, частой рекрутчиной, нагнетеніемъ крѣпостного права, безсудицей, отношеніемъ къ «под-

лому народу» исключительно какъ къ служебной и рабочей си и т. д.

Другой стихъ еще яснѣе указываетъ причины, по которы народъ долженъ изъ городовъ и селъ бѣжать «въ горы, во щоры».

«Идутъ лѣта всего свѣта—говоритъ стихъ—приближается нецъ вѣка. Пришли времена лютыя, пришли года тяжкіе; не ст вѣры истинной, не стало стѣны каменной, не стало столповъ крѣ кіихъ, погибла вѣра христіанская:

Стали у насъ судіи неправедные,
Пастыри при церквахъ запоицы и пьяницы,
Отягощаютъ люди даньми тяжкими—
Нѣту у насъ пути спасенія.
Кому повѣмъ печаль мою?
Кого призову въ помощники? и т. д.

Понятно, что слушая эти стихи, народъ плакалъ или руг начальство, поповъ и т. д., какъ показывалъ поводырь тушкан скихъ бродягъ-раскольниковъ. И самый стихъ выражаетъ угрозу: «Падутъ, падутъ многогрѣшницы, всего міра прелестниц

Идея пустынножительства, отчужденія отъ общества, брод ничества, однимъ словомъ, идея непримиримаго протеста прот существовавшихъ порядковъ вызвала цѣлый рядъ раскольничы стиховъ, въ которыхъ такой протестъ возводится въ культъ, религіозный догматъ.

Ничто-же можетъ воспретити
Отъ странства мя отлучити,
Пищи тако не алкаю,
Странствоватися понуждаюсь,
Не такъ жаждою смущаюсь,
Скитатися понуждаюсь,
Всему міру въ смѣхъ явлюся,
Токмо странства не лишуся.
Бѣжи, душа, Вавилона,
Постигай спѣшно Сіона и т. д.

«Бѣжи, душа, Вавилона»—это понималось и толковалось такъ: «убѣгай, душа, отъ станового пристава, отъ податей, отъ рекрутчины». «Сіонъ»—это какой нибудь лѣсъ за Волгой, степи, Иргизы, Бердся и т. д.

Разумѣется, ко всему этому присоединяется имя «злого антихриста», котораго агенты—исправники, попы и т. д. Въ виду того, что уже «народился злой антихристъ», лиризмъ раскольника выражается такъ:

А кто-бы мнѣ построилъ
Прекрасную пустыню,
Во темныхъ во лѣсахъ,
Во горахъ бы, въ вертепахъ,
Во пропостяхъ во земныхъ?
Уже бы мнѣ не видати
Житія бы суетнаго,
Уже-бы не слыхати
Человѣческаго гласу!.. и т. д.

Оказывается, что самъ Богъ похваляетъ пустыню, потому что пришли «остатошны времена», «послѣдняя кончина», потому что народился злой антихристъ:

Какъ рыкнулъ онъ окаянный
Во всѣ концы во земные...
Испустилъ онъ свою злобу
По всей поднебесной:
Не будетъ уходу, не будетъ ухорону
Ни въ горахъ, ни въ вертепахъ,
Ни въ разсѣлинахъ земныхъ.

Въ одномъ стихѣ восхваляются всѣ совершенства пустыни, и нѣкоторыя строфы стиха не лишены поэтической окраски: въ нихъ сказывается чутье природы, пониманіе того, что въ пустынѣ есть прекраснаго:

О прекрасная пустыня!
Нашъ Господь пустыню восхваляетъ,
Отцы въ пустынѣ скитаютъ,
Ангели отцемъ помогаютъ,

Апостоли отцевъ ублажаютъ,
Пророцы отцевъ прославляютъ.
Мученицы отцевъ величаютъ,
А вси святіи отцевъ восхваляютъ.
Отцы въ пустынѣ скитаютъ,
И горъ воды испиваютъ,
Древа въ пустынѣ процвѣтаютъ,
Птицы къ древамъ прилетаютъ,
На кудрявыя вѣтви посядаютъ,
Красныя пѣсни воспѣваютъ,
Отцевъ въ пустынѣ утѣшаютъ, и т. д.

Преслѣдованіе бр[illegible] уничтоженіе скитовъ и пустын[illegible] обращеніе раскольни[illegible]ковъ въ единовѣріе послужи[illegible] мотивомъ для созданія [illegible]торыхъ пустыня оплакивает[illegible] какъ мать, отрываема[illegible]й:

О пре[illegible]
Любимая м[illegible]
Прицли[illegible]
Со[illegible]р[illegible]злучати.
Огню [illegible], мати, [illegible]дѣлися,
Ты со мною нынѣ разстаешися,
Душевное мое спасеніе,
Плотское мое оскорбленіе!
За то я тебя почитаю
И матерью называю,
Что ты льстивую мою плоть оскорбляешь,
Души моей грѣхи очищаешь,
Безмолвная мати пустыня,
Безмолвная и не празднословная,
Безропотная, не строптива,
Смиренномудреная, терпѣлива, и т. д.

Въ другомъ стихѣ, служащемъ какъ бы варіантомъ вышепри веденному, высказывается боязнь, что «плоть невоздержная может выгнать раскольника изъ пустыни:

Плоть моя невоздержная,
Я боюсь тебя—погубишь меня,

Выгонишь изъ темныхъ лѣсовъ,
Изъ темныхъ лѣсовъ, изъ дремучіихъ,
Изъ зеленой изъ дубравушки,
Изъ прекрасной изъ пустынюшки.

А внѣ пустыни человѣка ожидаютъ ужасы, потому что жизнь на грѣшной землѣ ведетъ къ мукамъ: «Подъ моремъ, подъ землею мучатся души грѣшныя, мучатся и день и ночь; они плачутъ—что рѣки льются, возрыдаютъ—что ручьи ревутъ: «есть ли у насъ отецъ и мать? есть ли у насъ и братъ, и сестра? есть ли у насъ и родъ, и племя? Повѣдали бы мы имъ муку вѣчную; тошно намъ въ огнѣ горѣть, грустно намъ въ смолѣ кипѣть, еще того тошнѣй—черви точатъ, всего-то тошнѣй—на дьявола зрѣть». Какъ расплачется и растужится мать сыра земля передъ Господомъ: «тяжело-то мнѣ, Господи, подъ людьми стоять, тяжелѣй того—людей держать, людей грѣшныихъ, беззаконныихъ, кои творятъ грѣхи тяжкіе, досады чинятъ отцу, матери! убійства и татьбы дѣлаютъ страшныя. Повели мнѣ, Господи, разступиться и пожрать люди грѣшницы, беззаконницы». Отвѣчаетъ землѣ Іисусъ Христосъ: «О, мати ты, мать сыра земля! Всѣхъ ты тварей хуже осужденная, дѣлами человѣческими оскверненная! Потерпи еще время моего пришествія страшнаго, тогда ты, земле, возрадуешься, убѣлю тебя снѣгу бѣлѣй, прекрасный рай пророщу на тебѣ, цвѣты райскіе пущу по тебѣ» и т. д.

Это мрачное представленіе жизни—продуктъ историческаго существованія народа: отъ всего вѣетъ грустью, тоской, безнадежностью; идеалъ у народа—Лазарь убогій, ожидающій не перемѣны къ лучшему въ своей жизни, а могилы. Другихъ идеаловъ и образовъ народъ не знаетъ, не смѣетъ любить, а любитъ только образы, отвѣчающіе его жизненной обстановкѣ. «Не веселы были эти образы—говоритъ издатель «русскихъ духовныхъ стиховъ», г. Варенцовъ:—однообразные и тоскливые напѣвы, но въ нихъ отзывалась знакомая народу грусть, и въ образѣ Лазаря убогаго онъ узнавалъ себя самого, оскорбленнаго, забытаго богатымъ, себя, убитаго судьбой, съ единственнымъ убѣжищемъ—могилой. Религія въ этихъ стихахъ казалась ему грозной и карающей; она требовала жизни, полной отреченія, требовала лишеній и жертвъ, ему

все грезилась огненная рѣка и страшныя муки, которыя буд[ут] за ней; все грезились мытарства и грозные ангелы. Такіе обра[зы], казалось, могли бы вызвать на борьбу съ жизнію силы душ[и], развить энергію въ народѣ; но когда онъ не находитъ въ в[ѣрѣ] ничего, кромѣ грозы и страха, горя и лишеній, когда ему т[акъ] рѣдко слышится слово любви, примиренія—духъ его падаетъ, [и на] конецъ, подъ гнетомъ этихъ тяжелыхъ томительныхъ призрако[въ] народъ становится подавленнымъ, запуганнымъ, и робко клон[итъ] голову, не выступая на борьбу. И жизнь, и смерть равно пр[ед]ставляются ему чѣмъ-то враждебнымъ, въ жизни нѣтъ свѣтлы[хъ] радостей, а есть только отреченіе отъ міра, муки, да казни; смер[ть] холодная, безрадостная, въ чистомъ полѣ, далеко отъ дому [и] друзей» *).

Вотъ почему русскій расколъ создалъ такія возмутитель[ныя], мрачныя и безнадежныя произведенія, какъ стихи «Морельщи[]ковъ». Тутъ уже прямо проповѣдуется самоубійство.

Послушайте мои совѣты:
Послѣднія пришли лѣта.
Народился злой антихристъ,
Напустилъ онъ свою прелесть
По городамъ и по селамъ,
Наложилъ печать свою на людей,
На главы ихъ и на руки,
Что на ноги и на персты.
Кто его печать принимаетъ,
Тому житіе пространно;
А кто его печать не принимаетъ,
Тому житіе гонимо.
Убирайтесь, мои свѣты,
Во лѣса, въ дальныя пустыни,
Засыпайтесь, мои свѣты,
Рудожелтыми песками,
Вы песками, пепелами!
Умирайте, мои свѣты.
За крестъ святой, за молитву,
За свою браду честную», и т. д.

*) Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. Спб. 1860 г., стр. 5—6.

«Умирать за бороду»—это, повидимому, смѣшно, аскетически—узко. Но съ бородой связано все, чѣмъ не радостна была жизнь народу: борода — это «двойной подушный окладъ, ношеніе указнаго платья», преслѣдованіе, раззореніе, острогъ.

Ту же самую идею, но еще въ болѣе ужасныхъ формахъ, преслѣдуютъ пѣсни «глухой нѣтовщины» и «объ Аллилуевой женѣ». Это такая крайность отчаянья, дальше которой идти нельзя. Идея этихъ стиховъ—самосожигательство, какъ послѣдній взрывъ народнаго безсилія.

«Какъ родился — говоритъ пѣсня — Христосъ въ Виѳлеемѣ, какъ крестился нашъ Спасъ въ Іорданѣ, антихристы-жиды его замѣчали, злой смерти его предать хотѣли. И кидался Христосъ въ келью, къ Аллилуевой женѣ милосердой. Аллилуева жена печку топитъ, на рукахъ своего младенца держитъ. Какъ возговоритъ къ ней Христосъ Владыка: «Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда, кидай ты свое дѣтище въ печь, во пламя, примай меня, Царя небеснаго, на бѣлыя руки». Аллилуева жена милосерда кидала свое чадо въ огонь, во пламя, брала Царя небеснаго на бѣлыя руки. Прибѣжали тутъ жидове-архіереи, антихристы, злые фарисеи, говорили Аллилуевой женѣ престрашно «Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда, ты куда Христа схоронила?» Отвѣчаетъ имъ Аллилуева жена милосерда, что кинула Христа въ печь, во пламя. Жидове книжницы, архіереи, антихристы, злые фарисеи подходили къ печкѣ, заглянули, Аллилуева младенца въ печкѣ увидали, заскакали они, заплясали печку заслонками затворили. И скоро тутъ пѣтухи запѣли. Антихристы-жидове тутъ пропали. Аллилуева жена заслонъ отворяла, слезно плакала, громко причитала: «Ужь какъ я, грѣшница, согрѣшила! чадо свое въ огнѣ погубила!». Какъ возговоритъ Христосъ, Царь небесный: «Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда, загляни-ка ты въ печь, во пламя». Увидала она въ печи вертоградъ прекрасный, въ вертоградѣ травонька муравая, во травонькѣ ея чадо гуляетъ, съ ангелами пѣсни воспѣваетъ, золотую книгу евангельску читаетъ, за отца, за мать Бога молитъ. Какъ возговоритъ Аллилуевой женѣ Христосъ Царь небесный:

Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда,
Ты скажи мою волю всѣмъ моимъ людямъ,
Всѣмъ православнымъ христіанамъ,
Чтобы ради меня въ огонь они кидались,
И кидали-бы туда младенцевъ безгрѣшныхъ.
Пострадали-бы всѣ за меня Христа свѣта,
Не давались-бы въ прелесть хищнаго волка,
Хищнаго волка, антихриста злаго.
Что антихристъ на землѣ взялъ силу большую,
Погубитъ во всемъ свѣтѣ вѣру Христову,
Поставитъ свою злую церковь,
Онъ брады всѣм [illegible] тъ,
Креститься щепоть [illegible] даетъ, и т. д.

Подобныхъ стихов [illegible] кой литературѣ не мало: всѣ они развиваютъ [illegible] ердая жена спасла Христа отъ жидовъ, бросивъ [illegible] бенка, который, однако, остался невредимъ.

Нѣсколько иначе [illegible] самосожигательства къ стихѣ «глухой нѣтовщины [illegible] начинается такъ-же, какъ и вышеприведенные нами с [illegible] шелъ старецъ по дорожкѣ» и т. д.; но дальнѣйшее содержаніе этого стиха возводитъ самосожигательство въ раскольническій догматъ. Встрѣтившійся съ этимъ старцемъ Христосъ говоритъ будто-бы ему слѣдующее:

«Ой вы люди, рабы мои Христовы,
Православные христіане,
Не забывъ Бога живите,
Не буянно поступайте,
Не рѣчисто говорите.
Народился духъ нечистый,
Духъ нечистый-злой антихристъ,
И пустилъ онъ свою прелесть
По городамъ и по селамъ,
Людей моихъ изгоняетъ,
Въ свою вѣру принуждаетъ,
Въ свою церковь ходить заставляетъ,
Своихъ поповъ поставляетъ,
Своихъ судей посылаетъ,

Свои письма разсылаетъ
По селамъ и по деревнямъ,
По прекраснымъ пустынямъ.
Не сдавайтесь вы, мои свѣты,
Тому змію седмиглаву,
Вы бѣгите въ горы, вертепы,
Вы поставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы сожгите.
Пострадайте за меня, мои свѣты,
За мою вѣру Христову:
А за то вамъ, мои свѣты,
Отворю райскія свѣтлицы,
И введу васъ въ царство небесно,
И самъ буду съ вами жить вѣковѣчно.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что подъ вліяніемъ дикаго лиризма этихъ стиховъ, въ экстазѣ крайняго изувѣрства, раскольники шли на костры, которые сами же готовили, или же сожигали себя въ своихъ собственныхъ домахъ, какъ это было въ деревнѣ Кузиной Исетскиго острога, или въ селѣ Копенахъ Саратовской губерніи, еще недавно, лѣтъ 40 тому назадъ.

Наконецъ есть еще отдѣлъ раскольничьей литературы, въ которомъ выразился раціоналистическій догматизмъ одной части сектантовъ, именно послѣдователей Петрова крещенія. Въ стихахъ этого рода проповѣдуется крайній религіозный раціонализмъ и полное отрицаніе всякой обрядности.

Такъ въ то время, когда иргизскіе раскольники защищали свои церкви и свои монастыри, въ то время, когда они тяготились неимѣніемъ своихъ поповъ, послѣдователи раскольничьяго раціонализма пѣли:

Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ,
Съ попами, дьяками хлѣбъ-соль не водитъ,
Къ Богу съ покаяніемъ часто прибѣгаетъ.
Стой-ка съ покаяніемъ предъ святымъ Спасомъ—
Обрадованъ будешь архангельскимъ гласомъ.
Лягъ-ка съ рабой божіей, съ Христовою любовью—

Причаститъ тебя ангелъ Христовою кровью —
Кайся-ка поутру, встань-ка въ умиленьи—
Получишь отъ Спаса Петрово крещенье.
Кайся съ воздыханьемъ, запершися въ клѣти—
Избавленъ ты будешь діавольской сѣти.
Самъ Спасъ проповѣдникъ, самъ Спасъ и причастникъ,
Въ Христовой любви есть праздникамъ праздникъ.

Таковы главные мотивы раскольничьей поэзіи, столь возбудительно дѣйствовавшей на народъ.

Взятые на Тушкановыхъ хуторахъ мнимые калѣки перехожіе, распѣвавшіе, какъ видно, по всему среднему Поволжью вышеприведенныя возбудительныя канты и пробиравшіеся на Донъ, вмѣстѣ съ маленькимъ поводыремъ, отправлены были за карауломъ въ Усть-Медвѣдицу, въ тамошнее сыскное начальство. Раскольники-агитаторы выдавали себя за крестьянъ деревни Пузановки, за Василія Ипатова и Корнила Семенова. Малолѣтній крестьянскій сынъ Илья Борисовъ также былъ взятъ ими изъ Пузановки, одного изъ коренныхъ раскольничьихъ селеній Поволжья.

V.

Между тѣмъ, въ городахъ средняго Поволжья совершалось въ это время видимое пораженіе раскола. Мы говоримъ видимое, потому что въ сущности пораженія этого совершенно не было, а оно представлялось лишь оффиціальному глазу, въ виду тѣхъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ казалось, что расколъ уступалъ какъ передъ силою времени, такъ и неотвратимостью обстоятельствъ. Саратовскіе, вольскіе, хвалынскіе, дубовскіе и царицынскіе купцы, когда увидѣли, что у нихъ отнятъ единственный священникъ, попъ Прохоръ, резиденція котораго была въ Вольскѣ, и видя запечатанными свои церкви и часовни, нашлись вынужденными покориться необходимости и выпросили себѣ священниковъ на основаніи пунктовъ митрополита Платона, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу компромисса, исходатайствовали себѣ колокольный звонъ

при церквахъ, возстановленіе церковныхъ главъ и крестовъ на своихъ молитвенныхъ зданіяхъ.

Но, повторяемъ, это не было пораженіе раскола. Масса раскольниковъ, мѣщане, крестьяне и все сельское населеніе, охотно слушавшее бродячихъ рапсодовъ, распѣвавшихъ о «пустынѣ прекрасной», о «судіяхъ неправедныхъ», о «попахъ запоицахъ и пьяницахъ» — давно отшатнулись отъ богатыхъ горожанъ, отъ купцовъ, «брады честные оскобливших, ради повѣшенія на выяхъ своихъ лика... на огненныхъ лентіяхъ», т. е. ради медалей и прочихъ оффиціальныхъ почестей. Расколъ сталъ прятаться по селамъ да по темнымъ закоулкамъ въ городахъ, становясь, такимъ образомъ, исключительнымъ достояніемъ народа.

Народъ, электризуемый бродячими пророками, вродѣ взятыхъ на Тушканахъ, или просто летучими слухами, неизвѣстно кѣмъ разносимыми, если и не волновался открыто, то воспитывалъ въ себѣ новое недовѣріе ко всему, что исходило изъ городовъ, и ожидалъ то прямыхъ гоненій—отъ кого, за что—онъ самъ не могъ этого сказать, то какой-то бѣды, начиная отъ голода и мора и кончая войною, кровопролитіемъ. Русскій народъ и въ этомъ случаѣ оставался вѣренъ самому себѣ, какимъ онъ былъ еще въ древнія времена, какимъ является въ лѣтописяхъ, когда видѣлъ знаменія несчастій, голода, войны и прочихъ общественныхъ бѣдствій и въ «звѣздахъ хвостатыхъ», и въ «съѣданіи солнца» какими-то «волкодлаками» и въ самопроизвольномъ звонѣ колоколовъ и, наконецъ, въ истеченіи слезъ и крови изъ иконъ.

Тоже повторилось и въ описываемое нами время. Такъ за Волгой въ Николаевскомъ уѣздѣ, «въ краю ереси», какъ тогда выражались, т. е. въ районѣ ближайшаго нравственнаго вліянія иргизскихъ раскольничьихъ центровъ, прошелъ слухъ, что на Еланскомъ хуторѣ, въ домѣ вольскаго мѣщанина Мунина, совершилось чудо: «наканунѣ новаго года изъ образа рождества Богородицы текла кровь».

Одна уже эта эпическая фраза переноситъ насъ во времена лѣтописныя, когда передъ каждымъ общественнымъ бѣдствіемъ, особенно передъ войной, почти постоянно повторялось въ лѣтописяхъ, что въ такой-то церкви «плакала Богородица» или «изъ су-

хаго древа иконы текла кровь» и проч.. Такое же чудо совершилось на Еланскомъ хуторѣ, послѣ уничтоженія иргизскихъ раскольничьихъ общинъ. Естественно, что народъ долженъ былъ ожидать бѣды, «крови», потому что иначе и нельзя было объяснить страшнаго чуда.

Объ этомъ мнимомъ чудѣ крестьяне объявили священнику Новоузенскаго уѣзда, села Всесвятскаго, Іоанну Симановскому, который около этого времени по дѣламъ службы пріѣзжалъ въ деревню Верхнюю Мечетку. Узнавъ объ этомъ, Симановскій пригласилъ «къ освидѣтельствованію сего чуда» своихъ церковнослужителей и управляющаго имѣніемъ г. Бибикова. Оказалось, что кровь дѣйствительно текла изъ иконы, и потому лица, свидѣтельствовавшія это странное чудо, собрали въ особый пузырекъ капавшія съ иконы капли крови, и пузырекъ этотъ прислали въ Саратовъ къ преосвященному Іакову.

Тотчасъ-же наряжено было слѣдствіе. Велѣно было разслѣдовать причины нелѣпой молвы о чудѣ, открыть виновныхъ въ этомъ дѣлѣ а икону доставить въ Саратовъ, въ каѳедральный соборъ. Немедленно донесено было объ этомъ также министру внутреннихъ дѣлъ и правительствующему синоду, но не какъ о чудѣ, а о «необыкновенномъ случаѣ».

Черезъ нѣсколько дней все объяснилось. Слѣдователи доносили губернатору, что «на полку, выше образа сдѣланную, былъ положенъ кусокъ сырой свинины, и мокрота изъ онаго, по случаю покатости полки, стекала на самый образъ рождества Богородицы, въ чемъ созналась частію семейная Мунина—Матрена Гаврилова; это доказывается и тѣмъ болѣе (прибавляли слѣдователи), что по испытанію налитіемъ на полку воды произошло тоже самое». Виновные въ этомъ дѣлѣ, Гаврилова, и прикосновенныя къ дѣлу лица посажены были въ острогъ, но судомъ признаны невиновными; только первой изъ нихъ, искренно повѣрившей въ возможность такого чуда и введшей въ заблужденіе другихъ, сдѣлано было судомъ внушеніе: «какъ о происшедшемъ будто-бы чудѣ отъ образа Божіей Матери (говорилось въ опредѣленіи суда) сдѣлалось извѣстнымъ отъ мѣщанки Матрены Муниной, принявшей чудо то за настоящее, то чтобы не было

отъ нея въ послѣдствіи времени о томъ мнимомъ чудѣ толковъ-поручить о семъ имѣть наблюденіе мѣстному сельца Еланки духовенству, а Муниной внушить, что она за противное сему подвергнетъ себя строгому взысканію по законамъ».

Такова была почва, на которой держался и которой питался расколъ. А между тѣмъ, трудно даже повѣрить, что подобныя дѣла возникали еще такъ недавно, именно въ 1845 году, и что народъ, бывшій причиною возбужденія такихъ дѣлъ, и до сихъ поръ тотъ-же, какимъ былъ при Андреѣ Боголюбскомъ.

Но возбужденіе раскольниковъ на этомъ не остановилось. Вслѣдъ за помянутой молвой объ истеченіи крови изъ образа, по Заволжью прошла молва о какомъ-то «небесномъ огнѣ». Достаточно было одного пустого слуха о томъ, что съ неба гдѣ-то сходитъ огонь, чтобъ все населеніе заволновалось самыми неестественными и самыми невѣроятными разсказами, въ которыхъ этотъ огонь игралъ таинственную роль, и чѣмъ неправдоподобнѣе, чѣмъ туманнѣе и даже нелѣпѣе были слухи, тѣмъ сильнѣйшимъ было возбужденіе умовъ, уже давно настроенныхъ на что-то необычайное и преимущественно страшное, гибельное для края. Толковали, что этотъ небесный огонь показывался недалеко отъ слободы Криволучья, на могилѣ какого-то праведнаго человѣка. Сначала суевѣрныя старухи, а за ними не менѣе суевѣрные мужики выходили ночью за слободу, и дѣйствительно видѣли свѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ не давно былъ похороненъ одинъ изъ иргизскихъ скитниковъ, старецъ Іона, высланный изъ Никольскаго иргизскаго скита по распоряженію начальства. Вскорѣ вѣсть объ этомъ таинственномъ явленіи привлекла въ Криволучье суевѣрныхъ и изъ окрестныхъ селеній, которые тайкомъ посѣщали могилу Іоны и молились на ней. Появленіе мнимаго небеснаго огня суевѣріемъ жителей связано было конечно съ послѣдними событіями на Иргизѣ. Затѣмъ прошелъ слухъ, что у криволуцкаго крестьянина Пармена Назарова, въ образной избѣ горитъ лампадка съ неугасимымъ огнемъ, добытымъ будто-бы отъ небеснаго огня. Тогда сосѣди криволучане, а равно жители сосѣднихъ селеній, стали сходиться къ Назарову для моленій и для полученія отъ его неугасаемой лампады небеснаго-огня. Мнимый небесный огонь разошелся такимъ образомъ по раз-

нымъ селамъ и по возможности поддерживался въ разныхъ раскольничьихъ домахъ. Говорили, что, по случаю приближенія будто бы кончины міра, огонь этотъ будетъ спасительнымъ для тѣхъ, кто сохранитъ его до страшнаго суда: при помощи этого огня, въ ночь страшнаго суда, раскольники надѣялись «найти дорогу въ рай».

Но слухи о мнимомъ небесномъ огнѣ не долго могли оставаться тайною. Объ нихъ провѣдали власти и тотчасъ-же произвели секретное дознаніе, а потомъ слѣдствіе. Въ домѣ Назарова, въ образной половинѣ избы, дѣйствительно найдена была неугасаемая лампада. При спросѣ хозяинъ дома показалъ, что лампадка зажигается имъ въ праздничные дни, а «при усердіи молящихся святымъ иконамъ огонь въ лампадкѣ не угасаетъ по цѣлымъ недѣлямъ, а и по мѣсяцамъ, особенно въ дни говѣній». Когда же ему сказали, что онъ ложно называетъ огонь лампады небеснымъ огнемъ, то Назаровъ отвѣчалъ, что всякій огонь, горящій предъ иконой, «есть огонь Божій, а слѣдовательно и небесный». Его уличали въ томъ, что онъ распускаетъ слухи о явленіи мнимаго небеснаго огня на могилѣ раскольника Іоны и что будто-бы отъ этого огня онъ добылъ и тотъ огонь, который горитъ у него въ образной. Находчивый раскольникъ-казуистъ и на это возражалъ, что слуховъ о мнимомъ огнѣ онъ не распускалъ, но что на могилѣ Іоны не онъ одинъ, а многіе видятъ по ночамъ какой-то свѣтъ, и что этотъ свѣтъ долженъ быть небесный, «ибо, прибавлялъ онъ, сказано въ писаніи: «свѣтъ свѣтится во тьмѣ и тьма его не объятъ».

Предполагая, что въ мнимомъ явленіи огня на могилѣ раскольника Іоны кроется какой-нибудь обманъ, слѣдователи отправились на показанную могилу ночью, взявъ съ сабой Назарова. Подходя къ могилѣ, они дѣйствительно увидѣли нѣчто похожее на свѣтъ, который слабо мерцалъ въ серединѣ креста, поставленнаго на могильной насыпи. Когда-же около самаго креста открыли фонарь съ огнемъ, до той минуты закрытый полстью, то свѣтъ, который видѣнъ былъ какъ бы стоящимъ надъ могилою, изчезъ. Осмотрѣли крестъ и нашли: въ деревянный осмиконечный крестъ съ одной стороны былъ вдѣланъ небольшой

образокъ, мѣдный, складной, какіе обыкновенно пользуются преимущественнымъ уваженіемъ раскольниковъ, а на обратной сторонѣ креста также вдѣланъ былъ въ небольшое выдолбленное углубленіе кусокъ дерева, сильно подверженнаго гнилости, или, какъ объясняли слѣдователи, просто «кусокъ гнилушки». Такъ какъ гнилушка имѣетъ свойство въ темнотѣ издавать отъ себя небольшой фосфорическій блескъ, то этотъ блескъ разлагающагося дерева и принятъ былъ раскольниками за «небесный огонь».

За объясненіемъ этого обстоятельства опять должны были обратиться къ Назарову. Послѣдній объявилъ, что найденный въ крестѣ кусокъ дерева вдѣланъ въ этотъ крестъ по словесному духовному завѣщанію умершаго старца Іоны, который за нѣсколько дней до смерти просилъ Назарова «освятить его могилу»—какъ онъ выражался — останками отъ честнаго гроба усопшаго въ Никольскомъ монастырѣ инока Филарета». Кусокъ дерева—это и были «останки» отъ гроба како-то Филарета, вѣроятно раскольника, давно умершаго на Иргизѣ, принесенные съ собой старцемъ Іоною, когда его выслали изъ Никольскаго скита въ Криволучье.

Вотъ это-то обстоятельство и послужило началомъ легенды о мнимомъ «небесномъ огнѣ», которымъ запасались раскольники, на случай страшнаго суда. Какъ ни нелѣпа была вся эта сказка, въ созданіи которой, повидимому, Назаровъ игралъ не малую роль, однако сказка нашла вѣрующихъ слушателей и огонь отъ лампадки Назарова переносился «въ горшкахъ» и въ фонаряхъ изъ села въ село, пока не накрыли самого составителя легенды и не препроводили въ Николаевъ на судъ.

Не приводимъ множества другихъ случаевъ, въ которыхъ проявлялись тѣ или другія движенія въ расколѣ. Ясно только одно становится при обобщеніи этихъ отдѣльныхъ явленій, что, не смотря на твердую увѣренность въ административныхъ сферахъ, будто расколъ, «за принятыми мѣрами, самъ собою падаетъ», расколъ не падалъ, а усиливался, находя для своего питанія и роста благопріятную почву въ невѣжествѣ массъ и въ малой обезпеченности ихъ экономическаго благосостоянія. Массы населенія не могли не видѣть, что при относительной нравственной сплоченности раскольниковъ, между которыми всегда проявлялась не

только духовная солидарность, но и экономическая общинност раскольники, сравнительно, живутъ богаче нераскольниковъ, ч зажиточные изъ нихъ въ нуждѣ помогаютъ незажиточнымъ, ч даже богачи-раскольники, эта аристократія капитала, не чуждаетс самаго бѣднаго брата-раскольника, и потому, естественно, раско сталъ представлять собою центръ тяготѣнія не столько религіо наго, сколько экономическаго. За купцами, мѣщанами и удѣл ными крестьянами въ расколъ стали идти даже помѣщичьи крестьян которые въ сектаторствѣ какъ-бы смутно искали выхода изъ кр постной зависимости, такъ какъ выхода этого они не видѣли н гдѣ и потому не надѣялись ни на кого изъ тѣхъ, кому мож было придать эпитетъ «барина» или «богатаго».

Вотъ почему русскій расколъ остался крѣпокъ и неподатли несмотря на строгія мѣропріятія того времени.

1874.

Калѣки перехожіе.

(Генезисъ и историческое значеніе нищенства).

Между европейскимъ западомъ, или германо-романскимъ міромъ. и европейскимъ востокомъ, или міромъ славянскимъ, разграничивающею чертою ставятъ, иногда, то явленье, что по западную сторону черты, служащей какъ-бы демаркаціонною линіею между славянскимъ міромъ и не славянскимъ, нѣтъ нищенства, а есть пролетаріатъ и пауперизмъ, тогда какъ на востокѣ отъ этой черты нѣтъ ни пауперизма, ни пролетаріата, а есть нищенство.

Первая форма этого общественнаго явленія считается признакомъ цивилизаціи, послѣдняя—признакомъ противоположныхъ. На западѣ Европы нищенство изгнано, такъ сказать, изъ оффиціальнаго обращенія, тогда какъ на востокѣ оно пользуется какъ-бы правами гражданства и опирается не только на историческую давность, но и на твердую почву народнаго міровоззрѣнія Насколько справедливо это дѣленіе Европы, по признакамъ нищенства и пролетаріата, мы не будемъ здѣсь говорить, тѣмъ болѣе, что и демаркаціонная линія, проводимая между западомъ Европы и востокомъ, имѣетъ такіе изломы, что трудно опредѣлить, гдѣ кончаются признаки восточнаго нищенства и начинаются признаки западнаго пролетаріата. Мы не намѣрены также вдаваться въ разрѣшеніе соціально-экономическаго вопроса о томъ, насколько патріархальное нищенство тяжелѣе или легче цивилизованнаго пролетаріата, или въ какой мѣрѣ то и другое явленіе имѣетъ болѣе разъѣдающихъ общественные организмы качествъ. Мы разсмотримъ оба эти

явленія единственно лишь въ томъ отношеніи, какъ они о себѣ заявляютъ и каковъ моральный ультиматумъ того и другого. Нищенство, и пролетаріатъ имѣютъ свою исторію. Они являются историческимъ продуктомъ извѣстныхъ условій общественной и государственной жизни народовъ. И нищета, и пролетаріатъ носятъ въ себѣ гордое сознаніе, если не идеи своего происхожденія, какъ аристократія имени и капитала, то сознаніе идеи того правды, которому они служатъ и который—они надѣются и глубоко убѣждены—рано-ли, поздно-ли отдастъ имъ въ руки главенство надъ міромъ, гегемонію человѣческой жизни, если не настоящей, то будущей, какъ злобно ув [illegible] етъ [illegible] вѣренная иронія ихъ противниковъ. Не смотря на то, чт [illegible] архальное нищенство и цивилизованный пролетарі [illegible] изъ-за куска хлѣба и изъ-за клочка матеріи для [illegible] тѣла, изъ за теплаго уголка не смотря на всю го [illegible] цѣли, къ которой идутъ нищіе и пролетаріи, [illegible] нѣтъ большихъ идеалистовъ и мечтателей какъ [illegible] аріатъ. Въ теченіе всего своего историческаго с [illegible] нищета и пауперизмъ создали свою богатую поэзію, и [illegible] зія первой, проникнутая глубокимъ смиреніемъ, грозитъ будущей карой всѣмъ, кто живетъ не по правдѣ человѣческой, тогда какъ поэзія пауперизма, проникнутая гордымъ сознаніемъ непрочности господствующей въ мірѣ неправды, сулитъ бѣднымъ торжество не за гробомъ, а въ настоящей жизни. Поэзія восточной нищеты отличается отъ поэзіи западнаго пауперизма еще и тѣмъ, что первая представляетъ продуктъ эпическаго творчества народа, а послѣдняя уже является продуктомъ творчества науки и современныхъ соціальныхъ ученій, хотя и въ той и въ другой постоянно слышится одна и та-же скорбная нота, одна и та-же жалоба на недосягаемость, при извѣстныхъ жизненныхъ условіяхъ, человѣческаго счастья. Восточное или патріархальное нищенство, сохранившееся во всей эпической простотѣ и цѣлости только въ славянскомъ мірѣ, до сихъ поръ удержало и эпическія формы отношеній къ жизни, и эпичность внѣшнихъ проявленій, и эпичность міровоззрѣнія. Западный пауперизмъ не имѣетъ ничего подобнаго, потому что самъ онъ — созданіе современнаго строя общественной жизни на западѣ. Въ славянскомъ мірѣ выра-

и нищенства удержали и свои эпическія имена: они или нообщее названіе «нищихъ», или именуются «людьми божіими», ками перехожими», «старцами» (въ Малороссіи), «странни- или «слѣпцами»—у южныхъ славянъ. Славянскіе нищіе или ы—это носители и выразители идей народнаго духа, народтворчества, народнаго міровоззрѣнія. Они—живая, хотя скудсторія славянскаго народа, скудная собственно въ прагматимъ смыслѣ исторіи, но богатая эпическими созданіями. Нищіе пцы—это живая народная эпопея, космогонія и демонологія нскаго міра, и подобно тому какъ въ рапсодіяхъ Гомера, греческаго «калѣки перехожаго», греческій доисторическій и ческій міръ выразился всею своею полнотою, такъ въ рапхъ славянскихъ «калѣкъ перехожихъ», выразился весь славій народный эпосъ—доисторическій и героическій (богатырциклъ европейскаго востока. На западѣ опять-таки все это кончилось подъ вліяніемъ иныхъ условій исторической жизни. емъ на болѣе существенныя стороны поэзіи славянскаго нива, замѣтивъ предварительно, что поэзія эта обнимаетъ почти ародное творчество, такъ какъ народные поэты, въ эпичезначеніи, почти исключительно нищіе, калѣки перехожіе и подобные. Самая фабула о происхожденіи нищихъ, какъ въ народныхъ, какъ служителей творческой силы человѣчего слова, имѣетъ глубокій смыслъ. Вотъ что говоритъ эта а устами калѣкъ перехожихъ. На шестой недѣлѣ послѣ есенья Христова, наканунѣ вознесенья:

Расплачется меньшая братья,
Нищіе люди убоги:
Ужъ ты гой еси, владыко царь небесный!
Вознесешься ты, царь, на небесы,—
А на кого то ты насъ покидаешь?
Ино кто насъ поить-кормить будетъ,
Одѣвати станетъ, обувати,
Отъ темныя ночи охранити,
Да кто насъ буде тепломъ да согрѣвати?
За что намъ мать божію величати,
И тебя, Христа, прославляти?

Проговоритъ имъ Христосъ царь небесный:
«Не плачьте вы, меньшая братья,
Нищіе люди убоги!
Не тужите, маленьки безродны!
Создамъ я вамъ гору золотую,
Пропущу я вамъ рѣку медвяную,
Оставлю я вамъ сады-винограды,
Оставлю вамъ яблони кудрявы,
Я даю вить вамъ манну небесну,
Умѣйте горою владати,
Промежду собою раздѣляти:
Будете вы сыты да и пьяны,
Будете обуты и одѣты,
Будете тепломъ да обогрѣны,
И отъ темныя ночи пріукрыты».
Тутъ возговоритъ Иванъ да Предотеча:
«Охъ ты гой еси, Христосъ, да царь небесный!
Позволь со Христомъ да слово молвить,
Позволь мнѣ со Господомъ рѣчь говорити,
Не возьми мое слово въ досаду.
Не давай ты имъ горы золотыя,
Не давай ты имъ рѣки медвяныя,
Не оставливай садовъ виноградовъ,
Не оставливай яблонь кудрявыхъ,
Не давай имъ и манны небесной.
Горы-то имъ буде не раздѣлити,
Съ рѣкой-то имъ буде не совладати,
Винограду-то имъ буде не ощипати,
Манны-то имъ буде не пожрати.
Заznаютъ гору князи и бояра,
Заznаютъ гору пастыри и власти,
Заznаютъ гору торговые гости,
Наѣдутъ къ нимъ сильные люди,
И наѣдутъ къ нимъ немилостивыя власти,
Не дадутъ имъ этой горой владѣти,
Отымутъ у нихъ купцы и бояра,
Вельможи люди пребогатые,
Отоймутъ у ихъ гору золотую,
Отоймутъ у ихъ рѣку да медовую,

Отоймутъ у ихъ сады да съ виноградомъ,
Отоймутъ у ихъ да манну небесну.
По себѣ они гору раздѣлятъ,
По князьямъ золотую разверстаютъ,
Да нищую братью не допустятъ:
Много будетъ надъ горою-ту убійства,
Тутъ много будетъ надъ рѣкою-ту кроволитства,
Промежду собой уголоствія.
Да нечѣмъ будетъ нищимъ питаться,
Да нечѣмъ имъ будетъ пріодѣться,
И отъ темныя ночи пріукрыться,
Помрутъ нищіе голодною смертью,
И позябнутъ холодною зимою,
А ты дай имъ свое святое имя,
Дай ко-се имъ слово да Христовое.
Будутъ нищи по міру ходити,
Тебя будутъ поминати,
Тебя будутъ величати,
Твое имя святое возносити,
А православные станутъ милостыню подавати,
Ино кто есть вѣрный христіанинъ,
Онъ ихъ пріобуетъ и пріодѣнетъ,—
Ты даруй ему нетлѣнную ризу;
А кто ихъ хлѣбомъ-солью напитаетъ,
Даруй тому райскую пишшу;
Кто ихъ отъ темной ночи оборонитъ,
Даруй въ раю тому мѣсто;
Кто имъ путь-дорогу указуетъ,—
Не заперты въ рай тому двери,
Отъ того они слова будутъ сыты да и пьяны,
Будутъ и обуты и одѣты,
Они будутъ тепломъ да обогрѣны
И отъ темныя ночи пріукрыты».
Тутъ возговоритъ Христосъ да царь небесный:
«Ай же ты Иванъ да Предотеча,
Ты умѣтъ со Христомъ да слово молвити,
Ты умѣешь вить съ Іисусомъ рѣчь говорити,
Ты умѣлъ слово сказати.
Умѣлъ слово разсудити,

Умѣлъ вить ты не нищихъ потушити.
За твои умѣльныя за-рѣчи,
За твои за рѣчи дорогія,
За твои за сладкія словеса
Дарую уста тебѣ я золотыя [1]) и т. д.

Таково сказаніе о происхожденіи нищихъ не какъ простаго куска хлѣба, а какъ носителей народнаго творчества и служителей народнаго слова, народной поэзіи и исторіи. Исходная точка сказанія та, что имъ ничего не оставлено на землѣ, ни богатства, ни силы, ни даже самаго скуднаго имущества—имъ оставлено богатство, одна сила—слово. Богатство и матеріальная сила отданы другимъ—князьямъ и боярамъ, купцамъ и властямъ. Изъ-за этого богатства, изъ за имущественныхъ правъ идутъ на земли войны, «кровопролитства» и «уголоствія», ничему этому не причастны служители человѣческаго слова. Они ставятъ себя вне заботъ объ имуществѣ, потому что, при существующихъ порядкахъ человѣческой жизни, заботы эти ведутъ къ войнамъ, къ убійствамъ. Эти служители человѣческаго слова, калѣки перехожіе, эти нищіе—противники права собственности, хотя и не проповѣдуютъ того, что проповѣдуютъ ихъ западные собратья—пролетаріи. Западные пролетаріи тоже считаютъ себя служителями человѣческаго слова и науки. Они также говорятъ, что гору золотую и рѣку медвяную раздѣлили между собою князья и бояре, хотя иначе выражаютъ эту нищенскую пѣсню свою. Они также говорятъ, что не нужно для людей имущественное право — гору золотую дѣлить нечего, потому что она должна принадлежать всѣмъ безъ борьбы, безъ «кровопролитства». Отсюда-то и происходитъ протестъ пролетаріевъ противъ князей и бояръ, завладѣвшихъ золотою горою, рѣкою медвяною и манною небесною. Западные пролетаріи тоже поютъ стихи, вродѣ стиховъ о богатомъ и Лазарѣ, но только съ голоса такихъ калѣкъ перехожихъ какъ Прудонъ, Сенъ-Симонъ, Льюисъ, Джонъ Стюартъ Милль, Брайтъ и другіе. Возвращаясь къ славянскимъ калѣкамъ перехожимъ, мы встрѣчаемъ типъ ихъ во всей эпи-

[1]) Калѣки перехожіе, П. Безсонова. М. 1861, Ч. I, стр. 3—7. Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, В. Варенцова. Спб. 1860 года, стр. 59—66.

ческой чистотѣ, между южными славянами. У сербовъ также по деревнямъ ходятъ народные поэты, играютъ на бандурѣ (пѣти уз гусле) или просто поютъ какъ свои богатыя народныя былины о гибели сербскаго царства на Косовѣ, о Маркѣ королевичѣ, о Косовкѣ дѣвойкѣ, о таинствезныхъ вилахъ, играющихъ такую знаменательную роль въ жизни сербскаго народа, такъ и стихи духовные, аналогическіе со стихами русскихъ калѣкъ перехожихъ. Это также большею частью «слѣпцы—все тѣ же Гомеры всѣхъ народовъ въ эпическую пору ихъ жизни». Въ богатой памяти этихъ слѣпцовъ живетъ вся прошлая исторія ихъ народа: безъ нихъ все прошлое было-бы забыто. Слѣпцы—это народные историки, поэты и философы. Стихи, которыми эти служители свободнаго слова обрисовываютъ свое положеніе, полны глубокой, хотя скорбной поэзіи. Вотъ что поютъ о себѣ сербскіе слѣпцы, обращаясь къ народу:

Мили Боже, на свему ти фала!
Мили Боже и недельо млада!
Мили Боже, помози свакоме.
Сваком брату и добру јунаку,
Који оре, па сироте рани,
И сироте, и црва и мрака.
Даруј̄те ме, ранительи!
Ранительи, родительи;
Даруј̄те ме, братьо моја
Племенита и честита!
Братьо моја милостивна!
Немојте ме пролазити,
Мога дара проносити,
Мога дара убогога,
Убогога, маленога;
Крајцара је мален дарак,
Ал'голема задужбина,
Вечь подеме и намени
Своје мртве све спомени;
Молитьу вам молитвицу
За све путье добре cретье,
За тежака и волака,
За путника и војника,
За пастора, гранатира,
Зарад' дјака ученика,
Радостна му мајка била!—
Даруј̄те ме, мила братьо!
Так овако не гледала!
Слепа чеда не имали
Ни у дому, ни у роду,
И у свет га не спремали,
Кано мене моја мајка,
Што је у свет оправила,
У незнану тудью землју,
А за тудјим очицама,
Да се бијем и прѣбијам
Од немила до недрага,
Као вода о брегове.—
Видиш, брате милостиви!
Мене воде тудье очи,
Мене ране ваши руке,
Ваше руке, тешке муке,
ја сам рельан бела света,—
Бела данка, жарка сунца,

Жарка сунца и месеца,
И по свету погледати,
И све братье око себе,
Црне землье испред себе,
Ведра неба изнад себе,—
Мене воде тудье очи,
Ја с' не могу сам помочи,
А без ваше десне руке:
Нити могу узорати,
Нити могу усковати,
Што су вама бели дани,
То су мени тавне ночи,
Тавне ночи без месеца.—
Видиш, брате, сужничара,
Сужничара, тавничара,
Кој' не види жарка сунца,
Видиш, брате, сужничара,
Сужничара, тавничара,
Јер не видим бела данка,
Тешке путе да путујем,
Тешке броде да бродујем,
Нит' ког знадем, ни познајем,
Вечь се бијем и пребијам
Од древета до древета,
Од камена до камена,
Од немила до недрага,
Као вода о брегове.
Сужан че се опростити,
Из тавнице изводити,
А слепотьа ни до века,
Ни до часа умрлога
И до конца самртнога;
Слепотья је тешка мука,
Тешка мука, тешка патнья.
Видите ме очицама,
А чујте ме ушицама,
Дарујте ме ручицама
Зарод' данка домашньега,
Зарод' ваше добре сретье;
Сретьице се наносили!
Лепа житка наживили!
Добре сретье наодили,
Добре сретье, лепог здравльа.

Чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ болѣе мельчаетъ первобытный эпическій образъ слѣпца — калѣки перехожаго. У поляковъ уже давно нѣтъ этого эпическаго типа, хотя старинная литература и хранитъ воспоминанье о patnikach, о pelgrzymach, о zebrakach wedrownych (тоже что калѣки перехожіе, «старцы пилигримцы») и о dziadach (тоже что малорусскіе «старцы»). Изъ Польши калѣкъ перехожихъ и ихъ поэзію вытѣснило католическое духовенство, давъ народу, вмѣсто стиховъ о Лазарѣ и о Голубиной книгѣ, латинскія вирши, «кантычки», «канцьюналы» и разныя «пѣсни побожны». У лужичанъ еще сохранился какъ бы осколокъ этого эпическаго образца, но онъ измельчалъ до простого нищенства, и стихи лужицкихъ слѣпцовъ — «бажмички», «стенанія»—страдаютъ отсутствіемъ всякаго поэтическаго чувства.

Въ этихъ «стенаніяхъ» нѣтъ ничего, кромѣ просьбы о «большомъ [illegible] хлѣба», о такомъ кускѣ, котораго отрѣзать нельзя

было, не сломавъ ножа. Нищіе просятъ, чтобъ ихъ поскорѣе отпустили, давъ имъ подачку, потому что имъ тяжело долго стоять подъ окнами и мѣсить грязь своими ногами. Такимъ образомъ за землями славянъ-лужичей уже начинается та черта, которая отдѣляетъ славянское эпическое нищенство отъ западнаго пролетаріата, хотя и къ востоку отъ этой черты пролетаріатъ уже пустилъ корни, не вытѣснивъ однако эпическихъ формъ нищенства. Разсматривая въ подробностяхъ проявленія эпическаго нищенства, характеризующаго славянскій міръ, мы находимъ въ этихъ проявленіяхъ наслоенія разныхъ историческихъ эпохъ. Въ этихъ наслоеніяхъ, какъ въ геологическихъ наслоеніяхъ земной оболочки, видны остатки пережитыхъ славянами вѣрованій, несчастій, войнъ, побѣдъ и пораженій. Самый образъ калѣкъ перехожихъ мѣняется сообразно той или другой исторической эпохѣ. Типъ древне-русскихъ калѣкъ перехожихъ прекрасно рисуется въ былинѣ, записанной у Кирши Данилова и донынѣ распѣваемой современными народными «каликами». Былина эта носитъ названіе «Сорокъ каликъ со каликою». Въ этой былинѣ калѣки перехожіе рисуются не то простыми странниками, паломниками, ходящими по святымъ мѣстамъ, не то богатырями, удалыми добрыми молодцами, которые однако не стыдятся просить милостыню. Эти калѣки, какъ говоритъ былина, «наряжаются» изъ Ефимьевой пустыни и собираются къ Іерусалиму. Всѣхъ ихъ «сорокъ каликъ со каликою». Самое одѣяніе этихъ калѣкъ не напоминаетъ ничего нищенскаго. Собираясь въ путь, они пошили себѣ сумки или «подсумки рыта бархата», лапти у нихъ изъ семи шелковъ шемахинскихъ, а въ этихъ лапоткахъ, въ пяткѣ-носкѣ, вплетено по ясному по камешку самоцвѣтному Передъ отправленіемъ въ путь, калѣки становятся въ кругъ «и думаютъ крѣпкую думушку единую»; это значитъ, что они, по общиннымъ принципамъ древней вѣчевой Руси, обсуждаютъ общественное дѣло сообща, и въ этомъ совѣтѣ каждый имѣетъ свой голосъ На этомъ общинномъ совѣтѣ они выбираютъ себѣ большого атамана, Касьяна Михайловича. Выборное начало, если можно такъ выразиться, находится въ исторической крови русскаго народа. Калѣки, нищіе выбираютъ себѣ атамана и повинуются ему. Разбойники, удалые добрые мо-

лодцы, понизовая вольница, понизовые бурлаки — всѣ эти артели немыслимы безъ выборнаго атамана. Выборное атаманство встрѣчается во всѣхъ видахъ казачества. Атаманы есть въ артеляхъ рабочихъ. Атамановъ выбирали себѣ даже чумаки, отправляясь «въ ходку», т. е. или за солью на Манычъ, въ Крымъ, на Елтонъ, или за рыбой на Донъ, въ извозъ и проч. Въ исторіи русскаго народа вообще выдаются имена выборныхъ атамановъ, начиная отъ Ермака Тимофеевича, Стеньки Разина и кончая Заменевымъ. Такъ и калѣки порехожіе выбираютъ себѣ атамана. Эти калѣки являются не жалкими слѣпцами, а «дородными добрыми молодцами», что уже далеко не походитъ на тотъ эпическій образъ калѣки перехожаго, который рисуется намъ въ стихахъ позднѣйшаго цикла, даже въ стихѣ о началѣ и происхожденіи калѣкъ перехожихъ. Выборный атаманъ кладетъ заповѣдь великую на всѣхъ дородныхъ добрыхъ молодцовъ: кто изъ калѣкъ украдетъ, или солжетъ, или кто «пустится на женскій блудъ» и не скажетъ большому атаману, и атаманъ про то дѣло провѣдаетъ, того «едина оставить въ чистомъ полѣ и окопать по плечи въ сыру землю». По другому варіанту: «тому темяномъ языкъ вынимать, ясны очушки выкалывать». Этотъ обѣтъ, особенно обѣтъ цѣломудрія калѣкъ перехожихъ, напоминаетъ обѣты рыцарей западной Европы, которые въ свое время были тѣми же калѣками перехожими, странствовавшими во святую землю; обѣтъ напоминаетъ также и обѣты казацкіе—запорожскіе и донскіе. Тоже самое мы видимъ и у римскихъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ, основателей вѣчнаго города, которые ни имѣли въ средѣ своей женщинъ, пока не похитили сабинянокъ. Такимъ образомъ, положивъ заповѣдь великую, калѣки подъ предводительствомъ атамана Касьяна Михайловича и «податаманья»—брата его Михайла Михайловича, отправились въ Іерусалимъ. Идутъ они недѣлю, другую, долго идутъ —«день идутъ по красному по солнышку, а въ ночь идутъ по самоцвѣтному по камешку», и подходятъ къ городу Кіеву. Навстрѣчу имъ Владиміръ-князь, который былъ на охотѣ. Увидали его калѣки перехожіе, становились во единый кругъ, клюки-посохи въ землю повтыкали, а и сумочки поповѣсили, скричатъ калѣки зычнымъ голосомъ, дрогнетъ матушка сыра

земля, съ деревъ вершины попадали, подъ княземъ конь окорачился, а богатыри Владиміровы съ коней попадали. Сипря сталъ посипривать, Сема сталъ пересемывать, и самъ Владиміръ едва пробудился. Тогда онъ увидѣлъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ, которые ему поклонились, «прошаютъ у него святую милостыню, а и чѣмъ-бы молодцамъ душа спасти». По одному варіанту калѣки говорятъ: «Владиміръ-князь стольно-кіевскій! Дай-ка намъ, каликамъ, милостину; не рублемъ беремъ мы и не полтиною, беремъ-то мы цѣлыми тысячами». И Владиміръ далъ имъ «сорокъ тысячей». Таковы были въ древности калѣки перехожіе! По другому варіанту Владиміръ отвѣчалъ калѣкамъ, что съ нимъ нѣтъ денегъ, а потому онъ посылалъ ихъ въ Кіевъ «ко душѣ княгинѣ Апраксѣе внѣ: честна роду дочь, королевишна, напоитъ-накормитъ васъ добрыхъ молодцовъ, надѣлитъ васъ въ дорогу злато-серебра.» — Пришли калѣки въ Кіевъ, ко двору княженецкому, и кричатъ зычнымъ голосомъ: съ тере̂мовъ верхи повалилися, а съ горницъ охлопья попадали, въ погребахъ питья всколебалися. Отъ этого крику молода княгиня испужалася, а и больно она передрогнула. Велитъ звать калѣкъ. Тѣ пришли и началось угощенье. Послѣ обѣда калѣки собрались въ путь и стали прощаться. Приглянулся княгинѣ Касьянъ Михайловичъ, и посылаетъ она къ нему Алешеньку Поповича уговорить калѣкъ, чтобъ они погостили у нея въ Кіевѣ. Калѣки остались, и тогда княгиня проводила Касьяна въ покои въ особые въ княжескую спальную, и говоритъ ему рѣчи умильныя, въ любовь ему. Касьяну, дается. Касьянъ отвѣчаетъ по заповѣди: «не могу я на грѣхи посягнуться». На то княгиня осердилася и велѣла Алешенькѣ Поповичу прорѣзать у Касьяна сумку и запихать туда чару серебряную, которой чаркой князь на пріѣздѣ пьетъ. Уходятъ калѣки и не прощаются съ княгиней. Отошли верстъ десять, какъ за ними приспѣла погоня—Алеша Поповичъ: у Алеши вѣжство не рожденное, онъ сталъ съ калѣками здорити, обличать ворами-разбойниками. За эту грубость калѣки поколотили Алешку, и обыскивать себя не дали. Тогда послали Добрыню Никитича: у Добрыни вѣжество рожденное и ученое. Добрынюшка-то въ послахъ бывалъ, говорить гораздъ. Соскочилъ Добрыня съ коня, бьетъ челомъ Касьяну: «не наведи на гнѣвъ князя Влади-

міра, прикажи обыскать калики перехожіе—нѣтъ ли промежду насъ глупаго». Стали обыскивать себя калѣки и нашли чару въ сумѣ у Касьяна. За эту повинность калѣки закопали атамана по плечи во сыру землю, а сами пошли въ Іерусалимъ. Цѣлые полгода странствовали калѣки къ святымъ мѣстамъ, и на возвратномъ пути опять проходятъ мимо Кіева. Не угодили на то мѣсто, гдѣ былъ зарытъ въ землю ихъ прежній атаманъ, и проходили сторонкою. Вдругъ голосокъ наноситъ помалехоньку, а и тутъ калѣки останавливались, а и мѣсто стали опознавать: подалися маленько—и увидѣли молода Касьяна сына Михайловича: онъ ручкой машетъ, голосомъ кричитъ. Подошли всѣ калѣки къ Касьяну, стали здравствовать. Подаетъ имъ Касьянъ ручку правую, а они то къ ручкѣ приложилися. Тогда Касьянъ выскакиваетъ изъ сырой земли, какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда, и всѣ идутъ къ Кіеву. Снова та-же встрѣча. Князь проводитъ ихъ въ палаты, а Касьянъ спрашиваетъ про молоду княгиню Апраксѣевну. Владиміръ-князь едва рѣчи выговорилъ: «мы-де уже недѣлю—другую не ходимъ къ ней». Оказалось, что княгиня, по уходѣ калѣкъ, которыхъ она оклеветала, слегла въ великое гноище. Касьянъ этимъ не брезгуетъ, идетъ съ княземъ въ спальну къ ней: а и князь идетъ, свой носъ зажалъ, а Касьяну это ни почемъ—никакому духу онъ не вѣруетъ. Вошли къ княгинѣ—и княгиня каялясь въ клеветѣ Касьяну, каялась, что нанесла рѣчь напрасную. Касьянъ дунулъ своимъ духомъ святымъ на молоду княгиню Апраксѣевну—не стало у нея того духу, пропасти; оградилъ ее святой рукою—прощаетъ ее плоть женскую. Выздоровѣла княгиня, и тогда всѣ пошли пировать. Вошла и княгиня: скоро она убиралася и наряжалася, Касьяну поклонилася, безъ стыда, безъ сорома, а грѣхъ свой на умѣ держитъ. А Касьянъ сынъ Михайловичъ тою рученькой правою размахиваетъ по тѣмъ яствамъ сахарнымъ. Напились, наѣлись—въ путь собираются и пошли къ своему монастырю Боголюбову *). По другому варіанту ходили калѣки перехожіе не къ святымъ мѣстамъ, а изъ орды въ орду, лапотки на нихъ были шелковые, подсумочки черна бархата, клюки—кости рыбныя, на головушкахъ были шляпки земли греческой. Приходили эти калѣки «въ хоробру Литву», къ литовскому

*) У Кирши Данилова.

королю, на широкій дворъ, и также просили милостыню—не рублями, а тысячами. Король кормилъ и поилъ ихъ, дарилъ драгоцѣнными дарами и говорилъ имъ: «не калики есть перехожіе—есть вы русскіе могучіе богатыри». Еще по одному варіанту выходили калѣки изъ Волынца города, изъ Галича, «изъ той же Корелы изъ богатыя». Податаманомъ у этихъ калѣкъ былъ Михайловичъ Касьяновъ. Калѣки клали заповѣдь великую:

«Еще кто изъ насъ, изъ сорока каликъ,
Котора калика заворуется,
Котора калика заплутуется,
Котора обзарится на бабицу,—
Отвести того дородна добра мододца,
Отвести далеко въ чисто поле:
Копать ему ямище глубокое,
Зарывать его во сыру землю,
Во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.
Чистъ-рѣчистъ языкъ вынять теменемъ,
Очи ясныя—косицами,
Ретиво сердце промежду плечей:
Казнена дородна добра молодца
Во чистомъ полѣ оставити».

И эти калѣки пришли въ Кіевъ, къ Владиміру, и также вскричали зачнымъ голосомъ «по-каличьему». Далѣе слѣдуетъ тоже что и въ первой былинѣ: кончилось тѣмъ, что жена Владиміра, княгиня Апраксія, «обзарилась» на атамана и этотъ атаманъ, по ея проискамъ, былъ зарытъ живымъ въ чистомъ полѣ *). Такимъ образомъ, въ типѣ этихъ калѣкъ перехожихъ совмѣщаются и могучіе русскіе богатыри цикла Владиміровыхъ былинъ, и удалые добрые молодцы позднѣйшихъ эпохъ русской исторіи, старцы-пилигримищи, святые паломники-богомольцы и нищіе, которые, ходя съ сумами, просятъ милостынку. Въ типѣ этихъ калѣкъ виднѣются также черты вольнаго новгородца Васьки Буслаева, равно типическія черты «Садка богатова гостя». Это, однимъ словомъ, бродячая Русь, бродячія силы русскаго

*) Сборникъ Безсонова.

народа, проявленіе которыхъ на Западѣ совершается иными путями: тамъ эти бродячія силы пролетаріата и пауперизма или находятъ себѣ исходъ внѣ предѣловъ Европы, въ новомъ свѣтѣ, въ Америкѣ и Австраліи, или же ведутъ глухую, а иногда и открытую борьбу съ элементами имъ враждебными.

Впрочемъ, сколько намъ извѣстно, только въ одной былинѣ—«Сорокъ каликъ со каликою»—калѣки перехожіе рисуются такими красками, которыя скорѣе приличны для обрисованія богатырей и удалыхъ добрыхъ молодцовъ, чѣмъ представителей нищенства и физическаго убожества, калѣчества. Большею-же частью калѣки перехожіе почти во всемъ славянскомъ мірѣ являются слѣпцами; иногда-же въ образѣ слѣпыхъ калѣкъ сходятъ съ неба ангелы и странствуютъ между людьми, какъ, напримѣръ, въ прекрасной сербской былинѣ «Льуба богатаго Гавана» и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ и малорусскихъ духовныхъ стихахъ. «Заповѣдуетъ Господь Богъ двоимъ-троимъ ангеламъ (говоритъ сербская былина о Гаванѣ) *):

«О, ви моји анђели!
Три небеске војводе!
Сидьте с неба на земльу,
Садельајте гуслице
Од сувога јавора,
Па подьите по свету,
Као пчела по цвету,
Од Божијег прозора,
Од сунчевог истока,
Те кушајте све вере,
И све редом градове,
Знаде л' сваки за Бога,
И за име Божије».
Па сидьоще андьели,
Сидьош' с' неба на земльу,
Садельјаше гуслице
Од сувога јавора,
Па подьоше по свету,
Као пчела по цвету,
Од Божијег прозора,
Од сунчевог истока,
Те кушају све вере
И све редом градове;
Сваки знаде за Бога
И за име Божије.
Кад додьоше пред дворе
Богатога Гавана,
А тако се додеси
Баш у свету недельу
И стајаше андьели
Летньи данак до подне,
Ту и ноге болеше,
Беле руке трудише;
Кад изидье Јелена

*) Для знакомыхъ съ сербскимъ языкомъ не можемъ не привести здѣсь въ подлинникѣ эту поэтическую былину.

Поносита господья,
Пред ньом иду д воркиньје
А за ньоме слушкиньје,
На глави јој пауни,
Крялима јој лад чине:
И изнесе Јелена
Поносита господья
Озорео крај льеба,
Што ј у непак мешено,
У суботу претано,
У недельу вадьено:
То не даде Јелена,
Како Господ милује,
Него баци Јелена
С десне ноге пашмагом:
«Ето вама, божјаци!
Акови је тај ваш Бог,
Кој не може ранити
Своје слуге код себе,
Већь и шилье до мене?
Имам Бога на дому,
Који ми је створио
Од олова дворове,
И сребрне столове,
Млогу стоку и благо».
Па су пошли андьели,
Сусрете и Стеване,
Верна слуга Гавана,
И беседе божјаци:
«Чујеш, брате Стеване:
Удел' штогод за Бога!»
А беседи Стеване.
Чујте, братьо, божјаци!
Нигди ништа не имам,
Разма једно јагньище:
Служио сам Гавана,
Пуно девет година,
И ништа ми не даде,
Разма једно јагньище;
Ја сам млеко просио,
Те сам јагнье ранио,
Сада ми је јагньище,
Од сви овац најбольe!
Ја би вам га сад дао,
Зашто прете чобани,
Де ми јагнье украду».
Али иде јагньище
Преко полья блејечи,
Радује се Стевану,
Као својој мајчици.
Взем Стеване агньище
Па га трипут польуби,
Па га даде божјаку:
«Ето, братьо, божјаци!
Нек ја вама подела,
Мен' пред Бога молитва».
«Фала, брате Стеване!»
И одоше андьели
И однеша јагньище;
Кад су дошли андьели,
Па казују Господу.
Ал' беседе андьели:
Фала, брате Стеване!
Ано Господ Бог знаје
Него она што кажу,
Онда рече Господ Бог:
Чујете-ли, андьели!
Сидьте с неба на земльу,
Па идите ка двору
Богатога Гавана,
На двору му створите
Балатино језеро,
Уватите Јелену
Поноситу господьу,
За грло јој вежите
То студено каменье.
За каменье вежите
Нечистиве дьяволе,
Нек ја возе по муци,
Као шајку по мору

Моральный выводъ этой былины отзывается тѣмъ-же, чѣмъ звучитъ каждый стихъ богатой поэзіи западнаго пролетаріата. Тутъ слышатся тѣ-же удары по человѣческой неправдѣ, какіе мы слышимъ въ жесткихъ ямбахъ Барбье; пѣснь о Гаванѣ поется и тѣмъ, чтобъ и слышали и соображали богачи, подобно тому какъ «пѣснь о рубашкѣ» Гуда поется затѣмъ, чтобъ отъ ея моральнаго вывода и отъ ея подавляющихъ подробностей сжималось сердце западныхъ Гавановъ. У болгаръ калѣки перехожіе также являются до сихъ поръ въ древней эпической обстановкѣ, не то что нынѣ западныхъ славянъ, лужичанъ и другихъ, сосѣдящихъ съ западнымъ пролетаріатомъ. Въ Болгаріи калѣки также странствуютъ, какъ и у насъ, въ Россіи, какъ и въ Сербіи и вообще на славянскомъ востокѣ, и поютъ тѣ же пѣсни, отзывающіяся древней легендарностью. Вотъ одна изъ болѣе употребительныхъ пѣсенъ болгарскихъ калѣкъ перехожихъ:

Пустилися въ путь святой Илья съ Николою, идутъ они, и повстрѣчали Лазаря. А Лазарь водитъ святой великій день (пасха) со днемъ Юрьевымъ: свѣтлый день носитъ красныя яйна писанныя, Юрьевъ день носитъ глазастыхъ ягнятъ печеныхъ. То не были святой великъ день и Юрьевъ день, а были то бѣдные, сирые нищіе, Лазарь ихъ водитъ, чтобъ одѣть ихъ и накормить. Нищіе бесѣдуютъ, тихо говорятъ Лазарю: «Ой ты гой еси, дѣдушка Лазаре! Не помолишься-ли Богу за насъ, Лазаре, за добрыхъ людей, кои насъ кормятъ, одѣваютъ? «Ты матушка, ты сестрица! подайте ломтикъ хлѣба».

Есть много нравственныхъ точекъ соприкосновенія между славянскимъ нищенствомъ и европейскимъ пролетаріатомъ. Представители того и другого проповѣдуютъ равенство человѣческихъ правъ, если не передъ лицомъ государства и общества, то передъ лицомъ правды и передъ законами жизни. Свобода, равенство и братство были знаменемъ, во имя котораго, въ теченіе послѣдняго столѣтія, Европа переживала кровавые моменты. Это знамя высоко держитъ въ рукахъ западный пролетаріатъ и конечно никогда не выпуститъ его изъ рукъ. Къ этому знамени примкнули всѣ вожаки общественныхъ движеній запада и руководители европейской мысли. Поднятіе этого знамени ошибочно приписываютъ

французской революціи, тогда какъ оно давно было поднято славянскимъ нищенствомъ. Славянское нищенство постоянно проповѣдуетъ свободу и дорожитъ ею. Бродя по міру, переходя отъ одного окна къ другому, калѣки перехожіе постоянно повторяютъ свой общественный девизъ: «подъ однимъ окошечкомъ корочка выпрошена, подъ другимъ съѣдена». О равенствѣ калѣки перехожіе поютъ подъ окнами, ожидая подачки, на торжкахъ и на базарахъ, гдѣ сталкиваются человѣческое довольство и нужда, и при церквахъ, въ которыя собираются на молитву богатый и нищій, сильный и слабый. Сербскіе калѣки перехожіе громко провозглашаютъ равенство, распѣвая по площадямъ:

Не знаjу се краљеви,
Не познаjу цареви,
Кад дођемо на суду,
Гди че Господ судити
Свим праведним и грешним.

Какъ русскіе , такъ и юго-славянскіе калѣки перехожіе постоянно сопоставляютъ богатаго и убогаго, то въ лицѣ Лазаря и его брата, то въ другихъ подходящихъ случаяхъ. За неимѣніемъ матеріальнаго довольства въ настоящей жизни, калѣки перехожіе услаждаютъ себя представленіями рая, а немилосердныхъ богатыхъ пугаютъ ужасами ада. У сербовъ есть прекрасная, распѣваемая калѣками перехожими, пѣсня, въ которой говорится объ участи, постигшей скупую и немилостивую мать святого апостола Петра.

Вошелъ въ рай святой Петръ (говоритъ эта пѣсня), а за нимъ его старая мать поспѣшаетъ. И говоритъ старая мать: «стань подожди, сынокъ Петръ, дай я съ тобой въ рай пойду». Говоритъ ей святой Петръ: «Воротись назадъ, моя матушка. Сколько ты жила на свѣтѣ, а рая не удостоилась: ни ты голоднаго накормила, ни ты жаждущаго напоила, ни ты голаго пріодѣла, ни ты босаго пріобула, ни слѣпому подавала, ни свою душу помянула. Только одно повѣсмице (клочекъ пряжи) ты раздѣлила на трое и трижды вздохнула:

Jао, мое повесамце!
Куда тьеш се повлачити,

По брдина, по долина.
По слепачкии торбанинаи!

«Ступай же назадъ. моя матушка, да свяжи волоконца ужъ пряжи, волоконце къ волоконцу, и по нимъ иди въ рай».

Воротилась старая мать, связала эти волокна, пошла по этой ниточкѣ къ раю! Ниточка оборвалась и она упала въ самое пекло. Это совершенно то-же самое, что наши великорусскіе и малорусскіе калѣки перехожіе разсказываютъ, какъ святой Петръ хотѣлъ втащить съ собою въ рай скупую женщину, велѣлъ ей держаться за стебель зеленаго лука, который былъ ею поданъ нищимъ за всю жизнь: стебелекъ оборвался и грѣшница упала въ горящую смолу ада. Становясь исключительно на историческую почву и въ исторической послѣдовательности разсматривая какъ начало восточно-славянскаго нищенства, кодексъ его ученія и принципы, во имя которыхъ оно считаетъ свое существованіе логически законнымъ, такъ и послѣдующую, конечную форму развитія славянскаго нищенства— западный пролетаріатъ считаетъ формы существующихъ соціальныхъ отношеній ни логическими, ни законно историческими.—мы находимъ между ними кровное родство. Притомъ, какъ понятіе нищенства. такъ и поняніе пролетаріата вмѣщаютъ въ себѣ, въ историческомъ смыслѣ, весьма сложныя комбинаціи разнообразныхъ формъ общественныхъ отношеній и весьма широкую градацію различныхъ степеней этихъ отношеній. Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ человѣческія общества—существуетъ и то, что въ послѣднее время политико-экономическая наука назвала «раздѣленіемъ труда». Въ первобытныхъ человѣческихъ обществахъ раздѣленіе труда было весьма не сложно, такъ какъ самый трудъ получилъ ту или другую степень спеціализаціи, только сообразно степенямъ развитія общества. Развивалось общество, развивались по законамъ градаціи и объемы его потребностей, а затѣмъ расширялась область разныхъ спеціальностей, въ томъ числѣ и спеціальности труда. Чѣмъ разнообразнѣе становились человѣческія потребности, чѣмъ болѣе спеціализировались человѣческія знанія, профессіи, искусства, ремесла и всякій человѣческій умственный и физическій трудъ, тѣмъ меньше было возможности одному уму и двумъ человѣческимъ рукамъ обнять всѣ спеціальности, выполнить все, что могутъ выпол-

нить рабочія руки десятковъ тысячъ людей. Въ первобытныхъ обществахъ спеціальности человѣческаго труда какъ умственнаго. такъ и физическаго, вращались—въ сферѣ звѣроловства. какъ добыванія себѣ пищи, подобно тому, какъ эту пищу добываетъ себѣ волкъ, или левъ, у которыхъ нѣтъ раздѣленія труда, потому что всѣ здоровые волки могутъ быть звѣроловами и хищниками,—въ сферѣ настушества, потомъ въ сферѣ хлѣбопашества и проч.

Въ первобытномъ человѣческомъ обществѣ всѣ члены его, не имѣющіе органическихъ поврежденій, могли и должны были быть звѣроловами, пастухами и земледѣльцами, равнымъ образомъ они всѣ должны были быть и воинами, чтобъ защищаться отъ звѣрей и сосѣдей враговъ, чтобъ умѣть и добычу пріобрѣсти. Кто умѣлъ ловить звѣрей, стеречь свое стадо и воевать, тотъ имѣлъ и кусокъ хлѣба, и соотвѣтственный почетъ. Понятно, что кто не умѣлъ или не могъ дѣлать ни того, ни другого—напримѣръ, калѣка, слѣпой, безрукій и безногій—тотъ долженъ былъ или поступить на иждивеніе здоровыхъ и зрячихъ, или самъ отыскивать себѣ средства существованія. Такъ какъ для этихъ калѣкъ полный физическій трудъ вполнѣ здороваго человѣка былъ немыслимъ, то для нихъ оставался исключительно трудъ умственный. Оттого въ первобытныхъ человѣческихъ обществахъ служителями труда умственнаго и служителями всемогущаго орудія этого труда—человѣческаго слова—были калѣки: великій творецъ эллинскаго эпоса, имѣющаго міровое значеніе въ общечеловѣческомъ развитіи, Гомеръ былъ калѣка перехожій, слѣпецъ, который не могъ ни воевать съ прочими греками, ни состязаться на Олимпійскихъ играхъ, и которому оставалось одно — возсоздать народную демонологію и народную исторію, бродить между людьми съ своими рапсодіями и пѣть ихъ во славу поколѣній прошедшихъ и въ назиданіе поколѣній грядущихъ. Первый эллинскій баснотворецъ — Эзопъ—былъ тоже калѣка перехожій, уродъ и горбунъ. Знаменитый Оссіанъ былъ тоже калѣка перехожій—слѣпой пѣвецъ. Такимъ-же калѣкой перехожимъ былъ и нашъ вѣщій Боянъ, котораго вѣщее слово царило и на землѣ и надъ землею. Такимъ образомъ явленія первобытнаго общества объясняются законами естественнаго раздѣленія человѣческаго труда. Неспособнымъ къ физическому труду остава-

лось одно—или просить о подаяніи пищи у здоровыхъ людей, и быть общественными паразитами, или, при сознаніи унизительности этого положенія, приняться за трудъ возможный, умственный. Такъ какъ въ самыхъ неразвитыхъ людяхъ и въ самыхъ крайнихъ реалистахъ всегда былъ большій или меньшій запросъ на продукты труда умственнаго, то эти продукты и предлагались отъ производителей; хотѣлось грубому звѣролову или полудикому вояку позабавиться пѣсенкой, сказкой, апологіей, побасенкой, загадкой—и ему предлагалось и то и другое лицомъ, для которагo служеніе слову было неизбѣжной спеціальностью; хотѣлось крайнему реалисту и практику отдохнуть умомъ и сердцемъ в мірѣ фантазіи, въ мірѣ поэтическаго творчества,—и онъ находилъ все это у служителей слова. Это былъ своего рода товаръ, который предлагался тому, кто самъ не могъ его ни измыслить, ни добыть мускулами, и за этотъ товаръ продавцу платили чѣмъ могли, и продавецъ этимъ питался и жилъ. Вотъ оттого въ исторіи всѣхъ человѣческихъ обществъ замѣчается, что такъ называемые уроды съ точки зрѣнія физической и общественной, люди, повидимому не способные и къ рутинной общепринятой жизни, люди отрицающіе эту программу рутинной жизни, большею частью замѣтно выдѣляются рѣдкими качествами своего ума, своимъ творчествомъ, оригинальностію воззрѣнія на жизнь, на человѣческія отношенія и проч. Въ первобытныхъ человѣческихъ обществахъ такіе люди были или вѣдунами, вѣщими, колдунами, знахарями, пѣвцами, или же жрецами, служителями боговъ, руководителями массъ. Слѣдя далѣе по историческому пути за этимъ явленіемъ, мы замѣчаемъ, что люди, по необходимости прибѣгавшіе къ умственному труду, за невозможностью труда физическаго, уроды и калѣки перехожіе, вырождаясь постоянно въ дѣятелей мысли, все шире и шире очерчиваютъ кругъ своей дѣятельности, все больше и больше привлекаютъ къ своему дѣлу и такихъ людей, которые вполнѣ способны къ труду физическому, рутинному, но которые начали убѣждаться въ несравненныхъ преимуществахъ и неоспоримомъ благородствѣ труда умственнаго. Бывшіе уроды и калѣки перехожіе забрали въ свои руки не только міръ науки, знанія, они забрали въ свои руки такой рычагъ, которымъ начинаютъ двигать въ ту или другую сторону по своему произволу

все человѣчество, хотя еще не вполнѣ нашли истинную точку опоры для своего рычага. И на востокѣ и на западѣ нищенство или калѣчество перехожее переживало различные фазисы развитія, съ тою разницею, что на западѣ, вслѣдствіе иного хода общественнаго прогресса, оно круто поворотило, повидимому, въ сторону, хотя въ сущности измѣнило только внѣшнія свои формы и пріобрѣло себѣ сильныхъ союзниковъ—знаніе, науку и печать, тогда-какъ на славянскомъ востокѣ еще отчасти уцѣлѣло въ своей первобытной, эпической простотѣ, отчасти-же вступило въ періодъ перерожденія и перехода къ современнымъ формамъ.

Исторія Россіи, съ тѣхъ поръ какъ она намъ извѣстна по письменнымъ документамъ, застаетъ калѣкъ перехожихъ уже въ разнообразныхъ видахъ и общественныхъ положеніяхъ. Самый обыкновенный и многочисленный видъ ихъ—это нищіе, которые, при извѣстномъ складѣ и воззрѣніяхъ русскаго общества, не выводились въ немъ во всѣ эпохи существованія Россіи. Уже при первыхъ русскихъ монастыряхъ, при первыхъ церквахъ и при первыхъ русскихъ князьяхъ мы видимъ нищихъ, которыхъ и монастыри, и церкви, и добрые князья, въ силу доктринъ христіанскаго милосердія, кормятъ и одѣваютъ, особенно же въ храмовые праздники и при другихъ торжественныхъ случаяхъ. Въ то время, когда Владиміръ князь пировалъ съ дружиною и могучими сильными богатырями въ княжескихъ палатахъ за браными столами, на дворахъ разставлялись столы для всякаго пришельца, для «нищей братіи», для калѣкъ перехожихъ, и за столомъ этимъ угощалось все бѣдное, неимущее, несчастное. То-же самое дѣлалось и при гостепріимныхъ монастыряхъ, при церквахъ, при дворахъ епископовъ, бояръ и богатыхъ торговыхъ людей. Рядомъ съ обыкновенными нищими бродили уже по Россіи и такіе калѣки перехожіе, которые, или, какъ Боянъ, воспѣвали славу и подвиги князей и слѣдовательно пользовались значительнымъ почетомъ, или, какъ «сорокъ каликъ со каликою», бродили по Руси и по чужимъ землямъ цѣлыми дружинами, съ выборными атаманами во главѣ и мѣряясь своими силами съ признанными богатырями, брали милостыню не рублями и не полтинами, а тысячами, какъ выражается былина. Само собою разумѣется, что между калѣками перехожими,

которымъ единственное оружіе дѣйствія было слово, пѣсня, изъ выдѣлялись исключительныя личности, которыя своимъ даромъ слова и своими выдающимися въ массѣ знаніями снискали себѣ имя тетъ «вѣщихъ», хотя вѣщность и вѣдовство въ различной степени были почти всегда присущи всякому калѣкѣ перехожему, какъ служителю слова, которымъ калѣка единственно и зарабатывалъ себѣ хлѣбъ.

Русскія лѣтописи передаютъ даже самую форму и обрядъ, которыми сопровождались пріемы и кормленія калѣкъ перехожихъ и всѣхъ бродячихъ элементовъ древняго общества. «Раздая (говоритъ лѣтописецъ о Владимірѣ) имѣнія много убогимъ и нищимъ и страннымъ... больнымъ же и нищимъ поставляше по улицамъ великія кади и бочки меду, и хлѣбъ, и мясо, и рыбу, и сыръ, и яйца, и овощія различная: каждо хотя приходяще и ядяще, славяще Бога и блаженнаго князя Владимера». Эти-то славленія и заключались въ пѣсняхъ калѣкъ перехожихъ, которые не только благодарили Бога, но тутъ-же восхваляли подвиги и добрыя дѣла князя. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ говоритъ: «Владимеръ же сотвори празднованіе свѣтло... и убогимъ и нищимъ, и по улицамъ больнымъ и клоснымъ великія кади и бочки меду, и квасу, и перевары, и вина поставляше и мяса, и рыбы, и всякое овощіе, что хто требоваше, и ядяше.»

Рядомъ съ этими калѣками перехожими являются калѣки въ другомъ образѣ—это нѣчто вродѣ странствующихъ артистовъ, «скоморохи» или «скомрахи», которые, бродя по Руси, кормились своими нехитрыми инструментами—гудками, волынками, гуслями, сопѣлями, «смыками» и проч. Это тѣ калѣки перехожіе, которыхъ разумѣетъ лѣтописецъ, говоря, что они прельщаютъ людей «трубами и скоморохи, и смыками, и гуслями, и русальи». Какъ и всѣ калѣки перехожіе, они являются, при случаѣ, и удалыми добрыми молодцами, именно тѣми бродячими элементами, которыми полна вся наша прошлая историческая жизнь; въ одномъ мѣстѣ калѣки являются «людьми божіими», которые поютъ о Лазарѣ, о Маркѣ богатомъ, которые сопровождаютъ свои пѣнія молитвами и всякими благочестивыми разговорами; въ другомъ мѣстѣ собирается другая артель людей бездомныхъ, не приставшихъ къ ря-

вому труду, не приставшихъ и къ обществу, но которыхъ общество принимаетъ къ себѣ, такъ сказать, въ исключительныхъ случаяхъ, ради эстетическихъ наслажденій. Какъ первые, такъ и побѣдніе калѣки перехожіе могутъ быть и разбойниками, удалыми брыми молодцами: въ первомъ случаѣ такими являются «сорокъ ликъ со каликою», когда они приходятъ къ литовскому королю; второмъ случаѣ такими удалыми добрыми молодцами являся скоморохи, которыхъ самая пѣсня народная называетъ «веными»:

Веселые по улицамъ похаживаютъ,
Гудки и волынки понашиваютъ,
Промежду собой весело разговариваютъ:
Да гдѣ же веселымъ будетъ спать, ночевать?
Мы ночуемъ у старой бабѣ въ келейкѣ.
У старой бабѣ во келейкѣ бесѣдушка была;
Промежду собой старухи разговаривали:
У кого денегъ полтина, у кого двѣ-три,
У меня ли, у старой бабы, четыреста рублевъ
Въ подпольѣ на полкѣ, въ кубышкѣ лежатъ.
Веселые-то ребята злы, догадливы:
Ай одинъ началъ играть,
А другой началъ плясать,
А третій веселой будто спать захотѣлъ,
Онъ и ручку протянулъ,
И кубышечку станулъ.

Затѣмъ удалые добрые молодцы отправляются «подъ ракитовъ стый кустъ», гдѣ, какъ и записные удалые добрые молодцы, лятъ (дуванятъ) добытую кубышку и хвалятъ старую бабу, сотуя ей «жить подолѣ, копить денегъ поболѣ» и прибавляя отъ бя:

И мы дворъ твой знаемъ,
Опять зайдемъ,
Мы кубышку твою знаемъ,
Опять возьмемъ,
А тебя дома не найдемъ —
И дворъ сожжемъ.

Вникая въ самый источникъ явленія нищенства на Руси и в[о] всемъ славянскомъ востокѣ и восходя потомъ къ послѣдстві[ямъ] этого явленія, мы приходимъ къ убѣжденію, что нищенство им[ѣло] роковое вліяніе на весь ходъ нашей исторической жизни, ка[къ] вліяніе это, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не было достаточно ра[з]облачено исторической наукою.

Постараемся, хотя въ общемъ очеркѣ, изобразить историческ[ій] ростъ нищенства не только въ его прямомъ, незамаскированн[омъ] видѣ, но и въ тѣхъ его безчисленныхъ развѣтвленіяхъ, котор[ыя] въ состояніи уловить историческая критика, и сдѣлать имъ дѣ[й]ствительную оцѣнку.

Изъ древнихъ лѣтописей мы видимъ, что всѣ элементы др[ев]няго русскаго общества, почему-либо недостаточно обезпеченн[ые] въ жизни, составляли ту бродячую массу «людей не у дѣла», ко[то]рыми переполнены были города, деревни, монастыри и даже д[ре]мучіе лѣса и степи. Эти бродячіе элементы, ничѣмъ не обез[пе]ченные или вслѣдствіе своего физическаго калѣчества, безсилі[я], иного убожества, или вслѣдствіе другихъ неудачъ въ жизни, пе[р]воначально являются въ своей простѣйшей, бытовой формѣ—по общимъ наименованіемъ «нищихъ» и «убогихъ». Народъ это кормился общественнымъ подаяніемъ отчасти въ силу бытовы[хъ] понятій о людяхъ «безродныхъ», «безсемейныхъ» («родъ» и «семь[я]» были общественными единицами въ эпоху такъ называемаго ис[то]риками «родового быта» на Руси и во всемъ славянствѣ), отчас[ти] въ силу христіанскихъ воззрѣній: такъ убогіе и нищіе кормил[ись] подъ окнами кусочнымъ подаяніемъ. кормились иногда времен[но] въ исключительныхъ случаяхъ, при дворахъ князей, епископо[въ,] бояръ, гостинныхъ людей, при монастыряхъ, иногда постоян[но,] когда благочестивые люди и монастыри устраивали для нищ[ихъ] особые покои, лечебницы, даже бани, какъ напримѣръ лѣтописе[цъ] говоритъ о митрополитѣ Ефремѣ кіевскомъ (въ началѣ XI вѣк[а]) «сей же бѣ Ефремъ-скопецъ много добродѣтеленъ, высокъ тѣло[мъ] и сухъ.... воздвиглъ.... строеніе банное, и врачевы и больни[цы] всѣмъ приходящимъ безмездно врачев[ан]і[е]...
нищихъ и убогихъ, которые кормилис[ь]
[вмѣ]сто того, чтобы подобно прочи[мъ]

продуктами своего, такъ сказать, мышечнаго труда или унаслѣдованнымъ отъ отцовъ добромъ, выдѣлялись особыя личности, тоже непричастныя труду физическому, которыя кормились, какъ мы замѣтили выше, продуктами труда умственнаго, хотя впрочемъ положеніе ихъ не имѣло рѣзкаго разграниченія съ положеніемъ обыкновенныхъ нищихъ и калѣкъ переходящихъ—это пѣвцы, Бояны, вѣдуны и знахари: и тѣ, и другіе заработывали хлѣбъ не руками, ни сохой, ни мечемъ, ни серпомъ, а словомъ, знаніемъ, наукой, какою она могла быть въ то время. Такимъ образомъ въ первобытномъ обществѣ нищіе, калѣки перехожіе, убогіе, вѣщіе, Бояны, вѣдуны и знахари, были отчасти тоже, что въ настоящее время пролетаріи, поэты, литераторы и ученые.

Изъ первобытнаго нищенства, слѣдовательно, въ первой мѣрѣ выдѣляются представители труда умственнаго: народные пѣвцы, поэты, вѣдуны и колдуны, въ одно время и лечившіе народъ, и колдовавшіе ему.

Затѣмъ древнее нищенство выдѣляетъ изъ себя въ древней Руси значительный контингентъ монашествующихъ, собственно монастырскихъ паразитовъ, которые, не неся никакой общественной службы, не отправляя никакой работы, знали только обрядовое хожденіе къ утреннимъ и всенощнымъ бдѣніямъ и питались на счетъ монастырей. Съ одной стороны нищенство, съ другой древняя набожность были началомъ развитія на Руси элемента монашествующаго: на монастыри шли громадныя богатства русскихъ княжествъ; къ монастырямъ отписывались громадныя земельныя богатства, съ угодьями и крѣпостнымъ, рабочимъ населеніемъ. Насколько элементъ монашествующій былъ спасительнымъ началомъ въ исторіи нашего нищенства, настолько же онъ служилъ источникомъ разростанія нищенства. Вообще ростъ нищенства шелъ пропорціонально росту и усиленію монашествующаго элемента древней Руси.

Одновременно съ этимъ нищенство начинаетъ выдѣлять изъ себя элементъ протестующій, элементъ недовольный существовав- [illegible] ками и рядовымъ строемъ жизни, эле- [illegible] Это юродивые по принципу, собственно [illegible] ственнаго анализа и критики.

Вникая въ самый источникъ явленія нищенства на Руси и в всемъ славянскомъ востокѣ и восходя потомъ къ послѣдствія этого явленія, мы приходимъ къ убѣжденію, что нищенство имѣ роковое вліяніе на весь ходъ нашей исторической жизни, хот вліяніе это, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не было достаточно ра облачено исторической наукою.

Постараемся, хотя въ общемъ очеркѣ, изобразить историчес ростъ нищенства не только въ его прямомъ, незамаскированно видѣ, но и въ тѣхъ его безчисленнымъ развѣтвленіяхъ, котор въ состояніи уловить историческая критика, и сдѣлать имъ дѣ ствительную оцѣнку.

Изъ древнихъ лѣтописей мы видимъ, что всѣ элементы дре няго русскаго общества, почему-либо недостаточно обезпечен въ жизни, составляли ту бродячую массу «людей не у дѣла», кот рыми переполнены были города, деревни, монастыри и даже др мучіе лѣса и степи. Эти бродячіе элементы, ничѣмъ не обез ченные или вслѣдствіе своего физическаго калѣчества, безсилія иного убожества, или вслѣдствіе другихъ неудачъ въ жизни, пе воначально являются въ своей простѣйшей, бытовой формѣ—по общимъ наименованіемъ «нищихъ» и «убогихъ». Народъ это кормился общественнымъ подаяніемъ отчасти въ силу бытовы понятій о людяхъ «безродныхъ», «безсемейныхъ» («родъ» и «семь были общественными единицами въ эпоху такъ называемаго ис риками «родового быта» на Руси и во всемъ славянствѣ), отчас въ силу христіанскихъ воззрѣній: такъ убогіе и нищіе кормил подъ окнами кусочнымъ подаяніемъ, кормились иногда времен въ исключительныхъ случаяхъ, при дворахъ князей, епископо бояръ, гостинныхъ людей, при монастыряхъ, иногда постоян когда благочестивые люди и монастыри устраивали для нищи особые покои, лечебницы, даже бани, какъ напримѣръ лѣтописе говоритъ о митрополитѣ Ефремѣ кіевскомъ (въ началѣ XI вѣк «сей же бѣ Ефремъ-скопецъ мно добродѣтеленъ, высокъ тѣло и сухъ.... воздвиглъ.... строе анное, и врачевы и больни всѣмъ приходящимъ безмезд нищихъ и убогихъ, которые сто того, чтобы подо

продуктами своего, такъ сказать, мышечнаго труда или унаслѣдованнымъ отъ отцовъ добромъ, выдѣлялись особыя личности, тоже непричастныя труду физическому, которыя кормились, какъ мы замѣтили выше, продуктами труда умственнаго, хотя впрочемъ положеніе ихъ не имѣло рѣзкаго разграниченія съ положеніемъ обыкновенныхъ нищихъ и калѣкъ переходящихъ—это пѣвцы, Бояны, вѣдуны и знахари: и тѣ, и другіе заработывали хлѣбъ не руками, ни сохой, ни мечемъ, ни серпомъ, а словомъ, знаніемъ, наукой, какою она могла быть въ то время. Такимъ образомъ въ первобытномъ обществѣ нищіе, калѣки перехожіе, убогіе, вѣщіе, Бояны, вѣдуны и знахари, были отчасти тоже, что въ настоящее время пролетаріи, поэты, литераторы и ученые.

Изъ первобытнаго нищенства, слѣдовательно, въ первой мѣрѣ выдѣляются представители труда умственнаго: народные пѣвцы, поэты, вѣдуны и колдуны, въ одно время и лечившіе народъ, и колдовавшіе ему.

Затѣмъ древнее нищенство выдѣляетъ изъ себя въ древней Руси значительный контингентъ монашествующихъ, собственно монастырскихъ паразитовъ, которые, не неся никакой общественной службы, не отправляя никакой работы, знали только обрядовое хожденіе къ утреннимъ и всенощнымъ бдѣніямъ и питались на счетъ монастырей. Съ одной стороны нищенство, съ другой древняя набожность были началомъ развитія на Руси элемента монашествующаго: на монастыри шли громадныя богатства русскихъ княжествъ; къ монастырямъ отписывались громадныя земельныя богатства, съ угодьями и крѣпостнымъ, рабочимъ населеніемъ. Насколько элементъ монашествующій былъ спасительнымъ началомъ въ исторіи нашего нищенства, настолько же онъ служилъ источникомъ разростанія нищенства. Вообще ростъ нищенства шелъ пропорціонально росту и усиленію монашествующаго элемента древней Руси.

Одновременно съ этимъ нищенство начинаетъ выдѣлять изъ себя элементъ протестующій, элементъ недовольный существовавшими [illegible] порядками и рядовымъ строемъ жизни, эле- [illegible] юродивые по принципу, собственно [illegible]ственнаго анализа и критики.

Намѣренно юродивые и юродствующіе являются зародыш протеста, который возросталъ все болѣе и болѣе, и сознавъ св силу, неотразимость своей критики и обличенія, повелъ борьбу только противъ общественныхъ порядковъ, но и противъ предс вителей государственной власти и церкви, когда видѣлъ въ ни отклоненіе отъ идеи добра и правды. Юродивые, какъ и вы какъ всѣ калѣки перехожіе, дѣйствовали словомъ, анализомъ, кр тикой, обличеніемъ, протестомъ. Иногда протестъ ихъ выража собственно лишь пассивнымъ неисполненіемъ того, что было пр нято, что исполняли всѣ по обычаю, по обряду, по рутинѣ. Иног протестъ этотъ обнаруживался строгой и безпощадной критико которая, какъ и критика современная, какъ и строгій анал науки, должна была поневолѣ маскироваться, прикрываться в димымъ дурачествомъ, шуткой, двусмысленнымъ намекомъ, заг кой, аналогіей. Протестъ юродивыхъ можно было, выражаясь яз комъ современности, читать только между строкъ, какъ чита протесты тамъ, гдѣ свободное слово сдерживается неумѣренно пр тязательною цензурой. Иногда-же юродствующіе бросаютъ же кой правдой прямо въ лицо такимъ личностямъ какъ Иванъ Гр ный и нерѣдко становятся жертвою неумѣстнаго, несвоевременна гражданскаго мужества.

Но рядомъ съ этими протестующими элементами, выдѣлившими изъ элемента нищенства, выдѣляются факторы не только прот тующей, но и разрушительной силы, силы, прямо ведущей бор противъ общественныхъ порядковъ, противъ права власти, прот закона, противъ понятія права имущественнаго. Это одна изъ мыхъ больныхъ историческихъ ранъ нашего отечества и всего с вянства: это—элементъ внѣзаконной вольницы, внѣзаконнаго уда ства, элементъ разрушенія того, что признано всѣми считать прикосновеннымъ.

Такъ уже въ то время, когда Владиміръ князь выкатывалъ улицы бочки меду и разставлялъ для нищихъ и убогихъ яства, эти нищіе, не обезпеченные матеріально, и не ществующими порядками, выставили значительный ныхъ нарушителей общественнаго порядка, не тѣмъ, что ихъ иногда кормили на улицахъ,

ей силѣ настолько, чтобы противопоставить ее силѣ законнаго порядка. «Аще умножашася разбои въ земли рустей», говоритъ лѣтописецъ, тогда собрались епископы и старцы и сказали митрополиту: «сынъ твой, князь Владимеръ, въ велицей тихости и кротости бѣ, и разбойницы опустѣша землю, и ты что о семъ мыслиши?» Митрополитъ отвѣчалъ имъ: «идите и рцыте ему, да воспрещаетъ злымъ и да казнитъ разбойницы». Епископы пришли къ Владиміру и сказали: «отецъ твой Леонтъ, митрополитъ всея Русіи, посла насъ къ тебѣ, сице глаголя, яко умножиша разбойницы въ земли нашей, почто не воспрещаяши и не казниши ихъ?» Владиміръ отвѣчалъ: «Боюся Господа Бога, кто бо есмь азъ, ако много согрѣшихъ, и беззаконновахъ паче всѣхъ человѣкъ подъ солнцемъ». Епископы и старцы настаивали на своемъ, и тогда Владиміръ сказалъ: «Да творю, да творю тако, якоже учитъ отецъ нашъ и ваша святость наказуетъ». Затѣмъ лѣтописецъ прибавляетъ: «И абіе Володимеръ подвизашеся на лукавыя и злыя, съ разсмотрѣніемъ и великимъ испытаніемъ: бѣ же Владимеръ многотерпѣливъ зѣло и смысленъ въ разумѣ».

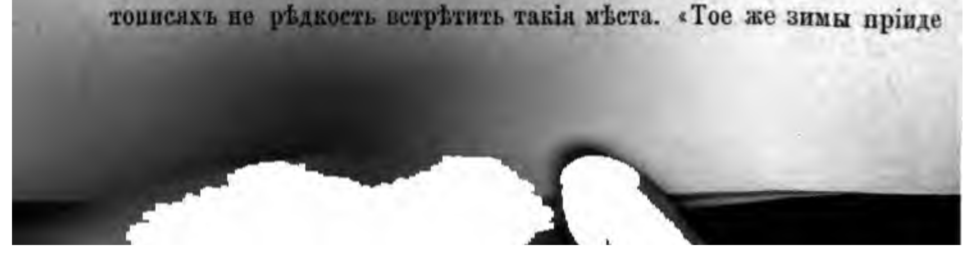
Въ этомъ разсказѣ лѣтописца мы видимъ первое упоминаніе объ удалыхъ добрыхъ молодцахъ, о русской вольницѣ, которая потомъ проходитъ чрезъ всю русскую исторію и заканчиваетъ (да и то не вполнѣ) свое тысячелѣтнее существованіе послѣдними крупными вспышками, во второй половинѣ прошлаго вѣка, съ одной стороны на Днѣпрѣ, тамъ гдѣ она и получила свое начало еще при князѣ Владимірѣ, съ другой—на Волгѣ. Историческое значеніе этой разрушительной силы, выдѣлившейся изъ извѣстнаго намъ источника—изъ нищенства, не вполнѣ уяснено русскою историческою наукой, между тѣмъ, какъ сила эта имѣла неотразимое вліяніе на весь ходъ нашей исторической жизни. Сила эта давала о себѣ знать такими общественными встрясками, которыя нерѣдко останавливали общій процессъ государственнаго роста нашего отечества. Такъ эта сокрушительная сила подточила существованіе такихъ независимыхъ и могущественныхъ республикъ древней Руси, какъ Новгородъ и Псковъ. Въ лѣтописяхъ этихъ двухъ государствъ, въ которыя стекались громадныя богатства, вслѣдствіе ихъ торговыхъ [illegible] съ западомъ и преимущественно съ Ганзою,

постоянно встрѣчаются упоминанія о гражданскихъ усобиц[illegible] о «которахъ» «и вста котора»... «и начаша которатися и свад[illegible] тися»... «и бысть котора въ людехъ»—вотъ постоянныя выр[illegible] женія, которыми переполнены псковскія и новгородскія лѣтопис[illegible] «Которы», «свады», «разбои», «розратья», «усобицы»—постоянн[illegible] потрясаютъ эти сильныя, самостоятельныя государства. То и дѣ[illegible] чернь встаетъ на богатыхъ, на бояръ, беретъ ихъ дома и бог[illegible] ства «на потокъ и разграбленіе», сбрасываетъ въ воду съ мост[illegible] зажигаетъ городъ со всѣхъ концовъ—и смуты не прекращают[illegible] Этими смутами пользуются московскіе государи, покоряютъ по[illegible] свою нивелирующую руку богатыя, вольныя республики русскія, [illegible] вѣчевые колокола перестаютъ звонить, перестаютъ созывать во[illegible] ныхъ граждань для обсужденія государственныхъ дѣлъ.

Всѣ эти гражданскія «которы», «свады», «розратья», и «у[illegible] бицы» внесены въ привольную жизнь Новгорода и Пскова безд[illegible] ною вольницею, нищенствующею удалью, голодною чернью, п[illegible] лытьбою. Громадныя богатства Новгорода и Пскова, нажитыя то[illegible] говлею, не были распредѣлены такъ, чтобы, не давая излишест[illegible] однимъ, не оставляли безъ куска хлѣба другихъ. Бѣдность и н[illegible] щенство раздражались противъ богатства и силы, и отсюда «которы», «розратья». Въ псковскихъ и новгородскихъ лѣтописяхъ мы по[illegible] стоянно читаемъ, что чернь встаетъ поголовно на князей, на бояръ и на богатыхъ за то, что тѣ не «блюдутъ смередъ». И тутъ начи[illegible] наются расправы: того-то, говоритъ лѣтописецъ, «убиша до смерти и съ мосту свергоша», такого-то «бивше мало не до смерти, обна[illegible] живше яко мати родила, и свергоша и съ моста» (опять съ моста сбрасываютъ), такого-то «съ степеней на вѣчѣ спѣхнули (столкнули съ вѣчевыхъ подмостковъ), а тамъ голодные съ сытыми «нож[illegible] кололися, кои каменіемъ, кого древомъ», т. е. дубьемъ.

Такимъ образомъ въ этихъ усобицахъ, воздвигаемыхъ голыть бою, по винѣ неосторожныхъ властей и бояръ, погибаютъ два могущественнѣйшія государства древней Руси.

Подобныя явленія, только съ другими оттѣнками, повторялись и въ прочихъ русскихъ областяхъ и княжествахъ. Тамъ обнищаніе областей шло не столько отъ татаръ, сколько отъ бояръ. Въ лѣтописяхъ не рѣдкость встрѣтить такія мѣста. «Тое же зимы пріиде

великая княгиня изъ бѣговъ Софья, бѣ бо бѣгала за Бѣлоозеро и съ боярынями отъ татаръ, а не гонима никѣмъ же, и по которымъ странамъ ходила, тѣмъ стало пуще татаръ отъ боярскихъ холоповъ, отъ кровопивцевъ христіанскыхъ. Въздай же имъ, Господи, по дѣломъ ихъ, и по лукавству начиная ихъ вздай же имъ, и по дѣломъ руку ихъ дай же имъ, Господи!» (Нов. 4-я лѣт. 154 ст.). Вслѣдствіе такого порядка вещей разоренныя волости превращались поголовно въ нищихъ. Разоренная голытьба, или, какъ ихъ называли лѣтописцы «голодники», массами разбродились по городамъ и селамъ; здоровые изъ нихъ шли на воровство, на грабежъ и на разбои. Часто въ лѣтописяхъ упоминается, что всякое общественное бѣдствіе приписывалось богатымъ и сильнымъ людямъ (бысть на лутчія люди молва)—и дѣйствительно, когда народъ вставалъ поголовно и избивалъ поголовно виновниковъ, то большею частью зло раскрывалось и находились виновные—то «посульники», то «кровопивцы», то «мздоимцы» и «отъ Бога отметники».

Нищенство и бродячіе элементы усиливались еще и по причинѣ частыхъ голодовъ, о которыхъ въ лѣтописяхъ читаются такіе ужасы, что даже воображеніе отказывается имъ вѣрить. Тогдашніе голодные годы были слѣдствіемъ общихъ неурядицъ. Нерѣдко народъ сгонялся массами на войну, то съ сосѣдями, то съ своимъ братомъ, русскимъ же человѣкомъ, только другого княжества. Опустошенія полей были дѣломъ обыкновеннымъ. Посѣвы и уборка хлѣбовъ не всегда могли быть исполнены во-время. И вотъ лѣтописцы то и дѣло заносятъ такія страшныя картины на столбцы своихъ пергаментныхъ хронографовъ: «Лютѣ бяше... ядяху людіе листъ липовъ, кору березову, иніи моличь, истолкше, мятуще съ пелми и съ соломою, иніи уть, мохъ, конину, и такъ другъ съ другомъ падаше мертвъ отъ глада, трупье по улицамъ, по торгу и по путемъ всюду, и накша наймиты изъ города мертвыхъ возити, а смрады негдѣ вылѣзти; туга и бѣда на всѣхъ, отецъ и мати свое чадо даваша даромъ гостемъ; ови ихъ измроша, а друзіи разидошася по чюжимъ странамъ. И тако, по грѣхомъ погибе земля наша».

Естественно, что эти страшныя бѣдствія, въ свою очередь, по-

рождали новое нищенство. При чтеніи лѣтописей нельзя не замѣтить, что именно послѣ голодныхъ годовъ (а они повторялись такъ часто, съ такою ужасающею періодичностью), столбцы хронографовъ испещрены упоминаніями о нищенствѣ, подъ которымъ стали цѣлыя волости, объ «охвочихъ людяхъ», которые самовольно оставляли рати, рыскали по селамъ, въ которыхъ еще можно было [illegible]ъ либо поживиться, или врывались въ чужія, вражія волости. «Охвочіе люди»—это тоже, что удалые добрые молодцы, которые [illegible]ъ здоровые представители «голодниковъ» и голытьбы, представляютъ собою непосредственное выдѣленіе нищенства.

Рядомъ съ «охвочими [illegible] писцы заносятъ на свои [illegible]бцы подвиги «ушкуйн[illegible] щественно новгородскихъ, которыхъ опустошительныя эк[illegible] кже слѣдуютъ непосредственно за голодными годами [illegible] ніемъ нищенства и других бродячихъ элемент[illegible] и»—это праотцы поволжской понизовой вольни[illegible] выхъ, Шагалъ, Кулагъ и другихъ атамановъ бур[illegible] рое выродилось древнее новгородское ушкуйни[illegible]

Въ нѣкоторыхъ лѣто[illegible] ки» буквально переводятся словомъ «разбойники». [illegible] въ новгородской четвертой лѣтописи, при сказаніи объ экскурсіи новгородскихъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ, которую они, въ 1375 году, предприняли внизъ по Волгѣ до самаго Каспійскаго моря, подъ предводительствомъ атамана Прокопа, называвшагося «старѣйшиною»,—они названы просто своимъ историческимъ именемъ «Великаго Новгорода ушкуйници». По спискамъ же академическому, синодальному и по рукописи публичной библіотеки, противъ нихъ стоитъ названіе—«разбойници»; по хронографу же румянцевскаго музея именуются они—«новгородьскыи разбойницы».

Лѣтопись такъ говоритъ объ этомъ знаменитомъ походѣ удалыхъ добрыхъ молодцевъ внизъ по матушкѣ по Волгѣ: «Коли князь Дмитрій былъ подъ Тверью, а въ то время пришедше новгородци, Великаго Новгорода ушкуйници, 70 ушькуевъ, а старѣйшина бяше у нихъ Прокопъ, а другой Смолнянинъ, и пришедше взяша градъ Кострому. Взятье же ихъ таково: прежде выидоша рѣкою Костромою на Волгу и сташа ополчившеся на брань, граждане изыдоша

изъ града противу, събрашася на бой, а воевода бяше у нихъ, тоже и намѣстникъ, Плещеевъ. Новгородци же видѣвши граждань костромичь, болѣе 5000, а самыхъ мало съ полторы тысячи, и раздѣлившися новгородци на 2 части: одину половину отпустиша отай въ лѣсъ, они же обоидоша около по можжеелнику и ударишася на костромичь въ тылъ, а другая половина въ лице удари. Воевода же видѣвъ бывшее и убояся, нача бѣжати, ни самъ на нихъ ударилъ, ни рати своей повелѣлъ, но выдавъ рать свою и покинувъ градъ свой, подавъ плещи побѣже къ Костромѣ. Костромичи же, видѣвши то и не бившеся и побѣгоша, и мнози ту на побоищи побьени быша и падоша, а друзіи по лѣсомъ разбѣгошася, а иныхъ живыхъ поимали и повязали. Новгородци же видѣвше оставленъ градъ и небрегомъ, и нѣсть ему забороны ниоткуда же, и взяша градъ и пограбиша его до конца, и стояше въ градѣ недѣлю цѣлу и всякаго сокровища взыскивая изнесоша, и всякій товаръ изобрѣтше и поимаша; не всѣ же товарное съ собою препроводиша, но елико драгое и легчайшее, а прочее тяжкое излишнее множайшее въ Волгу меташа и глубинѣ предаша, а иное огнемъ пожгоша, и множество народа крестьянскаго полониша, мужей и женъ и дѣвицъ съ собою попроводиша, и отъидоша отъ Костромы. И шедше на низъ по Волзѣ, пограбиша Новгородъ Нижній, и много всякаго полона взяша, и градъ зажгоша. И поидоша на низъ и повернуша въ Каму и тамо помедлиша нѣколико время, и потомъ внидоша Камою въ Волгу. И дошедше на низъ по Волзѣ града Болгаръ, и тамъ полонъ весь крестьянскій попродаша бесерменомъ, или костромскій или Нижнего-Новагорода, жены и дѣвици; и сами поидоша въ насадѣхъ по Волзѣ на низъ къ Сараю, чести крестьянскія грабяще, а бесермены бьюще. И дойдоша на усть Волгы близь моря града нѣкоего Хасторокана [1]), и тамо изби ихъ лестью хозиторокансксій князь, именемъ Салчій: и тако вси безъ милости побьени быша, и не единъ отъ нихъ не остася, а имѣніе ихъ все взяша бесерменове. И такова бысть кончина Прокопу и дружинѣ его» (Новгор. IV лѣт. 71—72).

Такова участь Прокопа, одного изъ древнѣйшихъ атамановъ

[1]) Безъ сомнѣнія это Астрахань.

поволжской вольницы. Прокопъ, какъ оказывается, воспользовался тѣмъ временемъ, когда великій князь московскій Дмитрій Иванович ходилъ войною на Тверь и когда, такимъ образомъ, всѣ военныя силы русскія были отвлечены къ сѣверу, чтобы вывести свою дружину на привольную Волгу. Дружина Прокопа состояла изъ полуторы тысячи удалыхъ добрыхъ молодцевъ, подъ которыхъ понадобилось семьдесятъ «ушкуевъ», или «насадовъ», т. е. большихъ лодокъ, изъ коихъ въ каждой, судя по этимъ числамъ, помѣщалось по двадцати человѣкъ. Надо полагать, что «ушкуи» мало чѣмъ отличались отъ волжскихъ знаменитыхъ «лодочекъ», оснащенныхъ «на двѣнадцатеры [illegible] ло[illegible] которыхъ разгуливала позднѣйшая, понизовая воль[illegible] Прокопа взяла такимъ образомъ Кострому, разбивъ [illegible]ное войско костромичей съ воеводой Плещеевымъ; пото[illegible]ики взяли Нижній, прошли мимо Казани, заходили [illegible]вали потомъ награбленнымъ добромъ и плѣнными же[illegible] Болгарахъ, грабили проѣзжавшіе по Волгѣ караваны, [illegible] «бесерменъ», добрались до Астрахани, гдѣ, подобно б[illegible]и удалыхъ добрыхъ молодцевъ, погибли всѣ до един[illegible].

Народная поэзія до настоящаго времени сберегла намъ имя и подвиги одного изъ знаменитыхъ новгородскихъ ушкуйниковъ— это Васьки Буслаева. Хотя явленіе этой личности не было продуктомъ нищенства собственно, но при всемъ томъ созданію такого типа способствовалъ общій народный характеръ, въ которомъ удаль и бродяжничество, вызванные ближайшими условіями нищенства и давленіемъ сильныхъ на слабыхъ, до того вошли въ плоть и въ кровь народную, что положили свой отпечатокъ на всю древнюю русскую исторію. Если въ началѣ ушкуйники и разбойники были чисто выдѣленіемъ нищенства, которое не все бродило подъ окнами, а часть изъ себя, ту часть, у которой были и здоровыя руки, крѣпкія мышцы, и буйныя головы, высылало или въ лѣса дремучіе на разбой, или въ поле на проѣзжія дороги, или на быстрыя рѣки для «лупленія гостей корабельщиковъ» (т. е. для грабежа купцовъ-судопромышленниковъ), то въ послѣдствіи ушкуйничество стало любимымъ занятіемъ и боярскихъ дѣтей и прочей богатой новгородской и всякой другой русской молодежи.

Въ исторической жизни всѣхъ народовъ нельзя не подмѣтить то аналогическое явленіе, что народныя, массовыя привычки и пороки рано или поздно переходятъ и въ высшія сословія. Такъ сначала нищенство породило въ народѣ русскомъ воровъ, разбойниковъ и ушкуйниковъ, и сначала только «голодники» шли на воровство и ушкуйничество, а потомъ эта мѣстная болѣзнь стала какъ бы общею, государственною болѣзнью.

Такимъ укшуйникомъ сталъ и Васька Буслаевъ, «дворянскій сынъ», извѣстный новгородскій богачъ.

Вотъ какъ народная поэзія изображаетъ всю жизнь этого знаменитаго ушкуйника, можетъ быть предмѣстника, а скорѣе потомка ушкуйничьяго атамана Прокопа, погибшаго въ Астрахани въ 1375 году.

Въ славномъ Великомъ Новѣградѣ, а и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ, съ Новымъ-городомъ жилъ не перечился, со мужики новгородскими поперекъ словечка не говаривалъ. Живучи Буслай состарѣлся, состарѣлся и преставился. Послѣ его вѣку долгаго оставалося его житье-бытье и все имѣніе дворянское, осталася матера вдова, матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна, и оставалося чадо милое, молодой сынъ Василій Буслаевичъ. Будетъ Васинька семи годовъ; отдавала матушка родимая, матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна учить его грамотѣ—а и грамота ему въ наукъ пошла; присадила перомъ его писать—письмо Василью въ наукъ пошло; отдавала пѣтью учить церковному—пѣтье Василью въ наукъ пошло. А и нѣтъ у насъ такова пѣвца во славномъ Новѣгородѣ супротивъ Василья Буслаева. Повадился вѣдь Васька Буслаевичъ со пьяницы, съ безумницы, съ веселыми удалыми добрыми молодцы, до пьяна ужъ сталъ напиватися,—а и ходя въ городѣ уродуетъ: котораго возьметъ онъ за руку, изъ плеча тому руку выдернетъ, котораго задѣнетъ за ногу, то изъ .... ногу выломитъ; котораго хватитъ поперегъ хребта, тотъ кричитъ, реветъ, окарачъ ползетъ. Пошла-то жалоба великая: а и мужики новгородскіе, посадскіе, богатые приносили жалобу они великую матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ на того па Василья Буслаева. А и мать-то стала его журить, бранить, журить-бранить его на умъ учить: — журьба Васькѣ не взлюбилася.

Тутъ-то и начинается его разбойная жизнь. Собралъ онъ око[illegible] себя такихъ же какъ самъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ, числомъ тридцать человѣкъ, и кто бы къ нимъ ни заходилъ, того убі[illegible]вали:

Какой зайдетъ, убьютъ его,
Убьютъ его, за ворота бросятъ.

Затѣмъ Васька Буслаевъ съ дружиною своей нападаетъ н[illegible] общественный пиръ, на «братчину». Послѣ братчины, по обыкно[illegible]венію, начинается кулачный бой, а затѣмъ и драка; Васька Бу[illegible]лаевъ сталъ разнимать подравшихся, «а иной дуракъ зашелъ с[illegible] носка—его по уху о [illegible] пужило началомъ общей бойни Васька Буслаевъ съ друж[illegible]ъ на новгородскихъ мужиковъ и бился объ закладъ, что о[illegible]етъ на весь Новгородъ с[illegible] тѣмъ условіемъ, что если [illegible]итъ, то Новгородъ платит[illegible] ему дань по три тысяч[illegible] годъ, если же онъ будетъ по[illegible]бѣжденъ, то платитъ ст[illegible] Битва кончилась тѣмъ, ч[illegible] Новгородъ былъ поб[illegible] Буслаевымъ, и мужики при[illegible]несли ему не три т[illegible]ячъ.

Буйная жизнь потомъ [illegible]ла [illegible]аськѣ Буслаеву, и задумал[illegible] онъ съ своей дружиной въ Іерусалимъ ѣхать:

Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душа спасти.

Тутъ онъ снаряжаетъ «червленъ корабль» и просить у мат[illegible]ри благословенья напутственнаго; мать говоритъ ему:

«Гой еси ты, чадо мое милое,
Молодой Василій Буслаевичъ!
То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго,
А и не носи Василья сыра земля».

Когда сталъ собираться въ походъ покаявшійся ушкуйник[illegible] материнское сердце «распустилося»:

И даетъ она много свинцу, пороху.
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружье долгомѣрное.

Это все что нужно было для далекаго похода. — Добрые молодцы затѣмъ поплыли по Ильменю, потомъ, какъ всегда это дѣлали ушкуйники, вышли въ Волгу. Извѣстна затѣмъ встрѣча ихъ съ другими удалыми добрыми молодцами, съ «атаманами казачими» — это значитъ, уже въ низовьяхъ Волги. Надо полагать, поэтому, что народная поэзія пріурочиваетъ подвиги Васьки Буслаева уже къ тому періоду русской исторіи, когда владычество татаръ на Волгѣ отошло и когда тамъ уже распоряжались «атаманы казачіе». Слѣдовательно, Васька Буслаевъ могъ жить гораздо позже ушкуйника Прокопа, хотя въ Никоновской лѣтописи, подъ 1171 годомъ, и упоминается въ Новгородѣ посадникъ Василій Буслаевичъ.

«Атаманы казачіе», какъ видно изъ былины о Васькѣ Буслаевѣ, имѣли станъ на Каспійскомъ морѣ:

На славномъ морѣ Каспійскомъ,
На томъ острову на Куминскіимъ,
Стоитъ застава крѣпкая,
Стоятъ атаманы казачіе,
Не много, ни мало ихъ—три тысячи:
Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червлены корабли.

Когда «гости корабельщики» предупреждали Ваську Буслаева, чтобы онъ не ѣздилъ «прямымъ путемъ», т. е. мимо казацкихъ притоновъ, удалый ушкуйникъ отвѣчалъ.

«А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А и вѣрую въ свой чарвленой вязъ,—
А бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ».

Наконецъ корабль Васьки Буслаева, послѣ разныхъ приключеній, выбѣжалъ въ море Каспійское:

На ту на заставу корабельную,
Гдѣ-то стоятъ казаки разбойники,
А стары атаманы казачіе:
На пристани ихъ стоятъ сто человѣкъ.
А и молодой Василій на пристань сталъ;
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
А и скочилъ-то Буслай на крутъ бережокъ,—

Червленымъ вязомъ подпирается.
Тутъ караульщики, удалы добры молодцы,
Всѣ на караулѣ испугалися.

Пріемъ, сдѣланный казаками знаменитому ушкуйнику новгородскому, по видимому соотвѣтствовалъ его громкой славѣ: узнавъ о пріѣздѣ его, атаманы говорятъ:

Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ,
Не видали страху великаго,—
Это-де идетъ Василій Буслаевичъ:
Знать де полетка соколиная,
Видѣть-де поступка мо[illegible]цкая.

Во время угощенья, удалый ушкуйникъ показалъ всѣ свои молодецкія достоинства. Наливаютъ ему чару зелена вина въ полтора ведра.—

Принимаетъ Василій единой рукой
И выпилъ чару единымъ духомъ,
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могутъ и по полу ведру пить.

Откушали они затѣмъ хлѣба съ солью и собираются на свой черленный корабль—ѣхать далѣе къ Іерусалиму. Съ ушкуйникомъ достойно прощаются атаманы:

Даютъ ему атаманы казачіе подарки свои:
Первую мису чиста серебра
И другую красна золота,
Третью скатнаго жемчуга.

Былъ затѣмъ ушкуйникъ въ Іерусалимѣ, купался съ своими товарищами «въ Ердань рѣкѣ»; но на возвратномъ пути погибъ на горѣ Сорочинской, не исполнивъ совѣта мертвой головы, которая не велѣла ему скакать вдоль таинственнаго камня, лежавшаго на этой горѣ *). Гибель Васьки Буслаева напоминаетъ гибель ушкуйника Прокопа, хотя лѣтописный ушкуйникъ погибъ не отъ чаръ, а отъ астраханскаго князя Салчія.

Въ такихъ-то образахъ древность рисуетъ намъ новгородскихъ

---

*) Древн. рус. стихотвор. Кирши Данилова.

ушкуйниковъ, родныхъ братьевъ и первотиповъ поволжской понизовой вольницы.

Повторяемъ, какъ и то, такъ и другое явленіе было дальнѣйшимъ выдѣленіемъ нищенства, которое породило калѣкъ перехожихъ, «голодниковъ», голытьбу, затѣмъ колдуновъ и знахарей, позднѣе—монастырское паразитство, послѣдовательный рядъ «божьихъ людей», юродствующихъ, затѣмъ изъ своихъ здоровыхъ частей выдѣлило «охвочихъ людей», «ушкуйниковъ» и вообще удалыхъ добрыхъ молодцевъ.

Разсматривая далѣе историческія видоизмѣненія нищенства и послѣдовательныя его наслоенія и формаціи, мы встрѣчаемъ еще одну форму нищенства — именно «изгойство». Самое толкованіе «изгойства» древними доказываетъ, что «изгоямъ» не легко жилось: «изгойство же толкуется безконечная бѣда, непрестающая слезы, немолчно воздыханіе, неисцѣлимая болѣзнь — вся же та суть безъ конца» *).

Затѣмъ весьма крупное выдѣленіе явленія нищенства – это явленіе бродяжничества, бѣглыхъ всякаго рода и не помнящихъ родства. Непривѣтливая жизненная обстановка, о которой мы говорили выше, какъ-то: давленіе нищеты, давленіе произвола сильнаго, систематическій грабежъ боярства, боярскаго холопства и чиновныхъ людей, голодные годы, безпрестанныя изнурительныя войны, пожары, опустошавшіе изъ года въ годъ города и села, моровыя язвы, пожиравшія нерѣдко населенія цѣлыхъ областей, непосильныя подати и работы, налагаемыя на несвободныя сословія древней Руси тѣми, кто имѣлъ на это право,—все это заставляло народъ бѣгать цѣлыми массами, искать себѣ лучшихъ мѣстъ, лучшей обстановки, а за ненахожденіемъ того и другаго — просить хотя кусокъ хлѣба подъ окнами, или добывать его воровствомъ и разбоемъ.

Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ псковской лѣтописецъ причины опустѣнія Пскова отъ побѣговъ: «были намѣстники на Псковѣ свирѣпы аки лвове и люди ихъ аки звѣріе диви до крестьянъ, и начаша поклепцы добрыхъ людей клепати, и разбѣгошася добрые

*) Калачова, Русская Правда.

люди по инымъ городомъ, а игумены честные изъ монастырей избѣгоша... и при ихъ намѣстничествѣ, но и пригоражане не смѣли ѣздити во Псковъ» (Псков. I лѣт., стр. 304). То же самое было и по другимъ городамъ и по селамъ: тамъ свирѣпствовали «тивуны лихіе», «недѣлщики» и «ѣздоки, кои по волостямъ ѣздять». Само собою разумѣется, что при такомъ порядкѣ вещей народъ шелъ въ разбродъ, «розно», какъ выражались въ то время, и отсюда—новое явленіе «лихихъ людей—татей и разбойниковъ».

Эти бродячіе элементы древней и почти современной Руси при томъ громадномъ злѣ, которое они приносили государству и которое мы постоянно ук[illegible] и[illegible]ихъ историческихъ изслѣдованіяхъ,—принесли Россіи и [illegible]ьзу, конечно отрицательно. Бродячіе элементы постоянно [illegible]ичекъ русской колонизаціи. Такъ бродячіе люди колониз[illegible]ала всѣ окраины древне-русскихъ государственныхъ [illegible]олонисты наши постоянно двигались отъ русскаго це[illegible]веръ, за Корелу, за олонецкіе и вологодскіе лѣ[illegible]ь Двинѣ, къ Бѣлому морю, то на востокъ — къ Ур[illegible]кій хребетъ, въ Сибирь и до Китая, то на юго-во[illegible]ь, въ степи, въ предѣлы бывшихъ татарскихъ владѣ[illegible] къ I[illegible]ѣ, къ Дону, по Дону на югъ, къ Волгѣ, къ Камѣ, а затѣмъ по всему Заволжью и Закамью. Начало заселенія цѣлой половины великаго русскаго царства, равнаго которому, по величинѣ территорій, другого нѣтъ въ мірѣ, положили все эти же бродячіе колонисты, бѣглые и другіе выселеньники, искавшіе себѣ лучшей обстановки. Все это—опять таки, дѣти нищенства, все это если не калѣки, то люди перехожіе, бродячіе, родные братья калѣкамъ.

Но перечисленныя нами формы проявленій нищенства и различныхъ выдѣленій изъ него еще не обнимаютъ собой всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя проистекали для государства изъ этого источника. Какъ оно само, такъ и его ближайшіе и дальнѣйшіе агнаты и когнаты подтачивали государственную жизнь подъ самый корень, и оттого ростъ нашего русскаго государственнаго дерева, съ червоточиной въ сердцевинѣ и съ подгнившими корнями, былъ неимовѣрно медленъ и самый стволъ дерева не могъ не получить извѣстной доли дряблости. Всѣ послѣдующія внутреннія неуря-

дицы, бунты крестьянскіе и казацкіе, самозванства, явленія гайдамачины и пугачовщины — все это въ самомъ зародышѣ своемъ исходило изъ одного и того-же сѣмени—изъ нищенства—и только въ развитіи своемъ и въ дальнѣйшихъ проявленіяхъ усложнялось и перепутывалось съ другими родственными общественными явленіями. Во всякомъ народномъ протестѣ, во всякомъ преступленіи, наконецъ, въ массовомъ или единичномъ, во всѣхъ безотрадныхъ явленіяхъ государственной жизни нашей, при внимательномъ разсмотрѣніи, оказывается, что у самаго источника всякаго такого факта стоитъ одинъ и тотъ же стимулъ — нищенство, бѣдность, необезпеченность состоянія имущественнаго, недостаточная обезпеченность личной безопасности.

Наконецъ, самая послѣдняя и самая крупная форма историческаго проявленія нищенства—это крѣпостная зависимость нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ крестьянъ, этихъ калѣкъ перехожихъ въ гражданскомъ смыслѣ слова. Какъ нищіе за столами князя Владиміра, они жили и кормились на земляхъ, не имъ принадлежащихъ, обитали въ избушкахъ, не принадлежавшихъ имъ вполнѣ по праву крѣпостной собственности, и за это работали на того кто имъ позволялъ кормиться отъ своихъ избытковъ и жить на его землѣ. Это историческое нищенство имѣло такое громадное вліяніе на медленность нашего государственнаго роста, обнаруживало противуестественность своего существованія такими скорбными фактами, такъ надолго задержало естественный ходъ всей русской земли въ процессѣ ея историческаго развитія, что вознаградить Россію за все ею потерянное не въ силахъ даже самое время.

Обращаясь къ исторіи западно-европейскаго нищенства и его послѣдней исторической формы—пролетаріата, мы и тамъ находимъ глубокое внутреннее сродство съ нищенствомъ славянскимъ при всемъ видимомъ несходствѣ внѣшнихъ проявленій того и другого.

Начало нищенства и на западѣ было такое же, какъ и на востокѣ. И тамъ какъ и здѣсь нищенство выдѣлило изъ себя громадный контингентъ монашествующихъ паразитовъ, которые, въ

союзѣ съ духовною властью, едва не завладѣли всѣмъ мір
Духовныя общины, монастыри, которыхъ призваніе было слу
идеѣ превратились, какъ и у насъ на востокѣ, въ помѣщиков
крѣпостниковъ: Собирая громадныя богатства въ церковные и м
настырскіе фиски, они умножали число паразитствующихъ, чи
калѣкъ перехожихъ, а захваты монастырями и епископіями з
мель превращали милліоны земледѣльцевъ въ безземельныхъ крес
янъ, которые впослѣдствіи стряхнули съ себя крѣпостную за
симость только цѣною своего собственнаго пролетаріата. На з
падѣ, какъ и на востокѣ, нищенство выдѣлило изъ себя брод
чихъ людей и удалыхъ добрыхъ молодцевъ. Воровство и откр
тый разбой превратились въ почетное ремесло, которому поза
довали рыцари и бароны, и также грабили, хотя далеко были
нищіе. Грабежъ шелъ на сушѣ и на морѣ. Западные ушкуйни
пираты, корсары и прочіе удалые добрые молодцы—не толь
грабили, подобно новгородскимъ ушкуйникамъ, такіе города, ка
Кострома и Нижній, но завоевывали иногда цѣлыя стра
(Норманція, Фрисландія и проч.). Подобно славянскимъ нищи
и понизовой вольницѣ, они создали цѣлую народную литератур
и фрисландскіе корсары, а за ними германскіе бароны и рыцар
не чуждые замашекъ понизовой вольницы, распѣвали почти бу
вально то же, что пѣли наши поволжскіе ребята, что, мы-де
воры, не разбойники, а что «мы-де удалые, добрые молодцы, р
бята все поволжскіе, пьемъ, ѣдимъ все готовое, цвѣтно плат
носимъ припасенное—воровства, грабительства довольно есть».

Вотъ что пѣли западные морскіе разбойники, выдѣлившіеся и
нищенства и дополнявшіе его своими дѣяніями:

На сушѣ гонятъ, ловятъ насъ,
Мы бѣдняки, мы горемыки,
Грозитъ намъ гибель каждый часъ,—
За то мы на морѣ владыки.
Когда гуляемъ по волнамъ
Мы, смѣлые сыны свободы,
Тутъ и земля дань платитъ намъ
И Океанъ даетъ доходы.
Мы беремъ изъ первыхъ рукъ,

Гдѣ лишь находимъ грузъ богатый,
Счетъ пишетъ абордажный крюкъ.
А мечъ — квитанцію уплаты.
Мы пьемъ испанское вино,
Мы пьемъ и гамбургское пиво.
И всѣ, всѣ страны за одно
Насъ угощаютъ неспесиво.
Вездѣ веселье и просторъ:
Гуляй по водному раздолью!
А сниметъ голову топоръ —
Простимся мы съ зубною болью.

Западные удалые добрые молодцы, какъ и наши славянскіе, имѣли свой нравственный кодексъ. «Все что добыто мечомъ такъ-же честно, какъ и то, что даетъ соха и навозъ», говорили они. Они же проповѣдывали слѣдующій афоризмъ:

Рыскать и грабить вовсе не стыдъ:
Это изъ рыцарей каждый творитъ.

Вотъ до чего дошла всеобщая деморализація!

Въ исторіи дальнѣйшаго развитія западнаго нищенства мы замѣчаемъ два главныхъ явленія, обусловливающія послѣдній ходъ исторіи западныхъ народовъ: съ одной стороны идетъ обоюдный и неустанный разбой и ушкуйничества въ обширномъ и полномъ значеніи этихъ словъ—короли ведутъ систематическій разбой противъ другихъ королей и ихъ подданныхъ, а въ подраженіе имъ такой же разбой ведутъ бароны и рыцари противъ другихъ бароновъ и рыцарей, а также и противъ ихъ ближайшихъ подданныхъ; разбойничья война между сюзеренами и вассалами, между духовными владыками и свѣтскими, войны изъ-за феодальныхъ и противъ феодальныхъ началъ, войны ленныя и не ленныя, войны религіозныя и крестьянскія наполняютъ собой всю исторію западной Европы; съ другой стороны, идетъ прогрессивное обнищаніе и обезземеленье тѣхъ, которые, не будучи въ силахъ сдѣлаться ни баронами, ни рыцарями, условіями исторіи были брошены подъ молотъ на наковальню, то есть поставлены были между борющимися силами, между сюзеренами и вассалами. Все что было не сюзерены, не владѣтельныя особы, не рыцари и не бароны,

все мѣщанство и крестьянство, на глазахъ у котораго стали лись разбойничьи шайки удалыхъ добрыхъ молодцевъ, шайки рыцарей и бароновъ, для которыхъ война или, по пріемамъ военной тактики того времени, простой разбой былъ не только ремесломъ, но дѣломъ чести, которыхъ вся жизнь и цѣли въ жизни состояли въ этомъ, по тогдашнимъ понятіямъ, благородномъ разбойничествѣ; однимъ словомъ, все не воюющее и не грабящее, всѣ мирные обыватели селъ и городовъ должны были поневолѣ лѣпиться около укрѣпленныхъ замковъ котораго-нибудь изъ воюющихъ рыцарей или сюзереновъ-разбойниковъ, чтобы подъ защитою стѣнъ и бойницъ этихъ замковъ спасти свою жизнь и имущество отъ другихъ рыцарей, или сюзереновъ-разбойниковъ Земли оставались брошенными на произволъ, невоздѣланными и конечно должны были принадлежать тому изъ рыцарей-атамановъ, который оказывался сильнѣе своихъ противниковъ.

Въ этихъ разбойничьихъ войнахъ цѣлая половина западной Европы впала въ нищенство, то есть лишилась земли и правъ на нее. Мало того, эту половину Европы постигло еще горшее несчастіе: она не только впала въ нищенство, но у этого нищенства, которое всегда и вездѣ имѣетъ право свободнаго передвиженія, право калѣко-перехожества, отняли даже личную свободу—она впала въ крѣпостную, безземельную зависимость отъ бароновъ и рыцарей, которые владѣли землей, водами и лѣсами, а равно и тѣми, кои жили на ихъ землѣ и пили ихъ воду.

Вотъ источникъ и начало перерожденія нищенства, съ его эпическими формами, въ ту послѣдующую ужасную форму, которая получила наименованіе пролетаріата Отсюда же вытекла и та упорная, нескончаемая борьба, которую повелъ пролетаріатъ противъ излишнихъ притязаній своего врага, изъ разбойника-рыцаря превратившагося или въ рантьера, или въ капиталиста. Но такъ какъ борьба нищенства и пролетаріата противъ власти, физической силы и противъ капитала не могла не отдавать постоянно побѣду въ руки этихъ послѣднихъ воиновъ, въ руки физической силы и капитала, потому что силы противниковъ были неравны, то нищенство и пролетаріатъ вступили въ союзъ съ другими едвали не болѣе могущественными, чѣмъ капиталъ силами—съ тру-

домъ, знаніемъ и наукою. Правда, и противники нищенства и пролетаріата, догадавшись гдѣ кроется истинная сила нашего времени, а въ особенности времени наступающаго, тоже стали заискивать у этихъ силъ, у труда, знаній и науки; однако это заискиванье было до сихъ поръ далеко не искреннее и въ высшей степени эгоистично и потому большая часть этихъ послѣднихъ силъ охотнѣе переходитъ на сторону пролетаріата, въ бѣдный таборъ калѣкъ перехожихъ, чѣмъ въ богатый и роскошный лагерь ихъ противниковъ.

Вотъ въ союзѣ съ этими-то силами западный пролетаріатъ и явилъ, въ концѣ прошлаго вѣка, на что онъ способенъ. Онъ на всю Европу запѣлъ пѣсню о богатомъ и Лазарѣ, выразивъ ее только въ формѣ марсельезы и подкрѣпляя ее разными афоризмами, и поетъ эту пѣсню по всей западной Европѣ доныне. Пѣсня о богатомъ и Лазарѣ, а также «о нищей братьи убогой» поется на всѣ лады: она поется и въ политико-экономическихъ трактатахъ, и политическихъ памфлетахъ, и въ строго-статистическихъ анкетахъ, и въ спеціально-статистическихъ изслѣдованіяхъ и трудахъ, какъ напримѣръ въ исторіи Шлоссера Бокля, Гервинуса, Шерра; пѣсню о богатомъ и Лазарѣ, о «нищшей братьи убогой», о богатомъ Гаванѣ поютъ и Контъ въ своей позитивной философіи, и Джонъ Стюартъ Милль въ своихъ соціологическихъ трактатахъ, и Льюисъ въ своихъ физіологическихъ изслѣдованіяхъ, и Дарвинъ въ разъясненіи законовъ борьбы за существованіе, и Брайтъ въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ; Гарибальди поетъ ее за плугомъ на Капрерѣ, Либихъ—въ своихъ письмахъ о химіи, эту пѣсню пѣлъ и Гейне, и Берне, поютъ и Шпильгагенъ, и Викторъ Гюго. Мало того, мотивы пѣсни о богатомъ и Лазарѣ, «о нищшей братьи убогой» слышатся въ операхъ Рихарда Вагнера, даже въ горькой ироніи надъ человѣческой слабостью, въ той замаскированной пошлостью ироніи, которою отдаетъ повидимому не въ мѣру даже проституціонная музыка Оффенбаха. Вся мыслящая, трудящаяся, работающая для науки и искусства Европа поетъ Лазаря; всѣ свѣтила человѣчества превратились въ калѣкъ перехожихъ и поютъ:

Не давай ты имъ горы золотыя,
Не давай имъ рѣки медвяныя,
Не давай имъ садовъ съ винограды,
Не давай имъ и манны небесной:
Отоймутъ у ихъ гору золотую,
Отоймутъ у ихъ рѣку да медовую,
Отоймутъ у ихъ сады да съ винограды,
Отоймутъ у ихъ манну небесну.

Мы уже говорили, что девизъ западнаго пролетаріата—свобода, равенство и братство—девизъ, ставшій съ конца прошлаго вѣка знаменемъ всякаго общественнаго движенія въ западной Европѣ—далеко не новое явленіе въ исторіи человѣчества. Этотъ девизъ сказанъ былъ въ тотъ самый моментъ, какъ въ мірѣ явилось нищенство: первый, лишенный свободы человѣкъ, естественно долженъ былъ жаждать свободы—а такимъ, конечно, явился тотъ кто былъ и слабѣе другихъ физически и менѣе расположенъ къ насилію, или просто беззащитенъ по своему калѣчеству; тотъ также первый, почувствовавшій на себѣ всю тяжесть неравенства въ семьѣ ли, въ обществѣ ли—естественно потребовалъ возстановленія человѣческаго равенства; наконецъ, первый человѣкъ, котораго братья не признавали за своего брата, естественно долженъ былъ выговорить слово «братство». Эти всѣ три слова и выговорила нищая братья, калѣки перехожіе, и слова эти повторялись во всѣ вѣка у всѣхъ народовъ, только въ одномъ мѣстѣ они звучали въ нищенской пѣснѣ, распѣваемой калѣкой перехожимъ подъ окнами, на церковныхъ папертяхъ и на торжкахъ, въ другомъ мѣстѣ слова эти звучали въ желчномъ, обличительномъ ямбѣ, въ третьемъ—сквозили въ сдержанныхъ доводахъ ученаго трактата. Все что не могло переносить человѣческой неправды, все что возмущалось при видѣ насилія, все что не могло выносить довольства и злорадства невѣдѣнія надъ знаніемъ—все это примыкало къ калѣкамъ перехожимъ и проникалось ихъ нехитрыми, но честными доктринами. Такимъ образомъ, въ теченіи вѣковъ, калѣки перехожіе видѣли въ своихъ рядахъ все что было лучшаго между людьми, потому что къ этимъ рядамъ примкнули

Такимъ образомъ заслуги нищенства и калѣкъ перехожихъ въ исторіи человѣчества громадны въ такой степени, въ какой громадны лучшія пріобрѣтенія мысли человѣческой. Повторяемъ, нищенство, калѣчество и физическое убожество были стимуломъ труда, исключительно умственнаго.

Но въ тоже время нищенство, сознавая свое относительное безсиліе, давно пришло къ убѣжденію, что въ борьбѣ за существованіе оно должно по возможности соединяться въ артели, въ ассоціаціи. Чтобы дойти до Іерусалима и не быть уничтоженными, калѣки перехожіе соединялись въ артели и выбирали себѣ атамана. Когда ихъ, безсильныхъ, отгоняли отъ окопъ, подъ которыми они выпрашивали для себя куска хлѣба, калѣки перехожіе составляли шайки и отнимали этотъ хлѣбъ силою. Это — вынужденная деморализація нищенства. Она-то и послужила началомъ той безконечной борьбы, которую двѣ половины человѣчества—голодная и сытая—ведутъ съ такимъ ожесточеніемъ въ теченіе тысячелѣтій.

Но когда къ нищенству примкнули трудъ и знаніе и когда нищенство дошло до сознанія, что враговъ можно побѣдить честнымъ оружіемъ, не прибѣгая къ насилію,—оно взялось за это оружіе. Такимъ образомъ западный пролетаріатъ, руководимый трудомъ и указаніями науки, пришелъ къ убѣжденію въ необходимости ассоціаціи. Вотъ гдѣ начало ассоціацій рабочихъ, а равно и начало всѣхъ ученыхъ обществъ, международныхъ съѣздовъ, разныхъ конгрессовъ не съ политическими, а чисто съ научными и общественными цѣлями. Изъ «сорока каликъ со каликою» вышли на западѣ союзы рабочихъ, филантропическія общества, во главѣ которыхъ стоятъ атаманами уже не атаманушки Касьянъ Михайловичъ и не податаманье меньшой братъ его, а Роберты Овены, Брайты, Шульце-Деличи, Лассали и другіе.

Но подобно древнимъ калѣкамъ перехожимъ, эти новые калѣки тоже блюдутъ заповѣдь великую:

Котора калика заворуется,
Котора калика заплутуется,
Котора обзарится на бабицу,—
Зарывать того въ сыру землю.

Конечно, заповѣдь новыхъ калѣкъ перехожихъ и ихъ атамановъ — Лассалей, Робертовъ Овеновъ, Брайтовъ, Кобденовъ и Спенсеровъ—выражается не въ такихъ формахъ, въ какихъ ее выразили атаманы Касьяны, Потыки Ивановичи и прочіе, один сущность идеи, положенной въ ея основаніе, одна и таже. Подъ понятіемъ воровства новые калѣки перехожіе разумѣютъ всякое нечестное пріобрѣтеніе имущества или власти; давленіе капитала, пріобрѣтеннаго пригнетеніемъ массъ и въ ущербъ довольства этихъ массъ, монополія всякаго рода, ложащаяся тяжестью и производительность и на трудъ массъ, насильственное уменьшеніе заработной платы рабочимъ, биржевая игра, систематическое деморализованіе народа для цѣлей фискальныхъ и политическихъ — все это новые калѣки перехожіе называютъ воровствомъ и плутовствомъ. Точно также «обзаренье на бабицу», по смыслу доктринъ новыхъ калѣкъ перехожихъ—это нечестныя отношенія мужчины къ женщинѣ и женщины къ мужчинѣ; а подъ нечестностью отношеній они разумѣютъ нравственное и физическое насилованіе и образовавшіяся вслѣдствіе этого рабскія отношенія женщины къ мужчинѣ, выражающіяся въ отсутствіи всякихъ нравственныхъ правилъ, въ унизительномъ и постоянномъ шатаньи и колебаньи между однимъ непрочнымъ убѣжденіемъ и другимъ. еще менѣе прочнымъ и наконецъ въ хаотическомъ броженіи чувствъ, привязанностей и т. д.

Оставаясь исключительно служителями слова, жрецами науки и популяризаторами ея истинъ, новые калѣки перехожіе, какъ и древніе, постоянно поютъ свою пѣсню о Лазарѣ, и подъ эту пѣсню міръ не можетъ заснуть окончательно: однихъ безпокоитъ и пугаетъ эта пѣсня, другимъ приноситъ высокое наслажденіе, двигаетъ на доброе дѣло, какъ и эпическая пѣсня о богатомъ и бѣдномъ. Наше время представляетъ не мало замѣчательныхъ личностей изъ этихъ современныхъ калѣкъ перехожихъ. Все это, какъ и древніе калѣки, ни что иное, какъ «люди Божіе», для которыхъ не существуютъ принятыя, рутинныя формы и условія жизни. Калѣка перехожій—Гейне, изгнанный изъ отечества, больной, несчастный, едва ли не больше всѣхъ великихъ дѣятелей науки, ъ Германію къ жизни, къ единенію, бичевалъ ея обществен-

ные и политическіе пороки, и подъ конецъ жизни, изъ своей «постельной могилы» (aus der Matratzengruft) могъ сказать, что онъ разбудилъ свой народъ отъ глубокаго сна, хотя и умираетъ самъ въ изгнаньи. Кому не извѣстна его геніальная жалоба на то, что у него завелась фарфоровая чашка, изъ боязни разбить которую онъ останавливался предъ всякимъ смѣлымъ начинаніемъ? Въ этомъ обращеніи къ фарфоровой чашкѣ звучитъ историческое проклятіе цѣлымъ вѣкамъ и цѣлымъ народамъ. Въ немъ съ поразительною преемственностью возсоздаются, только въ современной формѣ, безотрадныя слова, обращенныя евангельскимъ калѣкою перехожимъ къ богатому юношѣ: «иди и раздай твое имѣніе».

Еще болѣе эксцентричный типъ современнаго калѣки перехожаго представляется намъ въ знаменитомъ американскомъ поэтѣ Эдгарѣ По (Edgar Allan Poe). Рожденный чуть ли не на большой дорогѣ отъ родителей калѣкъ перехожихъ, вскормленный между кулисами и театральными подмостками, и потомъ оставленный круглымъ сиротою. не то на большой дорогѣ, не то на улицѣ, выросшій по милости добрыхъ людей, геніальный По, то увлекаетъ съ каѳедры тысячи слушателей своими блестящими лекціями, то валяется мертвецки пьянымъ на мостовой, то снова отрѣшившись отъ мученій умопомѣшательства, всесильно ведетъ за собою тысячи и милліоны почитателей своего могучаго генія, мучитъ ихъ муками своего безумія, холодитъ въ жилахъ кровь ужасами своей творческой фантазіи и заставляетъ массы вѣрить въ возможность невозможнаго.

Такъ какъ симпатіи подобныхъ Гейне, Берне, Лассалю. Роберту Овену, Спенсеру и прочихъ калѣкъ перехожихъ все болѣе и болѣе отдаются той сторонѣ, на которой стоитъ пролетаріятъ и пауперизмъ, то идетъ прогресивное возрастаніе нравственныхъ силъ этихъ послѣднихъ и въ нынѣшнемъ вѣкѣ уже насчитывается весьма не мало крупныхъ побѣдъ, которыя, можно сказать, безповоротно одержаны прозелитами калѣчества перехожаго надъ противною стороною. Вся исторія первой половины этого столѣтія представляетъ ничто иное, какъ рядъ историческихъ побѣдъ Лазаря надъ богатымъ своимъ братомъ.

Послѣ страшной встряски, которую испытала Европа въ перв… четверти нынѣшняго столѣтія, когда Франція, во главѣ съ На…леономъ, такъ сказать, взболтала всѣ народы Европы и перета…вала европейскія государства точно колоду картъ, и когда на…ды Европы. эти калѣки перехожіе, доказали, что только на и… плечахъ, только при коллективномъ соединеніи этихъ плечъ и к…скуловъ могли выйти изъ пропасти, въ которую ихъ бросилъ бы… Наполеонъ, правители этихъ народовъ, калѣки перехожіе, эти Ла…зари убогіе, сознавъ свою силу и помня незабываемыя заслуги оказанныя ими своимъ богатымъ братьямъ, стали все настойчивѣ… и настойчивѣе предъявлять свои права не только на крохи. па…давшія со стола ихъ богатыхъ братьевъ, но и на куски, лежавші… на этихъ столахъ. Затѣмъ, когда имъ не давали этихъ кусков… они осмѣливались брать ихъ сами. Такъ французскіе калѣки пере…хожіе заполучили было весьма увѣсистый кусокъ въ 1830 году, но потомъ снова выпустили его изъ рукъ.

Наступилъ 1848 годъ. Калѣки перехожіе тихо, медленно под…готовляли событія этого года.

Во Франціи, какъ извѣстно, калѣки перехожіе захватили весь столъ своего богатаго брата и его самого выгнали изъ дому; но скоро явился Наполеонъ III въ одеждѣ простого калѣки перехожаго и, распѣвая Лазаря, такъ вошелъ въ довѣренность настоящихъ калѣкъ, что тѣ избрали его своимъ «атаманушкой» и только по…слѣ спохватились, что сдѣлали ошибку—да было уже поздно.

Вслѣдъ за Франціей зашевелились калѣки перехожіе во всей Европѣ. Прежде всего зазвучала пѣсня о Лазарѣ въ баденскомъ городкѣ Оффенбургѣ. Калѣка перехожій и адвокатъ Геккеръ среди народной сходки проповѣдывалъ о верховныхъ правахъ народа. требовалъ обезпеченія труда отъ государства для всѣхъ калѣкъ. доказывалъ необходимость налога съ дохода, съ капитала и т. д. Скоро потомъ баденскіе калѣки перехожіе сошлись въ Мангеймѣ и избрали своимъ атаманомъ Итценштейна. На сходкѣ положили требовалъ свободы печати и суда присяжныхъ. Мало того, калѣка Струве доказывалъ, что всѣ калѣки и неимущіе имѣютъ право на общественное образованіе и благосостояніе, на обезпеченный ку… право свободно пить воду изъ Рейна и ды…

шать воздухомъ. Суаронъ гласно требовалъ у своего государства установленія правильныхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ, между работникомъ и хозяиномъ, между убогимъ Лазаремъ и богатымъ. Калѣки перехожіе издали манифестъ, въ которомъ между прочимъ распѣвалась пѣсня и о чрезмѣрныхъ тратахъ на войско въ Баденѣ, и о цѣлыхъ легіонахъ чиновниковъ и государственныхъ миссіонеровъ съ громадными годовыми окладами содержанія, и о министрахъ съ царскимъ жалованьемъ. о расточительныхъ и безполезныхъ для Бадена посланникахъ, о цѣломъ роѣ явныхъ и тайныхъ полицейскихъ агентовъ и шпіоновъ. Другіе калѣки перехожіе перешли за Рейнъ, во Францію, и тамъ распѣвали свои неумѣренныя пѣсни по торжкамъ, базарамъ и площадямъ.

Вслѣдъ затѣмъ зашевелились калѣки перехожіе и въ Виртенбергѣ. Здѣсь они требовали того-же, чего требовали и въ Баденѣ, чего вообще вездѣ и всегда требуютъ калѣки перехожіе, а именно: свободы печати, свободы сходокъ, даровою воспитанія и образованія для всѣхъ, гарантіи труда, отмѣны привиллегій, подоходнаго налога. Однимъ словомъ — они требовали дѣлежа «горы золотой», «рѣки медвяной», «садовъ съ виноградомъ» и «манны небесной».

Въ Гессенъ-Дармштадтѣ калѣки перехожіе добивались того же—и имъ обѣщано было по ихъ требованію.

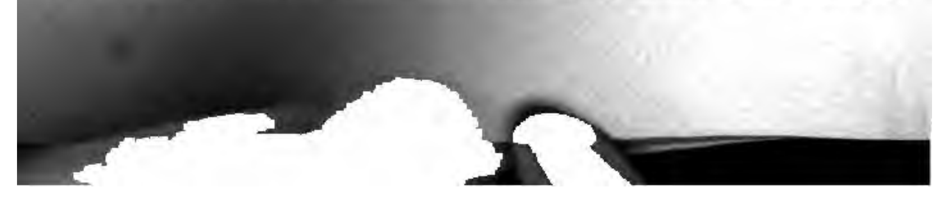
Зашевелились калѣки перехожіе и въ Висбаденѣ. Какъ и вездѣ они, главнымъ образомъ, требовали себѣ права свободно распѣвать о богатомъ и Лазарѣ, объ аллилуевой женѣ, о прекрасной пустынѣ, однимъ словомъ — свободы печатнаго слова. Такъ какъ герцогъ былъ въ это время въ отсутствіи, то Дунгернъ, министръ, видя опасность столицы, такъ какъ за спиною калѣкъ перехожихъ стоялъ весь народъ, вся страна, всѣ образованныя сословія, принужденъ былъ уступить калѣкамъ. Тоже сдѣлала и герцогиня-мать отъ имени царственнаго сына. Когда герцогъ воротился въ столицу, то онъ увидѣлъ, что поворотъ къ старымъ формамъ правленія уже невозможенъ: онъ также уступилъ калѣкамъ перехожимъ.

Гессенскіе калѣки перехожіе пошли еще дальше. Когда они явились къ курфюрсту съ своими требованіями,—о перемѣнѣ ми-

нистерства, объ амнистіи всѣмъ политическимъ арестантамъ, о свободѣ сходокъ и совѣсти—курфюрстъ презрительно отказалъ имъ и грозилъ двинуть на народъ войска. Тогда калѣки перехожіе, отъ имени всего народа, поднесли курфюрсту ультиматумъ «Народъ не довѣряетъ вашему высочеству, потому что законныя требованія народа вами отвергнуты», говорилъ ультиматумъ. Словно осажденному непріятелю, калѣки говорили своему государю: «вашему высочеству дается трехдневный срокъ, по истеченіи котораго ваше молчаніе будетъ принято за знакъ отказа... Не медлите ни минуты, уступите то, чего отъ васъ требуютъ. Вамъ говорятъ благомыслящіе люди, что народное волненіе достигло страшныхъ размѣровъ». Курфюрстъ не уступалъ. Тогда вспыхнуло возстаніе. Народъ окружилъ дворецъ своего государя—и онъ повиновался волѣ народа.

Но вотъ, 5 марта, въ Гейдельбергѣ собралось со всей Германіи до пятидесяти—употребляя принятую нами терминологію — «калѣчьихъ атамановъ». Между ними были Гервинусъ, Струве, Геккеръ, Бессерманъ, Итценштейнъ, Суаронъ, Валькеръ, Гапгеманъ, Кихршнеръ, Ремеръ, Ремеръ-фонъ-Гагернъ и другіе. Они высказались въ пользу созванія общегерманскаго сейма. Испуганные германскіе государи спѣшили тотчасъ же примкнуть къ этимъ популярнымъ атаманамъ калѣкъ перехожихъ, и многіе изъ простыхъ калѣкъ, даже такіе, которые сидѣли въ тюрьмѣ за такъ называемыя политическія преступленія, то получили министерскіе портфели, то сдѣлались посланниками своихъ государствъ.

Въ эту бурю, поднятую во Франціи калѣками перехожими, а потомъ перешедшую на германскую почву, немедленно вовлечены были такіе государственные колоссы, какъ Австрія и Пруссія. Знаменитѣйшій изъ калѣкъ перехожихъ Кошутъ уже 3-го марта говорилъ публично на сеймѣ: «Мы ворочаемъ камень Сизифа и скорбь о нашей неподвижности терзаетъ душу мою. Сердце обливается кровью, когда посмотрю сколько благородныхъ силъ, сколько честныхъ талантовъ истощается въ неблагодарной работѣ, похожей на безплодное верченіе мельничнаго жернова. Воинская правительственная система, словно смертоносный вѣтеръ, отравляетъ насъ своимъ дыханіемъ, подавляетъ наши нравственныя

силы». Вслѣдъ за этимъ показались въ Вѣнѣ и студенты вѣнскаго университета во главѣ съ профессорами Гіе и Эндлихеромъ. Студенты требовали свободы устнаго и печатнаго слова. На другой день въ Вѣнѣ вспыхнула уже революція—пошли въ дѣло пушки, баррикады; война шла въ самыхъ улицахъ; противъ пушекъ выставлялась мебель; на ружейные выстрѣлы отвѣчали бросаньемъ стульевъ, швыряли камнями, кирпичами. Меттернихъ, главный творецъ всей системы тогдашняго государственнаго управленія, бѣжалъ. Императоръ принужденъ былъ дать своему народу конституцію. Кошутъ, явившійся въ Вѣну во главѣ венгерской депутаціи, былъ встрѣченъ съ такимъ тріумфомъ, какого не удостоивались древніе цесари.

Въ эти же числа полилась кровь и въ Пруссіи. Когда калѣки перехожіе заявили королю свои желанія, имъ отказали на отрѣзъ. Они снова заявили, но уже съ признаками всенародной бури—имъ отвѣчали обѣщаніемъ исполнить желаніе народа. Народъ шумно выразилъ королю свою благодарность. Но присутствіе солдатъ испортило все дѣло: «долой войско!» кричалъ народъ, «не надо войска!». Раздались два несчастные выстрѣла и массы народа, какъ одна громадная глотка, закричали «къ оружію! къ оружію!» Явились баррикарды, камни, трехцвѣтныя знамена. Пошла въ дѣло картечь. Война завязалась на улицахъ. Въ церквахъ не умолкалъ набатный колоколъ. Берлинъ освѣтился заревомъ пожара—это народъ жегъ ненавистные ему артиллерійскіе сараи и чугунный заводъ, на которомъ лилися столь же ненавистныя имъ пушки. Къ утру же явилась наскоро написанная и ночью напечатанная прокламація короля Фридриха-Вильгельма IV. Король говорилъ, между прочимъ: «Обитатели дорогого, родного мнѣ Берлина! Мой сегодняшній патентъ о созваніи сейма даетъ вамъ ручательство въ честныхъ намѣреніяхъ вашего короля относительно васъ и общаго нашего нѣмецкаго отечества. Вы восторженно выразили мнѣ вашу благодарность, но еще не окончили вашихъ заявленій радости и благодарности, какъ толпа возмутителей, воспользовавшись двумя неумышленными выстрѣлами, произвела столкновеніе народа съ войскомъ и кровопролитіе. Войска мои—ваши же братья и сограждане, отразили лишь сдѣланное на нихъ нападеніе. Вамъ

Въ нѣсколько дней все измѣнилось въ Европѣ. Вмѣсто вельможей и генераловъ выступаютъ на сцену калѣки перехожіе — профессора, доктора, журналисты, литераторы.

Кому не извѣстны послѣдовавшія затѣмъ событія во Франкфуртѣ, въ Прагѣ, въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ? Во Франкфуртѣ калѣки перехожіе провозгласили объединеніе Германіи, которое только теперь въ-очію совершается. Въ Прагѣ, на общеславянскомъ конгрессѣ, подъ предсѣдательствомъ Палацкаго, оглашено славянское объединеніе, хотя и кинуто было рѣзкое слово «сѣверному колоссу на глиняныхъ ногахъ». Одинъ калѣка перехожій, изъ русскихъ, успѣлъ поставить на ноги цѣлыя германскія области. Въ нѣсколько дней народы пріобрѣли такія права, какихъ не могли добиться соединенными тысячелѣтними усиліями и кровавыми войнами. Въ Австріи отмѣнено крѣпостное право. Кто не знаетъ знаменитой рѣчи 8 августа, произнесенной на сеймѣ Кудлихомъ силезцомъ, докторантомъ вѣнскаго университета: «Жаворонокъ свободы поетъ свою пѣсню, крестьянинъ Прометей звенитъ своими цѣпями. Дадимте земледѣльцу рождественскій подарокъ... Скажите слово, которое вѣстникомъ мира пронесется съ оливковою вѣтвію по хижинамъ убогихъ, по раздастся громомъ во дворцахъ богачей». Кто не знаетъ также знаменитой рѣчи депутата Капусцяка, малоросса изъ Галичины? «Да, дворянинъ въ Галичинѣ ласково обходится съ мужикомъ: недѣлю заставляетъ его работать, а въ воскресенье запираетъ въ хлѣвѣ и накладываетъ на него цѣпи. Да, дворянинъ человѣколюбивъ; онъ ободряетъ измучившагося мужика хлыстомъ, а когда мужикъ говоритъ, что у него скотина слабая, то дворянинъ кричитъ: такъ запрягись самъ съ женою! Въ трехстахъ шагахъ отъ господскаго дворца снимаемъ мы наши шапки и если у насъ есть дѣло до барина, то мы должны задобрить еврея, ибо еврей одинъ въ правѣ бесѣдовать съ бариномъ, мужикъ — не въ правѣ. На порогъ барскаго дома мужикъ не можетъ вступить: мужикъ-де воняетъ».

Хотя торжество калѣкъ перехожихъ было непродолжительно, и ихъ снова то разсаживали по крѣпостямъ, то пускали по міру съ нищенскими сумами, то возвращали къ ихъ прежнимъ незавиднымъ ролямъ, однако ихъ историческая миссія была выполнена и всего

теперь, обитатели моего родного города, надлежитъ предовратить дальнѣйшія могущія случиться несчастія. Сознайте — вашъ король и вѣрнѣйшій другъ заклинаетъ васъ объ этомъ—сознайте свое заблужденіе. Успокойтесь, снимите баррикады, пришлите мнѣ мужей, одушевленныхъ мужествомъ, для переговоровъ, какіе умѣстны между подданными и королемъ, и я даю вамъ мое королевское слово, что войска въ ту же минуту очистятъ всѣ улицы и площади и что гарнизонъ останется только у тѣхъ зданій, гдѣ онъ необходимъ и то лишь на время. Послушайтесь отеческихъ словъ вашего короля, обитатели моего прекраснаго и вѣрнаго Берлина. Забудьте все, что произошло, какъ забуду и я, въ интересахъ будущаго, открывающагося для Пруссіи, а черезъ нее и всей Германіи. Ваша любимая королева тяжело сокрушается и со слезами присоединяетъ свои усердныя просьбы къ моимъ».

Страшное напряженіе нѣсколькихъ дней истощило войско—и король понялъ это. Въ девять часовъ утра отданъ былъ приказъ—и войско удалилось.

Начались процессіи погребенія убитыхъ. Тѣла ихъ, украшенныя цвѣтами, выставлены на королевскомъ дворѣ и самъ король присутствовалъ при ихъ отпѣваніи, которое началось пѣніемъ гимна: «Іисусе, мое упованіе».

Министры смѣнены. Народъ самъ принялъ на себя охрану города и снялъ баррикады..

Тѣ-же самыя событія и въ тѣ-же самые дни повторились въ Ганноверѣ и Саксоніи. Калѣки перехожіе вездѣ захватили въ свои руки министерскіе портфели и заняли предсѣдательскія кресла.

Только въ Баваріи старый Лудвигъ долго не уступалъ требованіямъ калѣкъ перехожихъ и тѣмъ навлекъ на себя еще болѣе грозную народную бурю. Народъ не могъ простить своему королю его увлеченія прелестями очаровательной танцовщицы Лолы Монтесъ и предлагалъ неумѣренныя требованія. Король упорствов
Тогда народъ вломился въ квартиру королевска
стра Берна, и выгналъ его изъ Мюнхена.
рѣнѣвшій народъ ворвался въ арсе
даже зданіе полиціи, гдѣ обита
сложилъ съ себя корону.

Въ нѣсколько дней все измѣнилось въ Европѣ. Вмѣсто вельможей и генераловъ выступаютъ на сцену калѣки перехожіе — профессора, доктора, журналисты, литераторы.

Кому не извѣстны послѣдовавшія затѣмъ событія во Франкфуртѣ, въ Прагѣ, въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ? Во Франкфуртѣ калѣки перехожіе провозгласили объединеніе Германіи, которое только теперь въ-очію совершается. Въ Прагѣ, на общеславянскомъ конгрессѣ, подъ предсѣдательствомъ Палацкаго, оглашено славянское объединеніе, хотя и кинуто было рѣзкое слово «сѣверному колоссу на глиняныхъ ногахъ». Одинъ калѣка перехожій, изъ русскихъ, успѣлъ поставить на ноги цѣлыя германскія области. Въ нѣсколько дней народы пріобрѣли такія права, какихъ не могли добиться соединенными тысячелѣтними усиліями и кровавыми войнами. Въ Австріи отмѣнено крѣпостное право. Кто не знаетъ знаменитой рѣчи 8 августа, произнесенной на сеймѣ Кудлихомъ силезцомъ, докторантомъ вѣнскаго университета: «Жаворонокъ свободы поетъ свою пѣсню, крестьянинъ Прометей звенитъ своими цѣпями. Дадимте земледѣльцу рождественскій подарокъ... Скажите слово, которое вѣстникомъ мира пронесется съ оливковою вѣтвію по хижинамъ убогихъ, но раздастся громомъ во дворцахъ богачей». Кто не знаетъ также знаменитой рѣчи депутата Капусцяка, малоросса изъ Галичины? «Да, дворянинъ въ Галичинѣ ласково обходится съ мужикомъ: недѣлю заставляетъ его работать, а въ воскресенье запираетъ въ хлѣвѣ и накладываетъ на него цѣпи. Да, дворянинъ человѣколюбивъ; онъ ободряетъ измучившагося мужика хлыстомъ, а когда мужикъ говоритъ, что у него скотина слабая, то дворянинъ кричитъ: такъ запрягись самъ съ женою! Въ трехстахъ шагахъ отъ господскаго дворца снимаемъ мы наши шапки и если у насъ есть дѣло до барина, то мы должны задобрить еврея, ибо еврей одинъ въ правѣ бесѣдовать съ бариномъ, мужикъ — не въ правѣ. На порогъ барскаго дома мужикъ не можетъ вступить: мужикъ-де воняетъ».

Хотя торжество калѣкъ перехожихъ было непродолжительно, и [illegible] ивали по крѣпостямъ, то пускали по міру съ [illegible] м [illegible] озвращали къ ихъ прежнимъ незавиднымъ [illegible] ая миссія была выполнена и всего

того что они завоевали у исторіи, не могла отнять у нихъ с[…] исторія даже въ союзѣ съ пушками и съ такими генералами, [...] князь Виндишгрецъ, который любилъ повторять свое знамени[…] вошедшее въ исторію человѣчества изрѣченіе, что «человѣкъ [...] чинается только съ барона».

Покончивъ свою историческую миссію, калѣки перехожіе опят[ь] разбрелись по свѣту, и снова началась ихъ невидимая работа [по] аудиторіямъ, по типографіямъ, по лабораторіямъ, и снова они [на]чали пѣть свою неустанную историческую пѣсню про Лазар[я], снова изыскивать для такихъ-же какъ они сами бѣдняковъ и [...] всей «нищшей братіи» средствъ спасенья:

От холода и отъ голода,
Отъ лихого человѣка,
Отъ напраснаго отъ слова,
Отъ бѣгучаго отъ звѣря,
Отъ ползучаго отъ змѣя,
Отъ скорби, отъ болѣсти,
Отъ огненнаго пожару,
Отъ водяного потоку,
Отъ желѣзнаго посѣку,
Что отъ наглыя смерти,
Отъ туги ево отъ печали,
Отъ тяжелова воздыханья,
Кабы отъ слезнова взрыданья,
Отъ невѣрнова языка.

Нѣсколько лѣтъ продолжалось видимое спокойствіе Европы, нарушаемое только по временамъ рѣзкими звуками пѣсни о двухъ Лазаряхъ, которую не переставали пѣть калѣки перехожіе. Тѣ изъ нихъ, которымъ невыносимо было жить въ Европѣ, у которыхъ не было ни земли, ни дома, ни обезпеченнаго куска хлѣба, всѣ такъ называемые, пролетаріи, каждый годъ цѣлыми толпами переселялись въ Америку, въ новый свѣтъ, куда, вмѣстѣ съ своими пенатами, переносили изъ родины и пѣсню о двухъ Лазаряхъ. Пѣсня эта пѣлась и въ Вашингтонѣ и въ Нью-Іоркѣ; доходили ея звуки отъ Канады до мыса Горна. Между тѣмъ оставшіеся въ Европѣ калѣки перехожіе и ихъ атаманы продолжали свое

историческое дѣло, и оно снова выразилось крупными историческими событіями.

Такъ въ Италіи давно распѣвалась пѣсня о двухъ Лазаряхъ, только въ особомъ видоизмѣненіи, подъ заглавіемъ «апенинскаго сапога». Извѣстно, что при взглядѣ на карту Европы, Италія, по своему очертанію, представляетъ фигуру сапога. Верхняя и Средняя Италія съ Римомъ—это голенище; нижняя оконечность полуострова — напоминаетъ самую ногу, ступню, подъемъ и пятку. Отранте, Галиполи и Тарентъ помѣщаются въ каблукѣ «апенинскаго сапога». Реджіо съ Аспромонте уложились въ носкѣ сапога и упираются въ Мессинскій проливъ. Неаполь нѣсколько выше подъема ноги. Республика Санъ-Марино, Урбино и Анкона находятся на той части голенища, которая прилегаетъ къ икрѣ всеитальянской ноги. Объ этомъ-то «апенинскомъ сапогѣ» давно ходило по Итатіи стихотвореніе одного любимаго итальянскаго поэта, которое и замѣняло въ этомъ случаѣ пѣсню о двухъ Лазаряхъ. Въ общественныхъ движеніяхъ Италіи, возбуждаемыхъ и поддерживаемыхъ калѣками перехожими, давно выражалось стремленіе снять «апенинскій сапогъ» съ ноги тѣхъ господъ, которые надѣвали его не по праву, и надѣть его на ногу итальянскаго народа. Въ числѣ борцовъ за идею снятія «апенинскаго сапога» съ чужой ноги былъ и Мадзини. Извѣстно, чѣмъ кончилась въ Италіи попытка калѣкъ перехожихъ въ 1848 году: одинъ изъ калѣкъ Даніилъ Манини — изъ учителей попавшій въ диктаторы Венеціи, бѣжалъ изъ отечества и почти нищимъ кончилъ жизнь въ Парижѣ; другой калѣка—Мадзини—также долженъ былъ оставить Италію, не успѣвъ стащить «апенинскаго сапога» съ чужой ноги. Третій калѣка—Гарибальди—также не могъ оставаться на родинѣ и долго скитался по чужимъ землямъ, пока снова не вышелъ на родной берегъ и не поднялъ на ноги всю Италію.

Это новое итальянское движеніе, вызванное калѣками перехожими подъ предводительствомъ калѣчьяго атамана Гарибальди, кончилось тѣмъ, что «апенинскій сапогъ» съ немалыми, впрочемъ, трудностями, былъ снятъ съ чужой ноги и надѣтъ на ногу короля единой Италіи, Виктора Эммануила. Такимъ образомъ, пѣсня

о двухъ Лазаряхъ кончилась изгнаніемъ изъ Италіи Бурбоновъ и объединеніемъ Италіи.

Въ новомъ свѣтѣ калѣки перехожіе пошли еще дальше. Пріютившись въ сѣверной части Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, внѣ черты негровладѣльцевъ, они продолжали пѣть о двухъ Лазаряхъ, мотивируя свою пѣсню идеею освобожденія негровъ. Идея эта давно зрѣла въ головахъ практическихъ янки, и только въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ позорной казни одного изъ самыхъ энергическихъ калѣкъ перехожихъ, Броуна, созрѣла до практическаго осуществленія. Возгорѣлась знаменитая, одна изъ кровавѣйшихъ войнъ, какія только можетъ представить всемірная исторія, война между сѣверянами, противниками негровладѣльческой фракціи великой республики, и южанами, негровладѣльцами, которыхъ дѣйствительно можно назвать богатыми Лазарями или богатыми Гаванами. Всѣ сердца и симпатіи европейскихъ калѣкъ перехожихъ были на сторонѣ сѣверянъ, и многіе изъ Европы шли въ Америку, чтобъ стать подъ знаменами освободителей негровъ. И здѣсь, какъ и вездѣ, восторжествовали идеи, которыхъ проповѣдниками были калѣки перехожіе; но за то и здѣсь, какъ и вездѣ, калѣки перехожіе лично для себя почти ничего не выиграли.

Впрочемъ, личные выигрыши никогда не ставятся калѣками перехожими на первый планъ. По самому принципу, дѣйствія калѣкъ всегда вытекаютъ изъ идеи общественности, изъ началъ артельныхъ или ассоціаціональныхъ: хорошо артели, хорошо и каждому члену ея, каждому калѣкѣ. Въ послѣднее время они уже могли сказать, что ими одержано не мало побѣдъ надъ неподатливою исторіею, что не мало прочныхъ завоеваній осталось за ними, особенно съ конца второй и въ началѣ третьей четверти послѣдняго столѣтія. Они могли даже надѣяться, что исторія человѣчества, въ силу идей вѣка, пойдетъ новымъ путемъ, на которомъ общечеловѣческое благосостояніе окажется достижимымъ. Однако прискорбныя событія послѣдняго года доказали, что побѣды, одержанныя калѣками перехожими во имя общечеловѣческаго благосостоянія, далеко не прочны, и что завоеванія ихъ не ратификованы приговоромъ исторіи. Послѣдовавшее между Германіею и Франціею столкновеніе до возмутительной очевидности доказало, что опасе-

нія древнихъ калѣкъ перехожихъ продолжаютъ и донынѣ сбываться и что знаменитая «гора золотая», которая обѣщана была калѣкамъ перехожимъ и всему міру, продолжаетъ быть яблокомъ раздора между «князьями-боярами», или какъ говоритъ калѣчья пѣсня:

Зазнали гору князи и бояре,
Зазнали гору пастыри и власти,
Зазнали гору торговые гости,
Сильные люди, могучіе:
Отняли они у нищихъ гору золотую,
Отняли у нихъ сады да съ виноградомъ,
Отняли у нихъ манну небесну;
По себѣ они гору раздѣлили,
По князьямъ золотую разверстали,
Да нищую братью не допустили.
Много тутъ было между собою убійства,
Много тутъ было кровопролитія,
Промежу собой уголоствія,
И опять нечѣмъ стало нищимъ питатися,
Да нечѣмъ имъ стало пріодѣтися,
И отъ темныя ночи пріукрытися.

Таковы въ сущности результаты послѣдней, страшной войны между двумя цивилизованными народами. Идеи мира и общечеловѣческаго братства, которыхъ служителями всегда являлись калѣки перехожіе, повидимому, потерпѣли рѣшительное пораженіе въ этой несчастной истребительной войнѣ. Но едва-ли исторія не должна сказать съ утѣшительной увѣренностью, что пораженіе это—одно изъ послѣднихъ; что страшный взрывъ человѣческаго безумія, проявившійся въ этой возмутительной войнѣ, едва-ли не будетъ однимъ изъ послѣднихъ взрывовъ этого жалкаго безумія, исторически и преемственно-унаслѣдованнаго человѣчествомъ отъ предковъ-дикарей.

Изъ всего вышеизложеннаго и изъ смысла всей исторіи человѣчества неоспоримо вытекаетъ то общее положеніе, что весь міръ дѣлится на двѣ категоріи, на калѣкъ перехожихъ и на не калѣкъ и что вся исторія человѣчества есть не что иное, какъ постоян-

ная борьба этихъ двухъ началъ, положенныхъ въ основу жизни человѣчества, началъ, которыя суть видоизмѣненія все одной и той же силы, дѣйствующей въ природѣ какъ физической, такъ и моральной—именно силы центробѣжной и центростремительной, которыя, въ свою очередь, безпрерывно борясь за свое существованіе, служатъ необходимыми элементами, поддерживающими процессъ жизни. Борьба этихъ двухъ силъ проявляется во всемъ. Движеніе міровъ около своихъ солнцъ, движеніе этихъ солнцъ около центральныхъ солнцъ, движеніе другихъ небесныхъ тѣлъ: планетъ, астероидъ и всѣхъ спутниковъ съ ихъ собственными сателитами, движеніе земли, Марса, Юпитера, Венеры, Урана, Нептуна и прочихъ планетъ около солнца, движеніе луны около земли—все это процессъ борьбы двухъ силъ: центробѣжной и центростремительной, и вмѣстѣ съ тѣмъ это процессъ космической жизни. Переходя на землю, мы видимъ ту-же борьбу двухъ силъ изъ-за существованія, борьбу силы центробѣжной съ центростремительной, и эта борьба совершается не только въ мірѣ животномъ, но и въ растеніяхъ: дерево, повинуясь законамъ силы центробѣжной, тянется отъ земли къ солнцу и въ то-же время корни его, повинуясь законамъ силы центростремительной, удерживаются землею. Въ этой борьбѣ заключается и самый процессъ жизни дерева. Элементъ этой борьбы положенъ даже въ жизнь каждаго отдѣльнаго не только органическаго, но и неорганическаго существа. Такъ извѣстное распредѣленіе пластовъ земной оболочки совершилось опять-таки при помощи борьбы двухъ силъ: центростремительной и центробѣжной: болѣе тяжелыя тѣла, при образованіи земли, осаживались ниже, ближе къ центру и не безъ борьбы вытѣсняли и продолжаютъ вытѣснять къ поверхности болѣе легкія тѣла; тяжелые металлы: золото, серебро, платина, упали ниже, осѣлись глубоко къ центру, вытѣсняя къ поверхности минералы: порфиръ, гранитъ, затѣмъ мергель, глину и еще выше выгоняя воду и эѳирныя тѣла: нефть, разныя масла и проч. Самая кристаллизація тѣлъ совершается все по тому же неизмѣнному закону борьбы силъ центробѣжной и центростремительной. Въ органическомъ и во всемъ животномъ мірѣ идетъ еще другая, аналогическая первой, та борьба, которую Дарвинъ назвалъ борьбою за существованіе. Сорныя травы по-

стоянно воюютъ съ пшеницей, напримѣръ за обладаніе полемъ, и при извѣстныхъ для той или другой стороны благопріятныхъ условіяхъ, побѣда остается или на сторонѣ сорныхъ травъ или на сторонѣ пшеницы, смотря по тому, у кого изъ нихъ оказывается бо́льшій запасъ жизненности. Болѣе сильное заѣдаетъ менѣе сильное, вырождающееся. Между животными идетъ та же борьба, и для того, чтобы удачнѣе воевать съ противниками, каждая сторона болѣе или менѣе примѣняется къ условіямъ мѣстности. Бѣлый медвѣдь, живущій между снѣгами и льдами, именно потому и одѣлся въ бѣлую шубу, чтобъ удачнѣе скрывать, въ борьбѣ за существованіе, свои воинственные маневры. Медвѣдь, живущій южнѣе, между дремучими лѣсами, одѣвается въ темную шубу, затѣмъ, чтобы шубу эту трудно было отличить отъ стволовъ тѣхъ деревьевъ, между которыми медвѣдь долженъ жить и прятаться. Попугай, живущій въ дѣвственныхъ лѣсахъ, между роскошными цвѣтами юга, одѣваетъ себя перьями, мало отличающимися отъ яркихъ цвѣтовъ разныхъ кактусовъ, ліанъ и проч. Люди пошли еще дальше растеній и животныхъ, повинуясь законамъ борьбы силъ центробѣжной и центростремительной, ведя съ природой и людьми борьбу за существованіе.

Въ послѣдней борьбѣ,—въ борьбѣ людей за существованіе, весь міръ раздѣлился на два лагеря, какъ мы сказали выше, на калѣкъ перехожихъ и на не калѣкъ, изъ которыхъ одни служатъ представителями, въ историческомъ процесѣ жизни человѣчества, силы центростремительной, другіе—центробѣжной. Начало центростремительности первыхъ проявляется тѣмъ, что идеи, которымъ они служатъ, исходятъ изъ понятія ассоціаціи и къ этому понятію возвращаются какъ къ своему естественному источнику; начало центробѣжности вторыхъ обнаруживается постояннымъ стремленіемъ къ *отрѣшенію* отъ ассоціаціи, къ *абсолютизму* (absolvo-отрѣшаю). Первые, большею частію, не имѣютъ прочно обезпечивающей собственности и если являются сторонниками права собственности, то не личнаго, а общественнаго: по ихъ ученію,—единственная собственность человѣка—это онъ самъ, его трудъ физическій и умственный и его свободная воля: человѣкъ не принадлежитъ себѣ, а обществу; и трудъ его тоже принадлежитъ обществу, чело-

вѣкъ долженъ жить для другихъ (это—«альтруизмъ» Конта) ко-
рые стремятся выдѣлиться изъ общества собственнымъ состоянiемъ,
богатствомъ и властью надъ другими; обезпеченное состоя-
должно служить имъ для того, чтобы не зависѣть отъ другихъ, н
служить обществу, а заставить общество служить себѣ, что вы-
ражается въ деспотизмѣ капитала, въ абсолютизмѣ. Такъ как
по самому существу силъ центростремительной и центробѣжной
первая есть сила созидающая, а послѣдняя—разрушающая, то
въ концѣ концовъ само собой должно послѣдовать торжество
первой надъ послѣднею. Когда это будетъ—исторія съ точностію
опредѣлить не въ состояніи, хотя и видитъ признаки приближенія
этого времени, не смотря на напряженную реакцію со стороны
силы центробѣжной.

Для славянскаго міра исторически сложились болѣе благопріят-
ныя въ этомъ отношеніи условія, чѣмъ для міра западнаго, и сла-
вянскій міръ, какъ доказалъ историческій опытъ, не всегда пере-
живаетъ тѣ несчастные фазисы развитія, которые переживалъ ев-
ропейскій западъ, какъ-бы инстинктивно обходя тѣ историческія
пропасти, въ которыхъ западныя общества нерѣдко ломали и про-
должаютъ ломать себѣ шею. Развиваясь нѣсколько своеобразно,
хотя и не безъ западнаго вліянія, и заручившись историческими
опытами запада, славянскій міръ—есть основаніе полагать—обой-
детъ эти историческія пропасти, какъ обойденъ имъ западный фе-
одализмъ и западный папизмъ. Уже одно надѣленіе крестьянъ
землею и сравнительно слабое тяготѣніе большинства русской мысли
къ идеѣ аристократизма рожденія и имени, равно относительно
слабое давленіе на трудъ абсолютизма капитала, который, къ
счастью для славянскаго міра, не могъ сконцентрироваться въ
отдѣльныя крупныя единицы, какъ на западѣ, служатъ неоспори-
мымъ подкрѣпленіемъ того положенія, что славянское калѣчество
перехожее не выродится въ западный пролетаріатъ и не будетъ
поставлено въ необходимость жечь дома богатыхъ Лазарей и Га-
вановъ, чтобъ, за неимѣніемъ своего дома и теплаго угла, по-
грѣться у пламени пожара. Славяне все-таки только историческіе
ученики запада, а не дѣти его, и если дѣти почти всегда наслѣ-
дуютъ пороки своихъ родителей, то ученики, получая отъ учителя

его знанія, не всегда заражаются его нравственнымъ худосочіемъ, а относительно знаній, въ большинствѣ случаевъ, Телемаки уходятъ дальше Менторовъ, потому что доживаютъ до изданія вторымъ и третьимъ тисненіемъ книги жизни и притомъ изданія дополненнаго, исправленнаго и съ указаніемъ на типографскія ошибки.

1872.

Вспышки понизовой вольницы въ 1812 году.

I.

Въ особой монографіи о послѣднихъ политическихъ движеніяхъ южнорусскаго народа «Гайдамачина» *) мы по возможности выяснили ту аналогичность явленій, какая существовала въ народныхъ движеніяхъ южной Россіи, собственно Украины, съ Россіею восточной, между гайдамачиной, понизовой вольницей и пугачовщиной, и ту органическую связь, которою связывались въ нѣчто единое и цѣльное движенія народныхъ массъ обѣихъ половинъ Россіи. Въ нихъ была одна душа, одно знамя. Въ числѣ понизовыхъ добрыхъ молодцовъ были и гайдамаки съ Днѣпра. Днѣпровскіе же добрые молодцы, мѣшаясь въ общемъ дѣлѣ съ поволжскими добрыми молодцами, участвуя нерѣдко въ однѣхъ и тѣхъ же шайкахъ, были отчасти и подготовителями пугачовщины. Какъ тѣ, такъ и другіе говорили: «Мы тряхнемъ Москвою». Въ другомъ случаѣ удалые добрые молодцы хвастались: «Мы Россійское государство вверхъ дномъ поставимъ», или по идіомамъ южнорусской рѣчи, на которой объяснялись добрые молодцы,—не вверхъ дномъ, а «до горы ногами» (чего имъ конечно не удалось). Элементы этихъ народныхъ движеній, самая закваска броженій не улегшихся народныхъ силъ, какъ оказывается, долго не выдыхались изъ характера русскаго народа, и броженіе это ясно чуется еще въ 1812 году.

*) Политическія движенія русскаго народа. *Гайдамачина.* Историческая монографія Д. Л. Мордовцева. Спб. 1871 г. Въ 1884 г. вышло *второе, исправленное изданіе* «Гайдамачины».

Какой-нибудь поповичъ Ильинъ, какъ мы увидимъ ниже, хочетъ воскресить времена Стеньки Разина, въ народѣ проявляется общее «озорничество», какъ тогда выражались, задоръ и «шумство». Въ публичныхъ мѣстахъ слышатся «необычныя» угрозы, неизвѣстно къ кому обращенныя: «мы-де васъ переберемъ... мы-де до всѣхъ доберемся». А когда такое «шумство» проявляется въ народѣ, естественно понизовая вольница, повидимому вымершая, снова поднимаетъ голову. Старыя явленія повторяются. Разсматривая такія историческія явленія какъ понизовая вольница, какъ всѣ казачества на южныхъ и восточныхъ окраинахъ Россіи, какъ запорожская сѣчь и какъ органическое выдѣленіе и продолженіе ея—гайдамачина, разсматривая это всеобщее народное «шумство» съ точки зрѣнія общечеловѣчески-историческаго развитія, мы не можемъ не прійдти къ убѣжденію, что всѣ эти явленія не иное что какъ формы или видоизмѣненіе проявленій одной и той же силы, въ которой совершается процессъ историческаго роста, что аналогическія эти явленія раньше прошли по всѣмъ фазисамъ развитія на западѣ, что запорожская сѣчь, гайдамачина и понизовая вольница, только въ нѣкоторыхъ иныхъ формахъ и съ своими наименованіями, были и въ западной Европѣ, что и западная Европа видѣла и свое казачество, и свою понизовую вольницу, и свою гайдамачину и даже свою пугачовщину. На западѣ сѣчевики и удалые добрые молодцы носили названіе то мальтійскихъ рыцарей, то храмовниковъ, то меченосцевъ. У западныхъ добрыхъ молодцовъ были свои сѣчи, свои укрѣпленныя мѣста, свои «станы» и «притоны», какіе были и у гайдамаковъ, гдѣ-нибудь на рѣкѣ Синюхѣ, и у поволжкихъ добрыхъ молодцовъ, гдѣ-нибудь на волжскомъ островѣ, въ глухомъ буеракѣ, въ отдаленномъ степномъ урочищѣ. Во всемъ этомъ видны явленія одного и того же химическаго процесса горѣнія или растенія человѣческихъ обществъ, процессы отживанія, гніенія и разложенія однихъ и тѣхъ же тѣлъ и возникновеніе изъ нихъ новыхъ, съ другими формами и другими потребностями, а вслѣдствіе того и съ другими проявленіями дѣятельности; только на западѣ все это шло нѣсколько иначе, чѣмъ у насъ, на востокѣ, какъ и все тамъ шло не совсѣмъ такъ какъ у насъ и не къ тѣмъ приводило результатамъ, къ какимъ приводитъ у

нас. Такимъ образомъ, когда тогдашняя руская правитель- ная регламентація стала давить запорожскую сѣчь и въ ней какъ и во всѣхъ тогдашнихъ казачествахъ, начался процессъ ванія, горѣнія, гніенія или разложенія, то отъ давняго и гающагося тѣла стали отдѣляться особыя частицы, которыя, ствіе унесенныхъ ими изъ прежняго тѣла жизненныхъ, умершихъ началъ, слагались въ отдѣльные живые или въ полуживые организмы, а эти послѣдніе, полуживые или ные организмы, въ свою очередь, силились воспроизвести, укрытія себя, для рощенія, питанія и покоя, свои норы, и логовища. Эти норы на западѣ назывались орденами (орд тампліеровъ, тевтонитовъ и всѣ монашествующія и нищенству- щія шайки западной понизовой вольницы), а у насъ или мацкими притонами, или разбойничьими станами, наконецъ «воровскими рощами». Въ эти станы и притоны, какъ и въ за- рожскую сѣчь, какъ и въ рыцарскіе ордена, стекалось все недоволь- ное существовавшими порядками, не уживавшееся съ общею об- довою, традиціонною стороною жизни, или все пригнетенное, при- давленное обстоятельствами, порой спившееся съ кругу, порой и удовлетворяющееся узостью круга рядовой пошлости и благонамѣ- ренной дюжинности, подобно тому, какъ и удалый добрый моло- децъ Степанъ Разинъ, сынъ Тимофеевичъ,

Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, казаками, думу не думывалъ,
Ходилъ, гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голытьбою *).

Эти бродячія, протестующія силы русскаго народа вызвали въ народномъ творчествѣ цѣлую литературу, которая вошла воспитательнымъ и поучительнымъ элементомъ въ жизнь нѣсколькихъ сотъ генерацій русскаго народа какъ въ XVII, такъ XVIII и даже XIX вѣкѣ. Это та литература, которую противная протестующей сторонѣ часть русскаго общества, т. е. тѣ, съ которыми ни Степанушка, ни другіе добрые молодцы не хотѣли «думать крѣпкую

*) Голытьба, голь кабацкая—на восточной окраинѣ Россіи, голота, голтепака—на южной.

думушку»—назвали литературою «разбойною» или пѣснями «разбойничьими», «удалыми». Литература эта до сихъ поръ обращается въ устахъ народа, и то, о чемъ онъ поетъ, и тѣ удалые добрые молодцы, которыхъ прославляетъ пѣсня, составляютъ какъ бы гордость народа, его прошедшую славу, его собственную, прочувствованную всѣмъ народомъ исторію. Для историка явленіе это составляетъ одно изъ такихъ историческихъ явленій прошедшей жизни русскаго народа, которое давно должно бы было вызвать особенно тщательную разработку условій народной жизни и событій, вызвавшихъ это крупное явленіе. Что народъ глубоко сочувственно относился къ этому протестующему элементу, доказывается не только тѣмъ, что онъ создалъ цѣлую литературу этого, любимаго имъ предмета, какъ создалъ Иліаду и Одиссею, но и передалъ ее противной сторонѣ, не протестующей. Благонамѣренные и образованные классы русскаго общества не менѣе протестующей голытьбы восхищались этими разбойничьими пѣснями, и мы всѣ пѣли и до сихъ поръ поемъ ихъ какъ нѣчто всѣмъ родное и дорогое. Это уже освящаетъ собой не только самое явленіе, вызвавшее народное творчество, но даже и самые факты, ставшіе достояніемъ всего русскаго народа и потому получившіе право на память исторіи. Вся Россія донынѣ поетъ, какъ народный гимнъ, знаменитую русскую пѣсню:

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью.

Устами и сочувствіемъ цѣлой Россіи освящена эта пѣсня. Она какъ-бы характеризуетъ весь русскій народъ, всю Россію, какъ характеризуетъ ее «камаринскій мужикъ» въ музыкѣ Глинки, какъ «Partant pour la Syrie» характеризуетъ духъ француза, какъ «Wo ist des Deutschen Vaterland» характеризуетъ духъ нѣмца; чтобы показать Европѣ, какая въ репертуарѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ наиболѣе русская, наиболѣе характеристичная и наиболѣе любимая, русскій непремѣнно пропоетъ «внизъ по матушкѣ по Волгѣ». А между тѣмъ эта пѣсня—разбойничья, удалая. Въ ней воспѣвается все та-же «вольная», «раздольная» Волга, все та-же знаменитая «лодочка», въ которой гуляла понизовая вольница и раз-

[illegible]ла «суда», «бусы», «корабли» и «разшивы». На ней греб[illegible] все тѣ-же «ребята», все тѣ-же удалые добрые молодцы. Какъ ус[illegible]ми и сочувствіемъ цѣлой Россіи освящена эта пѣсня, такъ [illegible] же устами и народнымъ сочувствіемъ освящена вся разбойн[illegible] литература, весь циклъ поэзіи понизовой вольницы. Вотъ поч[illegible] явленіе это, его видоизмѣненія, его былая лѣтопись и просл[illegible]ленные народомъ выразители этого явленія, удалые добрые моло[illegible]цы и ихъ «атаманушки», должны непремѣнно занять соотвѣтству[illegible]щее имъ мѣсто въ русской исторіи, какъ въ исторіи западн[illegible] народовъ заняли свои мѣста удалые добрые молодцы—меченос[illegible] крестоносцы, тампліеры [illegible]альтійцы, іезуиты, какъ [illegible] исторіи южной Россіи [illegible]ющее имъ мѣсто запорожц[illegible] а потомъ, какъ ихъ п[illegible]амаки. Обращаясь къ истор[illegible] южныхъ славянъ, мы [illegible]ь [illegible]ъ и удалыхъ добрыхъ моло[illegible]цовъ, и понизовую во[illegible]«ускоки», «хайдуци», то-ж[illegible] что «воры разбойники [illegible]ж[illegible]ходцы», «бродники», «гул[illegible]таи», «гайдамаки», го[illegible] «Ускоки» такой-же проте[illegible]стующій элементъ въ [illegible]омъ [illegible]ствѣ, покорившемся турецко[illegible]му ярму и турецкимъ порядкам[illegible]кія-же бродячія силы, каки[illegible]ми являются понизовыя добрые молодцы и гайдамаки, только «ускоки» ведутъ войну съ врагами своего племени, съ врагами христіанства. Какъ и удалые добрые молодцы «ускоки» не имѣютъ ни родного дома, ни родной семьи—все это они покинули, не вынося существующихъ порядковъ, и скитаются по скаламъ и темнымъ лѣсамъ, по «планинамъ» и «горамъ зеленымъ» Балканскаго полуострова. У «ускоковъ», какъ и у понизовой вольницы, есть свои станы въ горахъ и лѣсахъ, а иногда они находятъ пристанодержателей и между своимъ роднымъ славянскимъ населеніемъ. Какъ творчество русскаго народа создало цѣлую литературу, воспѣвающую подвиги удалыхъ добрыхъ молодцовъ, такъ и творчество южныхъ славянъ создало свою литературу объ «ускокахъ» и другихъ борцахъ за народное дѣло, начиная отъ Марка Королевича и кончая послѣднимъ «момче неженено». Какъ русская литература сочувственно относится къ удалымъ добрымъ молодцамъ и ихъ представителямъ, «славнымъ атаманушкамъ», такъ и южнославянская народная поэзія отдаетъ свои симпатіи героямъ націо-

начальнаго дѣла, въ томъ числѣ и простымъ «ускокамъ». Для народа драгоцѣненъ всякій малѣйшій штрихъ, обрисовывающій не только характеръ его любимцевъ-героевъ, но и ихъ наружность, ихъ привычки. Описаніе ихъ подвиговъ и всего до нихъ относящагося принимаетъ чисто эпическую форму. Какъ понизовая вольница, «ускоки» также являются всегда небольшими партіями, шайками, «четами». Они смѣло появляются около городовъ и селеній, нагоняютъ страхъ на турокъ и исчезаютъ безслѣдно *).

Iош зарица не забиіелила,
Ни даница лица помолила,
А од дана ни помена нема,
Но продьоше четири ускока
Перед Іаіца града биіелога,
Сваки води по два добра konья,
Све іеднаке у ноге лиіева,
Сваки носи по тридест стриіела,
Сваки носи по двадест пушака,
Све на іедну бурму завиіене,
Сваки носи зелене гадаре
Под колане с обадвиіе стране,
О поіасу сабље аламанке,
А на њима од челика баліе.
На главе им капе од три вука,
На ледьима коже од медьера,
На рамена биіели штитови.

Противъ нихъ, какъ и противъ понизовой вольницы, всегда высылаютъ вдвое, втрое и вдесятеро сильнѣйшіе отряды, и «ускоки» непремѣнно разбиваютъ ихъ, потому собственно, что они выражаютъ собою народъ, его чаянія, его протестующую силу. Такъ напримѣръ появляется около турецкаго города партія изъ четырехъ «ускоковъ»—Іована Шандича, Вука Мандушича, Марка Карапанджи и Дмитрія Удбара—и изъ города высылаютъ противъ нихъ четыреста турецкихъ охотниковъ подъ предводительствомъ

*) Вотъ для сравненья съ описаніями партіи понизовой вольницы эпическое описаніе одной небольшой партіи «ускоковъ».

Ибрагима. Турки настигаютъ «ускоковъ» въ лѣсу, но не рѣшают-ся атаковать ихъ. Тогда самый младшій изъ «ускоковъ», у кото-раго еще было совершенно дѣвическое лицо, безъ усовъ и бо-ды, Дмитро Удбаръ, рѣшается одинъ идти въ турецкій отрядъ. Тридцатью стрѣлами онъ убиваетъ тридцать турокъ, двадцатью пулями убиваетъ ихъ еще двадцать, а «зеленымъ гадаромъ» раз-гоняетъ всѣхъ по лѣсу. Такова сила «ускоковъ». Такова-же, по выраженію народной поэзіи, и сила удалыхъ добрыхъ молодцовъ, которые «кистенемъ махнутъ—корабли берутъ». Какъ необыкно-венна сила у удалыхъ добрыхъ молодцовъ, такъ необыкновенны у нихъ и кони, которые и понимаютъ ихъ и говорятъ съ ними. Когда «ускокъ» Дмитро Удбаръ разогналъ всѣхъ турокъ, кото-рые разбѣжались по лѣсу, покинувъ своихъ лошадей, то онъ по-зарился на вскормленныхъ турецкихъ жеребцовъ и, оставивъ свое-го коня, сталъ загонять турецкій табунъ. Опомнившіеся турки напали на пѣшаго Удбара и отрѣзали ему голову. Тогда осталь-ные три ускока въ свою очередь напали на турокъ, всѣхъ ихъ убили, но не могли убить одного изъ предводителей, Ибрагима, который обратился въ бѣгство на конѣ Удбара. За нимъ поска-калъ въ догонку старшій изъ «ускоковъ», сѣдобородый Іованъ Шандичъ, но не могъ настигнуть своего врага, потому что подъ нимъ былъ добрый конь «ускока». Тогда сѣдобородый Шандичъ закричалъ къ коню Удбара, «крчату»:

«Стан, крчате, изіели те вуци!
Не носи ми Дмитрова крвника».
Таде коньиц усерд полья стаде,
Іел позднаде друга Дмитровога.

Все это общія эпическія черты какъ у русскихъ удалыхъ доб-рыхъ молодцовъ, такъ и у юго-славянскихъ «ускоковъ». Не уди-вительно послѣ этого, что освященная сочувствіемъ народа пони-зовая вольница становится такимъ живучимъ явленіемъ, что, про-ходя самой яркой полосой чрезъ всю народную исторію, не выми-раетъ даже въ нынѣшнемъ столѣтіи, какъ по настоящее время не вымираютъ юго-славянскіе «ускоки», хотя теперь они дѣй-ствуютъ подъ другими именами и добиваются не совсѣмъ того,

ѣго добивались ихъ предки «ускоки». Въ историческихъ очеркахъ понизовой вольницы послѣднимъ изъ атамановъ поволжской голытьбы показанъ нами Брагинъ, дѣйствовавшій съ своею шайкою около восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Къ концу этого вѣка и къ переходу въ девятнадцатое столѣтіе народныя волненія мало-по-малу улегаются, становятся рѣже, разобщеннѣе и вообще теряютъ характеръ общности, стихійности. Проходитъ двадцать, тридцать лѣтъ, и понизовая вольница снова даетъ знать о своемъ существованіи. Въ первой четверти девятнадцатого столѣтія голытьба и другія протестующія личности опять тянутся изъ всѣхъ концовъ Россіи на Волгу, гдѣ все еще представляется возможность погулять на волѣ, помыкаться «по широкому раздолью» «пошалить», и понизовая вольница такимъ образомъ не вымираетъ окончательно, обнаруживая своимъ появленіемъ только то, что условія жизни, ее вызывавшія, все еще были настолько неблагопріятны, что новыя общественныя формы, въ которыя улеглась русская жизнь, не въ силахъ были заставить улечься въ рамкахъ этихъ формъ бродячія, стихійныя силы народа, которыя, повинуясь общимъ законамъ тяготѣнія, искали своего центра притяженія и не находили его. Вспышки понизовой вольницы особенно обнаруживаются въ памятномъ для Россіи 12 году. Вотъ дѣйствія нѣкоторыхъ шаекъ вольницы, гулявшихъ по Волгѣ въ 1811 и 12 годахъ.

II.

29-го апрѣля 1812 года въ громадское правленіе Покровскаго города или Покровской слободы, что противъ Саратова за Волгой, явился одинъ малороссіянинъ по имени Моисей Гульпенко, бывшій работникомъ у малороссіянина-же Артема Баланды; и объявилъ, что въ бытность на хуторѣ Баланды, находящемся на рѣчкѣ Караманѣ, за Волгой-же, въ степи, разстояніемъ отъ Покровской слободы верстахъ во-ста, въ ночь съ 25-го на 26-е апрѣля, «пріѣхавшіе въ показанный хуторъ неизвѣстно какого званія лю-

ди, нѣсколько человѣкъ, *оруженные огнестрѣльными орудіями и прочимъ припасомъ тому подобнымъ*, насильствомъ разбойническимъ образомъ, не смотря на находившихся при ономъ хуторѣ рабочихъ людей, его, Баланды, хуторъ разграбили. Разграбивъ хуторъ, и извѣстные люди скрылись въ степи». Громадское правленіе, получивъ заявленіе Гульпенка, тотчасъ-же сообщило объ этомъ происшествіи въ Саратовъ. Изъ Саратова немедленно дали знать о поимкѣ неизвѣстныхъ разбойниковъ, находившихся въ заволжьѣ, подлежащимъ властямъ, сообщили въ сосѣдніе уѣзды, въ контору опекунства иностранныхъ поселенцевъ и въ другія мѣста. Но въ то время когда власти дѣлали эти распоряженія о розыскѣ и поимкѣ невѣдомыхъ разбойниковъ, разбойники нагрянули на самую слободу Покровскую. Это было 1-го мая вечеромъ. Въ громадское правленіе прибѣжалъ малороссіянинъ Тихонъ Быковченко и объявилъ, что къ дому слободского головы Пономаренка «пріѣхали неизвѣстные люди, вооруженные огнестрѣльными орудіями, и начали дѣлать изъ оныхъ во дворѣ выстрѣлы». Нападеніе разбойниковъ на домъ головы Пономаренка сдѣлано было въ его отсутствіе: Пономаренко находился въ это время въ громадскомъ правленіи и за нѣсколько минутъ до прихода Быковченка вышелъ чтобъ отправиться домой. Притомъ нападеніе сдѣлано было въ самомъ центрѣ многолюднаго городка. Слабодской атаманъ Зоря и десятники немедленно оповѣстили объ этомъ дерзкомъ и неожиданномъ нападеніи на слободу всему населенію. Между тѣмъ Пономаренко, приближаясь къ своему дому и ничего не зная о случившемся, услышалъ ружейные выстрѣлы, и потому тотчасъ же приказалъ бить въ набатъ въ обѣихъ церквахъ, «въ колоколы». По набату сбѣжался народъ. Но разбойники, не думая отступать, «начали дѣлать на нихъ (т. е. на сбѣжавшихся малороссіянъ) изъ огнестрѣльныхъ орудіевъ выстрѣлы», и пока собралась большая масса народу, они успѣли ограбить домъ Пономаренка и «мучительски тиранили жену его, мать и сына». Захвативъ добычу *)

---

*) Не безъинтересно описаніе вещей, пограбленныхъ разбойниками у Пономаренка, преимущественно носильнаго платья. Вотъ что носили богатые малороссіяне-колонисты Поволжья 58 лѣтъ назадъ: «2 кафтана темнозеленаго сукна, обложенные золотымъ гасомъ, стоющихъ 300 рублей, 3-й кафтанъ-же

они ускакали изъ слободы «съ такою поспѣшностью, что по наступившей темной ночи не можно было замѣтить, куда они скрылись». Для розыска разбойниковъ громадское правленіе въ ту-же ночь отрядило въ разныя мѣста сорокъ верховыхъ, которымъ конечно не легко было ловить конныхъ хищниковъ въ необозримой заволжской степи, особенно когда даже неизвѣстно было, куда они отправились—на югъ, на востокъ или на сѣверъ. О нападеніи на слободу дали знать въ Саратовъ. Изъ Саратова тоже были наряжены двѣ конныя команды для розыска разбойниковъ, и команды эти должны были преслѣдовать хищниковъ—одна по луговой, другая по нагорной сторонѣ Волги. Оповѣщено было также объ этомъ во всѣ сосѣднія правительственныя учрежденія. На другой день въ слободу пришли новыя вѣсти о разбойникахъ. Въ громадское правленіе явился малороссіянинъ Ѳедоръ Черторый и объявилъ слѣдующее: «Находился онъ при рѣчкѣ Еруланѣ, состоящей отъ слободы Покровской въ отдаленности также состоящаго при оной рѣчкѣ тестя его, малороссіянина Василія Зимы, хутора при хлѣбопашествѣ, отколь того-жъ апрѣля 30-го числа предъ вечеромъ пріѣхалъ онъ къ показанному своему тестю Зимѣ въ хуторъ для взятія на посѣвъ пшеницы; но по пріѣздѣ его, оной тесть его Зима извѣстилъ ему, что сего апрѣля съ 29-го на 30-е число вечеромъ пріѣхало къ нему на хуторъ неизвѣстныхъ

палеваго цвѣта сукна, обложенный золотымъ гасомъ, переплетеннымъ чернымъ шелкомъ, стоющій 200 руб., 4-й и 5-й темнозеленаго сукна, обложенные золотымъ гасомъ, стоющіе 250 р., 2 бешмета: 1-й штофной, малиноваго цвѣта, 2-й черный атласный, обложенные золотымъ гасомъ, стоющихъ 200 р., 11 жилетовъ разныхъ матерій, стоющихъ 230 р., 5 кушаковъ, изъ коихъ 2 персидскіе краснаго цвѣта, стоющихъ 100 р., 2 шелковыхъ съ разными цвѣтами, изъ коихъ 1 съ золотыми кистями, 150 р., 5-й шелковый-же малиноваго цвѣта, стоющій 35 р., черкеску, сшитую на манеръ кафтана съ англійской нанки бланжеваго цвѣта, обложенную золотымъ гасомъ, стоющую 50 рублей, три платка шелковые, изъ коихъ 1 ранжеваго цвѣта съ золотыми цвѣтами, стоющій 20 р., 2-й шелковый клѣтчатый, стоющій 25 р., 3-й малиноваго цвѣта съ золотыми цвѣтами, женскихъ два креста серебренныхъ съ позолотою и съ каменьями, стоющихъ 55 рублей, три пары серегъ-же серебренныхъ съ позолотою, стоющія 20 руб., пряжки серебренныя насыпныя, стоющія 20 р., золотаго гасу на 30 р., медальоны и проч., да денегъ 400 р.

четыре человѣка, вооруженныхъ огнестрѣльными орудіями, изъ *коихъ у одного ноздри вырваты*, начали мучительски тиранить ст. Зиму, и жену, намѣреваясь сжечь огнемъ, дабы они чинили о деньгахъ признаніе и отдавали бы оныя имъ, но денегъ у него не было, то они только взяли нѣсколько пироговъ, одинъ пудъ сала, арчакъ, ведро вина, и близъ онаго хутора у находившагося при гуртѣ саратовскаго купца Дениса Канина работника его, по имени неизвѣстнаго, арчакъ и самаго его мучительски тиранили, убили изъ ружья теленка, коего сваря у него, Зимы, себѣ для пищи, потомъ уѣхали незнаемо куда». Снова послѣдовало распоряженіе о розыскѣ разбойниковъ, снова о томъ-же подтверждено коннымъ командамъ; но все напрасно. Въ этотъ же день еще пришли вѣсти о разбойникахъ, и все изъ-за Волги. 29-го апрѣля изъ слободы Новотроицкой вышла партія рекрутъ, составленная изъ новобранцевъ слободы Александрова Гая, заключавшая въ себѣ человѣкъ пятьдесятъ и сопровождаемая «многимъ народомъ». Начальникомъ партіи былъ голова четвертой узеньской волости Бардинъ. Переправившись черезъ рѣку Малый Узень, партія остановилась на роздыхъ и на кормъ лошадей. Въ это время къ партіи явился экономическій крестьянинъ слободы Малаго Узеня, Агеевъ, избранный обществомъ для отдачи рекрутъ новоузеньскихъ, которыхъ онъ и велъ къ общей рекрутской партіи. «Агеевъ—пишетъ голова Бардинъ въ своемъ донесеніи—подошедши, показываетъ мнѣ бои, причиненные наѣхавшими на нихъ со степи, отъѣхавши отъ рѣки Малаго Узеня, разстояніемъ въ тридцати верстахъ, гдѣ былъ прежде постъ, называемые Ямы, не далѣе отъ нихъ пяти верстъ, четыре человѣка разбойниковъ, съ орудіями, по одному ружью, два пустулетовъ и одной сабли, котораго они нещадно били плетьми, отняли у него, Агеева, данныхъ отъ общества на отдачу рекрутъ денегъ сто тридцать пять рублей, причемъ кромѣ его обиды никому не учинили». Бардинъ присовокупилъ, что Агеева они тотчасъ освидѣтельствовали и нашли, что онъ дѣйствительно «по плечамъ битъ». Между тѣмъ розыски разбойниковъ продолжались. Разосланныя вездѣ конныя казачьи команды и конные малороссіяне Покровской слободы подъ начальствомъ брата головы Понома[illegible] бѣглецовъ, которые пови-

димому дѣйствовали не совсѣмъ осторожно, надѣясь на быстроту своихъ коней и на свое вооруженіе. Наконецъ черезъ недѣлю въ Саратовъ пришло утѣшительное извѣстіе, что разбойники послѣ отчаянной схватки съ ними казаковъ, малороссіянъ и нѣмецкихъ колонистовъ и послѣ жаркой перестрѣлки, захвачены живыми въ руки, хотя тяжко раненые, и только атаманъ шайки убитъ во время перестрѣлки. Разбойники настигнуты были и выдержали стычку съ своими преслѣдователями уже не въ заволжской степи, гдѣ они разбойничали, а на нагорной сторонѣ Волги, далеко ниже Саратова, между селеніемъ Ахматомъ и нѣмецкой колоніей Севастьяновкой. По первоначальному дознанію оказалось, что эти разбойники осенью 1811 года пріѣхали на лодкѣ на стоящій у Волги хуторъ Шаловый, къ покровскому малороссіянину Куяниченку, и просили отвезти ихъ «для перезимовки» въ степныя мѣста, какъ это обыкновенно дѣлали шайки понизовой вольницы передъ наступленіемъ зимнихъ холодовъ, когда по Волгѣ въ косныхъ лодкахъ гулять становилось неудобно. Куяниченко согласился отправить ихъ въ глубь степей Заволжья, именно въ урочище Малый Гашонъ, отстоящее отъ Покровской слободы въ 90 верстахъ. Тамъ Куяниченко сдѣлалъ для зимовки разбойниковъ землянку и въ теченіи зимы снабжалъ ихъ «съѣстными и ружейными припасами». За это разбойники дали Куяниченкѣ 945 рублей. На основаніи этихъ извѣстій, изъ Покровской слободы немедленно были командированы нарочные на хуторъ Шаловый для привода малороссіяна Куяниченко. Куяниченко былъ представленъ въ громадское правленіе и сознался, что дѣйствительно осенью 1811 года на хуторъ къ нему пріѣзжали разбойники на лодкѣ, которую и оставили около хутора, а сами просили Куяниченко отвезти ихъ «въ безопасное для пребыванія мѣсто», обѣщая ему за это и за доставленіе какъ съѣстныхъ припасовъ, такъ равно пуль и пороху не 945 рублей, а только пятьсотъ. Куяниченко согласился на предложеніе разбойниковъ, и отвезъ ихъ въ урочище, называемое Гашонскія Вершины, разстояніемъ отъ Покровской слобоны верстахъ въ 90. Но при этомъ Куяниченко говорилъ, что землянки разбойникамъ не дѣлалъ и съѣстныхъ припасовъ къ нимъ не возилъ. Правда, разъ онъ намѣренъ былъ доставить припасы въ разбой-

ничій притонъ, «но когда оные повезъ, то началъ идти саль... снѣгъ, и не довезши верстъ за двадцать, воротился обратно въ свой домъ». Такъ какъ Куяниченко показалъ, что онъ отвезъ въ разбойничій притонъ пять разбойниковъ, а теперь было пойма... только трое, то изъ Покровской слободы вновь командирова... были конные отряды въ Гашонскія Вершины и въ окрестныя ск... ныя мѣста для розыска и поимки остальныхъ разбойниковъ, а ра... «для развѣдыванія, не участвовалъ-ли кто изъ малороссіянъ, имѣю... щихъ близъ сказаннаго урочища свои хутора, въ доставленіи оным... разбойникамъ съѣстныхъ припасовъ и прочаго». Изъ Покровской слободы Куяниченко привезенъ былъ въ Саратовъ. Здѣсь сн... начался допросъ. Куяниченко и въ Саратовѣ показывалъ на допросѣ то-же, что показалъ въ громадскомъ правленіи, только съ большими подробностями. Въ 1811 году, въ одну изъ осеннихъ ночей, вошли къ нему на дворъ два неизвѣстныхъ человѣка, и просили продать имъ съѣстныхъ припасовъ. Полагая, что неизвѣстные были просто бурлаки, пріѣхавшіе съ судна на берегъ для закупки провизіи, какъ это часто случалось, и не видя въ нихъ ничего подозрительнаго, Куяниченко продалъ имъ печенаго хлѣба и арбузовъ, за что и получилъ деньги. Пришельцы, не входя къ нему въ избу и ни о чемъ не говоря, ушли на Волгу. На слѣдующую ночь, по прошествіи сутокъ, очень позднею порой, когда Куяниченко уже потушилъ у себя въ домѣ огонь и все его семейство легло спать, онъ услышалъ стукъ въ дверь. Куяниченко всталъ и вздулъ огонь. Но едва онъ отперъ дверь, чтобы узнать кто тамъ стучитъ, какъ къ нему въ домъ вошли пять неизвѣстныхъ человѣкъ, съ ружьями и пистолетами, но были-ли при нихъ сабли, Куяниченко не могъ потомъ припомнить. Въ числѣ пришедшихъ онъ узналъ въ лицѣ и тѣхъ двоихъ, которые прошлою ночью приходили къ нему за хлѣбомъ. Наружность ихъ была такъ подозрительна, что Куяниченко спросилъ:

— Вы что за люди?

— Мы бѣглые изъ Сибири — ... ь разбойничество, отвѣчали
пришедшіе Затѣмъ разбой...
отвезти ихъ въ безопас...
было бы никому знать

диною, да и впредь доставлялъ бы имъ съѣстные припасы». По словамъ Куяниченко, онъ отказывался отъ исполненія этого требованія разбойниковъ, «но они устращивали его убить до смерти». Тогда Куяниченко запрегъ въ сани пару своихъ лошадей, положилъ четыре мѣшка пшеничной муки пудовъ въ двѣнадцать, два мѣшка пшена въ пять пудовъ, пудъ коровьяго масла, и отвезъ разбойниковъ въ степь за 90 верстъ отъ Шаловаго хутора, въ урочище Гашонскія Вершины, «гдѣ ни пашни, ни гуменъ, ни скотоводства не состоитъ и даже проѣздомъ никто не бываетъ»,— слѣдовательно помѣстилъ ихъ въ самомъ глухомъ степномъ мѣстѣ, «въ небольшомъ буеракѣ при лѣсочкѣ». Разбойники заплатили Куяниченкѣ за все это пятьсотъ рублей и приказывали ему и на будущее время доставлять въ притонъ съѣстные припасы, обѣщая за все платить ему деньги. Куяниченко, воротясь домой, никому не говорилъ о разбойникахъ, а на полученныя отъ нихъ деньги исправилъ нѣкоторыя хозяйственныя надобности—запасся солевозными фурами, потому что по профессіи былъ солевозчикомъ, купилъ пару лошадей и проч. Затѣмъ въ первыхъ числахъ декабря вновь собрался ѣхать къ разбойникамъ и для этого нагрузилъ фуру съѣстными припасами. Но въ глухой степи, по дорогѣ къ разбойничьему стану, Куяниченко захваченъ былъ зимнею непогодью, сбился съ дороги, такъ какъ ѣхалъ «цѣликомъ», т. е. безъ всякаго пути, провелъ вьюжную ночь въ степи и на другой день воротился домой. Къ этому Куяниченко прибавилъ, «что съ тѣми разбойниками нигдѣ и никогда по сіе время не видался, и съ ними въ грабежѣ сообщества не имѣлъ, и слѣдовъ имъ кого-либо грабить не пересказывалъ, грабленнаго имущества не принималъ, землянки имъ въ помянутомъ урочищѣ не рылъ и къ рытью ничего не давалъ, кромѣ какъ только взяли они у него топоръ; для варенія пищи они имѣли у себя два мѣдные котелка, и изъ нихъ разбойниковъ *у трехъ вырваны ноздри*, зовутъ ихъ Матвѣй, Ѳедоръ, а прочихъ имена не припомнитъ, и *Матвѣя въ вырванными* ...*ями въ голубомъ кафтанѣ называли атаманомъ*». Взята была Куяниченка и привезена въ Саратовъ. Она показала во ...гласно съ мужемъ. Вслѣдъ затѣмъ въ Саратовъ пришли ...добныя свѣдѣнія о поимкѣ разбойниковъ. Объ этой

поимкѣ такъ сообщаетъ чиновникъ Конищевъ, отряженный саратовскимъ губернаторомъ Панчулидзевымъ для преслѣдованія разбойниковъ 2 мая. Конищевъ прибылъ въ Покровскую слободу и потребовалъ отъ начальника казачьей команды Копытина вооруженныхъ казаковъ. Здѣсь Конищевъ узналъ отъ головы Пономаренка только то, что разбойники были каторжные, такъ какъ въ этомъ изобличали ихъ вырванныя ноздри. Конищевъ учредилъ въ слободѣ особый караулъ и тутъ же узналъ отъ малороссіянина Островскаго, пріѣхавшаго изъ сосѣдней нѣмецкой колоніи, что разбойники, разряженные въ пограбленное у Пономаренка богатое платье, были въ колоніи Кизицкой, купили тамъ два штофа французской водки и неизвѣстно куда уѣхали. Островскій сообщилъ также, что вслѣдъ за разбойниками поскакалъ братъ головы Пономаренка съ конными малороссіянами. Конищевъ также отправился по слѣдамъ бѣглецовъ. Въ колоніи Кизицкой онъ узналъ отъ мѣстнаго форштегера, что разбойники дѣйствительно купили у тамошняго цѣловальника два штофа французской водки, заплатили за нее пять рублей и за колонкомъ Березовымъ пили эту водку и «усильно» напоили пьянымъ коннаго пастуха. Оттуда они направились въ колонію Куксъ. Конищевъ съ своею командою скакалъ вслѣдъ за ними. Въ колоніи Куксъ онъ узналъ, что наканунѣ его пріѣзда разбойники въ самый полдень наняли тамошнихъ колонистовъ и бурлаковъ, которые и перевезли ихъ вмѣстѣ съ лошадьми на нагорный берегъ Волги, въ село Ахматъ, окрестности котораго издавна славились притонами шаекъ понизовой вольницы. За ними по пятамъ гнался Пономаренко съ вооруженными малороссіянами, и также переправился черезъ Волгу. Конищевъ нѣсколько опоздалъ съ своими казаками: когда онъ переправился въ Ахматъ, а отдуда доѣхалъ до колоніи Севастьяновки, то отъ колонистовъ узналъ, что разбойники уже настигнуты малороссіянами и колонистами въ ближайшихъ дачахъ, но такъ какъ завязалась съ обѣихъ сторонъ перестрѣлка и разбойники отчаянно защищаются, то ихъ взять и не могутъ. Конищевъ съ казаками поскакалъ на выруч... малороссіянъ и колонистовъ, которыхъ разбойники, ... побѣдить и перестрѣлять. Н... ...же съ горы

увидѣлъ, что перестрѣлка кончилась, что одолѣли преслѣдователи и что разбойники уже взяты. Конищевъ нашелъ плѣнныхъ страшно израненными и избитыми. Особенно сильно пострадалъ атаманъ шайки, каторжникъ Ястребовъ. Раны его были такъ жестоки, что онъ едва довезенъ былъ до Ахмата, гдѣ тотчасъ же и умеръ. Конищевъ отъ преслѣдовавшей разбойниковъ партіи малороссіянъ и колонистовъ требовалъ объясненія, почему они такъ жестоко ранили бѣглецовъ, и тѣ объяснили, что они ранили ихъ по необходимости, защищая свою собственную жизнь отъ ихъ смертельныхъ выстрѣловъ, такъ какъ при этомъ и изъ колонистовъ многіе были ранены разбойниками. Кто убилъ ихъ атамана—осталось неизвѣстнымъ. Отъ оставшихся въ живыхъ разбойниковъ Конищевъ узналъ, что какъ убитый атаманъ ихъ, такъ и они сами бѣжали изъ Сибири и производили разбои на Волгѣ, что противъ Саратова, съ хутора Шалова, ихъ перевезъ въ зимній притонъ неизвѣстный имъ малороссіянинъ, который и получилъ съ нихъ за это 945 рублей, а потомъ доставлялъ имъ хлѣбъ, вино и пр., что онъ же совѣтовалъ имъ на весну ограбить голову Пономаренка, а изъ табуна Баланды взять подъ свою шайку добрыхъ коней. Изъ Ахмата разбойники были привезены въ Саратовъ, вмѣстѣ съ захваченными у нихъ деньгами (245 рублей), имуществомъ, лошадьми, оружіемъ, кромѣ того что было расхватано колонистами послѣ схватки съ шайкою. Раненые въ схваткѣ колонисты были освидѣтельствованы и сданы на леченье лекарямъ. Атамана шайки похоронили въ Ахматѣ.

III.

Въ Саратовѣ разоблачены были еще большія подробности о началѣ и похожденіяхъ шайки Ястребова и о томъ, что шайка эта составляла какъ бы малѣйшій осколокъ невидимой народной арміи, которая отдѣльными и весьма мелкими партіями вела свою партизанскую войну, цѣли которой сильно расходились съ цѣлями

партизанскихъ дѣйствій Фигнера, Дениса Давыдова и другихъ извѣстныхъ сподвижниковъ отечественной войны. Шайка Ястребова, о которой теперь идетъ рѣчь, состояла большею частью изъ людей бѣжавшихъ съ каторги; и каторжники же составляли и начальство этой шайки. Люди эти сошлись на Волгу со всѣхъ концовъ Россіи, побывавъ прежде въ Сибири; такъ покойный атаманъ Ястребовъ былъ родомъ съ Волги, малороссіяниномъ Камышинскаго уѣзда *), другіе разбойники, какъ напримѣръ, Соболевъ— изъ Архангельска, слѣдовательно съ самаго далекаго русскаго сѣвера, сосланный въ Сибирь за грабежъ; Смирновъ изъ Калуги, изъ знаменитыхъ лѣсовъ брынскихъ. Разбойники эти работали прежде на нерчинскихъ заводахъ. Въ 1811 году, весною, Ястребовъ подговорилъ съ собою двѣнадцать другихъ каторжниковъ, которые и бѣжали съ заводовъ въ лѣса. Часть бѣглецовъ осталась въ нерчинскихъ лѣсахъ, а другіе подъ предводительствомъ Ястребова пробрались до Екатеринбурга, питаясь воровствомъ и разбоемъ, такъ какъ инымъ способомъ они не могли питаться, ибо вырванныя ноздри изобличали въ нихъ бѣглыхъ каторжниковъ. Ястребовъ велъ товарищей на Волгу, на вольное и «широкое раздолье», гдѣ онъ самъ родился и гдѣ съ самаго дѣтства какъ бы напитался традиціями понизовой вольницы. Разбойниковъ не тянуло ни въ далекій Архангельскъ, ни въ центральную Калугу, ни даже въ брынскіе лѣса, нѣкогда славившіеся своими удалыми добрыми молодцами; ихъ, напротивъ, тянуло на Волгу, гдѣ находили исходъ всѣ бродячія, не улегшіяся въ гражданскія формы безпокойныя, стихійныя силы русскаго народа, начиная отъ элементовъ нѣкогда вольнаго и преимущественно своевольнаго казачества, отъ Ермака Тимофеевича, Игнатки Некрасова, Стеньки Разина, Стеньки же Маноцкова, уцѣлѣвшихъ гайдамаковъ въ родѣ Дударенка, Дегтяренка, Шагалы и кончая Пугачовымъ, поповичемъ Заметаевымъ, поповичемъ Казанскимъ и напослѣдокъ каторжникомъ Ястребовымъ. Изъ Екатеринбурга Ястребовъ повелъ своихъ товарищей на рѣку Чусовую. Перебравшись черезъ Уральскій хре-

*) Вообще малороссіяне, потомки запорожцевъ и гайдамаковъ, играли не послѣднюю роль въ исторіи поволжской вольницы.

бѣтъ, разбойники у самыхъ верховьевъ Чусовой пріобрѣли себѣ лодку, купивъ ее, какъ показывали на допросѣ, у неизвѣстныхъ людей, а можетъ быть и украли, подобно тому, какъ украли ружья и прочее вооруженіе *). По Чусовой они вышли въ Каму, проплыли Пермь, Оханскъ, Осу и другіе города и выбрались на Волгу. Это громадное разстояніе отъ верховьевъ Чусовой до устьевъ Камы они должны были проплыть по возможности осторожно, воровски, питаясь тѣмъ что могла послать имъ судьба и добыть ко всему привычная воровская рука, скрывать свои рваныя ноздри и отъ чиновника и отъ мужика, ночевать вдали отъ селеній, по тальникамъ и по оврагамъ. На причалѣ, ниже Сенгилея, въ лѣсу, они сошлись еще съ однимъ бродягой, Матвѣевымъ, «который (какъ впослѣдствіи разбойники показывали на допросѣ), узнавъ о насъ настоящее, согласился ѣхать съ нами». Это былъ—надо полагать поэтому—«жигулевецъ», удалый добрый молодецъ съ Жигулевскихъ горъ, имѣвшихъ тоже немалое значеніе въ исторіи понизовой вольницы, не только въ прошломъ, но даже и въ нынѣшнемъ столѣтіи. «Настоящее», слѣдовательно, не испугало жигулевца—и онъ пошелъ въ шайку. Какими именно разбойными подвигами сопровождалось путешествіе шайки Ястребова отъ Нерчинска до Саратова, съ какими другими шайками сходилась шайка Ястребова и много-ли на долю этой послѣдней пришлось грабежей и убійствъ въ теченіи лѣта—этого разбойники не выдали на допросѣ. Но по всѣмъ видимостямъ 1811 годъ былъ для нихъ довольно удаченъ: у Ястребова, у бѣглаго каторжника, которому въ началѣ побѣга нечѣмъ было кормиться, къ концу лѣта скопилась значительная казна, такъ что шайка за одно пристанодержательство въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ могла заплатить до тысячи рублей — сумма, которой въ то время безъ сомнѣнія не платили даже за самыя дорогія губернаторскія квартиры. Подвиги шайки Ястребова нѣсколько разоблачаются уже въ предѣлахъ Саратовской губерніи, и то потому только, что разоблаченіе это послѣдовало помимо собственнаго желанія разбойниковъ. Изъ пока-

*)...«сняли съ пружинъ у тамошнихъ обывателей поставленныя на убой оленій ружья».

заній добрыхъ молодцовъ оказывается, что Куяниченко, онъ Шкваринъ, самъ пригласилъ ихъ въ свой домъ, когда ата шайки вмѣстѣ съ однимъ изъ товарищей явились на хуторъ ловый за покупкой припасовъ. Куяниченко, когда разбой «склонили» его поступить въ ихъ шайку, принялъ ихъ предло ніе, согласясь помогать тайнымъ намѣреніямъ разбойниковъ. другой день Ястребовъ и его товарищи вмѣстѣ пьянствовали Покровской слободѣ. Изъ слободы уже Куяниченко повезъ ихъ степь, въ самое глухое изъ урочищъ, въ Малый Гашонъ, гдѣ устроилъ имъ зимній притонъ. Землянка была возведена быстро потому что орудія для этой работы привезъ съ собой Куяниченко—топоры, желѣзныя и деревянныя лопаты—все это доставилъ разбойникамъ опытный Куяниченко. Полозья отъ саней, на которыхъ разбойники пріѣхали въ Малый Гашонъ, были поставлены въ землянкѣ вмѣсто дверныхъ косяковъ у входа въ притонъ. Тутъ же Куяниченко снова пропьянствовалъ съ разбойниками два дня и въ пьяномъ видѣ похвалялся своими разбойническими качествами и своею опытностью. Черезъ недѣлю Куяниченко пріѣхалъ въ разбойничій станъ съ цѣлою фурою припасовъ—пять ведеръ вина, куль печенаго хлѣба, сухари, болѣе двадцати пудовъ пшеничной муки, пшена на кашу, пороху, свинцу для жеребьевыхъ пуль и дроби. Оказалось, что это былъ человѣкъ бывалый, много видѣвшій на своемъ вѣку, не смотря на свою захолустную жизнь въ глухомъ хуторѣ. Куяниченко сознавался разбойникамъ, что назадъ тому лѣтъ семь или болѣе, по неудовольствію на голову Пономаренка, онъ намѣревался лишить его жизни, и уже накинулъ на него петлю, но только удушить не успѣлъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ (по случаю помѣшательства). Онъ прибавлялъ, что много видывалъ онъ «таковыхъ партей», что много гостило у него «добрыхъ людей», что «до двудесяти атамановъ» перебывало у него для «совѣта», и всѣмъ имъ онъ находилъ и «укрывательство» и «работу». Признаніе Куяниченка бросаетъ такимъ образомъ свѣтъ на состояніе всего Поволожья въ 1811 и 1812 годахъ: понизовая вольница, повидимому нѣсколько примолкшая въ первые годы царствованія Александра I, къ 12 году встала съ новой силой и наводнила собою [illegible] край, пре-

существенно, кажется, лѣвое Заволжье, гдѣ шайкамъ вольницы удобнѣе было скрываться, и изъ пасущихся тамъ табуновъ выбивать для себя походныхъ коней, какъ это и дѣлала шайка Ястребова. Косныя лодки въ это время повидимому стали выходить изъ моды у разбойниковъ, потому что за Волгой и за ходомъ по ней каравановъ все болѣе и болѣе начало сторожить правительство, и къ коснымъ лодкамъ добрые молодцы стали прибѣгать только въ крайней необходимости или по особымъ разсчетамъ. Одинъ Куяниченко насчитываетъ до двадцати «партей» и до двадцати атамановъ—слѣдовательно все Поволжье могло насчитывать сотни партій понизовой вольницы. Изъ показаній разбойниковъ обнаруживается также, что Куяниченко во время посѣщенія разбойничьяго стана давалъ шайкѣ нѣкоторые совѣты и по его указаніямъ разбойники потомъ, съ наступленіемъ весны, совершили нападеніе на Покровскую слободу, собственно на домъ головы Пономаренка, и на хуторъ Баланды. Въ землянкѣ своей разбойники провели цѣлую зиму, никуда не отлучаясь, потому что у нихъ было всего вдоволь—и «горячаго вина», и хлѣба, и сухарей, и свиного сала и другихъ припасовъ, да и самая степь съ небольшимъ лѣскомъ по оврагу Гашонъ давала имъ возможность охотиться на зайцевъ и на зимнюю птицу. Только разлитіе водъ выгнало ихъ изъ землянки, и хотя еще было довольно холодно однако они вышли въ степь въ концѣ великаго поста, на вербной недѣлѣ. До пасхи они скитались по степи, «питаясь (какъ сами они говорили потомъ) остальнымъ хлѣбомъ и битыми изъ ружей дикими гусями, вареными въ бывшемъ съ ними котелкѣ». На пасху, по совѣту Куяниченка, разбойники направились черезъ степь въ хуторъ Баланды, стоявшій на рѣкѣ Караманѣ, въ уединенномъ мѣстѣ. Хуторъ этотъ они ограбили, выбрали себѣ изъ табуна лошадей, захватили верховую конскую упряжь, сѣдла, узды, пороху, свинцу, съѣстныхъ припасовъ, и снова потянулись въ степь, ища новой добычи. Они добрались до Узеней. На Ямахъ они напали на партію рекрутъ, взяли у этой партіи общественныя деньги, приглашали молодыхъ рекрутъ идти съ ними на вольное, разбойное дѣло, хотя никто изъ рекрутъ на призывъ разбойниковъ не пошелъ, не смотря даже и на то, что разбойники рас-

ковали тѣхъ изъ новобранцевъ, которые закованы были изъ желѣза. Далѣе слѣдуетъ нападеніе на табунъ, поѣздка на Ерусланъ, посѣщеніе хутора Зимы, ссора съ жигулевскимъ разбойникомъ, происшедшая во время гульни въ степи. Жигулевецъ, усыпленный отъ излишняго употребленія «горячаго вина», брошенъ имъ на дорогѣ на произволъ судьбы *). Затѣмъ—возвращеніе къ Волгѣ, нападеніе на Покровскій городокъ, истязаніе жены Пономаренка и сына, грабежъ дома. Часовой, поставленный разбойниками у воротъ дома Пономаренка, ружейными выстрѣлами устрашалъ и останавливалъ малороссіянъ, которые по набатному звону колокола сбѣгались на мѣсто происшествія. Не смотря на общую тревогу, разбойники успѣли навьючить своихъ лошадей награбленнымъ имъ добромъ и благополучно выбраться изъ «городка Покровскаго» въ степь. Дорога разбойникамъ лежала на югъ, и они отправились чрезъ Узморскую слободу на нѣмецкія колоніи. Ѣхали они уже наряженные въ богатое платье головы Пономаренка и пьянствовали при первой возможности, не особенно стѣсняясь присутствіемъ нѣмцевъ: денегъ у нихъ было довольно, кони добрые, оружіе хорошее, а о будущемъ они не думали. Они позволяли себѣ даже изысканныя удовольствія: такъ около колоніи Березовой они взяли пастуха конскихъ табуновъ, нѣмца, «усильствомъ», напоили его до пьяна французской водкой и заставили плясать—и нѣмецъ выплясывалъ по степи, въ виду своего табуна, въ угоду развеселившимся удалымъ добрымъ молодцамъ. За пляску дали нѣмцу «худой тафтяной платокъ». Разбойники вездѣ дѣйствовали самоуправно, не боясь народа. Колонистовъ они заставляли дѣлать все что имъ было угодно, и цѣлыя колоніи не смѣли имъ сопротивляться, вѣроятно принимая ихъ, по ихъ богатому одѣянію, за людей вліятельныхъ, не смотря на то, что у нихъ ноздри были рваны. Впрочемъ, за работу и за послугу разбойники платили деньгами: такъ въ колоніи Куксъ они принудили колонистовъ перевезти ихъ на нагорный берегъ Волги въ разшивѣ, принадлежавшей бурлакамъ, но бурлаковъ не обидѣли, а напротивъ заплатили за разшиву десять

---

*) Тѣмъ не менѣе атаманъ оставилъ покинутому имъ товарищу небольшую сумму денегъ—разбойничья честность!

ублей. Заѣзжая къ ловцамъ, они брали у нихъ рыбу, но въ то
е время давали и деньги какъ-бы въ награду за послушаніе.
акъ они поступили и съ рыбаками села Ахмата и колонистами
олоній Севастьяновки и Антоновки. Но разбойники не подозрѣва-
и, что по пятамъ ихъ слѣдуетъ погоня—казаки, малороссіяне и
олонисты. За Антоновкой разбойники остановились въ лѣсу на
оздыхъ и стали варить себѣ уху изъ купленныхъ у рыбаковъ
стерлядей. Лошади ихъ паслись въ томъ-же лѣсу. Наскакала по-
оня. Завязалась жаркая перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ. Разбой-
ники стрѣляли пулями и картечью, подъ которой, вѣроятно, надо
азумѣть неправильные жеребьи, нарѣзываемые изъ свинцовыхъ
олосъ *). Стычка кончилась не въ пользу разбойниковъ, потому
то численное превосходство было на сторонѣ ихъ противниковъ.
Атаманъ, весь покрытый ранами, отдался въ руки преслѣдовате-
ей. Раненые, избитые и истомленные продолжительной борьбой
азбойники также принуждены были сдаться. Мы видѣли уже, что
таманъ скоро умеръ отъ ранъ и похороненъ въ Ахматѣ, а дру-
іе разбойники привезены въ Саратовъ. Но прежде отправки ихъ
ъ Саратовъ, на мѣсто происшествія командированы были изъ гу-
ернскаго города доктора. По свидѣтельству ихъ оказалось, что
аны разбойниковъ не смертельны. Изъ числа раненыхъ колонис-
овъ одинъ 60-лѣтній старикъ Эйхнеръ не подавалъ надежды къ вы-
доровленію: онъ былъ прострѣленъ и избитъ, и даже одинъ глазъ
ылъ поврежденъ ружейнымъ выстрѣломъ. Другіе раненые коло-
нисты—Мецгеръ, Бауеръ, Кайзеръ и Боппъ находились внѣ опас-
ности, и имъ подано было медицинское пособіе со стороны пріѣ-
хавшихъ изъ Саратова штабъ-лекаря Константиновича и доктора
Эглау. Послѣ схватки и побѣды надъ разбойниками, имущество
ихъ, особенно же цѣнное, почти все было растащено колонистами;
но и оставшагося въ цѣлости было не мало. Кромѣ лошадей, ору-
жія и конской сбруи, тутъ были и женскіе медальоны, и женскія
дорогія серьги, дорогіе золотые и серебряные кресты, чашки, лож-
ки и куски червоннаго золота, оцѣненные въ 120 рублей. Въ то

*) ... Стрѣляли въ тѣхъ колонистовъ и малороссіянъ пулями и картечью
й.

время когда разбитая и переловленная шайка атамана Ястре-
допрашиваема была въ Саратовѣ, за Волгой производились ро-
ки какъ остатковъ этой шайки, такъ и другихъ разбойнич-
партій. Посланные изъ Покровской слободы для развѣдыванія м-
лороссіяне Шапранъ и другіе принесли извѣстіе, что «во вр-
ихъ поиска нашли слѣды и даже слухи о нахожденіи въ луго-
сторонѣ, въ глухомъ и весьма отдаленномъ мѣстѣ отъ означен-
слободы, разбойниковъ верхами на лошадяхъ, вооруженныхъ ружь-
ми, пистолетами, саблями и дротиками; но по малости числа м-
россіяне преслѣдовать тѣхъ разбойниковъ не могли, стремле-
коихъ, по слуху, должно быть внизъ около рѣки Волги».

Послали погоню и за этой новой партіей, но найдти ее ни-
не могли. Конныя шайки дѣлали свои переѣзды слишкомъ быстр-
и легко могли рыскать незамѣченными или принимаемые за н-
зацкіе отряды, переходя то на возвышенный сыртъ дальняго З-
волжья, то на плоскую возвышенность волжско-медвѣдицкаго м-
дораздѣла, гдѣ и встарь было такое приволье для сухопутны-
шаекъ понизовой вольницы, отъ Волги доходившей до рѣки В-
роны и далѣе. Другую развѣдочную партію малороссіянъ посла-
на мѣсто бывшаго притона шайки атамана Ястребова, къ Гашо-
скимъ вершинамъ, гдѣ должны были, какъ предполагали власти,
оставаться еще два разбойника этой-же шайки. Разъѣздная пар-
тія воротилась съ поисковъ и привезла свѣдѣнія: «По прибыті-
нашемъ къ оному урочищу, усмотрѣли мы, что разбойническая зем-
лянка уже сожжена неизвѣстно кѣмъ, на развалинахъ которой н-
чала уже выростать трава, близъ мѣста землянки имѣются свѣжіе
конскіе слѣды, которые, начинаясь отъ сего мѣста, продолжались
по ерику Гашону внизъ онаго по примѣру верстъ въ восемь, по-
томъ замяты пасущимися тамъ табунами малороссійскаго скота. По-
чему, не зная, въ которую они сторону обратились и по неполученіи
ни отъ кого по развѣдыванію нашему о томъ извѣстія, мы, объѣздивъ
въ многія мѣста, преслѣдованіе оставили. Проѣзжая по слѣдамъ сихъ,
легко было намъ примѣтить по влажнымъ мѣстамъ, что лошадей было
четыре и столько-же на нихъ человѣкъ, ибо гдѣ они останавлива-
лись для роздыху, тутъ примѣтныя по смятой травѣ мѣста лежа-
нія ихъ. А что они должны быть подобны прежде поймaннымъ

разбойникамъ и можетъ быть товарищи ихъ, можно заключить изъ того, что пріѣзжали на мѣсто убѣжища разбойниковъ, куда никто ни зачѣмъ ѣздить надобности не имѣетъ, равно изъ показанія тамъ живущимъ при рѣчкѣ Еруслапѣ малороссіяниномъ Василіемъ Зимою, что саратовскаго купца Павла Канина работникъ, въ проѣздъ къ рѣчкѣ Узеню, говорилъ ему, что разстояніемъ отъ урочища Гашона верстахъ въ 15 видѣлъ онъ четырехъ человѣкъ, вооруженныхъ огнестрѣльными орудіями, разъѣзжающихъ по степи верхами, кои и отняли было у него арчакъ, но когда увидѣли, что оный за ветхостью неспособенъ, бросили оной, а сами уѣхали». За этой партіей снова послали сыскную команду; но какъ и предыдущія двадцать «партей» съ ихъ двадцатью атаманами, о которыхъ говорилъ Куяниченко, такъ и эта партія изчезла безслѣдно, можетъ быть продолжая рыскать по степямъ Заволжья, или находя себѣ «удобные притоны и работу» на болѣе населенной нагорной сторонѣ. Для окончательнаго уясненія нападенія шайки Ястребова на Покровскую слободу взяты были личныя показанія головы Пономаренка, его жены и матери, исключительно пострадавшихъ во время нападенія.—«Сего мая 1-го числа вечеромъ находился я по должности моей въ громадскомъ правленіи (показывалъ Пономаренко), откуда уже въ десятомъ часу пополудни пошелъ домой съ десятникомъ малороссіяниномъ Семеномъ Зимою, но, не доходя на небольшое къ оному разстояніе, услышалъ топотъ бѣгущихъ необычайно людей и говорящихъ между собой, что въ домѣ моемъ разбойники. Я чрезвычайно сему удивясь, а особливо услыхавши уже выстрѣлъ, послалъ того десятника Зиму къ дому моему, о семъ происшествіи извѣстясь, увѣдомить меня, а самъ остановился отъ ихъ дому двора черезъ два. Десятникъ Зима, немедленно возвратясь ко мнѣ уже съ сотникомъ Степаномъ Козорѣзомъ, сказалъ, что домъ мой грабятъ воры, стрѣляя при томъ изъ ружей, присовокупляя, что ихъ должно быть не малое число, но за темнотою ночи ничего не видно. Между тѣмъ я слышалъ множество бѣгущихъ людей къ дому моему и отъ онаго, но также по темнотѣ никого изъ оныхъ именно примѣтить не могъ. Сколько встревоженный симъ случаемъ разсудокъ мой, да и самая опасность жизни моей мнѣ внушили, я приказалъ сему-жъ десятнику

и сотнику Козорѣзову бѣжать по разнымъ улицамъ, крича, [illegible] вать у обывателей помощи въ защитѣ отъ грабежа дому [illegible] поимкѣ самихъ разбойниковъ; но видя или болѣе слыша [illegible] вающихъ къ дому моему и обратно, устрашась выстрѣловъ [illegible] щихъ, потерялъ въ томъ надежду. Явившимся обратно [illegible] десятнику и сотнику опять приказалъ послать по церквамъ [illegible] въ колокола тревогу, а самимъ всемѣрно понуждать обы[illegible] къ подачи помощи. Напослѣдокъ, когда уже бито было въ [illegible] узналъ я, что разбойники изъ дому моего выѣхали. Я пошелъ [illegible] оный и увидѣлъ пріѣхавшаго въ то только время изъ [illegible] брата моего, малороссіянина Ивана-жъ Пономаренко, [illegible] лѣвъ ѣхать для преслѣдованія бывшихъ въ домѣ моемъ разбой[illegible] никовъ, взявъ съ собою кого поскорости будетъ можно; атаману [illegible] Василію Зорѣ, ко мнѣ тогда явившемуся, также приказалъ от[illegible] вить въ самой поспѣшности въ разныя стороны для поимки тѣхъ разбойниковъ потребное число людей, снабдя ихъ верховыми [illegible] шадьми и орудіями, какія отыскать будетъ можно, и извѣстить [illegible] семъ живущихъ въ хуторахъ и слободѣ Узморской малороссіянъ, также и разныхъ колоній колонистовъ. Учиня таковое распоряже[illegible] ніе, вошелъ въ горницу, гдѣ увидѣлъ жену мою отъ безчеловѣ[illegible] наго истязанія въ обморокъ падшую. По приведеніи ее черезъ [illegible] малое время въ чувство, она разсказала, какимъ образомъ разбой[illegible] ники, нечаянно вбѣжа въ домъ мой, страхомъ и побоями прину[illegible] дили ее отдать имъ деньги и показать разное имущество и платье. Въ соучаствованіи-жъ въ грабежѣ моего дома изъ малороссіянъ моего вѣдомства ни на кого я подозрѣнія не имѣю». Жена Пономаренка говорила: «Перваго мая вечеромъ поздно находился мужъ мой въ громадскомъ правленіи, почему и была я въ домѣ только одна съ малолѣтнимъ сыномъ моимъ Гавриломъ и свекровью Марьею Экимовою и во время ужина увидѣвъ вбѣжавшаго нечаянно и съ великою поспѣшностью сперва одного человѣка великаго росту и страшнаго вида, съ вырванными ноздрями, въ пестромъ халатѣ, имѣющаго въ одной рукѣ пистолетъ и стрэмящагося прямо на насъ, крайне испугалась. Сей человѣкъ и еще другой не большого росту, видомъ черноватый, тутъ же оказавшійся, связавъ меня и приставивъ ко мнѣ пистолеты, требовали отдать имъ деньги

и показать платье и прочее имущество, угрожая въ противномъ случаѣ меня убить. Я, видя, что они разбойники, и бывъ въ совершенной опасности о моей жизни, принуждена была приказать сыну моему, что-бы онъ, сыскавъ ключи, показалъ имъ платье и разное имущество. Но разбойники, не дожидая сего, внеся бревно разбили шкафъ, въ которомъ находилось разное платье, деньги и имущество, которое они ограбили. Во время грабежа разбойники причинили мнѣ и сыну моему Гаврилѣ удары разными имѣвшимися въ рукахъ ихъ орудіями, надѣвъ на сего послѣдняго на шею петлю изъ ремня и водя то за сей ремень, то за волосы по горницѣ для показыванія вещей. Свекровь мою одинъ изъ разбойниковъ ударилъ прикладомъ ружья, отчего она упала, но опамятовавшись ушла въ окно въ сосѣдній домъ малороссіянина Аврама Вергуна. Сіи два разбойника были вооружены ружьями, саблями, пистолетами и кинжалами. Мы, бывшіе въ горницѣ, слышали на дворѣ частые ружейные выстрѣлы, а когда послѣдовалъ колокольный звонъ, тогда разбойники съ ограбленнымъ имѣніемъ съ поспѣшностью изъ дома нашего удалились. Сколько-жъ числомъ было всѣхъ разбойниковъ, того я не знаю».—«Когда вбѣжали въ горницу разбойники и производили грабежъ имущества (показывала наконецъ свекровь Пономаренка), тогда я получила отъ одного изъ нихъ ударъ прикладомъ ружья, отъ коего упала въ безпамятствѣ, но прійденіи-жъ въ чувство, ушла изъ горницы въ окно въ сосѣдній дворъ малороссіянина Аврама Вергуна, въ коемъ случившимся зятю его малороссіянину Тихону Быковченку и сыну Василію Вергуну объявя о происходящемъ въ домѣ сына моего, просила ихъ бѣжать въ громадское правленіе и дать оному о томъ знать. Почему они въ то-же самое время въ оное и бѣжали, а сама я оставалась въ домѣ Вергуна до совершеннаго прекращенія безпокойствія». Три года сидѣли разбойники въ острогѣ, пока тянулось объ нихъ дѣло. Наконецъ, вышло имъ рѣшеніе: спины, уже испытавшія кнутъ передъ первой ссылкой, снова выдержали по двѣсти ударовъ того же кнута; рваныя ноздри снова были вырваны; на лицахъ ихъ, уже отмѣченныхъ «штемпелевыми знаками», снова поставлены эти знаки для большей наглядности, подобно тому, какъ землемѣръ возобновляетъ ветхіе межевые знаки. Въ

свою очередь Куяниченко, какъ руководитель въ нѣкоторой сте-пени шаекъ понизовой вольницы, получилъ двѣсти пятьдесятъ ударовъ кнутомъ *), жена его—пятьдесятъ; и тотъ и другая лиши-лись ноздрей, и тотъ и другая отмѣчены позорными клеймами, и всѣ сосланы на каторгу, только ужъ не въ Нерчинскъ, а въ Херсонъ, гдѣ въ то время производились каторжныя работы. Такъ распалась одна изъ тѣхъ двадцати поволжскихъ шаекъ понизовой вольницы, которыя приходилось знавать Куяниченкѣ и давать имъ не только убѣжище, но и «работу».

IV.

Но распаденіе шаекъ не было ихъ конечнымъ уничтоженіемъ. Погибали ихъ атаманы, какъ погибъ Ястребовъ въ схваткѣ съ своими преслѣдователями, многіе пропадали безъ вѣсти, многіе шли въ каторгу, и снова бѣгали оттуда; вмѣсто бывшихъ атамановъ выбирались новые; вмѣсто выбывшихъ рядовыхъ разбойниковъ находились новые товарищи, которые искали своей доли либо въ камышахъ, либо въ вольной степи, либо въ темномъ лѣсу, да на поволжскомъ широкомъ раздольѣ. Такъ было и въ 12-мъ году. Наводненіе въ этомъ году Поволжья разбойничьими шайками объясняется, кромѣ общаго неудачнаго хода исторической жизни русскаго народа, еще и тѣмъ, что ожиданіе нападенія на Россію Наполеона I требовало особеннаго напряженія силъ государства, а усиленные рекрутскіе наборы вызывали усиленные побѣги рекрутъ уже забритыхъ или тѣхъ, которыхъ ждала рекрутская очередь. Вотъ нѣсколько случаевъ проявленія усиленнаго движенія понизовой вольницы въ это время. Лѣтомъ 12-го года огромная партія солевозцевъ возвращалась съ солью отъ Элтона къ Саратову. 15 іюня вечеромъ партія эта остановилась въ степи на ночлегъ и на кормъ воловъ, и по обык-

*) Куяниченко, значитъ, подвергся болѣе жестокой казни, чѣмъ сами

новенію того времени, столь безпокойнаго, расположилась по военному—«таборомъ». Впрочемъ, такъ какъ солевозцы были малороссіяне, то они въ расположеніи своихъ обозовъ «таборами» руководствовались конечно преданіями и воспоминаніями, вынесенными изъ своей родины, гдѣ сосѣдство татаръ и всякихъ хищниковъ научило не только запорожцевъ, но и простыхъ чумаковъ солевозцевъ, рыбовозцевъ, всякую остановку въ дорогѣ дѣлать «таборомъ». Фуры обыкновенно ставились въ кругъ или въ каре, плотно, фура къ фурѣ, а въ серединѣ обыкновенно собирались чумаки и варили себѣ на треногахъ кашу. Въ этотъ кругъ, какъ и въ майданъ или на городскую площадь, сходилось все общество чумаковъ, а на внѣшней сторонѣ табора становились часовые или просто пастухи и «подпаски» съ своими помощниками и ночными дозорцами—собаками, и сторожили воловъ, пасшихся въ сторонѣ отъ табора. Во время нападенія хищниковъ, волы сгонялись въ кругъ табора, гдѣ находились и сами чумаки, и защищаемые фурами, весьма стойко принимали и удачно отражали нападеніе непріятеля, стрѣляя въ нападающихъ изъ-за своихъ фуръ, нерѣдко укрѣпляемыхъ «полстями», т. е. кошмами или толстыми войлоками, сквозь которые не всегда могла прострѣлить пуля. Такимъ образомъ остановилась въ заволжской степи партія солевозцевъ, возвращавшаяся съ Элтона. Ночью, когда весь таборъ уже спалъ, чумаки разбужены были ружейными выстрѣлами, раздавшимися въ той сторонѣ, гдѣ паслись ихъ волы подъ надзоромъ «еще не бывшихъ доселѣ въ ходкѣ молодыхъ ребятъ». Затѣмъ послышались крики «подпасковъ», призывавшихъ чумаковъ на помощь. Многіе чумаки, «съ великою поспѣшностью вооружась кто имѣлъ кіями, дротиками и огнестрѣльными орудіями», бросились на призывъ подпасковъ, и увидѣли, что «невѣдомые люди, числомъ по примѣру болѣе десяти, верхами и яко-бы въ военномъ одѣяніи, съ немалою стремительностью завернувъ по степѣ воловъ гнали». Чумаки бросились на перерѣзъ хищникамъ и стали кричать имъ, «чтобъ воловъ ихъ не трогали и отъ табора въ степь не отбивали». Невѣдомые люди отвѣчали выстрѣлами, и одного изъ чумаковъ «пулею пониже локтя въ правую руку прострѣломъ ранили». Другіе изъ нихъ бросились на таборъ и, подскакавъ раз-

стояніемъ не болѣе какъ на двѣ фуры, закричали:—Кто обозу атаманъ? Малороссіяне, помня преданіе и даже порядки своей родины, нѣкогда свободной Малороссіи и Запорожья, даже и по переселеніи въ великую Россію удержали нѣкоторые изъ своихъ общественныхъ порядковъ: такъ они не только избирали атамановъ въ своихъ новыхъ селеніяхъ и отдавали имъ въ руки, на правахъ выборнаго начала, управленіе общественными дѣлами, но они сохранили этотъ обычай и въ другихъ случаяхъ, гдѣ примѣнимы были или артельныя или общинныя начала, какъ напримѣръ—во время чумацкихъ ходокъ они иногда избирали себѣ атамана, который и заправлялъ дѣлами всего обоза въ качествѣ начальника или капитана на пароходѣ.—Кто обозу атаманъ? повторяли невѣдомые люди, остановившись передъ таборомъ и «угрожавая дротиками и саблями». Изъ табора никто не отвѣчалъ.

— Кто между вами старшина, тотъ выходи изъ табора, снова сказали неизвѣстные люди.

— А вы что за люди? отвѣтили изъ табора.

— Мы люди вольные, и вамъ волю привезли, говорили неизвѣстные хищники.

— Намъ вашей воли не надобно, отвѣчалъ изъ табора малороссіянинъ Семенъ Дудникъ, бывшій атаманомъ обоза.—Ступайте своею дорогой и насъ не трогайте, какъ мы васъ не трогаемъ.

Неизвѣстные люди настаивали на томъ, чтобы къ нимъ изъ табора выслали атамана. Но Дудникъ не выходилъ, «опасаючися за свою жизнь». Тогда неизвѣстные люди открыли по табору «нестерпимую ружейную пальбу». Изъ табора также отвѣчали выстрѣлами изъ «имѣвшихся у нѣкоторыхъ чумаковъ винтовокъ и дробовиковъ». Хотя перестрѣлка продолжалась не долго, однако чумаки, «опасаясь быть на смерть побитыми», уговорили атамана выйдти къ разбойникамъ и спросить ихъ, чего они требуютъ отъ обоза. Дудникъ вышелъ. Одинъ изъ «нападающихъ, по видимости атаманъ оной разбойнической партіи, поздоровкавшися съ нимъ, Дудникомъ, и назвавъ его по имени и отчеству», спросилъ:—много-ли у васъ громадскихъ денегъ? Дудникъ отвѣчалъ, что у нихъ въ обозѣ громадскихъ денегъ нѣтъ. Тогда одинъ изъ разбойниковъ громко сказалъ:

— У дяди Дудника всегда деньги бывали—онъ человѣкъ достаточный.

«По симъ рѣчамъ оными чумаками опознанъ былъ малороссіянинъ Узморской слободы Максимъ Середенко», говорится въ объявленіи, поданномъ чумаками въ громадское правленіе Покровской слободы. Какъ оказалось, Максимъ Середенко былъ отданъ въ послѣдній наборъ въ рекруты, бѣжалъ изъ Саратова вмѣстѣ съ другими новобранцами, поступилъ потомъ въ одну изъ шаекъ понизовой вольницы и по голосу былъ опознанъ чумаками въ числѣ прочихъ разбойниковъ. Дудникъ снова говорилъ, что у него нѣтъ ни своихъ, ни громадскихъ денегъ и просилъ разбойниковъ возвратить обозу отогнанныхъ у него воловъ. «Неправду сказываетъ дядя Дудникъ, снова закричалъ изъ шайки разбойниковъ Середенко:— у него деньги задолблены въ важницѣ». Надо замѣтить, что малороссійскіе чумаки, отправляясь куда-либо въ далекій извозъ («въ ходку») «въ дорогу»—на Манычъ-ли за солью, или на Донъ за рыбой, или въ Крымъ, или на Элтонъ, имѣли обыкновеніе прятать находившіяся съ ними въ дорогѣ деньги такъ, чтобы никто не могъ догадаться о мѣстѣ ихъ нахожденія. Имѣть при себѣ деньги считалось неосторожнымъ въ виду частыхъ опасностей отъ воровъ и разбойниковъ; также неосторожнымъ считалось зашивать деньги куда-либо въ платье. Самымъ безопаснымъ способомъ храненія денегъ въ дорогѣ считался слѣдующій: отправляясь въ ходку, чумакъ обыкновенно просверливалъ или продалбливалъ у своей фуры оглоблю (у конной фуры) или важницу (у фуры воловьей), такъ чтобы въ это продолбленное мѣсто можно было спрятать деньги,—и оттого у чумаковъ до сихъ поръ въ обычаѣ особенно тщательно беречь свои важницы. Вотъ на это-то обстоятельство указывалъ и разбойникъ Середенко. По этому указанію разбойники требовали у Дудника выдачи важницы. Дудникъ и тутъ не послушался. Тогда разбойники «мучительски его тиранили», т.-е. били нагайками и «имѣвшимися у нихъ сыромятными путами», заставляли выдать не только важницу, въ которой, когда ее изрубили, ничего не оказалось, но и деньги триста двадцать пять рублей, которыя хранились въ самой фурѣ. Получивъ деньги, разбойники оставили у себя одного только вола, вѣроятно себѣ въ

пищу, и не сдѣлавъ больше никакого вреда чумакамъ, скрылись въ степи. Возвратившись въ Покровскую слободу, чумаки подали въ громадское правленіе объявленіе о нападеніи на нихъ обывателей разбойниковъ. Громадское правленіе донесло объ этомъ въ Саратовъ. Посланы были розыски во всѣ заволжскія мѣста и по нагорной сторонѣ Волги. Но разбойники исчезли безслѣдно. Около этого-же времени много надѣлала шуму въ Поволжьѣ одна разбойничья шайка, атаманомъ которой былъ поповичъ. Участіе поповичей въ дѣлахъ понизовой вольницы—явленіе не новое и весьма характеристическое, на которое мы и обратили вниманіе въ одной изъ прежнихъ нашихъ монографій *). Явленіе это до сихъ поръ еще не было подмѣчено ни однимъ изъ русскихъ историковъ, а оно стóитъ того, чтобъ исторія выяснила всѣ фазисы его развитія его источникъ и всѣ его видоизмѣненія, имѣющія важное значеніе въ исторіи русскаго общества. Явленіе это представляетъ такіе крупные, ярко выдающіеся рельефы въ историческомъ прошломъ русскаго народа, что наглядно обрисовываетъ, при тщательномъ изслѣдованіи его, весь процессъ государственной жизни Россіи. Не вдаваясь въ дальнѣйшее развитіе этого вопроса (такъ какъ онъ, только косвенно относясь къ содержанію нашей настоящей статьи, долженъ быть избранъ предметомъ особаго изслѣдованія) мы считаемъ необходимымъ указать лишь на то, что знаменитый Заметаевъ, котораго правительство оффиціально называло «чудовищемъ» и который послѣ Пугачова взволновалъ было все юго-восточное Поволжье, былъ сынъ дьячка; что однимъ изъ весьма опасныхъ агитаторовъ того-же времени былъ поповичъ Казанскій (изъ Камышина), поднявшій на ноги калмыковъ, киргизъ-кайсаковъ, волжскихъ казаковъ и поволжскихъ бурлаковъ, и что, наконецъ, въ рѣдкой шайкѣ понизовой вольницы прошлаго вѣка не было дѣятельныхъ агентовъ изъ поповичей—или сынъ попа, или сынъ протопопа, или дьячковскій сынъ и т. д. Въ 1807 году, изъ Николаевскаго городка, что противъ Камышина, за Волгой, заселеннаго въ прошломъ вѣкѣ выходцами изъ Украины, бѣжалъ сынъ тамошняго попа Ильина, Данило Ильинъ. Повидимому онъ былъ

---

*) «Участіе семинаристовъ въ народныхъ движеніяхъ прошлаго вѣка».

преслѣдуемъ въ своемъ городкѣ за буйственный характеръ и неповиновеніе какъ отцу, такъ и мѣстнымъ властямъ. Четыре года пропадалъ поповичъ и на родину объ немъ не приходило ни какихъ вѣстей. Впослѣдствіи оказалось, что онъ всѣ четыре года мыкался по Поволжью и за границей. Бѣжавъ изъ родительскаго дома и подделавъ себѣ фальшивый паспортъ, онъ подъ именемъ крестьянина Семена Петрова поступилъ на судно (на разшиву) астраханскаго купца Хлѣбникова въ качествѣ бурлака и на этомъ суднѣ сплылъ до Астрахани. «Намѣреніе мое было (говорилъ впослѣдствіи Ильинъ на допросѣ) какимъ ни на-есть способомъ пробратца въ Персію и обогатясь тамъ выдтить обратно въ Россію, а есть-ли сіе не удастся, то, половивъ, какую попадется, богатую княжну персицкую, на которой женясь и получа богатое приданое, навсегда въ Персіи остатца. Есть-ли въ Персіи мнѣ не посчастливится, то думалъ сдѣлатца таковымъ же, какъ былъ Стенька Разинъ, и подговоря охотныхъ людей, коихъ въ Астрахани довольно шетаетца безъ дѣла и промыслу, намѣревался съ оными разбивать корабли персицкіе съ товарами». Планы поповича были такимъ образомъ очень широкіе, только исполненіе ихъ, особенно въ девятнадцатомъ вѣкѣ, было уже не такъ легко, какъ это могло быть въ семнадцатомъ, даже въ восемнадцатомъ вѣкѣ, при Пугачовѣ и до него. Судьба и слава Стеньки Разина были, какъ видно, очень заманчивы въ глазахъ поповича, и безъ сомнѣнія съ исторіей Разина онъ познакомился по народнымъ пѣснямъ, очень распространеннымъ по всему юго-востоку Россіи. Какъ-бы то ни было, Ильинъ пробрался въ Астрахань, а оттуда на какомъ-то «морскомъ суднѣ» одного персіянина ему удалось попасть и въ Персію. Надо полагать, что въ Персіи онъ не нашелъ того, чего искалъ—ни богатства, ни персидской княжны, ни возможности сдѣлаться новымъ Стенькою Разинымъ. Во всякомъ случаѣ, онъ умалчиваетъ о своей жизни и о своихъ похожденіяхъ за границей, а говоритъ, что «проживши тамъ съ годъ времени въ работникахъ, скучился по своей сторонѣ и обратно прибылъ въ Астрахань». Работая на рыболовныхъ ватагахъ, Ильинъ сошелся съ нѣкоторыми изъ личностей, недовольныхъ своимъ положеніемъ и искавшихъ выхода куда-бы то ни было изъ своей незавидной доли,

и задумалъ вмѣстѣ съ ними выбиться изъ унизительной роли ватажнаго рабочаго, если уже ему не суждено было сдѣлаться вторымъ Стенькою Разинымъ. Весною 1810 года поповичъ завербовалъ себѣ до двадцати человѣкъ охотниковъ, которые и выбрали его своимъ атаманомъ «съ общаго согласія». Въ день избранія атамана, эта вновь сформированная шайка, по указанію ватажнаго работника Луки, безъ отчества и фамиліи, и подъ начальствомъ новаго атамана, руководившаго первой разбойничьей экспедиціей, напали на рыболовную ватагу купца Крюкова, ограбили ее, взяли съѣстные припасы, ружья, порохъ и нѣсколько кусковъ свинцу на пули, тутъ-же захватили «старую мѣдную пушку съ клеймомъ», двѣ лодки, боченокъ водки, двухъ телокъ, и, размѣстившись на этихъ двухъ захваченныхъ лодкахъ, отъѣхали на ближайшій островъ «Причемъ никто изъ ватажанъ ни убитъ, ни раненъ не былъ». На острову разбойники зарѣзали и сжарили обѣихъ телокъ, взятыхъ на ватагѣ, устроили себѣ пиршество, и въ эту-же ночь отправились вдоль морского побережья. Въ теченіи двухъ дней поповичъ со своею шайкою ограбилъ еще нѣсколько ватагъ, увеличилъ запасъ оружія и продовольствія, пріобрѣлъ въ артельную казну до пятисотъ рублей, три пушки, много цѣннаго платья, и вывелъ свою маленькую флотилію, состоявшую изъ пяти лодокъ, при сорока и болѣе разбойникахъ, въ открытое море. Въ первый-же день вывода своей флотиліи въ море, поповичъ напалъ на шедшее по направленію изъ Астрахани морское судно и далъ первое морское сраженіе. «Выпаля изъ пушекъ и окружа оное судно, я взошелъ на него съ моею командою, но смертнаго убійства не чинили, а только экипажъ и начальника судна связали, деньги-жъ, а равно все для моей команды пригодное взяли и между собою подѣлили». говорилъ поповичъ на допросѣ, повидимому даже кичась своими подвигами и «своею командою». Второе морское сраженіе съ персидскимъ судномъ поповичъ имѣлъ въ виду Тюленьяго острова; но судна этого не взялъ «за быстрымъ онаго ходомъ и за сильною въ меня пушечною пальбою, которою одна въ моей командѣ лодка и потоплена въ морѣ, изъ коей мною спасены только два человѣка»

образомъ осталось всего четыре лод-

ки долго крейсировали вдоль

морского берега, а потомъ въ виду того, что «на всѣхъ ватагахъ нами много шуму было надѣлано», говорилъ атаманъ, «я повелъ свою команду къ трухменскимъ берегамъ, думая тамъ переждать нѣкоторое время, доколѣ молва о нашихъ разбояхъ не утихомирится». Но молва, повидимому, «не утихомирилась». Когда разбойники, придерживаясь берега, пробирались около волжско-каспійскаго берега, то у Долгой косы они столкнулись съ двумя «казенными баркасами», которые были вооружены пушками, и здѣсь, у этой косы, поповичъ-атаманъ долженъ былъ выдержать третье морское сраженіе.

— Мои пушки осилили, и оные баркасы, поворотя, за косою скрылись, признавался впослѣдствіи атаманъ-поповичъ въ своихъ подвигахъ. Оттуда атаманъ провелъ свою шайку вдоль лѣваго морского побережья, причемъ разбойники заходили иногда на ватаги «по знаемости оныхъ нѣкоторымъ команды моей людямъ», какъ выражался атаманъ-поповичъ, и тамъ запасались хлѣбомъ и другими припасами, когда шайка начинала чувствовать въ нихъ недостатокъ. Такъ она прошла до устья рѣки Урала, и миновавъ Гурьевъ городокъ, пробралась до устья рѣки Эмбы и до Мертваго Култука. Въ этихъ мѣстахъ разбойниковъ захватила осень, а потомъ зима, и потому они принуждены были разбиться на мелкія шайки и скитаться по берегу ввидѣ рабочихъ людей. Атаманъ однако съ небольшою частью своей шайки нашелъ пустую рыболовную ватагу съ теплымъ помѣщеніемъ, въ которой оставшіеся семь человѣкъ разбойниковъ и провели зиму, «питаясь угоняемою у кочевавшихъ тамъ по близости киргизовъ скотиною и убиваемыми изъ ружей зайцами». На весну, какъ видно, атаманъ уже не могъ собрать всѣхъ разбойниковъ, бывшихъ въ его первой, весьма многочисленной шайкѣ, которую онъ гордо именовалъ «своею командою», и долженъ былъ ограничиться одною лодкою и одною пушкою *). Прочіе разбойники разбились на отдѣльныя шайки и избрали себѣ другихъ атамановъ, какъ это всегда бывало въ обычаяхъ понизовой вольницы. Причины

*) ...«всѣхъ-же команды моей людей, за выбраніемъ оными себѣ новыхъ атамановъ, собрать было невозможно».

неудовольствія разбойниковъ на своего прежняго атамана
вичъ не объяснилъ, хотя слава его имени, какъ хорошаго и уд
ваго атамана, должна была бы привлечь къ нему всѣхъ, быв
подъ его командою и счастливо выдержавшихъ три сра
Надо полагать, что атаманъ-поповичъ не всегда соблюдалъ ар
ныя разбойничьи начала, въ силу которыхъ въ шайкахъ пре
дали общинныя права, вся добыча шла въ дуванъ, а на к
находившуюся въ завѣдываніи атамана, всякій разбойникъ и
почти равныя права съ атаманомъ. Въ одномъ мѣстѣ Ильин
разился, что когда передъ наступленіемъ зимы, захватившей
шайку у Мертваго Култука, нѣкоторые изъ разбойниковъ т
вали у атамана себѣ на зиму денегъ (на харчи), то атаман
деньгахъ имъ до весны отказалъ».

Оставшись съ небольшимъ числомъ разбойниковъ, ве
1811 года поповичъ вывелъ ихъ на Волгу, пробравшись
Астрахани въ ночное время. Повидимому, поповичу хот
пройдти на родину, въ малороссійскую Николаевскую сло
Дорогой у него отстало три человѣка, «кои намѣреніе и
идтить на Донъ къ роднымъ», а въ Царицынѣ, на прис
между бурлаками онъ нашелъ двухъ охотниковъ, которые о
лись бѣглыми рекрутами, принятыми въ Камышинѣ въ посл
наборъ. Черезъ нѣсколько дней атаманъ былъ уже на ро
Что его тянуло туда—неизвѣстно, только ночью 25-го іюля
явился въ свою родимую слободу и пробрался къ дому отца
раго священика Ильина.

Отецъ и мать Данилы ужинали, когда онъ вошелъ къ
въ домъ.

— Хлѣбъ-соль, батюшка съ матушкою, сказалъ атаманъ,
роваясь съ родителями, которыхъ не видалъ четыре года.—
знаете меня?

«Не столь обрадовавшись оному, сколько испугавшись, пое
не чаяли видѣть своего сына въ живыхъ, отвѣчали» (писал
томъ священникъ въ своемъ заявленіи камышинскому земс
суду):—Ежели ты добрый человѣкъ, то признаемъ въ тебѣ на
сына, а есть-ли обезчестилъ наше имя, то уходи откуда приш

— Я добрый человѣкъ, и вы меня принять должны, ска

атаманъ, и при этомъ вынулъ изъ кармана мѣшокъ съ золотомъ и, показывая деньги отцу, прибавилъ: вотъ моя казна—съ казною я повсюду находилъ отца съ матерью: теперь и вы меня богатаго не прогоните.

— А какимъ дѣломъ ты оныя деньги добылъ? спросилъ отецъ.

— Добрымъ дѣломъ. Нынѣ я уже не поповичъ, а командиръ.

— Кто-жъ тебя въ командиры пожаловалъ? снова спросилъ отецъ.

— Самъ, отвѣчалъ атаманъ.

«Устрашенный сими словами паче прежняго», старикъ священникъ не зналъ, что ему дѣлать, «боясь отвѣтственности передъ строгостью закона».

— Гдѣ-жъ ты былъ по сіе время? спросилъ старикъ, «думая распросами удержать его у себя и тайно донести о томъ начальству для задержанія онаго безпутнаго сына моего», прибавилъ онъ въ заявленіи.

— Бывалъ я въ персицкой землѣ, и иностранные корабли на морѣ разбивалъ, снова отвѣчалъ поповичъ: а нынѣ пришелъ съ долгами расплачиваться.

Оказалось, что это была угроза: поповичъ явился на родину съ тѣмъ, чтобы отмстить своимъ прежнимъ врагамъ. Въ то время, когда онъ говорилъ съ отцомъ, недалеко вспыхнулъ пожаръ. Поповичъ, подойдя къ окну и указывая на зарево, сказалъ:—Видите, это моя команда за мои долги золотомъ расплачивается. «Сіи слова повергли меня въ безпамятство», писалъ старикъ священникъ, «и когда я пришелъ въ чувствіе, то онаго злодѣя, сына моего Данилы, въ горницѣ уже не было, и гдѣ онъ нынѣ находится, мнѣ тако-жъ неизвѣстно».

Разбойники, по приказу и по указанію атамана, подожгли домъ бывшаго писаря Дѣжи.

Дѣжа былъ личнымъ врагомъ атамана—поповича, когда Данило жилъ у отца. Старикъ по совѣту Дѣжи хотѣлъ отдать своего безпутнаго сына въ рекруты, а потому тотъ и бѣжалъ.

Вотъ что на другой день писали въ Камышинъ изъ Николаевской слободы:

«Сего мѣсяца, 25 числа, ночью, явившись къ дому оной сло-

боды малороссіянина Антона Дѣжи, три неизвѣстные чел[illegible] тотъ домъ съ причелка зажгли, и когда оный Дѣжа [illegible] улицу, кричалъ о помощи, то однимъ изъ тѣхъ злодѣевъ, [illegible] шедшимъ къ Дѣжѣ и ударившимъ его ружейнымъ приклад[illegible] грудь, отвѣтствовано: «Вотъ тебѣ поклонъ отъ нашего ба[illegible] Даніила Захарьевича», и въ ту-жъ минуту скрылись. И по т[illegible] оныхъ злодѣевъ словамъ уповательно, что оный пожегъ у[illegible] по наущенію бѣжавшаго изъ оной слободы священника [illegible] Захаріи сына Даніила, который въ ту-жъ ночь къ отцу с[illegible] священнику Захаріи приходилъ, не бывше съ четыре года, и [illegible] мстить угрожавалъ, а кому не сказалъ, только на горящій [illegible] Дѣжи домъ, показывая, сказалъ, что-де моя команда за [illegible] потомъ платить, и съ тѣми словами невѣдомо гдѣ скрылся, а [illegible] щенникъ Захарія отъ такихъ угрожаваній сына своего упалъ [illegible] чувствъ и потому злодѣя задержать не могъ». О розыскѣ и [illegible] имкѣ разбойниковъ немедленно дано было знать во всѣ [illegible] ственныя мѣста. Вызванъ былъ въ Камышинъ отецъ атамана [illegible] бойниковъ, священникъ Захарія, который и далъ вышеоз[illegible] объясненіе о ночномъ посѣщеніи его сыномъ атаманомъ. Пр[illegible] почти годъ, но поиски ни къ чему не привели: ни атамана, ни [illegible] шайки никто болѣе не видалъ въ тѣхъ мѣстахъ и о подвигахъ ихъ ничего не было слышно.

Правда, носились слухи о разбояхъ, видѣли на Волгѣ, по лѣсамъ и по степямъ бродягъ и разбойниковъ, ловили ихъ и допрашивали; но ни самъ поповичъ не давался въ руки, ни одинъ изъ его разбойниковъ. Атаманъ-поповичъ между тѣмъ снова былъ далеко отъ мѣста своей родины. Его, какъ видно, тянуло въ Казань, къ Макарью, на макарьевскую ярмарку, на которую со всѣхъ концовъ Россіи и Азіи всегда стекались такіе разнородные элементы и гдѣ, въ толпахъ пришлаго и пріѣзжаго народа, привольно было толкаться мелкимъ шайкамъ понизовой вольницы. И Ильинъ дѣйствительно водилъ туда своихъ товарищей, хотя и не говоритъ о своихъ похожденіяхъ на ярмаркѣ, а упоминаетъ только въ своемъ показаніи, что лодку свою разбойники, по прибытіи къ Макарью, оставляли «у знакомаго товарищу ихъ Петру Красину ловца, за Волгою». На возвратномъ пути атаманъ заводилъ своихъ товари-

й въ Казань; но въ этомъ городѣ они «никакого дѣла не дѣ-
и, а только, въ разсужденіи уже холодныхъ ночей, купили себѣ
лой одежи и обуви, да въ Казанскомъ монастырѣ у чудотворной
оны Казанскія Божія Матери по свѣчкѣ поставили».

V.

Послѣдній фактъ, что разбойники отъ усердія своего поставили свѣчкѣ передъ образомъ Казанской Богородицы—это замѣча-
ьная черта въ характерѣ всего русскаго народа. Просматривая
ни разбойничьихъ дѣлъ прошлаго вѣка, мы постоянно видѣли
признаніяхъ разбойниковъ, нерѣдко жестокихъ и безчеловѣч-
къ убійцъ, что они усердно «у исповѣди и святаго причастія
зали». Поднося ножъ къ горлу своей жертвы, иной разбойникъ
ритъ крестное знаменье и призываетъ Бога, что-бъ онъ помогъ
чно зарѣзать того, кто ему подъ руку подвернулся. Показывая
рабленныя съ помощью убійствъ и пожаровъ деньги, разбой-
ки говорятъ объ этихъ деньгахъ, что это «Богъ имъ далъ».
ъ почему атаманъ поповичъ ведетъ своихъ подкомандныхъ раз-
никовъ въ Казанскій монастырь, чтобъ образу Богородицы по
чкѣ поставить. Это—отъ усердія, отъ своихъ трудовъ правед-
къ, какъ выражается русскій человѣкъ, потому что для пони-
аго добраго молодца разбой—трудъ, «ремесло», дѣло, какъ вся-
другое дѣло, не осуждаемое ни гражданскимъ чувствомъ, ни
жданскими правилами. Вотъ почему въ народныхъ пѣсняхъ,
да «воеводы, лихіе супостаты», высылаютъ для поимки удалыхъ
рыхъ молодцовъ частыя высылки, называя добрыхъ молодцовъ
рами разбойниками», народное чувство какъ-бы вступается за
рыхъ молодцовъ и народъ поетъ ихъ именемъ:

Мы не воры, не разбойнички,
Мы люди добрые, ребята все поволжскіе,
Ходимъ мы на Волгѣ не первый годъ,
Пьемъ, ѣдимъ на Волгѣ все готовое,
Цвѣтно платье носимъ припасеное—
Воровства, грабительства довольно есть.

Послѣдняя строка въ пѣснѣ прибавляется какъ-бы для того, чтобы показать, что и безъ добрыхъ молодцовъ вездѣ царитъ грабежъ и воровство. Такимъ образомъ, поставивъ по свѣчкѣ въ Казанскомъ монастырѣ и удовлетворивъ тѣмъ чувству набожности, а можетъ быть просто обрядовой сторонѣ народнаго воспитанія, разбойники продолжали свой путь внизъ по Волгѣ. Ниже Саратова, у села Золотого, у нихъ была схватка съ «неизвѣстными проѣзжими». Надо полагать, что «проѣзжіе» были также добрые молодцы, как и товарищи «командира-поповича», и такимъ образомъ шайка нарвалась на другую разбойничью шайку. Изъ показаній разбойниковъ видно, что «проѣзжіе напали на нихъ ночью, въ небольшой лодкѣ со снастьми», и «выпаля изъ ружья», требовали что-бъ тѣ остановились. Но когда съ лодки атамана Ильина также отвѣчали выстрѣлами и атаманъ, скомандовавъ «на греблю», закричалъ «лови ихъ, мошенниковъ»—неизвѣстные проѣзжіе обратились въ бѣгство. Лодка Ильина гналась за ними вплоть до самаго берега, но достигнуть не могла. Преслѣдуемые, выскочивъ изъ лодки на берегъ, скрылись въ лѣсу, оставя лодку, въ которой Ильинъ нашелъ желѣзный ломъ и небольшой «казанокъ» (котелокъ), а въ «казанкѣ» два куска золотой парчи, аршина на четыре, пустую церковную кружку, мѣдную лампадку и «скрученную въ трубку серебряную ризу Спасителя». По вещамъ, найденнымъ въ покинутой неизвѣстными людьми лодкѣ и въ особенности по оставленной ими въ казанкѣ парчѣ, церковной кружкѣ, лампадкѣ и ризѣ отъ образа, можно заключить, что лодка эта тоже принадлежала разбойникамъ, которые ограбили какую-либо церковь, и не зная съ кѣмъ ихъ столкнулъ случай на Волгѣ, намѣревались было ограбить такихъ же какъ и сами удалыхъ добрыхъ молодцовъ, но только встрѣтили въ нихъ опасныхъ противниковъ и должны были сами спасаться бѣгствомъ. Пріѣхавъ въ Камышинъ, атаманъ-поповичъ узналъ, что его съ шайкою разыскиваютъ и что примѣты его разосланы по всѣмъ тамошнимъ мѣстамъ. Оставаться такимъ образомъ вблизи своей родины было небезопасно, а между тѣмъ наступила зима, надо было подумать о томъ, гдѣ и какъ провести это время, когда ни на лодкѣ разъѣзжать по Волгѣ, ни ночевать
стономъ, ни скитаться по снѣгу. Надо было распу-

стить шайку до весны, чтобъ «каждый о себѣ подумалъ». Разбойники разошлись. Но прежде чѣмъ проститься съ атаманомъ, они продали лодку незнакомымъ рыбакамъ, а пушку и ружья, которыя при нихъ были, равно пистолеты, сабли и прочіе военные снаряды, «обвивъ соломою и циновками, въ яръ, повыше города Камышина, къ вершинамъ Кривова барака въ землю зарыли». Оставшись одинъ, атаманъ-поповичъ на зиму превратился въ купца. Накупивъ въ Камышинѣ соленой красной рыбы, добывъ себѣ лошадь «съ пошевнями», онъ всю зиму разъѣзжалъ по дальнымъ селеніямъ и станицамъ на рѣкѣ Медвѣдицѣ и продавалъ казакамъ рыбу. На весну 1812 года онъ снова появился на Волгѣ въ качествѣ атамана шайки. Въ «малиновой черкескѣ, обшитой золотымъ гасомъ», съ пистолетомъ за поясомъ и съ «персицкою высокаго разбора саблею» при бедрѣ, поповичъ красовался на лодкѣ, которая, въ случаѣ надобности, могла пустить въ дѣло двѣнадцать веселъ, и въ теченіи лѣта успѣлъ разбить до пяти большихъ судовъ. На одномъ суднѣ, во время схватки, купецъ, хозяинъ судна, ранилъ атамана-поповича въ лѣвую ключицу, и поповичъ, высадивъ на берегъ рабочихъ этого судна, обобравъ у купца деньги, паспорты рабочихъ, хлѣбъ и сухари, самое судно, вмѣстѣ съ хозяиномъ купцомъ, затопилъ въ Волгѣ, пониже столицы Коровашки. Сожженіемъ дома писаря Дѣжи въ Николаевской слободѣ, какъ видно, не вполнѣ было удовлетворено чувство мести поповича, и потому онъ снова тайно явился въ свою родимую слободу, подломалъ алтарь въ церкви, унесъ церковныя деньги и серебряную утварь, зажегъ домъ атамана этой слободы, Артема Гарковенка, и снова ушелъ на Волгу. Но къ концу лѣта атаманъ-поповичъ былъ пойманъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, съ разбойникомъ Петромъ Красинымъ. Его схватили въ Камышинѣ, въ слободкѣ, въ домѣ его любовницы, солдатской жены Натальи Любимовой, у которой онъ пировалъ всю ночь, наканунѣ Спаса-Преображенія. Послѣ первыхъ допросовъ, снятыхъ съ разбойниковъ и раскрывшихъ всю сложную исторію похожденій атамана-поповича и его шайки, атаманъ и его товарищъ Красинъ, по оплошности караульныхъ солдата, бѣжали. Что сталось потомъ съ атаманомъ-поповичемъ и его шайкою—изъ дѣла не видно. Во всякомъ случаѣ,

мечты его—сдѣлаться вторымъ Стенькою Разинымъ—далеко не осуществились. Не то было уже время и не тѣ люди, съ которыми ему приходилось бороться. Пожалуй, можно было-бы и въ то время поднять на ноги половину Россіи какъ это сдѣлалъ за сорокъ лѣтъ до него Пугачовъ; но явленіе Пугачова было мотивировано иными условіями государственной жизни того времени и иначе обставлено было самое его дѣло. Имя Пугачова становилось знаменемъ извѣстной идеи, извѣстныхъ исканій цѣлаго народа; а атаманъ поповичъ повидимому широко и глубоко не загадывалъ: онъ не былъ народнымъ знаменемъ, какъ былъ имъ, до извѣстной степени, въ свое время Стенька Разинъ, которому поповичъ вздумалъ неудачно и несвоевременно подражать. Какъ-бы то ни было, но изъ всего вышесказаннаго достаточно, кажется, явствуетъ, что и пятьдесятъ восемь лѣтъ назадъ, при отцахъ нашихъ, условія государственной и общественной жизни нашего отечества были еще таковы, что понизовая вольница продолжала жить между нами и топтать ногами нѣкоторыя права наши, какъ доселѣ, въ объединенной Италіи, рядомъ съ Гарибальди и его сыновьями шайки бандитовъ, этой итальянской понизовой вольницы, топчутъ своими ногами тѣ человѣческія права, которыя, кажется, достаточно освящены исторіею и наукою. А кто виноватъ? Исторія и на это должна дать категорическій отвѣтъ—и она скоро дастъ его.

1871.

Борьба съ расколомъ въ Поволжьѣ.

(Періодъ первый).

Болѣе двухсотъ лѣтъ ведется упорная борьба съ расколомъ, а между тѣмъ силы его едва-ли ослабѣваютъ. По крайней мѣрѣ до настоящаго времени не представляется такихъ вѣскихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было-бы съ достаточной положительностью утверждать, что расколъ падаетъ, хотя быть можетъ силы его и не крѣпнутъ качественно въ той-же прогрессіи, въ какой ростутъ онѣ количественно:—за послѣднее стоитъ рядъ весьма доказательныхъ цифръ, первое-же слабо опирается лишь на весьма шаткія гаданія. Все это напоминаетъ такую-же повидимому безрезультатность ведущейся около девятнадцати столѣтій борьбы всѣхъ въ совокупности христіанскихъ націй, всѣхъ іафетидовъ противъ осязательнаго нравственнаго преобладанія семитовъ или народа еврейскаго, который, повинуясь воздѣйствію на него двухъ силъ—силы христіанскаго давленія и силы реализаціи исторически вложенной въ него идеи мессіанизма, превращеннаго имъ въ мессіанизмъ практическій, избралъ себѣ повидимому самый надежный историческій ходъ—по діагонали, превративъ въ то-же время обѣ эти силы для себя въ силы служебныя.

Ясно, что или борьба ведется не такъ какъ-бы слѣдовало, неумѣло, непрактично, или-же силы, противъ которыхъ ведется безрезультатная война, непобѣдимы въ самой своей идеѣ, или-же, наконецъ, не слѣдовало-бы вовсе вступать въ борьбу съ явленіями, которыя въ этой самой борьбѣ не только почерпаютъ свою силу, но—что всего важнѣе—становятся идеей, пріобрѣтаютъ живучесть,

которая ни въ расколѣ, ни въ еврейскомъ мессіанизмѣ, какъ и обыкновенныхъ историческихъ, слѣдовательно преходящихъ функціяхъ, не должна-бы и существовать столь долго и послѣдовательно.

Которое изъ этихъ трехъ предположеній имѣетъ неоспоримую историческую цѣну—сказать трудно, но едва-ли не болѣе основательныя изъ нихъ первое и третье.

Вотъ почему выясненіе всѣхъ фазисовъ этой безконечной войны съ одной стороны съ еврейскимъ практическимъ мессіанизмомъ, съ другой—съ русскимъ расколомъ, какъ съ историческими функціями, должно пріобрѣсти въ первомъ случаѣ капитальную важность для исторіи всего человѣчества, въ послѣднемъ случаѣ—не менѣе капитальную важность для исторіи поступательнаго хода всего русскаго народа въ теченіи послѣднихъ двухъ столѣтій.

Главными условіями для успѣшнаго изученія историческаго развитія и подъема русскаго раскола должны быть, на первый разъ, добросовѣстный и всесторонній подборъ, сводъ и оцѣнка фактовъ, спокойное и вполнѣ безпристрастное къ нимъ отношеніе какъ къ математическимъ даннымъ и холодная историческая критика, свободная отъ всякаго внѣшняго давленія партій, отъ всякой окраски явленій въ цвѣта pro и contra, отъ ревности обличителей и ревности адвокатской, потому-что исторія не должна быть ни прокуроромъ, ни адвокатомъ, ни даже присяжнымъ, котораго призваніе—сказать «да» или «нѣтъ», «виновенъ» или «не виновенъ»: исторія всегда должна оставаться просто зеркаломъ, первымъ служебнымъ орудіемъ въ великой нравственно-человѣческой оптикѣ, видоизмѣняющимся, въ подлежащихъ случаяхъ, то въ микроскопъ — для явленій мелкихъ, не видимыхъ не вооруженному глазу. то въ телескопъ—для явленій крупныхъ, но отдаленныхъ, то въ рефракторъ—для явленій обратно воздѣйствующихъ на поступательный ходъ человѣчества, то наконецъ, въ призму и исландскій шпатъ—для разложенія явленій на составные цвѣта, на первичныя явленія. Изъ всѣхъ этихъ оптическихъ орудій исторія не должна только превращаться въ зажигательное стекло, въ которое по преимуществу и принято превращать ее. [illegible] [illegible]ціе извѣстныхъ политическихъ направленій и требованій

данной минуты, а по отношенію къ изученію раскола наша исторія всегда дѣлалась именно этимъ зажигательнымъ стекломъ, посредствомъ котораго собирали въ одинъ фокусъ всѣ лучи свѣта, всѣ однородные факты, и перемѣшанные со всякимъ мусоромъ, для того, чтобъ освѣтить раскольническій вопросъ извѣстнымъ свѣтомъ, пристрастно—обличительно, и такъ сказать поджечь и ту и другую сторону.

I.

Русскій расколъ переживалъ нѣсколько періодовъ особенно усиленныхъ движеній, вслѣдствіе причинъ, которыя отчасти крылись въ самомъ расколѣ и его историческомъ ростѣ, отчасти-же являлись какъ силы извнѣ дѣйствующія и вызывающія то или другое движеніе. Такія движенія приходилось переживать расколу въ теченіе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Движенія сказались особенно въ Поволжьѣ, гдѣ расколъ, опираясь на свою многочисленность, окрѣпъ почти до несокрушимости и гдѣ сектанты, занявъ болѣе ста тысячъ лучшей и плодороднѣйшей поволжской земли, образовали громадныя раскольничьи общины съ богатыми монастырями и гдѣ потомъ расколъ цѣлое столѣтіе могъ не только свободно дышать и развиваться, но и стать средоточіемъ духовныхъ силъ всего русскаго старообрядчества, опираясь на торжественныя слова манифеста императрицы Екатерины II, которая, вскорѣ послѣ восшествія на престолъ, 4 и 14 декабря, провозгласила, что «возвращающимся изъ-за границы раскольникамъ и ихъ дѣтямъ и съ дѣтьми ихъ никому ни отъ кого ни какого притѣсненія чинено не будетъ», что они, «въ разсужденіи добровольнаго ихъ выходу, не токмо за побѣги въ винахъ ихъ, но и во всѣхъ до сего преступленіяхъ прощаются и отнюдь никѣмъ истязаны не будутъ»; что, «какъ въ бритьѣ бородъ, такъ и въ ношеніи указнаго платья никакого принужденія имъ чинено не будетъ, но оное употреблять имѣютъ по ихъ обыкновенію безпрепятственно», что «дается каждому на волю, къ помѣщикамъ-ли своимъ кто идти пожелаетъ, или государственными крестьянами

и въ купечество записаться, а противъ желанія никто инако приневоленъ быть не имѣетъ» *) и т. д. Въ среднемъ Поволжьѣ на отведенныхъ выходцамъ и переселенцамъ раскольникамъ богатѣйшихъ земляхъ скоро выросли огромныя земледѣльческія и промысловыя села; закипѣла торговля, захватившая въ свои руки всѣ коммерческія и производительныя силы Поволжья, Подонья и Поуралья; образовалось пять могущественнѣйшихъ раскольничьихъ монастырей на Иргизахъ, въ казну и ризницы которыхъ полились сокровища со всѣхъ концовъ Россіи, съ Волги, съ Дона, съ Урала, изъ Сибири, Москвы, Петербурга и «изъ-зарубежа», изъ-за-границъ: польской, туре [illegible] кой; возникало множество скитовъ съ знаменит [illegible] отшельниками, схимниками, скитниками, пророкам [illegible] тысячи монаховъ, монахинь, бѣльцовъ и бѣлицъ, по [illegible] новоды раскола, именитое купечество, бѣглые пр [illegible] ы, распопы, молодежь и старики—все это потяну [illegible] а Иргизы, къ святымъ мѣстамъ старообрядства; [illegible] оволжья: Казань, Симбирскъ, Саратовъ, Вольскъ, Ду [illegible] ъ, Хвалынскъ, Астрахань— [illegible] какъ-бы духовным [illegible] аскола, такъ высоко поставившаго свое знамя на Иргизахъ и на Волгѣ. Все очутилось въ рукахъ у раскольниковъ—и богатыя земли Поволжья, и богатые его города и богатая его торговля, и даже власти: все было или взято ими силою, вліяніемъ, или куплено на золото, или подкуплено золотомъ.

Такой нравственный и матеріальный подъемъ раскола въ Поволжьѣ казался уже опаснымъ для государства, а потому въ концѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія начата была систематическая борьба противъ него, обнаружившая всю неистощимость силы, которую носило въ себѣ органически сплотившееся сектаторство и противъ которой, поэтому, надо было дѣйствовать осторожно,—чтобы не вызвать наружу таившіяся въ расколѣ страсти: страсти эти могли сообщиться народу, массамъ, потому-что именно въ народѣ расколъ пустилъ глубокіе корни, ставъ дѣломъ общимъ, народнымъ. Такъ какъ центромъ сектаторскаго тяготѣнія станови-

*) Указы импер. Екатер II, изд. 1779 г. Москва, стр. 165—171.

лась въ послѣднее время средняя Волга, и именно раскольничьи общины на Иргизахъ, казавшіяся новымъ раскольничьимъ Кіевомъ или Соловками, куда со всей Россіи постоянно приливали новыя силы сектантовъ, то правительство главнымъ образомъ и обратило вниманіе на Иргизы: надо было ударить на этотъ пунктъ, чтобъ нанести расколу ударъ по возможности непоправимый.

Извѣстно какими опасными движеніями въ Поволжьѣ сопровождалось уничтоженіе въ 1837 году нѣсколькихъ раскольничьихъ монастырей на Иргизахъ. Подробности этого перваго удара, нанесеннаго расколу въ Поволжьѣ, выяснены мною въ отдѣльной монографіи «Послѣдніе годы иргузскихъ раскольничьихъ общинъ *).

Какъ ни былъ тяжелъ этотъ неожиданный ударъ для раскола, однако силы сектантовъ не были имъ подавлены: ударъ едва-ли не придалъ еще большую упругость тѣмъ силамъ, которыя не были тронуты, потому что ударъ этотъ непосредственно отразился на сектантахъ всей Россіи и заставилъ ихъ сплотиться еще крѣпче, поставивъ чувство самозащиты общимъ знаменемъ для раскола. Сектанты видѣли, что въ Поволжьѣ оставаться не безопасно, что у нихъ на Иргизахъ хотя и остались еще не тронутыми двѣ могущественнѣйшія духовныя общины, два монастыря, мужской и женскій, однако нельзя было не видѣть, что и до нихъ, рано-ли, поздно-ли, дойдетъ очередь и что они также рухнутъ подъ тяжестью правительственной регламентаціи. Пораженіе раскала на Иргизахъ нагнало паническій страхъ на тѣхъ особенно сектантовъ Поволжья, которые принадлежали къ такъ-называемымъ вреднымъ ересямъ-духоборцевъ, иконоборцевъ, молоканъ, іудействующихъ и скопцовъ, — а ихъ въ среднемъ Поволжьѣ было не мало. Между раскольниками пронеслась молва, что ихъ всѣхъ истребятъ, что, начавъ гоненіе на Иргизахъ, никоніанцы перенесутъ это гоненіе на всю Волгу, а потомъ на всю Россію. Какъ семьдесятъ лѣтъ назадъ, они на зовъ Екатерины II толпами потянулись изъ-за рубежей польскаго, австрійскаго и турецкаго, такъ теперь снова приходилось имъ искать спасенья—за рубежемъ, внѣ предѣловъ Россіи, и дѣти, внуки тѣхъ, которые при Екатеринѣ вышли изъ-загра-

*) «Дѣло», 1872 г., кн. 1, 2 и 4. — Нынѣ эта статья вошла въ настоящее изданіе.

ницы, должны были теперь вести за границу своихъ престарѣлыхъ отцовъ и одряхлѣвшихъ въ Россіи дѣдовъ.

Среднее Поволжье зашевелилось. Но это было пока только мѣстное движеніе попытки найти исходъ изъ безвыходнаго положенія. Жизнь за границей уже не тянула раскольниковъ: дѣды и отцы ихъ уже испытали всю горечь житья на чужбинѣ, особенно тамъ, гдѣ вызванныя цивилизаціею своеобразныя условія жизни давили раскольниковъ, гдѣ не было поволжскаго простора и раздолья, гдѣ не было свободныхъ и жирныхъ земель, которыхъ нельзя глазомъ окинуть, какъ это было на Волгѣ и за Волгой. Надо было искать новыхъ мѣстъ, посылать соглядатаевъ для отысканія новой обѣтованной земли, новаго Іерусалима. Странники, люди Божіе, бродячіе раскольничьи попы и соглядатаи приносили между тѣмъ вѣсти, что есть одна страна, невѣдомая сектантамъ, гдѣ земли глазомъ не окинешь, куда еще почти не проникло «страховитое око никоніанцевъ» и куда уже пробралось нѣсколько гонимыхъ изъ глубины Россіи. Это былъ Кавказъ и Закавказье. Это были дѣйствительно новыя мѣста, «новый свѣтъ». Не даромъ еще Пугачовъ обѣщалъ яицкимъ казакамъ—раскольникамъ, тѣснимымъ русскими порядками и сдавливаемымъ желѣзнымъ кольцомъ государственности, что онъ выведетъ ихъ за границу, на Лабу-рѣку. Лаба-рѣка—это было Закубанье, куда еще въ прошломъ вѣкѣ начали пробираться донскіе раскольники. На Кубань, въ Черноморье давно уже перебрались остатки распуганнаго Запорожья и создали тамъ свой «новый свѣтъ», напоминавшій имъ о далекой метрополіи, о невозвратно-погибшей Сѣчѣ запорожской. На Кубани, за Кубанью, по Лабѣ рѣкѣ, по такъ-называемой «линіи», тянулись необозримыя степи, не перегороженныя ни казенными заставами, ни казацкими форпостами, гдѣ жизнь еще не вдавлена въ рамки государственности: — этотъ-то просторъ и любилъ всегда русскій человѣкъ, а на Волгѣ простора уже казалось мало, на Волгѣ становилось тѣсно, особенно когда завелись всепригнетающіе порядки. Нужно было найти дичь и глушь, чтобъ былъ просторъ необъятный.

Раскольникъ—это вполнѣ русскій человѣкъ, страстно любящій или степное раздолье, «мать пустыню прекрасную», гдѣ-бы торчали только курганы да землянки для ночлега, или лѣсъ дрему-

чій, гдѣ-бы можно было устроить скитъ, жить около звѣря и пчелы, не видать ни капитана-исправника, ни строки приказной. Такую дикую дѣвственность жизни представляло Закавказье — и туда-то поволжскій расколъ, нагнетаемый правительственною регламентаціею, задумалъ направить свою колонизацію, послѣ перваго разгрома иргизскихъ монастырей. Его еще и потому тянуло туда, что уже съ тридцатыхъ годовъ на Кавказъ потянулись всѣ бродячіе элементы — бѣглые помѣщичьи, крестьяне и дворовые, Иваны не помнящіе родства и проч. безпокойный людъ.

Около этого времени вышелъ новый законъ о раскольникахъ, которымъ, между прочимъ, постановлено: «людямъ разнаго званія изъ духоборцевъ, иконоборцевъ, молоканъ, іудействующихъ и другихъ ересей, признанныхъ особенно вредными, дозволять приписываться только въ закавказскихъ городахъ: Нухѣ, Шемахѣ, Кубѣ, Шушѣ, Ленкорани, Нахичевани и Урдубатѣ.

Законъ этотъ, повидимому, исходилъ изъ того-же побужденія, какимъ руководствовалось правительство, рѣшившись положить предѣлы быстрому и повсемѣстному развитію раскола. Секты, считавшіяся невредными, положено было привлечь къ единовѣрію: эта-то мѣра и была примѣнена къ иргизскимъ монастырямъ. Но для такъ-называемыхъ вредныхъ сектъ этой мѣры было недостаточно, съ ними нельзя было помириться на извѣстныхъ пунктахъ митрополита Платона. Вредные сектанты, эти «духовные христіане», какъ они себя называли, не нуждались ни въ церквахъ, ни въ священникахъ; привлечь къ единовѣрію ихъ было невозможно; между «духовными христіанами» и православными не существовало такихъ нравственныхъ точекъ соприкосновенія, которыя послужили-бы хотя для внѣшняго, механическаго сплоченія той и другой стороны. Ни та, ни другая сторона, взаимно расходясь въ главныхъ принципахъ, не заключали въ себѣ того амальгамирующаго начала, на основаніи котораго возможны были-бы хотя полусближенія, такъ-какъ ни для правой, но для лѣвой стороны всякій православный и даже гражданскій компромиссъ былъ немыслимъ. Нужно было, слѣдовательно, «исторгнуть сію вредную примѣсь» изъ среды русскаго общества, а исторгнуть изъ государства цѣлыя массы народа—это не легко, тутъ ни ссылка, ни наказаніе немыслимы.

Возможно было только удаленіе сектантовъ цѣлыми обществами слѣдовательно поголовное переселеніе ихъ въ такія отдаленныя страны, гдѣ они были-бы по возможности менѣе вредны въ общихъ интересахъ государственности.

Вышеприведенный законъ отвѣчалъ именно этимъ цѣлямъ. Но систематическое, мелкое, повседневное тѣсненіе сектантовъ началось еще раньше этого закона. Тѣсненіе это примѣнялось практически, въ ежедневномъ житейскомъ и гражданскомъ обиходѣ. Полиція и приходское духовенство начали зорче смотрѣть сектантами, за ихъ отношеніями къ православнымъ; даже ихъ [illegible] и и промыслові [illegible] ты были подъ полицейскій на[illegible]. Сектантамъ не [illegible] имѣть прислугу и рабочихъ ь православныхъ [illegible] али по этому поводу, и сектанты увидѣли [illegible] я [illegible]-бы отрѣзанными отъ всего общества, оторванны[illegible] танты не могли даже получать паспортовъ для о[illegible] та жительства. Чиновники, пользуясь общимъ настр[illegible] ельственнаго духа, повели [illegible]е давленіе на раскольни[illegible] ымъ похвальнымъ рвеніемъ. [illegible] частная, ни общественная ж[illegible] ни даже семейныя дѣла сектанта не могли быть оставлены въ покоѣ, и сектантъ долженъ былъ отъ всего откупаться деньгами или расплачиваться тюрьмой, ссылкой или какимъ-либо другимъ соотвѣтственнымъ взысканіемъ.

Вотъ почему, когда раскольничьи соглядатаи принесли въ Поволжье вѣсть изъ Закавказья, объ относительныхъ удобствахъ и привольѣ тамошнихъ «вольныхъ поселеній», когда нѣкоторые изъ сектантовъ, раньше пробравшіеся туда, оповѣстили тайными грамотками и «благословеніями» своихъ поволжскихъ единомышленниковъ, что въ Закавказскій край еще не успѣлъ проникнуть «гонительный мечь Діоклетіана» и «поповское не сытое око», какъ они выражались, то ко всѣмъ мѣстнымъ губернаторамъ и къ министру внутреннихъ дѣлъ потянулись раскольничьи ходаки съ просьбами о дозволеніи имъ переселяться въ закавказскіе города и на свободныя земли для хлѣбопашества. Движеніе началось поголовное. Раскольники въ своихъ ходатайствахъ подкрѣплялись новымъ закономъ о вредныхъ ересяхъ, не называя себя, впрочемъ, принадлежащими къ вреднымъ сектамъ. Въ просьбахъ и на сло-

нахъ они обыкновенно называли себя такъ: *находящіеся съ давнихъ временъ въ вѣрѣ духовныхъ христіанъ евангельскаго* (или *евангелическаго*) *исповѣданія.*

«Имѣемъ мы желаніе съ семействами нашими переселиться изъ настоящаго мѣстожительства въ Закавказскій край, въ города Ленкарань, Шемаху, Шушу, Кубу, Нахичевань и Урдубатъ, въ настоящемъ званіи гражданства, а нѣкоторые изъ числа насъ въ хлѣбопашцы онаго-жъ края, гдѣ кому нравиться будетъ, по усмотрѣнію вашему», писали обыкновенно раскольники въ своихъ просьбахъ къ министру, ссылаясь на законъ 11 ноября 1835 года. Такъ въ концѣ 1836 года поднялась почти вся Дубовка, посадъ на Волгѣ въ Саратовской губерніи, гдѣ «евангельское исповѣданіе» проникло почти во всѣ купеческіе и мѣщанскіе дома, отчасти потому, что Дубовка, бывшая столица казаковъ волжскаго войска, наказанная за измѣну въ пользу Пугачова поголовнымъ почти переселеніемъ на Терекъ, издавна имѣла въ населеніи своемъ весьма значительный процентъ «духовныхъ христіанъ», а отчасти потому, что въ этотъ посадъ, какъ въ торговый приволжскій пунктъ, расколъ приливалъ со всѣхъ сторонъ въ теченіи цѣлаго столѣтія. Въ числѣ изъявившихъ желаніе эмигрировать на Кавказъ были купеческіе дома Жабиныхъ, Грушенковыхъ, Захарочкиныхъ, Крючковыхъ, Самодуровыхъ, Хлюпиныхъ, Артамоновыхъ, Миняевыхъ и проч.—все коренныя русскія фамиліи, а между тѣмъ они считались или «обрѣтающимися въ малаканизмѣ», или «іудействующими». Первая партія, вызвавшаяся промѣнять Поволжье на Закавказье, состояла болѣе чѣмъ изъ 130 духовныхъ христіанъ одного посада Дубовки. Къ нимъ примкнули—какъ они называли—«единомысленники» и изъ другихъ мѣстностей, которые уже раньше «имѣли о томъ хожденіе»—искали правительственнаго одобренія на безобидную со стороны мѣстныхъ властей эмиграцію.

«Хожденіе» это, состоявшее въ подаваніи просьбъ по присутственнымъ мѣстамъ, въ буквальномъ «хожденіи» каждодневно за справками и нерѣдко въ годичныхъ выжиданіяхъ отвѣтовъ, тянулось годъ за годомъ, хотя, повидимому, разрѣшеніе ходатайства раскольниковъ должно было изходить изъ непосредственнаго примѣненія закона къ данному случаю. Поэтому «хожденіе» свое рас-

кольники сравнивали съ извѣстнымъ «хожденіемъ Богородицы по мукамъ» и унесли съ собой на новыя земли не добрую память о Поволжьѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ имъ приходилось повторять жалостливыя фразы, ставшія эпическими выраженіями — «припадать къ особѣ вашего превосходительства», «ласкать себя надеждою», жаловаться на «великіе убытки», понесенные отъ несвоевременной продажи имуществъ въ виду ожидаемой эмиграціи и отъ другихъ неудобствъ, связанныхъ съ ихъ положеніемъ; многіе изъ нихъ дѣйствительно разорились; иные, пока тянулось дѣло, перемерли; съ другой стороны, они видѣли притѣсненіе отъ «христіанъ правовѣрныхъ», какъ они называли не раскольниковъ, и въ этомъ отношеніи имъ трудно было искать защиты у мѣстныхъ властей, враждебно на нихъ смотрѣвшихъ. Это заставляло ихъ съ новыми силами браться за начатое дѣло, но дѣло двигалось медленно, иногда съ придирками, съ желаніемъ вырвать у богатаго сектанта «поклонъ», «посулу», «взятку». Думая, что дѣло ихъ забыто, раскольники сились напомнить начальству о своемъ твердомъ намѣреніи разстаться съ «несостерпимымъ» Поволжьемъ: «мы не престаемъ простирать стремленія свои къ переселенію въ закавказскіе краи», повторяли они въ своихъ почти ежедневныхъ напоминаніяхъ властямъ. Мыстныя власти, съ своей стороны понуждаемыя высшими властями, начинаютъ относиться къ раскольникамъ—переселенцамъ не въ мѣру круто. Въ Дубовкѣ, напр., полиціймейстеръ Розенмейеръ согналъ всѣхъ «духовныхъ христіанъ» въ полицію въ ночное время, производилъ имъ всѣмъ пристрастные допросы, «громко кричалъ» на допрашиваемыхъ, добиваясь получить отъ нихъ показанія, которыя отдали-бы ему въ руки сектантовъ: «по каковомъ кричаніи его на насъ мы всѣ пришли въ страхъ и робость и вышесказанный образцовый (т. е. пристрастно измышленный) допросъ подписали». Мало того, главнаго ходака ихъ, снабженнаго общественною довѣренностью, отдали подъ судъ, а многихъ посажали въ острогъ.

Притѣсненія, вызывавшіяся не всегда безкорыстными побужденіями выдавить изъ притѣсненнаго лихоимственное взятіе деньгами или же попросту «харчами», доходили иногда до мелочей, которыя однако не могли быть легко выносимы тѣмъ, кто подпа-

далъ подъ это «лиховынудительное притѣсненіе», какъ выражались грамотные молокане. «Будучи посаженъ я въ тюремный секретный замокъ—писалъ одинъ изъ купцовъ-молоканъ Миняевъ—и гдѣ я находился семнадцать дней, что могло привесть столь немощное мое семейство въ испугъ и великое смятеніе и страхъ, лишась своей надежды въ дневномъ пропитаніи и покоя, въ 28 іюля подъ 29 число ночью, родитель мой съ малыми дѣтьми толь утомленный отъ печали чрезвычайнымъ сномъ, и неизвѣстно по какому распоряженію полицейскій сотникъ Шалатовъ пришелъ съ пятью человѣками въ квартиру отца моего и сдѣлалъ тревогу и стукъ въ окнахъ, и пробудилъ отца моего спящаго, и вызвалъ на дворъ, требуя отъ него роднаго его брата Леона Миняева, котораго полиція держала болѣе двухъ недѣль въ полиціи, въ каменномъ темномъ выходѣ, и неоднократно, не отдавши ни кому на поручительство, выпущала и чинила искъ по посаду Дубовкѣ въ разныхъ домахъ, почему отецъ мой, увидя ихъ вышепомянутыхъ людей нечаянное пришествіе въ квартиру, пришелъ въ великое смятеніе и страхъ, и во отчаянности жизни сдѣлавшись внѣ себя, и отъ чего сдѣлался чрезвычайно болѣнъ, такъ что я уже не имѣю надежды чтобы остался въ живыхъ, и дѣти мои вынуждены терпѣть гладъ и жажду и скитаться по міру, равно и несчастный отецъ мой лежать безъ всякаго призору, и я безъ всякой вины испороченъ и лишенъ довѣренности, стѣсненъ и разоренъ до крайности», и т. д. Конечно, всѣ эти разглагольствованія грамотѣя-молокана могутъ показаться смѣшными, особенно когда онъ, обращаясь къ защитѣ губернатора, пишетъ: «благоволите воззрѣть милосерднѣйшимъ окомъ на меня несчастнѣйшаго, бѣднаго и разореннаго и обидимаго отъ сильнѣйшихъ меня стѣснителей, кои называютъ правду неправдою»,—однако все это остается историческимъ фактомъ, констатируя который историкъ видитъ, что эти, мелочныя повидимому, испытанія раскольники переселенцы несли на себѣ въ теченіе шести лѣтъ и по мелочамъ дошли до крайняго раззоренія, не смотря на то, что со стороны высшихъ властей давно уже все было сдѣлано къ пріему переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Такъ, раньше чѣмъ черезъ три года послѣ того какъ Дубовка заявила о своемъ желаніи перебраться на Кавказъ, главноуправляющій

Грузіею увѣдомлялъ саратовскаго губернатора, что «несогласія на переселеніе духовныхъ христіанъ со стороны главнаго начальства встрѣчено быть не можетъ». Но при этомъ тифлисскій военный губернаторъ, г[illegible]ералъ-лейтенантъ Брантъ, съ своей стороны сообщалъ, что, по отзыву управляющаго мусульманскими провинціями и талышинскимъ ханствомъ, генералъ-маіора Тараканова, для поселенія такого огромнаго числа людей, какъ дубовскіе раскольники, могутъ быть о[illegible]дены мѣста только въ талышинскомъ ханствѣ, что тѣ изъ [illegible]ленцевъ, которые намѣрены поселиться собственно въ городахъ [illegible]ства, могутъ отправляться теперь же *), а располагающіе пер[illegible]ься [illegible]ми жителями «должны нѣсколько обождать, по[illegible] о[illegible]дены имъ удобныя для хлѣбопашества земли». [illegible]ъ стараніи и поспѣшности для исполненія сег[illegible] въ теченіи коего въ перепискѣ этой насту[illegible]рантъ),—раннею-же весною переѣздъ через[illegible]дямъ, отправляющимся съ значительнѣйшими тяж[illegible]ми средствами, при совершенномъ неимѣніи подно[illegible] недоступной дороговизнѣ сухого фуража, весьма неудобенъ,—[illegible]рибывшіе изъ внутреннихъ губерній переселенцы въ лѣтнюю пору подвергаются жестокому вліянію перемѣны климата,—то я полагаю весьма полезнымъ предварить вышепомянутыхъ людей, изъявившихъ желаніе къ переходу на Кавказъ, что лучшимъ для этого временемъ есть конецъ лѣта: тогда они, окончивъ уборку полей своихъ, могутъ прибыть сюда безопасно къ половинѣ августа мѣсяца и успѣть еще заняться озимыми посѣвами и устройствомъ домовъ для себя и быть обезпеченными существенными потребностями здѣшняго поселянскаго быта, такъ какъ въ заготовленіи сѣна, по умѣреннымъ цѣнамъ южныхъ провинцій здѣшнихъ, по крайней мѣрѣ на первий случай, не настоитъ особенной необходимости».

Восемь лѣтъ тянулось это дѣло, и только въ 1844 году духовные христіане могли сказать, что они избавились отъ плѣненія египетскаго и увидали обѣтованную землю: изъ числа тѣхъ изъ своихъ «единомышленниковъ», которые вмѣстѣ съ ними вынесли

*) Это было осенью 1839 года.

«гоненіе немилостивыхъ фараоновъ» (такъ они называли царицынскаго полиціймейстера Розенмейера и какого-то полицейскаго чиновника Лобарскаго) многихъ недосчитывались на мѣстѣ новаго поселенія—одни перемерли еще въ Дубовкѣ, другихъ пришлось хоронить въ дорогѣ.

Одновременно съ этими и другими поволжскими сектантами поднялись раскольники въ разныхъ мѣстностяхъ. Особенно сильное движеніе въ пользу переселенія оказалось по рѣкѣ Хопру. Духовные христіане этой мѣстности, носившіе названіе, какъ и дубовскіе раскольники, то просто молоканъ, то іудействующихъ, съ подраздѣленіемъ на субботниковъ и воскресенниковъ, то наконецъ оффиціально называвшіеся «жидовскою сектою», разсѣяны были во множествѣ прихоперскихъ селеній. Молокане находились также и въ городѣ Балашовѣ, въ средѣ купеческаго и мѣщанскаго сословій. Прихоперскіе раскольники задумали оставить эти мѣста также въ 1836 году по общему уговору и вслѣдствіе предварительныхъ тайныхъ сношеній. Такимъ образомъ одновременно началось раскольническое движеніе въ Балашовѣ и въ селеніяхъ: Меликѣ, Свинухѣ, Дурникинѣ, Кислое тожъ, Инясевѣ и Туркахъ. И здѣсь, какъ и въ Дубовкѣ, раскольники должны были вынести не мало испытаній: по цѣлымъ годамъ тянулись справки, выправки, допросы, запугиванія; все, что имѣли раскольники, было ими прожито, потому что каждый годъ, надѣясь на выпускъ изъ «Египта» въ слѣдующую весну, они принуждены были переживать «между египтянами» и весну и лѣто, и слѣдующую затѣмъ зиму, а потомъ снова весну, лѣто и т. д.; а между тѣмъ, въ ожиданіи этой весны, они не рѣшались засѣвать поля, продавали свое имущество и въ конецъ раззорялись. «Хожденіе» прихоперскихъ молоканъ тянулось такимъ образомъ *тринадцать лѣтъ*; въ это время «главы семействъ», задумавшихъ переселиться, почти всѣ перемерли; не мало перемерло раскольниковъ и отъ нужды, отъ невозможности найти себѣ пропитаніе при полномъ разстройствѣ хозяйствъ. Раскольники дошли наконецъ до того, что многія семейства, начавъ «хожденіе» о переселеніи еще въ 1836 году и не видя конца этой волокитѣ, уже въ 1849 году «тайно, въ ночное время», ушли изъ своихъ селеній. Всѣ ли они увидѣли свою обѣтованную землю,—неизвѣстно; извѣстно

дили и православные, «невѣжда-мужикъ» Михаилъ Мокѣевъ дѣлалъ возгласы, крестьянскіе же мальчики попеременно читали часы сынъ крестьянина Андреева Ефремъ—челъ апостолъ, во время чтенія коего Моисей Степановъ кадилъ всѣ иконы, а Иванъ Купріяновъ прочиталъ евангеліе съ произношеніемъ словъ—отъ Матѳея святаго Евангелія чтеніе, а пѣвцы пѣли какъ предъ началомъ, такъ и по окончаніи онаго: слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ, и т. д.

Подобныя обнаруженія раскола, все болѣе и болѣе ширившагося въ Поволжьѣ и охватывавшаго города и деревни даже не смѣшаннаго населенія, заставили примѣнить къ часовнямъ болѣе строгія мѣры чѣмъ тѣ, которыя существовали до тридцатыхъ годовъ. До этого времени относительно раскольническихъ молитвенныхъ зданій существовало правило, что тѣ раскольническія церкви, часовни и молитвенные дома, которые построены до 17 сентября 1826 года, оставляются въ томъ положеніи, въ какомъ они въ то время были, послѣ же того не только вновь строить что-либо похожее на церкви, но и передѣлка или возобновленіе старыхъ подобныхъ зданій ни по какому случаю не должны быть дозволяемы. Поэтому въ 1839 году, 5-го мая, повелѣно было: противозаконно построенную или возобновленную часовню или моленную раскольническую губернское начальство, по дознанію, запечатываетъ, и съ точнымъ изложеніемъ обстоятельствъ доноситъ министерству внутреннихъ дѣлъ, присовокупляя и мнѣніе, какъ полагало бы поступить далѣе: если часовня, оставленная запечатанною, будетъ распечатана своевольно, или, съ употребленіемъ подлога, откроются въ ней раскольническія собранія, то за это вторичное противозаконное дѣйствіе она подлежитъ уничтоженію; въ случаѣ необходимости уничтожить часовню, губернское начальство, получивъ на то разрѣшеніе министерства, должно произвести это, по избраніи удобнѣйшаго времени, со всевозможною осмотрительностію и безъ предварительной огласки, могущей подать поводъ къ народнымъ скопищамъ.

Насколько расколъ успѣлъ въ это время захватить собой все Поволжье, видно изъ того, что не только число раскольниковъ множилось съ каждымъ годомъ, православныя села передавались на сторону сектантовъ, являлись по захолустьямъ пророки и проро-

чицы, но и настала какая-то общая сектаторская разнузданн секты смѣшивались между собою, простые сектанты шли въ кане, начиналось въ Поволжьѣ іудейское обрѣзаніе младенц православное духовенство нерѣдко изгонялось изъ селеній. того, Поволжье стало поддаваться обаянію скопчества, и эта у ная секта все болѣе и болѣе забирала въ свои руки увлеченн ею прозелитовъ въ городахъ и селахъ. Такъ, около этого вре открыты были скопческія общества въ Саратовѣ а равно въ лахъ Широкомъ Уступѣ и Дальнемъ Переѣздѣ Аткарскаго у Малиновкѣ Балашовскаго и Вязовомъ Гаѣ Хвалынскаго. Кон скопцы не оглашали, подобно другимъ раскольникамъ, своихъ ствій, но тайныя нити этой секты растянуты уже были по в Поволжью. Въ Саратовѣ захваченъ былъ скопческій *пророкъ* Да Степановъ, бѣглый крестьянинъ графа Разумовскаго, по фал вому паспорту приписавшійся въ саратовскіе мѣщане. Степа между саратовскими скопцами, кромѣ званія пророка, игралъ первосвященника, занимая первенствующее мѣсто при соверш скопческихъ богослуженій. Вмѣстѣ съ пророкомъ захвачены другіе скопцы: цеховой Петръ Бочаевъ, все семейство саратовс купца Агаѳона Бекетова—его сыновья, невѣстки, дѣти, помѣщ и экономическіе крестьяне и крестьянки, однодворцы, мѣщ солдаты—всего болѣе шестидесяти человѣкъ. Скопческая пр ганда разошлась въ это время на такое далекое пространство. нити ея изъ Саратова проведены были до Рязани, до Бѣл Тулы, Москвы и Петербурга. Ближайшія разслѣдованія откр конечно, разныя мелкія подробности, интересныя развѣ тольк физіологической точки зрѣнія—у мужчинъ «безжизненность» изв ныхъ частей, отвращеніе отъ мяса и вина, строгое воздерж отъ закалыванія животныхъ и птицъ, а у женщинъ и дѣвушек «разслабленіе, изнуреніе, лишеніе натуральной живости и ц въ лицѣ, плоскость и вялость грудей» и т. д.

Между тѣмъ самое противодѣйствіе расколу вызывало не ренныя его проявленія, особенно тамъ, гдѣ успѣвшіе бѣжать уничтоженныхъ иргизскихъ монастырей коноводы раскола ра скали слухъ, что насталъ конецъ старой вѣрѣ. Въ селѣ Каме напримѣръ, запечатали раскольничью часовню за то, что тамъ

давались свѣчи въ ущербъ дохода православныхъ церквей, а на другой день около часовни собралась толпа народу, и крестьянинъ Мокѣевъ, оплакивая мнимое гоненіе церквей, громко читалъ къ народу изъ какой-то раскольнической книжки духовные стихи и плакалъ, «неистово гнусоватымъ образомъ—какъ доносилъ благочинный—оглашалъ»:

«Охъ, увы, увы, благочестіе,
Увы, древлее правовѣріе.
Кто лучи твоя скоро потемни,
Кто блистанія тако измѣни?
Десятерожный звѣрь сіе сотвори,
Седмиглавный змій тако учини,
Весь церковный чинъ звѣрски преврати,
Вся преданія злобно истреби:
Церкви божіи истребишася,
Тайнодѣйствія вся лишишася,
А и пастыри поплѣнилися,
Жаломъ дьявола умертвилися.
Зѣло горестно о семъ плачемся,
Увы, бѣдніи сокрушаемся,
Что вси пастыри посмрадилися,
Въ еретичествѣ потопилися», и т. д.

При этомъ чтеніи декламировавшаго и плакавшаго раскольник собравшійсяококо часовни народъ пришелъ въ такое волненіе, что готовъ былъ силою распечатать часовню, если бы не былъ остановленъ благочиннымъ. Надъ Мокѣевымъ назначено было слѣдствіе, и рукописная книжка, «полууставная», по которой онъ декламировалъ приведенные стихи, была отобрана и представлена мѣстному архіерею.

Бродячіе раскольничьи пророки дошли до того, что распустили слухъ о появленіи антихриста, который разрушаетъ церкви и всѣхъ обращаетъ въ свою вѣру. Явились даже проповѣдники самосожигательства, которые увѣряли, что единственное спасеніе отъ общей гибели, посланной на землю,—это сожженіе своихъ тѣлесъ на кострахъ. Такъ въ селѣ Копенахъ, на Медвѣдицѣ, взятъ былъ ста-

слѣдователей въ Копенахъ, такъ какъ намъ извѣстно, что лѣтъ за десять до описываемаго нами случая въ этомъ селѣ было нѣсколько самосожигателей, которые и погибли ужасною смертью самосожженія *). Что же касается до проповѣди Самоткина, то возможныя отъ нея послѣдствія были предупреждены своевременнымъ арестованіемъ проповѣдника-фанатика и преданіемъ суду всѣхъ его последователей, захваченныхъ въ избѣ крестьянки Игнатьевой.

Вообще раскольники обѣихъ сторонъ Поволжья, и нагорной и луговой, находились въ сильномъ возбужденіи, особенно когда, послѣ оказавшагося между ними общаго движенія, въ которомъ высказывалась мысль о поголовномъ выселеніи изъ Поволжья и раскольниковъ и не раскольниковъ-крестьянъ, послѣдовало распоряженіе правительства о пріостановленіи, впредь до особаго распоряженія, переселеній на Кавказъ и въ закавказскія провинціи. Крайнее броженіе умовъ преимущественно проявилось около нравственныхъ центровъ поволжскаго раскола, въ крестьянскомъ населеніи за Волгой, около иргизскихъ монастырей, а равно въ поволжскихъ городахъ Хвалынскѣ, Вольскѣ, Саратовѣ и Дубовкѣ, гдѣ, не смотря на поголовное почти переселеніе «духовныхъ христіанъ» на Кавказъ, оставались еще коноводы раскола, какъ Кобызевъ, которые и мутили остальное населеніе. На Иргизахъ такое броженіе сказалось разными манифестаціями молоканъ въ деревняхъ Яблонномъ Врагѣ и Тягломъ Озерѣ.

Симптомы броженія умовъ въ раскольникахъ и повсемѣстное обнаруженіе какого-то раздраженія въ крестьянскомъ населеніи были такого рода, что вызвали правительство на принятіе болѣе энергическихъ мѣръ въ отношеніи къ сектантамъ.

Нужно было поколебать «столпы» раскола—послѣдніе иргизскіе монастыри: на нихъ-то и обрушился первый ударъ, которымъ думали «подавить и уничтожить гидру суевѣрія и разврата», какъ выражался саратовскій губернаторъ Фадѣевъ.

---

*) Подлиннаго дѣла двадцатыхъ годовъ о копенскихъ самосожигателяхъ мы не могли найти въ мѣстныхъ архивахъ, хотя оно, повидимому, и значится въ описи саратовскаго губернскаго архива за 1828 годъ, подъ № 1106.

III.

Въ концѣ 1840 года, саратовскій губернаторъ, представляя управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графу Строга[illegible] свѣдѣніе объ исполненіи имъ предписанія министерства объ [illegible]льныхъ крестьянахъ николаевскаго уѣзда, деревень Яблоннаго [illegible]ага и Тяглаго Озера, судимыхъ за публичное отправленіе бого[illegible]луженія по молоканской сектѣ, сообщилъ и свои соображенія от[illegible]сительно необходимости уничтоженія послѣднихъ раскольничьихъ монастырей на Ирги[illegible]

Губернаторъ писал[illegible]нову, что, находясь въ Николаевскомъ [illegible]дѣ [illegible]самошнихъ присутственныхъ мѣстъ, онъ [illegible]аніе на иргизскіе монастыри и, посѣщая [illegible]ности узнать образъ мыслей монастырскихъ [illegible]входилъ съ ними въ продолжительные [illegible]говоры,[illegible]отрѣлъ всѣ постройки монастырей, познакомился [illegible]женіемъ и мѣстностью и нашелъ слѣдующее: два м[illegible]кресенскій и средне-николаевскій, отстоящіе отъ города Николаева—первый въ 50 верстахъ, а послѣдній въ 7, по присоединеніи, въ 1837 году, къ единовѣрію, «потеряли довѣренность раскольниковъ»; въ настоящее время,—писалъ губернаторъ,—оба эти монастыря «по крайней мѣрѣ безвредны, и есть надежда, по мнѣнію моему, довольно вѣрная, что единовѣрцы въ непродолжительномъ времени озарятся свѣтомъ истины и возвратятся въ нѣдры церкви православныя; два другіе монастыря, верхне-николаевскіе, мужской и женскій, въ разстояніи отъ города—первый въ 12 верстахъ, а послѣдній 16, а другъ отъ друга—дорогою пять верстъ, а мѣстными тропинками около трехъ, будучи гнѣздилищемъ заблужденій и разврата, поддерживаютъ въ заволгскомъ краѣ расколъ и вредны во всѣхъ отношеніяхъ»; поэтому—полагалъ губернаторъ—«было-бы весьма полезно уничтожить эти монастыри, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Къ этому губернаторъ присовокуплялъ, что одинъ изъ этихъ монастырей, мужской, имѣетъ сношенія съ молоканами удѣльнаго вѣдомства, находящимися въ деревняхъ Яблонномъ Врагѣ и Тягломъ Озерѣ, гдѣ и

были произведены раскольниками не малыя смуты. «Крестьяне деревень Яблоннаго Оврага и Тяглаго Озера суть раскольники молокане, самые злые, упорные и погруженные въ невѣжествѣ, развратѣ и порокахъ (писалъ губернаторъ графу Строганову): они стараются всемѣрно поддержать въ томъ краѣ расколъ; исполненіе означеннаго выше приговора надъ собраніями ихъ сильно надъ ними подѣйствуетъ и во всѣхъ случаяхъ весьма полезно, въ особенности-же облегчитъ средства къ достиженію цѣли правительства—искорененія раскола».

Менѣе чѣмъ черезъ полгода (27 апрѣля 1841 года) послѣдовало высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія:

1. Старообрядческій верхнеспасопреображенскій на Иргизѣ монастырь, за смертью послѣднихъ иноковъ, получившихъ въ 1797 году привиллегію монастырскихъ жителей и по прекратившемуся въ немъ священнослуженію, обративъ въ единовѣрческій монастырь, перевесть въ этотъ монастырь, если окажется нужнымъ, нѣсколько иноковъ изъ другихъ единовѣрческихъ монастырей и опредѣлить отъ епархіальнаго начальства священника для отправленія тамъ службы божіей и таинствъ церковныхъ по древнему обычаю и старопечатнымъ книгамъ.

2. Начальствующихъ въ монастырѣ и имѣющихъ разныя монастырскія должности лицъ, если присоединятся къ единовѣрію, оставить при ихъ мѣстахъ и должностяхъ и взносить за нихъ въ общества ихъ подати и повинности, до новой ревизіи, изъ монастырскихъ доходовъ; въ случаѣ-же, если они останутся въ расколѣ, дать этому монастырю единовѣрческаго настоятеля и замѣстить прочія должности единовѣрными иноками, по распоряженію епархіальнаго начальства.

3. Равномѣрно оставить въ монастырѣ и прочихъ по паспортамъ и видамъ проживающихъ, если они присоединятся къ единовѣрію, съ платяжемъ за нихъ, если принадлежатъ къ городскимъ или сельскимъ обществамъ, податей и повинностей, до новой ревизіи, изъ монастырскихъ доходовъ.

4. Изъ тѣхъ-же доходовъ уплачивать подати и повинности за приписанныхъ къ этому монастырю государственныхъ крестьянъ, съ тѣмъ чтобы тѣ изъ нихъ, кои не пожелаютъ обратиться къ

ніи умовъ, какое сказывалось въ раскольникахъ всего Поволжья графъ Строгановъ присовокуплялъ ко всему этому: «я отношусь къ в-му пр-ву по сему предмету въ томъ предположеніи, что вы вступили уже въ управленіе губерніею; въ противномъ-же случаѣ я прошу васъ оставить сіе мое предписаніе безъ исполненія до времени вступленія вашего въ должность, *такъ какъ, согласно высочайшей воли, дѣло сіе поручается вамъ подъ личную вашу отвѣтственность*».

21 мая Фадѣевъ получилъ это предписаніе, а 26 онъ былъ уже въ Вольскѣ, по дорогѣ къ Иргизамъ.

Передъ отъѣздомъ онъ сдѣлалъ слѣдующія секретныя распоряженія: желая по возможности, чтобы тайна его намѣреній не была обнаружена и не оглашена между раскольниками, Фадѣевъ, чтобъ замаскировать свой отъѣздъ, написалъ не николаевскому окружному начальнику, въ округѣ котораго находились раскольничьи монастыри, а новоузенскому, чтобы онъ въ тотъ-же вечеръ отправился черезъ городъ Вольскъ въ городъ Николаевскъ и ожидалъ бы тамъ его прибытія для принятія порученій лично отъ губернатора, такъ какъ николаевскій окружный начальникъ боленъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велѣлъ этому начальнику распорядиться, при проѣздѣ по тракту отъ Саратова, о немедленномъ заготовленіи на станціяхъ по двѣнадцати обывательскихъ лошадей сверхъ почтовыхъ. Съ нимъ вмѣстѣ онъ послалъ предписанія николаевскому городничему и исправляющему должность окружнаго начальника, съ извѣщеніемъ о своемъ выѣздѣ. Первому онъ писалъ, что, предполагая прибыть, 26 числа, въ Николаевскъ и имѣть тамъ ночлегъ, онъ желаетъ, чтобъ, при проѣздѣ его чрезъ городъ, «чиновники никакихъ встрѣчь и приготовленій не дѣлали», а что онъ находитъ только нужнымъ имѣть при себѣ земскаго исправника, для сопровожденія по тракту къ селенію Пестравкѣ, и кого-нибудь изъ становыхъ въ селѣ Балаковѣ. Окружному-же начальнику, между тѣмъ, Фадѣевъ писалъ, что онъ располагаетъ прибыть въ Николаевскъ и въ округъ этого города для совѣщаній, будто-бы, съ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, на границѣ оренбургской и саратовской губерній, по дѣламъ, касающимся башкирскихъ земель, что поэтому онъ долженъ распорядиться къ тому времени

заготовленіемъ по тракту черезъ село Пестравку по двѣнадцати лошадей съ проводниками, какъ для проѣзда его самаго, такъ и начальника съемки «свободныхъ земель». Чтобы еще больше обмануть населеніе и распустить слухъ о башкирскихъ земляхъ для отвлеченія любопытства народа совершенно въ противоположную сторону, Фадѣевъ приказывалъ окружному начальнику возложить на кого-либо изъ членовъ пестравскаго волостного правленія дознать подъ рукою — не появились-ли въ сосѣдствѣ ихъ сборища башкирцовъ и не разглашали-ли какихъ-либо предположеній насчетъ земель, ими оспариваемыхъ,—чтобъ донесеніе объ этомъ было представлено Фадѣеву тотчасъ по пріѣздѣ его въ Пестравку, чтобы къ его пріѣзду въ Николаевскъ собрались волостные головы малокопаевскій и тагетовскій и чтобы самъ начальникъ никуда не отлучался.

. Кромѣ того, передъ отъѣздомъ Фадѣевъ призывалъ къ себѣ жандармскаго начальника Есипова и объявилъ ему секретно высочайшую волю о раскольническихъ монастыряхъ, а потомъ написалъ, чтобы Есиповъ тоже выѣзжалъ въ Вольскъ къ утру 26 мая и взялъ-бы съ собою нѣсколько благонадежныхъ жандармовъ. Онъ просилъ Есипова—«сохранить на счетъ отъѣзда вашего по вольскому тракту совершенную безгласность, объявивъ, если то необходимо будетъ, или давъ видъ, что отправляетесь со мною въ Кузнецкій уѣздъ, по случаю возникавшихъ тамъ между крестьянами безпокойствъ». Между тѣмъ, саратовскому земскому исправнику написалъ, что онъ отмѣняетъ распоряженіе свое относительно предполагаемой поѣздки въ Кузнецкій уѣздъ, и велѣлъ распустить лошадей, приготовленныхъ на станціяхъ отъ села Клещовки. Мало того, вольскому почтмейстеру онъ приказалъ остановить на этотъ день всю почтовую корреспонденцію, а равно всѣ посылаемые съ нарочнымъ отъ кого-либо частные и казенные пакеты по пути отъ Саратова къ Николаевску.

Съ своей стороны саратовскій преосвященный Іаковъ, по тайному совѣщанію съ Фадѣевымъ, послалъ на Иргизы, одновременно съ губернаторомъ, двухъ довѣренныхъ протоіереевъ, Ѳедора Вязовскаго и Гавріила Чернышевскаго, давъ имъ особыя секретныя инструкціи. Кромѣ того, Іаковъ предписалъ благочинному архи-

мандриту Платону, настоятелю нижневоскресенскаго единовѣрческаго монастыря (обращеннаго изъ раскольническаго въ 1837 году), а равно настоятелю другого единовѣрческаго монастыря, никольскаго, іеромонаху Арсенію, исполнять всѣ требованія, съ какими можетъ къ нимъ отнестись Фадѣевъ въ данномъ случаѣ. Затѣмъ, предварительныя распоряженія Іакова заключались въ слѣдующемъ: архимандритъ Платонъ посылаетъ въ старообрядческій спасопреображенскій монастырь священника никольскаго единовѣрческаго монастыря Лебедева или надежнаго іеромонаха, по своему усмотрѣнію, для отправленія тамъ богослуженія и церковныхъ таинствъ по древнему обычаю и старопечатнымъ книгамъ, если иноки старообрядческаго монастыря примутъ единовѣріе; если-же они не пожелаютъ присоединиться къ единовѣрію, то принять начальство, временно, надъ этимъ монастыремъ самому Платону, а управленіе нижневоскресенскимъ монастыремъ поручить надежному іеромонаху; архимандритъ Платонъ долженъ взять съ собой изъ воскресенскаго монастыря, смотря по надобности, нѣсколько иночествующихъ, для порученія имъ монастырскихъ должностей и послушаній по старообрядческому монастырю; архимандритъ Платонъ, принявъ начальство надъ старообрядческимъ монастыремъ, долженъ совершить въ монастырской церкви молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору и царской фамиліи, равно и святѣйшему синоду; архимандриту Платону предоставляется освятить монастырскую церковь въ старообрядческомъ монастырѣ по обращеніи его въ единовѣріе, для чего и посланъ Платону антиминсъ древней формы; потомъ архимандритъ Платонъ долженъ немедленно составить опись монастырскому движимому и недвижимому имуществу, затѣмъ принять въ свое завѣдываніе и женскую старообрядческую обитель, находящуюся отъ мужской въ трехъ верстахъ, составить вѣдомости монастырскому населенію и имуществу при іеромонахѣ Арсеніи, а если онъ боленъ, то при протоіереѣ Элпидинскомъ.

Наконецъ, когда Фадѣевъ уже выѣзжалъ изъ Саратова, его нѣсколько разъ догоняли посланные отъ Іакова съ записками, совершенно секретно вручаемыми, изъ коихъ въ одной, напримѣръ, говорилось: «Книги и зловредныя тетрадки у *жильцовъ* (расколь-

согласія жителей, силою воинскою, которые жители и наказаны ссылкою въ закавказскія провинціи, признанные преступниками высочайшей воли. Послѣдній-же, сей верхнеспасопреображенскій, о тя и состоитъ старообрядческимъ, но священства во ономъ, съ 1836 года, по распоряженію начальства, не имѣется, и, гдѣ таковые священники находятся, отлучаться намъ туда для исполненія духовныхъ своихъ требъ строго воспрещается, да и всякая изъ монастыря отлучка тожъ воспрещена. За исполненіемъ-же таковыхъ дѣйствій, положеннаго напротивъ евангельскаго Христова изреченія—«никто-же можетъ пріити ко мнѣ, аще не отецъ небесный привлечетъ его» и напротивъ нынѣ существующаго гражданскаго закона (т. XIV, ст. 73), не дозволяющаго господствующей церкви имѣть ни малѣйшихъ понудительныхъ средствъ при обращеніи иновѣрныхъ и отнюдь ничѣмъ не угрожать, поступать-же по образу проповѣди апостольской,—старообрядцы, имѣющіе свое вѣроисповѣданіе, основанное на ученіи Христа Спасителя, апостольской проповѣди и на церковномъ святыхъ отецъ преданіи, изложенномъ въ старопечатныхъ книгахъ, существовавшихъ при пяти первыхъ россійскихъ патріархахъ, а не на предразсудкахъ человѣческихъ, и по нынѣ все остаются старообрядцами; духовное-же начальство, не удовлетворяясь таковыми вышепрописанными дѣйствіями, продолжаетъ и теперь порицательныя къ стѣсненію старообрядцовъ передавать къ гражданскому начальству свои мнѣнія и, по частному неимѣнію священства, смѣшивается старообрядческое вѣроисповѣданіе съ прочими богопротивными сектами».

Вслѣдствіе этого раскольники, подкрѣпляясь еще ст. 45, т. I, просили дать имъ священниковъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія 26 марта 1822 года, а если этого нельзя сдѣлать, то дозволить по крайней мѣрѣ пріѣзжать имъ на Иргизы временно изъ столицъ и другихъ городовъ, гдѣ есть старообрядческіе священники, для исправленія между иргизскими раскольниками требъ и богослуженія въ монастырскихъ церквахъ. «Мы усугубимъ славить всемогущаго Бога по закону и исповѣданію праотцевъ нашихъ (прибавляли раскольники), благословляя царствованіе россійскаго монарха отца нашего и моля творца вселенной объ умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силы имперіи».

никому отпускаемы, кромѣ чиновниковъ, нарочныхъ и командъ, которыя будутъ посылаемы лично Фадѣевымъ. Наконецъ, губернаторъ поручилъ Краснову распорядиться, чтобы отправленіе частныхъ писемъ и всякихъ посылокъ посредствомъ обывательскихъ лошадей было непремѣнно пріостановлено. Этимъ способомъ Фадѣевъ желалъ прервать всякое сообщеніе съ иргизскими монастырями, чтобы кто-либо тайно не предувѣдомилъ ихъ о грозящей раскольникамъ опасности, ибо раскольники вездѣ имѣли своихъ сторонниковъ, соглядатаевъ и подкупщиковъ. Тутъ же онъ приказалъ Краснову безотлучно находиться въ Балаковѣ или назначить кого-либо изъ благонадежнѣйшихъ служебныхъ лицъ для безотлучнаго нахожденія при балаковскомъ перевозѣ черезъ Волгу: это лицо должно было наблюдать, чтобы день и ночь были въ готовности одинъ досчаникъ и двѣ лодки, которыхъ ни подъ какимъ видомъ никому не давать, кромѣ тѣхъ нарочныхъ, чиновниковъ и командъ, которыя будутъ снабжены личными приказаніями губернатора. Наконецъ, вольскому земскому исправнику Фадѣевъ велѣлъ, кромѣ заготовленія подводъ по всѣмъ трактамъ—на Иргизы и обратно въ Саратовъ, наблюдать строжайше, чтобы въ теченіе этого времени положительно никому не были даваемы обывательскія подводы подъ своз партикулярныхъ проѣзжающихъ, равно нарочныхъ, посылокъ и писемъ отъ всѣхъ частныхъ лицъ. Самъ исправникъ долженъ былъ безотлучно находиться на правомъ берегу Волги, противъ Балакова, и имѣть при себѣ лодки и досчаникъ для экстренныхъ посылокъ.

28-го мая всѣ чиновныя лица какъ гражданскаго, такъ и духовнаго вѣдомства, губернаторъ, жандармскій начальникъ и пр. съѣхались въ городѣ Николаевскѣ. Въ тайномъ совѣщаніи обсужены были всѣ мѣры, которыя могли привести къ наиболѣе успѣшному и возможно безгласному исполненію распоряженія правительства. Положено было захватить раскольническую обитель въ тотъ именно моментъ, когда все монастырское населеніе будетъ находиться въ церкви. Это было мнѣніе архимандрита Платона, который заявилъ въ совѣщаніи, что въ монастырѣ утреня начинается въ три часа, оканчивается въ шесть; часы начинаются въ девять, а оканчиваются въ одиннадцать: всѣ монашествующіе, даже

тѣ, которые заняты нѣкоторыми монастырскими послушаніями, въ десяти часамъ непремѣнно соберутся въ церковь. Этотъ моментъ Платонъ находилъ «удобнѣйшимъ къ дѣйствію». Въ совѣщаніи положено, что въ началѣ одиннадцатаго часу архимандритъ Платонъ и прочее духовенство будутъ находиться близъ монастыря, именно у плотины, на дорогѣ, ведущей въ самую обитель; эти лица должны были находиться въ двухъ закрытыхъ повозкахъ и по первому зову тотчасъ явиться въ монастырь. Такъ какъ изъ мужского монастыря въ женскій ведутъ двѣ дороги—сухопутная, около озера Калача, черезъ лѣсъ, и другая—черезъ озеро на лодкахъ, то въ этихъ двухъ мѣстахъ постановить караулъ, который долженъ преградить всякое сообщеніе между обителями. Приняты были во вниманіе еще слѣдующія обстоятельства: раскольники сосѣднихъ селъ Давыдовки и Пузановки, а равно изъ города Николаевска, такъ какъ «не почитаются особенно склонными къ противленію», то они и признаны неопасными. Относительно чиновниковъ удѣльнаго вѣдомства въ тайномъ совѣщаніи заявлено было, что, «сколько извѣстно по слухамъ, надежнымъ признается окружный г. Воробьевъ; впрочемъ и о другихъ ничего противнаго не извѣстно». Настоятель монастыря Силуанъ, четыре его помощника или старшіе изъ братіи, «а по формѣ монастырской старообрядческой—уставщики»—Аѳанасій, Платонъ, Веніаминъ и Трифиллій, «изъ коихъ менѣе упорными признаются Веніаминъ и Трифиллій, а прочіе одного духа противнаго».

Нѣсколькихъ часовъ достаточно было, чтобы «сіи послѣднія твердыни древляго правовѣрія пали предъ смраднымъ дыханіемъ звѣря десятирожнаго»: таковъ отзывъ раскольниковъ о паденіи послѣднихъ двухъ раскольническихъ оплотовъ на Иргизахъ.

А вотъ въ какой формѣ Фадѣевъ доносилъ графу Строганову объ окончательномъ исполненіи имъ высочайшей воли относительно иргизскихъ монастырей.

«По предварительномъ соображеніи существа дѣла, я нашелъ, что для достовѣрности успѣха, сообразно видамъ и указаніямъ, необходимы были два условія: 1) внезапность и нечаянность исполненія въ отношеніи къ обитателямъ монастырей и отвращеніе всякаго препятствія къ исполненію во время самаго приведенія въ дѣйствіе; 2) уни-

чтоженіе моральной причины покушенія окрестныхъ старообрядцевъ къ возвращенію монастырей въ старообрядчество и отвращеніе какихъ-либо со стороны ихъ безпокойствъ послѣ обращенія.

«Для достиженія перваго условія потребна была совершенная неизвѣстность предпріятія до самаго времени исполненія; почему всѣмъ моимъ предварительнымъ распоряженіямъ и дана была совершенная безгласность, отъѣзду-же изъ Саратова—другой благовидный предлогъ.

«Для уничтоженія моральной причины къ покушенію старообрядцевъ возвратить монастыри и произвести безпокойства послѣ обращенія, необходимо было скорѣйшее вступленіе единовѣрческаго духовенства въ церкви и окропленіе оныхъ святою водою, съ каковымъ дѣйствіемъ соединяется нелѣпое, но не менѣе того сильное убѣжденіе старообрядцевъ и увѣренность, что завѣтная святыня ихъ храма послѣ сего уничтожается. Извѣстно, что старообрядцы дорожатъ своими церквами токмо дотолѣ, пока не послѣдуетъ освященіе ихъ по уставамъ единовѣрія, послѣ чего они содѣлываются уже совершенно къ обладанію ими равнодушны».

Вотъ на этихъ-то соображеніяхъ и основаны были всѣ дѣйствія Фадѣева.

Рано утромъ, 28-го мая, въ сопровожденіи духовенства, чиновниковъ, жандармовъ и солдатъ, Фадѣевъ выѣхалъ изъ Николаевска. Въ тотъ-же часъ, одновременно съ выѣздомъ, онъ распорядился—удалить изъ всѣхъ смежныхъ селеній, не далѣе двухъ верстъ разстоянія отъ монастырей, тѣхъ изъ обывателей-раскольниковъ, которые, по вліянію на умы мѣстнаго крестьянскаго населенія, могли быть не безопасны и могли поднять крестьянъ на бунтъ, что и было въ 1837 году,—прекратить на время всякое сообщеніе между монастырями,—обложить всѣ окрестныя дороги народомъ изъ православнаго населенія Николаевска и ближайшихъ селъ,—отнять у монаховъ всѣ средства запереть монастырь, церковь, ризницу и покуситься на воззваніе къ поголовному ополченію сосѣднихъ крестьянъ посредствомъ набатныхъ колоколовъ или какимъ-либо другимъ условнымъ знакомъ съ колокольни,—для чего пущены были въ дѣло солдаты, которые и заняли караулы разомъ во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ и именно въ то самое время, когда Фадѣевъ со свитою чиновниковъ неожиданно вступилъ въ монастырскую церковь.

Внезапность появленія властей въ монастырской оградѣ, штыки, по мановенію невидимой руки разомъ заблестѣвшіе у монастырскихъ воротъ, у церкви, ризницы и колокольни, зловѣщая тишина и одновременность, съ которою все это сдѣлалось, такъ поразили раскольниковъ, неожиданно очутившихся въ засадѣ, что монастырь сдался безъ признака даже сопротивленія. Монахи не знали даже, что дѣлается за воротами—кто тамъ, не окружены-ли они со всѣхъ сторонъ войскомъ, не направлены-ли на ихъ теплое гнѣздо жерла пушекъ. Помощи ждать было повидимому неоткуда: ихъ защитники, крестьяне, или предали ихъ или уступили силѣ. Все было потеряно.

Собравшимся въ церкви монахамъ Фадѣевъ тотчасъ же объявилъ высочайшую волю. Затѣмъ, по прочтеніи высочайшаго повелѣнія, «я—говоритъ губернаторъ—потребовалъ отъ нихъ отзыва, отъ каждаго порознь, о согласіи или несогласіи на обращеніе въ единовѣріе: они приняли таковое повелѣніе, по крайней мѣрѣ наружно, съ покорностію и смиреніемъ; но присоединиться къ единовѣрію въ то-же время не согласились».

Вслѣдъ затѣмъ въ церковь вступилъ архимандритъ Платонъ съ единовѣрческимъ и инымъ духовенствомъ, въ полномъ церковномъ облаченіи. Губернаторъ вновь прочиталъ высочайшее повелѣніе. Тогда Платонъ, «испытавъ средства религіознаго убѣжденія и наконецъ видя безплодность увѣщаній, немедленно, въ полномъ облаченіи, произвелъ окропленіе церкви святою водою съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору и всему августѣйшему дому». Затѣмъ архимандритъ «счелъ необходимымъ поставить инокамъ на видъ суетность ихъ святыни и воображаемой древности церкви, раскрытіемъ, что антиминсъ на престолѣ былъ безъ святыхъ мощей и подписи древнихъ архіереевъ».

Послѣ всего этого, сдѣлавъ подтвержденіе бывшимъ монастырскимъ настоятелю иноку Силуану и прочимъ властямъ, уставщикамъ и инокамъ о сохраненіи между обитателями монастыря спокойствія, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій, и оставивъ во всѣхъ мѣстахъ военные караулы, губернаторъ вмѣстѣ съ архимандритомъ и прочимъ духовенствомъ отправились въ женскій монастырь, гдѣ, по объявленіи высочайшаго повелѣнія, также произведено было окропленіе часовни, молебствіе, провозглашеніе моголѣтія и т. д.

Такъ совершилось, по выраженію раскольниковъ, «посрамленіе святыни древляго благочестія десяторожнымъ звѣремъ».

Архимандритъ Платонъ немедленно приступилъ къ пріему монастырскаго имущества отъ прежнихъ монастырскихъ властей, а такъ какъ раскольники продолжали упорно отказываться отъ принятія единовѣрія, то, для отправленія тамъ богослуженія и церковныхъ таинствъ по древнему обычаю и старопечатнымъ книгамъ, остался самъ въ монастырѣ съ нѣсколькими единовѣрческими монахами, въ ожиданіи распоряженія архіерея объ опредѣленіи туда постоянныхъ священно-и церковнослужителей.

Фадѣевъ и другіе чиновники выѣхали изъ морастыря обратно въ Николаевскъ, и въ тотъ-же день николаевскимъ старообрядцамъ и раскольникамъ сосѣднихъ селеній было объявлено о приведеніи въ исполненіе сказаннаго высочайшаго повелѣнія относительно иргизскихъ монастырей. «Крестьянамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушено, въ отвращеніе всякихъ ложныхъ толковъ, возникнуть могущихъ, якобы вслѣдъ затѣмъ послѣдуетъ и насильственное ихъ обращеніе къ единовѣрію,—чего, но ихъ невѣжеству и склонности къ превратнымъ истолкованіямъ, ожидать было возможно,—что обращеніе монастырей къ нимъ, крестьянамъ старообрядцамъ, въ ихъ религіозномъ положеніи и въ ограниченіяхъ законами постановленныхъ, никакого отношенія не имѣетъ, и что потому они должны оставаться совершенно спокойными, въ чемъ и оказано ими полное послушаніе», какъ доносилъ Фадѣевъ потомъ министру внутреннихъ дѣлъ. Трое сутокъ губернаторъ пробылъ въ Николаевскѣ, и въ это время ни въ городѣ, ни въ монастыряхъ, ни въ окрестныхъ селеніяхъ «спокойствіе и тишина ни малѣйше не были нарушены».

Впрочемъ, для предупрежденія могущихъ возникнуть въ монастырѣ безпокойствъ и смутъ со стороны разжалованныхъ старообрядческихъ властей, Фадѣевъ потребовалъ отъ архимандрита Платона отзыва относительно степени благонадежности или неблагонадежности бывшихъ раскольничьихъ иноковъ и насколько могутъ быть опасны коноводы раскола, если ихъ оставить въ монастырѣ или просто на свободѣ. Платонъ отозвался, что пребываніе бывшихъ монаховъ въ монастырѣ онъ «считаетъ не только возможнымъ но даже полезнымъ, въ видахъ ожидаемаго съ протеченіемъ вре-

мени и по благодати Божіей присоединенія ихъ къ единовѣрію», что только трехъ главныхъ столповъ раскола - настоятеля Силуана, а также иноковъ Аѳанасія и Платона—«положительно нельзя оставлять въ монастырѣ, изъ опасенія возможнаго отъ нихъ какого либо покушенія на обольщеніе умовъ простого народа и нарушеніе спокойствія»; что изъ бѣльцовъ никто не опасенъ, и потому они моглибы остаться въ монастырѣ; но что бывшихъ инокинь и бѣлицъ женскаго монастыря, которыхъ тамъ было больше ста старухъ, молодыхъ женщинъ, дѣвушекъ и даже дѣтей, онъ рѣшительно не знаетъ, почему и не можетъ сказать насколько это женское населеніе опасно, при всемъ томъ полагалъ-бы полезнымъ немедленно удалить изъ обители настоятельницу и уставщицъ.

Во время пребыванія въ Николаевскѣ Фадѣевъ призналъ необходимымъ сдѣлать слѣдующія мѣры по отношенію къ вновь обращеннымъ монастырямъ: для огражденія спокойствія какъ внутри монастырей, такъ и въ окрестномъ крестьянскомъ населеніи, оставлена въ монастыряхъ небольшая военная команда изъ солдатъ городовъ Вольска и Николаевска; солдаты должны были помѣщаться въ особыхъ монастырскихъ кельяхъ и довольствоваться отъ монастырской трапезы улучшенною пищею; бывшихъ иноковъ Силуана, Аѳанасія и Платона велѣлъ понудить чрезъ исправника самымъ настоятельнымъ образомъ о передачѣ ими архимандриту Платону всѣхъ хранившихся у нихъ книгъ, реестровъ, счетовъ и другихъ документовъ, относящихся до церковныхъ и монастырскихъ имуществъ: велѣлъ объявить имъ, что за уничтоженіемъ монастыря, имъ не прилично носить иноческую одежду «къ соблазну простодушныхъ людей», а что они должны избрать какую-либо свѣтскую одежду по своему желанію, всѣ-же иноческіе знаки отдать для храненія въ судѣ; затѣмъ этихъ трехъ монаховъ, по разоблаченіи отъ монашескаго платья, приказалъ отправить въ Саратовъ подъ надзоромъ чиновника Сазонова и подъ конвоемъ жандармовъ; прочихъ монаховъ, «не почитаемыхъ опасными для тишины и спокойствія обители», оставить въ монастырѣ, учредивъ надъ ними строгій надзоръ, чтобы пресѣчь всякое сообщеніе съ ними постороннихъ людей, особенно раскольниковъ: бѣльцовъ и всѣхъ принадлежащихъ къ разнымъ сословіямъ другихъ губерній оставить на время

въ монастырѣ: тѣхъ-же, которые принадлежать къ крестьянскимъ обществамъ саратовской губерніи, немедленно выслать въ подлежащія общества подъ строгій надзоръ мѣстныхъ властей, съ тѣмъ чтобы они никуда не отлучались и не носили монашескаго платья; престарѣлыхъ и безпріютныхъ поручить призрѣнію обществъ или оставить въ монастырской богадѣльнѣ; горожанъ оставить въ монастырѣ.

«Столпы благочестія» Силуанъ, Аѳанасій и Платонъ имѣли слѣдовать черезъ Вольскъ прямо въ Саратовъ, гдѣ и долженъ былъ принять ихъ вице-губернаторъ Одедессіонъ. По дорогѣ, для избѣжанія огласки и изъ опасенія возбудить въ народѣ толки, велѣно было на станціяхъ перемѣнять лошадей немедленно, не допускать у экипажей ни стеченія народа, ни разговоровъ съ арестантами, при малѣйшемъ же съ чьей-либо стороны покушеніи освободить или укрыть монаховъ—немедленно и тѣхъ и другихъ арестовать и сажать въ острогъ, особенно если покушеніе это возникнетъ въ Вольскѣ, гдѣ все раскольническое населеніе могло быть взволновано появленіемъ ихъ прежнихъ коноводовъ. Но въ то время, когда уже все было готово къ отъѣзду, новый настоятель монастыря архимандритъ Платонъ заявилъ губернатору, что Силуанъ занемогъ и не можетъ ѣхать, и потому просилъ оставить его въ монастырѣ подъ строжайшимъ надзоромъ и удаленно отъ остальнаго населенія монастыря. Фадѣевъ согласился на это.

Затѣмъ отъ всѣхъ монаховъ, монахинь, бѣльцовъ и бѣлицъ отобраны были книги, тетрадки, духовные стихи, рукописи и все, о чемъ просилъ Фадѣева Іаковъ. Что-же касается другого имущества, не вошедшаго въ монастырскія описи, то его велѣно продавать по желанію каждаго владѣльца и чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше, чтобы впослѣдствіи, когда бы предстояла необходимость всѣхъ монастырьскихъ обывателей разсылать на мѣсто родины каждаго, эти непоконченныя имущественныя дѣла не затянули разсылку монастырскаго населенія. Изъ женскаго монастыря настоятельницу инокиню Надежду и помощницу ея, уставщицу Асенефу на другой же день отправили съ особыми чиновниками и съ жандармами — первую въ Вольскъ, послѣднюю въ Хвалынскъ, къ роднымъ, подъ строжайшій надзоръ мѣстной полиціи, съ тѣмъ,

*

ными насчетъ непреслѣдованія ихъ за религіозныя ихъ убѣжденія, естьли только поступки ихъ и дѣйствія будутъ согласоваться съ существующими на сей конецъ законными постановленіями». Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ приказалъ Ансіеву, по окончаніи этого оглашенія по селамъ и деревнямъ, донести «о впечатлѣніи, которое произведетъ на крестьянъ таковое объявленіе».

При отъѣздѣ Фадѣева изъ Николаевска, бывшій съ нимъ жандармскій штабъ-офицеръ Есиповъ получилъ особое порученіе. Фадѣевъ, благодаря Есипова «за благонамѣренное и полезное содѣйствіе» на Иргизахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его тотчасъ же отправиться прямо въ Хвалынскъ, городъ особенно изобилующій раскольниками, и при содѣйствіи тамошняго городничаго объявить имъ («безъ большой гласности и призвавъ ихъ къ себѣ») объ обращеніи иргизскихъ монастырей, и при этомъ «успокоить насчетъ, можетъ быть, распространяемыхъ слуховъ о какихъ-либо мѣропріятіяхъ правительства относительно ихъ вѣроисповѣданія», а напротивъ, поставивъ имъ на видъ «дарованныя монаршимъ снисхожденіемъ бывшимъ обитателямъ старообрядческихъ монастырей свободу послѣдованія ихъ религіознымъ убѣжденіямъ и права гражданства», внушить, что они «не должны опасаться никакихъ преслѣдованій и стѣсненій», если только съ ихъ стороны не будутъ нарушаемы постановленныя правительствомъ правила и формы. «Мнѣ кажется,—прибавлялъ Фадѣевъ:—что ваши внушенія должны будутъ произвесть глубокое на сихъ людей впечатлѣніе, и въ семъ то преднамѣреніи я обращаюсь къ вамъ съ моею просьбою принять на себя дѣло столь большой важности». Онъ просилъ его также, по возвращеніи въ Саратовъ, сообщить, какъ будутъ приняты хвалынскими раскольниками его убѣжденія, въ какомъ состояніи онъ найдетъ умы тамошняго населенія и не признается-ли необходимымъ принять какія-либо особенныя мѣры для предотвращенія могущихъ встрѣтиться недоразумѣній и затрудненій.

Проѣзжая черезъ Вольскъ, губернаторъ объявилъ вольскимъ старообрядцамъ о томъ, о чемъ они уже знали—сначала какъ бы по предчувствію, а потомъ отъ разнесшейся по Поволжью съ быстротою молніи народной молвы. Вольскіе старообрядцы-милліо-

перы, какъ Сапожниковы, Курсаковы и пр., не могли не чувствовать, что и до нихъ доходитъ очередь

V.

«Поздравляю съ благополучнымъ исполненіемъ важной порученности по обращенію монастырей! (такимъ письмомъ встрѣтилъ Фадѣева преосвященный Іаковъ по возвращеніи губернатора въ Саратовъ) Это прекрасное начало вашего новаго служенія престолу и отечеству. Это бриллiантъ въ вѣнцѣ вашего губернаторства. Это твердое основаніе новаго вашего поста и вмѣстѣ доказательство Божія къ вамъ благоволенія. Святая саратовская церковь будетъ васъ помнить и молиться о васъ Богу.

«Покорнѣйше благодарю ваше превосходительство за скорое увѣдомленіе меня о обращеніи монастырей. Это меня успокоило. Заготовивъ репортъ въ Петербургъ о успѣхѣ вашемъ по дѣлу обращенія монастырей, я отправляюсь въ путь, гдѣ меня давно ожидаютъ».

Тотчасъ по возвращеніи въ Саратовъ Фадѣевъ донесъ государю императору «о приведеніи въ дѣйствительное исполненіе» высочайшаго повелѣнія отъ 27-го апрѣля. Въ донесеніи этомъ никакихъ подробностей положительно не заключалось.

Графу Строганову губернаторъ донесъ обо всемъ подробно. Подробности эти болѣе или менѣе извѣстны намъ изъ предыдущей главы. Въ заключеніе же своего донесенія министерству Фадѣевъ присовокуплялъ: «Совершенная и полная безгласность сего дѣла, по высочайшей волѣ непосредственно на меня возложеннаго, кромѣ совершенія онаго безъ всякихъ безпокойствъ и смутъ, принесло еще пользу въ томъ отношеніи, что всѣ находившіяся въ церкви, монастырѣ и принадлежащемъ оному хуторѣ имущества, заключавшіяся въ утвари, запасахъ хлѣба и проч., скотѣ, лошадяхъ, и земледѣльческихъ орудіяхъ, не могли быть сокрыты или расхищены и поступаютъ нынѣ въ завѣдываніе новаго монастырскаго начальства. Церковныя вещи въ храмѣ и ризницѣ не только оказались

всѣ на лицо по описи, но даже въ значительномъ излишкѣ противу оной. Нельзя здѣсь пройти молчаніемъ страннаго, можетъ быть преднамѣреннаго, но не менѣе того неожиданнаго поступка бывшаго настоятеля Силуана. Человѣкъ этотъ, обладающій замѣчательнымъ по происхожденію его *) природнымъ умомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ производившій сильное вліяніе на приверженцевъ старообрядчества, по окончаніи почти уже описи, обратился ко мнѣ и архимандриту съ убѣдительнѣйшею просьбою принять въ казну церкви сохранившiяся у него пожертвованныя въ разныя времена деньги 7.800 руб., сохранившіеся въ билетахъ сохранной казны на имя неизвѣстнаго. Онъ присовокупилъ, что къ сему не обязывала его никакая формальность, но единственно по желанію очистить совѣсть и показать, что онъ вполнѣ чувствуетъ. какъ и всѣ его единомышленники, всю кротость и умѣренность мѣръ, которыми приведена въ исполненіе неизмѣнная высочайшая воля государя».

Привезенные въ Саратовъ иноки Аѳанасій и Платонъ помѣщены были подъ караулъ «не въ видѣ арестантовъ», въ зданіи полицейскаго управленія, во второмъ этажѣ и притомъ въ тѣхъ комнатахъ, окна которыхъ обращены не на улицу, а на дворъ, къ Волгѣ, чтобъ съ улицы никто не могъ ихъ видѣть въ окна, разговаривать съ ними или тайно что либо передать имъ черезъ окно. При этомъ полиціймейстеру приказано было—«грубаго обращенія, упрековъ или насмѣшекъ надъ ними никому изъ приставленныхъ къ нимъ для надзора строжайше не дозволять, а напротивъ, вмѣнить въ обязанность—всѣ ихъ просьбы, не противныя установленному порядку, исполнять по мѣрѣ возможности»—это относительно доставленія имъ нѣкоторыхъ удобствъ въ помѣщеніи, одеждѣ и пищѣ. Но за то велѣно было строжайше смотрѣть, чтобы ни отъ нихъ, ни къ нимъ не было передаваемо какихъ-либо книгъ, писемъ и записокъ. Наконецъ велѣно было снабдить ихъ особою по-

*) Силуанъ въ мірѣ назывался Семеномъ Никифоровымъ (хвалынскій мѣщанинъ). Ему въ то время было 51 годъ. Два другіе вліятельнѣйшіе раскольники, высланные изъ монастыря въ Саратовъ, Аѳанасій—тоже хвалынскій мѣщанинъ Абрамъ Абрамовъ, 37 лѣтъ, и Платонъ—симбирскій купеческій братъ Петръ Вандышевъ, 30 лѣтъ.

мною недоброходству къ нему жильцовъ монастырскихъ; во-вторыхъ, для скорѣйшаго освященія церкви, и въ-третьихъ, для какихъ-либо рѣшительныхъ распоряженій съ женскимъ монастыремъ, вовсе опустѣвшимъ».

Распуганные раскольники, нѣсколько одумавшись и сообразивъ свое положеніе, повели тайную борьбу противъ того самаго дѣла, которымъ убивали ихъ силу, разъединяя ее и отнимая у нея точку нравственной опоры. Эта борьба повелась можно сказать подземною силою, окольными путями, со стороны второстепенныхъ послѣ иргизскихъ раскольничьихъ центровъ—со стороны городовъ Хвалынска, Вольска, Саратова.

Въ Хвалынскѣ находился богатый раскольничій домъ купцовъ Козьминыхъ. Двѣ сестры дѣвицы Козьмины имѣли въ иргизскихъ монастыряхъ, какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ, свои собственные дома, которые отчасти служили для монастырей страннопріимными домами, отчасти-же были занимаемыми самими Козьмиными, когда сестры наѣзжали въ монастыри для богомолья, для говѣнья и просто для отдохновенія въ «прекрасной пустынѣ». Когда монастыри перешли въ руки единовѣрія, тогда Козьмины, не имѣя права проживать въ монастыряхъ и пользуясь дозволеніемъ властей, которыми разрѣшено было раскольникамъ, удалившимся изъ обителей, брать съ собой свое имущество, не вошедшее въ монастырскія описи, или продавать его, одинъ изъ принадлежавшихъ имъ домовъ, находившійся въ женскомъ монастырѣ, продали, а когда хотѣли продать и тотъ домъ, который находился въ мужскомъ монастырѣ, то архимандритъ Платонъ запретилъ имъ это. Козьмины пожаловались губернатору. Губернаторъ снесся съ архіереемъ, и уже отъ него получилъ разъясненіе интриги, которая крылась въ помянутомъ намѣреніи Козьминыхъ. Оказалось, что помянутыя зданія построены были Козьмиными «не на временное существованіе», не для пріѣзда ихъ въ монастыри на богомолье, а собственно въ пользу монастырей, для проживанія въ этихъ зданіяхъ инокамъ; что устройство и приспособленіе домовъ совершалось подъ руководствомъ монастырскаго начальства, которое и расположеніемъ комнатъ и всѣми удобствами, необходимыми для монастырскихъ цѣлей, распоряжалось по своему усмотрѣнію; что поэтому въ одномъ изъ этихъ зданій были настоятельскіе покои, а

ихъ вліятельныхъ руководителей раскола, инокъ Трифилій (родомъ изъ Симбирской губерніи), человѣкъ съ отличными природными способностями и съ замѣтною доброю нравственностью, «что онъ положительно будетъ полезенъ для монастыря, особенно если присоединится къ единовѣрію». Того-же мнѣнія онъ былъ и относительно самыхъ самостоятельныхъ характеровъ между иргизскими столпами—относительно иноковъ Силуана, Аѳанасія, Платона, Веніамина, Филарета, Всеволода и Сергія. Онъ рѣшительно доказывалъ, что ихъ не слѣдуетъ выпускать на свободу, а что они должны вѣчно остаться въ монастырѣ—«частію (какъ полагалъ Іаковъ) въ надеждѣ на обращеніе ихъ въ единовѣріе, отъ чего они, судя по ихъ мягкости обращенія и сговорчивости повидимому, не далеки частію для предотвращенія вредныхъ послѣдствій, какія могутъ произойти отъ опытности сихъ иноковъ поддерживать и распространять въ народѣ расколъ и отъ авторитета ихъ между раскольниками». Не менѣе опасными—«какъ съ большими способностями и склонныхъ поддерживать расколъ»—онъ находилъ двухъ неподатливыхъ и умныхъ бѣльцовъ, одного московскаго—Степана Яковлева, другаго николаевскаго—Степана Васильева, и не совѣтывалъ выпускать ихъ за монастырскую ограду, чтобъ не сдѣлать ихъ непримиримыми пропагандистами своего ученія.

Все-же остальное населеніе монастырей немедленно разбрелось не только по среднему Поволжью, но по губерніямъ всей Россіи, преимущественно по московской, тамбовской, тверской, вятской, владимірской, нижегородской, смоленской, оренбургской и др. Такъ велико было нравственное притяженіе иргизскихъ общинъ, что къ нимъ притекали разнородныя и едва-ли не самыя крѣпкія силы раскола изъ всѣхъ концовъ Россіи.

Объ этихъ «смиренныхъ воинахъ» разбитаго иргизскаго полчища, которые, какъ они сами выражались, не положивъ оружія вѣры, разбрелись по всѣмъ концамъ Россіи, тотчасъ-же сообщено было секретно всѣмъ губернаторамъ, что вышедшіе изъ иргизскихъ монастырей монахи и монахини, бѣльцы и бѣлицы должны быть подвергнуты строгому полицейскому надзору, что имъ безусловно запрещено ношеніе монашескаго платья и заведеніе гдѣ-бы то ни было скитовъ, моленныхъ, тайныхъ обителей и расколь-

ничьяго богослуженія, съ предупрежденіемъ, что «нарушившіе сіе запрещеніе возвращаются въ монастырь подъ строгій надзоръ и навсегда».

Около-же самихъ монастырей оставлена была военная команда, которая должна была съ одной стороны охранять монастырскія сокровища отъ расхищенія, съ другой—защищать монастыри отъ нападенія окрестнаго населенія, державшаго сторону раскола. Власти опасались, что раскольники, руководимые бродячими иноками, за которыми положительно услѣдить было невозможно, могли нечаянно напасть на монастыри, какъ на отнятую у нихъ непріятелемъ крѣпость, и разграбить собранныя годами церковныя богатства и драгоцѣнности, оскверненныя, по ихъ мнѣнію, табачниками. Команда эта мало-по-малу уменьшалась, потому что расколъ, повидимому, присмирѣлъ. Но онъ присмирѣлъ только на время, и только наружно. Въ Поволжьѣ шла тайная работа поборниковъ старообрядчества, а въ Петербургѣ агенты ихъ тайно изслѣдовали почву и мѣстность, на которой расколъ думалъ выступить въ защиту своего, какъ намъ кажется, капитальнаго историческаго заблужденія.

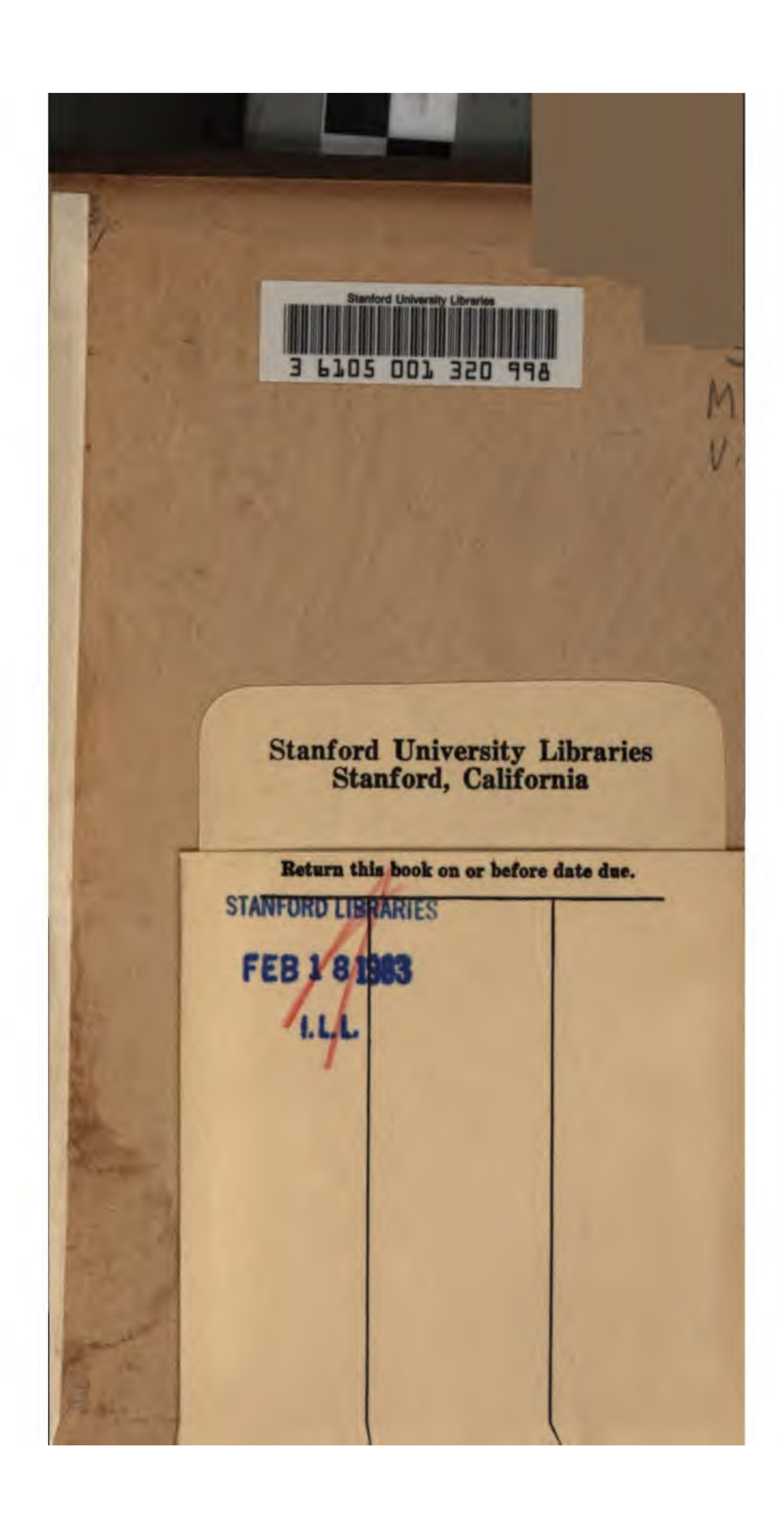
1873.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

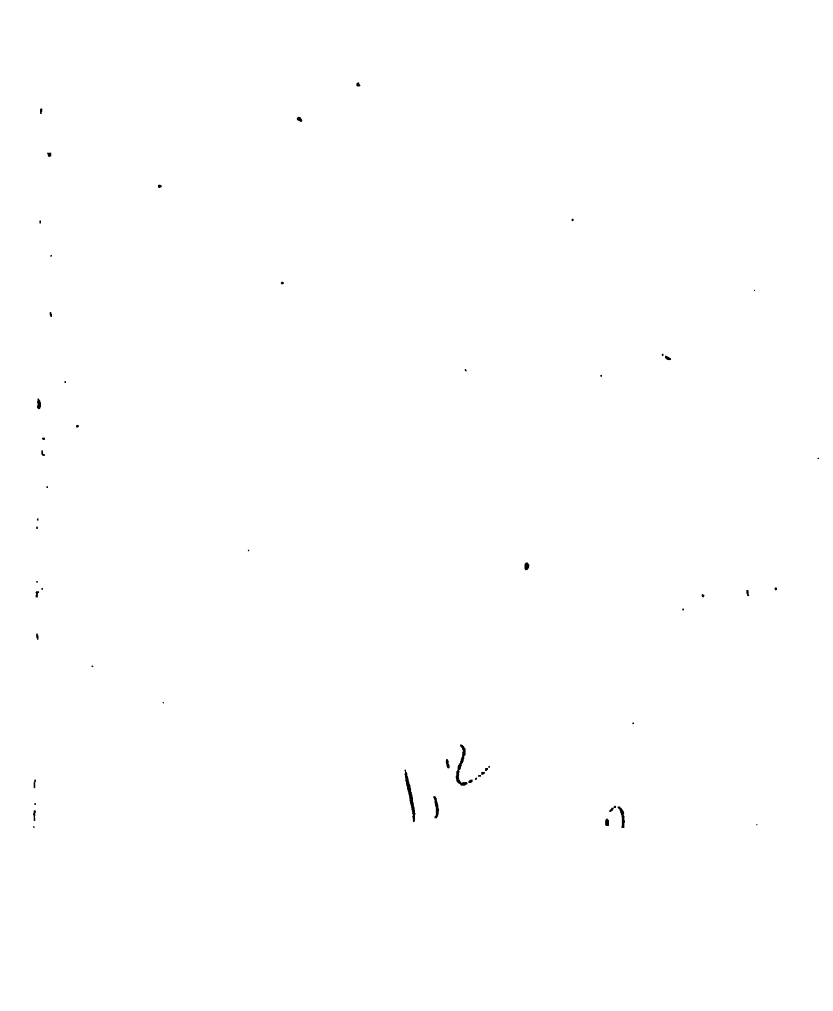

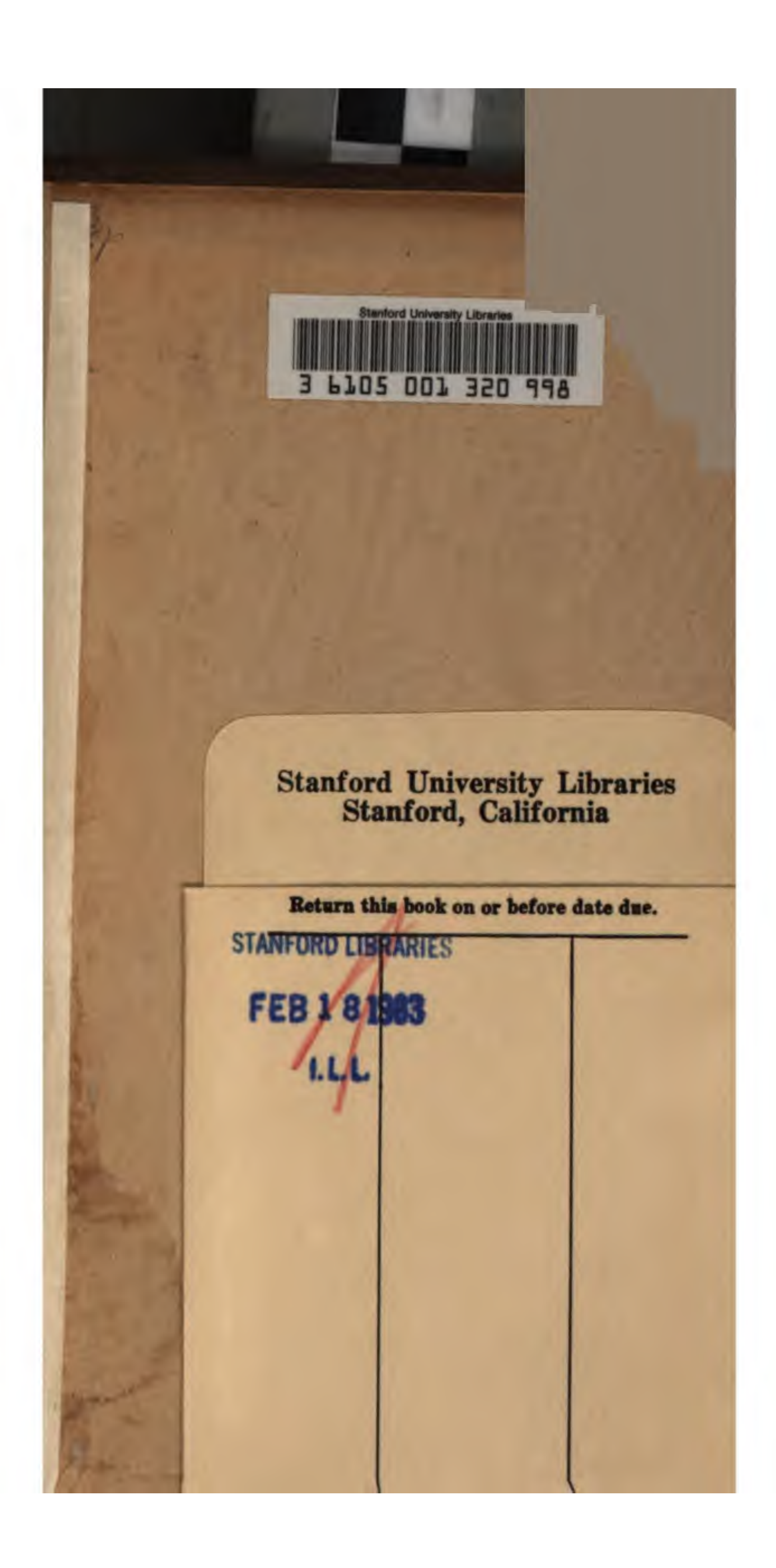

Stanford University Libraries
3 6105 001 320 998
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
STANFORD LIBRARIES
FEB 18 1983
I.L.L.

Stanford University Libraries
3 6105 001 320 998
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
STANFORD LIBRARIES
FEB 1 8 1983
I.L.L.

